РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

EX ORIENTE LUX

*

ХАМИД АД-ДИН АЛЬ-КИРМАНИ

راحة العقل

للداعي احمد حميد
الدين الكرماني

دار الاندلس
بيروت
١٩٨٣

ХАМИД АД-ДИН АЛЬ-КИРМАНИ

•

УСПОКОЕНИЕ РАЗУМА

ПРЕДИСЛОВИЕ,
ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО
И КОММЕНТАРИИ
А.В.СМИРНОВА

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
«ЛАДОМИР»
МОСКВА
1995

Оформление
Д. Б. Шимилиса

Работа выполнена в Центре восточной философии ИФ РАН
при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований

К 4703000000-034 **Без объявления**
593(03)-95

ISBN 5-86218-114-8

© *А. В. Смирнов. Статья, перевод, комментарии, 1995.*
© *Д. Б. Шимилис. Оформление, 1995.*
© *Научно-издательский центр «Ладомир», 1995.*

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без договора с издательством запрещается

ФОРМУЛА СОВЕРШЕНСТВА: ЗАВЕРШЕННОСТЬ КРУГА

Перед читателем — книга, которая еще сто лет назад была доступна лишь узкому кругу избранных и посвященных. К многочисленным открытиям нашего века мы можем по праву отнести и открытие миром исмаилитской философии. Долгие столетия окруженная ореолом тайны, породившей немало фантастических и не всегда дружелюбных легенд, эта едва ли не самая загадочная из исламских шиитских сект лишь в последние десятилетия позволила опубликовать сочинения столпов своей теоретической мысли.

«Успокоение разума» по праву признается наиболее полным и интересным из них с философской точки зрения, а его автору Хамид ад-Дину аль-Кирмани современные исследователи не случайно присвоили почетный титул «шейх исмаилитских философов». Оригинальные решения старых проблем и тонкое следование традициям аристотелизма и неоплатонизма, пафос полемики с оппонентами и уверенная схоластичность изложения учения, вкупе с энциклопедичностью охвата (хотя и разной степени глубины) корпуса современных автору знаний, создают особый колорит этой книги. Понимание универсального совершенства как заполненности всех возможных уровней иерархической структуры бытия было характерно для мыслителей арабского (и не только арабского) средневековья. Осуществление всех взаимоподчиненных циклов развития, образующих вкупе один мировой цикл,— особая исмаилитская формула достижения вечного совершенства. Цикличность развития не означает здесь «возвращения на круги своя», и старая идея совершенства круга получает особое прочтение, наделяющее цикл иерархичностью абсолютного прогресса.

* * *

Различение внешнего и внутреннего, явного и скрытого, столь характерное для средневекового сознания, как нельзя лучше под-

ходит и для описания истории исмаилитов. Внешняя канва событий, очерчивающая траекторию их эволюции, давно и хорошо известна; внутренние, в том числе и идейные, пружины их деятельности долгое время оставались в тени.

Возникновение и оформление исмаилитов (как и многих других шиитских группировок) в качестве особой «группы» (*фирка*, или *та'ифа*) было связано с вопросом о наследовании власти. Эпоним исмаилитов — старший сын имама Джафара ас-Садыка (умер в 765/766 году) Исмаил бен Джафар, к которому должен был по праву его первородства перейти пост имама. Однако Исмаил умер еще при жизни своего отца. В связи с этим, считают исмаилиты, пост имама должен был быть передан его сыну Мухаммеду. При этом они основываются на шиитской традиции прямого наследования имамата от отца к сыну, исключающей переход данного поста к брату [1]. С этим, однако, оказалось несогласно большинство шиитов, признавших законность перехода поста имама к младшему брату Исмаила — Мусе аль-Казыму [2], поскольку, как они утверждают, сам Исмаил отличался неблаговидным поведением и смерть его лишь принесла облегчение отцу. Группа шиитов, сохранивших верность Исмаилу и не признавших имамом его младшего брата, стала именоваться исмаилитами. Начиная от сына Исмаила — Мухаммеда, они ведут отсчет ветви «скрытых имамов», во имя восстановления реальной власти которых и разворачивалась их борьба.

С самого начала проникнутая пафосом «восстановления попранной справедливости», эта борьба на протяжении веков принесла ряд впечатляющих побед. Трижды — в Йемене, Магрибе и Египте — исмаилитам удавалось организовать и утвердить собственное государство. Правление династии Фатимидов в Египте (X—XII века) было наиболее долгим и ярким периодом политического и духовного триумфа исмаилитов, и это время составляет одну из ярчайших страниц культурного расцвета Египта мусульманской эпохи. «Дом мудрости», основанный имамом аль-Хакимом в 1005 году и обычно упоминаемый историками в качестве символа эпохи, славился богатейшей библиотекой, а многочисленными архитектурными памятниками фатимидского периода до сих пор любуются туристы в Каире.

[1] Эта концепция возводится исмаилитами к кораническому аяту «И он оставил это как слово нерушимое в потомстве своем» (43:28), где речь идет об Аврааме; «слово», оставленное им, истолковывается как имамат.

[2] Приверженцы этой линии насчитывают (начиная от Али) 12 имамов, последний из которых, Мухаммед бен аль-Хасан аль-Аскари, исчез при таинственных обстоятельствах в 873/874 г. Шииты, признающие эту линию имамата, называются «двунадесятниками» (*исна 'ашарийя* — по числу имамов до «скрывшегося») или «мусавитами» (по имени Мусы аль-Казыма). Двунадесятники верят, что последний, «скрывшийся» имам («ожидаемый махди») вернется в мир незадолго до Дня Воскресения в полном блеске своей мощи, чтобы победить зло, покарать врагов своих приверженцев и восстановить справедливость.

Впрочем, далеко не всегда судьба была столь благосклонна к исмаилитам. Относительно редкие моменты побед чередовались с гораздо более продолжительными периодами, когда им приходилось скрываться от суровых преследований властей и в глубокой тайне кропотливо готовить очередные выступления. Когда соотношение сил менялось и исмаилиты из властителей превращались в преследуемых, их награждали самыми уничтожающими ярлыками, начиная от «ассасинов» и кончая «еретиками» и «безбожниками». Нетрудно представить себе, что означали подобные обвинения в средневековом обществе, пусть даже веротерпимом,— право «чужого» на исповедание иной религии признавать всегда легче, чем право «своего» на особое толкование принципов собственной. Поэтому исмаилиты широко применяли принцип сокрытия своих взглядов (*такийя*), и даже ближайшее окружение того или иного члена общины могло не догадываться об истинном положении дел. Наверное, история знает не так уж много примеров, когда в столь неблагоприятных условиях широкое политическое и идейное течение сохранило бы свою идентичность, свою роль и значение на протяжении более чем десяти веков, ведь и в наши дни исмаилиты пользуются влиянием, далеко выходящим за рамки того, что принято называть «исламским миром».

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что яркая нить внешней истории исмаилитов, в которой, признаем это, даже периоды неудач самой своей длительностью свидетельствуют о жизнестойкости этого течения, не могла бы быть соткана на протяжении веков, если бы не ее внутреняя, тщательно укрытая от посторонних глаз основа — система тайной исмаилитской «пропаганды» [1]. Созданная, как утверждают исмаилитские источники, самим Исмаилом (даже если это преувеличение, его сын уже, во всяком случае, обладал широкой тайной сетью доверенных лиц), ее организационная структура отличалась четкой иерархично-

[1] По-арабски — *да'ва*, букв.: «призыв». Производное от этого слова — *да'ин*, букв.: «призыватель»,— проповедник, несущий людям религиозную весть. Это общеисламский, а не собственно исмаилитский термин. «Призывателем» к Богу назван в Коране Мухаммед (33:46; см. также 20:108, 46:31—32). Словом «призыв» (*да'ва*) обозначали свою деятельность многие выдающиеся авторитеты ислама.

стью, жесткой дисциплиной и детально продуманной конспиративностью. С течением веков она претерпевала определенные изменения, а в наше время исчезла вовсе, уступив место обычной структуре социально-экономического управления общиной. Однако в средние века эта мощная организация выполняла прежде всего религиозно-идеологическую и политическую функции. В источниках можно обнаружить описание разных вариантов структуры исмаилитской пропаганды, что объясняется, по-видимому, реальными различиями, возникшими в ходе исторической эволюции, а также «подгонкой» под конкретную систему символических соответствий (числовых, астрологических и т. п.), которую избирал автор. Один из таких вариантов приводит, в частности, и Хамид ад-Дин аль-Кирмани в гл. IV, п. 6 «Успокоения разума».

При всех отличиях, однако, можно выделить следующие неизменные принципы. Символическим главой иерархии проповедников считается «глаголящий» *(нāṭыḳ)* — пророк, наделенный «глаголом», неотъемлемым признаком разумности, изрекший божественную весть и принесший свой Закон. Обычно одновременно с ним и при нем разворачивается деятельность «заветника» *(вaṣыйй*; этот ранг именуется также *'асāс* — «основа», «исток») — человека, призванного осуществить заветы глаголящего и стать истоком и основой распространения его вести. В каждый исторический период, считают исмаилиты, начало их «призыву» кладут соответствующие «глаголящий» и «исток».

Эти два ранга, как явствует из самой их сути, бывают заняты не постоянно, а только в отдельные периоды, поэтому в некоторых иерархических схемах они могут не упоминаться. Реально высшим в постоянно действующей иерархии оказывается следующий ранг — *имам*. Это полноправный глава и распорядитель исмаилитской общины, решения которого по всем вопросам выполняются беспрекословно. Он являет собой тот центр жизни общины, к которому ведут «врата» *(бāб)* — ранг, занимаемый непосредственными приближенными имама, облеченными значительной властью. Далее следует ранг *худджи* (букв.: «аргумент», «доказательство») — интеллектуального авторитета в вопросах исмаилитского учения.

За этими высшими рангами, которые в общем и целом неизменно присутствуют во всех основных схемах исмаилитской иерархии, расположены ранги «проповедников» *(дā'ин*, мн. ч. *ду'āт)*, число и названия которых варьируются. Низшим обычно является ранг проповедника, «примыкающего» *(мукāсир)* к неисмаилитской

массе и занятого непосредственной пропагандой учения и вербовкой сторонников. Иногда в качестве низшего упоминают «откликнувшегося» *(мустаджīб)* — нового члена общины, только вступившего в ее ряды и принесшего клятву верности.

Ранги иерархии делят исмаилитский социум на четко разграниченные уровни, которые различаются степенью знакомства занимающих их членов общины с эзотерическими сторонами доктрины, а также соотношением прав и обязанностей, характерным для каждого уровня. Поэтому родовым названием рангов иерархии служит термин «граница» *(ḥадд*, мн. ч. *ḥудӯд)*: эти ранги «отграничивают» один уровень от другого. Аналогично «границами» именуются и уровни иерархии в метафизическом мире.

Своеобразные средневековые инструкции для исмаилитских проповедников предписывали им, ничем не выделяясь из среды «обычных» мусульман и постепенно завоевывая авторитет своими знаниями и благонравием, вести медленный и скрупулезный подбор тех, кто мог бы откликнуться на их «призыв». Тщательная конспирация требовала открывать неофитам истину постепенно, строго дозируя их знакомство с исмаилитскими учениями и иерархами в соответствии с «готовностью» адептов. Более того, нижестоящие иерархи сами, видимо, обычно знали только одного из вышестоящих — своего непосредственного «начальника», тогда как другие лица составляли для них такую же тайну, как и для прочих мусульман. Степень знакомства с исмаилитской доктриной также зависела от занимаемого ранга; в том объеме, как она изложена в «Успокоении разума», ее знали немногие.

Поскольку «врата» обычно находились при имаме, высшими иерархами на местах фактически оказывались «худджи». Они и направляли деятельность исмаилитов в подчас весьма отдаленных уголках мира, а показателем их успеха служило число новообращенных, особенно среди высокопоставленных лиц. Все известные в то время обитаемые земли были поделены на двенадцать «областей» *(джазā'ир)*. В этом делении, несомненно, отразился символизм дюжины, опираясь на который исмаилитские теоретики устанавливали отношение подобия между принципиальными структурами Универсума: макромиром, религиозной общиной и человеком. Как в макромире мы находим 12 созвездий Зодиака, управляющих судьбами людей, как в теле человека имеется 12 «выходов и отверстий», связывающих его с внешним миром, так же и территории, куда должен быть принесен религиозный призыв, распадаются на 12 областей: земли арабов, турок, варваров, чернокожих, абиссинцев, хазаров, китайцев, персов, ромейцев, земли

Инда и Синда и, наконец, земли славян [1]. Во всех этих землях (по крайней мере, так считалось теоретически) исмаилитские проповедники постоянно занимались пропагандой своего учения.

Одним из таких проповедников был и Хамид ад-Дин аль-Кирмани. Он занимал весьма высокий ранг худджи в «обоих Ираках» (т. е. Ираке и Персии), а его жизнь и деятельность пришлась на период укрепления и расцвета фатимидского халифата, частично совпав со временем правления имама аль-Хакима. Как ни парадоксально, этим почти исчерпываются биографические данные, которыми мы располагаем о замечательном мыслителе. Даты его рождения и смерти неизвестны; можно лишь с уверенностью сказать, что скончался он после 1020 года. Завеса тайны, окутывавшая высокопоставленных исмаилитских деятелей, почти полностью скрыла от нас и фигуру аль-Кирмани. По-видимому, он был персом и происходил из иранского города Кирман. Его сочинения рисуют нам недюжинного теоретика, прекрасного систематизатора, тонкого философа, точно ведущего нить рассуждений и чувствительного к малейшим нюансам мысли. Уничтожающие характеристики, которые он раздает идейным противникам, открывают нам уверенного оратора и полемиста. Пожалуй, владение высоким искусством опровержения доводов оппонентов было скорее правилом, чем исключением в среде исмаилитских теоретиков. Но аль-Кирмани выпал случай применить это оружие не во внешних баталиях, а в борьбе внутри самой исмаилитской общины. Именно в его время возникла знаменитая «ересь», возглавленная ад-Дарази и положившая начало тому течению, которое привело к формированию современных друзов. Для борьбы с этой ересью, состоявшей в обожествлении правящего в то время имама аль-Хакима, аль-Кирмани был вызван в Каир в 1017 году в качестве одного из основных авторитетов в вопросах доктрины. Его «Наставляющий» трактат *(ар-Рисāля аль-вāʻиза)* написан специально по этому поводу с целью опровергнуть теоретиков ересиарха и доказать, что имам, сколь ни велико его значение в исмаилитской иерархии, не более чем «раб Божий».

Перу аль-Кирмани принадлежит немало подобных трактатов. Среди них и полемические, и посвященные характерному исмаилитскому «больному вопросу» догматики — вопросу об имамате, и разрабатывающие те или иные философские проблемы. Однако в полной мере его взгляды нашли отражение в «Успокоении разума». Это произведение является итогом всей творческой деятельности автора,— во всяком случае, дата его создания, которую упоминает сам аль-Кирмани (гл. I, п. 2) — 411 год хиджры, или 1020/21 год н. э.,— последняя из достоверно известных нам хронологических вех его жизни.

[1] Такое деление фигурирует наиболее часто, хотя это и не единственный вариант разделения обитаемой земли на «области».

Название труда весьма информативно, а структура его символична. Цель книги — прояснить и предуказать путь, который предстоит пройти несовершенному человеческому разуму, дабы достичь того же совершенства, что отличает первоначало сущего — Первый Разум и проявляется в вечном «блаженстве и успокоении» *(рāḥа)*. Необходимое для этого знание собрано воедино в данном сочинении, которое автор уподобляет совершенному граду. Внутреннее деление его обеспечивается «стенами» *(сӯр)*, в которых пробиты «проходы» *(машраʻ)*; наиболее удачно передающими эти образы мне показались понятия «квартал» и «улица».

Символизм семеричного деления (семь «кварталов» града знания) более чем традиционен: семь дней недели, семь небес, семь планет, семь «климатических зон» земли, семь «составных частей» человека (волосы, кожа, мясо, кровь, кости, жилы, мозг), семь головных отверстий; наконец, собственно исмаилитская параллель с семью «большими циклами» человеческой истории (от Адама до Судного дня) и их семью «предержателями», «глаголящими», которые их открывают. Это Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед, а также будущий иерарх, которому предстоит прийти в мир в конце времен, дабы обуздать зло и вознаградить справедливость, предварив тем самым День Воскресения. Этот иерарх, «воздвиженный» из исмаилитской среды, возвышается над людьми подобно могущественной скале и столь же неприступен. Он «воздвижен» и в другом смысле: в смысле законченности и совершенства, исключающих какой-либо изъян в его «строении». Поэтому словом «воздвиженный» в моем переводе передан термин *аль-ḳāʼим*, которым по-арабски обозначается эта центральная фигура исмаилитской иерархии.

Каждый «квартал» книги, в свою очередь, разбивается на семь частей — в соответствии как с количеством «малых небес», расположенных между большими небесными сферами, так и, что, видимо, не менее важно, с числом имамов в каждом из больших исторических циклов. Кроме того, исмаилиты считают, что «воздвиженный» явится в мир после правления 56 имамов последнего цикла, в связи с чем общее число «улиц» книги составляет именно 56.

Однако вряд ли было бы правильным видеть в этом символизме не более чем банальное знаковое соответствие. Он призван

служить отражением, а также и выражением той глубокой истины мироустроения, которую без преувеличения можно назвать фундаментальной образующей картины Универсума, предстающей нашему взору в «Успокоении разума». Эта истина заключается в совершенном балансе *(тавāзун)* и изоморфности *(мушāкаля)* абсолютно иерархизированных структур, вкупе составляющих сотворенный мир. Их взаимное соответствие и образует вселенскую гармонию, воплощая ту высшую премудрость, которая лежит в основании их создания, и свидетельствуя о непревзойденном совершенстве нашего мира, лучше которого ничто не может быть.

Принцип гармоничной иерархичности, пронизывающий мироздание, может быть прослежен на разных уровнях. Иными словами, выделение сбалансированных структур и подструктур зависит, помимо всего прочего, и от «зоркости взгляда» теоретика, и от того, что именно служит объектом его внимания. Познакомившись, даже поверхностно, с «Успокоением разума», легко убедиться, сколь изощренным подчас бывает такое вычленение. Не будем пытаться повторить здесь все повороты мысли аль-Кирмани, лишая читателя радости первого знакомства с этими оригинальными построениями; скажем лишь самое необходимое.

Таких основных структур можно выделить во всяком случае четыре: метафизический мир, «религиозная община» [1], физический мир, человек. Принципиально важно, что любая из этих структур позволяет узнать любую другую, если известны особые межструктурные «правила перевода», поскольку место, функции и сущность элементов каждой из находящихся в отношении подобия структур идентичны (естественно, с поправкой на упомянутый перевод).

Именно на это опирается тот метод познания, который сам Хамид ад-Дин аль-Кирмани выделяет в качестве оригинального достояния исмаилитских теоретиков (см. гл. IV, п. 5). Поскольку наиболее известна и явлена нам во всех деталях структура «религиозной общины», то именно по ней мы и узнаем все, что неизвестно нам в Универсуме. Этот метод именуется «уравновешиванием» *(мувāзана)* и «нахождением соответствия» *(мутāбаḳа)*. Структура исмаилитской общины находится в гармоничном соответствии со

[1] Под «религиозной общиной», или «общиной истинной веры», аль-Кирмани понимает собственно исмаилитский социум. К сильным сторонам теории и практики исмаилизма трудно отнести идейную, а то и политическую терпимость к инакомыслию (в чем это течение являет резкий контраст, скажем, суфизму): все прочие религиозные направления обычно квалифицируются как «неверие» и «бесовство».

всеми структурами Универсума (это, повторим, постулируемая предпосылка построения философской системы, а не искомый вывод), поэтому из знания о ней мы можем вывести любое необходимое знание,— хотя, скажем сразу, автор «Успокоения разума» оставляет нас в неведении относительно самого интересного — тех правил структурного перевода, которые дали бы возможность показать, *как именно* наполняется смыслом *неизвестная* нам структура, «уравновешивающая» известную. В этом, пожалуй, состоит коренной порок всех попыток построения знания методом структурных соответствий: они всегда смотрят назад, а не вперед, находя гармонию *a posteriori*, но начисто лишены способности предвидеть новое.

Этот недостаток, однако, превращается в своеобразное преимущество, если автор стремится к охвату и глобальной систематизации имеющегося знания, исходя из того, что оно принципиально полно и не будет существенно прирастать,— а именно эта посылка и определила, кажется, особый настрой «Успокоения разума». Вряд ли стоит в кратком введении пытаться отразить все аспекты рассуждений аль-Кирмани, соткавших нить его произведения. «Успокоение разума» и его автор заслуживают отдельного серьезного исследования, которое, будем надеяться, не слишком замедлит появиться. Здесь имеет смысл остановиться разве что на некоторых нюансах, вызывающих особый интерес. Как всякого оригинального мыслителя, Хамид ад-Дина аль-Кирмани отличает свой угол зрения и своя акцентировка даже традиционных проблем,— об этом и пойдет дальше речь.

Давно замечено, что понятие развития и прогресса как абсолютного движения становится возможным благодаря сформированному аврамическими религиями мировоззрению, которое, размыкая круг вечного пространственно-временного повторения, превращает его в конечный отрезок. Этот отрезок истории человечества, начало которому положено сотворением Адама, а конец ознаменован грядущим Судным днем, достаточно краток, хронологически маркирован (мы можем указать на нем отдельные даты) и потому обозрим в своей целостности. Благодаря понятиям *начала* и *конца* истории возникает и вопрос о ее *смысле*. Для чего человечеству предназначено пройти полный страданий путь, и только ли индивидуальным счастьем и блаженством ограничивается воздаяние, исчерпывающее в День Воскресения смысл истории для отдельного человека?

Вероятно, этот вопрос в немалой степени определил направленность мысли аль-Кирмани. Ответ на него предуказан в начале

книги, и все ее многосложные построения раскрывают и обосновывают его.

Начальное и конечное, первое и последнее, высшее и низшее... Этот ряд абсолютных противоположностей нетрудно продолжить. Добавим к нему хотя бы противопоставление «явного» *(ẓāхир)* и «скрытого » *(бāṭын)*, которое, вообще достаточно характерное для средневековой мысли, достигает в исмаилизме особой напряженности. Противостоят друг другу «знание явного» и «знание скрытого»: явный для всех мир и каждая его часть открывают знающему (владеющему приемами толкования) свой скрытый смысл. Противостоят друг другу «явное поклонение» *(ʿибāда ẓāхира)*, или «поклонение деянием» *(ʿибāда би-ль-ʿамаль)*, и «скрытое поклонение» *(ʿибāда бāṭына)*, или «поклонение знанием» *(ʿибāда би-ль-ʿильм)*; первое представляет собой неукоснительное исполнение всех религиозных обрядов, второе — приобретение истинного знания о мире. Универсум легко систематизируется сеткой понятий, сотканной из противоположных категорий. Однако противоположение, сколь бы резко оно ни звучало у аль-Кирмани и сколь самодовлеющими ни выглядели бы подчас противопоставляемые противоположности, отнюдь не превращается в дуализм.

Мы привыкли считать, что круг и отрезок являют собой во многом противоположные образы. Первый иллюстрирует бесконечность и совершенство, второй — упорядоченность конечного и его иерархию. На окружности все точки неотличимы одна от другой — на отрезке каждая обладает уникальным положением. Аль-Кирмани показывает, что это противопоставление не абсолютно. Отрезок, замкнутый в круг,— такова его формула совершенства. Здесь начало и конец встречаются, не сливаясь, совпадают, не исчезая друг в друге, и отрезок, превратившись тем самым в круг, не перестает быть отрезком прямой. Этот образ применим к различным уровням бытия. Совершенство как завершенность и законченность *(тамāм, тамāмийя)*, достигаемые благодаря замкнутой на себя иерархии,— таково его содержание. Если обычная иерархическая структура имеет вид пирамиды, в которой основание максимально удалено от вершины, то в нашем случае полюса иерархии встречаются, переставая тем самым быть противоположными и приводя кажущийся дуализм к действительному монизму.

Таков великий цикл человеческой истории, которая завершится тем, что души праведников, слившись воедино, образуют в метафизическом мире особую сущность — полное подобие Первого Разума. Первоначалу и первому сущему окажется таким образом подобной последняя сущность в цепи сотворенных и претерпевающих превращения, несовершенных существ, преодолевая тем самым несовершенство, исполняя и завершая иерархию и замыкая отрезок истории в круг. Конечная точка этого круга — «совокупная форма», как выражается аль-Кирмани, образованная праведным человечеством,— столь же совершенна и столь же вечна, как и начальная, но лишь с одним отличием — эти качества приобретены ею после прохождения всего круга иерархии, а не присущи, как первой, изначально. Заметим, что исторический процесс приобретает таким образом важнейшее космическое значение, играя существенную роль в обеспечении полноты всех онтологических структур Универсума. Только с его завершением исполняется и круг бытия, и мироздание обретает устойчивость совершенства и нерушимость вечной гармонии.

Таковы же и меньшие циклы (их число, как уже говорилось, семь), «вложенные» в больший цикл: в каждом из этих циклов «глаголящий» приносит свой Закон, «исток» становится началом семеричной цепи имамов, распространяющих и осуществляющих его, пока последний в данном цикле имам не объявит его завершение в связи с приходом следующего «глаголящего»: начало и конец циклов совпадают. Стоит отметить, что исмаилитские исторические конструкции выдержаны как бы в соответствии с концепцией «золотого века»: чем дальше от начала времен, тем короче и хуже жизнь людей и тем большее влияние приобретает в мире зло. Апогей «разгула бесов» придется на самый последний отрезок истории: «времена» нисходят до своей низшей (иерархически и аксиологически) точки как раз перед тем, как дойти до наивысшей и замкнуть цикл истории.

Понятие иерархического цикла наполняет историю величайшей осмысленностью. Только совокупно человечество способно достичь высшего счастья (хотя каждый и должен приложить сугубо индивидуальные усилия), и только благодаря этому подходит к концу процесс творения, начатый сотворением Первого Разума.

Доминирование идеи кругового свершения объясняет и многие нюансы терминологии аль-Кирмани, и сформировавшую ее образность. Скажем, термин *иҳāṭа* служил (наряду с другими) обозначением процесса познания у многих средневековых арабских философов (это значение в языке сохранилось и поныне), однако частотность его употребления у аль-Кирмани значительно превышает среднюю. И не случайно: это слово означает буквально «объятие», идеально соответствуя модели кругового свершения: совершенно то знание, которое охватывает и обнимает все позна-

ваемое. Даже сам терминологический переход «объятие → познание» в тексте «Успокоения разума» еще столь свеж и гибок, что часто бывает трудно решить, каким из двух русских слов лучше передать арабское *иҳāṭа* — чаще всего релевантны оказываются оба эти значения. «Обнимаемые» (познаваемые) формы сущего запечатлеваются *(таṣаввур)* в душе человека, который тем самым вбирает в себя все познанные («охваченные» и «объятые» его душой) вещи.

Все, что доступно такому «обнимающему познанию», располагается между началом и концом единого бытийно-исторического цикла, или, что то же самое, между первой и второй предельными точками отрезка, этот цикл образовавшего. Благодаря отождествлению круга и отрезка, достигаемому в понятии цикла, отождествляются и понятия «начальный» — «первый», «второй» — «конечный». «Второе», противопоставленное «первому», у аль-Кирмани означает состояние конечного совершенства, достигнутое после прохождения полного иерархически организованного круга превращений от начального состояния, которое, впрочем, также является совершенным — но в своих собственных пределах. Таковы, например, первый и второй предел, первое и второе совершенство, первое и второе воскрешение, первое и второе знание и пр. Наконец, идея кругового совершенства лежит, на мой взгляд, и в основании той универсалистской интенции, которая отличала и до сегодняшнего дня отличает мировоззрение исмаилитских теоретиков: совершенный исмаилитский социум (при таком понимании совершенства) не может не включать в себя все сколько-нибудь значимое в человеческой истории и культуре. Неудивительно поэтому, что исмаилитский «призыв» считается древним как мир, название своей общины исмаилиты возводят к Исмаилу — сыну Авраама, а в число ее приверженцев включают — если для этого есть хоть малейшее теоретическое основание — всех значительных мыслителей, не имевших к исмаилизму реального отношения.

Конечно, сказанное отнюдь не исчерпывает интеллектуального богатства представляемой книги. Вместе с тем идея иерархического кругового совершенства, которое гармонизирует изоморфные структуры мироздания, представляется мне задающей движущий импульс перу автора. Аль-Кирмани разрабатывает ее, опираясь на наследие античной мысли (неоплатонизм и аристотелизм), составившее основу арабского перипатетизма и послужившее «строительным материалом» для теоретиков исмаилизма. Гораздо меньше, в качестве отдельных штрихов присутствуют

мотивы суфизма — там, где речь идет о «смятении» *(ҳайра)* разума, желающего достичь знания о Боге, или «томлении» и «стремлении» сущего друг к другу,— и ишракизма — в образах внезапного «озарения» *(ишрāқ)* души светом знания или уподоблении эманации Первого Разума свету, истекающему от Солнца. Эти заимствования, однако, не более чем элементы оригинальной философской системы, претворившей их в подлинно органическом синтезе.

Литература по исмаилизму относительно невелика. Как уже говорилось, творчество Хамид ад-Дина аль-Кирмани еще не стало объектом пристального изучения. Из произведений арабских и персидских авторов, имеющих близкое или непосредственное отношение к исмаилизму, на русский язык переведено совсем немного: Братья чистоты. Фрагменты из посланий.— Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX—XIV вв. М., 1961; Насир-и Хусрау. Сафар-намэ (Книга путешествия из Персии в Египет и обратно). М.—Л., 1933. Среди исследований по исмаилитской философии и истории: Бертельс А. Е. Насир-и Хосров и исмаилизм. М., 1959; Додихудоев Х. Философия крестьянского бунта. Душанбе, 1987; Закуев А. К. Философия Братьев чистоты. Баку, 1961; Семенова Л. А. Из истории фатимидского Египта. М., 1974; Строева Л. В. Государство исмаилитов в Иране в XI—XIII вв. М., 1978. Читатель, владеющий арабским языком, может ознакомиться с работами современного сирийского исследователя исмаилизма, опубликовавшего немало средневековых исмаилитских рукописей (в том числе и «Успокоение разума»): Галеб М. А'лям аль-исма'илийя (Выдающиеся деятели исмаилизма). Бейрут, 1964; Галеб М. Та'рих ад-да'ва аль-исма'илийя (История исмаилитского призыва). Бейрут, 1979. Среди наиболее значительных работ на западных языках можно выделить следующие: Dodge B. Aspects of the Fatimid Philosophy // Muslim World, 1960, vol. 50, № 3, Hartford; Ivanow W. A Guide to Ismaili Literature. L. 1933; Ivanow W. The Rise of the Fatimids. Ismaili Traditions Concerning the Rise of the Fatimids. Oxf., 1942; Ivanow W. Brief Survey of the Evolution of Ismailism. Leiden, 1952; Ivanow W. Ismaili Literature. A Bibliographical Survey. Tehran, 1963; Kais M. Firro. A History of the Druzes. Leiden, 1992; Lewis B. The Origins of Ismailism. A Study of the Historical Background of the Fatimid Caliphate. Cambridge, 1940; Vaticiotis P. J. The

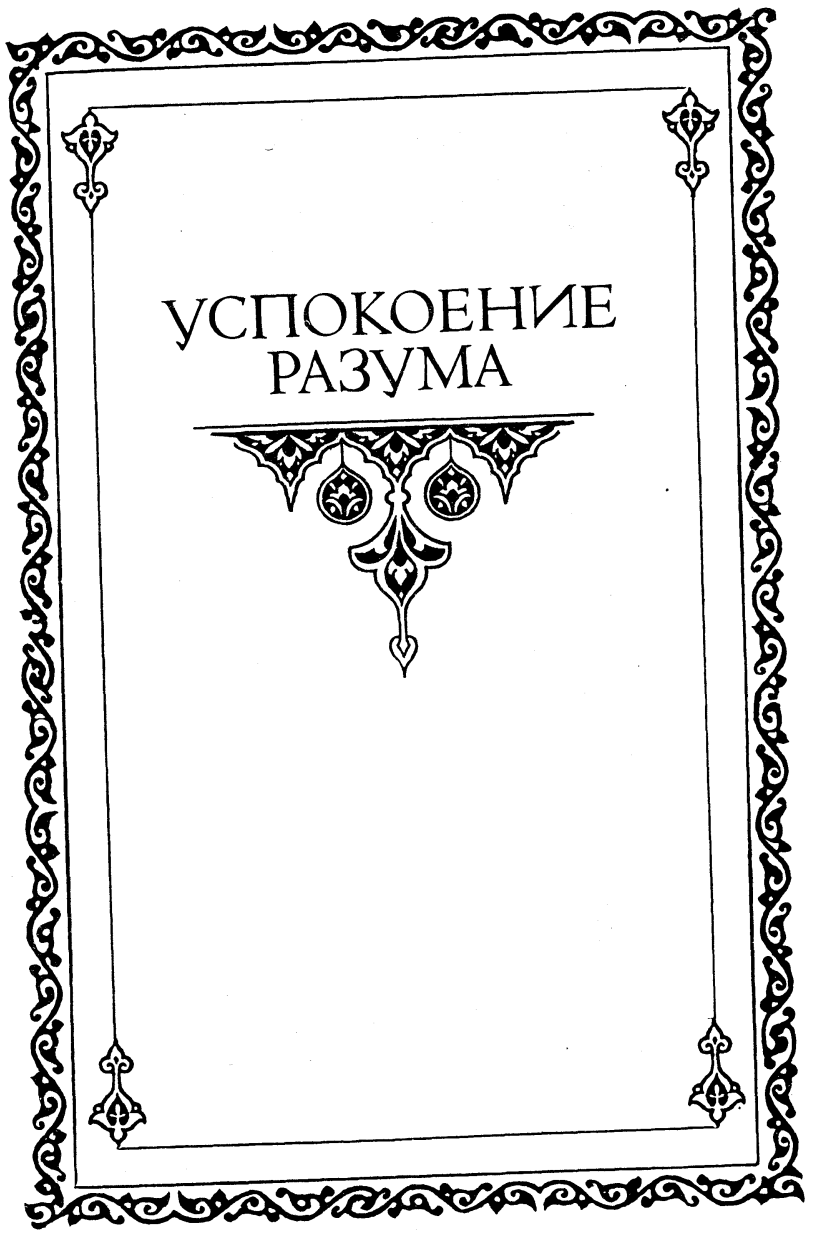
Fatimid Theory of State. Lahore, 1957; Walker P. E. Eternal Cosmos and the Vomb of History: Time in Early Ismaili Thought.— International Journal of Middle East Studies. 1978, vol. 9, № 3. Отдельно отметим два обобщающих исследования, появившихся в последние годы: Daftary F. The Isma'ilis: Their History and Doctrines. Cambridge, 1990; Тамир 'А. Та'рӣх аль-исмā'ӣлийя: ад-да'ва ва-ль-'ақӣда. Лондон — Кипр, 1991.

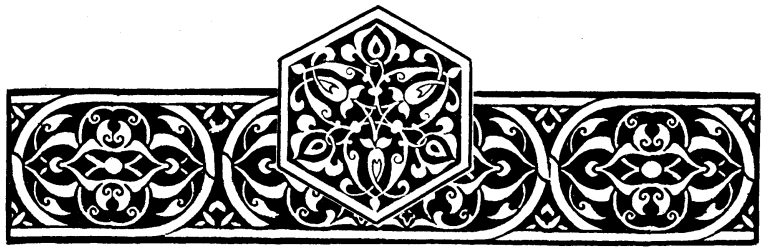
Настоящий перевод выполнен по изданию: аль-Кирмани Хамид ад-Дин. Рахат аль-'акль. Дар аль-андалус. Бейрут, 1983.

* * *

Мне остается лишь исполнить приятный долг и выразить благодарность всем, кто словом и участием сделал возможным появление этой работы. Особая признательность — В. С. Сегалю, моему наставнику и другу, и М. Т. Степанянц, чей добрый совет никогда не запаздывал. Я также рад возможности поблагодарить Е. Н. Колесова и Л. А. Колесову, которые оказали самую существенную и непосредственную помощь в подготовке комментариев к тексту по астрологической тематике.

А. Смирнов





Во имя Бога, Милостивого и Милосердного,
в Коего верую я

Прежде всего: Могуч Благодетель, к Коему устремляются желания, Величествен Вдохновитель, к Коему обращают зов своей души, тот Бог, Коего сущее превозносит, о Его непревзойденности глаголя, Коего вращающиеся сферы восславляют, о блеске мощи Его предупреждая. Пред светом единства Его ниц простираются разумы, пред сиянием мудрости Его сердца́ *(альбāб)* униженно преклоняются. Превыше Он того совершенства, что произведениям Его присуще, и вознесен над полнотой и могуществом, что творению Его иметь пристало. Он скрыт от взоров: Его оность [1] бесподобна; Его не постичь атрибутом: Его оность единична. Ведь Он — лишь Он: нет Ему подобного и равного, нет ни противоположности, ни подобия, нет пары и спутника. О, непревзойденнейшее божество! Разумы не находят атрибута, чтоб описать Его, и в изнеможении отступают, свою немощь признавая и пред величием Его склоняясь. Нет никого, кто, приступив к Его познанию, не был бы захвачен растерянностью; и всякий, великолепие творений Его рассмотрев, желает узнать Его и, с пути сбившись, в потемках блуждает.

Свидетельствую, что нет бога, кроме Него, сотворившего поддерживающую причину *(ʻилля)* и следствие, произведшего сущности *(аʻйāн)* и разумы. Из оных в бытии первенствующих сделал Он причинами *(асбāб)*, а идущим после предписал стяжать совершенство. Между ними луны сияющие и звезды блистающие Он установил; и вот заструились лучи их в мире души, превратив ее в чистый разум там, где связалась она с божественными законами. Пролили

они на них свою благодать, и против них, сущих, устроили из них небо и землю, целый мир, в коем есть суша и море, дни и месяцы, ночь и день, солнца и луны, живые и мертвые, животные и растения, отцы и матери, сыны и дочери, мужчины и женщины, существа и эманации; и вот вознеслись светоносные планеты мира сего, и удалена была с душ влиятельная темень природная: вершин счастья достигли они, в райских садах по своему желанию размещаясь, к блаженству к чертогах Милостивого перейти готовые. За сие чудесное блаженство — да прославим Его, за сию чистейшую благодать — да возблагодарим: не сосчитать благодатные дары Бога, и не старайся. И да вечно благословен и щедро одарен будет солнце общины, паствы избавитель от позора язычества Мухаммед, с призывом коего зажглось светило единобожия, коего мудростью просветились верующие, коего благодать погасила звезды заблуждения, коего силой рассеяны следы язычества, коего наставничество укрепило законы поклонения: с ним занялся рассвет единобожников; а также вершина вершин, сиятельный свет, повелитель правоверных Али бен Аби Талеб, необъятным благочестием коего воссияли лучи поклонения, коему обязал Бог народ его подчиняться после пророка Своего, тому, кто мудростью и славой своей стяжал пальму первенства, деянием и знанием своим став народу вождем и в обиталище Святости предводителем; а также чистые имамы, наставники путеводящие, небесного древа побеги, пророческой лиственницы ветви, знания Божьего пристанища и светы, Святости надежные вместилища, горние жители, населенного дома обитатели, отцы господина нашего, повелителя правоверных; и да одарит Бог господина нашего, имама аль-Хакима, правоверных повелителя, чистейшими благословениями и наилучшими благодеяниями.

А после того: у истины — свои приметы, и у всего — свой строй и порядок; добродетель требуема, а способность добыть ее — даруема; счастье с совершенством неразрывно, а вечная жизнь с исполнением обрядов Закона крепко связана. Высшая из горних ступеней — ступень научающих наставников, а из оных наивысшая — степень знающих добродетельных наставников; и всякой степени знающий в мире религии пользу излучает, и средь друзей Божьих всякая сущая душа ту пользу приемлет; а всех дальше от счастья тот, кто установлениями общины пренебрегает и

законы исповедания нарушает; и всех более потерял тот, кто на ветер дни жизни пустил, ради страстей и капризов своих религию забыв.

Увидев, что из числа шейхов, чье слово громко звучало, призыв широко распространялся, а благодать благодаря их искусным сочинениям и привлечению душ на путь загробной жизни многих обнимала, каждый должное отдал ниспосланному ему средству обретения счастья, отблагодарил за предпосланную благодать научением поклоняющихся и, мудрость равновесия в божественных законах оглашая, способствовал сбиранию душ в загробной обители и единению их вокруг благочестивых имамов, и так прилежен был и трудолюбив в поклонении и наставничестве, и в меру сил своих писанию трудов себя посвятил; увидев также, что за страницами их сочинений осталось много такого, в чем нужду испытывают верующие, поднимаясь к вершинам Царствия, и к чему стремятся добродетельные, когда обнимают знанием Царство величия и мощи, формы сущего запечатлевая *(тасаввур)* и средь оных поддерживающие причины и их следствия истинно постигая *(тахаккук)*; и поскольку в нашем сообществе проповедников (проповедников рода Мухаммеда — да пребудет с ним и с ними благословение Божье!), святостью и послушанием своим к единобожию призывающих, первый последнему всегда помогал, а последний первого поддерживал, дабы совместными усилиями все без изъятия постичь и сообща стать в силах подлунный мир оставить,— счел я нужным изложить, каковы первоначала сущего и ступени его бытия и каковы оного в пророческом произведении [2] доказующие свидетельства, посредством коих, обнимая форму их, поднимается душа к высшему сонму и вкушает то счастье, что в прежних свитках символами означено [3], если верна сотрудничеству в поклонении, совместности усилий в обязательных обрядов исполнении и в делах религии взаимной помощи и поддержке, если должное отдает той милости, что дается благодатью наместника Божьего на земле Его (да благословит его Бог!), благодаря коей душа блаженства полна, на темно-зеленом лугу, где прозрачной влаги источники, где воздух свеж и приятен, средь чернозеничных велеоких дев; [4] если, наконец, благодарна за дар и взыскует награды. И вот, исполнив намеченное, собрал я все это в сей книге и дал название ей «Успокоение разума», ибо квар-

талы и улицы ее содержат всё (а сего ни в книгах не прочтешь, ни в откровенных свитках не найдешь, разве лишь знаки оного и символы), что потребно разуму, чтобы, стяжав святую чистоту, достичь безмятежности (нашим, хочу сказать я, разумам, что в царстве Природы находятся и обладают душами).

Книга сия содержит семь кварталов, а в каждом квартале по семь улиц; а седьмой квартал имеет их четырнадцать, удваивая седмицу, дабы искомое исполнить, на достижение совершенства в жизни вечной уповая. Чтобы книгу сию мне завершить, о поддержке Бога и наместника Его на земле Его прошу, и молю от греха удержать и точность руке моей даровать, хотя в том и не свободны мы от промахов. Лишь Бог дарует силу и мощь.

Квартал первый, содержащий необходимое читателю разъяснение и объясняющий причину, по которой устроены кварталы и их улицы
с семью улицами:

1. О долженствующих пред чтением сей книги очищении души и подготовке ее к принятию и о том, что очищает и подготовляет ее.
2. О долженствующей предосторожности при чтении религиозных книг и об определении настоящей книги.
3. О книгах, которые должно прочитать прежде сей книги, и о том, что следует выбрать в них для вдумчивого размышления.
4. О том, с какой целью устроены кварталы и улицы сей книги.
5. Добрая весть о спасении и блаженстве в обиталище вечности и пребывания для тех почитателей Всевышнего из общины истинной веры, которые читают настоящую книгу как вероисповедную, порядок следования путями поклонения устанавливающую.
6. Извещение о вечных лютых муках (да удалит их от нас Бог!) для тех, кто читает настоящую книгу не как вероисповедную и порядок поклонения устанавливающую, кто не считает необходимым [поклонение] действием и не усердствует в исправлении души.
7. О том, сколь полезно душе для обретения совершенства чтение сей книги, усвоение ее содержания и запечатление формы ее.

Квартал второй. О короне разумов — единобожии, превознесении, восхвалении и прославлении Бога
с семью улицами:

1. О Боге, кроме Которого нет бога, и невозможности Его ничтойности.
2. О том, что Всевышний не может быть никаким «нечто».
3. О том, что Всевышний не постижим ни одним из атрибутов, что Он не тело и не в теле, и не разумеет Его самость разумеющий, и не ощущает Его ощущающий.
4. О том, что Всевышний не есть ни форма, ни материя и что нет у Него (поскольку Он есть Он) ничего наподобие материи, на которую Он воздействовал бы: Он славнее и превыше этого.
5. О том, что у Всевышнего нет ни противоположности, ни подобия.
6. О том, что языки не способны достойно описать Его.
7. О том, что наиправдивейшее выражение единобожия, восхваления, прославления и утверждения состоит в неприписывании Всевышнему находимых в сущем атрибутов.

Квартал третий. О Пере, или о Первом Сущем
с семью улицами:

1. Об утверждении Сотворенного, кое есть Первое Сущее; о том, что бытие его — не от его самости, что оно — поддерживающая причина всего сущего и что оно не есть ни тело, ни сила в теле и не принадлежит телесному миру.
2. О том, что оно происходит от Всевышнего не путем истечения, как то утверждают философы, но сотворено Им, и что постичь способ его существования невозможно.
3. О том, что оно есть воплощенность Творения, воплощенность Сотворенного, воплощенность единства и воплощенность единого и что оно есть Первое Сущее, которому ничто не предшествует и не идет раньше его в бытии.
4. О том, что оно совершенно, что оно беспредельно-

вечное, но не изначально-вечное, что оно остается таким, как сотворено, не испытывая превращений, что оно единственно, не имея подобия, и что уразумевает оно только собственную самость.

5. О чтойности его субстанции, о том, какие атрибуты должны ему принадлежать, что́ в его самости является носителем, а что́ — несомым, и что оно едино в одном смысле и множественно в другом.

6. О том, что его слава, великолепие, красота и самостное ликование неописуемы; что ему невозможно познать Того, Кто вне его, от Коего проистекает его бытие, и что в том — его томление и смятение; что оно — величайшее имя и величайшее поименованное.

7. О том, что оно — двигатель всего движущегося, и о том, как именно оно движет; о том, что оно — поддерживающая причина всего прочего, что оно нуждается для действия своего только в свой самости; и о том, что оно,— самостный разум, разумеющий свою самость и разумеемый своей самостью.

Квартал четвертый. О Пере, Скрижали и верховных первоначалах (кои суть небесные буквы), существующих от Творения, которое есть Первое Сотворенное
с семью улицами:

1. О способе эманации.

2. О первой эманации, коя есть Второй Разум (именуемый в божественном предании Пером); доказательство того, что его бытие — второе, что он столь же совершенен, как и Первый [Разум], что он не есть ни тело́, ни в теле и бытие его не есть первоискомое.

3. О второй, потенциальной Первой Эманации, а именно первоматерии, именуемой в божественном предании Скрижалью, о том, что бытие ее проистекает от Первого Сотворенного не как первоискомое; о том, что она не походит ни на Первое [Сущее], ни на Первую Эманацию и о причине этого; а также о том, что она — корень телесного мира и среди сотворенного сущего — то же, что тройка среди чисел.

4. О том, почему сущее от Первого Сотворенного, или Первого Сущего, неоднородно.

5. О небесных буквах, что в мире Первой Эманации суть верховные первоначала; о числе их, о том, что от каждой из них произошло и как именно.

6. О том, по какой причине произошедшие от Первого Сотворенного и Первой Эманации небесные буквы суть семь Разумов и почему после них прекращается эманация сущего.

7. О том, что бытие сущих, эманировавших из Творения (кое есть Первое Сотворенное),— не временно́е и что все они, за исключением первоматерии, являются чистыми формами, первоматерия же едина, с одной стороны, и множественна, с другой; о том, что они разумеют только самих себя и то, что им предшествует в бытии; что форма их есть форма человека, оную не превышающая; что светы их разлиты в телах и душах, на оные воздействуя, и что с ними связано бытие сущего.

Квартал пятый. О Природе и небесных телах ее, происходящих от верховных первоначал, кои суть небесные буквы
с семью улицами:

1. О чтойности Природы и о том, что она как таковая в телесном мире есть нечто единое по своей субстанции и множественное по воздействиям на свои материи.

2. О том, что у Природы — два предела: предел первый, обнимающий все то, для чего он является поддерживающей причиной: чрез сей предел имеет Природа первое бытие, то есть первое совершенство; и предел второй, обнимаемый всем тем, чего поддерживаемым следствием он является: чрез него имеет она второе бытие, то есть второе совершенство; что Природа располагается между этими двумя пределами; а также о том, каковы те два предела, и где они расположены, и что второй предел как таковой есть центр, вокруг коего движется все движущееся.

3. О том, что Природа обладает знанием и каково оное знание; о том, что в той части своей, которая является ее вторым пределом, она сбирает все добродетели; а также о том, что благодаря своей внутренней взаимной связанности она обладает достаточностью и совершенством.

4. О Троне, или Приближенном Ангеле, или первом

движущемся двигателе как движущем, то есть о форме, движущей свое вместилище, что именуется небесной сферой; о том, почему он и движет, и движется, и о том, что он находится внутри тела и почему именно.

5. О Престоле, или первом движущемся двигателе как движущемся, то есть о высшей сфере; о том, что она есть тело и как тело является движущейся; о следующих за оной небесных телах и числе их; о том, что небесные сферы покоятся как целое и движутся в отдельных частях своих.

6. О телах небесных сфер, особенно же высшей сферы, о том, что тела сии — наипростейшие в царстве Природы, что они лишены изъяна, не погибают и не изменяются во всех своих состояниях и не приемлют никакой иной формы, кроме собственной.

7. О небесных телах, о том, из чего они состоят, каковы их движения и воздействия, кои суть причины бытия природного сущего.

Квартал шестой. О телах земных, получивших бытие от тел небесных, и каковы они
с семью улицами:

1. О первой материи, от которой тела́ суть.

2. О четырех столпах; о том, каковы они, и об их действующих природных формах, о том, как связываются они друг с другом, и какова разница меж ними и телами небесными.

3. О движении четырех столпов, о том, что в центрах своих они не имеют ни тяжести, ни веса и что они суть посредники в постижении душой сенсибельного сущего.

4. О том, что четыре столпа пребывают как самости и количество их неизменно, не возрастает и не убывает, и что они превращаются друг в друга в своих пограничных слоях.

5. О причине, по которой тела имеют плотность, а частицы их множественны.

6. О том, что земля не сферична и по какой причине; о том, что́ в ней заслуживает быть центром объемлющего тела; о том, какова ее фигура; о том, что открытые воздуху части ее находятся в движении, благодаря коему перемещаются морские воды, и каково это движение; и о том, что образуются из нее горные кручи и по какой причине.

7. О том, что вода не объемлет поверхность земли и по какой причине; что в море она прибывает и убывает и по какой причине; и что вода, открытая воздуху, имеет форму человека.

Квартал седьмой. О трех порождениях: минералах, растениях и животных, происходящих от тел небесных и тел земных — огня, воздуха, воды и земли
с четырнадцатью улицами:

1. О той второй материи, от которой происходят порождения, как о смеси.

2. О сущем, образующемся в месте воздуха благодаря влияниям, как о смешанном, и каково оно.

3. О сущих на земле минералах, растениях и животных; сначала о минералах как телах.

4. О минералах как о природной душе; о том, что они обладают воздействием и знанием и каково это знание и каково это воздействие.

5. О растениях как телах и о том, что они сложнее минералов и имеют больше орудий.

6. О растениях как о растительной душе, о том, каково ее бытие, как она связана с телом и какова ее чтойность.

7. О животных как телах, о начале, из коего они появились, о том, что они сложнее растений и более оных имеют орудий и что они суть тот предел сущего, за которым нет никакого сущего.

8. О животном как о чувственной душе и что́ она есть и как она есть; о тех знаниях, которыми она обладает для сохранения своего тела; какова она в своем совершенстве и силе и каково ее первоначало; о том, в чем она совпадает с человеческим видом и чем разнится.

9. О человеческой душе как чувственной; о том, что возникает в ней в ее бытии — первом совершенстве и чем стяжает она свое второе совершенство, и какова поддерживающая причина оного; о том, какую конечную цель она достигает в своих действиях; о том, что́ в ней играет роль материи и что́ — формы; о том, каковы возникающие в ней отпечатки стяжания; о месте ее среди сущего; и о том, что она и едина и множественна.

10. О человеческой душе как глаголящей и какова она на сей ступени; о том, является ли она чувственной душой, повысившей свою степень, или же у человека три души, растительная, чувственная и глаголящая, как то утверждают некоторые; о том, субстанция она или акциденция, и если субстанция, то присущи ли ей те же акциденции, что и телам, или ее акциденции — особые; о том, что́ в ней играет роль материи и что́ — формы.

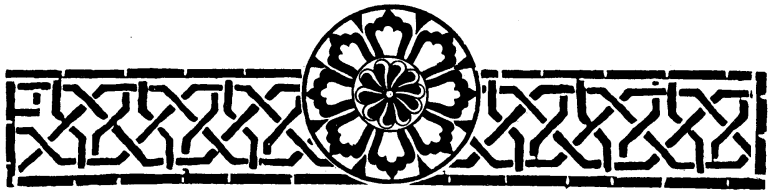
11. О глаголящей душе и о том, каковы ее действия; о том, получают ли сии действия бытие при помощи и с участием тела, или же она может единолично производить действия без своего тела; о том, какова разница между ее действиями и какую конечную цель она в том достигает; о ее первом и втором совершенствах; и о том, как становится она полным пребывающим разумом.

12. О глаголящей душе как пребывающей и в чем того причина, и что́ доставляет ей пребывание и счастье, а что́ — гибель и терзание; о том, приходит ли сие к ней извне, или же от той ее природы, от которой — ее бытие; и о том, что́ есть терзание и что́ — счастье, что́ есть ее смерть и что́ — ее жизнь.

13. О человеческой душе и о том, как после перехода [в мир иной] ей воздастся за стяжание; о том, что такое воскресение, Страшный Суд, награда, наказание, рай и геенна и что́ значат они для души; каковы благочестивые в последнем прибежище своем, о том, что в дольней жизни их души подсказывает, какой будет загробная жизнь ее, и о том, каковы действия их; о том, кто такие лицемеры, отступники, заблудшие и высокомерные спесивцы, от истинного почитания Бога далекие, и каковы действия их, и что ждет их после смерти; получает ли душа награду и наказание, как только переходит [в мир иной], или же остается такой, какова есть, до воскресения; о том, когда воздастся ей и что общего у обитателей рая и геенны до того времени; о том, есть ли она отдельная душа, такая же, как форма ее тела в дольней жизни, или нет; о том, связывается ли душа, покинувшая свое тело, с другим телом, как утверждают сторонники учения о переселении душ, или нет; о том, помнит она о своей дольней жизни или нет; о том, пропадают ее знания или нет; и о том, наделен ли снискавший награду способностью воздействовать на иное, как то могут вне[природные] Разумы, или нет, и каково это воздействие.

14. О человеческой душе как глаголящей, поддержанной небесами; о том, как соединяется она с духом Святости и почему не все души во всякое время бывают поддерживаемы, и по какой причине; о внушенном откровении, коим поддерживаема душа, и каково оно; о том, как соединяется оно с воскрешенными душами и соединяется ли с ними, когда они занимают ступень чувственности или воображения, или души глаголящей, и на что распадается оно; каковы являемые ею чудеса и чем оные отличаются от трюков кудесников, и почему кудесничество доступно пониманию и научению, а названные чудеса нельзя понять и им научиться собственным усилием; о том, каковы сбираемые поддержанной душой добродетели, каковы действия ее и к чему она устремлена; о том, каковы окружающие ее сподвижники, каковы разряды оных и каков разряд замещающего ее в сохранении народа, и что́ дано ему от Всевышнего; о числе циклов и их предержателей, коими свершается новое творение; о разряде предержателя седьмого цикла и действиях его; о том, по чему узнается свершенность циклов; а также о рассуждениях философов в вопросе обретения душой добродетели и несостоятельности оных.

Бог — наше довольство: Он надежный защитник! [5]



КВАРТАЛ ПЕРВЫЙ

содержащий необходимое читателю разъяснение и объясняющий причину, по которой устроены кварталы и их улицы

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О долженствующих пред чтением сей книги очищении души и подготовке ее к принятию и о том, что очищает и подготовляет ее

Мы скажем: поскольку высшее достоинство души заключается в обретении ею второго совершенства, то есть вечного счастья, и пребывания *(бақā')* рядом со Всевышним и Славным Творцом, а сие второе совершенство обретает она двумя путями: во-первых, очистившись от природных пятен и природного мрака, кои суть гнев, притеснение, алчность, немилосердие и прочие присущие ей по природе пороки, дабы, освободившись от сих подлых черт, соответствовать тому, что изливает на нее самость ее, когда она запечатлевает божественные формы, и испытать благотворное действие оных, будучи к ним подготовленной и им соответствуя; а во-вторых, запечатлевая формы божественных знаний, то есть обнимая предшествующие ей в бытии Сотворенные и Эманационные Разумы, а также тела небесные и земные, дабы тем достигнуть границы, где, оного формы запечатлев, стать таким же Разумом, как и ею запечатленные, и ни в чем с последними в сем отношении не разниться; и поскольку первоначально душа еще не очищена и не подготовлена к принятию Божественных благодатей, кои суть разумные формы, доставляющие ей совершенство (подобно металлам, не достигшим ступени своего совершенства, каковая состоит для них в том, чтобы быть золотом, и могущим принять дающую им совершенство выделку лишь при двух условиях: во-первых, когда очистят их от приставшей грязи и подготовят их, расплавляя льющимся на них огнем, дабы размягчились части их и подготовились они принять даваемую им выделку, каковая и поставит их на ступень совершенства; и во-вторых, когда дадут им затем сию выделку, дабы оной соответствовать им и внутри, и снаружи),— следовательно, начинающий *(мурӣд)* должен прежде всего строго блюсти все то, что очищает и подготовляет душу, а затем приступить к запечатлению *(тақаввур)*, дабы, очистив душу свою, подойти к искомому и запечатлеть оное и принять его благодатное воздействие (подобно благодатному воздействию выделки на расплавленное тело), иначе же ничего ему не удастся, как не удастся ученику выделать тело, не расплавив его огнем. Своя дорога легка, а чужая трудна и опасна.

Поскольку сия книга наша те две вещи, коими достигается совершенство и счастье души, сбирает воедино, преподавая божественные науки, что оформляют и чеканят душу и делают ее саморазумеющей *('āқиля ли-зāти-ха)*, так что, познав их, возносится душа над всеми ступенями своими, и поскольку все это бесполезно для души не очистившейся, прежде чем пуститься в путь свой и припасть к живительным источникам, не исправленной упражнением в следовании начертаниям Законов и управления *(сиāса)* [1], души, не прикрытой одеянием поклонения и не знающей границ свидетельствования *(худӯд аш-шахāда)* [2], читатель должен прежде упражнять душу свою, очищая, подготовляя и исправляя ее в делах поклонения, коих обряды сообщены Мухаммедом-Избранником (да благословит и приветствует его Бог!), ведь как огонь расплавляет металлические тела, когда обретают они свое совершенство, так и дела сии способствуют исправлению души, очищению и упражнению ее и оздоровлению субстанции ее. Он также должен прежде оживить ее исполнением религиозных предписаний и законов и подчинить ее власти пророка (да благословит и приветствует его Бог!), главы общины и предводителя пра-

ведных, а также замещающих его имамов (мир им!), дабы приучилась она к Законоустановленному и уподобилась бы страстотерпцу, который не способен совершить желаемое, если то не разрешено; а также должен он свершать поклонение в обоих его видах. Лишь тогда будет книга сия полезна читателю, и только тогда он, читая ее и внимая нашим речам, уподобится пресной воде, в которой сахар, растворяясь, являет вкус свой и улучшает свойства ее, а не воде соленой, в которой сахар только пропадает, ибо соленость побеждает сладость.

А сказали мы, что Законом установленные деяния, то есть поклонение, на душу действуют так же, как огонь на подготовляемые металлические тела, и что они подготовляют ее и оздоровляют субстанцию ее,— так сказали мы, ибо всякое из сих деяний дает душе некую добродетель и отгоняет от нее порок, как то разъяснили мы в нашей книге «Указания наставнику и ученику» [3]. Сии деяния суть семена разума, которые, когда души будут упорны в деяниях тех, сделают те души разумами, а потому истинно разумеющим заслуживает быть лишь тот, кто исполняет их без исключения и неустанно следует их предписаниям, подобно глаголящим *(нуṭаḳā')*, заветникам *(авṣыā')* и имамам. Всякое предписание и всякий закон, когда они соблюдены, являют силу воздействия своего на душу, пренебречь же ими пагубно, ибо в том — зло для души. Ведь в душе, поскольку она — в мире Природы, пороки проявятся скорее, чем запылает подожженная нефть, и ничто не убережет ее, кроме Закона и его установлений. А потому кто придерживается предписанного, упражняя душу свою под сим бременем, тот воистину брат наш; находит он усладу в душе своей, всякий макам по правде занимая. А кто отклоняется от них, исполняя одно и забывая другое или пренебрегая всем, тот вредит лишь самому себе: поступит с ним Бог как должно поступить, а Его расчет — скорый. Пусть же читатель сей книги сам заглянет в душу свою, и да примет он мой совет: я ему добрый советчик; и да сохранит Бог меня и всех верующих.

УЛИЦА ВТОРАЯ

О долженствующей предосторожности при чтении религиозных книг и выборе учителей и об определении настоящей книги

Поскольку в начале бытия своего душа лишена всяких форм и, не имея знаний, кои суть формы сущего, подобна чистому листу белой бумаги, на котором ничто не начертано и нет на нем форм познаваемого, и поскольку Всевышний дал ей учителей, святых угодников Своих из числа пророков, заветников и премудрых имамов (да пребудет с ними благословение Божье!), дабы они высекали на ней знаки единобожия и знания границ Его и, вверяя ей сии формы, приводили бы ее к актуальности и ступени совершенства, и поскольку бесы многочисленны, и все они сочиняли книги соответственно взглядам и потребностям своим, считая себя людьми Божьими, как то передают со слов пророка (да благословит и приветствует его Бог!), что Сатана (да проклянет его Бог!), представляясь людям в наряде ученых, уводит их на ложный путь,— пророк имел в виду перечащих приказанию и законам его и ослушающихся тех, кто его замещает,— постольку верующему рабу Божьему, устремленному к светлому лику Его, надлежит соблюдать осторожность при чтении религиозных книг и выборе учителей веры, дабы читал он речи только тех, кого установил Всевышний научать, и дабы не следовал он за теми учителями, кои не от Бога, Господа миров. Таковые учителя могут навязать ему предводительство, что им не принадлежит, сделать его своим рабом и отвратить от истинного пути, скрыв от него подлинные доказательства единобожия. Ведь никто не имеет права учить кого-либо любым вопросам религии, обрядов поклонения, веры и истинного знания, не имея на то приказания того, кто замещает пророка (да благословит и приветствует его Бог!), а именно имама и к нему примыкающих. Сделав же так, он преступит пределы предписанного и превратится в блуждающего тропами противоречий и отступничества. Тогда никак нельзя внимать его словам, дабы от научения его не запечатлеть бы того, что противоречит Божьей вере и ведет к гибели, ибо от полученного трудно избавиться. Ведь не тронутые религией души приемлют всякое, ибо томятся по всему, что может сделаться

их формой, будь то истина иль ложь: они не противятся принятию, как лист бумаги без сопротивления принимает все, что на нем ни напишут, будь то имя или рассказ, а может быть, и утверждение единобожия и все, что приносит счастье,— в этом между душой и листом бумаги нет различия.

Коль скоро не имеющая познаний душа томится по любой форме знаний, а без разбора алчущие мирских благ бесы и заблудшие столь многочисленны, как мы показали, то стремящийся очистить душу и прочитать что-либо должен соблюдать осторожность и брать в руки книги лишь того сочинителя, о котором хорошо известно, что он следует святым угодникам Божьим, приставленным к наукам, книги лишь таких людей, коих благочестие, религиозность и связь с угодниками Божьими (да благословит их Бог!) ему ведомы. Одним словом, он должен читать лишь такие книги, содержание которых доказывается равновесностью и соответствием творению Всевышнего (что для исповедующих веру есть истинное мерило) и которые утверждают оба поклонения: поклонение действием, в соответствии с начертаниями Закона, и поклонение знанием, чрез знание Божьих границ и знаков религии Его.

Надо ему усвоить при этом, что когда в душе отпечатываются какие-либо знания, то она мнит, что сие и есть правильное и верное, именно то, что следует исповедовать,— и начинает в это верить; в сем душа подобна нагому человеку, который, дабы прикрыть наготу свою, не задумываясь наденет любое платье — поношенное или новое, хорошее или плохое. И вот то, что он услышит, примет и запечатлеет в своей душе, занимает в ней прочное место, и уж другое приемлет она не столь быстро, как приняла первое; если ж первая из принятых ею форм — ложная, то, придерживаясь ее, будет противиться она принятию истинного и погибнет. Также должен читатель постичь, что легче всего ему впасть в заблуждение, если он доверчив к людям и подражает им, не требуя от них всегда и во всем ясного доказательства их прямоты и честности: не следует принимать того, что ведет к забвению предписанного и презрению установлений Всевышнего. Сочинителю же книги надлежит ясно определить отличительные черты ее и то, как она соотносится со всем прочим (о чем мы говорили), дабы не была та книга причислена к подозрительным.

Поскольку в предыдущих наших книгах и трактатах обещали мы порадовать читателя книгой сей, то должны ясно определить, какова она, дабы читатель (который найдет в ней изложенное подкрепленным доказательствами уравновешенности и соответствия, устанавливающими обязательность обоих поклонений: знанием и действием) скорее привязался к ней и бережно берег ее ото всех, кто не принадлежит к числу наших добрых братьев.

Итак, назвали мы книгу сию «Успокоение разума», ибо содержит она то знание, по коему томятся потенциальные разумы, в обретении же оного находят свое отдохновение; книга сия — подать с достояния нашего, полученного чрез благодать наместника Божьего на земле Его (да благословит и приветствует его Бог!), когда поддержал он нас своею силой, каковую подать мы с благодарностью приносим в помощь нашим подлинным братьям. Написана сия книга Хамид ад-Дином Ахмедом бен Абдалла, проповедником в Ираке и к нему прилегающих землях со стороны имама аль-Хакима, повелителя правоверных (да благословит и приветствует его Бог!), о коем письменно свидетельствовали заместители пророка (да благословит и приветствует его Бог!), как мы то показали в наши книгах «Светочи имамата», «Уста благовестящие», «Достоверный трактат» и «Указания наставнику и ученику». Была написана она в 411 году [1] в Ираке, а помимо нее ее автору принадлежат трактаты и книги, приведенные в нашем «Каталоге». Да примет читатель сей книги наставничество со стороны наместника Божьего на земле Его (да благословит и приветствует его Бог!), и да ответствует он исполнением предписанного общине; пусть станет он добрым верующим, и да взойдет солнце веры его неомраченным, да исполнится обет Божий для ему подобных, в сей книге изложенное запечатлевших, и да не отстанет он, и да вспомнит нас призывом и молитвой до того, как присоединится ко всем, ведь он придет к нам; и да потрудится он ради укрепления себя и нас, и да ответствует (а прибывающих ждут всевечно, и лучший запас [2] — благочестие); да соберет нас Бог с имамами благочестивыми в обиталище Святости и да ниспошлет нам и всем верующим во благо обиталища дольнего и обиталища загробного благодать и милость Свою.

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О книгах, которые должно прочитать прежде сей книги, и о том, что следует выбрать в них для вдумчивого размышления

Мы скажем: среди произведенных сущих вещей всякая имеет свой порядок и устроение; а порядок поклонения, приносящего вечное счастье, к которому и призывают имамы (да благословит и приветствует их Бог!), обратен порядку природному, так что первое по природному порядку идет последним по порядку поклонения, и наоборот. Например, Сотворенные и Эманационные Разумы по природному порядку — начальные, а по порядку поклонения — конечные, а сенсибельное сущее по природному порядку — конечное, а по порядку поклонения — начальное. Это потому, что, поскольку бытие души является конечным, то к познанию изначально-сущих она поднимается с конца: сначала познает она то, что близко от нее и рядом с ней, а затем поднимает вверх к первому пределу, пока не охватит разом всё сущее. Если же она нарушит этот порядок следования тропами двух поклонений и поиска двух счастий, тяжело ей будет избавиться от тенет печали и муки; не избежать ей сомнений и колебаний, когда не в состоянии будет она овладеть формами тех вещей, что познаются только после им предшествующих. Например, интеллигибельное, а также не[материальные] формы небесных границ нельзя познать, не познав сначала сенсибельного и границ земных [1] и тем не проложив дорогу к познанию первых,— а кто попробует сделать иначе, получит одни сомнения и колебания. Если ж он сначала познает сенсибельное и земные границы и степени оных, легким и достижимым станет познание за сим стоящего интеллигибельного и небесных границ. Ведь формы сенсибельного скорее запечатлеваются в душе, чем формы интеллигибельного, ибо те (я имею в виду сенсибельные) ей ближе и суть посредники на пути ее восхождения к высшим ступеням познания. Посему начинает душа уразумевать лишь тогда, когда обретет формы сенсибельного, которые ей ближе, нежели интеллигибельное: ведь бытие глаголящей души связано с ей предшествующим бытием души чувственной, а бытие души чувственной — с ей предшествующим бытием души растительной [2].

Коль скоро это так, и формами сенсибельного душа овладевает раньше, хотя в бытии они расположены дальше, и коль скоро это имеет отношение к тем двум поклонениям, что приносят душе спасение и совершенство, а о каждом из них есть написанные людьми книги, то приступать к сей книге следует, лишь прочитав те вероисповедные книги, которые ближе к пониманию и могут служить пролегоменами к тем начальным принципам и конечным положениям, о коих мы ведем здесь речь. К ним относятся Книга Всевышнего, раскрывающая науки, мудрость и формы религии, а также причину, по которой души движутся к своей загробной жизни. Среди книг, повествующих о явном поклонении действием,— «Книга чистоты» кади Нумана бен Мухаммеда, а также «Устои [ислама]» и «Сжатое изложение». Сюда же относятся «Походы», «Разъяснение вестей», «Достохвальное и порицаемое». Среди книг о толковании, охватывающем скрытое поклонение знанием,— «Толкование шариата» со слов владыки имама аль-Муизза ли-Динилляха [3] (да благословит его Бог!), а также книги Джафара бен Мансура аль-Йемена и других шейхов, чья праведность известна,— таких, как Абу Хатим ар-Рази, Мухаммед бен Ахмед ан-Нахшаби, Абу Якуб ас-Саджази [4] (да дарует им Бог высокую ступень в вечном пристанище!). Из наших же сочинений следует прежде сей книги прочитать в первую очередь «Указания наставнику и ученику», затем «Приметы веры», «Светозарное [доказательство] имамата», «Сады» (книга сия выносит суждение относительно спора между шейхами Абу Хатимом ар-Рази и Абу Якубом ас-Саджази, которые разошлись во мнениях в своих сочинениях — первому принадлежит «Исправление», а второму — «Победа»); а из наших трактатов по божественным наукам — «Светоносный трактат», «Луга и сады» [5] и прочие трактаты в том порядке, как они обозначены в нашем «Каталоге».

Овладев всем, что в этих сочинениях изложено, читатель подготовится к пониманию и сей книги, так что не останется в ней ничего для него неясного, а душа его станет как воск, размягченный жаром и готовый принять след от печати. Пусть он всегда держит в поле зрения «Сады» во всем, что связано с настоящей книгой, ибо там изложенное будет ему в помощь и даст силы правильно запечатлеть то, в чем он заблуждался; и пусть не успокаивается он, прочитав их раз, или десять, или двадцать, и даже пятьдесят: содер-

жание той книги должно стать сохраняемой в его душе формой. Затем надлежит ему прочитать наш трактат «Единственный о потустороннем» [6], в котором рассказывается о превознесении *(такдис)*: он превозносит Всевышнего в Его уединенности.

И если будет у читателя добрый товарищ и правдивый друг, то в том ему великая благодать. Пусть сосредоточится он на долженствующих двух поклонениях и ждет ухода [из мира] и присоединения к своим предшественникам, благородным братьям, в вечности обитающим, нас же поминает в призывах и испрашивает нам милосердия по воле Божьей. И пусть поймет он, что пренебречь сими наставлениями и сделать не так, как я сказал,— значит поступить себе же во вред: настоящая книга вкупе с теми подобна противоядию, что дает здоровье и обещает доброе воздаяние, а одна она (без тех книг) подобна яду, что повергает в муки и ведет к гибели. Прими же, читатель, с легкой душой все, что я сказал, и сделай именно так: я тебе добрый советчик. Да ниспошлет Бог (а нет бога кроме Него!) мне и общине верующих благодать; лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, с какой целью устроены кварталы и улицы сей книги

Поскольку цель сей книги — изложить науку единобожия, которая дарует душе вечное пребывание и совершенство и чрез усвоение форм которой обретает она всевечную неизменность *(тасармуд)* и красоту, а сия наука единобожия — из рода таких целокупных вещей, которые обнимают многое и лишь посредством такой целокупности могут иметься в душе, и даже более того — такая целокупность, в которую вливаются вообще все науки, и поскольку мы и нам подобные из числа последователей [1] не имеем возможности сказать о целокупном целокупно, так, чтобы одновременно исчерпывающе указать и на частичное, ибо это — степень того, кто сам по себе является целокупным (подобно глаголящему, что относился к числу целокупного, обнимая земных границ своего цикла, так что дано было ему могущество

над ними, и объединил в одном высказывании всё сущее в его целокупности, сказав: «Нет бога, кроме Бога», каковое речение, если положить его на одну чашу весов,— а так передают о том с его слов — да благословит Бог его и род его! — на другую же — все вещи, то его чаша перетянет, ибо оно указует на ту волю, их [создавшую], что выше их),— постольку нам пришлось здесь пространно говорить о целокупном, раскрывая части его, коими и составляется его целокупность, дабы, исчерпывающе осветив каждую из них, тем обнять и всю целокупность. Так же и человек, когда не в силах целиком нести ношу, переносит ее по частям, а перенеся все, охватит тем самым всю ношу и всю ее целокупно перенесет. Для этой цели и выстроили мы кварталы, которые суть части целого, а в каждом квартале — улицы, которые кварталом объединяются, так, чтобы вкупе они охватывали необходимое познание единобожия, первоначал и конечных целей сущего, и получили как бы соборный град, который, собрав свое содержимое, ни в чем другом нужды не имеет, поскольку любое, что в нем есть, удовлетворяет нужду любого другого.

Лучшее из сочинений — то, что по структуре своей согласуется с сим божественным творением, где течет наша жизнь, с великим устроением его небес и земли, со всеми в нем имеющимися сущими вещами. Вот и мы книгу нашу хотели устроить в соответствии с небесными телами, а потому разбили ее на семь кварталов по числу планет, на телесные порождения влияющих, коим в вероисповедании соответствуют чрез истолкование светочи Божьи, предержатели семи циклов, влияющие на душевные порождения; улиц же в кварталах устроили мы сорок девять по числу всех небесных сфер, малых и больших, приводящих в движение под ними сущие тела, каковым сферам в вероисповедании соответствуют чрез истолкование исполненные границы веры Божьей и имамы, движущие души к поклонению и запечатлению форм,— и сверх того еще семь улиц, дабы стало их число точно равно числу наших сочинений,— ведь все они вместе подобны воздвигнутому миру, являющему соотнесенность и соразмеренность, которые собирают воедино многие души, так что они суть единое, с одной стороны, и множественное, с другой. Мы это показали в трактате «Единственный [о потустороннем]» и в «Ка-

талоге», указав на содержащийся в них родник и его источник — приют откровения.

А нужно все это для того, «чтобы обладатели Книги достигли уверенности, укрепились в вере верующие и исчезли сомнения обладателей Книги и верующих» [2], дабы затем они еще прилежней читали ее, прибегали к ней и действовали по ней, дабы всячески стремились снискать добродетель знанием и действием, уверенные в уготованной им высокой близости к Милосердному Господу, зная, что предшествовавшие им братья с радостью ожидают их прибытия. Ведь душа, поднимаясь к ступени совершенства чрез поклонение Господу своему знанием и действием, ищет вечного пребывания в благости, усладе и покое, пребывание же обретает она, привязавшись к пребывающему и оборонившись вечным, каковое и сохраняет ее бытие; а привязывается она, когда обнимает все степени сущего, запечатлевая его формы [3]. Такой всеохват приносит душе пребывание и покой, когда соединяет она два поклонения воедино, блюдет их и их тропами покидает дольнюю жизнь свою.

Настоящая книга наша содержит все то, что необходимо душе для обретения вечного блаженства и успокоения в загробном мире, для перехода от ступени душ к ступени второго воскрешения [4], которая средь сущего соответствует Разумам царства Творения. Назвали мы ее «Успокоение разума», так пусть же обретет счастье читатель ее, пройдя до конца тот путь, на который мы его направим, и да будет известно ему, что хотим мы ему блага столь же, сколь и себе (а вождь всегда правдив с народом своим). И пусть укрепится он в благочестии, ведь в руках у него великая книга. И как только вознесет молитвы свои и первые слова прославления, пусть и нас одаряет благословением и молится о ниспослании нам милости. Если он воистину брат наш, то пусть примкнет к нам на нашем пути, пути веры и поклонения Всевышнему — и да будет встреча на святой земле, да соберет нас Бог воедино с общиной верующих в обиталище вечности, и да ниспошлет Великий Бог милость мне и им: лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ПЯТАЯ

Добрая весть о спасении и блаженстве в обиталище вечности и пребывания для тех почитателей Всевышнего из общины истинной веры, которые читают настоящую книгу как вероисповедную, порядок следования путями поклонения устанавливающую

Мы скажем: поскольку не может существовать то, бытие чего связано с бытием ему предшествующего, если оное раньше не получит бытия, и поскольку достижение душою совершенства, просветление субстанции ее, обретение вечного пребывания и услады в обиталище Святости чрез истинное запечатление в поклонении знанием форм того, что идет в бытии прежде нее, связано с предсуществованием поклонения действием, которое исправляет самость души, удаляет с нее природные пятна и темень и тем прекращает их действие, и поскольку существование всего изложенного в настоящей книге, того, что приносит душе совершенство, просветление, пребывание и усладу и дает ей укрепиться *(та'акку̣ль)* [1] в прибежище вечных поддерживающих причин, наслаждаясь непреходящим счастьем, что дарует ей вечную форму, связано с предсуществованием поклонения действием,— то читателю нашей книги, коли он воистину брат наш и идет вероисповедным путем, исполняя установленное ему Богом, мы скажем, что он должен прежде укрепить душу свою явным поклонением, то есть действием, очистить ее сим поклонением и приучить ко всем обстоятельствам и условиям его, твердо выполняя все его установления. Он должен отлить душу свою по форме благородных норм Закона, кои суть обряды и церемонии явного поклонения, сделать члены тела своего и силы своей души послушными религиозным предписаниям, поглощенными выполнением законоустановлений, дабы единственной целью и заботой его стало выполнение обязанностей и соблюдение законов, послушание и исполнение, дабы не слетало с языка его ничего, кроме слов правды и благочестия; дабы стремился он только к тому, чтобы посещать мечеть для молитвы и превознесения, черпать доброе и полезное знание, не скупился на добрые дела и святые слова, дабы в плоть и кровь его вошли добродетельные

привычки, обязательные в общине, дабы приобретал он благие черты по велению законов и установлений ее и избегал всего греховного, в пропасть тьмы душу его ввергающего; дабы познал он радость озарения *(ишрāқ)* субстанции и просветления души *(любб)* своей, когда становится он единой формой, в которой распространились добродетели и накрепко к вечным первоначалам ее, им подобную, привязывают.

Тогда исполняется обещание водителя ведомым, тогда, разлучаясь, становится душа чистым разумом, безбрежного простора достигает, вместе с приближенными ангелами над землей царства Творения воспаряет; тогда окажется она на чудесном лугу средь цветов его, в раю познает блаженство, вечную жизнь, непреходящее счастье, святые светы и, сверх услады природной, которой наслаждается чувственная душа, и сверх того, что питает души растительные в утробах матерей, вкусит столько же услады,— только сия услада выше, благороднее, блистательней и тоньше; все это постольку, поскольку заложил он добрые посевы в прошедшие дни и укрепился благочестием в горниле испытаний.

Затем познает он радость вкушения прелестей, блаженства и благодати в Воздвигнутом Граде, где нашли приют туда раньше пришедшие, ему подобные избранные приверженцы пути вероисповедного; а воздвигли его в прошедшие века сами собой и из самих себя пророки, заветники и добродетельные имамы, а также их последователи умелыми руками и точным глазом. В Граде том семь ворот; из каждых ворот дорога ведет ко дворцу, созданному из света; тот дворец необъятен: в нем журчит родник, в нем устроены ложа, уж расставлены кубки, пол устлан коврами, убран мягкими подушками; в нем прохладный сад, в том саду — пальмы и гранат, и виноград, и все Богом сотворенные божественные плоды, дарующие непреходящую усладу. В том дворце — «залы, а над ними — другие» [2], из светов Святости возведенные; здесь пристанище душ: в каждой зале двенадцать лож, в каждой ложе ангелов эманаций не сосчитать, услад же и благостей и ангельских песнопений, дивных мелодий восславлений и гимнов ни взором не охватить, ни единым ухом всех не расслышать, ни представить человеку [3], озаренному солнцем царства Творения и луной эманации. Здесь возрадуется он, встретив радостный прием приближенных эманационных ангелов и душ, очистившихся от мира Природы, а затем возликует, осиянный вместе с ними миром второго воскрешения, обретя счастье вблизи Творца и пророков, под сенью заветников, в обществе добродетельных имамов, вместе с велеокими, чернозеничными на веки вечные и на все времена. Встретив все это, подобен будет человеку, узревшему любимую, достигшему желанного, соединившемуся с возлюбленной, когда проходит по нему дрожь радостного ликования.

Да будет известно это все читателю: сказал я только правду, и все это есть на самом деле. Пусть же выполнит он все условия, прежде чем читать сию книгу, дабы не получил обратное желанному; а я ему — добрый советчик и прошу Великого Бога ниспослать милость мне и ему и общине верующих: лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

Извещение о вечных лютых муках (да удалит их от нас Бог!) для тех, кто читает настоящую книгу не как вероисповедную и порядок поклонения устанавливающую, кто не считает необходимым [поклонение] действием и не усердствует в исправлении души

Ко всему ведет своя дорога; дорога к раю и обретению блаженства есть поклонение. Сие поклонение двояко: поклонение действием и поклонение знанием. Когда вступают на дорогу к раю, то начинают с поклонения действием: оно исправляет душу и упражняет ее в приобретании нравственных добродетелей; а нравственные добродетели подобны материи для добродетелей формальных [1], которые доставляет душе другое поклонение, а именно — поклонение знанием. В настоящей книге изложили мы то, что связано с поклонением знанием; а потому тот, кто приступает к ее чтению не исправив душу свою упражнениями и не отдавшись всецело поклонению, не удалив с нее природных пятен, кто не заботился о религиозном долге и поклонении Господу своему, как говорил о том пророк (да благословит Бог его и его род!), кто не обрел твердую от постоянного повторения привычку к исполнению обетов и предписаний, чьи нравы не улучшены богопочитанием и вероисповедани-

ем, кто не практиковал честность и искренность и к тому же, прочитав книгу сию, не наверстает упущенного покаянием пред Всевышним и исполнением обрядов поклонения, тот, бывши неусердным, превратится в нуждающегося в спасительной помощи, потому как презрел поклонение Господу своему по законам общины истинной веры. Самоуспокоится он, прекратив поклонение и думая, будто знание без действия спасет его, и тем самым погрязнет в неповиновении и смертных грехах. Да будет ему известно: опьяненный этим мнением, познает он тяжкое похмелье и раскаяние и будет во веки вечные исторгать скорбные вопли и плач.

Да будет ему известно, что душа его, постигая сии ясные божественные знаки, приобретает тем самым форму, связующую ее с небесными звездами и вне[природными] Разумами, и чрез это становится вечно пребывающей. И она же, когда прекращает поклонение, не предается исправлению своих нравов посредством Законоустановленного, думая, будто можно пренебречь частью этих обязанностей или всеми ими, в самости своей имеет иную форму, отличную от той, что дало ей постижение божественных знаний. Так становится она обладательницей двух противоположных форм: одной — поскольку запечатлела форму необходимости знания и стала самодостаточной чрез познанное: сия форма схожа с формой ангелов, превозносящих Господа своего; и другой — поскольку запечатлела, что допустимо оставить действие и не испытывать в нем нужды: сия форма схожа с формой скотины и зверья, Господу своему не поклоняющегося. Та форма, которую душа приобретает благодаря познанию границ, сохраняет ее самость и предохраняет от гибели, другая же пребывает в ней, поскольку сама она пребывает.

Такое существование двух форм вызывает муки,— и что за муки! — такие муки, что их познавший желает только одного: от них избавиться. Но избавление медлит: ведь он уж приобщился к благу вечности и бессмертия, перейдя из разряда возможного *(имкан)* в разряд необходимого и вечно-длящегося, и субстанция его терпит страдание темени и мрака. Одна из форм терзаема другой, как если сойдутся вместе два человека: один — добродетельный ученый муж, только знаний ищущий и лишь поклонению предающийся, другой — легкомысленный глупец, у которого на уме одни забавы да игры, и дел у него — лишь плясать да насмешничать. Так вот, сойдутся они в одном месте, где нет им

спасения друг от друга, и каждый для другого — источник печали и забот, и находят они друг в друге только препятствие на пути к тому, чего алчет и страждет душа каждого; тогда каждый хочет бежать от другого и спастись, но это их желание неосуществимо.

Итак, сии две формы повергают душу в бездну тьмы и ужаса; пребывает она в смятении: ни целокупной благой жизнью не живет, ни погибнуть и обрести вечный покой не может, как сказал о том Всевышний: «В ней (геенне.— *А. С.*) ему ни смерть, ни жизнь» [2]. Так несет она в себе лютую муку под солнцем внеприродным, в Граде Царском, святыми светами воздвигнутом за день, что равен пятидесяти тысячам лет [3], вино и молоко, мед и воду содержащем; там терпит она жестокое наказание — на голову ей льют кипяток, пищей же ей служат одни помои; [4] взывает она о помощи, а на помощь придет ей только ей соответствующее. Узнает она и горечь непризнания и упреков со стороны ей же подобных, раньше ее пришедших к Водоему Каусара [5], когда, ее завидев, они скажут: нет, не приветствуем тебя, не приветствуем. Лишь одного она тогда пожелает, чтобы не родиться ей совсем на свет, ибо страдание им причинит приход ее в той форме, пороками преисполненной (ведь забвению предала она установления и приказание Всевышнего), и возрастет мука их, как возрастает жар пламени от лишнего топлива.

Итак, книга сия будет в радость и во благо тем, кто прочтет ее как вероисповедную (о том мы уже говорили), и несчастием станет для тех, кто прочтет ее иначе: есть и благо, есть и зло (да удалит его от нас Бог!); пусть же читатель, сын мира, счастья в нем ищущий, будет начеку. А может случиться, что он не верит в святость чистых имамов и в их пути поклонения Богу, Господу миров,— тогда сия книга принесет ему бессмертие и муку во веки веков. Пусть же прочитавший нашу книгу ревностен будет в поклонении, отвращает душу от Законом запрещенного, пусть, пока возможно, наверстает упущенное, дабы спастись от гибельной пропасти: к чему хочу подвигнуть его, воистину полезно, а от чего предостерегаю на примере ослушавшихся, воистину имеет место, «когда земля, колеблясь, заколеблется, когда горы, рассыпаясь, рассыпятся» [6]. Пусть примет он мой добрый совет,— нами же принят будет лишь тот, кто воистину брат наш; да ниспошлет Бог нам и всем правовер-

ным, грехов сторонящимся, искомое в вере нашей; а Бога Всевышнего молю о помощи и к Нему прибегаю: лишь Всевышний дарует крепость и силу.

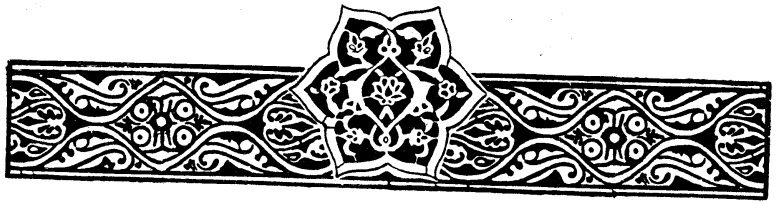
УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О том, сколь полезно душе для обретения совершенства чтение сей книги, усвоение ее содержания и запечатление формы ее

Мы скажем: душа имеет два совершенства. Это, во-первых, самостное бытие и, во-вторых, совершенство той самости по форме. Когда душа запечатлевает форму чего-либо вероисповедного, бывает в том для нее польза: во-первых, польза исправления ее самости, когда приобретает она благонравие и избавляется от природных пятен и тьмы; таковую пользу приносят деяния: закат, например, который, если дают его как то предписано, делает душу щедрой, или джихад (то есть радение в делах поклонения), делающий ее мужественной, или же пост, когда душа приобретает добродетели воздержанности, искренности, благочестия и надежности, а также прочие Законом установленные деяния, усердствуя в коих, приобретает душа многочисленные добродетели, как мы то показали в нашей книге «Указания наставнику и ученику»; и во-вторых, польза от запечатления в ее самости форм и укоренения *(ʻақль)* [1] ее в божественных первоначалах, ей в бытии предшествующих,— такую пользу приносят душе науки. Во всем этом счастье ее и обретение ступени второго совершенства, когда из не-сущей становится она сущей, из смертной — пребывающей, из неживой — живой, из запятнанной — чистой.

Нами в сей книге изложенное принадлежит к роду того, что приносит душе пользу, отпечатывая в ней формы мира Творения *(ибдāʻ)* и истинности *(хақāʼиқ)* сущего, причащая ее к вечно-длящемуся, даруя ей разумное сияние и вечный свет, оберегая ее от превращений и изменений, ибо сие выводит ее из-под господства Природы и доставляет ей форму ангельскую; когда запечатлеет она формы всего этого и охватит все это, обретя актуальное бытие, причастившись вечности, верховному блаженству и первозданной благодати, тогда оказывается в ней все то, что есть в божественных первоначалах сущего, что были произведены первыми. Тогда самость души обнимает сама себя, ведь обнимать все это и означает для нее обнимать собственную самость, ибо самость ее — из той основы *(аṣль)* и той субстанции, которая и есть Творение; однако сие Творение, будучи Первым, не может не быть актуальным, между тем как субстанция души может обрести совершенство (то есть стать актуально сущей), только перейдя из потенции в акт благодаря стяжанию *(иктисāб)*, ибо душа есть конечное сущее и существует она не от той соотнесенности, от которой получили бытие актуальные Разумы. Познав сии Разумы, кои суть небесные буквы [2], душа приобретает их облик *(хайʼа)*: они делают ее такой же, как они. Так же действует и закваска на тесто: тесто в основе своей подобно закваске, будучи также из муки, однако в закваске есть то, чего нет в тесте, и она, в него попав, делает его себе подобным [3]. Есть тому пример и среди металлических сенсибельных вещей: серебро стоит ниже ступени золота, и доводит его до сей ступени (после того как расплавят его жаром, дабы подготовить к принятию) в него добавляемая, от золота взятая, закваска, которая, подобно Божьему творению, делает все золотом. Таково же и то искусство, что нами изложено в трактате «Познание границ и загробной жизни»: разгадать сей символ великий праздник для обладателей того искусства и тех, кто воистину брат наш по проницательности, уму и подвижничеству.

Пусть же читатель сей книги погрузится в размышления, пусть всякое в ней слово пробудит думы его, пусть благодать, в ней содержащаяся, запечатлеет в нем форму свою, дабы сладостными стали для него оба поклонения и практиковал он их должным образом. А нас пусть поминает в молитве всякий раз, как чтение доставит ему новую радость, и да выберет он среди множества дорог верный путь и вольется в общество следующих за имамами из рода Мухаммеда (да благословит его и их Бог!), и да запасется благочестием [4]. Да сделает Бог нас и всех верующих благочестивыми, от страха избавленными и печали не знающими: лишь Всевышний дарует крепость и силу, и веленью Божьему неизбежно сбыться; прибегаю к Нему и на Него полагаюсь: Он о рабах Своих зоркий попечитель.



КВАРТАЛ ВТОРОЙ

О короне разумов — единобожии, превознесении, восхвалении и прославлении Бога

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О Боге, кроме Которого нет бога, и невозможности Его ничтойности

Мы скажем: непреложные законы гласят, что поддерживаемое следствие *(ма'лӯль)* может существовать лишь благодаря своей поддерживающей причине *('илля)*, которая делает его бытие необходимым. С сей причиной его бытие связано, и на нее оно в своем бытии опирается: не будь ее, не было бы и его. Теплота, например, не существует без своей поддерживающей причины, которая делает ее бытие необходимым, с которой ее бытие связано и на которую она в своем бытии опирается; эта причина — движение, и не будь его, не было бы и ее. И движение не существует без своей поддерживающей причины, которая делает его бытие необходимым, с которой его бытие связано и на которую оно в бытии опирается, а именно двигателя, не будь которого, не было бы и его (движения.— *А. С.*). Или составные телесные порождения, которые существуют благодаря первоэлементам *(устукусс)*: с первоэлементами связано бытие их, на них они в своем бытии опираются, и не будь их, и тех бы не было. Или первоэлементы, которых не было бы, не будь тех материи и формы, на бытие которых они опираются в своем бытии. Или материя *(мāдда)* и форма, которых не было бы, не будь тех причин *(асбāб)*, на которые обе они опираются в своем бытии и от бытия которых

и их бытие может происходить, а именно небесных тел и высших форм.

Так вот, поскольку одно из сущего опирается в своем бытии на другое, и поскольку, будь то, на что сие в бытии своем опирается и с чем бытие его связано, неупроченным *(ғайр сāбит)* в бытии или не существующим, то и бытие сего было бы невозможно,— итак, поскольку доказано, что сие существует только благодаря тому, то отсюда вытекает, что Тот, к Кому восходит все сущее, существующее благодаря Ему, от Него и опираясь на Него, есть Бог (кроме Которого нет бога), Чья ничтойность *(лайсийя)* невозможна и отрицание оности Которого ложно: если бы Он был ничем *(лайс)*, то и все сущее было бы ничем, а поскольку сущее есть, то и Его ничтойность невозможна.

Кроме того, поскольку противоположностям свойственно существовать только посредством утраты противоположного им, а сущее противоположно и его сущности различны и несовместимы, но оно со всеми своими противоположностями существует (так что ничто не утрачивается из-за существования своей противоположности) и все они сохраняемы под сенью бытия, то отсюда вытекает, что Тот, благодаря Кому противоположность утрачивает свое природное свойство терять бытие вследствие бытия своей противоположности (так что одна противоположность оказалась охраняема от другой), есть Бог, кроме Которого нет бога, Чья ничтойность невозможна. Ведь если бы Он был ничем, то и бытие противоположных вещей было бы ничем, а поскольку сущности противоположных вещей существуют, опираясь на Его водительство *(сийса)*, то и Его ничтойность невозможна.

Всеславен Тот, Кем сохраняемо бытие вещей при противоположности их сущностей и различии их форм. Нет бога кроме Бога; немота сковывает язык, когда душа порывается постичь его Его словами и останавливается в смятении, уверившись в бессилии своем; и лишь Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ВТОРАЯ

О том, что Всевышний не может быть никаким «нечто»

Поскольку нечто *('айс)* как таковое нуждается в том, на что оно опирается в бытии (о чем уже было сказано), и поскольку Он (да славится величие Его!), будучи Самим Собою, выше всякой нужды в чем-либо ином, в связи с чем Он и есть Он, то отсюда вытекает, что Всевышний не может быть никаким «нечто». Ведь нечто потому и есть нечто, что ему предшествует то, что и сделало его сим «нечто». Невозможно, чтобы Всевышний был таким «нечто», и Он (поскольку Он есть Он) не нуждается в ином, посредством чего становился бы Собой, а следовательно, и опирался бы [в бытии] на то иное: Он неизмеримо выше и славнее подобного. Поскольку же Он (славен Он и велик!), будучи Самим Собою, не нуждается в чем-либо ином, в связи с чем Он и есть Он, то Он не может быть никаким «нечто».

Кроме того, будь Всевышний Бог таким «нечто», то неизбежно Ему быть либо субстанцией, либо акциденцией. Если Он субстанция, то неизбежно Ему быть либо телом, либо не-телом. Если Он есть тело, то разделение Его самости на то, благодаря чему она существует, влечет за собой бытие Ему предшествующего, поскольку любому множественному всегда что-то предшествует, тогда как Он в великой славе своей выше того, чтобы Ему что-нибудь предшествовало. Если же Он есть не-тело, то неизбежно Ему быть либо в потенции, как ду́ши, либо в акте, как разумы. Если Он потенциален, то нужда Его в том, что переводит Его в акт, влечет за собой [бытие] Ему предшествующего, а Он выше подобного. Если же Он актуален, то неизбежно должен быть либо воздействующим на собственную самость, не нуждаясь в ином, чрез что исполняется Его действие, либо воздействующим на иное, чрез что исполняется Его действие. Если Он воздействует на иное, чрез что исполняется Его действие, то сие — следствие ущербности *(нуқṣа̄н)* Его в своем действии, и нужда Его в том, чрез что исполняется Его действие, предполагает бытие Ему предшествующего, тогда как Он выше подобного. Если же Он воздействует на собственную самость, не нуждаясь в ином, чрез что исполняется Его действие, то лишь потому, что самость Его вобрала

в себя различные соотнесенности многоразличных смыслов: Он и самостно действующий, и самостно претерпевающий; а сие предполагает, что есть что-то, от чего Он получил бытие и в чем нет проистекающих от сих соотнесенностей множественности *(каṡра)* и малости *(ḳилля)* [1], тогда как Он выше подобного. Итак, если Он субстанция, то неизбежны в Нем сии разделенности, тогда как Он свободен от всяких следов нужды и множественности, неотъемлемых от субстанции, и, следовательно, субстанцией Он быть не может.

А если Он акциденция, то ведь акциденция в бытии своем опирается на ей предшествующую субстанцию, чрез которую и существует, а Он выше и славнее того, чтобы оность Его была связана с Ему предшествующим, и, следовательно, быть акциденцией не может.

Итак, поскольку «нечто» обязательно является либо субстанцией, либо акциденцией, а Всевышний не может быть ни субстанцией, ни акциденцией, тем самым Он не может быть таким «нечто».

Далее, «нечто» не может быть не субстанцией и не акциденцией. Если таковым «нечто» является Всевышний, тогда Ему необходимо будет предшествовать то, что существовать не может. А именно, если будет некое «нечто», которое не является ни субстанцией, ни акциденцией (подобно тому, как «нечто»-субстанция не является акциденцией, а «нечто»-акциденция не является субстанцией, так и Он был бы Он, ни субстанция, ни акциденция), то оно будет одним из видов рода «нечто», подпадающим под сей род, и тогда ему (а сие нечто — Всевышний) будет принадлежать все то же, что одновременно принадлежит и субстанции, и акциденции, к сему роду относящимся, и оно будет отличаться и от субстанции, и от акциденции чем-то особенным (как субстанция отличается от акциденции и акциденция от субстанции тем, что для каждой из них особенное), и будет соучаствовать им обоим в том, в чем они друг другу соучаствуют (подобно тому, как субстанция соучаствует акциденции, а акциденция — субстанции в том, что у них есть общего). Тогда самость этого «нечто», отличаясь от прочего в одном и имея с ним общность в другом, будет содержать две части, коими и поддерживается ее бытие. Между тем, если самость чего-либо разделяется подобным образом на то, благодаря чему оно есть, то оно — множественное, и имеется ему предшествующее, на которое оно и

опирается в своем бытии. Таким образом, множественность его предполагает предшествование немножественного (ибо лишенное множественности предшествует множественному), а будучи одним из видов «нечто» (таким видом, что, будучи мысленно устранен, делает невозможным существование и всех прочих видов), оно требует того, посредством чего оно есть оно, тогда как Всевышний превыше такой множественности, которая влечет предшествование Ему, и превыше той принадлежности виду, при которой требуется что-то иное для того, чтобы Его оность была Им; а коль скоро Он превыше такого, то Он не может быть никаким «нечто».

Кроме того, если Всевышний есть нечто, то либо сам Он дал это свойство Своей самости, либо нечто иное дало ей его. Сам Он Себе не может придать это свойство, ибо это означало бы, что Он [до того] был лишен его, а сие было бы чудом превращения и возникновения, как если бы Он не был, а затем стал: такое невозможно, ведь то, что не воплощено ни в одной из двух частей бытия [2], не может затем обрести бытие; если же за Ним стоит нечто действующее, то с таковыми действующим и связано Его бытие. Невозможно также, чтобы нечто иное придало Ему свойство быть «нечто», ибо тогда бы оно предшествовало Ему. А раз ни то, ни другое невозможно, то и чтойность Его невозможна, а оность Его следует полагать вне пределов всяких «нечто», бытие коих связано с тем, что Он создал их. Да славен будет тот, кто, поднявшись к постижению Его, присовокупит Им созданному причитающийся атрибут — растерянность *(хайра)*; нет бога кроме Него, и лишь Он дарует крепость и силу; к Нему взываю о помощи и на Него уповаю: Он о рабах Своих сведущ.

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О том, что Всевышний не постижим ни одним из атрибутов, что Он не тело и не в теле, и не разумеет Его самость разумеющий, и не ощущает Его ощущающий

Мы скажем: Всевышний величайшей славностью Своей скрыт, как покрывалом, от всех рычагов постижения сущего, Он вне пределов того, что обретают людские

орудия [познания], постигая различные «нечто» в их интеллигибельных и сенсибельных частях — ведь Он не из рода «нечто», Он вознесен над ними подобно солнцу, что скрыто от постигающего взгляда, ибо Он, поскольку Он есть Он, таков, что самости их не могут постичь Его ни одним атрибутом, а оность Его (как таковая, благодаря себе самой) отлична от всех вещей во всех отношениях. Разуму и чувству не схватить Его в Его всеславной мощи, в которой всякая иная мощь бессильна. Он, поскольку Он есть Он, накладывает печать молчанья на уста, сковывает язык, лишает разум силы постижения, а душу — представления. Не описать Его ничем, что говорится о Нем, будь то предельное совершенство или конечное величие — ведь даже это приличествует иному, тому, что кроме Него, что неизбежно бывает либо субстанцией, либо акциденцией. Ведь то, в чем существуют атрибуты различности и разделенности (признаваемые гласно или молчаливо), устроено так, что самость его существует благодаря тому, на что она разделена, а это влечет необходимость предшествующего, от которого и проистекает его бытие, тогда как Он, Всеславный, выше разделенности и свободен от ущербности или полноты *(тамам)*: Он выше сих примет, что обусловили бы причинность в отношении Его оности. А если Его постигают атрибутом или приписывают Ему какой-либо атрибут, то сии атрибуты заимствованы от сущего в произведенном бытии, и наделены ими те самости, что неотъемлемы от сотворенного мироздания.

Понятно, что если мы приписываем вещи чужой атрибут, то тем самым лжем, ибо приписали вещи то, чего у нее нет, и описали ее тем, что по праву принадлежит иному. Это самая настоящая ложь. А раз так и коль скоро сказываемое о Всевышнем Боге есть атрибут не Его, а переносимый на Всевышнего с иного, то ясно, что приписывающие Ему атрибуты лгут, ибо описывают Его чужими атрибутами, и что в мощи [Его] меркнет та сила, что пытается отдать Всевышнему должное.

Кроме того, хорошо известно и не подвергается сомнению, что разум не способен изобрести такой атрибут, которого не было бы среди подверженного действию природных причин, и что душе не по силам помыслить *(тавахху́м)* такое, что не было бы укоренено в природе. Так как

же разуму подняться и обратить свой лик к Нему, к Его ослепительному сиянию, которое для разума подобно блеску солнца для наших глаз? Падет он ниц, прославляя Его, раскаиваясь в содеянном, узнав, что алкаемое им невозможно. Как ему подвигнуть себя к таковому, когда в том погибель его, как гибельна для глаза встреча с ликом солнца?

Кроме того, ведь Всевышний не является телом, когда бы мы могли говорить о Нем, как говорят о телах; и не в теле Он, так что нельзя о Нем говорить как о чем-то, находящемся в теле. Будь Он телом или в теле, Ему бы неизбежно нечто предшествовало, как мы то доказали в своем трактате «Наставляющий».

Всевышний, далее, не разделен *(мунқасим)*, так что нельзя говорить и об отдельных частях Его, ибо будь Он разделен, то разделенность Его влекла бы предшествующее Ему, посредством коего и существовала бы Его самость. И нет у Него границы-определения *(ҳадд)*, по которой можно было бы показать Его природу, к примеру, как длина, ширина и глубина являются границей тела и его природой, или же материя и форма — его определением, так что оно познаваемо. Не является Он ни составным *(мураккаб)*, когда Его можно было бы разложить на то, из чего Он составлен, и познать, ни входящим в составное, когда Его можно было бы познать по тому конечному совершенству, к коему приходит процесс составления.

Не относится Он и к познаваемому силлогизмом, когда сетями посылок можно было бы изловить знание о Нем, ибо познаваемое чрез посылки подобно самим посылкам. Ведь цель постижения Его чрез посылки — представить Его природу так, как то представимо из природы посылок, посылки же можно получить и выстроить лишь чрез полученное либо чувством, либо разумом знание, не замутненное сомнением. Однако Он не сенсибелен и не интеллигибелен, когда бы пути Его постижения были известны; а так (поскольку Он выше того, чтобы быть сенсибельным или интеллигибельным) врата постижения закрыты: будь Он сенсибелен, чувства постигали бы Его, а будь Он интеллигибелен, то постичь Его можно бы было одним из пяти путей: определением, разделением, разложением, составлением и силлогизмом. Поскольку же Он ни сенсибелен, ни интеллигибелен, то невозможно сказать о

Нем ничего, что говорится о них (вещах.— *А. С.*): Он, поскольку Он есть Он, вовсе не постижим, вознесенный над Им сотворенным в Своем величии, подобном величию необъятного океана. Он — Всевышний над ними, и не в их власти достичь знания о Нем. О сем говорится, что Всевышний вне совершенства и выше величия: разум задыхается под гнетом Его могущества. Всеславен обладающий сим могуществом; нет бога кроме Него, Господа Великого Престола [1].

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, что Всевышний не есть ни форма, ни материя и что нет у Него (поскольку Он есть Он) ничего наподобие материи, на которую Он воздействовал бы: Он славнее и превыше этого

Мы скажем: Всевышний выше того, чтобы быть формой, ибо в бытии своем форма нуждается в том, формой чего она является, а нуждаться для своего бытия в бытии иного есть характеристика творения, которое обязательно восходит к тому, что не есть ни форма, ни что-либо иное нуждающееся. Он также выше того, чтобы быть материей или чем-то наподобие ее, ибо она в бытии своем неотъемлема от того, материей чего она является и чьи воздействия приемлет. Всевышний также пречище того, чтобы быть ими обеими (формой и материей), ибо тогда Его самость была бы разделена на форму и материю, каждая из которых для своего бытия нуждалась бы в бытии другой, так что их самости требовали бы предшествующего им обеим, более правильного в своей самости, нежели они. Исключено также, чтобы была с Ним материя, чрез которую существовало бы от Него существующее: будь так, Он был бы ущербен в своем действии (ведь действие Его не существовало бы без той материи, чрез которую исполнилось), а бытие ущербного в своем действии проистекает от иного, ему предшествующего, тогда как Он славнее и выше того, чтобы иное первенствовало над Ним или предшествовало Ему, а следовательно, ложно, что существует с Ним (поскольку Он есть Он) материя.

Кроме того, форма подразделяется на разумную *(ʿақлий)* и природную *(ṭабīʿий)*, с одной стороны, и искусственную *(ṣынāʿий)*, с другой. Разумная — та, что является самостно разумеющей, самостно разумеемой и самостным разумением; таковое различно вследствие соотнесенностей и сопряженностей, ибо одно в самости оного является его субстанцией, другое же — его совершенством, принадлежащим его субстанции, от коей и проистекает бытие всего того, что от него существует. Все эти признаки его обязательно предполагают то, что предшествует ему в его бытии, Всевышний же свободен от подобных признаков. Природна же та, что движет то, что ее содержит, и сама движется акцидентально; одно в самости такового является разумеющим, другое же — не таким, а разумеемым. Все сии признаки означают, что раньше оного в бытии есть нечто, от чего оное и получило бытие, тогда как Он в славе Своей превыше движения и разделенности и всего того, что делало бы обязательным предшествование Ему. Искусственная же является совершенством того, что в ней заключено, и лишь посредством оного она и существует. И если Всеславный в великой славе Своей выше того, чтоб быть подобным форме разумной (которой принадлежат и великолепие, и величие, и мощь, и знание, и всеохват, и сила, и могущество), то уж тем более будет выше тех [форм], что уступают этой в величии и великолепии. Он в славе Своей вознесен над тем, чтобы быть им подобным: Он не есть ни форма, ни материя, ни обе они одновременно, и нет с Ним материи, чрез которую действовал бы; Он, поскольку Он есть Он, отличен от всей сотворенной Природы *(хилька)* с присущими ей атрибутами; Он окутан покрывалом, что стремятся приподнять разумы, дабы узреть то Единство *(вахда)* и поведать о нем иначе, нежели отрицанием атрибутов сущего (субъектов и предикатов, явных и скрытых) при упоминании Всевышнего. Всеславен Тот, Кого не опишут атрибуты и о Ком не поведают слова; нет бога кроме Всевышнего; взываю к помощи Великого Бога за себя и всех верующих и говорю: лишь Великий Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ПЯТАЯ

О том, что у Всевышнего нет ни противоположности, ни подобия

Мы скажем: противоположности свойственно отрицать свою противоположность, так что одна из них существует лишь за счет исчезновения другой; они как таковые чередуются в бытии. Одной из них свойственно являть свою слабость в сопряженности с другой, вследствие чего одна из них теряет воплощенное, бытие, когда другая, с ней сопряженная, появляется в бытии. Всевышнему же не может быть противоположности, ибо будь сия противоположность, то она была бы либо имеющей воплощенность *(қāʾим аль-ʿайн)*, либо утратившей ее *(мафқӯд аль-ʿайн)*. Если она утратила свою воплощенность, то тем самым утратила причину своего бытия; а когда что-либо имеет причину, то сия причина предшествует оному и ближе его к божественности. Если же сия противоположность имеет воплощенность и бытийствует, так что оба они (Бог и его противоположность.— *А. С.*) одинаково обладают бытием, то таковое совместное их бытие, когда ни один из них не исчезает, обязательно предполагает нечто, что сохраняет их бытие, ибо две противоположности могут одновременно обладать бытием лишь за счет охраны охраняющего и связи связывающего, который извне сохраняет бытие их обеих вместе, и таковому охраняющему скорее следует приписать божественность. Итак, коль скоро бытие противоположности [Всевышнему] влечет за собой предшествование Ему того, бытие чего невозможно, то и бытие противоположности Всевышнему невозможно и ложно.

Если бы, далее, была у Него противоположность (а Он выше этого), то должно было бы быть нечто, в чем они поочередно появлялись бы в бытии (то один, то другой), дабы сполна получить каждый свою долю бытия как противоположности. Тогда, если бы было то, в чем они поочередно появляются в бытии, опираясь на оное в нем (бытии.— *А. С.*), то оно предшествоваволо бы им, и с ним было бы связано их посменное бытие. Однако Он выше того, чтобы Ему (поскольку Он есть Он) что-либо предшествовало, величавость Его исключает милостивое ходатайство иного за Него (поскольку Он есть Он) или связанность оности Его

с чем-либо иным, что было бы Ему (поскольку Он есть Он) причиной. Поскольку же бытие противоположности [Богу] влечет необходимость бытия того, в чем она поочередно [с Богом] получает бытие (и за счет чего имеет предшествующее себе), причем так продолжается до бесконечности, то противоположность Всевышнему невозможна; а коль скоро противоположность Ему невозможна, то и невозможно бытие того, в чем они чередовались бы и что обусловливало бы Всевышнюю оность.

Кроме того, невозможность существования того, от чего проистекало бы бытие Его оности и что было бы Ему причиной (а Он выше этого), отрицает Его противоположность. Ведь если у чего-либо есть противоположность, то у него есть и причина, ему предшествующая, с которой и связано его бытие: у противоположностей, как известно, есть причины их бытия, им предшествующие, существующие в сенсибельных вещах. А коль скоро есть причина у того, чему есть противоположность, а Всевышний свободен от того, чтобы иметь причину, то противоположность Всевышнему невозможна.

У него, далее, нет и подобия, ибо будь оно, их было бы двое, а поскольку их было бы двое, постольку в каждом из них было бы нечто, отличное от другого, за счет чего и возникла бы двойственность. Таким образом, в каждом из них было бы две части (благодаря коим и существовали бы их самости): одна общая и одна особая, что предполагает необходимость предшествующего им обоим, такого, которое наделило каждого из них его особым, отличив от второго; и такое предшествующее было бы ближе их к божественности. Однако Всевышний возвышен высшим пределом, и не может быть так, чтобы иное Его опережало, и Он был бы ниже оного: Он выше предела всех степеней величия, великолепия, вознесенности, сияния, мощи и блеска, так что разумам не объять Его. Бог вознесен на высший предел, а таковому нет ни противоположности, ни подобия. Слава Богу, кроме которого нет бога, величие которого (поскольку Он есть Он) исключает противоположность и подобие; к Великому Богу взываю и к Нему прибегаю во всех делах своих; слава Богу, Господу миров; лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О том, что языки не способны достойно описать Его

Мы скажем: бытие вещей во всем их различии и противоположности зиждется на том, что они друг на друга опираются, ибо одни другим подходят и соответствуют. Именно благодаря этому они и существуют, как, например, сущее в мире Природы, в котором благодаря взаимному соответствию одно сохраняет другое, каждое связано с каждым и им рождено, а не будь его, не было бы и оного сущего. Огонь, например, со своим жаром и сухостью противоположен воде с ее холодом и влажностью, и оба они появились в бытии в силу [имеющегося] между ними воздуха, который обладает жаром и влажностью: он соотнесся с огнем своим жаром и связался с ним, а с водой соотнесся своей влажностью и связался и с ней. Так вода, противоположность огня, оказалась связанной и совмещенной с ним таким образом, чрез соответствие и соотнесенность. Так же и воздух с землей соединились чрез обоюдное соответствие тому, что соединило их, связав две их стороны, а именно соответствие воде. Если же между одним и другим нет соответствия, то одно питает вражду к другому, не ищет его и не влечет необходимости его бытия.

Коль скоро это так, и поскольку имена и слова суть вещи, означающие другие вещи, которые и обусловили существование слов, то отсюда необходимо следует, что между означающими именами и словами и между ими означаемым существует соотнесенность: не будь ее, оно (означаемое.— *А. С.*) не сделало бы их (слов.— *А. С.*) бытие необходимым, и тогда душа не имела бы пути к познанию истинностей вещей. Ведь если бы можно было допустить, что означающее треугольник означало бы квадрат, а означающее кубическую фигуру означало бы и сферическую и наоборот, путь отыскания истинных знаний был бы разорван, и душа не смогла бы до них добраться: запечатляемая ею форма могла бы оказаться формой иного. Но поскольку невозможно, чтобы в означающем форму куба душа увидела форму треугольника, а в означающем форму треугольника — форму квадрата, или чтобы в том, что означает некоторое число, было познано то, что означает другое число,

большее или меньшее (это означающее влечет обязательность только того, что определено соотнесенностью, в силу которой оно (означающее.— *А. С.*) и ищет его (число.— *А. С.*)), то отсюда вытекает, что соотнесенности и соответствию свойственно не означать иного и не влечь обязательности другого.

Поскольку же имена, атрибуты и слова соответствуют означаемому ими, а составлены они из тех простейших букв, из коих строятся и все языки, буквы же суть возникшие (*мухдаса*), то и означаемое ими также является возникшим и подобно им по своему состоянию. А если означаемое буквами, из которых составлены все языки, является возникшим подобно им (буквам и языкам.— *А. С.*), как мы то показали, Он же (Всевышний в величии своем) не есть возникший, то ясно, что буквы, из коих путем составления возникли все языки, не способны отыскать дорогу к обозначению Его величия — ведь Всевышний отличен от возникших вещей, не имеет с ними соответствия и не относится к их субстанции. А коль скоро Он отличен от возникших вещей, то совершенно невозможно отыскать среди слов и выражений то, что означало бы вещь, достойную Всевышнего Бога; а значит, правы сторонники единобожия, утверждающие, что Он невыразим ни в слове, ни в местоимении.

Да и как буквами означить ту оность, от которой появилось все сотворенное и проистекшее, в том числе и они, Он же, Всевышний, вне их пределов, на вершине могущества, где разумам не описать Его никаким атрибутом? Как разумам отыскать дорогу к формопознанию Его, если они разумеют лишь субстанциальное и акцидентальное? О нет, Он — в заоблачных высях, в блеске совершенства; Всеславен Бог, когда всякое о Нем сказанное слово Им же и сотворено; нет бога кроме Него; на Бога уповаю и к Нему взываю, на Него полагаюсь в делах религиозных и мирских и говорю: лишь Бог Великий дарует крепость и силу.

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О том, что наиправдивейшее выражение единобожия, восхваления, прославления и утверждения состоит в неприписывании Всевышнему находимых в сущем атрибутов

М ы с к а ж е м: разумы стремятся утвердить единственность Всевышнего Бога, превознести, восславить и восхвалить Его достойным образом. К тому есть два пути: утверждать за Ним наивысшие атрибуты или отрицать атрибуты и не приписывать их Ему. Поскольку утверждение единобожия и прославление [Бога] путем приписывания Ему атрибутов ведет ко лжи и вымыслам о Всевышнем, когда соотносят с Ним Его не достойное и уподобляют Его Его же творениям, что ниже Его, то наиправдивейший способ утверждения единобожия и восславления состоит не в приписывании атрибутов, но в обратном, а именно в отрицании их.

И вот мы вслед за праведниками единобожия, последователями чистых имамов встали на путь утверждения единобожия и восславления чрез отрицание атрибутов, ибо сие и есть истинная правда. Поскольку правдивость заключается в том, чтобы утверждать в вещи что-либо действительно в ней сущее и отрицать за ней то, чего в ней нет, то мы считаем, что если мы припишем Всевышнему какой-либо атрибут, а тот атрибут — не Его, а иного (ибо он относится к сущему, получившему бытие от Него, кое отлично от Всевышнего), то тем самым солжем — ведь ложь и состоит в том, чтобы приписывать вещи то, чего у нее нет, или отрицать за ней то, что у нее есть. А если мы будем отрицать за Ним какой-нибудь атрибут и тот атрибут будет не Его, а кого-либо иного, то мы в том будем держаться правды. Вот мы и встали на сей путь утверждения единобожия, очерченный руководящими столпами водительства пути к Истине (*тарӣк аль-хакк*) (да пребудет с ними благословение Божье!). Ведь именно так мы будем утверждать, восславлять, превозносить и восхвалять [Бога] правдивым словом и утверждать Всевышнего без какого-либо обращения к атрибуту, без всякого сравнения (*ташбӣх*), уподобления (*тамсӣль*) или определения Его: имеющий разумение, истинный брат наш ясно видит такой смысл наших речей.

Если, утверждая чрез отрицание, мы говорим: Он не есть ни это, ни то и ни другое,— и все, что мы отрицали, является сущим в сотворенной Природе, то тем самым утверждается, что к Нему не приложим никакой атрибут и что Он отличен от всякого сущего. Это вовсе не означает отрицания [Бога] *(та'ṭīль)*, как то представляется некоторым умникам, что мнят себя в здравом уме, а на самом деле суть враги себе. Всепожирающий огонь отрицания [Бога] возгорается маяком безбожия только тогда, когда действие частицы «не» (а оно — отрицание) специально направляется на Всевышнюю оность, дабы подвергнуть ее отрицанию, например, если говорят «не-Он» или «не-Бог». Именно это означает открытое отрицание [Бога], именно оно ввергает душу в пучину гибели, в геенну огненную. Здесь же действие частицы «не» направлено на отрицание атрибутов, а не Всеславной ности, так что отрицаются именно атрибуты, но никак не Всеславная оность.

Здесь точно так же, как когда мы сначала говорим о Боге, «что Он не описываем атрибутом»: частица «не» относится к атрибутам и телам, имеющим атрибуты, отрицая их у Него, сам же Он упомянут словами «что Он»; упомянутый утвержден, отрицаемы же именно атрибуты. Или же когда мы затем говорим, «что Всевышний не есть и не-описываемый атрибутом» — эта фраза подобна первой, поскольку отрицает за Всевышней оностью то, что не подверглось отрицанию в первой фразе (т. е. фразе «что Он не описываем атрибутом»). А именно, действие [отрицания] в нашей фразе «Он не есть и не-описываемый атрибутом» направлено на те вещи, для которых лишенность атрибутов является характерной (таковы души и Разумы, кои выше того, чтобы носить атрибуты тел), дабы отрицать за Всевышней оностью то, что является принадлежностью сих вещей с их самостями, каковые они суть; сама же Всевышняя оность упомянута нами, когда мы говорим «Он», а упомянутый утвержден, и оность есть, отрицанию же подверглось все то, что говорится о сих вещах, так что нет здесь порочного отрицания [Бога] или чего-либо в сем роде.

Поразмыслив над сим непредвзято, всякий поймет, что все погрешившие против истины украшали учения свои, стремясь в утверждении единобожия к тому же, к чему

стремимся и мы, когда используем частицу «не» для отрицания за Всевышним того, что принадлежит иному. В особенности это относится к мутазилитам, которые, начиная с изложения основ учения и украшая свои сочинения, говорили, что Всевышний не описываем атрибутами тварного. Эта фраза подобна нашей, когда мы говорим, что Всевышний не описываем атрибутом и что о Нем не говорится то, что говорится об имеющем определение; а это высказывание подобно тому, когда мы говорим, что Всевышний не описывается атрибутом и в то же время не есть не-описываемый атрибутом (то есть не подобен тому, для кого отрицание определения стало атрибутом). Это их высказывание есть основа нашего учения, и, на нее опираясь, мы утверждаем, что не говорим о Всевышнем ничего, что говорится о тварном,— именно этого мы хотим достичь утверждением единобожия и именно на это направлены наши речи.

Однако мутазилиты утверждали единобожие на словах, в сердце же держали убеждения безбожников, ибо первоначальное их утверждение, что Бог не описываем атрибутами тварного, оказалось опрокинутым, когда они Всевышнему приписали атрибуты, причитающиеся тому, что не есть Бог, ибо говорили, что Он есть Живой, Знающий, Могущественный (и прочие атрибуты). Боже упаси! Мы ведь говорим: [Он] не есть то-то, например: [Он] не описываем атрибутом; это высказывание утверждает то, что не описывается атрибутом. Если сказать: и не то-то, например, и не не-описываемый атрибутом, причем сей «не-описываемый» (не есть то же, что отрицалось частицей «не» в первой фразе, то это будет утверждением того, что не есть то не есть то, что утверждалось в первой отрицающей фразе), а именно утверждением того, что не есть ни описываемое, ни не-описываемое атрибутом. И так далее, пока частица «не» не охватит все сущее без остатка, отрицая в каждом высказывании то, что она утвердила в предыдущем, и утверждая иное, вовсе не имеющее атрибута: отрицание всего будет означать утверждение иного, лишенного всего *(муджаррад)*, а именно Всевышнего, который превыше атрибутов того, что имеет атрибуты, который вознесен над тем, чтобы частица «не» могла бы отрицать Ему причитающееся (так что сии врата познания оказываются запертыми), ибо нет у Всевышнего того, что частица «не» могла

бы пресечь, умалив Его величие; Он в ослепительном блеске своего господствия и превознесенности таков, что постигающая мощь разумов иссякает, а светильники познания гаснут.

Сей способ утверждения единобожия, когда берется сущее и отрицается оно само и его атрибуты, чтобы утвердить искомое, свободное от его признаков, не является неизвестным. Его использовали арабы в иных целях, являя в том образцы красноречия. Известно, например, такое описание великодушного и гостеприимного мужа: «Они мало пасутся, часто становятся на колени, а заслышав звуки лютни, убегают: их ждет погибель». В этой фразе описаны верблюды, которых сей муж часто ставит на колени у себя во дворе и не пускает пастись, дабы быстро можно было заколоть их на угощение, а заслышав мелодию лютни, верблюды сразу понимают, что сейчас будут заколоты. Эта фраза утверждает, что сей муж великодушен и гостеприимен, причем атрибут этот ему не приписывается непосредственно в специально имеющих такой смысл словах. И не вследствие отсутствия способностей идти сим путем красноречия к предельной цели выразительности и понимания становятся ясные речи темными, а красноречие — косноязычием; о нет, мы шли совершенно ясным путем единобожия, на котором нет ни единого пятнышка.

Короче говоря, несостоятельность утверждения единобожия посредством приписывания Всевышнему атрибутов (а Он превыше их) как истинных (а не метафорично или как-либо еще в этом роде, к чему бывают принуждены люди ради красноречивости) становится ясной при исследовании сего вопроса. А именно, когда приписывают Ему атрибуты, то либо приходят к невозможному, чего нельзя сказать о Всевышнем, либо уходят в бесконечность, что означает небытие сущего; и то и другое уничтожает единобожие. А именно, если то, на что сущее опирается в своем бытии, не является утвержденным (когда оно было бы утверждено само по себе и не нуждалось ни в чем ином), но для утверждения своей ности нуждается в ином, причем ность сего иного такова же, как и его, так что сие иное будет нуждаться в другом ином, и так до бесконечности, то от него самого не проистечет акт (ибо утвержденность его самости обеспечивается иным, и этим он отвлекается от

акта), а значит, не от него самого будет существовать сущее, но всегда от иного. То же ты можешь увидеть на примере чисел, существование коих связано с единицей: если не утверждена она, то и прочие числа не удержатся в бытии. Однако само сущее, бытийствуя, бытием своим глаголет о ложности того, что уводит в бесконечность; а ложность того, что уводит в бесконечность, влечет и ложность высказываний, приписывающих Ему атрибуты (Он выше и славнее атрибутов!).

Мы покажем на примере одного атрибута, как это приводит к невозможному, из чего будет следовать тот же вывод относительно всех остальных атрибутов. Итак, мы скажем: бытие — один из атрибутов; утверждение, что оно должно быть приписано Всевышнему как истинный атрибут, приводит с необходимостью к выводу о том, что у Него, во-первых, есть Всевышняя самость (да славится Всевышний Бог!), которая имеет бытие как атрибут, а во-вторых, сам сей атрибут, бытие, ибо Всевышний не есть сей атрибут, а сей атрибут не есть Всевышний. Тогда сей атрибут, приписанный Всевышнему, неизбежно должен быть обусловлен либо Его самостью (а она превыше того!), либо чем-то иным. Если сама Его самость вызывает и обусловливает сей атрибут, то необходимость его будет связана с утвержденностью этой самости самой по себе, прежде сего атрибута и без него, дабы она могла тогда произвести это действие — вызвать необходимость [атрибута]; а изначальная утвержденность самости означает, что нет ничего ей в том препятствующего и что она не нуждается ни в чем, что как-либо уводило бы ее в сторону от этой утвержденности. Если же самость утверждена без этого атрибута и не нуждается ни в чем, что уводило бы ее в сторону от утвержденности, а бытие есть атрибут, с которым утвержденность никак не связана, то совершенно ясно, что для самости в этом атрибуте нет нужды (ибо сама она утверждена), а значит, нет и необходимой потребности (когда бы, обусловливая его, она приобретала то, чего у нее не было). А коль скоро она в нем не нуждается и не испытывает в нем необходимости (когда бы, обусловливая его, она приобретала то, чего у нее не было), то и приписывать его Ему как обязательный явно невозможно и не соответствует Его достославности, невозможное же нельзя приписывать Всевышнему.

Это в том случае, если обязательность сего атрибута соотносится с Его самостью, которая утверждена прежде сего атрибута. Если же приписать этот атрибут Всевышнему таким образом, что самость не будет предшествовать ему по утвержденности, но они будут в том равны, то это вызовет потребность в чем-то ином, что сделало самость особой (так что она не есть сей атрибут) и атрибут особым (так что он не есть сия самость) — ведь самость не свободна от сего атрибута, как было бы, если бы она его делала необходимым, но сей равный с самостью атрибут не вызван ею и не ею сделан необходимым. Тогда получается, что утвержденность самости связана с необходимостью иного; если же необходимо иное, то и о нем придется говорить подобным образом, и так до бесконечности, что явно невозможно.

Итак, если иное, а не Он, вызывает необходимость сего атрибута, то речь пойдет, как мы сказали, до бесконечности, против чего свидетельствует разум, ибо сущее утверждено. И коль скоро необходимость сего атрибута приводит к тому, что мы показали, а сие ложно, и все атрибуты подобным же образом влекут невозможное, то Всевышний, следовательно, свободен от атрибутов (которые суть под дланью Его творения) и вознесен над ними, Он есть действователь их и всех вещей.

Поэтому, если мы и говорим о бытии Всевышнего Бога, то лишь в качестве вынужденной формы выражения, ибо душа не может пользоваться ничем, кроме возникшего, знание о котором получено через чувство, а оно (бытие.— *А. С.*) — один из атрибутов действия, проистекающего от Всевышнего в мироздание, обозначаемое как Первое Сущее и Первый Разум. [Проистекающее] от Него действие не обращается на Его самость и не воздействует на нее, как то бывает с нашими действиями, которые, изливаясь в бытие, влияют на наши души и приносят им то, чего у них не было (это мы объясним с Божьей помощью в надлежащем месте); нет, Его действие утверждено и актуально, в чем и заключается разница меж сими двумя действиями. И пусть упрямец не утверждает обратное, уподобляя необходимую утвержденность самости [Бога] атрибутам (о коих мы говорили), приходя в том к замешательству и вступая на бесовский путь, затемняя дело и вводя в заблуждение, выстраивая невозможное. Здесь следует говорить только необходимое,

что утвержденная самость [Бога] превыше атрибутов (всеславен Бог и велик!), а бытие сущего нуждается в утверждении со стороны Всевышнего, на коего и опирается сущее в своем бытии (как мы то показали ранее). Так запираются двери безбожия; всеблаг и всевышен Господь миров, ничто из сущего не соучаствует Ему, поскольку Он есть Он, и нет иного бога кроме Него; лишь Бог дарует крепость и силу; на Бога уповаю и к Нему взываю во всех делах своих; Бог о рабах Своих зоркий попечитель.

КВАРТАЛ ТРЕТИЙ

о Пере, или о Первом Сущем

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

Об утверждении Сотворенного *(мубда‘)*, кое есть Первое Сущее; о том, что бытие его — не от его самости, что оно — поддерживающая причина всего сущего и что оно не есть ни тело, ни сила в теле и не принадлежит телесному миру

Мы скажем: Всевышний вознесен над всеми степенями совершенства и ущербности, единства и множественности, частица «не» бессильна отрицать у Него атрибуты или носителей атрибутов, от коих неотъемлема черта сотворенности: Он, как мы показали, вне пределов того, к чему разумы могут отыскать дорогу силой своего света и движения мысли, и закрыт путь постижения Его каким-либо атрибутом. Однако то, что ниже Его, есть сущее — носитель атрибутов, и в наших силах найти способ содержательно говорить о нем.

Итак, коль скоро разумам посильно говорить, используя сущие в сотворенной природе атрибуты, именно о том, что «кроме Него», чье бытие сотворено Им, то мы скажем, что идущее в бытии первым, как представляется, не было, а затем стало путем творения не из чего-либо и не посредством чего-либо, и не в чем-либо, и не через что-либо, и не для чего-либо, и не с чем-либо. Оно есть Первое, и в порядке бытия его бытие — утвержденное и первое; оно

есть первый предел *(нихāя)* и первая поддерживающая причина *(‘илл я’ӯля)*, с которой связано бытие прочего сущего, устремленное ко второму пределу. Так же и в порядке бытия чисел единица есть первая и утвержденная, ибо она есть первый предел и первопричина, с коей связано бытие прочих чисел, устремленное ко второму пределу. Такова утвержденность его (Первого Сущего.— *А. С.*) в порядке сущего.

Что касается направленности действия и его необходимого излияния в бытие, то если бытие первого не утверждено, то и второму закрыта дорога бытия, а если бытие второго не утверждено, то третьему закрыта дорога бытия. Значит, второе и третье могут обладать бытием только тогда, когда утверждено бытие первого для них, которое и есть причина их бытия.

Итак, бытие третьего, четвертого и прочих сущих доказывает бытие первого из них, утвержденного, которое есть такая причина, что не будь ее, не было бы и прочего. Так бытие сущего утверждает существование некоего первоначала *(мабда’ ’авваль)*, от которого и проистекает упорядоченность сущего в бытии. Сие первоначало мы именуем Первым Разумом и Первым Сущим, бытие коего — не от его самости, а благодаря сотворению его Всевышним.

Пойдем далее от обратного и скажем: поскольку все сущее опирается в бытии на ему предшествующие поддерживающие причины и всякое сущее в своей самости является актом того, что ему предшествует, материей для его воздействия и действователем в ином, что ниже его и что есть для него материя, то из бытия сущего следует, что оно восходит к той поддерживающей причине, которая упрочена и к которой восходят все поддерживающие причины как к своему пределу, которая в своей самости есть акт, проистекающий от Того, о Ком нельзя сказать, что Он действователь, и она есть претерпевающая воздействие, но не материя, и воздействует не на отличную от себя материю. Ведь бытие любого сущего связано с утвержденностью ему предшествующей поддерживающей причины: не будь она утверждена, и его не было бы. Девятка, например, есть поддерживающая причина бытия десятки, и если ее бытие не утверждено, то и десятка не может существовать. Из того, что сущее утверждено в бытии, следует, что и поддер-

живающие причины утверждены и что сущее в направлении первого из сущего теряет свою множественность и становится более малочисленным, пока не дойдет до одной-единственной, утвержденной вещи, которая и есть предельная поддерживающая причина всех причин. Так, среди чисел бытие девятки доказывает бытие восьмерки, а бытие восьмерки доказывает бытие семерки — и так они (числа.— *А. С.*) постепенно теряют множественность, распадаясь на то, из чего возникли, пока не придут к утвержденной единице, которая есть поддерживающая причина их всех и из которой они все образованы. Бытие сей предшествующей по порядку единицы не от ее самости, но она в своей самости есть действие, [проистекающее] от того, о ком нельзя сказать, что он действователь, и она претерпевает воздействие, но не есть материя, и воздействует она не на отличную от себя материю.

А что оно (первоначало сущего.— *А. С.*) есть самостный акт, мы сказали потому, что оно есть Первое Сущее (как мы то покажем далее), происшедшее от Того, о Ком нельзя сказать, что Он действователь, ибо тогда, будучи действователем, Он был бы и действием, а будь Он действием, Он бы требовал того, от чего проистекла Его оность,— а это, как мы показали в своем трактате «Сады», уводит в бесконечность.

Об утвержденности, как мы сказали, Первого, с которым связано всё прочее, свидетельствует наш анализ поддерживающих причин сущего и их восхождение к единому, бытие коего — не от его самости, но от иного. А именно, мы нашли, что человек, последнее из сущего и его второй предел, распадается на многочисленные испытывающие воздействие вещи, что суть как бы материя, претерпевающая воздействие, и все они суть царство Природы, и на многочисленные воздействующие вещи, для которых царство Природы стало материей; в этой материи и совершается воздействие для того, чтобы привести к бытию то, что может существовать, например, человека или нечто иное. Все они суть актуальные; они — ангелы, коим препоручен мир. Он же (то есть человек) является воздействующим на иные, от него отличные, материи, когда он создает искусственную форму; он является претерпевающим воздействие царства Природы, и он же — действие для актуально сущих ангелов, и его действенность *(фā'илийя)* — от того, что он есть

действие иного, которое и сделало его актуальным (то есть создало его).

Мы, далее, нашли, что царство Природы и в нем действующие распадаются уже на не столь многочисленные вещи, как само это царство и в нем действующие, но на меньшие их числом, а именно на первоматерию и форму и того из ангелов (то есть — актуально-сущий элемент *['унсур]*), для которого они стали материей в создании небесных сфер и первоэлементов. Царство Природы и в нем воздействующие суть оказывающие воздействие на человека и прочие роды сущего, суть подвергающиеся воздействию того, из чего они возникли (царство Природы — воздействию первоматерии и формы, а в нем воздействующие — воздействию им подобного воздействующего, им предшествующего), и они же суть действие актуально-сущего Ангела, всем и всему предшествующего; действенность их — от того, что они суть действие того, кто сделал их актуальными. Мы нашли, что первоматерия и форма и в них действующее распадаются на одно-единое, ибо анализ заканчивается первой из множественных самостей, за которой — а именно за двойкой — стоит только единица, и два уже не могут распасться на некие две вещи, которые были бы для них как отцы и матери и в них действующие, как это есть для человека или первоматерии, ибо тогда так продолжалось бы до бесконечности, что влекло бы небытие сущего. Восхождением анализа к единому, с которым связано бытие всего прочего, установлено, что это единое есть утвержденная поддерживающая причина, действие в своей самости, воздействующее на свою самость и подвергающееся воздействию в своей самости.

Скажем, далее, что всякое потенциально-сущее ущербно и обретает актуальность (а она есть ступень совершенства) лишь посредством актуально-сущего, полного *(тāмм)* в своей самости и актуальности, на которое оно в том и опирается. Людские души в царстве Природы потенциальны и ущербны, а значит, обретают актуальность лишь посредством актуально-сущего, полного в своей самости и действии. Поскольку есть среди людских душ обретшие актуальность, как-то: пророки, заветники, имамы (мир им!) и их последователи, достигшие обоих совершенств и обоих счастий, исполнившиеся добродетелей и очистившиеся от пороков,— значит, имеется актуально-сущее, полное в своей

самости и актуальности, чрез каковое актуально-сущее и достигли они совершенства и поднялись до ступени актуальности. В опоре на него — полнота их, и не будь его, не стали бы они актуальными. Итак, такое актуально-сущее существует. А если актуально-сущее, полное в своей самости и актуальности, чрез которое потенциально-сущее обретает актуальность,— если таковое актуально-сущее существует, то его самость есть либо тело, либо сила в теле, либо ни тело, ни сила в теле, так что оно не принадлежит телесному миру.

Оно не может быть телом или силой в теле, ибо наличествующие в телесном мире тела и силы в телах суть материи, претерпевающие воздействия, которые вследствие своей ущербности существуют благодаря принятию истечения *(файд)*, приводящего их к совершенству, и которые не сами, а только при посредстве иного воздействующего могут придать вещи ей полагающееся, довести ее до предела ее совершенства. Например, небесные тела оказывают воздействие не сами по себе, но лишь благодаря тому, что земные тела, их влиянию подверженные, принимают их воздействие, или же земные тела оказывают воздействие не сами по себе, но лишь благодаря небесным телам, на оные земные влияющим. Все они, и влияющие, и подвергающиеся влиянию, бессильны *('аджиза)*, ибо относятся к разряду претерпевающего, ущербного в своем действии, если и способного производить многие вещи, то лишь с помощью иного действующего и при посредстве его обработки. Например, Природа бессильна произвести стекло таким же, как она произвела золото или иные [минералы], и наибольшее, на что она способна, это произвести то, из чего стекло делается: это [сырье] обрабатывает человек, делая его стеклом. Таково же железо, которое Природа бессильна явить в бытии, как она явила серебро; бытие железа связано с работой человека, который доводит его до ступени сущего из того состояния, из которого Природа не смогла его довести. Так же и женщин Природа бессильна родить в украшениях и платьях, с разрисованными щеками и окрашенными хной руками, в чем и состоит их совершенство; наибольшее, на что она способна,— это просто явить их [в бытии], и уже человек занимается тем, чтобы полностью украсить их. Так же и души людские она не смогла произвести исполненными, не нуждающимися в своей актуальности в ином.

Все они испытывают воздействие, нуждаются в ином для свершения своего воздействия, ущербны в своей самости и акте, ибо самость их слагается из двух друг от друга отличных частей (как, например, самость человека — из тела и души), нуждающихся друг в друге для поддержания своего бытия. Тому, что ущербно, предшествует совершенное и полное в своей самости и полное в своей актуальности. Мы же предположили, что оно (Первое Сущее.— *А. С.*) полно и совершенно по самости и полно в своей актуальности, а если оно совершенно и полно по самости и акту, то оно никак не может быть ущербно по самости и акту. Если же оно не может быть ущербно, то, следовательно, не может быть телом или силой в теле, ибо тело и то, что в теле, испытывают нужду и ущербны. Итак, оно не тело и не сила в теле; а коль скоро оно не тело и не сила в теле и при том существует, следовательно, оно не принадлежит миру тел. Итак, установлено, что оно не принадлежит к телесному миру.

Если бы оно, кроме того, нуждалось для своей актуальности в другом, существуя посредством принятия воздействия оного другого (подобно душам, которые посредством принятия такого воздействия переходят из потенции в акт), то это означало бы, что оно ущербно в своей актуальности, даже будучи полным по самости. Но ущербное в своем акте, полное по самости идет после полного по самости и акту, которое выше оного разрядом и предшествует ему. А этим установлено, что идущее в бытии прежде, превышающее разрядом оное актуальное, посредством коего потенциальное переходит в акт, есть Первое Сущее, самодостаточное в своем акте и не нуждающееся для своей актуальности в ином.

Когда сие установлено, а именно, что самодостаточное, не нуждающееся в ином для своей актуальности и есть Первое Сущее, совершенное и первенствующее, мы спросим, может или нет сие Первое Сущее быть тем самым вознесенным над атрибутами Всевышним, с которым связано бытие сущего? Да примет душа со спокойной уверенностью результаты нашего расследования: нет, никак не может. Ведь сие [Первое] Сущее либо явило все сотворенное, либо само является Первым Творением. Оно не может быть Тем, от Кого явилось творение, ибо существующее от него (Первого Сущего.— *А. С.*) ущербно в своем акте;

между тем непреложное суждение гласит, что будь оно явившим творение, то от него существующее было бы совершенным, не нуждающимся в ином для своей актуальности. Коль скоро ложно, что от него появилось сотворенное, то оно есть Первое Творение, совершенное в своем акте и не нуждающееся для него в ином, каковое иное существует от него, ущербно и нуждается для своей актуальности в ином; оно — первое в бытии, опережающее в бытии прочее, полное в бытии, полнота бытия, Первый Разум, Первая Граница, Первое Творение, занимающее первый разряд бытия. Это оно, как представляется, не было, а затем стало, сотворенное совершенным и вечным; оно есть Приближенный Ангел, Величайшее Слово; и нет бога, кроме Сотворившего его.

Правильность нами сказанного о распадении и восхождении к чему-то одному утвержденному, пределу всех вещей, подтверждается тем, что дедуктивно вытекает из существования мира [законо]уложения *('ālям аль-вад')* [1], пророческого произведения, о коем заповеди нам незыблемо свидетельствуют, из того, что этот мир соответствует Божественному произведению. То, что дает человеческой душе совершенство, жизнь и актуальность, мы разложили на то, из чего оное возникло, и обнаружили, что оно множественно, объединено же двумя вещами. Это, во-первых, Закон, *(шарī'а)* и его столпы, кои суть обряды поклонения знанием и действием: первое доставляет душе формы, второе исправляет ее. Сей Закон относится к совершенству человеческой души так же, как макрокосм, вмещающий небесные сферы, первоэлементы, планеты и природные силы, относится к телу человека и его душе (а сие множественное уравновешивается пророческим произведением и соответствует ему). А во-вторых, это имам, объединяющий земные границы, которые сохраняют Закон, распространяют познания о нем, призывают знать и действовать по Закону; лишь благодаря им, благодаря их научению становится человек человеком. Влияя на душу человеческую научением своим и указуя верный путь, приводя ее к ступени совершенства и уровню разумов, они для совершенства сей души — то же, что для мира актуально-сущие ангелы, коим препоручен мир [2] и кои оказывают свое влияние на его тела и природные силы, дабы вывести в бытие все, что может существовать из числа животных, растений и минералов. Их (ангелов.— *А. С.*)

существование в Божественном произведении равновесно и соответственно их (земных границ.— *А. С.*) существованию в пророческом произведении: как первоэлементы и силы их сами по себе не способны своим актом породить от себя производное, но только посредством на них воздействующего, и на них воздействующее само по себе [не способно на это], но лишь посредством первоэлементов и сил их, оное воздействие претерпевающих, так же и знание Закона и его основ распространяется только земными границами, которые и распространяют эти знания, открывая в них таящееся, и сами по себе сии границы не могут воздействовать на души, но могут лишь посредством начертаний, установлений и наук Закона. Таково меж ними равновесие и соответствие.

Затем, дабы добыть правдивое свидетельство правильности нами сказанного о том, на что распадается мир и в нем действующее, мы посмотрели, на что распадаются Закон с его столпами и частями, земные границы, его осуществляющие, и из чего все это возникло. И вот мы обнаружили, что они распадаются не на столь же множественное, сколь множественны столпы Закона, им установленное знание и действия, но на меньшее. Первое из сих двух — Писание со всей недосягаемостью его красноречивых форм; оно уравновешивает и соответствует тому, на что распался мир со своими столпами [3], небесными сферами и планетами, а именно первоматерии, которая составляет единство со своей формой. Второе же — исток *('асāс)*, сохраняющий сие Писание, из коего проистекает Закон; Писание для него наподобие материи: в нем он действует, извлекая таящееся в нем знание, распространяя его, поддерживая Закон и укрепляя его. Он равновесен и соответствует Ангелу, воздействующему на первоматерию и форму, из которых [образовался] телесный мир и мир Природы.

Мы разложили, далее, Писание и исток на то, из чего они произошли, и нашли, что бытие их — от глаголящего *(нāṭыḳ)*, а он — единое: так мир уложения восходит к своему пределу, за которым уже нет ничего, относящегося к его роду. Это уравновешивает то и соответствует тому, на что распадаются первоматерия и форма и на них воздействующее, а оно — единое: сущее восходит к своему пределу, за которым есть только то, что к роду сущего не относится. Притом невозможно, чтобы бытие истока и Писания про-

исходило от двух вещей, но только от одной, ибо меж глаголящим и меж истоком и Писанием (источником и опорой Закона) нет посредника, как невозможно, чтобы первоматерия и форма и на них воздействующее распались на двоицу, но предел распада — первое из сущего, и если оно не обладает единичностью, то это ведет к беспредельному, а не имеющее предела существовать не может.

Мы, далее, нашли в мире Законоустановления (*ʿālям аш-шарʿ*) учеников, которые могут подняться к ступени знания и достичь совершенства лишь при наличии учителя и наставника, который бы учил их и влиял на них, наставляя и исправляя их. Это соответствует установленной нами необходимости бытия того, на кого существующий потенциально опирается в обретении своей актуальности, и уравновешивает оное. Мы нашли, что все осуществляющие научение и наставничество границы религии, как более, так и менее достойные из них, не способны сами по себе извлечь и уловить науки, но нуждаются в том, кто разъяснил бы им это; это соответствует нами установленному бессилию сущего (как влияющего, так и испытывающего влияние) довести вещи до их предела и соответствует оному. Мы нашли, что бессильный самостоятельно извлечь науки ущербен по самости и акту — по самости, ибо она не выправлена установлениями Закона; по акту, ибо он не обрел формы божественных религиозных знаний. Это находится в равновесии и соответствии сказанному нами о том, что всякое претерпевающее воздействие и нуждающееся для своей актуальности в ином ущербно по самости и акту — по самости, ибо она состоит из двух различных частей; по акту, ибо он нуждается в ином.

Мы также нашли, что полный по самости, ущербный по акту воздвигнут для ущербного и по самости, и по акту. Таков, например, исток, который полон по самости, ибо совершенен, и ущербен по акту, ибо нуждается для оного в Писании и Законе, дабы посредством их воздействовать на души, взывать к истолкованию (*таʾвīль*) и вести к знанию равновесия миров в пророческом произведении, исправляющему явное и связанному с действием. Это находится в соответствии и равновесии с установленным нами относительно того, что переводящий потенциальное в актуальное, не принадлежащий телесному миру полон и совершенен

по самости и ущербен по акту, ибо для его исполнения нуждается в приемлющем, которое было бы для него наподобие подвергающейся воздействию материи. Мы нашли, что исток становится истоком чрез глаголящего, полного по самости и акту, благодаря коему исток существует и к которому возвращается. Это находится в равновесии и соответствии с нами установленным бытием того, кто предшествует полному по самости и ущербному по акту (посредством коего потенциальное переходит в акт), кто полон и по самости, и по акту, то есть первого из сущего, первого предела сущего.

Мы нашли, что в мире Закона и уложения глаголящий есть основа, к которой восходят как к своему пределу все земные границы, а над ним — только Тот, Кто дал ему сей высокий ранг. Глаголящий полон по самости, ибо достиг совершенства, и полон по акту, ибо он установил и разъяснил Закон и принес ясное Писание, не нуждаясь ни в чем ином и не прибегая к помощи другого, но лишь Того, при Чьем посредстве существует и достиг полноты, Того, Кто над ним. Это находится в соответствии и равновесии с установленным нами относительно того, что Первое Сущее есть основа, к которой восходит все сущее как к своему пределу, что над ним — только сотворивший его Всевышний и что оно полно по самости и акту.

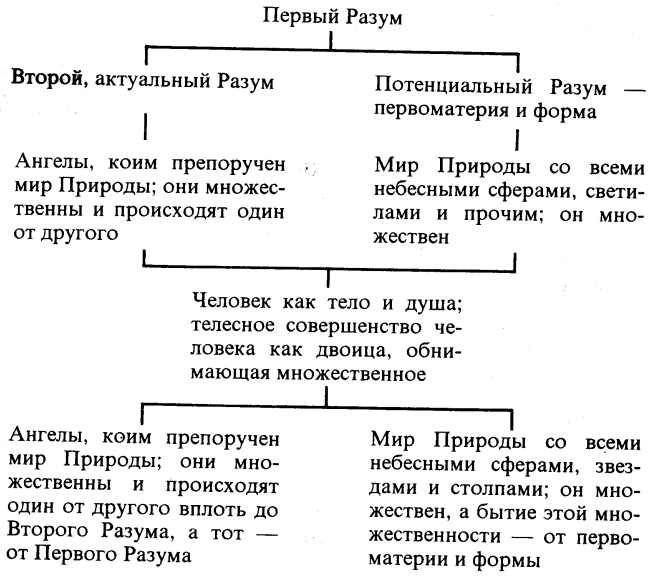
Поскольку глаголящий является поддерживающей причиной, к которой восходит как к пределу все, что есть в религиозном уложении, будь то потенциальное или актуальное, и от него (глаголящего.— *А. С.*) сущее равновесно богосотворенной природе, то тем самым доказано, что Первое есть поддерживающая причина, к которой восходят как к пределу все поддерживающие причины, и как глаголящий есть первооснова (*ʾaṣl ʾavval*), от которой возникли Писание и исток, так же и Первое есть первооснова, от которой возникли первоматерия и отличная [от нее] форма; как глаголящий стал глаголящим не при содействии кого-либо из своего людского рода, так же и бытие Первого не проистекает от чего-либо из его рода; как глаголящий стал сущим чрез иного, посредством коего — его бытие, так же и Первое стало сущим чрез иное, посредством коего — его бытие. Таково истолкование речения Божьего «подобие доброго слова — доброе древо»: [4] подобное чрез подобное.

Из нами сказанного ясна утвержденность Первого Су-

щего — что бытие его проистекает не от него самого, что оно есть действие, воздействующее и подвергающееся воздействию в самом себе, что оно есть предел, к которому восходит все сущее, что оно не есть ни тело, ни сила в теле и не принадлежит миру телесному.

Далее приведено наглядное изображение сих сущих в их взаимной уравновешенности и взаимном соответствии; исполнен благости Господь миров, нет бога кроме Него, Всеславного и Всевышнего, неизмеримо вознесенного над измышленным чадами тьмы; к Богу прибегаю и на Него уповаю во всех делах своих: Он о рабах Своих зоркий попечитель.

ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ МИР ЕДИНСТВА



Хвала Богу, наставившему нас и давшему нам силы следовать наставлению; да пребудет с нами водительство Бога и Его наместника на земле (да благословит его Бог!); лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу.

ИЗ ЧЕГО СОСТОИТ МИР РЕЛИГИИ

УЛИЦА ВТОРАЯ

О том, что оно (Первое Сущее.— *А. С.*) происходит от Всевышнего не путем истечения, как то утверждают философы [1], но сотворено Им, и что постичь способ его существования невозможно

Мы скажем: приняв, что бытие сущего происходит от Всевышнего путем истечения, а не путем творения, мы запечатлим в душе своей такую форму его бытия, которая не будет соответствовать истинной сути оного сущего, ибо это с необходимостью влечет существование того, что причинно обусловливает Всевышнего, вознесенного над атрибутами, и что существовать не может. Ведь истечению свойственно принадлежать тому же роду, что и то, из чего оно истекает, а также иметь с ним нечто общее и быть с ним соотнесенным. Истечение как таковое — это как бы воплощенность

того, из чего оно истекает, ибо оное есть как бы самость истечения: в том, из чего истекает истечение, заключено столько же от природы истечения, сколько в самом истечении — от природы оного, и в этом отношении между ними нет разницы. Например, свет, истечение воплощенности солнца, является (поскольку он — именно свет) как бы воплощенностью солнца, ибо и солнце есть как бы самость [своего] истечения (т. е. света.— *А. С.*): в самости солнца заключено света столько же, сколько из нее истекло; в этом между ними нет разницы.

Таким образом, то, из чего истекает истечение, является множественным, ибо одно в нем общее с истечением, а другое отличается от него и не является общим с ним. Тем самым его самость двойственна: одно для них обоих (источника истечения и самого истечения.— *А. С.*) является общим, и они в этом неразличны, в другом же между ними есть различие и наблюдается та инаковость *(ғайра)*, без которой нельзя было бы сказать, что это не есть то, а то не есть это. А множественность множественного проистекает от того, что одна часть сей множественности нуждается для своего бытия в другой ее части, не будь которой, не было бы и обеих частей; если же они обе существуют, то потому, что одна из них опирается на другую и обе они подпадают под действие их обеих охватывающей мощи.

Все это означает, что Всевышний (если от Него произошедшее сущее является истечением) множествен и подпадает в своем бытии под действие мощи кого-то иного и что Ему предшествует то, существование чего невозможно. Если же Всевышний таков, что Его оность не проистекает от иной оности, то Он выше того, чтобы иметь атрибуты малочисленности или множественности, а потому ложно, что Он двойствен. А если ложно, что Он двойствен, то ложно, что от Него произошедшее является истечением, обусловливающим в своем источнике множественность, от которой проистекала бы его самость.

Кроме того, одно из первичных суждений разума гласит, что более простое, более свободное от признаков множественности и более правильное по самости выше иного. Здесь мы находим, что истечение проще того, из чего оно истекает, ибо оно есть нечто единое, источник же ее двойствен: одно в нем является общим с истечением, а другое отлично от него. Отсюда следует, что истечению более

пристало предшествовать, нежели его источнику, ибо оно выше его: в нем множественность ничтожна, в источнике же наличествует. Итак, если оно (Первое Сущее.— *А. С.*) — истечение, то оно выше Того, из Кого истекло, а именно — Всевышнего, вознесенного над атрибутами; где же еще, как не в сем вопросе, следует придерживаться обратного?

Кроме того, истечение бывает только от наполненности *(тамāмийя)* самости того, из чего оно истекает, а Всевышний превыше того, чтобы быть наполненным или полным, когда бы между Ним и иным была бы общность хотя бы в одном этом смысле, и это влекло бы существование того, от кого проистекала бы Его оность. Ведь между наполненным и полным, как и между полным и наполненным, есть общность и соотнесенность, а общность и соотнесенность между двумя означают, что им обоим обязательно нечто предшествует. Если бы между Всевышним и чем-либо иным была бы хоть в чем-то общность и соотнесенность, это обязательно означало бы, что им обоим нечто предшествует; если бы сие предшествующее имело хоть какую-нибудь общность с чем-то иным, это обязательно означало бы, что и им обоим нечто предшествует, на что они оба и опираются в своем бытии. Таковое в конце концов означало бы, что сущее не существует; а коль скоро это ложно и невозможно, то ложно, что существующее от Всевышнего является истечением.

Кроме того, если бы Первое Сущее, которое есть не что иное, как Первый Разум, было истечением от Всевышнего (всеславен Он и велик!), то из этого следовало бы, что переходящие благодаря оному Первому из потенции в акт в царстве Природы разумы (а именно разумы глаголящих, истоков и имамов) относятся к тому же роду, что и Первый разум и схожи с ним в своей актуальности и обретении наполненности; а поскольку Первый Разум — истечение, и это истечение принадлежит тому же роду, что и Всевышний (всеславный, вознесенный над атрибутами!), то они не должны были бы встречать препятствий в постижении Всевышнего и описании Его Ему приличествующими атрибутами. Кроме того, тогда до́лжно было бы прославлять *(тасбӣх)* разумы так же, как прославляют и Всевышнего, отрицая у Него атрибуты, ибо они были бы Ему подобны. Однако,

поскольку о разумах, обретающих в царстве Природы актуальность (а именно, разумах пророков — да благословит их Бог!), не пристало говорить, что они превыше атрибутов, сопряженностей и имеющего атрибуты — ведь они, среди прочего, описываются атрибутами,— и поскольку установлено, что они не способны должным образом сообщить что-либо о Всевышнем, и это они прославляют Всевышнего, отрицая наличие у Него атрибутов и возможность описания Его с помощью имеющего атрибуты (велико вознесен Всевышний!), из этого следует, что Первый Разум подобен этим разумам в неспособности постичь Всевышнего с помощью атрибутов, сущих среди Им сотворенного, и схож с ними в прославлении и превознесении Его над всеми чертами Им созданного. А коль скоро Первый Разум именно таков, и самость его такова вследствие оной неспособности (велик Всевышний, и имена Его величавы, великолепны, мощны, сиятельны, высоки, блистательны, светлы и вознесенны), то ложно, что возникшее от Всевышнего является истечением; а раз ложно, что возникшее от Всевышнего является истечением, то ему не остается ничего, как быть творением.

Итак, оно — то творение, бытие которого — не из чего-либо, то Первое Сущее, бытие которого — не из материи, такое Первое, что, если спросить о способе *(кайфийя)* его бытия, ответа не будет: сей способ скрыт завесой от разумов, ибо они — под его сенью, а он превыше их в их бытии. Ведь когда разумы устремляются к обретению знания о сущем, им свойственно обращаться к собственной самости и постигать то сущее постольку, поскольку они улавливают его. Однако объять сие знание не пристало разумам, ибо оно ближе к Тому, от Кого проистекает творение, нежели к Сотворенному (кое есть самость Творения), а также и потому, что оно предшествует самости разума, будучи внеположено ей. Ведь разум — это самость, исходящая в бытие посредством той мощи *(кудра)*, благодаря которой и случилось творение — подлинная душа разума, а потому представляется, что знание о том, как он (Первый Разум.— *А. С.*) существует и как вообще существует нечто, возникшее не из чего-либо, находится вне самости разума и ей предшествует. Таким образом, здесь мы имеем стремление не к познанию самости творения, когда бы оное творение, а именно Первое Сотворенное, обращалось к собственной самости и обнимало ее, но стремление к познанию Того, от Кого произошло творение и чрез Кого оно возникло. Оное же предшествует творению; а когда разум устремляется к познанию того, что предшествует его самости, он обретает лишь растерянность, ибо тогда ему нужно покинуть собственную самость; покинув же оную, он перестает быть разумом, а перестав быть разумом, впадает в неведение *(джахль)*. Итак, если попытка познания предшествующего его самости ввергает его в растерянность и неведение, а способ сотворения предшествует его самости по рангу, то стремящийся к таковому получит лишь неведение и растерянность, а значит, познание оного невозможно.

Если бы, далее, разумы могли обретать оное знание, то, постигнув таковое знание, объяв и стяжав его, они бы, будучи могущими *(қадира)*, не испытали бы трудности в сотворении воплощенных сущностей не из чего-либо, без посредства чего-либо и не в чем-либо. Ведь объявшему знание о вещи свойственно, будучи могущим, не затрудняться в воспроизведении оной; например, человек, обучившийся какому-либо ремеслу, легко изготовит соответствующую вещь, если ничто не препятствует ему; когда же есть таковое препятствие, ему нетрудно ясно и подробно изложить им познанное. Однако мы не видим, чтобы они (разумы.— *А. С.*) могли это; если же они не могут этого и не знают этого, значит, нет пути к обретению такого знания; а если нет к нему пути, то нечего и ждать от разумов невозможного.

Итак, коль скоро сей предмет стремлений недостижим, а Сотворенное и есть Первое Сущее (которое возникло не из чего-то предшествующего, к его роду относящегося) и тот предел познавательной деятельности разума, в котором он и восходит к сему Первому Сущему, то необходимо остановиться у сей границы и твердо признать бессилие [познать] прочее, за его (разума.— *А. С.*) пределы выходящее, дабы превознести и восславить оное: нет бога кроме Него, Всеславного и Всевышнего, неизмеримо вознесенного над измышленным чадами тьмы; к Богу взываю и на Него уповаю, к Его помощи и водительству прибегаю: Он лучшая опора; лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О том, что оно есть воплощенность Творения, воплощенность Сотворенного, воплощенность единства и воплощенность единого и что оно есть Первое Сущее, которому ничто не предшествует и не идет раньше его в бытии

Мы скажем: поскольку действия множественны и всякое из них, случающееся в бытии, отличается от прочих именем, даваемым ему в соответствии с тем, каково его бытие, и коль скоро творение также является некоторым действием, то имя «творение» относится только к тому, чье бытие происходит не от чего-то, ему в бытии предшествующего и являющегося для него материей, и не при посредстве чего-либо между ним и Тем, от Кого его бытие, и не с помощью какого-либо орудия, и не по какой-либо причине, и что не может служить намеком на Того, от Кого его бытие. Сим именем указуют именно на него, желая сказать, что оно получило бытие, что у него имеется в бытии воплощенность и что его бытие — не от чего-то, ему [в бытии] предшествующего.

Когда мы говорим «творение», подразумевается нечто единое, а когда говорим «сотворенное» — нечто двойственное, а именно творение и то, что благодаря творению стало сотворенным (ведь, как известно, претерпевающее есть то, что стало таковым под действием воздействующего: действие — одно, а ставшее под оным действием претерпевающим — другое). Однако ложно, что нечто предшествует творению, когда бы творение было для него наподобие приемлющей материи (ибо сие влечет бытие того, что не сотворено Всевышней и Всеславной оностью, чего представить нельзя), и тогда каждый из сих двух (творение и ему предшествующее.— *А. С.*), имея то особенное, что и обусловило их инаковость, был бы отличен от другого. Такое повлекло бы обязательность бытия того, от чего проистекает бытие их обоих. Но поскольку сие невозможно, то установлено, что воплощенность творения и есть Сотворенное, а Сотворенное есть творение.

Скажем далее, что сие Сотворенное, которое и есть Творение, будучи таковым, каково оно есть, а именно свободным от материи, чрез которую осуществлялось бы его

бытие, свободным от какой-либо обусловленности Давшего ему бытие, будучи Истинным *(ḥаққ)* и Чистым *(маḥḍ)*, не избавлено вместе с тем от признаков того, что бытие его — не чрез его самость, ибо оно таково, что соединяет два состояния: атрибут и имеющее атрибут. Такова природа всего произведенного, хотя оно (Первое Сущее.— *А. С.*) в силу своей простоты и не таково, каковы сущие вокруг нас, у которых атрибут — одно, а носитель атрибута — другое: ложе, например, есть некая форма в материи, причем форма не есть материя, а материя не есть форма, но одно — иное, нежели другое, и чрез них — воплощенность ложа. Нет, атрибуты, которыми оно (Первое Сущее.— *А. С.*) описано, принадлежат *(тāби'а)* самой самости, становящейся в своем бытии носителем атрибутов при сопряжениях, как, например, человек в сопряженности со своей самостью есть сущее, в сопряженности с родителями — ребенок, в сопряженности с детьми своих родителей — брат, в сопряженности с ребенком брата — дядя, и притом он в самом себе и как таковой един, а все эти атрибуты придаются ему по сопряженности.

Эти два состояния (атрибут и носитель атрибута.— *А. С.*) суть первое совершенство, с которым связано бытие самости как описанной атрибутом, и второе совершенство, с которым связано существование высокого положения *(шарафф)* оной самости как атрибута; первое совершенство уподобим носителю *(ḥāмиль)*, тогда как второе совершенство уподобим несомому *(маḥмӯль)*. Они суть как бы два члена *(фардāн)* сей самости, чрез которые и существует единое, каковое единое соединяет единство и то, что благодаря оному единству стало единым. Оно соединяет их таким образом, что, совмещая единство и множественность, свободно, вместе с тем, от признаков различенности *(тағāюр)*, которая обусловливала бы его бытие и означала бы, что Тот, от Кого проистекает его бытие, двойствен, причем каждое из тех двух являлось бы причиной бытия другого, что влекло бы необходимость предшествования Ему. Так оно остается свободным от тех признаков, которые означали бы существование еще одного ранга над ним. Таким образом, оно (Первое Сущее.— *А. С.*) едино по самости и множественно по сопряженностям: оно, например, является Творением, если сопрячь его с тем, от Кого проистекает его бытие, и Сотворенным, если сопрячь его с собственной самостью,—

такова различенность, притом что эти сопряженности не затрагивают его самости.

Эти два совершенства (как бы два члена самости Сотворенного) являются сотворенными, причем им обоим равно причитается от сотворенности. А именно первое совершенство (подобное носителю) сотворено, и второе совершенство сотворено, причем как творение они суть один член, ибо оба они — творение, а как самость сотворенного — два члена, ибо они суть два сотворенных: первое совершенство и второе совершенство. Притом невозможно, чтобы один из них, выйдя из рамок творения, стал как бы носителем творения, иным, нежели само творение, и невозможно ни одному из них предшествовать творению в чем-либо, ибо тогда, как уже объяснялось, необходимо существовало бы нечто обусловливающее Того, от Кого его (творения.— *А. С.*) бытие. Таким образом, существование носителя творения, иного, нежели само творение, влечет с необходимостью существование того, что является причиной для Всевышней и Всеславной ности; однако Всевышний скрыт покрывалом, и Его ничто не обусловливает как причина, следовательно, ложно, что у творения есть носитель, иной, нежели само творение. А коль скоро ложно, что у творения есть носитель, иной, нежели само творение, так что он творением сотворяется,— значит, творение имеет тот смысл, что оно и есть сотворенное; оно (Первое Сущее.— *А. С.*) есть воплощенность Творения и воплощенность Сотворенного.

Кроме того, поскольку творение есть самость действия, то невозможно, чтобы между ним и Всевышним, от которого оно исходит, было нечто опосредствующее (ведь будь такое, то скорее уж оно было бы творением). А коль скоро между ним и Тем, от Кого его бытие, нет посредника, значит, ничто ему не предшествует; а раз ничто ему не предшествует, значит, оно есть первое в бытии. Первое же является единым; итак, оно есть единое.

Самость единого двойственна в силу наличия двух членов: единства и его носителя. Единство, один из членов, есть поддерживающая причина, причем такая, что если мысленно устранить ее, устранится и единое; и носитель единства (второй член) также есть единство, являясь членом, и если мысленно устранить его, вместе с ним будет устранено и единое, исчезнув из бытия. Итак, эти члены

суть поддерживающая причина бытия единого; а поскольку она — поддерживающая причина, в едином имеются следы ее воздействия. Таким образом, эти члены, служащие поддерживающей причиной, суть члены именно единого, которое является поддерживаемым следствием: итак, оно (Первое Сущее) есть воплощенность единства и воплощенность единого.

Творение (кое есть Сотворенное) является, далее, такой Первой Вещью, что, если искать до нее нечто в бытии, не найдешь ничего, заслуживающего название «вещности» или «бытия». Ведь эта Первая Вещь есть тот предел, от которого берут начало все вещи, располагаясь по градациям в бытии; то первоначало, от которого происходит все сущее: она среди сущего имеет тот же ранг, что единица среди чисел. Она есть единое, будучи первым среди сущего, как единица является первой среди чисел: именно ей (Первой Вещи.— *А. С.*) до́лжно быть Единым, Первым из сущего.

Итак, сей ранг — наименьшее из малого, начало множественности — был отдан ей: всеславен и велик Тот, от Кого она получила бытие, и Он превыше оного ранга. Ведь если бы Он, Всевышний и Превознесенный, должен был обладать сим рангом и обладал бы им, то сущее от Него было бы двойкой, а не единицей: ведь за единицей идет в бытии по порядку двойка. Но коль скоро от Него сущее является Творением, а Творение едино, а не двойственно, то установлено, что Он превыше сего ранга. Таким образом, обладание степенью первичности и единства остается за Сотворенным (которое и есть Творение): оно едино, и оно есть Сотворенное, и оно же — Творение. Оно — то Единое, которому ничто не предшествует; оно и есть тот Приближенный Ангел, который назван в Божественном предании и пророческом Законе Пером *(қалям)*: единая самость, множественная чрез соотнесенности и сопряженности. Всеблаг Бог, Господь миров; нет бога кроме Него, неизмеримо вознесенного над измышленным чадами тьмы; к Божьей помощи взываю и на нее полагаюсь; на Него уповаю во всех делах своих: Он о рабах Своих зоркий попечитель; Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, что оно совершенно, что оно беспредельно-вечное *(азалий аль-āхир)*, но не изначально-вечное *(азалий аль-авваль)*, что оно остается таким, как сотворено, не испытывая превращений, что оно единственно, не имея подобия, и что уразумевает оно только собственную самость

Мы скажем: уже говорилось, что Тот, от кого сущее обрело бытие (славен Он и велик!), неизречен: Его не выразить ни словом, ни местоимением. Среди предельных рангов сущего и его атрибутов нет более величественного, нежели совершенство, при коем вещь сохраняет неизменным состояние своего бытия. Поскольку Всевышний в великой славе Своей превознесен над сим рангом, то сей атрибут должен быть отдан Первому Сущему, от Него получившему бытие. Иначе и быть не может: если оно не имеет сего атрибута, значит, имеет атрибут ущербности; между тем известно, что ущербное идет в бытии по рангу после совершенного, и будь Первое Сущее ущербным, совершенным должен был бы быть Всевышний Бог, от которого оно получило бытие (ведь ущербному предшествует совершенный). Однако Его совершенство означало бы, что Его бытие проистекает от иного, чего быть не может; а раз Его совершенство влечет бытие того, чего быть не может, значит, ложно, что Он должен быть совершенным. Таким образом, сей атрибут отдан Первому Сущему, бытие коего также невозможно без Того, от Кого проистекает его бытие, свободного от черт множественности и атрибутов, необходимо означающих, что их бытие — от иного.

Итак, [Первое] Сущее, получившее бытие от Всевышнего, совершенно; однако оно не может быть совершенным, не пребывая в одном состоянии без всяких превращений. Ведь превращение *(истиҳāля)* — это непостоянство пребывания *(ḳиллят аль-баḳā')* вещи такой, какова она есть, это признак перехода из одного состояния в другое; а переход из одного состояния в другое бывает только ради приобретения чего-то и в силу какой-то нужды. Однако установлено, что Первое Сущее совершенно, не испытывая никакой нужды; а если нет нужды, нет и перехода; а если нет

перехода, нет и превращения. Если же нет превращения, следовательно, оно пребывает в одном и том же состоянии своего бытия, не испытывая превращений, не переходя из своего первоначального состояния в иное и ничуть не изменяясь,— как огонь не покидает своего состояния, оставаясь огнем и тогда, когда он освещает и когда подогревает или сжигает, и в движении частиц: во всем этом он совершает действие, только сообразное со своим бытием.

Кроме того, превращение превращающихся вещей проистекает либо от того, что они потенциальны,— а потому, устремляясь к актуальности, и превращаются путем перехода,— либо от того, что они актуальны и совершенны,— а потому стремятся вернуться к потенциальности. В обоих этих состояниях к ним привходят и их покидают акциденции, ибо эти вещи являются (хоть и сами имеют форму) материями для других форм, которым еще не случилось быть, или же становятся общей материей для чередующихся в них акциденций, когда ни одна из уже сущих акциденций не имеет преимущества перед другой, только появляющейся, так что появляющаяся акциденция обладает силой утвержденности, а утвержденная — силой распада и исчезновения, ибо утвержденная в вещи акциденция уже получила свою долю бытия, а появляющаяся [в ней] акциденция обращена к бытию, и ни утвержденная в ней [акциденция] (хоть она — то есть то, в чем находится акциденция,— является для нее материей), ни появляющаяся в ней не могут предотвратить сей силы появления *(ат-ṭавл ат-ṭāри')*, так как предшествующую в бытии [акциденцию] (например, уже получившую [свою долю бытия]) настигает утвержденная в ней [акциденция], а возникающая в ней уподобляется утвержденной. Так эти вещи, превращаясь посредством акциденций, колеблются между потенцией и актом, свершая все то, что им должно свершить.

Итак, превращается только потенциальное в движении к своему совершенству и последующем возвращении в потенцию, и к миру возникновения и порчи относится именно такое превращающееся. Притом нечто предшествует в бытии этому миру возникновения и порчи, ибо он потенциален [1], как, например, душам нашим, поскольку они потенциальны, нечто предшествует в бытии. Однако установлено,

что Творению (кое есть Первое Сотворенное) ничто не предшествует, а следовательно, оно не принадлежит к миру возникновения и порчи; если же оно не принадлежит к миру возникновения и порчи, значит, ложно, что оно превращается: оно пребывает таким, каким сотворил его Всевышний (превознесенный над атрибутами). Всеславно же то, чей пламень совершенства неугасим, чьи воды величия не обмелеют: оно — вечно-длящееся *(сармад дā'им)*, не исчезающее, вечно-пребывающее *(азалий)*, не погибающее и не изменяющееся.

Притом вечные длительность и пребывание его не изначальные *(аввалий)*, но беспредельные *(āхирий)*, ибо оно, как представляется, пребывает во веки веков и во веки вечные, ведь установлено, что существует оно не благодаря своему творцу; и предельная цель разумов, принадлежащих царству Природы,— стать на него похожими в вечной длительности и пребывании посредством приобретаемого от земных границ совершенства: став вечно-пребывающими и вечно-длящимися, они никогда не испытают превращений.

Кроме того, превращение — разновидность порчи того, кто претерпел такое превращение и перестал быть таким, каким был до оного; порча же в нем — от ущербности, а ущербность всякой вещи коренится либо в ее самости, либо в том, от чего она произошла. Однако Творение (которое есть Первое Сотворенное) являет собой само совершенство, а потому оно выше того, чтобы быть ущербным, когда бы его ущербность коренилась в его самости или в Том, от Кого оно произошло; а коли оно выше [этого], то оно — вечно-длящееся, не испытывающее превращений.

Творению (которое есть Первое Сотворенное) не может быть, далее, качественно подобного *(мисль би-н-нав'ийя)* в бытии, когда бы их было два; ведь это означало бы, что Тот, от Кого оно образовалось, как-то разделен, так что от каждой из отдельных частей и образовалось то, что с ней соотнесено. Однако установлено, что Тот, от Кого оно образовалось (а именно Всевышний), не может быть подвергнут разделению ни гласно, ни молчаливо: это бы означало, что есть нечто первенствующее относительно Всевышнего, каковое существовать не может. А коли Он не может быть никоим образом подвергнут разделению ни гласно, ни молчаливо, то от Него произошедшее не может быть двоицей; а если оно не может быть двоицей, то оно — единственное, не имеющее себе подобного.

Кроме того, именно Творение (которое есть Первое Сотворенное) имеет атрибут наполненности и полноты. Если бы в бытии было ему подобное, схожее с ним и равное ему, то наполненность была бы разделена между ними (так что только оба вместе являли бы собой наполненность) и уже ни один из них не был бы полным, но был бы ущербным. А если бы оно (Первое Сотворенное.— *А. С.*) было ущербным, необходимо существовало бы нечто, причинно-обусловливающее Того, от Кого оно произошло; а коль скоро ложно, что есть нечто, причинно-обусловливающее Всевышнего, то ложно, что оно ущербно (ибо оно — творение Всевышнего). Если же ложно, что оно ущербно, следовательно, оно полно и наполнено; а если оно полно и наполнено, следовательно, вне его нет ничего ему подобного в его роде. Так же, например, солнце полно и обладает наполненностью, и нет ничего вне его, что вкупе с ним образовало бы два качественных подобия; или же тело, исполненное мощи, вне которого уж нет ничего, что было бы телом: оно единственно и не имеет подобия.

Творение (которое есть Первое Сотворенное) может быть разумеющим лишь собственную самость. Ведь оно — высшее сущее, а коли так, то и разумеемое им должно быть высшим из сущих; однако нет среди сущего ничего выше его самого, следовательно, оно есть разумеющее только свою самость. Кроме того, поскольку оно есть наипростейшее из произведенного, оно должно разуметь то, что наиболее просто; а среди сущего нет ничего проще его, следовательно, оно разумеет только собственную самость, и ничто иное. Кроме того, разумеющий уразумевает ради достижения совершенства и исправления самости; однако его (Первого Сотворенного.— *А. С.*) совершенство никак не в том, чтобы уразуметь нечто выше себя, а потому ему приходится уразумевать самого себя и так достигать совершенства. Ведь если бы оно достигало совершенства, уразумевая нечто иное, то ему не полагался бы сей всецелый ранг: его совершенство было бы односторонним, но не всесторонним. А это означало бы, что нечто первенствует по отношению к Тому, от Кого

оно произошло; но поскóльку ложно, что нечто первенствует Всевышнему, то ранг совершенства в его всецелостности принадлежит ему (Первому Сотворенному.— *А. С.*). А коль скоро ранг совершенства в его всецелостности принадлежит ему, то нет ему нужды уразумевать что-либо иное, что давало бы ему совершенство.

Итак, оно разумеет лишь собственную самость, ибо, сотворенное в достаточности и величии, не нуждается в ином; это и есть Ангел, Великий, Величавый и Блистательный, Совершенный и Вечно-пребывающий, Разумеющий и Вечно-длящийся, названный в Божественном предании Словом.

О правильности нами сказанного свидетельствует существование глаголящего в мире религии, первоначала цикла *(даур)*, с которым связано бытие всех прочих (входящих в мир религии.— *А. С.*). Он совершенен и утвержден в своем состоянии совершенства; соответственно этому в мире Творения оно (Первое Сотворенное.— *А. С.*) совершенно и вечно, оставаясь таким, каким произошло, без всяких превращений. Он единствен: никто не соучаствует в его пророчестве и нет в его ранге ему подобного; соответственно этому оно едино: ничто не разделяет с ним его ранга и ничто ему в том ранге не подобно, и нет ему подобного в том, чем оно обладает. Он не нуждается ни в ком из тех границ мира религии, чье бытие связано с ним, не потребно ему чье-либо послушание, ни чье-либо знание, дабы достичь оным совершенства; соответственно этому и его (Первого Сотворенного.— *А. С.*) существование всеохватно. А установить равновесие всего прочего здесь и там мы оставим тому, кто воистину брат наш: пусть идет нашим путем под нашим руководством, коль скоро надежно установлено, что оно (Первое Сотворенное.— *А. С.*) совершенно и вечно, не испытывает превращений, не имеет подобия и разумеет только свою самость. Всеблаг Бог, Господь миров, и всеславен; нет бога кроме Него; лишь Бог Великий дарует крепость и силу; на Бога уповаю и к Нему прибегаю: Он любвеобилен и милосерден; Он — наше довольство и надежный защитник!

УЛИЦА ПЯТАЯ

О чтойности *(маҳия)* его субстанции, о том, какие атрибуты должны ему принадлежать, что́ в его самости является носителем, а что́ — несомым, и что оно едино в одном смысле и множественно в другом

Мы скажем: Всевышний славнее обладания каким-либо из атрибутов, сущих в Его творении, и Он, как мы показали ранее, неизречен, в то время как высочайшие и всесовершенные атрибуты отнесены к Творению Его, ибо невозможно сему благородству, совершенству и иным превосходным атрибутам быть принадлежностью чего-то иного, нежели сие Творение: таковое означало бы, что есть нечто, причинно-обусловившее и давшее бытие Всевышнему и Всевеликому Богу. Поскольку же такое невозможно, то высшие атрибуты и высшие носители атрибутов принадлежат тому Творению, кое есть Первое среди разрядов сущего.

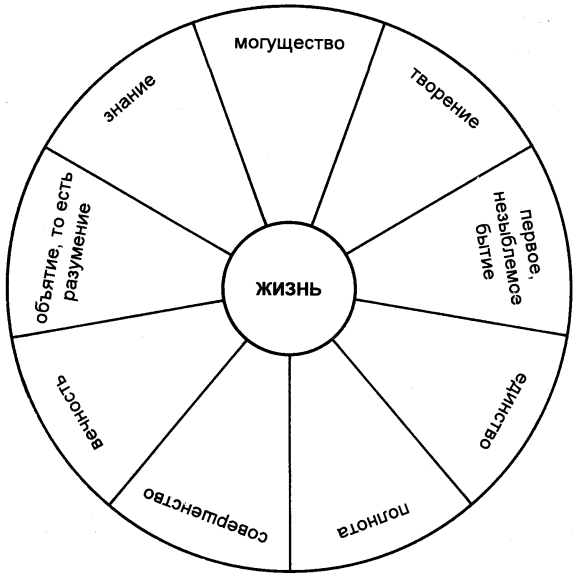
Творение, происходя от Всевышнего, не может не быть Первым Незыблемым *(ҳаққ 'аввалъ)*[1], конечной целью, к которой восходит все сущее в бытии. Однако же оно не могло бы быть Незыблемым, не будучи Первым Сущим, ибо незыблемо оно именно постольку, поскольку оно есть Первое Сущее: если ложно, что оно есть Первое, то не может оно быть и Незыблемым; и Первым Сущим оно не могло бы быть, не будучи Единым, ибо оно есть Первое Сущее именно потому, что оно едино: будь оно не едино, но двойственно, оно бы не было Первым Сущим; Единым же оно не может быть, не будучи Полным, ибо именно полнота есть причина его единства: ничто из того, что подобно ему, не находится вне его (как, например, полнота тела заключается именно в том, чтобы ничто из подобного ему по телесности не находилось вне его); и Полным оно не может быть, не будучи Совершенным, ибо именно совершенство есть причина его полноты: не будь оно совершенным, не было бы и полным; Совершенным же оно не может быть, не будучи Вечным, ибо совершенство его состоит в том, чтобы пребывать в едином состоянии, не отклоняясь от оного; Вечным же оно не может быть, не будучи Разумеющим, ибо быть вечным, не испытывая превращений, оно может быть

только тогда, когда сохраняет самость свою и разумеет ее; [2] Разумеющим же оно не может быть, не будучи Знающим, ибо разумеющим оно является именно потому, что знает самость свою, оную обнимая; Знающим же оно не может быть, не будучи Мóгущим, ибо упомянутое объятие, то есть знание самости, возможно лишь посредством Божественного могущества, чрез которое и свершается действие, а именно оное объятие; Мóгущим же оно не может быть, не будучи Живым, ибо мóгущее оно именно потому, что живо; Живым же оно не может быть, не будучи Действующим, ибо живо оно постольку, поскольку является действующим в отношении некоторого действия, являющегося пределом и обращенного к выходу из самости, так что оно бытийствует вне оной, в претерпевающем воздействие.

Итак, Жизнь есть самость, вместившая все вышеперечисленное, посредством коего она и есть действующая, ведь не будь оно Живым, оно не было бы и Действующим, а не будь оно Действующим, не было бы и Мóгущим, а не будь оно Мóгущим, не было бы и Знающим, а не будь оно Знающим, не было бы и Разумеющим, а не будь оно Разумеющим, не было бы и Вечным, а не будь оно Вечным, не было бы и Совершенным, а не будь оно Совершенным, не было бы и Полным, а не будь оно Полным, не было бы и Единым, а не будь оно Единым, не было бы и Сущим, а не будь оно Сущим, не было бы ни Незыблемым, ни Сотворенным, а не будь оно Незыблемым и Сотворенным, не было бы и бытия — сие доказано с разъяснением причины в книге «Ступени» *(ма'ăридж)*, перед [главой о] простейших буквах [3].

Коль скоро это так, и поскольку бытие всякой сущей вещи — чрез нечто такое, что, исчезни оно, исчезла бы и сия вещь, так что оное нечто есть как бы утвержденный корень и опора сей сущей вещи в ее бытии, и поскольку все, что было перечислено из наивысочайшего, таково, что, если отнять его от жизни, жизнь не исчезнет, само же оно не может быть, когда нет жизни, то из этого вытекает, что все это (а именно могущество, знание, бытие, истинная незыблемость и прочее) связано с существованием жизни и пребывает, лишь на оную опираясь. Жизнь есть восприемлющая субстанция, оные же все к ней прилепились; она — как бы самость, чье бытие — от Преславного Всевышнего, первое совершенство и опора всему прочему, остальное же в бытии

своем следует за ее бытием, в ней находя опору, являясь для нее как бы вторым совершенством: она подобна центру, прочее же — описанному кругу (так можно сие наглядно представить):



Сей круг есть образ самости Творения: оно по совокупности ее живо, и по совокупности ее могуще, и по совокупности ее знающе, и по совокупности ее разумеюще, и по совокупности ее вечно, и по совокупности ее объемлет, и по совокупности ее совершенно, полно и едино, оно есть Первое Сущее, незыблемое и сотворенное.

Поскольку оно есть Творение, Первое из произведенного в бытии, такое, что от него, как ветви от ствола, образовалось все прочее сущее, то оно объемлет как все те добродетели, что зафиксированы на сем рисунке, так и все, что в тех добродетелях подспудно содержится или из них проистекает: оно есть и незыблемость, и истина; и первое бытие, и первое сущее; и единство, и единое; и вечность, и вечное; и первый разум, и первое разумеемое; и знание, и

первое знающее; и могущество, и первое могущее; и жизнь, и первое живое — единая самость, к коей прилепились сии атрибуты. Притом одни из них причитаются непосредственно его самости, другие же — чрез сопряженность его с иным, но так, что в самости от этого не возникает множественности. Напротив, здесь так же, как когда говорят «подай»: если это слово сопряжено с тем, кто выше говорящего, то оно будет мольбой, а если с тем, кто ниже его,— приказом; само слово осталось тем же, не изменившись, однако в сопряженности изменилось и стало иным. И все это принадлежит ему с необходимостью, ибо оно — первое в бытии, необходимо-содержащее высшие из совершенств и высшие из сущих. Так же, если есть огонь, обязательно будет и нагрев, и освещение, и сжигание, и распад того, что от огня распадается, и соединение того, что от огня соединяется, ибо существование всего этого влекомо оной самостью (огня.— *А. С.*): когда она есть, и они суть.

Итак, субстанция сего Творения есть субстанция жизни, и воплощенность его есть воплощенность жизни; жизнь предшествует всем прочим атрибутам, а потому и Всевышний Бог упомянул ее первой среди атрибутов: «Алм, Бог... нет другого достопоклоняемого, кроме Его, живого, присносущего» [4], а также: «Бог... нет другого достопоклоняемого, кроме Его, живого, присносущего; Его не объемлет ни дремота, ни сон» [5]. Оно единично, будучи творением и единым, и оно же множественно постольку, поскольку в нем имеются, как мы показали, атрибуты.

Что же касается жизни, то приемлет она всё ей подобающее из совершенств так, как то соответствует разряду ее бытия. Если бытие ее — Первое Бытие, каковое есть Творение, то ее второе совершенство существует, влекомое ее бытием и вместе с ним, ибо здесь ей ничто не предшествует, и дело обстоит не так, что ее бытие есть ее первое совершенство, объятие же ею предшествующего — ее второе совершенство, но, напротив, здесь самость ее есть наиперейшая; поскольку же она такова, то ее первое совершенство, а именно совершенство ее самости, есть одновременно и ее второе совершенство, а именно совершенство ее атрибутов: здесь нет нужды в ином, и совершенство полно.

Если же ее бытие является бытием последующим *(мута'аххир)*, то ее второе совершенство состоит в охвате предшествующего ей в бытии иного. Таково, например, бытие человека: вначале он представляет собой жизнь, обладающую могуществом; она — первое совершенство, именуемое душой, ибо оная потенциальна, открыта для приятия второго совершенства. И действительно, неустанно приемлет она, учится, постигает знания и совершает действия, пока не достигнет ступени разума: она придерживается установленных обрядов общины, способных подвести душу к актуальности и достижению ступени второго совершенства, когда упорно практикует душа оные обряды и предписания, познав их явное и скрытое и не отходя от них. Когда же обуздает она себя, удерживаясь от страстей в стенах Закона, уж не до́лжно ей именоваться более душой, ибо достигла она ступени совершенства. Таковы души глаголящих (да благословит их Бог!): непрестанно чередуются их состояния, способствуя им, бывшим в первом совершенстве своем лишь жизнью могущей, приобрести второе совершенство, достигнув ступени объятия и знания и став актуальными; когда ж обнимут они им первенствующие самости, целокупно соединяясь с оными, тогда воссияют светы Единства [6] и достигнуто будет ими второе совершенство в том втором состоянии.

А обнимает ей первенствующее именно оной души самость; ведь если та самость достигает ступени счастья, обретая, подобно ей в бытии предшествующим самостям, первое и второе совершенства (ведь она достигает предела совершенства, где ничто из высокости и полноты тех вещей не чуждо ей), то она и есть они, но не в том смысле, что сии разумы, исходящие в мире Природы из потенции в акт, суть одновременно первенствующие высочайшие начала [7], но в том смысле, что они таковы же, как и те, в своей актуальности, обретении совершенства и струении в них света Единства, когда приходит к воссоединению в них вся множественность. Устрояются они (разумы.— *А. С.*) их (первоначал.— *А. С.*) устроением, так что, когда обращаются к самости своей, черпая в ней светы знаний, то потому, что как бы замечают те иные, в их самость не входящие, вещи: ведь нет меж ними различия, кроме как по первому совершенству (ибо те и другие суть нечто единое как жизнь) и по второму совершенству (ибо те и другие суть нечто единое как актуальные, вечно-длящиеся и вечно-пребывающие). Всякий из светов Единства струится

и в тех, и в других, а различающее их превосходство заключается лишь в градации бытия: первенствующие в бытии выше последующих.

Так разумы, переходящие в царстве Природы из потенции в акт, становятся обладателями и распорядителями иного, по отношению же к прочему они суть дающие совершенство, ибо от них берут начало струящиеся в душах вечные силы, так что те переживают второе воскрешение как чистые разумы, вечно-сущие, исправленные законопослушанием, оформленные вечными божественными науками. Всеславен Вседержитель творения и мироздания: нет бога кроме Него; лишь Бог Великий дарует крепость и силу; к Нему, о рабах Своих зоркому попечителю, взываю и на Него уповаю.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О том, что его слава, великолепие, красота и самостное ликование неописуемы; что ему невозможно познать Того, Кто вне его, от Коего проистекает его бытие, и что в том — его томление и смятение; что оно — величайшее имя и величайшее поименованное

Мы скажем: величие, великолепие, мощь, вознесенность, достоинство, слава, возвышенность, ликование, сияние, блаженство и радость всякой вещи таятся в ее втором совершенстве, оное же либо субстанциально, либо акцидентально. Акцидентально второе совершенство, например, царей, ибо заключено в их подданных, войске, богатстве, убранстве, красоте и искусстве управления; оно столь велико, что от него захватывает дух,— однако ж великолепие, слава, радость и блаженство, заключенные в субстанциальном втором совершенстве, больше оного. Поскольку второе совершенство Творения, кое есть Первое Сущее, субстанциально (а вовсе не [достигается] посредством иного), то и его величие, мощь, вознесенность, слава и самостное блаженство и ликование не поддаются описанию и превышают всякую нашу радость. Ведь все беспредельно высокое, бестелесное в царстве Творения есть кладезь предельного блаженства и радости, и его услада, благоденствие, радость и красота таковы же в сопряжении с оными, сущими в нашем телесном царстве Природы, как те (то есть сущие в царстве Природы) — в сопряжении с сущими в мире зарождающемся, так что состояния сии Первого Сущего «не зрело око, и не внимало им ухо» [1], как сказал о том глаголящий (да благословит его Бог!).

Кроме того, блажен и радуется постигающий совершенное, доброе и красивое, видящий, что устроено бытие вещей с оным в согласии, а не в противоречии; чем больше постигаемое вобрало в себя совершенства, красоты, убранства, великолепия, доброустроенности и блеска, чем более совместимо оно с постигающим его, тем больше радости приносит оно постигающему, и тем более явно ликование его. Поскольку же Творение, кое есть Первый Разум, является пределом совершенства, великолепия и красоты, ибо оно — первое в бытии, поддерживающая причина, к коей восходит все сущее, а его самости ничто не уподобится в совершенстве и красоте, и нет ничего ему более близкого и соответствующего, нежели его самость, причем постигает оно самость своей же самостью, то отсюда вытекает, что ликование и блаженство, испытываемые им от своей самости, столь же велики, как и от в его самости, что их вызывает, так что превосходит это всякое описание. Да славится великий Творец его, да славится Создавший его столь величавым, Тот, от Кого произошло сие сущее и кроме Которого нет бога!

Первое Сотворение (кое есть Творение полное и совершенное), несмотря на оную полноту и совершенство, совершенно не знает Того, от Кого проистекает его бытие, и не разумеет Его; бесплодна всякая такая его попытка, и уразуметь в том может оно (поскольку само оно — наисовершеннейшее и высочайшее) лишь то, что в своей же самости нашло и из оной извлекло,— лишь формы самости своей найдет оно, отойдя в изнеможении, зная, что это ему не по силам (так же точно любой из нас, возжелай он схватить пригоршню воды, будет взирать лишь на пустой, плотно сжатый кулак — собственную ладонь, но никак не воду, поймает он; или если захочет прихлопнуть, как бабочку, солнечный луч или зажать его в руке, не получит желанного, но скорее обратное), ибо оно есть действие Его, творение Его. А действиям свойственно покидать того, от

кого они проистекают, так что лики их, когда они суть, обращены не на действующего, но на собственные самости, подвергающиеся воздействию, дабы к оным прилепиться и их сохранить, ведь если бы лики действий были обращены к действующему вместо действия, то они не проистекали бы в бытие, а напротив, исчезали бы с арены бытия. Поскольку же творение является действием и чистым бытием, а лик его обращен на то, чтобы ему быть сущим, тем самым оно отстранено от Того, Кто вне его самости и от Кого оно вышло на арену бытия. Так ему не дано узреть и объять Его, а потому оно — в смятении *(мутаҳаййир)*; а будучи в смятении, томится оно узреть Его, дабы объять. Однако не дается ему это, и сия неспособность окутывает его как покрывало: оно в таком же смятении, как желающий схватить пригоршню воды, как томящийся желанием поймать солнечный луч [2].

Кроме того, разумам свойственно разуметь собственные самости оными же и воздействовать на свои самости оными же. Коли это так, то не могут они разуметь, обнимая, то, что вне их и от чего проистекает их бытие. Ведь объять то, что вне их, они могут, лишь выйдя за пределы своих самостей, а выйдя за оные пределы, они уже не суть разумы, а когда они не суть разумы, они невежественны; а коль скоро, выходя за пределы своих самостей, они перестают быть разумами и становятся невежественными, то они, будучи разумами, не могут разуметь находящегося за пределами своих самостей. Посему Первое Сотворенное, кое есть Первый Разум, не разумеет Того, Кто вне его, своего славного Творца. Поскольку же оно сие не разумеет, то оно — в смятении *(ҳайра)*; оно знает о своей самости не более того, что она сотворена, но не знает Того, от Кого она получила бытие, о Ком она в смятении.

Итак, неспособно оно уразуметь Того, от кого [проистекает] его бытие, и постичь Его, и находится в смятении, однако же не вследствие ущербности своей самости, как то имеет место в отношении наших самостей, когда мы в неведении о неизвестном нам, но потому, что Всевышний превыше всякого постижения и охвата разумом, ибо постижение для постигающего означает, что оно обращается к познаваемому, ища в нем, чем его можно описать и охарактеризовать. И вот, разумам это мучительно тяжело и невозможно, они находят в том свое смятение и бессилие.

Точно так же взгляд наш не выдерживает встречи с солнечным диском не потому, что неспособен к постижению, но потому, что такова уж оность солнца: оно ослепляет направленный на себя взгляд, так что тот оказывается неспособным выдержать его сияние и, ослабевший, отворачивается.

Итак, Первый Разум в томлении и смятении, не способен постичь Того, от Кого [проистекает] его бытие. Подтверждение тому найдем мы и в божественном предании, и в толковательных рассуждениях, запрещающих вести речь о Творце, ибо сказал пророк (да благословит Бог его и род его!) сподвижникам своим: «Говорите о тварях, но не говорите о Творце». Он (да благословит его Бог!) знал, что сей предмет недоступен разумам, обращение же к нему плодит одни сомнения и уподобления (Бога сотворенному.— *А. С.*), несущие душе погибель (да охранит вас Бог!).

Кроме того, оно — величайшее имя и величайший поименованный. А именно многочисленны имена, коими в телесном мире (то есть в царстве Природы) называют Всевышнего, однако величайшее из них, подобающее лишь Ему одному и никому другому, есть Бог. Притом наидостойнейшее из Его имен есть передающее тот смысл о Поименованном, с которым согласуется сущее от Него, о котором заявляет оно естеством своим и на которое указует состоянием своим. Сие же имя (т. е. «Бог» — *аллāх.*— *А. С.*) передает смысл «страстной увлеченности» *(ильхāнийя)*, то есть томления, и «растерянности» *(валях)*, то есть смятенности (ведь если кто-то томится страстью, о нем говорят, что он «сильно увлечен», а о смятенном — что он «расстроен» и «сбит с толку»). А значит, сие имя в двух его смыслах есть по праву имя Творения, кое есть Первое Сущее, ибо в нем наличествуют сии два смысла: томление по Тому, от Кого его бытие, и смятенность в отношении Него. Итак, поскольку сие имя с находимым в нем смыслом по праву его и имя сие — величайшее, а поименованный им — величайший, то томление и смятенность в нем установлены. Велик Бог, вознесенный над атрибутами, велико и прекрасно творение Его; нет бога кроме Него; к Богу взываю и на Бога уповаю во всем: лишь Он дарует крепость и силу. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О том, что оно — двигатель всего движущегося, и о том, как именно оно движет; о том, что оно — поддерживающая причина всего прочего, что оно нуждается для действия своего только в своей самости; и о том, что оно — самостный разум, разумеющий свою самость и разумеемый своей самостью

Мы скажем: поскольку движение является действием, а все действия, как совершающиеся в материи, так и самосущие, обязательно имеют первоначало, то и движение имеет первоначало, от коего проистекает его бытие; а раз движение в мире существует, то установлено, что оно имеет первоначало.

Установив, что оно имеет первоначало, и исследовав оное, мы найдем, что оно распадается, [во-первых], на первоначало, кое есть первый подвижный двигатель, какова, например, жизнь, струящаяся из мира Единства и Совершенства (то есть — мира Разума) в телесный мир, каковую жизнь именуют Природой и которая движет телами подобающим им образом по предписанию божественного устроения и в то же время сама движется вследствие движения их, ибо она — в них; и [во-вторых], на второй подвижный двигатель, каковы, например, второе совершенство в мире Разума и то совершенство в душах поддержанных [небом] *(му'аййадӯн)* [1], кое именуют то пророческой миссией, то посланнической миссией: оное совершенство движет души рода человеческого к обожанию Бога и поклонению Ему, заставляет их возжаждать добродетели и счастья, ибо призывает их к действию,— и оно же, когда возжигает в них сии желания и пробуждает в них трепет, само движется, ибо оно — в них.

Притом движение их обоих не есть самостное, но проистекает от иного и является привходящим ненамеренным движением, заставляющим двигатель ненамеренно двигать также и самого себя, когда он имеет намерение привести в движение то иное, в чем он находится. Так происходит с двигателем тел потому, что он находится в них, когда движет их, желая стяжать достигаемое прославлением, достичь блаженства вечного пребывания, а для него это

достижимо только тогда, когда он приводит их в движение; точно так же и мореплаватель приводит в движение свой корабль и движется вместе с ним, или душа приходит в движение, когда движет части своего тела. Что ж до двигателя душ [2], то оное [движение его] — по той причине, что он принадлежит к человеческому роду; когда обращает он свой призыв к почитанию Бога, поклонению, научению, пробуждению стремления и трепета, желая стяжать особое положение, достигаемое только таким призывом, научением, обожанием и поклонением, тогда и сам неизбежно приходит в движение, хотя бы в его намерение и не входило привести в движение свою самость.

Поскольку же это движение их — не самостное, но [проистекает] от иного, оба они приходят в движение лишь по той причине, что, двигая, то есть производя свое действие, они нуждаются в том, чтобы соприкасаться своими самостями с тем, посредством чего происходит оное действие. Ведь если бы, приводя [нечто] в движение с какой-то целью, они не нуждались бы в ином, необходимом для достижения данной цели движения, в том, чтобы соприкасаться с оным своими самостями, то они и не двигались бы. Например, если бы душе, осуществляющей мщение, не было бы нужды приводить в движение руку (а она — иное по отношению к душе) для нанесения удара, язык — для изрыгания хулы и всего человека — для наступления на врага, то ей бы вовсе не было никакой необходимости двигаться. А коль скоро оное движение происходит лишь потому, что им обоим необходимо для совершения действия нечто иное, что как бы принимает их воздействие (каковым для природы является тело, а для душ наставников — души учеников), так что посредством обеих сторон достигается совершенство действия, и ввиду того, что ущербный и нуждающийся стоит ниже совершенного и ненуждающегося, то согласно божественному распорядку необходимо, чтобы движущемуся, нуждающемуся в ином для свершения действия двигателю предшествовало бы в бытии нечто такое, что в силу этого [предшествования] не нуждалось бы в ином для свершения действия, а значит, и было бы не ущербным, но обладало совершенством, в силу коего отпадала бы всякая нужда прибегнуть к помощи иного, изливая действие в бытие. Когда же бытие оного необходимо по [божественному] распорядку, а ничто, кроме Творения, кое есть Пер-

вое Сотворенное и Первое Сущее, не предшествует тем двум движущимся двигателям, обладая при этом совершенством и могуществом, величием, блеском и сиянием, светами и самодостаточностью, то именно Творение (Первое Сотворенное и Первое Сущее) есть неподвижный перводвигатель.

Притом он движет иное таким же образом, как совершается движение любящего к любимому или как к магниту притягивается железо. Тут дело в том, что для первого подвижного двигателя (одного из двух эманаций) предельная цель и второе совершенство (а именно ради него он прославляет, возвеличивает и превозносит [Бога], и именно в том находит свою усладу, радость и вечное пребывание) заключены в том, чтобы уразуметь предшествующий ему в бытии перводвигатель, то есть Первое Сотворенное и Первое Сущее. Если он уразумел его, это значит, что в его самости есть форма, выправленная его актуальностью и совершенством, которого он достиг в превознесении, восхвалении и прославлении, ликуя по поводу своего совершенства, пребывания и достигнутого блаженства. Форма же всегда воздействует на то, формой чего она является, приводя оное в движение туда, куда ему свойственно двигаться. Итак, сия форма, приводящая его в движение, и заставляет его действовать так, как то определено его совершенством (а оно достигнуто именно посредством этой формы), предполагающим прославление, восхваление и блаженное вечное пребывание. Однако же он, намереваясь свершить сии действия, неминуемо должен воспользоваться тем телом, в котором находится (ведь его совершенство — в том, чтобы существовать посредством сего тела и своей самости, а не самостно; именно поэтому говорится, что первое совершенство тела достигается посредством его двигателя, что и использовано в определении души: она есть совершенство для наделенного орудиями природного тела).

Когда же он, дабы свершить действие, прибегает к помощи тела, возникает движение, а именно самое вечное и совершенное из всех движений; так он становится двигателем того тела и сам движется с его движением. Вследствие вечной длительности *(давам)* действия его (предопределяемых совершенством восхваления, прославления, превознесения, радости, блаженства и ликования) это движение также вечно длится: ведь причиной движения сего движущегося [двигателя] служит разумеемая форма Сотворенного (то есть Первого Сущего), которая и является его (движущегося двигателя.— *А. С.*) совершенством, форма, требующая принять разлитое во всем сущем истечение, дарующее оному сущему бытие и пребывание. Благодаря сей форме перводвигатель и стал первым двигателем иного, а движущийся [двигатель] — первым самостно движущимся; если же в нем (неподвижном двигателе.— *А. С.*) и представлять движение, то только как самостное объятие своей самости, самостное наслаждение своим величием, утверждение [Бога] и неспособность постичь Того, от Кого он произошел.

Притом сей первый подвижный двигатель не таков, как вне его сущие Разумы, свободные от всего, что было бы для них опорой *(мавдуʿ)*: самости тех Разумов суть разумение, разумеющее и разумеемое, а самость первого подвижного двигателя не есть целиком разумение, ибо в самости его есть нечто, разумом не являющееся, а именно тело, которое служит для него как бы материей или опорой и в котором он действует, уразумевает же он не благодаря своей опоре, а благодаря своей форме, совершенство которой заключено в уразумении того, что находится вне ее.

Оно, далее, является поддерживающей причиной бытия всего прочего. Ведь сущее — это следствия, поддерживаемые своими причинами, кои предшествуют ему в градации бытия и являются для него конечными целями; среди сущего же предельной целью для всех предельных целей и предшествующим для всего предшествующего является именно Творение (Первое Сотворенное и Первое Сущее), а потому оно есть поддерживающая причина бытия всего прочего.

Кроме того, если бы Творение (то есть Сотворенное прежде всякой вещи) не было поддерживающей причиной бытия всего прочего, то сущего не было бы. Но коль скоро сущее есть, то отсюда с необходимостью вытекает, что предел сущего (такой, что если переступить его в поисках чего-то иного, за ним лежащего, то не найдешь в бытии ничего) является той поддерживающей причиной, с которой связано бытие всей целокупности; пределом же сущего (за которым ничего нет) является не что иное, как Творение (то есть Сотворенное). Итак, Первое Сотворенное есть поддерживающая причина наличного сущего, наподобие единицы — первой из чисел.

Кроме того, вещь не способна стать причиной, поддерживающей бытие другой вещи, исключительно вследствие некоего препятствия, коренящегося либо в ней самой, либо в чем-то ином. Однако коль скоро Первое Сотворенное благодаря полноте мощи своей не встречает никакого препятствия для своего действия ни со стороны чего-то внешнего, что предшествовало бы ему, ни со стороны своей самости, в которой было бы таковое препятствие, то Первое Сотворенное (то есть Творение) есть поддерживающая причина бытия сущего.

Кроме того, нечто получает бытие от другого только тогда, когда это другое достигло конечного совершенства и предельной полноты, когда самость его богата с избытком и обладает мощью, делающей ту самость превосходной и открывающей путь бытию от него образовавшегося. Таков, например, ученый муж, преисполненный наук, изливающий их благодать на ученика, а не будь он ученым, то и не могло бы быть у него ученика; или кувшин, расплескивающий воду, когда переполнен ею, если же ее в нем мало, то ревностно хранить будет ее, нуждаясь в той воде более других, и не прольет ни капли. Поскольку же Творение (то есть Первое Сотворенное) являет конец совершенства и предел полноты и избыточной исполненности, оно и есть поддерживающая причина бытия всего прочего.

Кроме того, поскольку Первое Сотворенное является Первым Живым, а живым не может быть бездействующий, Первое Сотворенное является оказывающим воздействие; коль скоро оно воздействует, а воздействующее есть поддерживающая причина бытия претерпевающего его воздействие, то Первое Сотворенное есть поддерживающая причина бытия всего прочего.

Итак, оно — перводвигатель и первая поддерживающая причина.

Оно, далее, вследствие своего совершенства обходится без чего-либо внешнего в произведении своих действий. Ведь воздействие его осуществляется в самой его самости, и его самость является для его же самости материей, на которую оно воздействует *(яф'аль)*, и формой, благодаря которой оно действует *(я'маль)*. Оно таково, ибо оность Того, от Кого оно получило бытие, превыше всякой инаковости: произведенное Им не может нуждаться для своего воздействия в чем-то ином, ибо будь это так, бытие этого

иного означало бы причинную обусловленность бытия того, от кого они оба произошли, ведь два разных могут существовать только от двух разных, а соединивший в себе двух разных множествен, а множественному всегда нечто предшествует; поскольку же Всевышний никак не может быть множественным или иметь какой-либо атрибут, от Него не могут получить бытие два различных, а коль скоро невозможно существование таких двух различных, от Него происходящих, то от Него произошедшее едино; поскольку же оно едино и притом оказывает воздействие, то никак не может нуждаться ни в чем ином для произведения своего воздействия.

Итак, Первое Сотворенное не нуждается ни в чем для произведения своего воздействия в силу того, что оно — первое в бытии и поддерживающая причина бытия всего прочего. Потому-то мы и говорим, что души, нуждающиеся в поддержке чувств (а они для них — иное) ради осуществления своего действия, подобны душам животных и лишены загробной жизни; а всякая душа, взошедшая на высшую ступень действия и твердо стоящая на ней, в познании же воспарившая к высшему из сущего, объяв его в воссиявших в ее самости светах Единства, уже не будет нуждаться в чувствах для осуществления своего действия: долго искавшая и стремившаяся к свету Единства, она навсегда обретет его благодать и найдет в нем опору.

Первое Сотворенное, далее, есть разумение, разумеющее и разумеемое: разумение, ибо оно — чистый Разум, существующий от Всевышнего; разумеющее, ибо оно воздействует на свою самость и обнимает ее, а именно разумеет ее (при том для разумения своей самости, то есть для своего действия, оно не нуждается ни в чем ином, как нуждаемся мы в помощи постороннего, когда обнимаем свою самость и уразумеваем ее,— нет, самость сего Разума есть саморазумеющая); разумеемое, ибо самость его становится для него разумеемой, причем, чтобы стать разумеемым, ему нет нужды прибегать к помощи чего-то иного, что уразумело бы его, но самость его разумеема собою же. Разумеющее в нем есть одновременно разумеемое, а разумеемое — разумеющее: [они суть] единая самость. Таковы же разумы в царстве Природы, когда они обнимают свою субстанцию и познают свою самость, видя, что она — живая субстанция, упорядочившая предшествующие в бытии формы: объявший сию

субстанцию и узнавший о сей самости, что она — живая субстанция, не является чем-то от нее отличным, а напротив, именно они (разумы.— *А. С.*) и суть объявшие и познавшие свою самость, а объятое и узнанное не есть нечто от них отличное: оно и есть они, а они — оно; они знают собственную самость и познаны собственной самостью. Познанный и есть познаваемый, а познаваемый и есть познанный: [они суть] единая самость. Кроме того, эти природные разумы разумеют вне их сущие Разумы, ибо подобны им: они суть разумение, когда поднимаются до ступени совершенства и сущего, обладающего совершенством, разумеющее, поскольку это разумение разумеет собственную самость, и разумеемое, поскольку самость его разумеется тем разумением, кое и есть разумеющее.

Итак, Первому Сотворенному не нужно для действия ничего, что играет роль материи для действующего, ведь если бы его действие осуществлялось только благодаря материи, оно не заслуживало бы названия первого в бытии, а Тому, Кто дал ему бытие, предшествовало бы нечто Его причинно-обусловившее. Однако, поскольку Всевышний славнее того, чтобы Ему нечто предшествовало, то и от Него сущее превыше того, чтобы рядом с ним было иное; а коль скоро рядом с ним нет иного, но само оно — поддерживающая причина [всего] иного, то оно и не нуждается ни в чем ином.

Это разъяснил Всевышний в речении Своем: «О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил из нее пару ей» [3], это же явил Он в сотворенных Им землях и душах, что суть весы вероисповедные и вернейший критерий, коим распознается истина всех дел и вещей во внутреннем равновесии и взаимном соответствии, о чем — речение Всевышнего: «Мы покажем им Наши знаки в [дальних] землях и в душах их, дабы стало им ясно, что это — истина» [4], свидетельствующая о том, что коль скоро глаголящий стоит первым среди границ своего цикла, несет всем свой призыв, подвигая их к поклонению Господу, воздействует на души их, образуя их по форме единобожия, следовательно, и Первое является двигателем всего движущегося по направлению к прославлению Творца; а также [свидетельствующая] о том, что коль скоро совершенство глаголящего, который достиг высшего предела и совершенными действиями и добрыми речами склоняет людей последовать своему призыву, что коль скоро оное совершенство является причиной того, что люди следуют за ним и подчиняются ему, возлюбя его и покидая своих близких, следовательно, предельное совершенство Первого и есть причина того, что оно приводит в движение все прочее так же, как любимый приводит в движение любящего; а также о том, что коль скоро глаголящий есть причина бытия всего в мире религии в его цикле, в каковом цикле он стоит первым, будучи первоначалом его установлений, ритуалов и границ, следовательно, Первое есть поддерживающая причина бытия всего прочего, от него образовавшегося; а также о том, что коль скоро всесовершенный глаголящий не нуждается ни в чьем содействии для установления законов поклонения и основ единобожия — истока счастья, следовательно, Первое не нуждается ни в чем для совершения своего действия; а также о том, что коль скоро глаголящий есть самостное разумение, самостно разумеющий и разумеющий свою самость ею же, и самость его разумеема для него чрез нее же, и что он стяжал совершенство, следовательно, и Первое также есть разумение, разумеющее и разумеемое. Всеславен Вознесенный над представлением и мыслью, скрытый покрывалом сего ослепительного Творения от постижения каким бы то ни было атрибутом; нет бога кроме Него; лишь Бог Всевышний дарует крепость и силу; к Богу взываю и на Него уповаю во всех делах своих: Он о рабах Своих зоркий попечитель. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

КВАРТАЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

О Пере, Скрижали и верховных первоначалах (кои суть небесные буквы), существующих от Творения, которое есть Первое Сотворенное

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О способе эманации

Мы уже говорили, что, поскольку сущее множественно, каждой вещи дано имя, ей соответствующее и на нее указывающее, Первый Разум же (то есть Первое Сотворенное), будучи произведен из ничего, получил имя Творения, ибо является самостью действия, излившегося в бытие от Всевышнего без чего-либо, что было бы подобно материи в самостях сущего. Мы показали также, что знание того, как совершилось творение, скрыто покрывалом, которое разумы не в силах приподнять, ибо такового не содержат их самости, и, стремясь постичь это, они должны перестать быть разумами; когда же перестают они быть разумами, утрачивается их самость, чем доказано, что способ творения не таков, как способ эманации, которую постигли светозарные умы и о которой нам сообщили. Ведь будь способ творения подобен способу эманации, то творение было бы эманацией, а эманация — творением, а значит, ранее показанное свидетельствует, что эти способы не подобны.

Эманация — это ненамеренное самопроизвольное действие *(инфи'āль)*, а также бытие, возникающее от самости, соединяющей две вещи: она и объявшая, и объятая. Такая

самость, узревая себя и испытывая самоликование, озаряется *(тушрак)*, и вот от той двойственности вне сей самости возникает нечто, утвержденное так же, как утверждена и та самость. А именно Творение (то есть Первое Сотворенное), как мы ранее показали, будучи пределом всех превосходных качеств, является самостно живым, самостно мóгущим, самостно знающим, оно совершенно и вечно, оно есть разум и разумеющее и прочее; и вот, самость его вследствие своего могущества объяла сама себя, а объяв, узрела и уразумела; так его самость (коя есть разумение) стала саморазумеющей и саморазумеемой. Притом в сем осуществлении своего полного могущества оно не встретило никакого препятствия, ни внешнего, ни самостного; увидело оно самость свою и полюбило ее, узрев, что оно — Первое в бытии, что ему ничто не предшествует, что оно — та поддерживающая причина, с которой связано бытие всего сущего, что оно — предел сияния, света, блеска, славы, вознесенности, величия, великолепия, могущества и красоты, чистое действие, явившееся в бытии без всякого посредника меж ним и Всевышним.

Узрев все это, величайшее самостное блаженство испытало оно, а ликование его было несравненно больше того, что зарождается в наших душах, когда мы постигаем искомое и стяжаем любимое. И по причине этого блаженства, озарившего самость его (когда оно, возрадовавшись, объяло свою самость, уразумело и узрело ее), изошло от него сияние света. Наподобие этого случается, когда по причине душевной радости от обладания предметом страсти или встречи с предметом любви румянец, прежде таившийся в глубинах тела, прихлынет вдруг к щекам, проступив по коже. Только сей румянец не выходит за пределы той самости, в которой явился, и проникает из глубин тела не далее, чем кожа лица, по причине внутренних препятствий и бессилия той самости; иное дело — сей свет, ибо самость, из которой исходит его сияние, свободна от всяких препятствий и обладает полным могуществом в отношении ее покидающего, сияющего света: он утверждается вне ее, незыблем, как и его поддерживающая причина.

Подобно тому солнце озаряет поверхность воды или хорошо отполированного зеркала исходящими из него, самостоятельно сущими лучами: лучи эти всегда есть, пока есть лучезарное солнце. Если представим себе, что солнце

навеки остановилось неподвижно в одной точке небосвода, продолжая озарять вечно пребывающую поверхность зеркала или воды, то и истекшие от него лучи будут вечно сиять. Только самость Творения (то есть Первого Разума) лучезарна гораздо более солнца, самость его гораздо чище поверхности воды или зеркала, а красотой и великолепием превосходит все, что великолепно и красиво. Как солнце видит поверхность зеркала и озаряет ее, так и Первое Сотворенное (кое есть Первый Разум) узревает и уразумевает свою самость, объяв ее; как зеркало сияет светом солнца, так же и самость [Первого Разума] разумеема и испускает свет; как лучи существуют вне зеркала, отразившего вовне блиставший на нем свет солнца, так и эманировавшее существует вне Первого Разума; как солнце и зеркало суть одна самость и одна вещь с точки зрения телесности, так и Разум и разумеемое суть одна самость и одна вещь; как солнце благороднее и выше озаренного [им] зеркала, хоть они и суть нечто единое как телесные самости, так и самость Первого Разума как разумеющая и разумение выше, нежели она же как разумеемая, хотя она как сотворенная и едина.

Итак, эманация — это сияние исходящего из самости Сотворенного (кое есть Первый Разум) незыблемого света, такого, как мы то показали.

Нечто подобное случается и с некоторыми разумами в царстве Природы, когда они устремляются *(инби'ā̱с)* к актуальности и обретают второе совершенство во времени. А именно, души глаголящих (да благословит их Бог!), ставшие чистыми разумами, вначале все еще пользуются чувствами как орудиями, улавливая и добывая знания вовне, пока не откажутся от их поддержки, когда уж станут довлеть им сияющие в них светы мира Святости. Тогда душа, прежде обслуживаемая чувствами, доставлявшими ей знания, сама поставит на службу им свою силу, соединившись с источниками сияния и света, оглядывая свою самость чрез призму ею запечатленных форм: она показывает им (чувствам.— *А. С.*) свою мощь и силу, они же передают вовне осуществившиеся в ее самости и возросшие чрез запечатление форм силы души.

Принять форму передаваемого вовне душа заставляет общую силу, а именно [силу] представления, которая принимала от чувств формы сенсибельного (а они к ней ближе всего) и передавала их душе. Сила представления с возрастанием силы в мыслящей самости начинает передавать вовне так же, как ранее получала извне формы и переправляла их душе, и тогда сила представления придает воздуху образы так же, как ранее обретала образы от него: чувство видит нечто явленное, и сия явленная форма есть эманация души, взошедшей на ступень разумов и обретшей второе совершенство; притом эта форма существует в обратном порядке, нежели образующиеся в самости путем чувственного восприятия. Там нечто улавливается и передается внутрь, формируя душу, эманация же проистекает от разумов глаголящих (да благословит их Бог!) изнутри вовне, осуществляя чувство.

Такое же точно обращение совершаем и мы, если хотим убедиться, что в определении схвачена истина вещи: обратив определение и увидев, что и обратная его форма верна, мы знаем, что это и есть искомое определение. Например, мы говорим: «Тело — это то, что имеет длину, ширину и глубину»; стремясь к уверенности и познанию истины, мы обратим это и скажем: «Все, что имеет глубину, ширину и длину, есть тело»; и вот, если при обращении подтвердился начальный смысл и ничто из него не оказалось ложным, мы обретаем уверенность в его истинности и знаем, что это и есть его (тела.— *А. С.*) естественное определение. Или же, например, мы говорим: «Человек — живое, глаголящее, воскрешаемое вторым воскрешением [существо]»,— стремясь к уверенности и познанию истины, мы обратим это и скажем: «Всякое воскрешаемое вторым воскрешением, глаголящее, живое [существо] — человек»; и вот, если при обращении подтвердился начальный смысл и ничто из него не оказалось ложным, мы обретаем уверенность в его истинности и знаем, что это и есть его (человека.— *А. С.*) естественное определение. Ведь если формулировка не является обращаемым, при присоединении к ней слова «все / всякий», определением (так что смысл ее отличается от искомого истинного), то она не соответствует [определяемому] и не берется в качестве его определения. Предположим, мы скажем: «Всякий человек — живое [существо]», а затем задумаемся, действительно ли это — естественное определение человека; тогда мы обратим его: «Всякое живое [существо] — человек» — и увидим, что смысл этой формулировки не соответствует первому изречению, ибо

присоединяет к человечности то, что человеком не является: так мы узнаем ложность этого высказывания и не принимаем его в качестве определения человека.

Вот так же и познанное глаголящими (мир им!) о мире Единства, форма чего заблистала в их святых душах, знания, уловленные ими чрез снизошедшие на них светы Царствия, то, что обратилось изнутри вовне (то есть из самости души перешло в чувство, кое есть для нее внешнее) и предстало им в образе — то есть неколебимая и не подлежащая сомнению истина. О том же, что не обращается и не предстает чувству, они (хотя бы и верили они в это) не выносят окончательного суждения, но ожидают, какие эманации случатся в их самостях от божественной силы,— ибо нечто может предстать пред ними в образе только от той силы. Это принадлежит к разряду внушенного откровения *(вахй)*, о чем мы поведем речь исчерпывающе в должном вместе с Божьей помощью и с благословения Его наместника [1].

Далее дело обстоит так же, однако в том, что касается небесных границ (сущих в царстве Творения), речь идет о первой эманации, вневременно соединяющей оба совершенства; это и есть предельная степень совершенства разумов, и этим же человек царства Природы, переходящий из потенции в акт, отличен [2] от человека — приближенного Ангела, сущего посредством первой эманации в царстве Творения [3]. Хвала Богу, Который вел нас, а иначе и не найти нам дороги; хвала преемнику Его (да благословит его Бог!); к Богу взываю и на Него уповаю: Он о рабах Своих зоркий попечитель.

УЛИЦА ВТОРАЯ

О первой эманации, коя есть Второй Разум (именуемый в божественном предании Пером); доказательство того, что его бытие — второе, что он столь же совершенен, как и Первый [Разум], что он не есть ни тело, ни в теле и бытие его не есть первоискомое

Поскольку Первое Сущее (кое есть Первый Разум) наделено именем Творения (ибо бытие его — из ничего) и

действительно существует, то Второе Сущее, следующее за оным в бытии, а именно Второй Разум, наделено именем Первой Эманации, ибо оно существует от Творения необходимым образом, и бытие его неизбежно вытекает из существования давшего ему бытие, обладающего совершенством сотворенности. А именно Первый Разум (то есть Первое Сотворенное) существует от Всевышнего сотворенным, Разумом же является потому, что Бог сотворил его таковым. Поскольку он является и разумом, и разумеемым (ведь его самость разумеема им же), то он имеет одну соотнесенность как разум, а другую — как разумеемое, притом как разум он выше, нежели как разумеемое, ибо в первом случае (то есть как разум) он выступает как единичное *(фард)*, соотнесенное со Всевышним, а во втором (то есть как разумеемое) — как парное *(завдж)*, соотнесенное с собственной самостью. Кроме того, он — поддерживающая причина бытия сущего, он предельно совершенен и полон, так что не должен прибегать к помощи иного, чтобы вывести свое действие в бытие, он узрел свою самость ею же, объял ее ею же, блаженно ликует во всех своих самостных состояниях, и притом лишь один он таков. Из всего вышеизложенного следует (в согласии с тем, что было уже сказано о способе эманации), что от него существуют два сущих (одно из которых выше другого) соответственно тем двум соотнесенностям его самости.

Итак, поскольку для Первого Разума характерны две соотнесенности, одна из которых выше другой, то сущее от высшей соотнесенности актуально, оно есть чистый единичный Разум, отвлеченная *(муджаррада)* форма. Оно второе в порядке бытия, но первое в порядке эманации (как и Первое Сотворенное — первое в порядке творения). Сущее от другой соотнесенности ниже порядком, оно — потенциальный Разум, именуемый первоматерией и формой, и самость его двойственна так же, как и та соотнесенность, от которой оно существует. О нем будет сказано в должном месте.

Подтверждением сказанному служит содержание божественного предания. Ведь в мире религии глаголящий, постановляя и распространяя Законоуложение и установления, является поддерживающей причиной бытия природных разумов; поскольку же он есть подобие Первого Разума в мире Творения, отсюда необходимо следует, что Творение

(то есть Первое Сотворенное и Первый Разум) есть поддерживающая причина бытия Эманационных Разумов мира Святости. Из того, что глаголящий обладает предельным совершенством и не нуждается в помощи себе подобных (то есть людей), распространяя благодать и божественное делоустроение *(сияса)* и привлекая души в тенета Святости, необходимо следует, что Первый Разум обладает предельным совершенством и не должен прибегать к содействию иного для установления мудрости. Он имеет две соотнесенности: одну — с миром Святости, другую — с миром Природы (я здесь говорю о глаголящем); и от него получили бытие два соответственно тем двум соотнесенностям: один из них, высший, а именно заветник, которому он передал свой макам и о котором Всевышний в аяте о молении известил, что душа его — как душа Мухаммеда (да благословит Бог его и род его!), ибо он столь же совершенен и полон; второй же — Писание и Закон в их взаимосвязи. Из этого необходимо следует, что Первый Разум имеет две соотнесенности, из коих одна выше другой, и что сущих от него соответственно сим двум соотнесенностям два, из коих одно выше другого.

Будучи так устроено, сущее от него (глаголящего.— *А. С.*) (да благословит Бог его и род его!) подтверждает, что и предшествующее ему в бытии, скрытое от чувств, устроено подобным же образом — ведь он (да благословит Бог его и род его!), постановляя и законоулагая, шел по путям, указующим на сии неявные и туманные вещи. Потому и говорит Всевышний: «Мы покажем им Наши знаки в [дальних] землях и в душах их, дабы стало им ясно, что это — истина» [1]. Итак, существование от него (глаголящего.— *А. С.*) заветника и Писания, связанного с Законом, ясно глаголет о том, что от Первого Разума — два сущих, из коих одно выше другого, что высшее есть Разум, существующий, подобно ему (Первому Разуму.— *А. С.*), актуально (подобно тому, как заветник существует подобно глаголящему), другое же — потенциальный, имеющий парную самость Разум, а именно первоматерия и форма, кои и суть парные подобно тому, что принесено было глаголящим, а именно распадающемуся на два: Писание и Закон. Как заветник является первым имамом в мире Закона и религии, так и [Первая] Эманация есть первый из эманирующих в мире Святости Разумов (коих число и разряды будут описаны позднее).

Итак, Эманация есть Разум, столь же актуально-сущий, как и его источник,— подобно тому, как луч, исходящий от солнца и зеркала (которое здесь принадлежит роду действующей причины, каковой и является солнце), есть совершенное сияние и свет, о чем мы подробно говорили в главе о способе эманации. Совершенство же его не таково, как совершенство Первого [Разума], который, разумея собственную самость, не имеет нужды разуметь что-либо иное (ибо он — первый в бытии и сущая истина), но ниже оного совершенства на ранг (ибо он-то в бытии — второй): так же и ранг заветника ниже ранга глаголящего. Он (Второй Разум.— *А. С.*) разумеет и свою самость, и самость того, от кого проистекло его бытие, то есть Первого Сотворенного — поддерживающей причины своего бытия. И действительно, ведь пребывать нечто может только тогда, когда связано со своей поддерживающей причиной, давшей ему бытие: оная поддерживающая причина и сообщает тогда ему пребывание, а не будь ее, и его бы не было. Его же (Второго Разума.— *А. С.*) поддерживающей причиной, ему предшествующей, является Первое Сотворенное,— потому он и установил с оным связь, а та связь — разумение (Вторым Разумом Первого.— *А. С.*).

Притом же невозможно, чтобы он не разумел как свою самость, так и самость давшего ему бытие, ибо, не разумея того, был бы ущербен, поскольку тогда в его самости не была бы запечатлена форма ему предшествующего в бытии сущего,— так ущербны души людей в царстве Природы, ибо лишены форм им предшествующего в бытии и испытывают нужду в приобретении их. Если же он ущербен, то не может быть первым для иного, но лишь пределом, за которым не существует ничего другого, как души людей, будучи ущербны, суть второй предел для сущих, за которыми не стоит никакое другое сущее. Итак, если он является таким вторым пределом, за которым уже не существует ничего другого, тогда существует только он и то, от чего он получил бытие,— однако существуют вещи, не являющиеся ни тем, ни другим, а значит, он не может быть таким пределом, за которым уже ничего нет. Если ложно, что он является вторым пределом, то он не может не быть изначальным;

если ложно, что он не изначальный, то он не может быть ущербным, ибо ущербное не может дать бытие своему подобию, в то время как таковое (подобие Второго Разума.— *А. С.*) существует. Если же ложно, что он ущербен, следовательно, он не может не иметь формы ему предшествующего в бытии, а значит, он ее разумеет. Однако он не может разуметь то, что является для него иным: разумея собственную самость, которая для него ближе, нежели всякое внешнее ему, он тем самым разумеет и ее, и самость того, от кого проистекло его бытие.

Доказательством верности сказанного служит поведанное нам в божественном предании. А именно, заветник (а он — второй после глаголящего) не может быть в неведении о ранге глаголящего, который предшествует ему в бытии в мире религии, не может не украсить себя признанием того ранга и не постичь собственный, ибо в таком случае он в силу своей ущербности не являл бы послушания. Потому так уж устроено, что совершенство идущего в бытии после заключается в познании и связанности с идущим в бытии прежде; например, души достигают совершенства, объяв все им предшествующее в бытии. Но если идущему в бытии после необходимо познать идущее в бытии прежде, ибо его бытие с оным связано, то идущему в бытии прежде не обязательно разуметь то, что получило бытие от него (ему достаточно знать, что он есть поддерживающая причина бытия всего того, чему его подобие может дать бытие), ибо его бытие не связано с бытием существующего от него. Посему глаголящему не обязательно знать ни проповедников, ни уполномоченных, ни получивших назначение в областях, ни святых имамов (как обязательно для него знание предшествующих ему в бытии приближенных ангелов, с которыми связано его бытие и его актуальность): достаточно ему знать, что он является причиной существования имамов, худджей, проповедников и верующих, в то время как проповедникам, уполномоченным, худджам и назначенным имамам необходимо знать глаголящего и признавать его ранг, а также знать наставляющих и имамов (мир им!) при обязательности подчинения им.

Так вот, в силу всего этого Первая Эманация есть первое для эманационных первоначал (кои суть небесные буквы), ибо она является первым для всякого чистого *(маҳд)* нечто, получившего бытие от другого чистого не-

что. Постольку, поскольку она есть разум, нет разницы между ней и Первым [Разумом], так же точно, как заветник является первым из границ цикла и первым в проповеди единобожия, а по совершенству он равен глаголящему, разница же между ними — только в ранге, ибо один предшествует другому.

Он (Второй Разум.— *А. С.*) не может быть телом потому, что бытие его проистекает от высшей соотнесенности, а это требует от него быть, подобно давшему ему бытие, чистым Разумом, самость коего объемлет и разумеет сама себя,— тело же не разумеет свою самость, и самость его не объемлет сама себя; также и потому, что самости Разумов не разнородны, а субстанции их не сложены из противоположного, в то время как тело по самости своей сложено из разнородного, где одно нуждается в другом и где некоторые стороны суть сенсибельные, а таковое Разумом не бывает. Кроме того, будь он телом, должно было бы существовать нечто иное, что было бы чистым Разумом, ибо должна была бы быть поддерживающая причина, от которой и проистекало бы его бытие как тела,— однако иного чистого Разума — Первой Эманации не существует.

Не может он быть и в теле. Ведь его бытие проистекает от такого совершенства, которое предполагает, что и он должен быть совершенным, не ущербным, в то время как находящееся в телах (силы и души их) ущербно и нуждается в ином, что доставляет ему полноту. Итак, он свободен от связи с телами и материями.

Его положение соответствует положению двойки среди чисел, которая идет в бытии второй и бытие которой следует после единицы, оной [двойке] по рангу в бытии предшествующей. Как самость двойки проистекает от единицы и как двойка устрояется и поддерживается единицей, ей в бытии предшествующей, так и он (Второй Разум.— *А. С.*) устрояется и поддерживается ему предшествующим в бытии Первым Разумом, и самость его существует благодаря тому, что он совокупно разумеет как ее, так и ему предшествующее в бытии.

Он (Второй Разум.— *А. С.*), как и Первый [Разум], имеет совокупно оба совершенства. А именно, Сотворенное (кое и есть Первый Разум) отличают те десять черт, кои и делают его им: оно есть Истина, Первое Сущее, Единое,

Полное, Совершенное, Вечное, Разумеющее, Знающее, Мóгущее и Живое. Все это говорится о нем, имеющем единую самость, в силу сопряженностей; и это же все по праву принадлежит эманировавшему из него [Второму Разуму] в силу сущих в нем смыслов *(ма'ānин)*. Он (Второй Разум.— *А. С.*) есть Истина потому, что является пределом для всего, что эманировало из Сотворенного; он есть Первое Сущее потому, что является Первым из всех эманаций; он есть Единое потому, что является единым чистым Разумом — первой эманацией; он есть Полное потому, что бытие его — от Полноты; он есть Совершенное потому, что бытие его — от Совершенства; он есть Вечное потому, что связан с тем, что сохраняет его бытие; он есть Разумеющий потому, что разумеет свою самость ею же; он есть Знающий потому, что знает самость как свою, так и того, что предшествует ему; он есть Мóгущий потому, что объял свою самость; и он есть Живой потому, что от него проистекает действие.

Итак, он Совершенен и Полон. Притом дать ему бытие не было первоискомым *(ḳaṣd avval)* для предшествующего ему [Первого Разума]. Действительно, когда Первое Сущее узревает и разумеет свою самость ею же, искомое для него — не дать бытие чему-то не-первому, но свершить в своей самости такие действия, которые необходимо вытекают из его самостного совершенства. Тогда он разумеет и объемлет ее, блаженно наслаждаясь ее состоянием, превознося и прославляя Того, Кто даровал ему бытие, утверждая, что Он превыше того, чтобы хоть в чем-то походить на него (притом, что он — вершина добродетелей и их первый предел). От этого его, совершённого, во-первых, действия, с необходимостью воссиял, во-вторых, свет эманации — сама полнота совершенства, тот плод, чье бытие немыслимо без сей самости, о чем уже прежде было сказано; когда же нечто бытийствует таким образом, то бытие его не есть первоискомое.

Верность сказанного — что законы божественного устроения именно таковы — нам подтвердит наше рассмотрение истока (каковой исток и есть заветник), коего ранг проистекает от ранга глаголящего, ему в бытии предшествующего. А именно, когда глаголящий обращал свой призыв, утверждая свое пророчество и определяя ритуалы для мира поклонения и религии, он не стремился прежде всего

назначить себе заветника, когда бы говорить о том заветнике и было первой целью его призыва и когда бы он таковым искомым был низведен до низшего, ограничился бы им и стал в силу того ущербным. Нет, для него искомым было действие, необходимо вытекающее из его самостного совершенства, исполнением коего он прочно утвердился бы в эмпиреях вечности, установив связь с ему предшествующим в бытии, разумея оное и разумея свою самость, ликуя в состоянии своего совершенства, прославляя Всевышнего. От этого его, совершённого, во-первых, действия, и был произведен, во-вторых, в бытии ранг заветника, каковой ранг происходит от полноты его совершенства и состояния его самости. Итак, коль скоро это необходимо вытекало из его совершенства, то и неизбежно было быть сему рангу, бытие коего зависит от того совершенства.

Нечто подобное заметим мы и в высшем животном, рассмотренном со стороны своей животности. Когда оно достигает совершенства, то есть когда совершенно исполнены его органы, оно начинает искать органами и чувствами своими наслаждения в соитии. Притом искомым для него бывает не дать бытие чему-то иному, но сделать все требуемое совершенством его органов, чувств и сил для наслаждения. От всего это, исполненного, во-первых, и проистекает, во-вторых, бытие его подобия.

Итак, Первая Эманация существует от Первого Разума (который и есть Первое Сущее) не как первоискомое. Притом она столь же величественна, вознесена, блистательна, прекрасна и величава, столь же испытывает блаженство и ликование от своего состояния, ранга и совершенства, сколь и Первый [Разум], от коего проистекло ее бытие. Однако блаженство ее от разумеемой и обретенной ею формы предшествующего ей в бытии превышает то блаженство, что доставляет ей объятие собственной самости и разумение оной. Тому доказательством служит заветник, занимающий в мире религии то же место, что и оная Первая Эманация в мире Творения. Действительно, познав ранг глаголящего и законы его устроения, объяв то, что выше его, он испытывает блаженство большее, нежели от вверенного ему непосредственно по его рангу; каждый такой миг, когда он объемлет и узнает оное, поднимаясь на сию ступень знания, доставляет ему радости и блаженства более, нежели когда он зрит

собственный ранг; ведь то выше этого, а это ниже того. Поэтому и сказал владыка наш Джафар бен Мухаммед ас-Садык (да благословит его Бог!): «Моя связанность с Али бен Аби Талебом радует меня более, нежели родство с ним» [2].

Благодаря предшествующему ему в бытии Второй Разум испытывает совершенное блаженство; он прославляет и восхваляет, он, как Первый, безумно томится в растерянности, воссылая хвалу, он, тот Приближенный Ангел, о коем божественное предание повествует как о Пере: он назван Пером потому, что принадлежит тому же роду, что и Первый. Исполнен благости Создавший его столь бесконечно высоким и великим: Он, Всевышний, славнее всяких богопротивных утверждений о «великой вознесенности». Нет бога кроме Него; к Богу взываю и на Него уповаю: лишь Он дарует крепость и силу, а кто на Него полагается, тому Он довлеет. Слава Богу, ниспославшему нам Мухаммеда и святых имамов, дабы вели они нас, а без водительства Бога и наместника Его (мир ему!) мы не нашли бы пути.

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О второй, потенциальной Первой Эманации, а именно первоматерии, именуемой в божественном предании Скрижалью; о том, что бытие ее проистекает от Первого Сотворенного не как первоискомое; о том, что она не походит ни на Первое [Сущее], ни на Первую Эманацию и о причине этого; а также о том, что она — корень *(аṣль)* телесного мира и среди сотворенного сущего — то же, что тройка среди чисел

Мы скажем: в главе о Первой Эманации (то есть Втором Разуме) говорилось, что бытие сущего от первосущего обязательно проистекает не как искомое. Поскольку Первое Сотворенное по самости своей есть разум, чье бытие связано с сотворением его Всевышним, и оно же есть разумеемое, чье бытие связано с тем, что оно объемлет свою самость, то тем самым оно имеет две соотнесенности. В силу этого, а также в силу совершенного состояния его, из коего

эманирует сущее, и поскольку никакой третьей соотнесенности, как мы показали, нет, то и сущих от него два. Первое из них, лучшее, происходит от соотнесенности его как Разума и является актуальным Разумом, в чем оно подобно той высшей соотнесенности, от которой и образовалось. Это и есть Первая Эманация, именуемая в божественном предании Пером, причем «Перо» говорится и о нем, и вообще обо всех сущих в царстве Творения и Эманации Разумах, ибо все они суть нечто единое, как уже говорилось, в смысле своего совершенства и актуальности. Второе же сущее происходит от соотнесенности его как разумеемого и претерпевающего и является подверженным воздействию живым потенциальным Разумом, в чем оно и подобно той более низкой соотнесенности. Это — вторая Первая Эманация; ее божественное предание именует Скрижалью, ибо она приемлет формы и существует за счет принятия, как скрижаль приемлет формы письмен, оставляемые на ней пером. Она известна как первоматерия, бытие коей сопряжено с формой.

Такое состояние дел, когда одно из двух получивших от Первого Сотворенного бытие сущих соотносится с оным Первым как с актуальным действователем, второе же — как с потенциальным, принимающим воздействие, и когда одно из них выше другого,— есть необходимое следствие тех двух соотнесенностей, ибо они никак не равнозначны и не равны, но напротив, одна из них выше другой. Именно в этом и состоит причина того, что она (первоматерия.— *А. С.*) никоим образом ни схожа ни с Первым [Сущим], ни с Первой Эманацией. Так же точно солнце и зеркало, две причины для бытия эманирующего от них, никоим образом не равны как соотнесенности, но напротив, одно из них выше другого, а эманирующий от них луч соотносится с солнцем как свет и с зеркалом как нечто устроенное и оформленное. В силу этого она — я говорю о второй Первой Эманации, то есть первоматерии,— не схожа ни с Первым, ни с тем, что, как и она, есть Первая Эманация.

Дать ей (первоматерии.— *А. С.*) бытие не было для Первого Сотворенного первоискомым. Обнимая собственную самость, Творение (а оно и есть Первое Сотворенное) не искало того, чтобы от него получилась первоматерия (то есть вторая Первая Эманация) и прочее, ибо такая цель

низка, его недостойна и самого его обратила бы в подлое вместо высокого. Ведь будь искомое им не высшим, но таковым, то есть низким и презренным, он и сам был бы, ища таковое, презренным, а не высоким. Невозможно, чтобы сие возвышенное Первое Сотворенное искало низкого и подлого; нет, объемля свою самость, оно взыскует высочайшего: восславить Всевышнего, который ни в чем не подобен сей его самости. Притом испытывает оно самостное блаженство и ликование, она же (первоматерия.— *А. С.*) по необходимости эманирует из него в силу его совершенства и величия: плоду сего совершенства неизбежно появиться, когда оно узревает свою самость, прославляя (что и было первоискомым) Всевышнего, всячески над оной самостью вознесенного. О сем мы уже говорили, как и о том, что при озарении солнцем чистой поверхности зеркала луч появляется как неизбежная необходимость; или о том, что при возгорании огня появление света становится неизбежным.

Дело в том, что бытийствование сущего двояко: одно бывает искомым, другое же — не искомым. Искомым, например, является существование живого, почему солнце и помещено в четвертой сфере: будь оно помещено в высшей сфере, слишком слабый его жар помешал бы образованию живого, а располагайся оно в низшей сфере, тому помешал бы избыток жара, так что, когда помещено оно было в срединном положении, возникновение от него живого было искомым. А не как искомое совершается, например, гибель живого или незарождение его в областях, далеких от умеренного климата; тому причиной чрезмерный жар или излишний холод, также проистекающие от солнца, хотя целью расположения его было дать живому возникнуть и существовать (а не помешать оному).

Итак, одно существует как искомое, другое — не как искомое. Вторая Первая Эманация, то есть первоматерия, существует, как мы показали, не как первоискомое, но скорее так, как существует тройка уже в силу существования единицы и двойки: когда мы говорим «один и два», тройка остается неизреченной, но она есть как сумма их, хотя и не есть искомое.

Кроме того, первоматерия не обладает благородством и рангом того, что стоит на высшей ступени. В силу этого, поскольку сия эманация, то есть потенциальный Разум,

именуемый среди мудрецов первоматерией, а в божественном предании — Скрижалью, была лишена возвышенности актуальных Разумов, то разлитый в бестелесных Разумах божественный промысл устремился в качестве второго искомого к тому, чтобы превратить ее, уподобив ее высочайшему, в лучшее из того, чем может она стать, не достигая того ранга (т. е. ранга Первого Разума.— *А. С.*). Распространив в ней свои светы, сии Разумы доставили ей подобающее ей совершенство: из ранга возможного бытия, то есть первого совершенства (ведь оно приемлет приращение), она переместилась на ранг необходимого бытия, то есть второго совершенства, где никакое приращение не приемлется, где состояние не изменяется, за каковым вторым совершенством нет никакого достижимого путем приятия [форм] предела (сие — определение первого и второго совершенства).

Так было образовано из нее (первоматерии.— *А. С.*) и воздействующее, и претерпевающее, дабы имелись причины для бытия всего того, что могло от нее существовать: сим было достигнуто соответствие ее Первому Сущему, ей предшествующему по бытию и совершенству. Воздействующие суть движущиеся, а именно небеса и планеты, а претерпевающие воздействие — природы и порождения. Когда бестелесные Разумы устремились к тому, чтобы расставить по порядку и установить в надлежащем месте все то, что приобрело форму, то возвышены были небеса и планеты, природы же были установлены на своем месте, дабы, воздействуя и подвергаясь воздействию, дали они три порождения [1].

В результате получилось, что некоторые материи не приняли возвышенных форм,— но не потому, что они (Разумы.— *А. С.*) хотели этого, а потому, что бытие их (этих материй.— *А. С.*) проистекало от невозвышенных соотнесенностей, в силу чего и пали они ниже тех высших рангов и, от них удаленные, оказались ограниченными и суженными. Тогда божественный промысл, внедренный в струящуюся в сущем природу с целью даровать каждой вещи ей положенное бытие, обратился в качестве третьего искомого к сим материям, возвышенных форм не принявшим, и дал им соответственно премудрому устроению их достойные формы, дабы заключить их (материи.— *А. С.*) в границах нескольких особей и посредством такового заключения

охранить воздух от разложения и сохранить живое,— ведь если бы те материи так и остались в своем гнилостном состоянии, то тем самым воздух подвергся бы разложению и все живое погибло бы. Так сей промысл произвел из тех материй наидостойнейшее в данном случае, а именно таких существ, как змеи, скорпионы, мухи, клопы и прочие ядовитые существа.

Так сделано было ради того, чтобы ничто из сотворенного не утерялось, но получило наидостойнейшее себя бытие, а также дабы известно было, что сей промысл не пренебрег ничем из сущего, но струится, изливаясь сверху, в каждой вещи. Посему Природа со струящейся в ней силой божественного мира, обратившись к тому, что получилось в результате устремлений стоящих выше нее бестелесных Разумов, и расположив в должном порядке тела, образовавшиеся от тех обретших форму материй, из коих не могли образоваться тела небесные, произведя из них высших животных и так введя их (ибо как бы сотворила их) в число сущего (ибо оными небесными телами те материи уж быть не могли), как то им приличествовало, была в сем своем действии схожа с действием бестелесных Разумов, направленным на то, что получилось в результате устремлений стоящего выше их Творения (то есть Первого Сотворенного), когда оно, восславляя и восхваляя Всевышнего, объяло свою самость и возликовало,— то есть на первоматерию, не имевшую ранга превелико вознесенного над ней актуального Разума: они сделали ее своими светами схожей с собственными актуальными самостями, превратили ее в причину бытия иного, наделили ее ей приличествующими формами небесных сфер, планет и прочего.

Друг другу взаимно соответствуя, сущее взаимно уравновешивается; глаголет оно о полноте промысла, позаботившегося дать каждому все, чего оно достойно. Сей промысл устроил так, что образовавшаяся от Первого первоматерия стала материей для воздействия бестелесных Разумов; материи, образовавшиеся от действия бестелесных Разумов в поднебесном телесном мире, стали материей для воздействия Природы, из каковых материй она извлекает порождения; а те материи, что после извлечения Природой порождений остались не принявшими [формы], представляя собой предел разложения,— и к ним он (промысл.— *А. С.*) благосклонно обратился, закрыв дорогу всему, что проистекало от них вредного для живого. А для тех, что приняли [формы], сей промысл вывел (как предел) того, кому сообщил его совершенство, дабы стать ему воздвиженным (да приветствует его Бог!) по истечении срока всех движений и свершений всех циклов. Всеславен Тот, Чей промысл и Чье творенье таковы; познав, храни молчание о Нем, и наилучшим образом Его восславишь и очистишь от уподоблений.

О правильности всего нами сказанного свидетельствуют весы вероисповедные, коими пользуются богоприближенные для познания истины вещей. А именно, поскольку глаголящий в телесном мире имеет две соотнесенности: одну, высшую, с миром Святости, в силу высоты своей (каковая высота составляет его второе совершенство), и другую — с миром Природы, поскольку самость его обладает бытием (каковое бытие составляет его первое совершенство), значит, Творение (то есть Первое Сотворенное, или Первый Разум) имеет две соотнесенности: одну, высшую, с Тем, от Кого оно получило бытие, а другую — с собственной самостью. Далее, от него (глаголящего.— *А. С.*) происходит заветник: о нем ясно говорит глаголящий и его не в потенции, но в акте, устанавливает на свое место; заветник схож с ним и к его роду относится. И от него же существует Писание, представляющее предмет действия. Сие свидетельствует о том, что сущих от Первого Сотворенного два (о чем уже говорилось): одно из них является его подобием, а именно Разум, эманирующий из него и, как и оно, актуально-сущий (подобно заветнику, с глаголящим схожему и оного макам занимающему актуально); другое же, потенциально-сущее, ему (Первому Сущему.— *А. С.*) не подобное, является претерпевающей воздействие первоматерией (подобно Писанию, что есть предмет действия и со всеми в нем содержащимися знаниями сущее потенциально).

Писание не таково, как глаголящий и заветник, что свидетельствует о том, что первоматерия не такова, как Первое Сотворенное и Первая Эманация. Писание есть корень *(аṣль)* установлений и предписаний Закона, оно — один из имамов, замещающих глаголящего в делах научения и управления, как бы материал ремесленников, из коего извлекаются науки, что суть вечные формы разумеемого; это свидетельствует о том, что первоматерия есть корень суще-

ствующих небес, светил, природ и их порождений и что она для бестелесных Разумов составляет как бы материал, из коего образованы сенсибельные обладающие формой тела. Писание не существует в отвлеченности от предписаний и установлений Закона, но напротив, чрез собранность и объединенность их, что свидетельствует о том, что бытие первоматерии не есть бытие, отвлеченное от формы, но, напротив, она существует всегда совместно с формой. Писание, Закон и все, данное глаголящим, хоть и полно мудрости, однако же, чтобы обрести актуальность и воздействовать на душу, нуждается в выразителях и изъяснителях, то есть в исполненных *(атиммā')* (мир им!), что свидетельствует о том, что сущая от [Первого] Сотворенного первоматерия, хотя и обладает формой, однако же нуждается в воздействии Эманационных Разумов, дабы, исполнившись воссиявшими в ней светами их, обрести свое формоустроение и воздействовать на иное.

Когда глаголящий дарует и распространяет [среди людей] им даруемое и распространяемое, когда установляет на свое место заветника, то ищет тем не мирского главенства и быстрого воцарения, и не из любви к суетному превосходству или желая притеснить других делает это, но проистекает сие от того, что в снизошедших на него Святых светах объемлет он самость свою ею же, взыскуя прославить Всевышнего Бога и снискать наиполнейшего счастья, свершая поклонение, доставляя совершенство другим и сохраняя свое второе совершенство, обретенное на той ступени, на кою был он вознесен, обращая призыв свой к вечному пребыванию. Сие — свидетельство того, что первоматерия существует от Первого Сотворенного не как собственно им искомое (о чем мы уже говорили), но в результате взыскуемого им прославления и самостного ликования (как мы о том уже говорили). Всех научает глаголящий, и на всех изливается благодать его, а заветник и его замещающие исполненные сведущи во всем том, в чем он сведущ, так что столь же, сколь и он, совершенны: в сем свидетельство того, что свет Творения струится во всем сущем и что подобны [Первому] Сотворенному Первая Эманация и все те Эманации, коих состояние подобно состоянию оной.

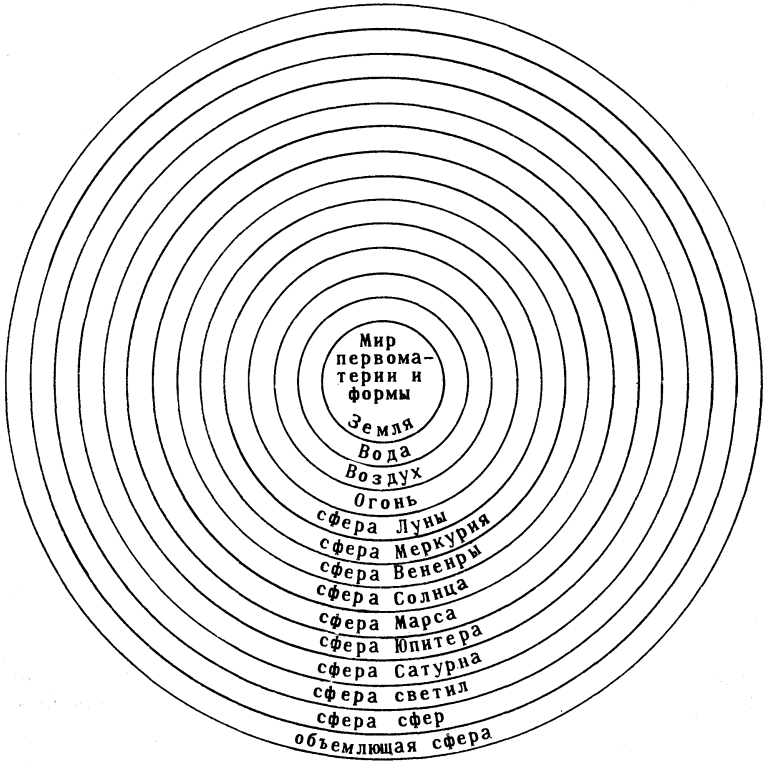
Глаголящий охватил взглядом то, что принес людям, что было им оглашено и исполнено, что затем подробно

разрабатывали и устои чего распространяли заместившие его (каковые существуют потому, что он назначил их); и вот, зная того основы и исполняя оного устои (кои суть слова исповедания веры, омовение, молитва, закат, пост, хаддж, джихад, фикх и нормы суда и правления), стал он причиной бытия духовных порождений, как мы то наглядно изобразили на рисунке. Сие — свидетельство того, что бестелесные Разумы обратились к первоматерии: заструились в ней их лучи и возник телесный мир со всеми небесами, планетами и природами, дабы стать причиной для бытия телесных порождений (как мы то изобразили). Глаголящий (а также заместившие его) стремился привести к должному заблудших, далеких от того, чтобы принять знамения его, не спешащих принять бремя царствия его; особо явили те свою враждебность, когда он научал своего заветника и затем, ввиду его доброй веры и восприятия [учения], предпочел его другим; они в мире религии и поклонения не могли составить и низших границ. К ним обращал он добрую проповедь, в коей заключалось их благо, им даровал соответственно их убеждениям, им давал то, чего алкали в дольней жизни души их, им, «вновь обращенным» [2], дабы отвратились они ото зла, что было бы благом и для них, и для других. В том — свидетельство того, что Природа обратила благосклонный взор на те материи, кои не приняли возвышенных форм и, удаленные от центра своего бытия, подвергались гниению и разлагали воздух: даровала она им подобающие формы, создав из них змей, скорпионов, мух, ос, клопов и прочее, дабы разлагающийся от них воздух не привел к гибели все живое.

Глаголящий (а также и заместившие его) намеренно сделал одних из своих последователей наставниками в ранге воздействующих (каковы заветник и исполненные — мир им!), других — научающимися в ранге воздействующих и претерпевающих воздействие одновременно: научаются они от вышестоящих и наставляют нижестоящих (каковы худджи, проповедники и уполномоченные), иных же — научающимися в ранге исключительно претерпевающих воздействие. В том — свидетельство устроения [божественного] промысла, действующего в царстве Природы чрез бестелесные Разумы: одни тела он сделал возвышенными и воздействующими, каковы небесные сферы и планеты, другие —

воздействующими и претерпевающими воздействие, каковы четыре природы, и претерпевающие, и воздействующие на иное, а именно на порождения, иные же — исключительно претерпевающими, каковы все порождения, испытывающие воздействия небес, планет и природ.

Раз равновесное устроение мира религии соответствует и уравновешивает сие, нами показанное, равновесное устроение предшествующего в бытии сущего, то сим ясно доказано, что правду рек глаголящий, что воистину он милостив и ведет верной дорогой, что путь к искомому истинен и правилен; в том не остается никаких сомнений, и твердо доказано, что первоматерия есть нечто, способное принимать формы и тем самым становиться сенсибельным, что бытие ее проистекает от Первого неизбежным образом, что она и есть та Скрижаль, коей вверены все формы, что она, будучи потенциально, но не актуально, сущей, не похожа ни на Первое Сотворенное, ни на Первую Эманацию, что она для Эманационных Разумов — то же, что материал для ремесленников, что вне души она не обладает бытием без формы, но таковое бытие — лишь в уме *(зихн)*, а вне души она постигается только в объятиях форм, что она среди сущего как тройка среди чисел, которая идет в бытии третьей и, даже не будучи названа как число, уже есть в силу того, что есть единица и двойка, и что устроение небес и светил, получивших бытие потому, что против каждого из них установлен бес[телесный] Разум и в каждом из них воссиял его свет, равновесно миру религии, где все столпы поклонения произошли из Писания потому, что против каждого из них установлен один из границ, об оном столпе пекущийся (как мы то изобразим в дальнейшем). Слава Богу, и славен Бог, кроме которого нет бога, лишь Бог Великий дарует крепость и силу (сколь это хорошо и прекрасно!); к Богу прибегаю и на Него уповаю: Он о рабах Своих зоркий попечитель. Вознесем, далее, слово хвалы и благодарности Богу, давшему нам вкусить от сладости следования и послушания Ему, установившему на сокровищнице знаний Своих и в дворцах света Своего для приближенных и избранных друзей Своих двери, у нас же от них ключи и замки; у Него, Милостивого и Могущего, испрашиваем предначертать нам благо и к благу же направить путь наш.



Так (с Божьей помощью) изображается мир первоматерии и бестелесные Разумы, кои на оную воздействуют, дабы произвести из нее мир Природы.

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, почему сущее от Первого Сотворенного, или Первого Сущего, неоднородно

Мы скажем: поскольку Всевышний вне пределов того, о чем говорится как о бытийствующих субстанциях и акциденциях (они и существуют-то потому, что Он сотво-

рил их), и превыше того, чтобы иметь какой-либо ранг в бытии (так что, когда бы другое сущее Ему в чем-то соучаствовало, непременно существовало бы то, что обусловливало бы их обоих бытие,— а Он славнее того!), то сотворенное Им сущее, будучи в бытии первым, и имеет первый ранг бытия. Поскольку сотворенное Им сущее, будучи в бытии первым, имеет первый ранг бытия, то оно, получив свое бытие от Того, Кто превыше субстанциальности и акцидентальности, не может иметь множественную самость, когда одно в ней не схоже с другим. Ведь будь в его самости такая множественность, она бы означала причинную обусловленность Того, от Кого оно получило бытие, и влекла бы необходимость чего-то, на что опиралась бы Всеславная Всевышняя оность как таковая, что сделало бы бытие сущего невозможным (если только оно не отвлечено от признака бытия) и чего необходимость исключена. Действительно, множественность в самости (когда одно в ней не схоже с другим) может быть только от поддерживающей причины, определившей ей иметь таковую множественность каким-либо образом, или по соотнесенностям, или по смыслам,— ведь в поддерживаемом следствии может быть только то, что либо уже было в поддерживающей причине, либо сообщено ему иной поддерживающей причиной.

Если бы Первое Сущее имело множественную самость, то и в Том, от Кого оно получило бытие, неизбежно должна была бы присутствовать множественность; если бы Он был множественным, ему неизбежно должна была бы предшествовать некоторая оность; если бы и та оность была множественной, потребовалась бы еще одна оность — и так до бесконечности, и тогда бы сущему невозможно было опереться на нечто такое, что давало бы ему бытие, будучи утверждено и свободно от того, от чего не свободно все сущее — от связанности с опорой своего бытия, каковая связанность есть признак возникшего. Тогда бытие сущего, не опирающегося на нечто такое, что (как мы показали), будучи утверждено, давало бы ему бытие, было бы невозможно. Однако поскольку сущее есть, то сим установлено, что оно в своем бытии опирается на нечто такое, что отлично от всего сущего и не соотносимо с ним ни в чем — ни по множественности самостной или смысловой, ни по малости или вообще чему-либо, что говорится о субстанциях и акциденциях,— нечто такое, что, не будь оно таковым, не

было бы и (как мы показали) сущего. Если же сущее получило бытие от того, что не имеет ни множественности, ни малости, ни вообще никакого атрибута, значит, Первое Сущее не является множественным по самости, да и, как мы показали, не может быть таковым.

Если же оно не множественно и таковым быть не может, значит, оно должно быть чем-то таким, в самости чего нет одного и другого, друг от друга отличных; оно должно быть чистым, целокупным *(кулль)*, неделимым *(фард)*, единым *(вāḥид)* и единственным *(аḥад)* постольку, поскольку оно есть сущее от Всевышнего. Коль скоро Первое Сущее является неделимым и единственным, как мы о том говорили во введении, то сущее от него, сего единственного неделимого сущего, не может быть единым, неделимым и первым, ибо сие Первое Сущее уже заняло ранг единичности, к которому оно ближе и который принадлежит ему по праву. А коль скоро это невозможно, то сущее от единого, единственного и неделимого является парой. Сия парность есть ранг того, что идет в бытии после этого неделимого и соответствует соотнесенностям его самости, каковые соотнесенности (как мы то ранее разъяснили) суть соотнесенности по сопряженностям, но не по самости. Таким образом, мы выяснили причину того, что сущее от Сотворенного (то есть от Первого Сущего) не относится к одному роду: она в том, что Всеславный превыше ранга единичности и единства (каковой ранг есть признак творений Его), в то время как оный ранг закреплен за сотворенным Первым Сущим; коль скоро сей ранг — его, то сущее от него не может быть одного рода (когда бы оно было едино), но должно быть двух родов с различными самостями, дабы было сих сущих два соответственно тем двум соотнесенностям, кои характерны для их (сущих.— *А. С.*) поддерживающей причины (как мы о том говорили в своем месте).

Да и если бы сущее от Сотворенного (то есть Первого Сущего) было единым, одного рода, то тогда превыше всякой единственности, всякого единства и всякой первичности (а именно от такового и образуется Единое и Первое Сущее) было бы то, от чего оно получило бытие, то есть Первое Сущее; но коль скоро это не так, значит, оно — пара. А если оно — пара, то для утверждения [в ранге] двойственности каждый из двух индивидуумов, образую-

щих самость пары, должен чем-то разниться и отличаться от своего собрата, а иначе [между ними] не будет разницы. Итак, вознесенность Предержателя творения и наставления над рангом, коего достойно Им сотворенное, и закрепление ранга первичности за Творением, кое есть [Первое] Сотворенное,— вот поддерживающая причина того, что сущее от него, Первого Сущего, не относится к одному роду.

Да и то, что произошедшее от Первого Сущего сущее занимет второй ранг бытия, является поддерживающей причиной его неоднородности. Ведь сей ранг — ранг двойственности, двойственность же не бывает без различия в самости, без того, чтобы каждая из сторон двойственности не относилась к другому роду.

Кроме того, коль скоро Сотворенное, то есть Первое Сущее, имеет две соотнесенности сразу: первая из них заключена в том, что по сопряженности с Тем, от Кого оно образовалось, оно является творением, вторая же — в том, что по сопряженности со своей самостью оно является сотворенным,— то сущее от него (поскольку оно есть поддерживающая причина сущего) должно быть двоицей, двойственности же не бывает без различия. Посему в том, что Сотворенное именно таково, и состоит поддерживающая причина того, что от него сущее неоднородно,— это согласуется со сказанным нами ранее.

А окончательным того свидетельством будут следствия, влекомые применением весов вероисповедных к божественному преданию. А именно, глаголящий в мире религии — то же, что Первое Сотворенное в мире Творения. В его самости присутствует множественность, ибо одно в ней — разум, другое же — тело *(шахс)*; такое устроение его означает, что есть мир Творения, к коему относится его разум, и [мир] телесный, к коему относится его тело. Из этого необходимо вытекает, что бытие обоих этих миров, являющихся для его бытия поддерживающей причиной, связано с чем-то таким, что им обоим не подобно, ибо множественность его (глаголящего.— *А. С.*) самости проистекает от той множественности, которая имеется в сих мирах, а множественность в сих мирах влечет необходимость того, с чем связано их бытие. Если же множественность в его (глаголящего.— *А. С.*) самости происходит от множественности, имеющей место в обеих поддерживающих причинах его

бытия, то, скажем мы, Первое Сущее, или Сотворенное, являясь пределом всего сущего, за каковым пределом нет никакого бытия, должно быть множественно иначе, нежели множествен глаголящий. Ведь будь его множественность такой же, то это обусловило бы в Том, от Кого проистекает его бытие, то же, что и глаголящий, множественный по самости, обусловил в том, от чего проистекает его бытие,— а таковое невозможно. Если же оно множественно иначе, нежели множествен глаголящий, то в том, что оно — Первое из сущего и его предел, и состоит поддерживающая причина, отнимающая у него самостную множественность, так что бытие сущего необходимо, так что Первое утверждает все от себя сущее, так что оно свободно от всего, что влекло бы предшествование ему. Итак, раз глаголящий первенствует в мире религии, и сей ранг, ранг единичности, целиком его, ибо не занимается никем из земных границ, и самость его, как мы сказали, множественна, и потому сущее от него не может быть ни единым, ни однородным, но — принадлежащим двум родам (каковые суть актуально-сущие границы и потенциально-сущие Писание и Закон, нуждающиеся в том, чтобы границы сохраняли их), то на весах вероисповедных сие означает, что Сотворенное есть первое среди сущего, причем сей ранг, ранг единичности и единства, целиком его, а Предержатель творения и наставления над оным рангом вознесен; что множественность его по соотнесенностям и есть та поддерживающая причина, благодаря коей сущее от него не едино и не однородно, но двух родов, а именно Разумы актуальные и разумы потенциальные.

Итак, нами выяснено, какова та поддерживающая причина, благодаря коей сущее от Первого Сотворенного неоднородно.

Хвала и слава Богу. Лишь Бог дарует крепость и силу: к Нему призываю и на Него уповаю, ибо Он о рабах Своих зоркий попечитель, и говорю: Боже, предначертай нам благо, даруй благой исход и облегчи путь к благу чрез Мухаммеда (да благословит и приветствует Бог его и чистый добрый род его!).

УЛИЦА ПЯТАЯ

О небесных буквах, что в мире Первой Эманации суть верховные первоначала; о числе их, о том, что от каждой из них произошло и как именно

У всех людей, стремящихся нечто познать и достичь, есть свои законы, к которым они обращаются. Сии законы — как бы весы, коими проверяется соответствие найденного истинному устроению. Для лингвистов, к примеру, законы познания языка и весы, коими отделяют они ошибочные высказывания свои от правильных, представлены грамматикой; для философов (а философия, как они утверждают, есть познание смыслов бытия *(ма'āни аль-вуджӯд)*) [1] таковыми весами служит логика, для поэтов таковые весы — в знании правил стихосложения и метрики; для землемеров, определяющих размеры участка, его длину и площадь,— локоть, а для весовщиков — гири и безмен.

Что ж до людей веры и богопочитания, следующих за потомками славного рода, владыками нашими [2] (да благословит их Бог!), то и у них есть весы, коими истинно познается все связанное с их исповеданием. С их помощью узнается правильность известий о единобожии и положении границ, сообщенных пророками Бога, проповедовавшими поклонение Ему. Сии весы таковы, что согласное с ними является истиной, а несогласное — ложью; это они столь притягательны для разума, стремящегося с их помощью познать как данное ему, так и от него ускользающее. Они — знамения творения Божьего как «в землях», что суть мир телесный со всем в нем движущимся и покоящимся, так и «в душах», что суть все богоприближенные: пророк, заветник, имам, последователь,— а также в ниспосланных Им Писании и установлениях Его, воздвигнутых по подобию им в бытии предшествующих миров. О том сказано в речении Всевышнего, речении истинном: «Мы явим им Наши знамения в землях и душах их, дабы стало им ясно, что это — истина» [3]. Итак, тех указаний и законов, что согласуются и соответствуют Божьему творению, они придерживаются с уверенностью в их правильности, а те [законы], что с оным не согласуются и ему противоречат, оставят они, уверенные в их неправоте; то же, что от чувств скрыто,

почитают они устроенным подобно оным весам, как то закономерность Закона и корень сотворенного.

Всевышний поставил пророка (да благословит и приветствует его Бог!) руководить продвижением рабов Своих к тому, что дарует им благо, то есть к поклонению знанием и действием. Он укрепил его Царствием Своим и сделал его совершенным, дабы тот совершенством своим поправил их многоразличную ущербность и добродетелями своими закрыл брешь немощности их в искании благ как мирских, так и религиозных, дабы ему (и замещающим его) взять на себя тяготы тех исканий, для людей обременительные и непосильные, приведя их к чистым родникам научения. Так явил Он им Свой благодетельный дар, Свое могущество и милостивое о них попечение.

О сем сказал Всевышний так: «Он произвел сады с подпорами и без подпор; пальмовые деревья и посевы, от которых снеди различны; маслины и гранаты, похожие и непохожие одни на других: ешьте плоды с них, когда они плодоносят, но давайте должное во время жатвы, и не будьте неумеренны, потому что Он не любит неумеренных. Из скота одни для перевозки тяжестей, другие же малые. Ешьте из них тех, которых дает Бог в пищу вам, не следуйте по стопам сатаны: он вам отъявленный враг!» [4]. Как научал глаголящий последователей своих, истолкование сего таково: Всевышний создал Себе границы, одних в царстве Разума, других в царстве чувства; каждый из сих границ — как сад, обильный божественными науками, о чем и говорит Всевышний: «Он произвел сады». Одни из сих границ не нуждаются в опоре на иное для своего бытия, о чем и говорит Он: «и без подпор», другие же должны в бытии своем опереться на иное, как Он и говорит: «с подпорами». Плод, даваемый теми границами (то есть сообщаемые ими науки), различен: тут и проистекающее от поддержки, разумное [5], тут и связанное с поучением, сенсибельное; о том сказал Он так: «Пальмовые деревья и посевы, от которых снеди различны». Научение двух истоков, их воззвание во времена их и два русла в дни их похожи и непохожи одно на другое: «маслины и гранаты [6], похожие и непохожие одни на других»,— и пусть будет на пользу вам, когда один из них призовет к единобожию и поклонению действием и знанием: «Ешьте плоды с них, когда они плодоносят», и да отдадите вы должное Богу, укрепив веру и отправляя об-

ряды религии (что и есть для вас должное Богу); но не отступайте при том от необходимого в делах поклонения, дабы не впасть в неумеренность: глаголящий или имам своего времени, наместник Бога на земле Его, не хочет от вас этого и не учит вас брать на себя то, что вам не поручено, ибо излишество в делах Божьей веры уже не есть Божья вера.

Затем Всевышний изрек: «Из скота одни для перевозки тяжестей, другие же малые»,— то есть воздвигнутые Им земные границы возьмут на себя вместо вас тяготы и бремя поиска должного и истинного в делах Божьей веры, научат вас и приведут вас к родникам благодати единобожия и несомненного поклонения Ему в явном и скрытом, как верблюды несут вместо вас ваши грузы в путешествиях или разъездах. Например, небесноподдержанный имам (мир ему!) чрез своих границ (а именно худджей и проповедников) дает вам доступное объяснение религии и разъяснение ее символов, что служит вам как бы одеждой и подстилкой, так же как из пуха и шерсти животных производят подстилки и одежды. Не упустите же пользы своей в том, что Бог среди вас установил имамов и их худджей, напитайтесь от них науками единобожия и поклонения Ему в явном и скрытом, а также и всем прочим, что изложено нами в трактате, известном под названием «Ночной».

А также установил Он его (глаголящего.— *А. С.*) как подобие Первой Границы, дабы, познавая его и ранг его, узнавать нам и ту Границу. Ведь Всевышний сказал, что подобие доброго слова, как доброе дерево [7], какового речения смысл истолковывается следующим образом: подобие Слова, кое есть актуально сущая в мире Творения Первая Граница, как доброе древо, то есть как глаголящий, актуально сущий в мире Природы.

Посему он (Мухаммед.— *А. С.*) (да благословит Бог его и род его!), научая нас о сущем, ведя к обретению счастья, составляя Закон и распространяя божественное водительство, решил явить сходство с произведением величайшего Мастерового, дабы был Закон его равновесным и соответствующим сотворенному миру: ведь сей Закон — весы для определения божественных знаков и примет. И вот против всякого сущего он установил некое установление или предначертание, дабы на высшие из границ Божьей религии, каковы они суть, указать посредством низших, здесь имеющихся, и дабы, этих познавая, охватить и те возвышенные вещи и запечатлеть ранги их; и дал он сие знание в полное распоряжение тем, кто будет замещать его (так что лишь они добродетелью сего знания отмечены), и установил последователей их, к ним примыкающих, добропослушных и Всевышнему поклоняющихся.

Поскольку сие таково, то, говоря о необходимом бытии небесных границ, что не суть тело и не в теле, пожиная истинное знание о рангах их и об их числе, мы правильность того подтверждали весами вероисповедными, вперив взор в закон пророческого произведения и божественного предания, уравновешивая все явленное глаголящим и установленные им ранги земных границ подобиями оного (в чем питала нас сила и мощь наместника Бога на земле Его — да благословит его Бог! — нас осенившая), дабы представить нам незыблемый Верховный промысл о тех, кто суть в мире Природы, и отдать тому должную благодарность. И вот, по местоположению глаголящего в сем мире, по тому, что он есть Полный Разум, путеводящий тех, кто ниже его, собрание пророческих добродетелей и царственных светов, что он не нуждается ни в ком ином и есть причина для бытия земных границ, мы заключили, что в мире Творения есть ненуждающийся сотворенный чистый Разум, причина для бытия, в частности, небесных границ, и в целом — всего сущего. По тому, что он (да благословит Бог его и род его!) оставил народу своему Писание и установления свои, а также заветника, коему дал свое место, мы заключили, что сущих от того Первого Разума два и что один из них выше другого так же, как актуально сущий заветник, опекающий все им (глаголящим.— *А. С.*) явленное, выше им (глаголящим.— *А. С.*) оставленного.

По тому, что полнота *(тамāмийя)* цикла его достигается чрез семерых исполненных *(атиммā')*, из коих каждый назначаем предшествующим вплоть до истока, и что каждый из них трудится в пределах одного из столпов веры и основ ислама, глаголящим принесенного, дабы явить в оном содержащиеся премудрости и знания, мы заключили, что сущего от Первого Разума и Первой Эманации — семь Разумов, кои существуют один от другого вплоть до Первой Эманации, и что каждый из них сияет и струится в сущих от Первого [Разума] первоматерии и форме, из коих пошли быть небеса и земля, а также движение их. По тому, что

цикл исполняется семерыми после глаголящего и истока, а десятый, заняв местоположение глаголящего, взывает к новому в ином цикле (согласно ранее показанной формуле), мы заключили, что, достигнувши десятого Разума, эманация, согласно сей формуле, прекращается и уж не производит подобного, и что десятый [Разум] занимает место Первого в распоряжении делами царства тел. По тому, что меж [приходами] семи исполненных бывает много имамов (как мы то показали в наших трактатах «Единственный о потустороннем» и «Наставляющий»), мы заключили, что между семью Эманационными Разумами есть много ангелов, согласно множественности сфер в телесном царстве. А по тому, что ранги [всех] имамов суть нечто единое постольку, поскольку все они исполняют имамскую миссию и совершенны, мы заключили, что ранги [всех] Разумов суть нечто единое постольку, поскольку все они свободны от тел и материй.

Затем мы обратились к числам и тем рангам, что занимают они в бытии; и вот сами они явили согласие и соответствие нами изложенному. А именно, единица существует потому, что есть два неделимых элемента *(фардāн)*, кои суть воплощенность ее самости: единство и носитель единства. Каждый из них столь же неделимо-элементарен, как и другой, и в этом смысле они суть один чистейший неделимый элемент, но они же суть два таковых элемента в том смысле, что один из них носитель, а другой — несомое.

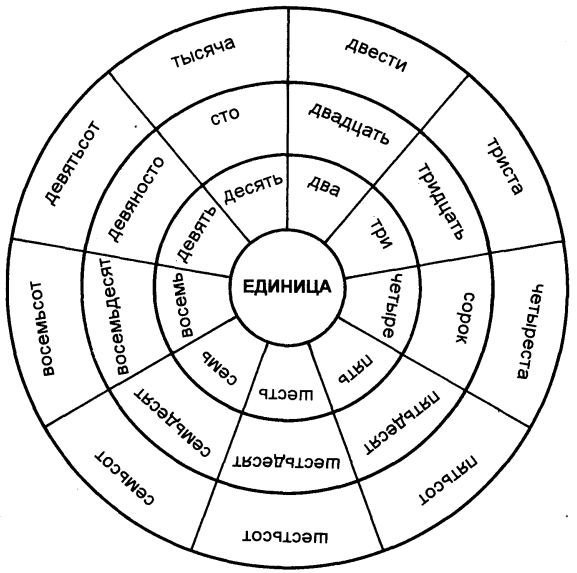
Коль скоро это так, то равновесность устроения означает, что бытие Сотворенного, кое есть Единица и Первое в царстве Творения, должно проистекать от двух неделимых элементов, кои суть поддерживающая причина его бытия и в коих состоит воплощенность его самости: один из них — жизнь, являющаяся первым совершенством, а второй — все к тому прилагаемое (как мы показали), то есть второе совершенство; носитель столь же сотворен, сколь и несомое, и наоборот, и в этом смысле они суть один чистейший неделимый элемент, но они же суть два таковых элемента в том смысле, что один из них носитель, а другой — несомое. И точно так же глаголящий в царстве Природы имеет две соотнесенности: чрез форму свою — с миром Святости, а чрез материю свою — с миром Природы; по самости он неделим, ибо един и единичен, а по соотнесенностям он есть

двоица. А явилось Творение неделимым с одной стороны и парой с другой, дабы тем было ясно доказано (чрез ту парность, коя есть признак того, что носитель ее произведен в бытие), что оно не есть первично-вечное, но приступающее в бытии своем к своему славнейшему Творцу; а чрез неделимость его — что оно есть первое из произведенного.

Поскольку элементарно-неделимое, помноженное на элементарно-неделимое, дает единицу, следовательно, обе стороны Творения (то есть тех двух элементарно-неделимых, чрез которые составилась воплощенность единицы) итожит именно единица, соединившая единство, с одной стороны, и множественность, с другой. А элементарно-неделимое предшествует единице по рангу и является для нее поддерживающей причиной потому, что обладает бóльшим смыслом единичности; поэтому два элементарно-неделимых и являются поддерживающей причиной бытия единицы, которая составляет самость элементарно-неделимого. Поскольку же единица, помноженная на два элементарно-неделимых (которые составляют ее самость), дает двойку, то и от Творения (то есть Первого Сотворенного), когда оно воздействует на свою самость, обнимая ее и узревая (а она имеет две соотнесенности и два совершенства), должно происходить два сущих, а именно две Первые Эманации: первая и вторая, кои суть Второй, актуально сущий Разум, и Разум потенциальный (каковой потенциальный Разум является первоматерией и формой); и так же и сущих от глаголящего — два: заветник, актуально сущий вместо него, и Писание — потенциально сущий имам (каковое Писание есть как бы первоматерия и форма, то есть материя, все в себе заключающая).

Поскольку в двоице одна сторона ее славнее другой, ибо ближе к тому, от чего проистекло ее бытие, в то время как другая сторона от оного удалена (хотя обе стороны [двоицы] и существуют одновременно), то необходимо, чтобы одно из двух сущих от [Первого] Сотворенного, которое, объяв свою самость и возрадовавшись блаженному состоянию ее, существует актуально, а именно Второй Разум, было славнее и выше второго [сущего], то есть претерпевающей потенциальной первоматерии, и так же точно — чтобы заветник, замещающий глаголящего, был выше Писания, служащего предметом действия.

Поскольку двойка, помноженная на двойку, дает четверку, оная же вместе с уже имеющимся в бытии, то есть шестеркой (а именно единицей, двойкой и тройкой), составляет десятку, и поскольку десять относительно десятков занимает то же место, что единица относительно единиц, то необходимо, чтобы образовавшихся путем творения и эманации, самостно воздействующих на свои самости Разумов было десять, каковыми Разумами и свершается мир Творения и Эманации (а он и есть благородные первоначала), и



чтобы десятый из них занимал в отношении телесного мира то же место, что Первое Сотворенное — в отношении мира Первого Творения и Первой Эманации; и точно так же необходимо, чтобы первыми из десяти границ своего цикла шли глаголящий и заветник, за ними следовали семь исполненных (каковые исполненные заключают малые циклы), десятый же занимал бы место глаголящего в своем цикле, а затем открывал нечто новое в новом цикле.

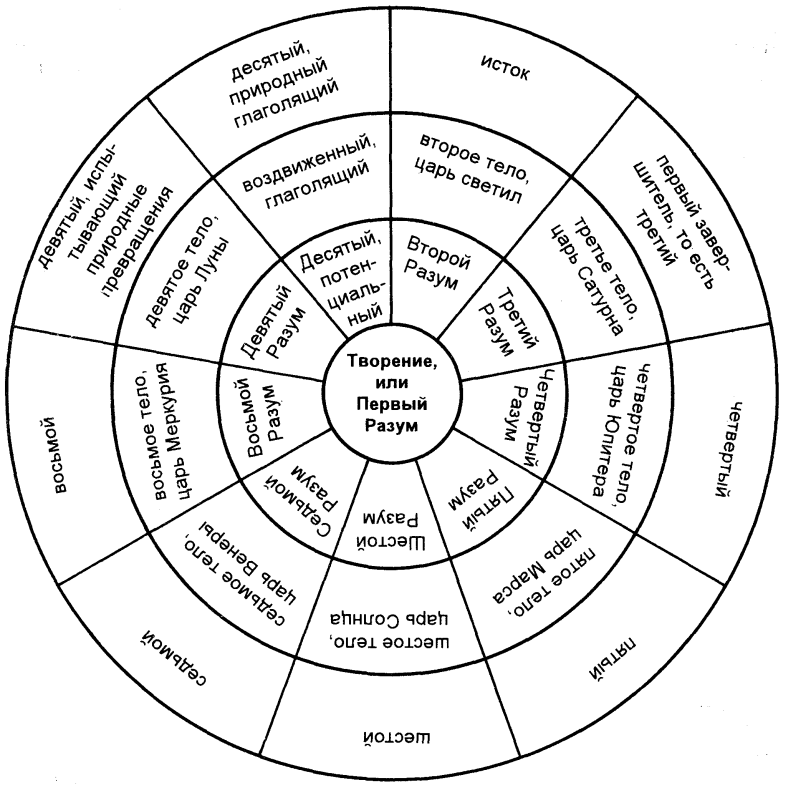
Поскольку [числа] от десятки до сотни устроены так же, как и единицы (т. е. числа от 1 до 10.— *А. С.*), то

необходимо, чтобы воздействующее сущее в телесном мире было устроено по числу сущих в мире Творения Разумов и в согласии с их устроением (как мы то показали: сфера сфер, сфера светил, семь сфер и то, что ниже сферы Луны), что уравновешивается столпами поклонения в мире Уложения, кои суть по числу сфер: Писание, регламентации разрешенного и запретного, слова исповедания веры, [сакральная] чистота, молитва, закат, пост, хаддж, джихад и послушание наместнику Бога, то есть имаму. Поскольку от сотни до тысячи устроение [чисел] подобно устроению их от десяти до сотни, то необходимо, чтобы в мире религии глав каждого цикла, оказывающих воздействие на души, было по числу десяти [сфер], оказывающих воздействие на тела, как то: глаголящий, исток, семь исполненных и десятый, замыкающий сии ранги,— точно так же как им (сферам.— *А. С.*) в разряде единиц соответствующие Разумы. Поскольку после тысячи для любого числа нет такого ранга, которого не существовало бы до сего числа [8], это означает, что после воздвиженного (да благословит его Бог!), главы седьмого цикла, который является во всей полноте своего ранга, уже нет такого ранга, который бы не был прежде него, ибо он — предел, соединяющий все ранги, как тысяча соединяет ранги всех чисел.

Коль скоро бытие сущего устроено таким образом, то единицы оказались против мира единичности, коя есть царство Творения; десятки — против мира тел со всем его содержимым, сотни же — против циклов глаголящих и границ, замыкаемых тысячей, каковая тысяча представляет собой ранг воздвиженного (да благословит и приветствует Бог сию чистую *(закийя)* целокупную душу!). Каждый из рангов единиц, десятков и сотен оказывается центром круга, как, например, единица — центр единиц вплоть до десятки, каковая десятка, оные [единицы] сбирающая, является центром десятков вплоть до сотни, каковая сотня, оные [десятки] сбирающая, есть центр сотен вплоть до тысячи; тысяча же, сбирающая все, есть предел всех рангов. Всякий центр воздвижен против одного из миров, из коих каждый есть поддерживающая причина бытия прочих и центр бытия другого, каковые миры суть мир Творения, мир телесный и мир религии и душ.

В сем — истинный смысл сказанного в Торе: *«ба-асара ма'амарот нибра ха'олам ве-ал-эсэр диброт-йа амуд ха-олам. Ве-*

хайа адонай леха ка-нейр ха-олам» (Десятью повелениями создан мир, и на десяти речениях зиждется он. И будет Господь для тебя подобен свету мира) [9]. Первый Разум — центр мира Разумов вплоть до действенного Разума, разумеющего все; действенный Разум — центр мира тел от тел



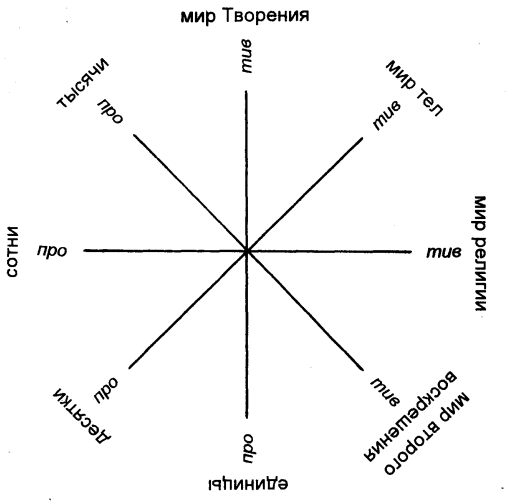
возвышенных и упроченных до тел, претерпевающих превращения, именуемых миром возникновения и гибели. Мир тел сбирает истечение Разумов и является центром бытия чистейших душ, кои суть души глаголящих вплоть до воздвиженного. Воздвиженный же (да благословит его Бог!)

сбирает всю целокупность, каковая есть предел струения благодати творения. Так образуются восемь кругов; каждый круг, другому кругу противолежащий, представляет собой целый мир. У одного из кругов центром является Первый Разум, или мир Творения, а окружностью — воздвиженный, что мы и изобразили на рисунке. У другого круга центром является единица, а окружностью — тысяча. Вместе они и представляют искомое и показывают противолежание и уравновешенность, взаимное соответствие и изоморфность сущего.

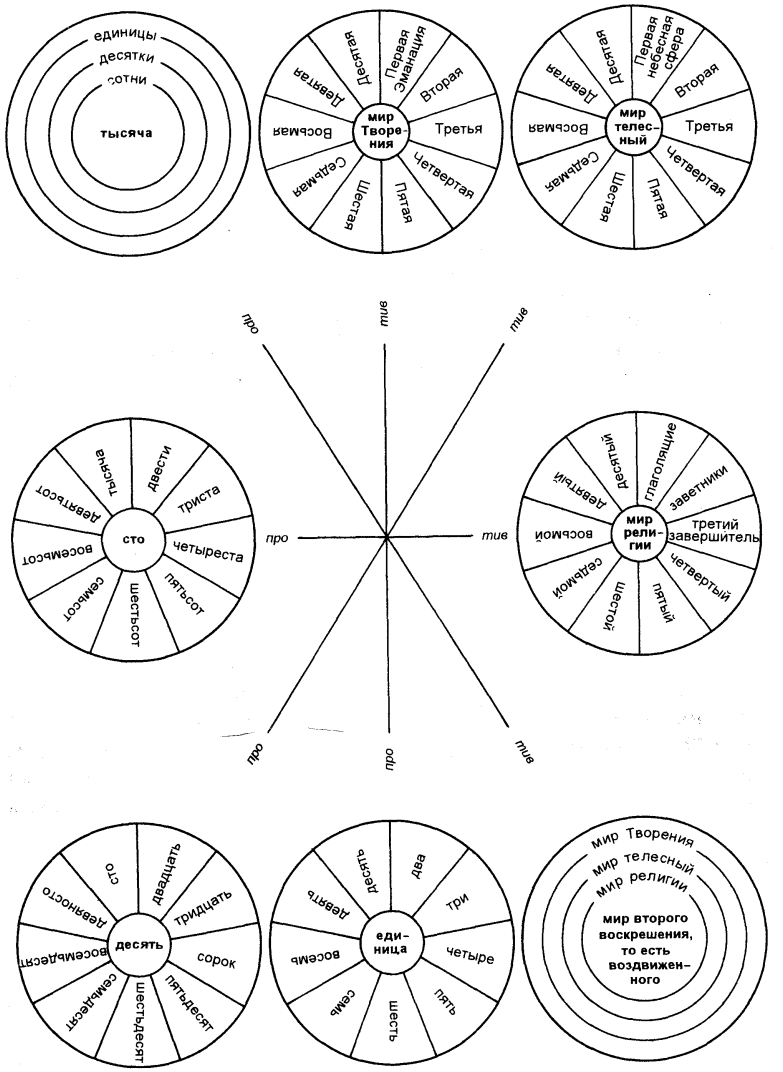
Из сих двух кругов первый представляет все сущее, и центром его, из коего вся целокупность образовалась, является Первый Разум, или Первое Сотворенное, ставшее причиной бытия сущего, каковое сущее обнимают ранги чисел. Самость его обладает теми десятью вещами, составляющими подобающее ему совершенство, как и телесная субстанция, имеющая девять атрибутов, из коих один сцеплен с другими, обладает подобающим ей совершенством. Посему, а также поскольку поддерживающая причина изливает в бытие свои следствия в соответствии со своей природой, необходимо, чтобы вне его (то есть вне Первого Сотворенного, являющегося поддерживающей причиной для всего, что и делает его им) и рангом ниже его было некое актуальное сущее, с ним в бытии своем связанное; поскольку же поддерживаемое следствие должно получать бытие от своей поддерживающей причины в соответствии с природой оной, необходимо, чтобы в бытии не были превышены те обусловленные сей поддерживающей причиной (т. е. Первым Разумом — *А. С.*) [десять] вещей, от коих и произошло поддерживаемое следствие,— дабы поддерживаемое следствие соответствовало своей поддерживающей причине.

Коль скоро так, то, когда дело дошло в бытии до девятого [следствия] (оно же в бытии — десятое, считая с Первого Сотворенного), когда поддерживающая причина сполна выполнила все, что должна была выполнить для образования рангов [бытия], излив свои поддерживаемые следствия в бытие и расположив их одно под другим, так что не осталось ничего такого [из десяти вещей], вне чего и ниже чего не расположилось бы поддерживаемое следствие, тогда прекратилась эманация Разумного бытия, ибо сущее уже распределилось по всем

рангам, необходимо-обусловленным его поддерживающей причиной; тогда был достигнут конечный предел, и ниже Десятого [Разума] не оказалось уже ранга его рода, но лишь [ранги сущего] в мире Природы, удаленные от центра совершенства. Тогда тот принялся привлекать к своей самости всякое оное [сущее], в границах его горизонта оказавшееся, посылая ему свои светы, и вести его к совершенству. Таково бытие макромира, как о том уже было сказано; а таково оно потому, что невозможно, чтобы Первый Разум, то есть первая поддерживающая причина, сам стал ближайшей причиной всего, что может существовать от него, а также потому, что невозможно, чтобы материальное телесное приняло бы [его воздействие]. Пределом же его (первого круга.— *А. С.*) является воздвиженный, собирающий и вбирающий всякое сущее.



Второй из них — круг чисел, противостоящий всему, к чему приложимо число во всех своих вариациях. Центр его — единица, ставшая поддерживающей причиной бытия десятков, а предел — тысяча, собирающая все числа: сотни, десятки и единицы.



Сии суть четыре мира сущего, представленные как таковые, с противолежащими им числами. Здесь показаны равновесность, взаимное соответствие, изоморфность и связь сущего. Ясно видно, что десятка завершает мир единиц и становится центром бытия сотни, сотня же завершает мир десятков и становится центром бытия тысячи; таковы же и противолежащие им миры. Слава Богу, дарующему, научающему, ведущему и изъясняющему.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О том, по какой причине произошедшие от Первого Сотворенного и Первой Эманации небесные буквы суть семь Разумов и почему после них прекращается эманация сущего

Мы скажем: коль скоро у каждого сущего есть предшествующая ему причина, оное сущее необходимо обусловившая, Творение же (то есть Сотворенное) является первой такой причиной, а также поддерживающей причиной бытия всех истечений, то божественный промысл предусмотрел сделать их десятью отдельными [Разумами] соответственно десяти отдельным небесным телам (то есть неподвижным небесным сферам, ярко блистающим светилам и ниже сфер расположенному телу, претерпевающему превращения), дабы благодаря принятию каждым ему подобающей изливающейся благодати объяла бы благодать и всю их целокупность (ведь так же точно, если слишком тяжела вещь, разделят ее на десятерых, и будет она перенесена благодаря тому, что каждый из десяти перенесет свою часть груза), а также и для того, чтобы все сии эманации, когда воссияют их светы в материях, а те примут их (светы.— *А. С.*), стали причинами того особого устроения *(наш'а)*, каковое состоит в выведении особей рода человеческого в бытие.

На это указывают и это доказывают весы вероисповедные, а именно существование земных границ, распоряжающихся уделом изливающихся благодатей. Сия благодать, питая души, изливается из мира Святости, и чрез нее обретают они бытие, чрез нее же переходят в ранг разумов. Она, однако, столь величественна, что души вследствие ущербности своей, не будучи к ней близки и не одного с ней

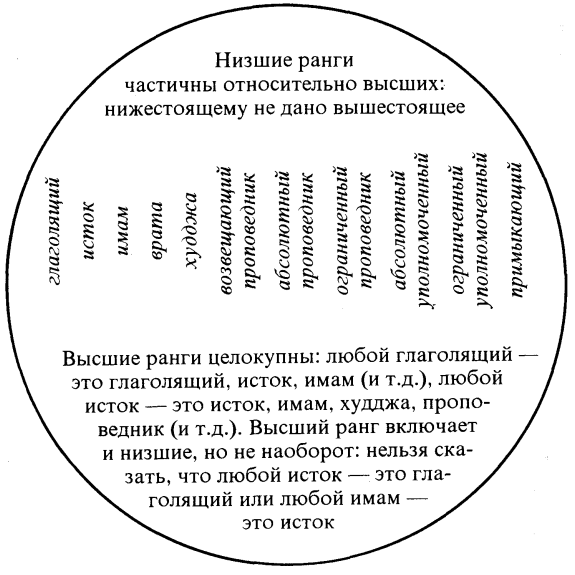
рода, не способны принять ее и быть ею облагодетельствованы. А потому божественный промысл, являя милость к сим душам, установил той благодати десять рангов соответственно десяти границам: первый, высший среди них по совершенству и полноте, а именно глаголящий, таков, что сам он как таковой полезным может быть лишь тем, кто занимает подобный ему ранг, близок к нему и находится в пределах его горизонта, например — истоку; далее за ним идут следующие вплоть до десятого, ниже какового ранга уже никто не пользует, но есть лишь ранг душ использующих и сим использованием сущих: он к ним ближе всего, находится в их горизонте выше их и, от него черпая, на его ступень сперва восходят они. Так устроено для того, чтобы, распределив по рангам благодать и предоставив всем границам осуществлять ее, как им положено, заключить оную благодать в определенные границы, а затем, посредством действия каждого из них с нею, привести ее к тому пределу, где души смогут принять ее и подняться по ее ступеням, вовлекаясь в сферу бытия и вечного пребывания; а также и для того, чтобы границы смогли тем самым стать причинами иного устроения, а именно перевода сих душ в акт и дарования им статуса разумов,— так же как десять отдельных тел явились, как мы уже сказали, причинами первого устроения, то есть получения [человеческими] особями бытия.

Кроме того, узнав, что сие питание, возвращающее микрокосму замену от него отпадающего, не идет ему на пользу, если прибывает таким же, каким было образовано, и он не сможет им воспользоваться, не сделав его однородным себе и подобным по состоянию, божественный промысл предусмотрел устроить орудия для [человеческого] тела, одни внешние, другие внутренние, каждое из которых наделил особой силой таким образом, что ни одно из них не может ничего принять и ни на что воздействовать, пока этого не сделают ему предшествующие. Рот, например, со всеми своими орудиями (зубы и прочее) не может принять [пищу] и пережевать [ее], пока рука не проделала с ней необходимых действий; так же и желудок не может усвоить то, что не было ранее обработано зубами и ртом. Сии орудия он сделал посредниками и угнездил их в микрокосме с тем, чтобы, когда свершат они все положенные им действия, питающее стало бы соответствующим питаемому, приемлемым и полезным для него.

Возьмем для примера пшеницу — лучшее из всего, что служит ему (микрокосму.— *А. С.*) питанием, более того, основу и корень всякого питания [1]. Когда рука при помощи иных [орудий] проделает с ней все необходимое, изъяв из колоса и отделив от примесей, когда затем смелет ее и просеет муку, добавит в нее дрожжей, приготовит тесто и испечет хлеб, а затем, отщипнув кусочек, положит его в рот; когда зубы с помощью языка пережуют ту пшеницу, доведя ее до того предела, где она, поступив в желудок, может быть им усвоена; когда желудок с помощью других органов усвоит и переварит ее, доведя до того предела, когда она, поступив в печень, может быть ею принята и переработана, для чего отделит он в ней тяжелое от легкого, тяжелое направит к нижней части тела, где будет оно извергнуто, а чистое — к печени; когда, наконец, печень переработает ее, превратив в свежую кровь,— тогда тело напитается ею и извлечет из нее пользу после всех сих воздействий и превращений, где каждая из сил, в своем органе угнезденная, свершит ей положенное. А если бы пшеница достигла печени, регулирующей питание тела, в своем естественном виде, не претерпев всех этих превращений и не принимая одного за другим все те состояния, благодаря которым стала она однородной с питающимся, то не только не была бы полезной, но принесла бы большой вред. Так что все эти органы и силы суть причины для охранения воплощенности и порождения подобия.

Раз это так и коль скоро рангов границ, кои своим воздействием на души сообщают им совершенство, означающее наполненность их и переход на ступень разумов, где из потенции обращаются они в акт и в стадии вечного пребывания обретают даруемую им в мире Уложения (каковой мир есть собрание божественных законов) благодать,— коль скоро сих рангов десять и все они пошли быть от первого, и каждый из них — ближайшая поддерживающая причина бытия нижестоящих, после десятого же научающего ранга есть только ранг научающийся, приемлющий изливаемую на него благодать, то в силу равновесности сие свидетельствует о том, что Разумов, влияющих на нижестоящее, в мире Разума насчитывается десять, и бытие их всех проистекает от Первого из них, и каждый из них служит ближайшей поддерживающей причиной бытия нижестоящих, ибо сей порядок ранжирования следует за порядком бытия, нами ранее изображенным в круге Творения.

Когда это установлено, мы скажем следующее: из сих десяти рангов три суть целокупные *(куллийя)*, семь же — последующие *(тāби'а)*. Целокупные [ранги] суть: [ранг] посланника, который приносит благодать, утверждая законы явного поклонения действием в Откровении и Законе; они содержат множественное, посредством чего души приходят в бытие и обретают первое совершенство; затем — [ранг] заветника, который целокупно приемлет благодать и осуществляет ее собирательно чрез Откровение и установление законов скрытого поклонения знанием посредством ис-



толкования *(та'вīль)*; в сем объединено многое, что позволяет душам обрести вечную форму и стяжать второе совершенство; далее — [ранг] имама, которому надлежит распоряжаться и управлять всеми людьми по законам религии; сюда также включается многое, с чем бывает связано явное и скрытое устроительство движимого и недвижимого, живого и мертвого достояния, а также вовлечение душ в бытие. Посему назвал их Бог «облеченными властью решать» [2].

Семь же последующих [рангов] таковы. Во-первых,

именуемый «вратами» *(бāб)* — ранг окончательного разрешения [вопросов истины и ложности]. Во-вторых, вынесение решения относительно устройства рангов, одобрение тех или иных взглядов и воззрений на равновесное устроение сотворенного мира, толкование Писания — сие есть ранг худджи; посему Всевышний известил о дарованной Им Давиду милости в таких словах: «Мы даровали ему мудрость и способность окончательно решать» [3], то есть он был худджей, полностью овладевшим своей ступенью и снискавшим милостиво дарованный ранг врат. В-третьих, утверждение небесных границ, их рангов в бытии и определении загробной жизни связано с рангом извещающего проповедника *(дāʿи аль-баляғ)*; в-четвертых, научение поклонению знанием, распространение толкования и определение границ связано с абсолютным проповедником; в-пятых, научение распорядку поклонения действием, определение земных границ и их малых и больших циклов связано с ограниченным проповедником; в-шестых, принятие обета и определение религиозной этики и обрядов связано с абсолютным уполномоченным; в-седьмых, тесное общение [с людьми], водительство к Истине и спасительному вервию [Божьему] [4] связано с ограниченным уполномоченным. Каждый из этих десяти рангов обладает и нижестоящими, но обратной силы это не имеет: глаголящий, например, обладает и всеми нижними рангами, и заветник обладает теми рангами, что ниже его, но не обладает тем, что выше его: высшие для низших целокупны, а низшие для высших — частичны [5].

Итак, глаголящий сбирает всю благодать и обладает всеми рангами ее: его и откровение, и толкование, и приказание, и окончательное решение, и суждение, и извещение, и определение небесных границ, и определение земных границ, и принятие обета; особо же его — откровение, то есть отдельный ранг, и он же ниже себя воздвиг исток для целей толкования. Положенное на весы вероисповедные, сие свидетельствует о том, что Творение (то есть Первое Сотворенное) обладает десятью рангами, из коих особо к нему относятся дарение форм *(тасвīр)* (то есть образование оных форм, что суть воплощенности первоначал в бытии) вообще, и высшая сфера в частности (посему и нарек его Бог в Писании Своем «Формодарителем»), и что ниже его по рангу располагается нечто иное, образовавшееся путем эманации. Тот факт, что исток собирательно владеет рангами,

из коих особо его — толкование, то есть отдельный ранг, и что ниже его установлен имам, свидетельствует о том, что Второе Сущее, эманировавшее и расположившееся ниже Первого, владеет рангами, из коих особо его — зижденье *(бар')* (то есть предоставление имеющимся в бытии формам наидостойнейшего соответственно премудрому устроению) вообще, и вторая сфера в частности,— посему и нарек его Бог «Зиждителем»,— и что ниже его располагается Третье [Сущее], от него произошедшее. Тот факт, что имам собирательно владеет рангами, из коих особо его — приказание и управление народом, то есть отдельный ранг, и что ниже себя он установил врата, свидетельствует о том, что эманировавшее Третье Сущее, расположившееся ниже Второго, собирательно владеет рангами, из коих особо его — создание *(халк)*, то есть составление *(таркīб)*, вообще, и третья сфера в частности (посему Бог и нарек его в Писании Своем «Создателем»; рек Он, объединив в одном аяте все три ранга и соотнеся их с Первым: «Он — Бог, Создатель, Зиждитель и Формодаритель, Ему принадлежат прекрасные имена» [6],— то есть Ему принадлежат ранги ниже упомянутых), и что ниже его располагается эманировавшее из него Четвертое [Сущее].

Тот факт, что врата собирательно владеет всеми нижестоящими [рангами], особо же его — окончательное решение, то есть отдельный ранг, и что ниже себя он установил худджу, свидетельствует о том, что Четвертое, расположенное ниже Третьего, собирательно владеет всеми нижерасположенными рангами, из коих особо его — некоторое из того, посредством чего существует сущее в телесном царстве вообще, и четвертая сфера в частности, и что ниже его располагается эманировавшее из него Пятое. Тот факт, что худджа собирательно владеет нижестоящими рангами, из коих особо его — суждение, то есть отдельная часть благодати, и что он устанавливает возвещающего проповедника, свидетельствует о том, что Пятое Сущее, расположенное рангом ниже Четвертого, собирательно владеет всеми нижерасположенными рангами, из коих особо его — некоторое из того, посредством чего существуют порождения в телесном царстве вообще, и пятая сфера в частности, и что ниже его рангом располагается эманировавшее из него Шестое [Сущее]. Тот факт, что сей проповедник извещает и что ниже его рангом расположен другой [проповедник], свидетельствует о том, что шестое Сущее, расположенное рангом

ниже Пятого, обладает нижестоящими рангами, из коих особо его — некоторое из того, посредством чего существуют порождения в телесном царстве вообще, и шестая сфера в частности, и что ниже его рангом располагается эманировавшее из него Седьмое [Сущее]. Тот факт, что и остальные границы таковы же, и у каждого из них — свое особое, и каждый расположен рангом ниже другого вплоть до десятого (соответственно тому, что упомянуто о бытии Сущего в [параграфе] «об эманации»), свидетельствует о том, что ниже каждого [Сущего] рангом расположено произошедшее от него другое [Сущее], и у каждого из них особо — свое небо (т. е. небесная сфера.— *А. С.*) вплоть до десятого, каковое десятое завершает мир Эманации, воздействует же оно на подлунные тела, подверженные рождениям и превращениям, соответственно тому, каков десятая граница (то есть примыкающий [к массе людей]), воздействующий на души и особо занятый тем, чтобы привлекать их к пути истинному.

Весы вероисповедные могут определить и другое соотношение, также подтверждающее все нами сказанное. Границы могут быть расположены в цикле ниже пророка, заветника и семи завершителей таким образом, чтобы каждый из них занял в мире религии место против соответствующего Разума в мире Творения. Десятым из них тогда будет воздвиженный, завершающий цикл и занимающий свой ранг сам по себе. Он распоряжается всеми душами, владеет миром Природы и распоряжается им, и тогда уже за ним не будет никакого другого ранга, ибо он, как было показано,— второй предел. Тогда ясно, что именно он является десятым из земных границ, ибо он — предел для всех обладателей рангов (чрез каковые ранги в их совокупности и свершаются духовные порождения), а ниже его уже нет ранга; и что доля его — печься *('инāя)* о сущих в царстве Природы душах и привлекать их в храм поклонения, дабы могли они взойти вверх по ступеням. Раз так, то ясно, что десятое Сущее в мире Разума является пределом для Эманационных Разумов, из каковых Разумов истекают в тела силы, дабы создать телесные порождения; и что эманация на нем и прекращается, коль скоро он — предел; и что доля его — печься о мире возникновения и гибели, связываясь в этом мире с тем, что готово к принятию, и поддерживая оное — так же точно, как десятого из земных границ удел состоит в попечении о душах и привлечении их к поклонению и послушанию.

НЕБЕСНЫЕ ГРАНИЦЫ		***ЗЕМНЫЕ ГРАНИЦЫ***	
Первое Сущее — Первое Сотворенное	высшая сфера	первое сущее — глаголящий	ранг откровения
Второе Сущее — Первая Эманация	вторая сфера	второй — исток	ранг истолкования
Третье Сущее	третья сфера (Сатурн)	третий — имам	ранг приказания
Четвертое Сущее	четвертая сфера (Юпитер)	четвертый — врата	ранг окончательного решения (Царствие)
Пятое Сущее	пятая сфера (Марс)	пятый — худджа	ранг определения истинного и ложного
Шестое Сущее	шестая сфера (Солнце)	шестой — возвещающий проповедник	ранг аргументации и определения загробной доли
Седьмое Сущее	седьмая сфера (Венера)	седьмой — абсолютный проповедник	ранг определения небесных границ и скрытого поклонения
Восьмое Сущее	восьмая сфера (Меркурий)	восьмой — ограниченный проповедник	ранг определения земных границ и явного поклонения
Девятое Сущее	девятая сфера (Луна)	девятый — абсолютный уполномоченный	ранг принятия обета
Десятое Сущее	природы, располагающиеся ниже небесных сфер	десятый — ограниченный уполномоченный, или примыкающий	ранг привлечения откликнувшихся душ

Скажем также и следующее. О посылках известно, что если они подобны чему-то, а то подобно третьему, то и третье подобно посылкам. Раз так и коль скоро порядок расположения границ в мире религии подобен порядку сущего в расположении небесных тел, а порядок небесных тел, будучи поддерживаемым следствием мира Творения, соотнесен с порядком оного и ему подобен, то и земные границы соотносятся с небесными Разумами в мире Творения и Эманации как подобное с подобным. Сказанным установлено, что сущие от Творения (то есть Первого Сотворенного) Разумы в царстве Творения подобны сущим в мире религии границам: тут ничто не упущено, «в творении Милостивого не увидишь нестройности» [7]; они суть воздействующие небесные буквы, приближенные Ангелы, чьи светы струятся в мире тел, повинуясь распоряжению Всевышнего. Славен же Тот, Кто так распоряжается и такой порядок установил; нет бога кроме Него, лишь Бог дарует крепость и силу; к Богу взываю и к Нему с покаянием обращаюсь, на помощь Бога и Его земного наместника полагаюсь: Он лучшая опора. Всего себя Богу препоручаю и лишь на Него уповаю; а уповающему Бог довлеет: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О том, что бытие сущих, эманировавших из Творения (кое есть Первое Сотворенное),— не временно́е и что все они, за исключением первоматерии, являются чистыми формами, первоматерия же едина, с одной стороны, и множественна, с другой; о том, что они разумеют только самих себя и то, что им предшествует в бытии; что форма их есть форма человека, оную не превышающая; что светы их разлиты в телах и душах, на оные воздействуя, и что с ними связано бытие сущего

Мы скажем: все действия распадаются на три части. Во-первых, высшее и наиболее совершенное из них то, что бывает не во времени *(ля би-замāн);* таковое именуется

творением. Во-вторых — среднее, то, что бывает со временем: оно именуется эманацией. В-третьих, низшее и наиболее презренное из них то, что бывает во времени: оно именуется возникновением.

Во времени бывает действие, проистекающее от такой действующей поддерживающей причины, которая встречает препятствие в осуществлении своего действия — либо со стороны собственной самости, когда та обременена таковым препятствием, либо со стороны той материи, в которой она действует, когда оная материя не способна принять [воздействие] целиком и единожды, либо и с той, и с другой стороны: сие относится к миру возникновения и гибели (например, к искусственно созданному). Со временем бывает действие, проистекающее от поддерживающей причины, воздействующей либо на собственную самость, либо на нечто иное, предельно восприимчивое: сие относится к бестелесным самостям и небесным телам, ибо они суть актуально сущие. Не во времени же бывает действие, проистекающее не от поддерживающей причины, воздействующей на собственную самость или нечто иное, и не от поддерживающей причины, встречающей препятствие со стороны собственной самости или своей материи, но от Всевышнего, неизмеримо вознесенного над всем подобным. Поскольку же сущее в царстве Творения и Эманации проистекает не от поддерживающей причины, воздействующей на собственную самость или нечто иное, и не от поддерживающей причины, встречающей препятствие в собственной самости или своей материи, то отсюда необходимо следует, что бытие оного сущего не во времени.

В мире рождения и смерти порождаемые вещи следуют в бытии одна за другой, и в мире религии одна обязанность выполняется после другой, за одним законом следует другой, один имам сменяется другим. Все это — результат препятствий, не дающих действующим поддерживающим причинам осуществить свое действие: либо препятствий в самих их самостях, когда те отягощены такими материями, кои позволяют им исполнить свое действие не иначе как во времени, либо препятствий в тех материях, на которые они воздействуют, когда оные материи не способны принять [воздействие] сразу и целиком, но лишь в какой-то продолжительности и во времени. Солнце, например, является действующей поддерживающей причиной нагрева; когда

оно нагревает камень, который приемлет это его действие, то распространение теплоты солнца в камне не может осуществиться не во времени в силу тесноты субстанции камня и уплотненного расположения его частиц, одна с другой сливающихся. Нагрев же воздуха происходит противоположным образом, и эта [разница] обусловлена не самим солнцем, а телом, приемлющим его воздействие.

Что же до царства Творения и Эманации, то в нем нет никаких препятствий, ибо оно свободно от всяких препятствующих материй и лишено оных, содержа лишь чистые формы, не обладающие и не связанные ни с какой материей, которая могла бы воспрепятствовать осуществлению их воздействия. Если же в нем нет никакого препятствия, то сущее в нем существует не во времени, но сразу — так же, как луч солнца озаряет небосвод не во времени и огонь освещает все углы темного дома сразу, а не во времени. Так же и Природа, рождая сущее, подражает сим вневременным действиям. Она, например, создает на верхушках [финиковых пальм] пыльцу сразу со всеми цветками, отдельными плодами и целыми гроздьями в наименьшем их виде, а не производит сначала одно, затем другое (что связано с первым совершенством), или вылепляет из цветка гранат наименьшей формы и тончайшего сложения, но сразу со всеми зернышками, внутренними перегородками и кожурой, а не порождает сначала одно, затем другое. Поскольку же все эти вещи и первоначала существуют именно таким образом, все сразу, в противоположность тому, как существуют земные границы (ибо те с самого начала обладают предельным совершенством, эти же вначале крайне ущербны), то невозможно, чтобы их бытие было во времени и в какой-либо продолжительности.

Кроме того, поскольку Творение (то есть Первое Сотворенное) есть самость действия, проистекшего от Всевышнего, и поскольку оно актуально (а не потенциально, когда бы можно было представить себе некую продолжительность и время между состоянием его потенциальности и обретением им актуальности посредством объятия собственной самости, с каковым объятием и связано бытие всякого Эманационного Разума), из этого вытекает, что бытие Творения влечет совместное с ним бытие всей целокупности; а коль скоро это так, то бытие сего сущего не имеет отношения ко времени и все оно существует целокупно.

Кроме того, эманация проистекает от Творения (то есть Первого Сотворенного) потому, что оно объемлет свою самость и испытывает ликование. Однако дело обстоит не так, что Творение (то есть Первое Сотворенное), получая бытие, не объемлет в то же время свою самость и не испытывает ликования, но как только оно есть, так оно и обнимает [ее] и ликует; а раз так, то и сущее от него существует не во времени, но совместно.

Свидетельством и доказательством этого служит мир религии. А именно заветничество связано воедино с пророчеством, и Писание — с заветником. Кроме того, глаголящий пророк (да пребудет с ним благословение Божье!) сказал: «Я оставляю вам две драгоценности: Божье Писание и семью свою; сие — вервие, протянутое с небес на землю: один конец его в руках Божьих, другой в ваших руках. Не утеряйте же их, ибо не заблудитесь, пока они в ваших руках; молил я Господа, дабы пребывали они средь вас вот так»,— приложил он друг к другу указательные пальцы рук,— «но не так»,— и показал соединенные указательный и средний пальцы руки, причем один был впереди другого. Раз и то, и другое было вместе, значит, в сем царстве одно не опережает в бытии другое (то есть актуальные Разумы — потенциальные разумы или наоборот), но все они существуют вместе, а струящийся в том божественный промысл дарует каждому из них то, что ему более всего подходит.

Кроме того, все те сущие, существуя вместе, суть нечто единое постольку, поскольку все они суть жизнь и поскольку все они, объемля свои самости, суть разум, и они же суть множественное постольку, поскольку они многочисленны и различаются по рангам и вознесенности. Таков же и мир телесный и сущие в нем [тела], ибо они суть нечто единое как тело, имеющее длину, ширину и высоту, и множественное как обладающее каждое своей формой и многоразличное по состояниям. Свидетельством сему — установленные в мире религии ранги границ, что сохраняют мир сей. А именно имамы (мир им!) малых циклов и глаголящие (мир им и благословение!) больших циклов суть нечто единое как имамы и глаголящие: ни один не возвышается над другим,— ни один глаголящий над другим, ни один имам над другим,— ибо все они — как бы единая душа, будучи все вместе на ступени совершенства и полноты; и они же множественны с точки зрения связанных с ними душ и своих

последователей — один превосходит другого, глаголящий глаголящего, и имам имама: тот лучше, чей призыв оказался более общим и получил большее распространение, ибо он собирает их и приводит к благодатному источнику, где и есть место их сбора.

Далее, они (я имею в виду Разумы в царстве Творения и Эманации) разумеют самости свои и самости им предшествующего: множественность каждого соответствует тому, каково разумеемое им вышестоящее. Пятый [Разум], например, более множествен, нежели Четвертый, ибо того, что ему предшествует в бытии и что он должен уразуметь, больше, чем у Четвертого, а множественность Четвертого [Разума], разумеющего над ним стоящее, превосходит соответствующую множественность Третьего [Разума], ибо кто ближе к Первому, тот и проще.

Им, далее, не обязательно разуметь нижестоящее, ибо бытие их связано с бытием предшествующего им в бытии, а не с бытием того, что расположено в бытии ниже их.

Правдивость сего подтверждается законом вероисповедным, в той части его, где предписывает он [нижестоящим] границам знать и признавать вышестоящих. Худджа, например, должен признавать местоположение врат, имама, истока и глаголящего и знать их макамы и ранги — знать ранги предшествующих ему границ,— но тот же закон не обязывает его знать и признавать своих проповедников (и вообще всех, кто ниже его) так, как обязывает его знать и признавать тех, кто выше его: совершенство его заключается в познании того, что выше его, а не того, что ниже. Аналогично и имам, и исток, и глаголящий. К сему сказанное Всевышним о верующем и вере его: «Пророк верует в то, что ниспослано ему от Господа его, а также и верующие. Каждый [из них] верует в Бога, в ангелов Его, в Писание Его, и в посланников Его. Мы не делаем различия между тем или другим из посланников Его» [1]. Да будет сие доказательством обязательных для верующего веры и признания предшествующих ему границ, что суть выше его; да знает он, что те Разумы разумеют собственные самости и самости предшествующих им рангом [Разумов], и так вплоть до Первого, который достаточен *(кифая)* тем, что самостно объемлет собственную самость и множественность его образована только соотнесенностями и сопряженностями, не иначе.

Далее: они, Разумы царства Творения и Эманации,

суть подобие человека: их формы не преступают формы его. Ведь закон мудрого устроения гласит, что первый предел вещей должен быть схож со вторым их пределом, а второй подобен первому, дабы, когда второй предел будет принадлежать к природе первого предела, установилась согласованность, устроенность и равновесие меж обоими пределами сих вещей, что и позволит совокупно собрать все эти вещи в бытии. Когда такового нет, то и не обладать им бытием, ибо подобному свойственно сближаться и, раскрываясь, распространяться, противоположности же — удаляться и, свертываясь, сжиматься. Не может вещь иметь пределом то, что неоднородно с ней, будь то и первый, и второй предел, ибо тогда бытие было бы не согласно с мудростью устроения, что невозможно. Бытие вещей зиждется на взаимном согласии, а не на взаимном различии. Начальный и Конечный, кои суть первый и второй пределы, суть два подобия, чрез кои и собрана вся совокупность бытия: первый предел и стал для него (бытия.— *А. С.*) Начальным, а второй пределе — Конечным [2]. Ближайшим к тому, что есть первый предел, то есть Начальный, является находимое во втором пределе, то есть в Конечном, когда тот перевернут к нему, и ближайшим к тому, что есть второй предел, то есть Конечное, является находимое в первом пределе, то есть в Начальном, когда он повернут к тому. Сей же переворот и поворот возможен лишь благодаря взаимному соответствию; не будь его, невозможны начальность и конечность, а когда невозможны начальность и конечность, невозможно бытие. Ведь утвержденность первого предела, который является Начальным, заключена в том, чтобы принадлежать к тому, для чего он — первый предел, а значит, быть подобием оного; так же и для второго предела, то есть Конечного. Если же оно к тому не принадлежит, то оно ему не подобно, а если оно ему не подобно, то оно не имеет Начального, а если нет у него Начального, то нет и Конечного, а если нет ни Начального, ни Конечного, то нет и никакого бытия. Если бы пределом пределов вещей было нечто им неподобное, то ни от чего не могло бы образоваться подобия и ничему не предшествовало бы в бытии его подобия. Но поскольку сущее бытийствует в единых границах, не возрастая и не умаляясь, и нет в бытии ничего такого, чему не предшествовало бы бытие его подобия, это доказывает, что первые пределы восходят к подобию своему — вторым

пределам, кои суть конечные; и что вторые пределы, кои суть конечные, восходят, переворачиваясь, к подобию своему — первым пределам. Сие осуществляется посредством поворота начальных к конечным и привлечения оных к себе, как то имеет место в окружности, где начальная точка подобна конечной, и обе они суть подобия постольку, поскольку являются двумя пределами, собравшими совокупность окружности, пусть первый из сих пределов и обладает благородством начальности, а второй — конечности.

Если же оба предела некоего сущего являются подобиями постольку, поскольку они суть именно пределы его (как сын и отец суть пределы каждый для каждого, и суть подобия, или как пшеничное зерно, где [засеиваемые] семена пшеницы подобны семенам колоса: и то и другое — зерно пшеницы, и семя колоса есть предел для засеваемого семени, и они суть подобия), а первый и второй пределы всего сущего суть Творение (то есть Первое Сотворенное) и человек, значит, они подобны; если же они подобны, то форма первого и есть форма второго. Здесь разумею я под человеком лишь того, кто по истинной сущности своей человек, подобно предержателям циклов, в особенности же предержателю седьмого цикла, соборно соединившему глаголящих, истоков, исполненных и последователей их, каковые люди, стяжав добродетели, стали актуально сущими разумами,— но не тех, кто похожи на человека телесной формой своей, а по душевной форме суть хищные звери, волки, обезьяны, свиньи, скорпионы или собаки; таковым не уготовано награды.

Кроме того, всякая поддерживающая причина действенна, ибо дарует поддерживаемому следствию (своему пределу, облеченному в ее форму) то, чрез что устраивается его бытие. Поскольку царство Творения, то есть первоначало,— поддерживающая причина бытия сущего, а тем поддерживаемым следствием, к которому бытие приходит как к пределу, является человек, то та форма его, в коей получил он бытие, и есть собственная форма Творения: это — форма человека.

Помимо того, поскольку человек есть дитя макромира (ибо в нем существует) и всем существом своим, каковое существо его от всей совокупности его (мира.— *А. С.*) происходит, ему (миру.— *А. С.*) равновесен, соответствует и с ним схож, макромир же получил бытие от мира Творения и оному миру всем содержимым своим (каковое содержимое

происходит от всей совокупности его (мира Творения.— *А. С.*), и чрез него стал он миром) соответствует, с ним схож и равновесен, следовательно, мир Творения и все его Разумы суть подобие человека. Формы тех Разумов не могут быть превышающими форму человека, ибо человек есть предел необходимо-влекомого первой поддерживающей причиной, а тот предел, что для бытия конечен, есть подобие предела, который для бытия начален.

Кроме того, если бы их форма превышала форму человеческую, то человек не был бы пределом всего сущего, но существовало бы нечто, чрез что устроялся бы человек и что ему в бытии предшествовало бы. Поскольку же существование того, чрез что устроялся бы человек и что ему в бытии предшествовало бы, невозможно, то установлено, что он есть второй предел сущего, такой, за которым уж ничего нет. Если же человек является вторым пределом сущего, а второй предел подобен первому, то форма Разумов, кои суть первоначала и первый предел в царстве Творения, и есть форма человека, являющегося вторым пределом в мире душ.

Подтверждением правильности нами сказанного служат установленные в мире религии предания со слов глаголящего (да пребудет с ним благословение Божье!) о том, что Бог сотворил Адама, отца рода человеческого, по Своему образу и подобию.

Силами сих Разумов царства Творения и силами Творения (Первого Сотворенного), то есть светами их, проникнуто царство Природы, и в нем они струятся, достигая душ, кои суть предел. С ними связано бытие сущего (как мы то изобразили), и они, эти светы, разлитые в мире, даруют душам изначальную способность различать добро и зло, ту силу, что склоняет их к хорошему и заставляет предпочитать его и отвращает от дурного и заставляет избегать его. Изначально это — сила стыда. Это первое, что является в отроках, после чего начинают они стыдиться дурных поступков; именно это, согласно законам божественным, и указует на субстанции их, каковые субстанции недалеки от того, чтоб быть актуально сущими разумами: чья стыдливость больше, того и разумение изобильней. Именно они, разумы царства Творения, воспитывают души в телесном мире и соединяются с ними, когда самости тех душ очистятся от пятен Природы, и

дают им совершенство, блеск, сияние и вознесенность. Они проявляют к ним то же сострадание и жалость, что отец к сыну; потому и рек Иисус, сын Марии (да пребудет с ним благословение Божье!): «Я сын Того, Кто на небесах» [3]. Сей образ связи и соединения сущего с оной силой, проистекающей из царства Творения, изобразили мы в своем месте для наглядности. Слава Богу, сие предначертавшему и премудро осуществившему; нет бога кроме Него, лишь Бог Великий дарует крепость и силу. К Богу взываю, к Нему припадаю и на Него уповаю, а уповающему Бог довлеет; Бог и земной наместник Его — нашего довольство: надежен Защитник, прекрасен Водитель, Утешитель и Помощник. Молю Его оградить от греха, даровать благо и предначертать добро: Он есть Щедрый, Великодушный, Мягкосердный и Милостивый.

КВАРТАЛ ПЯТЫЙ

О Природе и небесных телах ее, происходящих от верховных первоначал, кои суть небесные буквы

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О чтойности Природы и о том, что она как таковая в телесном мире есть нечто единое по своей субстанции и множественное по воздействиям на свои материи

Мы ранее говорили, что, когда в бытии появилось то, что именуется первоматерией, и появилась она от Творения не как первоискомое (а почему, о том мы говорили), причем сия первоматерия не обладала тем благородством, что имели прочие, актуально сущие Разумы, эманировавшие от высшей соотнесенности, бывшей в Творении (то есть Первом Сотворенном), тогда к ней обратился всепронизывающий божественный промысл; и вот, когда воссияли светы бестелесных Разумов и небесных самостей, образовалось от нее все, что могло быть, распределенное по степеням благородства. Теперь же скажем: сие сущее, первоматерия, есть нечто единое, но двучастное в самости, и чрез сии две части — бытие ее. Те две части подразделяются каждая на компоненты, имеющие одно общее название и множество частных — свое у каждого компонента. Каждая из [двух] частей имеет две соотнесенности. Одна — соотнесенность через сопряженность с тем [Разумом] из мира Творения (то есть Первого Сотворенного), от коего сия часть образова-

лась. Чрез ту соотнесенность сия часть едина, а именно едина как субстанция, и чрез нее познается чтойность ее. Другая соотнесенность — по сопряженности с теми сущими, что благодаря сей части существуют; по сей сопряженности та часть множественна, а именно по воздействиям своим на тех сущих.

Вступив на путь познания чтойности первой части, найдем, что, соотнесенная с тем, от чего проистекает ее бытие, она есть жизнь: актуальная, эманировавшая из мира Святости, не самостоятельная в своем самостном бытии и не свободная от того, что по отношению к ней есть иное и от чего бытие ее зависит, ибо она сама происходит не от ни с чем не связанной соотнесенности. Весь мир телесный проникнут ею: ею полны небеса и земля, она во всем, и ничто ей не чуждо, на все она воздействует, даруя каждому его первое совершенство, каковое совершенство и состоит в том, чтобы быть сущим.

Пожелав узнать действие сей [первой части], найдем, что, соотнесенная в общем со всем сущим, что благодаря ей существует, она является двигателем всякой вещи и совершенством ее, ибо та существует чрез нее. Соотнося же ее в частности, то есть в соответствии с ее отдельными воздействиями, найдем, что, когда приводит тела в круговое движение, она есть орбита, когда движет огонь и воздух вверх — легкость, когда движет воду или нечто тяжелое вниз к его центру — тяжесть, когда подвигает растение к росту — растительная душа, когда подвигает животное к поиску услады — животная душа, когда подвигает человека к познанию сущего — глаголящая душа; все это как действующее имеет единую природу, а поскольку действует в различных материях, то является множественным. Здесь точно так же, как и с душой микрокосма — она едина по самости и множественна по воздействиям своим на многоразличные материи, в коих действует (подобно тому, как виды животных множественны по своим материям и едины постольку, поскольку все суть животное); и у нее, души, различно воздействующей на человека, есть отдельные имена соответственно разным чувствам: когда она воздействует на мозг, то именуется мыслительной силой, когда в самой себе замечает те формы сенсибельного, коим случилось в ней быть, то именуется памятью, когда за видимую форму принимает те, что познала ранее, то именуется силой представления, когда стремится отомстить словом или делом, то именуется гневающейся, когда алчет наслаждений или желает возместить телу то, что оно потеряло, то именуется чувственной, когда ищет знаний и справедливости, то именуется глаголящей, когда воздерживается от скверного и действует согласно нормам пророческого законоуложения, то именуется разумной,— точно так же, как и плотника, хоть он и един, называем мы по-разному в зависимости от того, какими из своих инструментов он пользуется: теслом, сверлом, пилой или чем-либо еще; о душе же мы с Божьей помощью поговорим в своем месте, где выяснится ошибка тех, кто считает душу гневающуюся самостно отличной от души разумной.

Пожелав узнать чтойность второй части, найдем, что, соотнесенная с тем, от чего проистекает ее бытие, она является жизнью потенциальной, эманирующей из мира Святости, в своем самостном бытии не независимой и не ненуждающейся в той первой части, что есть жизнь актуальная; из нее (потенциальной жизни.— *А. С.*) — бытие телесного мира, она претерпевает и приемлет воздействие оной (актуальной жизни.— *А. С.*), даруя совместно с напарницей своей (т.е. актуальной жизнью.— *А. С.*) каждому сущему из самой себя первое совершенство, каковое совершенство в том и заключается, чтобы оному сущему существовать. Соотнесенная же со всем от нее происходящим сущим в целом она есть тело, обладающее длиной, шириной и высотой, а соотнесенная с ним же в частности, то есть всякий раз соответственно тому, как каждое сущее воспринимает претерпеваемое им воздействие, она будет, если то [сущее] движется кругообразно,— сферами и светилами, если оно движется прямолинейно, то огнем, воздухом, водой и землей, если совершает оно движения во всех направлениях (вверх, вниз, вправо, влево, вперед и назад), оставаясь на своем месте и не покидая его, то растением, если движется оно во всех направлениях, перемещаясь и оставляя свое место, то животным: все это — единая природа и единое тело, но становится она (потенциальная жизнь.— *А. С.*) множественной в зависимости от того, как воспринимает воздействие действователя,— точно так же, как дерево, служащее для плотника материей, является обтесанным тогда, когда подверглось воздействию тесла, просверленным тогда, когда восприняло воздействие сверла, или распилен-

ным тогда, когда испытало воздействие пилы: оно едино, но множественно в соответствии с воздействиями.

Каждой из сих двух частей принадлежит свое воздействие и свой дар в сущем, что от них образовалось: тело дает ему воспринимающую самость, жизнь же — воздействующую форму, чрез кою исполняется его бытие; в материи его — первое совершенство, а чрез форму свою стяжает оно свое второе совершенство.

Подтверждением правильности сказанного и доказательством его на весах вероисповедных служит соответствие между тем, как истекают [светы] из мира Святости, и состоянием сущего в мире души. А именно, светы нематериальных Разумов, как мы говорили, сияют в нижеследующем сущем в целом, свет же Десятого Разума, поскольку обратился он в мире Природы к миру души, дабы вызволить ее, проникает особо, как мы о том ранее говорили; светы сии направились к душам (ибо к ним, своему второму, потенциально сущему, пределу, восходит все сущее), дабы перевести их из потенции в акт. Так вот, светы сии суть нечто единое, двучастное по самости; каждая из двух частей подразделяется на компоненты, имеющие одно общее название и множество частных — свое у каждого из компонентов сих двух частей. Каждая из частей имеет две соотнесенности. Одна — соотнесенность по сопряженности с тем в мире Творения (то есть Первого Сотворенного), от чего сия часть образовалась; по сей соотнесенности та часть едина, и чрез нее познается субстанциальная сущность оной части. Другая соотнесенность — по сопряженности ее с теми душами, кои чрез нее обрели совершенство: по сей соотнесенности та часть множественна в соответствии с воздействиями своими на те души.

Пожелав познать первую часть, найдем, что, соотнесенная с миром Святости, она есть дух, из него эманировавший и разлитый в мире душ, чрез каковой дух чистые души становятся актуальными разумами; сей дух дарует каждой душе по заслугам благодать и второе совершенство, связанное с формой ее, насколько та форма способна воспринять. Соотнесенная же с душами мира религии в целом, часть сия есть движитель, направляющий всякую душу к наилучшему, к тому, в чем заключено ее совершенство; соотнося же ее [с душами] в частности, то есть по степеням и компонентам, найдем, что, когда она воздействует на души высших степеней, оные души очищая, устрояя явное поклонение, коим души исправляются, она есть глаголящий, какового глаголящего божественное предание именует посланником; когда она дает законы скрытого поклонения, в коем души запечатлевают формы, она есть исток, в божественном предании именуемый свидетелем; когда она приказывает и ведет души, оному водительству не противящиеся, к пользе их, она есть имам, в божественном предании именуемый благовестителем; когда она дает окончательное решение, она есть врата, в божественном предании именуемые угрожателем; когда судит и истолковывает, она есть худджа, именуемый в божественном предании призывателем к Богу; когда она приводит аргументы и доказательства, она есть проповедник извещающий, которого божественное предание именует просвещающим светильником; [1] и так вплоть до десятого. Поскольку глаголящий приемлет всю совокупность истечения и сбирает все светы его, ему по праву принадлежат все сии имена и ранги, и дарована ему ступень «приближающего [к Богу]» *(аль-василя)*, ибо он — посредник и чрез него изливается на души благодать.

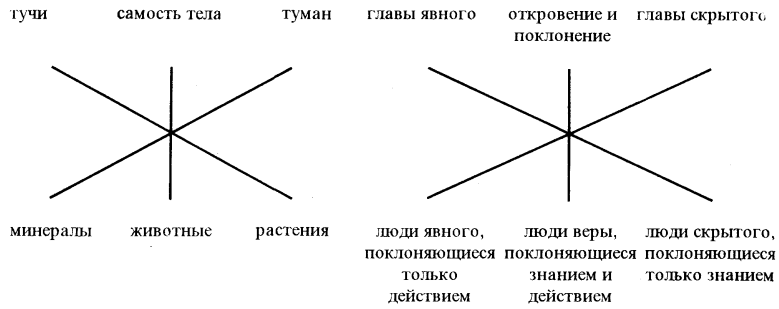
Вся сия целокупность едина, чрез воздействия же на различные души множественна, так же точно, как и та вода, благодаря коей произрастают фрукты и плоды и коей орошаются посевы и деревья, о каковой воде сказал Всевышний: «Сады из винограда, посевы хлеба, пальмы, растущие от одного корня и растущие не от одного корня: они напояются одной водой, но мы одни из них делаем по вкусу превосходнее других» [2]. Когда та вода струится в пальме, она становится фиником, когда струится в лозе, то становится виноградом, когда струится в иных деревьях, становится гранатом, инжиром, тутовой ягодой, бананом, миндальным или грецким орехом. Вся совокупность сия едина, хотя и различна на вкус и вид согласно различию материй; потому и рек Всевышний: «Но Мы одни из них делаем по вкусу превосходнее других».

Вторая же часть в соотнесенности с миром Святости есть дух, из него эманирующий, разлитый в мире душ, для бытия своего нуждающийся в первой части; она (вторая часть.— *А. С.*) находится в благодатных объятиях обрядов укрепляющих и деяний очищающих, воздействует на души, дарует им добродетели, каковыми добродетелями исправля-

ются самости их, и, даруя те добродетели, восполняет первое совершенство душ. В соотнесенности же в общем с душами, кои от нее и чрез нее достигают совершенства, она есть Писание совокупно с Законом и церемониями благочестия, а в частности, то есть соответственно воздействиям своим на души, она, когда дарует душам добродетель правдивости, является церемонией произнесения слов исповедания веры, когда дарует им чистоту, является омовением, когда доставляет им близость к Богу, она — молитва, когда делает их щедрыми, она — закат, когда воспитывает в них добродетель воздержания, она — пост, когда пробуждает в них тягу и любовь к ангелам, имамам и пророкам, она — хаддж, когда дарует им мужество, то есть стойкость в делах веры, она — джихад, когда доставляет им скромность, она — послушание, когда научает их остерегаться пагубного греховодства, она — благочестие, когда же дарует им знание и мудрость, она — скрытое поклонение. Все это едино, по воздействиям же множественно, так же, как и огонь един как самость, но когда жжет, является сжигающим, когда дает свет, является освещающим, а когда нагревает, является согревающим.

Все это соответствует нами сказанному о том, какова Природа и в чем чтойность ее. В свете сего соответствия на возведенных нами весах вероисповедных доказана чтойность Природы, а чрез то — и чтойность прочего, и, коль скоро [благие] деяния исправляют самость души, а религиозные науки исправляют ее самость и даруют ей совершенство, то ясно стало нам, что Природа телесностью своей дарует образуемому ей сущему самость в виде тела, а формой своей дарует ему форму в виде души, а также подготовляет то сущее для воздействия актуальных Разумов, дабы перевели они его в акт. Кроме того, доказано, что Природа с ее телами и формами соответствует религии и видам поклонения и что одно связано с другим таким именно образом, как мы наглядно изобразили; сия равновесность и сие соответствие являют высшую премудрость, глаголящую о мощи искуснейшего Творца. Да славится Он, нет бога кроме Него, лишь Он, Всевышний, дарует крепость и силу; к Богу взываю и на Него уповаю в делах своих, а уповающему Бог довлеет. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

МИР ПРИРОДЫ	МИР РЕЛИГИИ
Материя, приемлющая форму, и движущаяся форма любой вещи, обладающей совершенством	*Разумная форма*
первое — высшая сфера, содержащая весь телесный мир	первое — сенсибельная форма Откровения, сбирающего все в мире религии
второе — небесная сфера, сбирающая форму сущего	второе — Закон, сбирающий все поклонения Всевышнему
третье — сфера Сатурна	третье — слова исповедания веры
четвертое — сфера Юпитера	четвертое — ритуальная чистота
пятое — сфера Марса	пятое — молитва
шестое — сфера Солнца	шестое — закат
седьмое — сфера Венеры	седьмое — пост
восьмое — сфера Меркурия	восьмое — хаддж
девятое — сфера Луны	девятое — джихад
десятое — сфера огня	десятое — послушание
одиннадцатое — сфера воздуха	одиннадцатое — разрешенное
двенадцатое — сфера воды	двенадцатое — запрещенное
тринадцатое — сфера земли	тринадцатое — нормы
от них:	*от них:*



УЛИЦА ВТОРАЯ

О том, что у Природы — два предела: предел первый, обнимающий все то, для чего он является поддерживающей причиной: чрез сей предел имеет Природа первое бытие, то есть первое совершенство; и предел второй, обнимаемый всем тем, чего поддерживаемым следствием он является: чрез него имеет она второе бытие, то есть второе совершенство; что Природа располагается между этими двумя пределами; а также о том, каковы те два предела, и где они расположены, и что второй предел как таковой есть центр, вокруг коего движется все движущееся

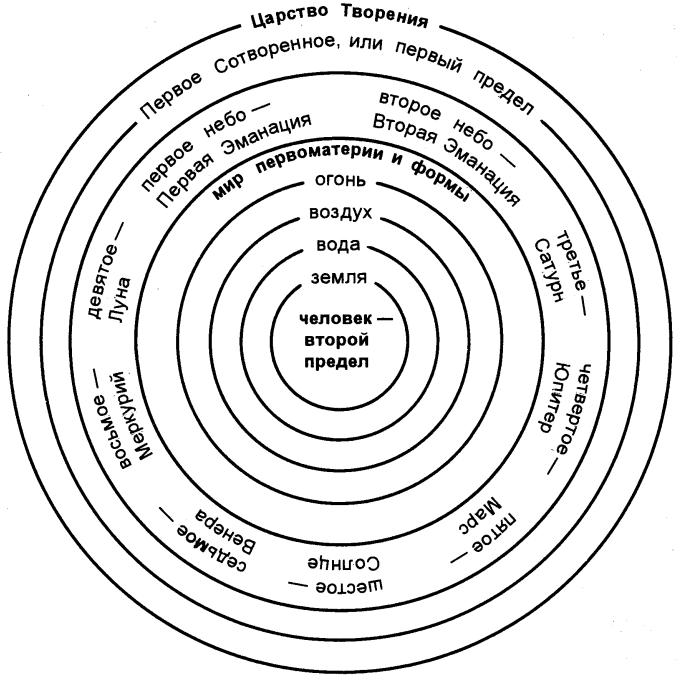
Коль скоро у всякого следствия есть поддерживающая его причина, благодаря которой оно существует, каковая причина для него есть обнимающий первый предел, и поскольку Природа является таким поддерживаемым следствием, то установлено, что у нее есть поддерживающая причина, благодаря которой она существует, каковая причина есть первый предел, обнимающий все то, чего причиной он является. Коль скоро установлено, что у нее есть поддерживающая причина, благодаря которой она существует, каковая причина есть первый предел, обнимающий все то, чего причиной он является, и поскольку бытие ее (Природы.— *А. С.*) проистекает от Творения (то есть Первого Сотворенного и Первого Сущего), то сие Творение (то

есть Первое Сотворенное и Первое Сущее) и есть та поддерживающая причина, благодаря которой она существует и которая является для нее первым пределом, обнимающим все то, чего поддерживающей причиной он служит. Если же Творение служит для Природы поддерживающей причиной, благодаря коей она существует, и первым пределом, обнимающим все то, для чего он — поддерживающая причина, и поскольку Природа существует в своем носителе (*мавдӯ'*), служащем ей вместилищем, то, имея сей носитель, она как таковая при движении в общем божественном расположении сущего от поддерживающей причины, то есть первого, обнимающего, предела, к поддерживаемым следствиям, то есть ко второму, объемлемому, пределу, будет встречена в самом первом сущем телесного мира (каковой телесный мир являет собой объемлющую окружность), ибо он — предел, но не то следствие, за которым уже нет никакого другого следствия и которое является потому центром и вторым пределом.

Поскольку после нахождения первого предела, обнимающего все, для чего он служит поддерживающей причиной, Природа оказалась в телесном круге, мир же телесный включает в себя различные части, небеса, звезды, огонь, воздух, воду, землю, то Природа, будучи в сем круге, должна либо быть расщепленной в соответствии с расщепленностью частей его, когда всякая ее часть будет обнимать некоторую его часть, либо нерасщепленной, когда бы она обнимала некоторую часть его, а проистекающие из нее силы проникали бы во все части и во всех них сказывалось бы воздействие ее. Природа, однако же, не может расщепляться с расщеплением телесного мира, причем по двум соображениям. Во-первых, части мира не равны (ибо, как представляется, небеса, то есть сферы, не таковы, как светила, светила не таковы, как огонь, огонь не таков, как воздух, воздух не таков, как вода, вода не такова, как земля, земля же не такова, как все это в совокупности), а также не схожи друг с другом по своим состояниям, когда бы они представляли собой нечто единое, такое же, как и Природа, и Природа могла бы самостно находиться во всей их совокупности. Во-вторых, самость Природы, а именно жизнь (именуемая душой), не имеет частей, когда бы она могла расщепиться, а также исключено для нее расщепление по самости, ибо она — не тело.

Коль скоро Природа не может быть расщепленной по самости, следовательно, она самостно пребывает в одной из частей телесного мира, где она и располагается и где находится ее центр, в прочих же частях присутствует чрез силы и воздействия свои. Если же она должна находиться в одной из частей мира, каковая часть и является ее вместилищем и центром, а центр чего-либо — это его сердце и полюс, та часть, что выше прочих, сердцем же небесных тел и исключительным по возвышенности среди них является Солнце, то Солнце и есть центр Природы и вместилище ее.

Итак, Солнце является центром Природы, оно происходит от первого предела, обнимающего все, чему поддерживающей причиной он служит; в сопряжении со всеми прочими частями [Природы] оно, вследствие высоты своей, является тем центром, в котором она (Природа.— *А. С.*) воплотилась и благодаря которому совершенна, соединена с царством Творения и приемлет исходящее из него истечение, ибо схожи они (царство Творения и Солнце.— *А. С.*), друг другу соответствуя. Действительно, ведь Солнце подготовлено к принятию благодати из мира Единства не так, как прочее сущее в мире Природы, светы небесных букв исцеляют его иначе, нежели прочее сущее, и все сущее связано с ним иначе, нежели между собой, ибо Солнце идет седьмым по счету после Первого Сущего, а потому представляет собою тот центр, к которому направлены извне светы воздействующего и на который изливается истечение; ибо самость его в телесном царстве можно уподобить Творению (то есть Первому Сотворенному) в царстве Единства. Посему оно иным образом, чрез сходство, но обладает всей той высотой, что имеется у Творения, и передает полученную благодать нижестоящему, тому, чье бытие связано с ним, дабы от того произошли порождения, относящиеся исключительно именно к сей части [телесного мира], а именно к Солнцу. Светы Солнца сияют в каждом сущем в мире, сила его струится в нем, производя в каждом особое воздействие, отличное от его воздействия на других, соответственно тому, как сущее приемлет воздействие оно, так же точно, как мы то видим в действиях рыбы, остерегающейся рук именно рыбака, а не кого-либо еще; или в действии магнита, действие коего простирается исключительно на железо, не затрагивая ничего того, что не воспринимает его притягивающую силу.



Итак, коль скоро Творение (то есть Первое Сотворенное) является для Природы первым пределом, обнимающим все, что для нее служит поддерживающей причиной, и от него (Творения.— *А. С.*) проистекает первое бытие ее, связанное с первым совершенством; коль скоро человек является вторым ее пределом, обнимаемым всем, что является поддерживаемым следствием, так что за ним (человеком.— *А. С.*) уже нет никакого другого поддерживаемого следствия (то есть человек является вторым, обнимаемым пределом), следовательно, Природа имеет два предела, из коих первый обнимает все, что является поддерживающей причиной, а второй обнимается всем, что является поддерживаемым следствием, так что вместилищем его является середина, как мы то изобразили.

Итак, мы выяснили, что первым пределом является Первое Сотворенное, ибо выше его нет никакой вещи, и что

вторым пределом является человек, ибо за ним нет никакого сущего, которое бы шло после него (как человек идет после предшествующего ему), и никакого другого поддерживаемого следствия: он есть обнимаемый центр.

Человек, далее, будучи вторым пределом, является тем центром, посредством коего приходит в движение все движущееся сущее. А именно: человек представляет собой тот предел, к которому сходятся лучи бестелесных Разумов царства Творения и Эманации и светы воздействующих тел мира Природы, сияя в нем; благодаря им становится он актуально сущим разумом и тем обретает то совершенство, которое делает его чем-то единым с Творением (хоть каждый из них и имеет свой ранг, отличный от ранга другого), ведь он, достигнув той же предельной актуальности (сменившей его потенциальность) и совершенства, что и Первое Сущее (то есть первый, обнимающий, предел), стал таким же, как Первое Сущее, и он так же, как и оно, не нуждается в какой-либо поддержке извне и в помощи чего-либо иного. Поэтому, обратившись к собственной самости для удовлетворения жажды познания, человек тем самым как бы обращается к оным нематериальным самостям, ибо его самость такова же, как и они, а они — как он: нет тут разницы даже и в ранге, хотя Творение (то есть Первое Сотворенное) является поддерживающей причиной сущего, человек же, центр стяжения светов всех миров,— подобием Творения, занимающим тот же ранг совершенства. С этой точки зрения человек является тем внутренним пределом, с которым связаны все движения: он есть двигатель; Творение же, коль скоро человек занимает такой ранг, является внешне-внутренним [центром], сила коего не минует ничего из сущих поддерживаемых следствий. Так в первом своем пределе Природа наделена первым совершенством, кое связано с бытием ее самости, а во втором своем пределе — вторым совершенством, кое связано с ее совершенством по своим состояниям: она таким образом самодостаточна, совершенна, вечна и пребывающа.

В подтверждение правильности нами изложенного глаголят весы вероисповедные о той равновесности и соответствии, которые определили, что поскольку в мире религии глаголящий является первым пределом, обнимающим ту поддерживающую причину, от коей идет бытие границ, движущих души к поклонению и единобожию, следовательно, Творение, то есть Первое Сотворенное, является первым пределом, который обнимает ту поддерживающую причину, от коей идет бытие Природы, или души, движущей телесный мир; поскольку сущие от глаголящего границы существуют благодаря Писанию и Закону с его столпами, которые для них являются как бы носителем, в коем они действуют, следовательно, и Природа существует благодаря своему носителю, в коем она действует, то есть небесным сферам и столпами; поскольку столпы мира религии многочисленны, как-то: произнесение слов исповедания веры, поддержание чистоты, молитва, закат, пост, хаддж, джихад, послушание — и ни один из них, ни молитва, ни закат, ни что-либо прочее не принадлежит исключительно границам, но лишь послушание — всецело их достояние, и чрез то послушание приемлет весь народ, и на нем зиждется мир религии,— следовательно, компоненты мира многочисленны, как-то: небесные сферы, светила и столпы, и ничто из них, ни небесные сферы, ни прочее, не принадлежит исключительно Природе, но одно только Солнце, чрез которое — жизнь всего и сам телесный мир; поскольку живым в мире религии и самостно приемлющим жизнь среди всех частей оного мира являются границы, каковые границы суть воздействующие, то в мире телесном живым и самостно приемлющим жизнь среди всех частей оного мира являются светила, каковые светила суть воздействующее; поскольку границы, воздвигающие столпы религии, отправляющие обряды ее и производящие духовные порождения, хоть и облечены они самостной властью приказывать и запрещать, однако же происходят все от одного, а именно от глаголящего и замещающего его, на коем зиждятся они и от коего к акту исходят,— то и тела небесные, то есть светила и прочие тела, приводящие в движение компоненты мира и производящие природные порождения, хоть и обладают самостно жизнью и силой воздействия, однако же жизнь и воздействие светов их происходят от Солнца, вокруг коего они обращаются и от коего к действию исходят; поскольку послушание замещающему глаголящего имаму обязательно для всех в мире религии, равно для малых и великих, повеления же оного имама касаются всех, хотя каждому в том послушании принадлежит свое особое, чего нет у другого, то и действие Солнца всепроникающе в мире телесном, воздействие его затрагивает всех и каждого, и каждое при-

емлет то воздействие особо, в соответствии с подготовленностью *(тахайю')* своей, не так, как другой; поскольку тот имам, который распоряжается миром религии, столь же совершенен, как и глаголящий, от коего и произведен оный имам совершенным, то и Солнце, дарующее миру жизнь, столь же в своем мире совершенно, сколь и Творение, сходным с которым и было произведено Солнце; поскольку сами границы, а также деяния их и призыв их к почитанию глаголящего, имамов и прочих восходят как к пределу своему к воздвиженному (да пребудет с ним благословение Божье!), сбирающему светы глаголящих и циклов их, знания первых и конечных границ, следовательно, действия воздействующего (то есть царства Творения, Солнца, светил и обращающихся тел) восходят как к пределу своему к человеку, то есть — к микрокосму, сложением [тела] своего и душою своею сбирающему все, что было перед ним в бытии; поскольку воздвиженный является вторым пределом, за которым нет никакого другого ранга, следовательно, человек является пределом сущего, и за ним уж нет в бытии никакого другого ранга; поскольку воздвиженный (то есть второй предел, ибо он — последний из границ, каковые границы суть светила мира религии) является господином всех людей, которому все повинуются, тем центром, с которым все связано и ради которого все движется, следовательно, человек (то есть второй предел, ибо он — конечное сущее) является тем центром, ради которого все движется.

Таковы следствия наблюдаемого в мире религии, выведенные на основе равновесности. Еще больше разъясняет и уверенность в правоте сказанного подтверждает то, что находим мы в микрокосме, сем дитя макрокосма, втором пределе, вокруг коего обращаются небесные сферы и все прочее, религиозное и телесное. А именно: у мира религии есть первый центр и первый предел, глаголящий, от коего ведут свое существование границы, призывающие души к поклонению и стяжанию добродетели,— и у микрокосма есть первый центр, а именно Природа, от коей ведет свое существование душа его, приводящая его тело в движение к достижению целей; как границы мира религии существуют благодаря существованию Писания и Закона с его столпами, кои суть для них как бы носитель, так же и душа микрокосма существует благодаря существованию своего

носителя, а именно принадлежащего ей человеческого тела и его органов; как бытие границ мира религии и столпов Закона проистекает от глаголящего, так же и бытие души микрокосма и тела ее проистекает от Природы.

Как многочисленны столпы мира религии, а именно слова исповедания веры, поддержание чистоты, молитва, закат, пост, хадж, джихад, фикх, вынесение решений, послушание, причем ничто из этого, ни молитва, ни закат, ни хадж, ни прочее не относится среди всех исполняющих сии действия исключительно к границам, но лишь послушание, кое только им принадлежит, коим и все прочее приемлется и живет,— так же многочисленны телесные члены микрокосма, и ничто из них, ни глаз, ни ухо, ни рука, ни нога, ни прочее из числа явного или скрытого не принадлежит исключительно душе, но лишь сердце, кое целиком и полностью ее, кое дает жизнь всему и движет все; как живым, самостно приемлющим жизнь среди всех сущих мира религии являются границы, кои суть центр его, так же живым, самостно приемлющим жизнь среди всех телесных органов микрокосма является сердце, составляющее центр его; как границы в мире религии множественны, но все происходят от одного, а именно имама, так же и души в микрокосме множественны по своим действиям, но все они происходят от одной, а именно той, что гнездится в сердце; как границы множественны, а истечение отдано лишь одному из них, прочие же стяжают свой удел истечения чрез повиновение оному, так же и части сердца у микрокосма множественны, жизнь же исключительно принадлежит только одной из них, а прочие живы своим соседством с оной.

Как из границ тот выше, кто ближе к одаренному истечением и благодатью, так и среди частей сердца выше та, которая ближе к части, наделенной жизнью; как послушание имаму обязательно для всех, малых и великих, в мире религии, и приказание его распространяется на всех, но каждого в том касается только исключительно к нему относящееся, что не относится к другому, так и жизнь, от сердца растекаясь, струится во всех членах микрокосма, и ко всякому члену относится нечто исключительное, то, что не относится к остальным; как имам, второй предел мира религии, включенный в оный мир, подобен глаголящему, от коего и происходит, так и душа микрокосма, второй предел

сущего, включенный в оное сущее, подобна Природе, от коей и происходит.

Как глаголящий — вне мира религии, но и внутри мира религии постольку, поскольку имам внутри мира религии по совершенству подобен глаголящему, от коего происходит, так же и Природа — вне микрокосма, но и внутри микрокосма постольку, поскольку душа микрокосма внутри его подобна Природе; как имам, замещающий в мире религии глаголящего, является тем центром, вокруг которого вершатся явные религиозные дела, а худджа, замещающий заветника, служит оному имаму, скрыто распространяя проповедь его и призыв к повиновению ему, так и сердце является тем центром микрокосма, вокруг которого вращается явная жизнь его, мозг же служит сердцу, скрыто различая и доставляя [данные] чувств; как в мире религии границы от худджи и ниже совместно заняты тем, что привлекают души к повиновению имаму, и тем самым служат оному, так и в микрокосме чувства (чья сенсибельность связана с мозгом) и мозг совместно заняты тем, что улавливают извне и доставляют душе знания, тем самым служа оной.

Такова вкратце равновесность микро- и макрокосмов миру религии. А коль скоро между этими мирами существует уравновешенность и взаимное соответствие и мир религии подобен микрокосму, а макрокосм подобен миру религии, то и микрокосм подобен макрокосму абсолютно во всем и без всякого изъятия.

Итак, выяснилось, что Природа находится посередине между двумя пределами, первый из коих — Творение, а второй — человек, сбирающий все те добродетели и совершенства, к коим стекаются как к своему пределу светы всего воздействующего из всех миров; сей человек — актуально сущий разум, воскрешенный вторым воскрешением; в нем — то же совершенство, что заключено и в Первом, а потому он, будучи вторым пределом, воздвигся против первого предела: он и есть поистине воздвиженный — да приветствует Бог его, того, кто является пределом глаголящих, столпов, имамов и следующих за ними границ мира поклонения и единобожия с начала века и до конца его, то есть начала циклов. Все миры один с другим связаны и находятся в едином строю, как то предписано божественной мудростью, а именно так, что когда нечто движется или нечто

покоится, то и во всей совокупности сей смысл будет сущим, и притом единым благодаря совпадению сего слова. Природа же в пределе своем — виднейший ученый и искуснейший лекарь, он (предел.— *А. С.*) и есть Приближенный Ангел, коему дано распоряжение миром телесным, именуемым в божественном предании Троном. Славен же Обладатель сего царства, столь искусно распорядившийся; нет бога кроме Него, к Нему взываю и к Нему прибегаю; крепость и силу дарует лишь Бог и наместник Его на земле (да приветствует его Бог!). Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О том, что Природа обладает знанием и каково оное знание; о том, что в той части своей, которая является ее вторым пределом, она сбирает все добродетели; а также о том, что благодаря своей внутренней взаимной связанности она обладает достаточностью *(гунья)* и совершенством

Поскольку всякое поддерживаемое следствие, будучи того же рода, что и поддерживающая его причина (хотя и ниже ее рангом), обладает воздействием, подобным действиям и состояниям оной причины (за исключением тех, отсутствие или наличие коих определяется иной поддерживающей причиной), и коль скоро Природа, происходя от Творения (то есть Сотворенного), является поддерживаемым им следствием, следовательно, Природа знающа, ибо поддерживающая причина ее, Сотворенное, является знающим. Поскольку Первое Сотворенное чисто и свободно от материй и носителей, то Природа, не будучи, подобно Сотворенному, чистой и свободной, но, напротив, обладая носителем, стоит в знании степенью ниже, ибо оный носитель есть причина, препятствующая восхождению на ступень нематериальных Разумов. Поскольку Природа, имея носитель, стоит в знании степенью ниже, знание же двойственно: первое знание, сопрягаемое с нами и связанное с первым совершенством, относящимся к сохранению носителей и блага их, чрез что и существуют действующие в них формы; и второе знание, относящееся к поддержанию чис-

тых самостей и форм и путей [существования] их, и поскольку Природа обладает носителем,— следовательно, то знание, коим она обладает, является первым знанием, относящимся к сохранению носителя, ведь она для бытия своего нуждается в бытии оного носителя, не будь коего, и она не могла бы быть; а кроме того, она в первом знании, относящемся к охранению носителя, с коим связано ее бытие, нуждается более, нежели во втором знании, связанном с ее совершенством. А именно, если носитель ее, не будучи разумом, окажется не имеющим того знания, которым сохраняется его самость (а ведь Природа существует благодаря существованию своих носителей), то необходимо, чтобы напарница его, то есть Природа, обладала тем знанием, которое охранит ее носителя, дабы, охранив свой носитель, охранить ей саму себя. Ведь если бы она о том не знала, то некоторые члены живого существа могли бы погибнуть во время сна, когда оно того не чувствует и не знает; тогда в негодность пришли бы все орудия и члены его, коими извлекает оно полезное для себя и отгоняет вредное, разрушилось бы существо его, и оно погибло.

Поскольку таковое возможно, и коль скоро оно ведет к разрушению носителя, благодаря коему Природа существует, то божественный промысл изначально наделил Природу врожденным качеством *(джибилля)* ее самости — первым знанием, коим сохраняет она свой носитель, дабы с утвержденностью его утвердилось и ее бытие, так что сохранность его сохранила бы и ее, что дало бы ему возможность, коль скоро она сохранена, приобрести второе знание, дабы поддержать самость ее и, стяжав совершенство, сделать ее не нуждающейся в носителе и охранить ее от того распада и порчи, кои наступают при порче материи ее, благодаря которой она существует. Посему душа растительная, гнездящаяся в траве, кустах и деревьях, посылая корни носителя своего в землю, избирает ту сторону, где могут они найти влагу, каковая влага сохранит для сей души ее носителя, то есть тело ее; встретив же на пути своем камень или иное твердое тело, они отклоняются от него в сторону проницаемой среды и направляются к влаге. Движущееся животное также ищет то, что может сохранить его тело и жизнь, а когда таковое не удается, пробует иные пути. Такова же и чувственная душа, сущая в неразумной скотине: сии звери едят лишь то, что им на пользу, испытывая отвращение ко

всему, что может повредить им и принести порчу их телу, а от всякого способного нанести им вред существа они бегут, спасая само существо свое, благодаря коему та душа существует. Такова же и душа минеральная: она допускает смешение и согласуется с теми телами, которые сохраняют ей ее носитель, и не смешивается с теми, от коих оный носитель претерпевает порчу. Такова, например, хорошо известная ювелирам ртуть: она совместима с золотом, ибо они любят друг друга, будучи взаимно схожи и изоморфны, и не причиняют одно другому порчи. С железом же она, напротив, не смешивается: она с ним несовместима, ибо они приносят друг другу взаимный вред. Даже если тяжелый кусок железа поместить на имеющее меньший вес количество ртути, та не даст ему проникнуть в себя и вытолкнет его наверх; а если даже немного золота оставить на поверхности большого количества ртути, она тут же поглотит золото, самостно возлюбя его в силу взаимного сходства: и золото, и ртуть наделены первым знанием, которое и делает их взаимно совместимыми. Точно так же железо движется к магниту, ибо между ними имеется взаимное соответствие, и сила железа возрастает вблизи магнита.

А не будь она (Природа.— *А. С.*) наделена первым знанием, то растительная душа могла бы направить корни деревьев туда, где отсутствует влага, и погибла бы; чувственная душа, сущая в неразумной скотине, могла бы перестать воздерживаться от поедания растений, вредных для тех особей, в коих гнездится она, и погибла бы, или же, подходя к колодцу, та скотина перестала бы быть осмотрительной и, оступившись, падала бы в него и погибала; или же душа минеральная, сущая в железе, не воздерживалась бы от смешения со ртутью, в результате чего произошло бы телесное разрушение. Так что промысл Мудрейшего наделил ее (Природу.— *А. С.*) первым знанием, дабы охранить ее первое бытие.

Что же до второго знания, то оно связано с состояниями души и ее вторым совершенством: оно доставляет ей вечное счастье и непреходящее блаженство. Чрез сие знание душа снискивает вечное пребывание и разумение, с ним она не нуждается более в орудиях и носителях. Душа добывает его как второе искомое, обучаясь и приобретая его у Обладателя совершенства и вечности, у небесноодаренного настав-

ника и учителя. Поскольку Природа, то есть душа, не имеет сего второго знания, сказал Всевышний: «Бог изводит вас из утроб матерей ваших, тогда как вы ничего не знаете» [1] — то есть ничего не знаете из второго совершенства, то есть второго знания, связанного с религиями и исповеданиями, коими душа доводится до совершенства и становится разумом. Сие знание черпается у путеводящих имамов, принадлежащих к числу обитателей дома (да благословит их Бог!).

Отсюда следует, что сие второе знание отлично от первого, ибо первое знание изначально наличествует в душе любого животного или прочей твари, за исключением единиц, и то в особых случаях, обусловленных некоторыми поддерживающими причинами, каковые причины чрез мгновение уже исчезают, так что и сии единицы присоединяются к остальным. А также и то, что Природа, то есть собрание душ и сил их, а также все в телесном мире, относящееся к ее роду, обладает именно сим первым знанием, кое связано с благом ее носителей, особей и материй, благодаря коим она существует и в коих устрояется, и для приобретения оного знания она не нуждается в наставнике. А это означает, что ошибались мутазилиты и брахманы, считавшие, что для постижения истины единобожия человек не нуждается в наставнике. Они полагали, что это знание таково же, как и первое знание, врожденное и изначально дарованное всякому одушевленному существу подобно знанию навозного жука, спасающегося бегством от грозящего придавить его башмака. Согрешили они, предавшись этим своим взглядам (сохрани нас Бог от ошибающихся и предающихся страсти!).

Сие первое знание, кроме того, вне человека не таково же, как в человеке. Ведь первое знание в человеке до соприкосновения его с вещами и до стяжания пользы своей существует по убежденности и твердому ведению, а после — по рассуждению и опыту, утверждающему, что следует и чего не следует делать. Во всем же прочем сие знание существует не так, как в человеке, но в том своем состоянии, которое мы называем изоморфностью в сущем (когда каждому соответствует то сущее, которому и оно соответствует и которое ему подходит, и каждое стремится к тому сущему, которое одного с ним рода и наиболее с ним схоже) и в способе бытия сущего (когда сущее, испытывая томление по

тому, в чем заключается совершенство его бытия, устремляется к тому чрез свою материю, на оную опираясь). Посему действующая сила, то есть Природа, подготовляет для порождений то, что им изоморфно и в чем они нуждаются для достижения подобающего им совершенства — ведь нуждающийся не нуждается в том, что ему не изоморфно; он испытывает нужду в изоморфном, ему подходящем и дополняющем, чем он мог бы помочь себе в своем бытии. Природа же нуждается для бытия своего в материях, и соответственно материям своим подготовляет ту форму, что им подходит и им изоморфна,— так что, когда изоморфность отсутствует, мы говорим о разноречии *(мухāляфа)* — разноречии в сущем, когда со всем, чему оно не изоморфно, сущее находится в разноречии и бежит от оного, и разноречии в способе бытия сущего, когда оно по тому (разноречащему.— *А. С.*) не томится и в том не нуждается. Так вот, изоморфность и разноречивость внечеловеческого бытия суть знание, коим оно обладает без всякого рассуждения.

Будучи наделена именно первым знанием, Природа вместе с тем во втором своем пределе сбирает все добродетели, то есть второе знание. А именно, поскольку добродетель, которую может завоевать душе своей непрестанно радеющий об исполнении пророческого законоустановления, на оное опирающийся в вере в Бога и оное свято блюдущий душою и телом, есть правдивость, приносимая душе произнесением вероисповедных формул; душевная и телесная чистота, исключающая мерзость и скверну и приносимая душе омовением; близость к небесным и земным границам, приносимая душе отправлением молитв и прославлением [Бога]; щедрость, приносимая душе уплатой заката; благочестие, твердость и богобоязненность, приносимые душе соблюдением поста; тоска по высшему сонму и загробной жизни, доставляемая душе лицезрением мест поклонения, как-то: мест паломничества (в Мекке.— *А. С.*), святого дома Господня (т. е. Каабы.— *А. С.*) и великих мечетей — и посещением их для отправления обрядов ислама; мужество, приносимое душе неколебимостью в делах веры, каковая неколебимость именуется джихадом; уподобление границам и высшему сонму, которое дается душе чрез повиновение имаму и следование его примеру в обоих поклонениях при соблюдении в том религиозных предписаний; мудрость, то есть взаимная уравновешенность сущего,

которая дается душе чрез истолкование (то есть скрытое поклонение), сочетание знания с деянием и охват телесного и бестелесного сущего,— и поскольку поистине радеющим о сих добродетелях и чрез них почитающим Всевышнего Бога является человек, а именно глаголящий и те, кто отправляет обряды поклонения, то человек, радея в деяниях сих, сбирает все добродетели и приобретает полное счастье. Поскольку же человек, радея в деяниях сих, собранных в Законе, и будучи тверд в исполнении их, сбирает все добродетели и полное счастье, кои суть второе совершенство, а сей человек является вторым пределом Природы, следовательно, Природа во втором пределе своем (то есть в человеке) сбирает все добродетели, кои суть правдивость, чистота, близость, щедрость, благочестие, богобоязненность, твердость, тоска по высшему сонму и уподобление ему, мужество, мудрость и все, что к тому прилагается. Поскольку же человек сбирает сии добродетели, и поскольку он является вторым пределом, таким, за которым нет никакого сущего, а после воздвиженного не существует никакой границы и никакого ранга, то сей поистине человек и есть воздвиженный (да благословит его Бог!). Итак, воздвиженный является тем центром, к которому сходятся светы воздействующего извне и изнутри мира. Если воздвиженный является центром, то Творение — окружностью, так что они суть два предела, как то ясно видно на нижеследующем рисунке.

Итак, выяснено, что Природа совершенна и содержит все добродетели через человека; человек, принадлежа Природе, составляет совершенство Природы и доставляет ей достаточность, совершенство и ненуждаемость.

Подтверждают сие весы вероисповедные, извлекая непреложные следствия из знания о рангах границ общины, ведь, как мы то показали, границы в мире религии таковы же, как Природа, приводящая тела в движение и воздействующая на них. Поскольку в мире религии границы существуют благодаря Писанию, Закону и установлениям их (каковые суть носитель границ, так что, не будь их, и границ бы не было), вследствие чего, нуждаясь для своего бытия в Писании, Законе и их установлениях, они должны иметь изначальное знание о сем носителе, то есть Писании и Законе (благодаря коим они и существуют), дабы ему сохраниться, а посредством его сохранения сохраниться и

им,— следовательно, бытие Природы связано с бытием ее носителя, и она наделена первым знанием о том, что выгодно и полезно для ее носителя (благодаря бытию коего и она существует); а нужно это для того, чтобы он сохранился, и тем самым ее сохранил. Действительно, если бы границы не обладали знанием о Писании, Законе и установлениях их

(благодаря которым и существуют они в мире религии как границы), каковое знание необходимо для охранения оных от порчи, то какие-нибудь из установленных Писанием и Законом обрядов и ритуалов могли бы исчезнуть, а с исчезновением их разрушился бы храм поклонения, а значит, погибли и исчезли бы и сами границы. Раз так, значит, не могут границы не обладать изначально знанием о Писании, Законе и предписываемых ими деяниях, благодаря коим получает душа первое бытие, ибо они нуждаются в оных Писании и Законе для привлечения душ и устроения храма поклонения. Если бы, например, проповедники не обладали знанием о явном смысле Писания и Закона и не владели бы аргументами, на которых зиждется их наставничество, они

не смогли бы действовать на занимаемой ими ступени мира религии, никогда не обрели бы вечного счастья, да́ и вообще не были бы границами мира религии. Коль скоро границы таковы, то, следовательно, и Природы бы не было, не обладай она первым знанием, что связано с сохранением ее носителя.

Поскольку во всех малых циклах все границы совершенны и добродетельны чрез своего имама, каковой имам служит для них в мире религии центром, а в больших — чрез воздвиженного, каковой воздвиженный является вторым пределом, значит, Природа сбирает все добродетели в пределе своем, а именно в человеке, втором пределе относительно Творения. Поскольку первое знание о Писании и Законе у границ не такое же, как у глаголящего и его замещающих (ведь глаголящий и его замещающие обладают незыблемым, чрез поддержку полученным знанием о Писании и Законе как до, так и после [ниспосылания] оных, а также знанием явного и скрытого [смысла] должного и недолжного, переменного и неизменного, отменяемого и незыблемого, в то время как границы получают свое знание о Писании и Законе от того имама, что служит для них центром, посредством акцидентального научения, благодаря каковому знанию становится возможной их деятельность), следовательно, первое знание Природы не таково, как первое знание человека: первое знание Природы есть изоморфность, заставляющая ее питать склонность и устремляться так, как мы то показали, без какого-либо предваряющего рассуждения о том, до́лжно ли сие или не до́лжно, в то время как первое знание человека состоит в том, чтобы действовать согласно вещам, зная, что это до́лжно или не до́лжно, либо в том таится опасность.

Поскольку мир религии с имеющимися в нем установлениями мудрости и поклонения, с Писанием и Законом, границами, исполняющими каждый то, что ему положено, стоящими на плечах друг друга, все вместе несущими бремя Царствия и совместно приемлющими изливающиеся на них светы Святости, один другого замещающими, исполняющими дело Божеское — малые для больших, и большие для малых, связанные каждый с каждым согласием и соответствием,— поскольку мир сей, управляемый конечными из них чрез изначальных, в целокупности своей

совершенен, полон и самодостаточен, сохраняет строй свой каким он есть, то следовательно, и мир Природы со своими телами, столпами и порождениями, где каждое исполняет ему положенное (воздействующее воздействует, приемлющее приемлет, превращающееся испытывает превращения, а незыблемое не меняется, где каждое связано с каждым в точно выверенном устройстве), в целокупности своей совершенен, полон и самодостаточен, сохраняется таким, какой он есть.

Итак, чрез имеющиеся равновесность и соответствие и по свидетельству оных установлено, что Природа обладает знанием, что сие знание — изначальное, что в сущем есть либо изоморфность, тяготение и согласие, либо разноречивость и отталкивание, а в способе бытия — страстное томление по тому, в чем заключено совершенство Природы, что во втором своем пределе она обладает добродетелями и что она достаточна и совершенна. Слава Богу, нет бога кроме Бога, лишь Бог дарует крепость и силу, к Богу взываю и на Него уповаю, за ниспосланную пищу и благодать воссылаю хвалу Богу и наместнику Его на земле (да благословит его Бог!), лишь Бог, Творец всего, дарует удачу и счастье; Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О Троне, или Приближенном Ангеле, или первом движущемся двигателе как движущем, то есть о форме, движущей свое вместилище, что именуется небесной сферой; о том, почему он и движет, и движется, и о том, что он находится внутри тела и почему именно

Говоря о мире Природы, мы упоминали и царство Творения, за ней стоящее, и сущих в оном царстве приближенных ангелов, ибо сии вопросы взаимосвязаны. Поскольку у Природы два лика, из коих первый заключен в движущем, а второй — в движущемся, и коль скоро высшая сфера есть первое сущее Природы, то о движущем в ней (что связано с разговором о приближенных ангелах) мы сказали,

что движение движущегося тела не проистекает от того, что обусловливает его телесность, и не включается в определение тела (когда бы телом называлось нечто, обладающее длиной, шириной, высотой и движением), а следовательно, движение тела не проистекает из его самости. Коль скоро движение тела не проистекает из его самости, то оно проистекает от чего-то иного, причем сие иное, из коего проистекает это движение, не есть тело, поскольку оно — иное. Если же сие иное — не тело, то, приводя тело в движение, оно будет находиться либо внутри тела, либо вне его. Оно не может находиться вне тела, ибо тело не может быть приведено в движение внешним бестелесным двигателем: такой двигатель должен иметь в себе некоторые части, однородные с движимым, то есть телом, дабы оными частями войти в соприкосновение с его самостью и тем привести его в движение, между тем как сей двигатель не имеет частей, да и вообще бестелесен, ибо он — не тело. Раз тело не может быть приведено в движение чем-то внешним, бестелесным и лишенным частей, а высшая сфера, то есть предел тел, является движущимся телом, следовательно, ее движение производится находящимся внутри нее двигателем и сей двигатель бестелесен.

Итак, двигателем высшей сферы, именуемым в божественном предании Троном, является перводвигатель тела, в оном находящийся, и он же является первым движущимся за счет движения сего тела, именуемого в божественном предании Престолом. Посему, определяя Природу, и говорят, что она является первоначалом движения и покоя, самостно пребывающим в вещи; а самостью сего двигателя является жизнь, струящаяся из мира Господствия и именуемая формой. Сия форма эманирует из мира Творения вместе с первоматерией. Та соотнесенность, от которой они обе происходят, обусловливает им быть таковыми: одной — воздействующей, а другой — претерпевающей, соответственно тому, каково Первое Сущее, то есть Творение, и в согласии с природой той соотнесенности, определяющей ему (пределу тел, или высшей сфере.— *А. С.*) быть претерпевающим. Самость его не такова, как самость Разумов, то есть не свободна от материй и не является чистой формой, но состоит из конституирующих его бытие первоматерии и формы, каковые первоматерию и форму мир религии нарек Троном и Престолом. Его первоматерия, то есть тело его,

настолько находится в согласии и столь подготовлено для своей формы, что почти что от нее не отличается: так велико единение их, осиянное светом Единства (ведь мир Единства так близок!), и так определяюща печать формы на первоматерии, что составляют они как бы нечто единое, и одной из них не быть без другой. Посему он вечно-пребывающ и неизменен. А не будь она (первоматерия.— *А. С.*) столь согласна и схожа с ней (формой.— *А. С.*), он бы не пришел от нее в движение; однако столь предрасположен он к ней (форме.— *А. С.*), что меж ними полное согласие. Посему и оказались они схожи одна с другой, так что стали как бы чем-то единым. Притом следы двоичности остались нестерты в его самости (она же является как бы формой относительно сего как бы единого, которое по природе своей целокупным не является), и движение присуще ему.

Не будучи целиком актуально сущей чистой формой подобно нематериальным Разумам, как мы о том сказали, выведя это из поддерживающей причины его, он не может в то же время быть одним только телом. Тому причиной два обстоятельства. Во-первых, та соотнесенность, от коей образовался он, двояка, а эта двойственность предполагает, что образовавшееся от нее также двояко и именно благодаря тому совершенно. Во-вторых, если бы он был только телом и в нем не было бы ничего дающего ему совершенство, вроде действующей причины, которая привела бы его в движение к актуальности (каковая актуальность свершается лишь чрез их обоих (тело и движущую причину.— *А. С.*) совокупно, так что одно из них обязательно должно быть в бытии связано с другим), когда бы он, будучи таковым, служил бы причиной бытия всех прочих вещей,— то он бы и не мог прийти в движение от Творения (то есть Сотворенного), то есть перводвигателя, который находится вне его, от него отлучен, телом не является и не обладает, и в таком случае телесного сущего не могло бы быть. Ведь телу, лишенному внутреннего движителя, несвойственно, как мы то показали, принимать движение от внешнего отлученного от него двигателя, разве что тот обладал бы телом подобно [приводимому в движение] телу; однако поскольку Творение, то есть Первое Сотворенное и Первый Ангел, от тела отлучен и находится вне его, и нет ему подобия, то (поскольку нет ему подобия) именно Творение, то есть Сотворенное, само должно быть ближней поддерживающей причиной того, что

может и должно получить от него бытие, а ниже его рангом среди получившего от него бытие должно иметься нечто, служащее поддерживающей причиной бытия всего прочего. В оном же должно иметься нечто, дающее ему совершенство и принадлежащее роду сего актуально сущего, отлученного от него и внешнего ему, дабы, будучи того рода, быть воздействующим. Тогда от бытийной соединенности их (действующей и пассивной сторон.— *А. С.*) возникнет в нем, устремившемся к обретению совершенства, то движение, с коим связано бытие сущего в телесном мире; благодаря тому движению и станет он движущимся двигателем.

Притом не является целью его ни стать движущимся, ни быть двигателем, но лишь прославлять Всевышнего и сущее от Него [Творение], в чем и заключается его радость, ликование и совершенство. Так вот, то, что имеется в сем первом первоматериальном сущем, что исключено из рода первоматерии и что единственно делает оную первоматерию благостной, есть жизнь, именуемая формой, каковая форма разумеет собственную самость и самость той телесности, в которой она гнездится. Когда оно устремляется к актуализации совершенства, приносимого восхвалением и прославлением и дающего непрекращающееся блаженство, с движением его приходит в движение и его тело.

Коль скоро так, то скажем, что причиной устремления сего двигателя к акту, от какового акта неотъемлемо движение, так что становится он (двигатель.— *А. С.*) движущимся, заключается в следующем. Сей первый движущийся двигатель состоит из двух составляющих, разумеет же лишь одной из них, той, что относится к роду разумеющего. Его предельная цель и второе совершенство, с коим связано его пребывание, прославление и восхваление, в коем заключена для него радость, ликование и длящаяся непрестанность, состоят в том, чтобы уразуметь предшествующее ему в бытии Первое Сущее, от коего и проистекает его собственное бытие. Раз так, то тем, что в нем разумеет, он объял свою самость и уразумел также и предшествующее ему в бытии [Первое] Сущее, благодаря коему он совершенен. Тогда величайшее блаженство охватило его; совершенство, достигнутое им благодаря уразумению вне его сущего, а также собственная самость, увиденная им во всей полноте ее блеска и совершенства, доставили ему величайшую радость и ликование. Сие уразумение стало в самости его правильнейшей формой; благодаря ей стал он актуален и достиг совершенства в прославлении и восхвалении, она доставила ему блаженное наслаждение от того, что сформирован он по формуле вечного пребывания. Она же движет его к тому вечно-длящемуся блаженству актуальности, к коему дано ему двигаться, ибо формы всегда воздействуют на то, чего формы они суть.

Коль скоро форма приводит его в движение, следовательно, он должен пробудиться для того акта, который повлечет его совершенство; если он должен пробудиться для акта, следовательно, когда он телесно устремляется к осуществлению того акта, то от действия его, протекающего в его теле (каковым телом достигается исполненность его самости), должно возникнуть в оном теле движение. А коль скоро в теле его должно возникнуть движение, то и он, будучи в нем, оказывается движущимся, так же точно как моряк движется с движением своего корабля. Сие — привходящее от тела его акцидентальное движение вследствие устремления его к тому, чем обеспечивается его совершенство, и оно того же типа, что и движение души, когда взыскует она сладостного отмщения или блаженного поклонения и восхваления Бога, прибегая в том к помощи членов своего тела.

Поскольку же он является высшим из сущих, обладающих первоматерией и формой, то сие его движение — высшее из движений, а поскольку влекущее совершенство действие его (а именно прославление, восхваление, вознесение, блаженство, ликование и радость) не прекращается, то сие движение оказывается также самым непрестанным из движений.

Итак, причиной движения первого движущегося двигателя является та умопостигнутая форма Первого Сотворенного, которая движет то, чего совершенством является, к тому восславлению и восхвалению, в котором заключено оного блаженство. Благодаря сей форме, распространившейся и на иное, пассивное, стал перводвигатель, то есть Первое Сотворенное и Первое Сущее, перводвигателем, и благодаря ей уже уразумевший ее движущийся перводвигатель стал первым движущимся. В силу того что сей первый движущийся двигатель обладает материей, с ним дело обстоит иначе, нежели с нематериальными Разумами, Сотворенными и Эманационными. Их самости целиком суть разумы, самость же сего первого движущегося двигателя не

является [целиком] разумом, но одно в ней, как мы говорили, разум, а другое — не-разум.

Подтверждением сказанному служит то, каков в царстве Природы тот двигатель, что является вторым движущимся, а именно глаголящий, коего конечная цель и совершенство (чрез каковое совершенство становится он актуально сущим, прославляющим и восхваляющим) и коего блаженство, радость, ликование, вечное пребывание и непрестанность заключаются в том, чтобы одну за другой объять и уразуметь ему в бытии предшествующие границы вплоть до Первого Сотворенного и всецело соединиться с миром Творения. Уразумение и объятие им всего этого есть форма в самости его, оную исправляющая, благодаря каковой форме актуален он в своем прославлении, восхвалении, стяжании полного счастья, ликования и блаженства. Если сие — форма в самости его, то такая форма движет и воздействует на того, кого совершенством она является, заставляя актуально свершать влекущие совершенство действия: прославление, восхваление и проведение политики совершенствования других, каковая политика сама является плодом совершенства. Коль скоро сей акт необходим и раз ему (глаголящему.— *А. С.*) в том не обойтись без тела своего, благодаря каковому телу исполненна его самость, в сем теле должно возникнуть движение; а раз в его теле возникает движение, то и он, будучи в сем теле, должен быть движущимся. Итак, чрез акт свой он движется. Блаженство его заключено в акте поклонения, прославления, исправления, улучшения и обожения; в том не охладевает пыл его, ибо стремится он к непрекращающемуся блаженству, а потому подвигает других к поклонению и обожению и сам чрез то к тому же движется.

Итак, поддерживающей причиной движения сего второго движущегося двигателя является та разумеемая форма небесных границ, в которой заключается его совершенство и благодаря которой первый движущийся является первым двигателем, а второй движущийся — вторым двигателем.

Небесные границы не таковы, как глаголящий и границы в царстве Природы. Те границы суть Разумы, обладающие первым и вторым совершенством совокупно; в их самостях нет ничего, что не было бы разумом: они суть разумы, разумеющие собственную, разумеемую ими самость. Глаголящий же и прочие земные границы в царстве

Природы суть разумы, из потенции исходящие в акт, и в самости их есть нечто, разумом не являющееся, как, например, тела *(ашхāс)* их. Они разумеют вещи благодаря своей форме, а именно душе, поднимающейся со ступени, на которой была она Природой, на ступень Разумов, но не благодаря телам своим. Их изначальное бытие, то есть их совершенство, есть бытие совместное с их телами, как и первый движущийся двигатель существует совместно со своим телом.

Коль скоро так, то есть равновесность между состоянием первого движущегося двигателя и второго движущегося двигателя, поскольку тот — второй движущийся, и движение их обоих происходит от исправляющей их самости и движущей их к актуальности совершенства формы, а акт их обоих — прославление и восхваление: «Нет ничего, что не воссылало бы славы Ему, хотя вы и не понимаете прославления их; Он Кроток и Всепрощающ» [1]. Если же дело обстоит одинаковым образом с обоими движущимися, то о движущемся первом двигателе, который самостно недоступен чувству, мы рассудим на основании того, что нам известно о самостно имеющемся и доступном чувствам втором движущемся двигателе, и скажем, что поскольку второй движущийся двигатель, то есть глаголящий, является высшим движущимся среди всех границ в мире религии, следовательно, и первый движущийся двигатель является в телесном мире высшим из движущегося; поскольку движение глаголящего в призыве к поклонению является высшим из всех движений земных границ, следовательно, и движение первого движущегося двигателя является наиболее возвышенным из всех движений; поскольку призывает он не к конечному и прерывающемуся, но к вечно-пребывающему и непрестанному: «Словам Божиим перемены нет» [2],— следовательно, движение первого движущегося не есть конечное, но вечное и неизменное; поскольку именно он из всех земных границ призывает к тому внешнему поклонению, которое охватывает всех людей, как знающих, так и невежд, хотя для каждого вероисповедания оно свое, следовательно, движение первого движущегося — единое движение, охватывающее двигатели всех тел, хотя у двигателя любого тела есть и свое, особое движение; поскольку глаголящий призывает и научает и лик его обращен к истоку своему, который приемлет все истекающие от него светы знания, следовательно, лик того

движения, движения первого движущегося, обращен с Востока на Запад, где пропадают телесные светы; поскольку религия покоится на двух призывах: призыве явном, на коем зиждется глаголящий, а он — Восток светов, и призыве скрытом, на коем зиждется исток, а он — Запад светов и их пристанище, следовательно, над нами свершающиеся движения суть два движения: движение с Востока на Запад, а оно — наивысшее и самое благородное из всех движений, и наделена им высшая сфера, и движение с Запада на Восток, каковое характерно для лежащей ниже высшей сферы сферы светил [3].

Итак, сим взаимным соответствием разъясняется правильность сказанного о двух движущихся двигателях. Кто не видит в Боге светоча, тот вовсе лишен света; слава Богу, Который вел нас до сих пор и просветил разумы наши благодатью владык наших (да благословит их Бог, и да будут они благосклонны к нам!). Нет бога кроме Бога; лишь Бог Великий дарует крепость и силу. К Богу взываю и на Него во всем уповаю: Он о рабах Своих зоркий попечитель, и уповающего Бог не забудет. Да предначертает Бог нам и братьям нашим на Востоке и Западе земли благо, да сделает нас благочестивыми и да удалит от нас погибель с помощью Мухаммеда и семейства его, чистых имамов; Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ПЯТАЯ

О Престоле, или первом движущемся двигателе как движущемся, то есть о высшей сфере; о том, что она есть тело и как тело является движущейся; о следующих за оной небесных телах и числе их; о том, что небесные сферы покоятся как целое и движутся в отдельных частях своих

Первый движущийся двигатель двояк и существует именно как двоякий. В предыдущем разделе мы говорили о нем как о движущем, что связано с формой, одной из сторон той двоякости, благодаря которой существует его самость. Посему здесь речь о нем пойдет как о движущемся, благодаря чему исполняется его самость; речь сия связана с его телесностью.

Поскольку цвет, вид, наличие сторон и движение суть признаки одних только тел, а светила всем перечисленным обладают, значит, светила суть тела. Коль скоро светила суть тела, и притом обладают двумя движениями, самостным движением с Запада на Восток, проистекающим от самостно наличных в них первоначал их движений, и движением с Востока на Запад, каковые движения свершаются днем и ночью единовременно, и поскольку невозможно, чтобы тот самый двигатель, который изнутри движет их на Восток, одновременно двигал бы их и на Запад (ибо в одном и том же движущемся не могут одновременно возникнуть два противоположных движения от одного и того же двигателя), следовательно (и ввиду необходимого существования их движения, противоположного их самостному движению), существует некоторый внешний двигатель, который и движет их на Запад. Поскольку существует такой внешний им двигатель, тело же, как мы уже говорили, не может прийти в движение от внешнего двигателя, если тот не обладает движущимся телом, следовательно, сей внешний им двигатель, от коего к ним привходит движение на Запад, обладает движущимся телом. Коль скоро он обладает движущимся телом, а царство Творения бестелесно и потому не имеет движущегося [тела], следовательно, сей внешний им [двигатель] является также небесной сферой, подобной сфере светил, но более простой. Это и есть высшая небесная сфера, предел царства Природы.

Итак, высшая небесная сфера является движущимся телом постольку, поскольку она есть тело, каковое тело для своего двигателя, в оном теле заключенного, является как бы первоматерией и носителем. Это тело Эманировало из мира Творения, или Сотворенного, чрез ту его соотнесенность, что ниже принадлежащей ему воздействующей соотнесенности. Самость того, что движется посредством заключенного в себе двигателя, не такова, как самость с оным соединенного, то есть двигателя его, доставляющего ему совершенство, освещающего и очищающего *(таджарруд)* его, но этот ниже того соответственно тем двум соотнесенностям (с самостью Первого Сотворенного и его формой), от коих и образовались они. Я хочу сказать, что движущееся, то есть [высшая небесная] сфера, есть как бы круговая форма, обнимающая все сущее в царстве Природы. За ней следует вторая небесная сфера, вмещающая тела всех све-

тил, по коим и судили мы о бытии сей высшей сферы; за оными же — семь природных сфер. Все сии сферы суть нечто единое: движущиеся тела и движущие формы. Сии небесные сферы пронизаны другими, малыми сферами, благодаря чему достигается упорядоченность и правильность всеобщего круговращения. Все они, как большие, так и малые, причисляются к покоящемуся, ибо в целом не оставляют своих мест и с оных не смещаются; но поскольку части каждой из них в движении своем перемещаются и смещаются с мест своих, то они причисляются к движущемуся: так же и жернов, вращающийся на одном месте, в целом не перемещается, в то время как части его смещаются с одной стороны на другую.

Правильность сказанного подтверждается тем, что служит нам в выведении суждений о сущем, а именно весами вероисповедными, то есть божественными законами мира религии, его установлениями, обычаями и обитателями. Поскольку призыв скрытый, а именно устремление истока к истолкованию призыва явного, то есть устремления глаголящего к обожению и совершенствованию других, связан с сим явным призывом, не будь коего, и его бы не было, следовательно, движение на Запад второй небесной сферы, то есть сферы светил, связано с движением другой, более высокой небесной сферы, а именно высшей сферы. Поскольку исток отправляет обряды явного призыва, установленные глаголящим и проистекающие от его поучения, а также обряды скрытого призыва, кои суть его собственный удел и научение от глаголящего, следовательно, вторая сфера обладает двумя движениями: движением на Запад (наподобие поучения), свершающимся благодаря движению высшей небесной сферы, и самостным движением на Восток, наподобие научения. Поскольку в мире религии границы объяты научением путеводящих имамов, а те, кто ниже их, верны обоим призывам, как явному, так и скрытому, как научению, так и поучению, следовательно, все сферы, расположенные под второй, имеют два движения: самостное движение на Восток и движение с Востока на Запад благодаря движению высшей сферы. Поскольку принесенное глаголящим Писание используется связанной с оным Писанием чистейшей семьей, на Писание воздействующей, следовательно, [высшая] сфера как тело движется благодаря форме, с оным телом связанной и на него воздействующей. Поскольку Писание и сия семья составляют вместе две части мира религии, конституирующие его самость и сущие от глаголящего, следовательно, двигатель и движущийся составляют вкупе самость [высшей] сферы и существуют от Творения, то есть Сотворенного. Поскольку Писание сбирает Закон, объединяющий одиннадцать вещей: слова исповедания веры, соблюдение чистоты, молитву, закат, пост, хаддж, джихад, повиновение, разрешенное, запрещенное и установления, следовательно, высшая сфера сбирает вторую сферу, сбирающую семь сфер и четыре природы. Поскольку каждый из столпов Закона сбирает множество вещей (почему и является столпом), как, например, соблюдение чистоты объединяет, скажем, подмывание, полоскание рта, полное омовение и вытирание (почему это и является соблюдением чистоты), следовательно, большие сферы обладают малыми, благодаря коим свершается кругооборот больших. Поскольку каждый столп [Закона] неразрывно связан с включенными в него толковательными смыслами, каковые сохраняются к оному столпу приставленными границами, следовательно, у каждой из сих движущихся сфер есть неразрывно связанный с ней двигатель, благодаря которому исполненна ее самость. Поскольку воздвигают сии столпы и распространяют содержащиеся в них божественные знания (коими и живут души) семь исполненных, сбирающие сорок два имама, следовательно, каждая из больших сфер должна иметь соответствующее число малых сфер. Поскольку мир религии полон, совершенен и самодостаточен благодаря Писанию и Закону и отправляющим их имамам, исполненным и ниже оных стоящим границам и не нуждается ни в чем ином, следовательно, мир Природы должен быть полон благодаря ее сферам, звездам и природам, кои суть воздействующие и все вместе покоящиеся, ни в чем ином не нуждающиеся. Поскольку отдельные составляющие мира религии нуждаются для бытия своего в бытии иного, следовательно, отдельные части мира Природы с ее сферами и звездами движутся в силу того, что одни из них в акте своем нуждаются в других.

Так правильность сказанного подтверждается соответствием и равновесностью состояний сих двух миров: творение, величайшее свидетельство, подтверждает истинность пророческого произведения, а пророческое произведение подтверждает правильность устроения творения. Слава Бо-

гу, который предначертал и вел по пути, одарил и пожаловал, осветил разум и просветил его, изъяснил истину и осиял ее светом. Нет бога кроме Него, к Богу взываю и на Него уповаю, лишь Бог Великий дарует крепость и силу. Чего пожелает Бог, тому не миновать, а чего не хочет Он, тому не бывать. О Боже, предначертай нам благо во имя Мухаммеда и чистого рода его.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О телах небесных сфер, особенно же высшей сферы, о том, что тела сии — наипростейшие в царстве Природы, что они лишены изъяна, не погибают и не изменяются во всех своих состояниях и не приемлют никакой иной формы, кроме собственной

Поскольку всякое сущее как сущее наделено теми состояниями, коих оно достойно, и благодаря оным совершенно в бытии (ибо того требует божественное устроение, дающее всякой вещи то, что ей более всего подходит), небесные же тела наделены круговым движением, то есть наивысшим из движений, то отсюда мы заключаем, что тела эти удостоены сего наилучшего движения потому, что сами они — высшие и лучшие из тел, ведь иначе это не соответствовало бы божественному устроению, и достойного соответствия не получилось бы. Коль скоро сии тела — лучшие из тел и движение их — лучшее из движений и поскольку законы гласят, что чем меньше [у тела] движений, тем оно проще, высшее же тело, или первая небесная сфера, обладает только одним движением, в то время как нижерасположенные сферы — несколькими движениями, следовательно, она обладает простейшим телом из всех сфер и среди них — наилучшая.

Итак, все сферы суть благородные тела, лучшая же из них — высшая сфера, и она же — простейшая по своей телесности. Они таковы, что не могут испытывать никаких превращений, ибо устроение их исключает всякую возможность порчи. Ведь они суть первейшие орудия, первенствующие причины бытия запаздывающих вещей, ближайшие поддерживающие причины их бытия; с ними связано бытие

нижестоящего, и благодаря им оно есть. Промышляя о том, как без изъяна сделать сии орудия, с коими связано осуществление действий, неотъемлемых от бытия сущего, Мудрейший Мастеровой должен был создать их столь совершенными, чтобы гарантированы они были от всяких превращений и порчи, дабы не пришлось ему вновь к тому возвращаться. А не может быть так, чтобы Мудрейший Мастеровой пренебрег делом, коего требует от него мудрость; если же это невозможно, значит, он создал их без изъяна, а что создано безупречным, то не подвержено превращению и порче.

Кроме того, если допустить, что сии орудия испытывают превращения, переставая быть причинами бытия природного сущего, то это будет означать, что то, от чего они образовались таковыми, подверженными превращениям, ущербно, ибо не способно было сообщить им такое совершенство, которое сохраняло бы их неизменными без какого-либо посредника между собой и ими. Поскольку же сии тела, то есть орудия, существуют от царства Творения, и отсутствует какой-либо посредник между ними и Сотворенным, то есть Первым Сущим, а мир Творения есть мир совершенства, то исключено, чтобы нечто, получившее бытие от сего мира, было застигнуто переменами, проистекающими от собственной самости, ибо оно совершенно. Если же невозможны никакие изменения и превращения в них, поскольку они совершенны по своей самости, следовательно, они пребывают в том состоянии своей самости, в каком сотворены, а именно как причина бытия сущего.

Кроме того, если бы они относились к тому, что подвержено превращениям, то превращение происходило бы в них не сразу, но во времени, сначала в одном, затем в другом. Если бы превращение совершалось в них сначала в одном, затем в другом, то соответственно этому утрачивали бы свою силу их воздействия на порождения и они переставали бы выводить сущее к бытию настолько, насколько испытали превращение и утратили силу. Если же какое-нибудь их воздействие прекращается, то уходит в небытие и нечто из сущего, то, чья делавшая необходимым его бытие поддерживающая причина исчезла. Однако поскольку сущее таково, каково оно есть, не прибывает и не умаляется, то и причины его, благодаря коим оно есть, не могут испытывать превращения.

Кроме того, будь они подверженными превращению и порче, то превращения, то есть порча, настигали бы их либо изнутри, со стороны их материи, либо извне, от соседствующей противоположности. Однако превращения не могут привходить к ним со стороны их материи, ибо та не относится к сложенным из противоположностей вещам, каковыми являются материи сущего в подлунном мире, а также потому, что она представляет собой нечто чистое и единое, наподобие формы своей, и ее не может настичь порча от движения, так как движение ее круговое и однородное, в нем нет различий и противоположностей. Превращения не могут также привходить к ним извне, вследствие соседства с противоположностью, ибо горизонт их однороден и с ними совместим, а соседствующие с ними тела не воздействуют на них, но подвергаются их воздействию. Если же ни то, ни другое невозможно, а превращения привходят только этими двумя путями, значит, они превращений не испытывают.

Кроме того, превращения настигают потенциально сущие вещи при движении к совершенству, коего ищут они, будучи его лишены, когда стремятся они к конечной цели своей, а именно к актуальности, к достижению такого предела в принятии [форм] и перехода из состояния в состояние, у которого остановятся они и уж больше испытывать превращений не будут. Между тем движение сих тел есть не движение к искомому, отсутствующему у них совершенству, но именно движение совершенства, связанного с воздействием на другое и сообщением того, что имеют они ему сообщить и передать чрез себя. Если же движение сих тел есть движение совершенных, но не движение к совершенству, то самости их превращений не испытывают.

Итак, небесные тела суть высшие и наипростейшие, не могущие испытывать ни порчи, ни превращений.

Они, далее, не могут принять никакой формы, помимо той, что имеют, ибо они столь совершенны, что не нуждаются в приращении совершенства. А именно: форму принимает только материя, а то, что для сих сущих является материей, уже занято формой, которая в ней распространилась и довела ее до той черты, где она ничего, кроме оной формы, не приемлет (таково свойство тел: они доходят в принятии [форм] до такой черты, где ничего другого уже не приемлют). Если же сии тела охвачены формой настолько, насколько та может охватить, то после нее они иной формы не принимают.

Кроме того, формы привходят в материю лишь от воздействующего, когда воздействует оно на такую материю и дает ей форму. Однако сии тела выше того, чтобы быть материей для воздействующего, ибо они изначально получили совершенство при творении и эманации, и они сами суть воздействующие. Если же они сами суть воздействующие, то они не могут в будущем претерпеть воздействия; а коль скоро они не могут претерпеть воздействия, принимая другую форму, значит, они вообще не принимают форм.

Все сие подтверждают состояния сущего, взвешенные на весах вероисповедных. Коль скоро Писание есть высшее из служащего действию сущего в мире религии, следовательно, небесные сферы, и прежде всего высшая сфера как телесная, суть высшие и наипростейшие из движущихся тел. Коль скоро Писание являет образец безупречности, лишенный всякого изъяна, следовательно, небесные сферы, и прежде всего высшая сфера как телесная, безупречны и исключают всякую порчу и превращения. Коль скоро глаголящий и его замещающие выше нижестоящих земных границ, следовательно, небесные сферы как формы и тела выше нижерасположенных тел. Коль скоро глаголящий и его замещающие свершают восславление и действие их есть акт совершенных, не ослабевающий и не прекращающийся, следовательно, движение небесных сфер не прерывается, и действие их, когда они выводят [в бытие] природные порождения, есть акт совершенных. Коль скоро глаголящий и его замещающие не принимают в своем совершенстве никакой иной формы, нежели та, что у них имеется, и не отходят от сформированной ими религии и поклонения, следовательно, небесные тела не приемлют иной, нежели у них имеющаяся, формы. Коль скоро Писание и Закон составлены совершенными, не нуждающимися ни в приращении, ни в умалении, следовательно, тела небесные в своем совершенстве не нуждаются ни в том, чтобы какая-либо форма дала им приращение, ни в том, чтобы какая-либо форма умалила их.

Таковы сии высшие небесные тела: «Создание небес и земли больше создания людей; но многие из людей не знают этого» [1]. Да славится Создатель их; нет бога кроме Него, к Нему взываю и на Него уповаю: Он о рабах Своих зоркий попечитель, лишь Он, Мудрейший, Сильнейший, Величайший, Всевышний дарует крепость и силу.

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О небесных телах, о том, из чего они состоят, каковы их движения и воздействия, кои суть причины бытия природного сущего

Поскольку небесные тела обладают состояниями и оказывают воздействия, с коими связано бытие природного сущего, и чрез познание оных состояний и воздействий душа поднимается к запечатлению форм сотворенных самостей, постичь же сие чувствами невозможно, ибо они удалены от сего, как невозможно и объять сие самостям природных разумов, ибо они ущербны, и поскольку Бог в великой милости Своей указал, у кого нам почерпнуть знание неизвестного, сказав: «Спросите же людей поминания *(ахль аз-зикр)*, если вы сами не знаете» [1], то в деле познания науки о небесных сферах — каковы движения их и каково их число, разряды, ступени и положения,— мы обратились к святым угодникам Божьим, кои суть род Мухаммеда (да благословит и приветствует его Бог!), который и есть поминание *(зикр)*, а также к пророческим законам и религиозным уложениям, кои людям вероисповедания служат весами в познании искомого, дабы, следуя указаниям сих законов, обрести уверенность, не замутненную и тенью сомнения. А посему скажем мы, что, коль скоро из всех призывов глаголящий наделен призывом явным, следовательно, высшая небесная сфера обладает одним движением, охватывающим и подчиняющим *(муставлия)* все нижестоящие движения. Коль скоро глаголящий приходит в движение от внутреннего двигателя, следовательно, и у высшей небесной сферы есть двигатель, и сей двигатель заключен внутри ее. Коль скоро пребывание внутреннего двигателя глаголящего обеспечивается его соединенностью с тем, что вне его, а именно с воздухом, который он получает с дыханием, следовательно, пребывание внутреннего двигателя [высшей] сферы обеспечивается его соединенностью с тем, что вне его, а именно с царством Творения, от коего он получает истечение.

Коль скоро глаголящий, научая, лик свой обращает к своему заветнику, то есть к закату *(магриб)* знания своего, следовательно, высшая сфера имеет движение на Запад *(магриб)*. Коль скоро в явном призыве не указаны разряды небесных и земных границ, следовательно, высшая сфера не

имеет светил. Коль скоро исток, стоящий ниже глаголящего, поучаясь, обращается к оному глаголящему, рассвету *(машрик)* знания своего, и коль скоро призыв истока включает разъяснение утвержденных *(сабита)* разрядов всех границ, следовательно, вторая сфера включает в себя все неподвижные *(сабита)* светила.

Коль скоро глаголящий сбирает все формы ему в бытии предшествующих сущих разумов, следовательно, [высшая] сфера сбирает все природные формы, бытие коих с ней связано. Коль скоро то, что содержал в себе глаголящий целокупно, разделено меж двенадцатью, кои суть сподвижники его, следовательно, [высшая] сфера с собранными ею формами поделена на двенадцать частей. Коль скоро каждый из сподвижников сбирает нечто из имеющихся у глаголящего религиозных знаний и форм, так что одни из них сбирают многое, другие же — малое, следовательно, каждая из двенадцати частей сбирает некоторые формы, причем одни сбирают их больше, другие — меньше. Коль скоро одни из сподвижников были в религии бесплодны и ничего после себя не оставили, другие же были плодовиты, следовательно, из частей небесной сферы, кои суть зодиакальные созвездия, одни бесплодны, и рожденные под ними не оставляют потомства, другие же дают плодовитость под ними рожденным. Коль скоро одни из тех границ, что суть сподвижники, правдивы, другие же лживы, следовательно, одни из зодиакальных созвездий, на которые поделена небесная сфера, правдивы, другие же лживы. Коль скоро одни из границ — сподвижников, я хочу сказать,— идут в поклонении Богу путем прямым, другие же — путем искривленным, следовательно, одни из созвездий Зодиака наклонные, другие же — прямые. Коль скоро одни из границ — сподвижников, я хочу сказать,— тверды в заветах и уставах, другие же сей твердостью не обладают, следовательно, одни из созвездий Зодиака, то есть частей небесной сферы, постоянны, другие же переменчивы [2]. Коль скоро одни из границ суть шакалы диавольские, в заблуждение и погибель ввергающие тех, кто от них религиозное знание получает, другие же суть ангелы, наставляющие учеников своих на истинный путь и от заблуждения научением спасающие, следовательно, одни из градусов небесной сферы несут бедственную темень, и под оными рожденные бывают несчастны, другие же суть градусы счастливые, лучистые, светоносные, и под оными рожденные бывают счастливы.

Коль скоро земных границ в каждом большом цикле семь, следовательно, ниже первой и второй сфер расположено семь сфер. Коль скоро в каждом малом цикле шесть имамов, следовательно, в каждой из тех семи сфер — шесть других, малых сфер, благодаря коим обращаются большие [сферы]. Коль скоро призыв вековечно зиждется на глаголящем, истоке, имаме и худдже, а близостью к ним и чрез следование им в религии Божьей существуют религиозные порождения, следовательно, на небесной сфере имеются четыре непременных местоположения [3], благодаря коим существуют порождения в царстве Природы. Коль скоро глаголящий и исток выше имама и худджи, следовательно, два из сих четырех местоположений выше. Поскольку всеобнимающий глаголящий, а также исток, с коим связана жизнь людей призыва, выше имама и худджи, следовательно, местоположение середины неба выше всего нижестоящего, а ассендант выше дессенданта и надира [4]. Коль скоро все земные границы, и глаголящий, и прочие, наставляют и научают, опираясь на два поклонения, поклонение знанием и действием, следовательно, круговращение всех сфер в целом опирается на два полюса, северный и южный. Коль скоро число тех, кто в ходе цикла сохраняет ритуалы научения, равно семи, следовательно, планет, оказывающих влияние на мир Природы, семь.

Коль скоро глаголящий светозарен *(мушрик)*, знанием и водительством своим освещает мир религии и благодаря ему и призыву его души движутся к достижению первого и второго совершенства, следовательно, благодаря Солнцу, освещающему мир Природы, и воздействию его движутся природные порождения к бытию, то есть первому совершенству. Коль скоро светы и знание глаголящего — не от некоего телесного его подобия, но от того, что божественный промысл наделил его ими посредством эманации, и коль скоро из всех разрядов религии глаголящий занят лишь установлением обрядов явного поклонения, следовательно, Солнце имеет только одно жилище [5]. Коль скоро из всех разрядов религии исток занят лишь установлением обрядов скрытого поклонения, следовательно, Луна имеет только одно жилище. Поскольку поклонения явное и скрытое одно с другим связаны, следовательно, жилища Солнца и Луны в небесной сфере соседствуют. Коль скоро глаголящий всегда и во всем твердо держится только явной стороны дел, как то

предполагает его макам, следовательно, жилище Солнца постоянно. Коль скоро исток, научая и истолковывая, переходит от одного толкования к другому, от одного доказательства к другому, следовательно, жилище Луны переменчиво. Коль скоро исток занят делами мира религии и выведением духовных порождений к бытию, следовательно, именно Луна занята делами мира возникновения и гибели, и с нею связано бытие природных порождений. Коль скоро исток поучается у глаголящего и из его источника черпает, и все, что знает, получил чрез научение его, следовательно, Луна черпает из источника Солнца и свет ее — от него, а не от самости ее.

Коль скоро каждый из границ, что ниже глаголящего и истока, научает двум поклонениям, призывает к ним и осуществляет их, явное так, а скрытое — иначе, следовательно, каждая из планет имеет два жилища, одно из которых постоянно и не меняется, другое же многолико и переменчиво. Коль скоро в мире религии макам глаголящего сохраняется имамом, так что призыв его не перестает действовать и не обращается вспять, следовательно, ход Солнца необратим и назад не оборачивается. Коль скоро в мире религии макам истока сохраняется худджей, так что призыв его не перестает действовать и не поворачивается вспять, следовательно, ход Луны необратим и не прекращается, повернувшись вспять [6]. Коль скоро в мире религии границы, всю полноту власти предержащие, неустанно исполняют предначертанное глаголящим и всегда обращаются туда же, куда и он обращается, следовательно, влияющие на мир Природы планеты обращаются вокруг Солнца, будучи с оным связаны. Коль скоро границы, научающие откликнувшихся и поясняющие им религиозное дело, дойдя с ними до разряда Сотворенных и Эманационных Разумов, кои суть предельная цель сущего и кои охватываются разрядами двенадцати чисел (от 1 до 12.— *А. С.*), и не найдя в себе способности запечатлеть формы сих вещей в душах обучающихся, обращаются, дабы дать им понять сие и представить подобие оного, к разряду глаголящего и его незыблемо утвержденному в мире религии и в душах макаму и поясняют им разряды тех причинно-поддерживающих вещей на основе сих известных и чувству доступных вещей, дабы легче им было узнать сие и правильным было бы их научение, следовательно, планеты имеют аспекты относи-

тельно Солнца, из коих наибольший — сто двадцать градусов (то есть двенадцать десятков), а наименьший — двадцать градусов (или два десятка), такие, что когда они достигают их и вследствие своей удаленности оказываются бессильны исполнить свои воздействия, то оборачиваются навстречу Солнцу, дабы, почерпнув в нем [силы], осуществить свое влияние [7].

Коль скоро глаголящий, исток, имам и нижестоящие границы суть душевные сферы и звезды, благодаря коим существуют в мире религии духовные порождения, следовательно, небесные тела суть телесные сферы и звезды, благодаря коим существуют природные порождения в телесном мире. Коль скоро отправление религиозных дел *(вилāя)* в мире религии таково, что приносит счастье добродетельным проповедникам, свершающим оба поклонения, и дает им более высокий ранг в загробной жизни, ибо стяжают они счастье, научая души и ведя их путем истины, а невежественным проповедникам зла, нарушающим оба поклонения или одно из них, приносит в загробном царстве бóльшие страдания и понижает в нем их ранг, ибо стяжают они муки, научая души тому, что религией не является, и уводят их в сторону от пути истины,— следовательно, в небесной сфере есть местоположение, делающее счастливые планеты еще более счастливыми, а бедственные еще более бедственными: его астрономы зовут головой. Коль скоро разумы в мире религии таковы, что понижают положение знающих и добродетельных проповедников и границ, свершающих оба поклонения и вершащих делами мира религии, и умаляют их вечное счастье, ибо они прекращают научать и перестают вести и объяснять (а в этом заключается путь стяжания), и в то же время умаляют страдание лицемерных и невежественных проповедников, кои без приказания берутся вести и научать, ибо, прекратив научать тому, чему не было приказано научать, и сложив с себя полномочия в религиозном деле, коими не были облечены, те перестают стяжать дополнительные страдания,— следовательно, напротив того местоположения, которое прибавляет счастье и усугубляет беды, в небесной сфере есть местоположение, умаляющее счастье планет счастливых и уменьшающее бедственность планет бедственных, а именно — хвост [8].

Коль скоро принесенные пророком (да благословит и приветствует Бог его и род его!) Писание, Закон и ритуалы поклонения деянием суть как бы тело мира религии, сущие

же в нем границы как бы душа его, а воздействие на обучающиеся души как Закона, так и осуществляющих его границ дарует им совершенство (религиозные законы и ритуалы приносят моральные добродетели, с коими связано исправление душ, а осуществляющие их границы приносят душам формы знаний, с чем связано оформление душ и чем свершается исполнение дела мира религии), следовательно, небесные тела чрез свои воздействующие формы даруют каждому из порождений то, благодаря чему исполняется телесное бытие, а именно даруют им самость, с коей связано первое совершенство, а также [даруют им] формы, на оные тела воздействующие, а именно душу, с коей связано их второе совершенство в первом бытии, чрез что в совокупности и свершается мир Природы. Коль скоро в душевном мире дýши приемлют и научаются всему, что в них зарождается, следовательно, земные тела, что суть под небесными сферами, приемля формы, испытывают превращения. Коль скоро для научающих границ мира религии дýши [учеников] суть как бы первоматерия, в коей они действуют, вкладывая в оную первоматерию формы знаний, от коих, смотря по тому, как те принимают их, получаются и ангелы веры, и отвратительные черти, следовательно, поднебесные тела суть для небесных сфер и планет как бы материя и первоматерия, на которую оные влияют, вкладывая в нее подходящие ей формы, от чего получаются порождения как похвальные, так и порицаемые, смотря по тому, как она (материя.— *А. С.*) их принимает.

Поскольку в мире религии из глаголящих три суть первично-изначальные *(авā'иль)*, такие, как Адам, первый уложитель Закона, Ной, первый из обладателей энергии *('азм)*, и Авраам, первый из свершивших религию, и три — помогающие и поддерживающие, из коих каждый поставлен против одного из тех обновлять его Закон, являть его (соответствующего глаголящего.— *А. С.*) силу и распространять его (глаголящего.— *А. С.*) могущество на души, следовательно, три из планет суть высшие, а три — низшие, из коих каждая поставлена против одной из тех, дабы принять силу оной и ее действие и распространить его на мир Природы [9]. Коль скоро те три [глаголящих], что суть помогающие, обеспечивают исполненность дела тех трех, что суть изначальные, и не будь их, то и тех, изначальных, действие не свершилось бы и не дало бы в мире религии

духовных порождений, следовательно, не будь тех трех [низших] планет, что поставлены против трех высших, те не дали бы порождений в мире Природы. Коль скоро макамы границ мира религии сохраняемы и не исчезают, следовательно, все небесные сферы и планеты охраняемы от перемен.

Таковы вкратце те состояния телесных сфер, о коих на основании весов вероисповедных поведали состояния сфер душевных. Если б не опасность сей книге попасть в руки тому, кто не заслуживает раскрыть ее, то мы показали бы таким же образом ход религиозных планет, восходы сфер знаний, определение хилегов и владык дома [10], что относится к удивительнейшим тайнам и наукам, познающим вещи нетленные о мире Святости, загробной жизни души, ее ступенях и разрядах, о том, что она там переживает,— так же точно, как действуют и астрономы, познавая природные вещи,— и тогда ясна бы стала необозримость морей знания святых угодников Божьих (мир им!). Однако же, поскольку идти сим путем и научать сим знаниям пристало пророкам и посланникам, тогда как люди вроде нас к тому отношения не имеют, мы не стали говорить все до конца и ограничились намеком: сия моя книга имеет отношение к восходу утренней звезды, рассеивающей тьму и освещающей положение имама. Читателю же своему, когда дойдет он до сего места и захочет обрести сие возвышенное знание, уготованное чистым душам (да пребудет с ними мир и благодать!), я скажу: если он воистину брат наш или чистейший избранник *(ṣафий)* наших братьев, то сможет он с сим знаньем ознакомиться, прочитав книги вероисповедные и проштудировав наши послания, как то указано в «Каталоге». К ним отсылаем мы его, истинного брата нашего, твердо решившего стяжать счастье чрез оба поклонения, явное и скрытое, дабы благодаря им он обрел понимание и религию, а также и с той целью, чтобы знание сие не досталось лицемеру, Всевышнему Богу не поклоняющемуся и от должного поклонения знанием и деянием уклоняющегося. Да сберет Бог нас и всех преданных братьев наших в царстве Святости, да дарует нам там милостивым даром Своим довольство Своего земного наместника. Да славится Бог; нет бога кроме Бога, лишь Он, Великий, дарует крепость и силу. К Богу взываю и на Него уповаю: чего Он хочет, тому не миновать. Бог — мое довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

КВАРТАЛ ШЕСТОЙ

О телах земных, получивших бытие от тел небесных, и каковы они

с семью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О первой материи *(мāдда ʾӯля)*, от которой телá суть

Мы скажем: поскольку, как о том уже говорилось, бестелесные самости, обратившись к первоматерии, решили сделать из нее то, что наиболее соответствовало бы мудрости устроения, и поскольку из нее не могло образоваться как изначальное нечто такое, что было бы подобно первоначалу по своему состоянию и совершенству и так же не нуждалось бы для своего бытия в материях, однако же могло образоваться как конечное, то божественный промысл в качестве второго искомого сделал из нее то, бытие чего вело бы к бытию предначертанного мудростью как конечное. Так он воздвиг из нее тела небесные — сферы и светила, даровал им целесообразные совершенства и всемудрейше устроил их без малейшего изъяна. Ведь мудрец, начав действовать, заботится о качестве инструментов прежде, чем о качестве выполняемой работы, дабы хорошее качество оных обеспечило предельно точную и регулярную передачу его воздействия на воспринимающую материю. Ведь если орудия и инструменты мастера не превосходного качества и не обеспечивают полное принятие [материалом действия],

то это сильно уменьшает совершенство его действия: когда перо искусно владеющего письмом и обладающего превосходным почерком писца, или бумага, или что-либо еще из необходимого для письма ущербно из-за какого-нибудь изъяна, то и письмо и почерк его будут в силу этого ущербны, чего не случилось бы, будь те инструменты на высоте требований. Поэтому-то мудрость требует, чтоб были орудия превосходны и без изъяна, дабы благодаря сему совершенству и свершаемое чрез них действие было полным.

Коль скоро, когда воздвиг он из нее (божественный промысл из первоматерии.— *А. С.*) небесные тела и даровал им совершенства, не предполагалось сделать ее всю небесными сферами и светилами, но образовать и конечное сущее, возможность бытия которого имелась, такое, которое было бы самосущим, не нуждающимся для своего пребывания в материи [1], то было необходимо (раз уже было то, что из нее стало, и раз исходящие от всякого актуального эманационного сущего действия могли существовать только в принимающей их материи), чтобы осталось от нее нечто, что было бы приемлющей материей, в которой чередовались бы воздействия и влияния движущихся [тел], воздвигнутых из однородного с ней, дабы, будучи таковой и претерпевая воздействия, дала бы она осуществиться бытию всего, что предначертано мудростью. Так, железо в кузнечном деле является претерпевающим воздействие кузнеца предметом, причем оно однородно с теми орудиями и инструментами (как-то: молот, наковальня, щипцы и прочее), которые также из железа сделаны и которыми кузнец воздействует на железо же, дабы в результате принятия оным железом воздействия получило бытие все, чему предначертано быть сделанным из железа.

Поскольку же непременно должно остаться от первоматерии и формы то, что было бы материей и предметом для воздействия воздействующих и что было бы для оных как женщина для мужчины в плане бытия его порождений, то мы скажем, что сей остаток есть сущая и эманировавшая от Первого Сущего первоматерия, обладающая формой, каковая форма наделяет ее бытием, так же как и сама обладает бытием благодаря ей. Ведь ни одна из них не может быть, если нет другой, и бытие их — только совместное, ведь они суть от той сопряженности, которая по самости своей является парой и которую обозначают как сотворенное, требующее творения (а сущее благодаря творению есть сотворенное). Так что нет первоматерии до формы и нет формы до первоматерии, но они суть единая самость, причем самость двучастная в самой себе: благодаря сим двум частям самость тела и является телом. При этом форма выше материи, ибо с ней связан акт; и при этом же ни та, ни другая (то есть ни первоматерия, ни форма) не суть тело по своим самостям. Ведь ни первоматерия как таковая не является телом, ни форма как таковая не есть тело; однако же они, находя друг в друге поддержку и опору, оказываются в бытии такими, что это противоречит их самостям (ведь, если разобраться, в первом своем состоянии они не таковы, как во втором, ибо вначале свободны от появляющихся у них затем длины, ширины и глубины, каковые качества возникают у них так же, как возникает качество чернил от соединения чернильного ореха с купоросом, которые как таковые не являются чернилами по самости), и обе они вместе являются принимающей противоположные формы самостью, потенциальной по отношению к тому, чем она становится актуально, приняв форму оного, как, например, дерево по отношению к ложу.

Коль скоро это так, значит, то, что должно остаться от всей первоматерии и формы после воздвижения небесных тел как орудий в центрах их (хоть и нет тут ни «до», ни «после», ни предшествования чего-то чему-то, кроме как в последовательности изречения, когда мы говорим «первоматерия и форма»), таково же, как и небесные тела из первоматерии и формы, но сие, будучи ниже оных, воздвигнуто для принятия воздействия тех тел — наподобие материи для мастеров, воздействия претерпевающей, даже скорее как женщина, воздвигнутая, чтоб принимать силу мужчины. К ним (земным телам.— *А. С.*) направлены лучи небесных тел, и именно те придают им качества, чем они от оных и отличаются, хотя и все одной природы и обладают измерениями *(ақтāр)*; те суть тела небесные, влияющие благодаря своим движениям, утвержденные в своих воплощенностях, не подверженные переменам в своих самостях, сохраняющие свои формы и материи (а их материи суть их же формы благодаря своему совершенству), а эти — тела земные, в самости своей претерпевающие влияния движущихся [небесных тел], с исчезающей природой *(ṭыбā‘)*, переменчивые по качествам, подготовленные к претерпеванию воздействия, воздействующие одни на других и на сущее от

них; сие сущее направлено к принятию тех, что до́лжно ему принять, акциденций, в коих заложено его совершенство, предначертанное сим совершенным и прекрасным устроением. Так же и то железо, что ниже орудий действия, приемлет формы сверх той, по которой оно самостно существует и благодаря которой оно является телом (хотя и то, и другое, будучи железом, есть нечто единое и одно другому не предшествует), так что под воздействием орудий со стороны мастера, который также есть одно из орудий, оно приобретает многие формы, благодаря которым и достигает того, чего ему дано достичь. Наковальня, молот и прочие орудия так же, как и небесные тела, воздействуя на претерпевающее, сами не претерпевают воздействия (ведь когда изготовляли их, было целью сделать их воздействующими, чужому воздействию не подверженными), а выделываемое железо так же, как и та материя, о которой мы вели речь, претерпевает воздействие воздействующего,— подобно тому, как точильный камень, точа нож, претерпевает воздействие воздействующего, а именно ножа.

Доказательством правильности сказанного о сих телах, о том, как составлены они, и что они суть воздействующие и претерпевающие, служат критерий сотворенной природы *(хи̯льки̯а)* и весы вероисповедные, ибо в установлении основ вероисповедания пророческое произведение двигалось теми же путями, что и произведение божественное. А именно, души, получившие в мире Природы бытие от им предшествующих в бытии причин, были столь подготовлены к принятию [воздействий], восхождению на уровень первоначала и достижению ступени актуальных и для своего бытия не нуждающихся в материи разумов, как никакое другое предшествующее им в бытии сущее из первоматерии и формы. Посему, желая довести их до сего разряда (а он — предел искомого для всего, чему мудростью предначертано быть, как мы уже говорили в главе о первоматерии и форме), божественный промысл решил воздвигнуть такие причины, благодаря коим сии души стяжали бы сей разряд и стали бы актуально сущими и свободными от материй, так же, как он уже воздвиг причины, выведшие души в бытие. И вот, он сделал из них глаголящих, заветников и имамов (мир им!) и даровал им изначальное совершенство (так же, как изначально даровал он телам небесным их совершенства, как о том говорилось в главе о небесных буквах), дабы эманировало от них подобное им. Он поддержал их истечением и благодатью, дабы были сии души причиной восхождения прочих к ступени разумов и сохранения их от порчи, дабы научали они их тому, что даст им сие высокое положение, и разъясняли им, как устроить себя в согласии с обрядами обоих поклонений, что и даст им возможность обрести добродетель и совершенство.

Так вот, поскольку все души в мире Природы, сущие благодаря тем причинам, что были воздвигнуты ради выведения их к первому бытию, подразделяются в мире религии на ниспосланных глаголящих, путеводящих заветников и истоков, на научающих худджей и проповедников, [с одной стороны], и на приемлющих от них, научающихся, [с другой], следовательно, из всей той первоматерии и формы, что получили в мире Природы изначальное бытие, эманировав из мира Творения, одно является совершенными воздействующими небесными телами и планетами, другое — воздействующими и претерпевающими земными телами, оные же вкупе дают приемлющие порождения. Поскольку известно, что выбор пал на некоторые из душ и наделил их совершенством, дабы были они причиной для совершенства прочих, некоторые же души остались не имеющими совершенства, нуждающимися в поучении, следовательно, должно быть известно, что выбор пал лишь на часть *(ба‘ḍ)* первоматерии и формы, каковая часть наделена совершенством и сделана причиной для бытия сущего, прочее же оставлено без той формы, что дает совершенство,— и именно таковое и именуется материей. Коль скоро сущая от движения небесных тел и превращений тел земных душа, пока не устроится в вероисповедной общине, не начнет исповедывать что-либо из Закона и не обретет ранг в мире религии, остается не имеющей религиозных черт и лишенной *(‘а̄ṭыля)* [их], следовательно, сущая под небесными телами материя, пока не обретет форм столпов, не получит ранга в сенсибельном бытии в мире Природы, остается не имеющей выправляющих форм и лишенной их. Коль скоро души, сущие ниже глаголящего и его замещающих, пребывающие лишенными ранга на Востоке (в отличие от первых), имеют две поддерживающие причины: ближнюю, а именно исключительную наделенность глаголящих и их замещающих высокими рангами, совершенством и полнотой, чем они от оных душ и отличаются, и дальнюю, а именно соотнесенность по со-

творенности, сущую в Творении, которая ниже соотнесенности по творению, следовательно, та материя, которая не имеет форм и к которой относятся земные тела, сущие ниже небесных сфер, имеет две поддерживающие причины: ближнюю, а именно исключительную наделенность небесных тел совершенством, чем они от оной материи и отличаются, и дальнюю, а именно имеющуюся соотнесенность по сотворенности.

Коль скоро именно глаголящий и замещающие его в научении границы мира религии наделены среди всех душ совершенством и полнотой, дабы могли влиятельно путеводить и научать прочие души, чтобы множились духовные порождения, то из всех тел именно тела небесные наделены совершенством, дабы благодаря оному могли влиять на тела земные, чтобы множились природные порождения. Коль скоро не может быть так, чтобы все души были столь же совершенными и не нуждающимися, как и глаголящий, и так же поддерживаемы, ибо тогда они не испытывали бы необходимости ни в чем том, что предначертано мудростью для приведения их к совершенству, следовательно, не может быть так, чтобы все тела были светилами и небесными сферами, ибо тогда мудрость в своих предначертаниях ограничилась бы именно оными. Коль скоро, будь все души одного ранга (а именно ранга глаголящего), то в бытии отсутствовало бы больше рангов, нежели имелось, ибо тогда все души были бы одного ранга, а прочие ранги мира религии, коими исполняется мудрость, бытием бы не обладали, что означало бы, что мудрость Наимудрейшего ущербна,— значит, будь вся первоматерия небесными телами (то есть светилами и сферами), то в бытии отсутствовало бы больше сущего, нежели присутствовало, ибо тогда было бы только один-два [разряда] сущего, а столпы и их порождения во всем оных многообразии, премудрейше устроенные (что и делает в бытии души мудрость исполненной) отсутствовали бы, а будь так, это означало бы ущербность мудрости Наимудрейшего.

Коль скоро самость сущей души есть жизнь и могущество — две части, благодаря коим и есть самость души, и ни одной из них нет без другой, притом что ни та, ни другая по своей самости душой не является, следовательно, тело по самости своей есть первоматерия и форма — две части, благодаря коим и есть его самость и кои бытийствуют вкупе,

причем ни одна из сих двух частей, совокупность тела составляющих, телом не является. Поскольку души, стоящие ниже глаголящих и замещающих их имамов, оставляют свой ранг и под воздействием знания и научения поднимаются к более высокому, следовательно, сущая ниже небесных тел, обладающая формой материя приемлет воздействие оных и оставляет свою природу, дабы, приняв форму, подняться к более высокой. Поскольку души, стоящие в мире религии ниже границ, наделены изначальным знанием, следовательно, материя, имеющая форму (а именно абсолютное тело), обладает изначальным знанием так, как мы то ранее показали.

Таковы, говоря сжато и вкратце, некоторые вопросы, касающиеся уравновешенности мира религии и прочих миров, как о том говорится в откровенном Писании и Законе и как то в них показано. Если чья субстанция в ладу с нашей окажется, тот может острым умом своим продолжить нашу дедукцию, вперив в предмет сей зоркие очи свои. Он увидит, что же мы оставили нетронутым, дабы и он мог коснуться того мыслью своей и укрепить тем душу свою. Нас же пусть благословит и помянет в молитве своей в час уединенной тайной беседы с самим собою и да восславит Всевышнего, милостиво ниспославшего нам святых угодников Своих, светочей, разгоняющих тьму и освещающих нам путь наставничества. Засим же скажем: нет бога кроме Бога; лишь Бог Великий дарует крепость и силу, да будет славен Он и восславлен. К Богу взываю и на Него уповаю; да пребудет приветствие [Божье] с Мухаммедом — печатью пророков и чистым семейством его, повелителем верующих и отцами его — путеводящими имамами. Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ВТОРАЯ

О четырех столпах; о том, каковы они, и об их действующих природных формах, о том, как связываются они друг с другом и какова разница меж ними и телами небесными

Мы уже говорили о первоматерии и форме, о том, как предполагалось явить мудрость, устроив из них тела небес-

ные и воздвигнув из них же оным телам пару, их воздействия приемлющую, дабы происходили от них телесные порождения. Изреченным доказательством правильности этого и правдивым свидетельством того, что так оно и есть, служит извещение глаголящего о Всевышнем, сотворившем для Адама пару ему, Еву, из ребра его, а также речения Всевышнего: «Люди! Мы сотворили вас от мужа и жены» [1] и «Люди! бойтесь Господа вашего, который сотворил вас в одном человеке; от него сотворил супругу ему, а от них двоих размножив мужчин и женщин, рассеял их по земле» [2].

Сейчас же скажем: поскольку тело является ограниченным и имеет части, коих пределом будет то, что отделяет сие тело от прочего, и коль скоро небесное тело имеет форму, с коей является единым и коя есть то его совершенство, которым отделено оно от прочих тел, и не приемлет оно других форм, помимо сей формы — предела его принятия, и природе его присуще круговое движение, как то ранее разъяснялось, и поскольку прочие тела оным не обладают, то в силу соседства его с прочими, нижестоящими телами сила движения его воздействует на них и порождает в них движение и теплоту, по признаку которой и разделяются четыре столпа мира. Первый из них, если взять сравнение с баней, схож по наличествующим в нем движению и теплоте с первым ее отделением, в котором горит очаг; во втором из них движения и теплоты меньше, как во втором отделении бани; в третьем из них, что может быть уподоблен третьему отделению бани, движения и теплоты еще меньше, так что холод в нем более явен; в четвертом же движение и теплота слабы и скрыты, для чувства не явлены, что подобно четвертому отделению бани, в которое входят первым и которое не отличается от того, что на улице.

О первом столпе скажем следующее: нам не требуется специально доказывать то, необходимость чего утверждается первоначалами разума. Движение небесного тела является явным для ума; известно также, что движущееся тело приводит в движение соприкасающиеся с ним части неподвижного тела, отсутствие *(лайсийя)* же пустоты в мире Природы, как известно, в доказательстве не нуждается. Если же небесное тело движется, а нижерасположенное тело с ним соприкасается, следовательно, оное [небесное тело] силой своего движения воздействует на это тело и порождает в нем движение. Если же сила его движения

возбуждает и в оном теле движение, то все соприкасающиеся с ним (небесным телом.— *А. С.*) части [этого тела] движутся вследствие постоянства движения [небесного тела]. Если же все соприкасающиеся части движутся, а движение является поддерживающей причиной теплоты, следовательно, появляющаяся теплота так разливается по сим подверженным постоянному движению частям, что поглощает их и (вследствие соединения их с постоянным движением и предельного возрастания теплоты) превращает их в огонь. То же можно увидеть и на примере железа: когда безостановочно движется бьющий по нему молот (а сей молот — того же рода, что и выделываемое железо), оно, соединяясь с возникающей в нем при этом теплотой, возгорается открытым огнем.

Коль скоро это так, то первым телом, соседствующим с движущимся небесным телом, является, в силу возникающих в нем предельных движения и теплоты, огонь. Что он именно таков, объясняется двумя причинами, из коих одна ему предшествует и от него отлична, вторая же ему присуща и соответствует. Первая, предшествующая огню по рангу, заключается в той поддерживающей причине, в силу которой он стал таковым, а именно в непрестанном движении движущегося [небесного тела], вторая же, присущая ему, представлена рядом обстоятельств, в числе коих беспорядочное движение *(ḥаракат тамаввудж)* всех частиц огня, порождаемое совершающимся непрестанным движением соприкасающегося с ним [небесного тела], полнота теплоты, возникающей в нем от сего постоянного движения, а также неотъемлемые от сей полной теплоты сухость и сияние; все это качества, ставшие естественными для тех частиц, в которых они присутствуют. Если так, то движение и теплота со всем, что из них следует, суть естественные свойства огня, приводящие в движение нижестоящие тела за счет его самостного движения и сообщающие им соответствующую его состоянию теплоту постольку, поскольку простираются на них вышеописанные качества огня. Ибо непрестанное движение дает полную теплоту, а полнота теплоты влечет рассеивание *(инбисāṭ)* частиц, а являющееся таковым относится к естественному. Итак, движением своих частиц огонь приводит в движение тела, а своей теплотой рассеивает [их] частицы и препятствует их уплотнению *(тақаббуḍ)*. Воздействующей же формой в нем является теп-

лота, которую он приобрел от движения соседствующего с ним [небесного] тела. Благодаря своей сухости огню свойственно привлекать к своей природе то, что находится под ним, потому-то и прибегают к его помощи, когда хотят поднять воду со дна колодца до уровня земли, а также и в других случаях. Огонь же привлекает из недр наружу таящуюся в глубинах минеральных тел влажность, так что те становятся сырыми и текучими, а также извлекает из охваченных сухостью стволов имеющуюся в них влагу, так что те становятся гибкими и нежными. Находясь не в своем месте *(хайиз)*, огонь прямолинейно движется в направлении своего центра *(марказ)*.

О втором же столпе скажем так: поскольку в принятии [форм] тело доходит до такого предела, когда свыше принятого ничего принять не может, и коль скоро расположенное под круговращающимся [небесным] телом тело уже приняло своей верхней стороной от оного соприкасающегося с ним движущегося [тела] то движение, которое в силу непрестанности своей сообщило ему полную, распространившуюся в нем теплоту, отсюда следует, что сия теплота проникает и в остальное тело. Ведь теплоте свойственно проникать в претерпевающее ее воздействие [тело] вплоть до того предела, где, вследствие удаленности от частиц, предельно принявших теплоту (то есть той стороны [тела], которая соприкасается с движущимся небесным телом), сия полная теплота изменяется и ослабевает, так что утрачивается форма их (частиц.— *А. С.*) движения и теплоты, и с утратой формы теплоты те частицы перестают быть обжигающими. Подобное мы наблюдаем в железе, по которому равномерно бьют молотом: то место, на которое приходится удар, постепенно под воздействием теплоты, возникающей вследствие силы движения ударов, превращается как бы в пылающий уголь (каковой является пределом огненных тел), теплота же от сих огненных частиц постепенно проникает во все остальное тело железа, так что форма ее постепенно утрачивается, пока она не придет в умеренность и не перестанет жечь.

Итак, то тело, в котором теплоты столько, что оно не жжет и прикосновение к нему не вызывает боль, таково, что бóльшая часть его частиц совершает в его самости беспорядочное движение, меньшая же часть неподвижно покоится *(сакина сукун та'аррудж)*. Находясь не в своем месте, оно

движется прямолинейно: вниз по направлению к своему центру, если находится выше оного, как огонь молний и метеоров, или вверх к своему центру, когда оказывается ниже оного, как то случается при землетрясениях. Тело сие именуется воздухом; он изоморфен с огнем верхней своей стороной, по полной теплоте, и с нижерасположенным нижней своей стороной. Он таков потому, что имеющейся в нем силой полной теплоты (по которой и изоморфен огню) привлекает на свое место то, что находится под ним, дабы утратилась форма теплоты, проникающая в него от непрестанного движения. Сие привлекаемое, которое мы именуем влажностью, находясь с воздухом в согласии и сообразуясь с ним, становится причиной умерения сей всепреобладающей теплоты. Так же действует и растительная сила в деревьях: когда слишком сильным становится жар солнца, питательными органами, именуемыми для них корнями, она привлекает влагу в крону дерева и все его ветви, дабы противостоять той теплоте и тем сохранить самость дерева, так что сия влажность становится материей, предохраняющей листья и плоды дерева от жара.

О третьем столпе скажем следующее: проникающая в тело от тела, являющегося огнем, теплота доходит до того предела, когда становится умеренной, и сие тело именуется воздухом. Когда же по мере проникновения в тело теплота еще более ослабевает вследствие удаления от своего источника и становится менее чем умеренной, та большая часть частиц [тела] умеренной [теплоты], которая была в движении ввиду своей близости к избыточному пределу [теплоты], теперь, в теле, в котором теплота ослабела вследствие удаленности, становится покоящейся, а та меньшая часть, которая в том покоилась вследствие своей удаленности от избыточного предела [теплоты], в этом, где теплота ослабела вследствие удаленности, становится движущейся: таков порядок связи враждующего друг с другом. Сие тело, в самости коего большая часть частиц покоится, а меньшая движется, является водой: она изоморфна воздуху верхней частью своей, тем, что в ней движется и влажно, и нижерасположенному — нижней частью своей, тем, что в ней покоится и холодно. Она движется прямолинейно вниз, туда, где она разделяет воздух и землю. В целом вода представляет собой цель для безупречного устроения теплоты, излучаемой двумя вышестоящими телами, и она всегда

вследствие окружающей ее теплоты поднимается к месту воздуха, вследствие чего и умеряется жар оного.

Что ж до четвертого столпа, то жар в нем скрыт, да и движение неявлено; по сим признакам он удален от того тела, что является огнем: все, что в том — свет, в этом — тьма, что в том — явленное движение, в этом — явный покой, что в том — прозрачность, в этом — плотность, хотя все самости суть тело. Сие есть тело земли; верхней стороной своей она изоморфна воде по холоду, а нижней стороной — огню по сухости. Частицы ее собираются к ее центру, дабы сохранить свои самости и формы в бытии. Влияние теплоты и светы звезд направлены к ней, она же находится в середине. В ней действует теплота, и из сей середины исходят скрытые в недрах земли испарения, которые зарождаются там от окружающей землю влаги; от сих испарений берет начало то, что служит благу порождений земли. Движение частиц земли направлено к той ее части, что служит ее центром, а также центром всех вокруг нее вращающихся и ее окружающих тел.

Все это подтверждается весами вероисповедными — испытанным критерием познания сущего. А посему, коль скоро в мире религии те души, что ниже глаголящего и его заместителей, распадаются на четыре разряда: одни занимают первый разряд и учат явному поклонению действием и степеням земных границ, благодаря чему воспитывается душа и поднимается к вечным эмпиреям; другие занимают второй разряд и учат скрытому поклонению знанием и степеням небесных границ, каковым знанием стяжается вечное счастье; третьи занимают третий разряд и находятся на пути научения, пробуждения и обретения добродетели, приемля знание, свершая деяния и следуя правильному; четвертые же бредут путями враждебности, не отличаясь послушанием, колеблясь между сомнением и внутренним неверием,— все сии души, кои суть худджи, проповедники и стоящие ниже оных, воздействуя друг на друга и переходя с одного разряда на другой, производят духовные порождения,— следовательно, те тела, что находятся под небесными сферами в мире рождения и гибели, распадаются на четыре разряда: одно там легкое *(латыф)*, чье воздействие проникает в нижестоящее и чему свойственно двигаться вверх, а именно огонь; другое движущееся к середине, а именно воздух; третье плотное *(касиф)*, чему свойственно двигаться

вниз, а именно вода; четвертое же то, вокруг которого вращаются движущиеся воздействующие [тела] и в которое проникают их силы, а именно земля; все они вкупе благодаря взаимному воздействию и влечению дают природные порождения. Поскольку те души, что в мире религии стоят ниже имамов (мир им!), приемля светы знания и Царства, четырех родов: три научают и поучаются, а именно врата, худджа и проповедник, четвертые же, а именно души [обычных] людей, только поучаются, следовательно, тела, находящиеся под воздействующими телами (то есть небесными сферами) и влияние оных претерпевающие, суть четырех родов: три из них претерпевают влияние и сами его оказывают, а именно огонь, воздух и вода, четвертое же приемлет влияния всех их, а именно земля.

Коль скоро имам, занимающий степень глаголящего, исполняя все, что предполагает его совершенство, из всех своих сподвижников и последователей влияет на одного мужа, который к нему ближе всех и более остальных схож с ним душой и телом, так что он благоволит к нему, научает его и возводит на ступень совершенства, благодаря чему просветляется субстанция сего мужа и он возносится над всеми нижестоящими душами, и именно благодаря ему становится известно относящееся к Закону и управлению, и в нем заложена способность привлекать нижестоящие души на более высокие разряды; и вот, так воспитав, имам делает его своими вратами,— следовательно, небесное тело в своем движении, влекомом его совершенством, влияет на ближайшее к себе тело, а именно на то, с которым оно сопредельно и соприкасается, и наделяет его теплотой, благодаря которой просветляется его субстанция и возносится оно над всеми нижестоящими телами, достигая того, чего дано ему достичь в соответствии с непрестанным движением [небесного тела] относительно него, и благодаря которой оно привлекает к себе чтойность тел, дабы обрести то, что дано ему обрести; благодаря своему постоянному движению относительно его оно (небесное тело.— *А. С.*) делает его огнем, как мы о том говорили на примере железа под ударами молота.

Коль скоро врата, что ниже имама, приемлет все от него исходящее, просветляя силы свои его поддержкой, следовательно, огонь, что ниже движущегося относительно его [небесного] тела, приемлет все движение небесной сфе-

ры, а все частицы его легки и движутся. Коль скоро ранг врат, хотя и един, однако же сбирает четырех святых *(хурум)*, в нем соучаствующих, следовательно, огонь, будучи единым телом, тем не менее в самости обладает четырьмя вещами: теплотой, движением в самости, сиянием и сухостью. Поскольку с каждым из святых врат связано в делах явного и скрытого призыва в мире религии то, что не связано с другим, предшествует же всем прочим из них тот, кто знает, как выносится окончательное решение *(аль-ʻāриф би-фаṣль аль-хиṭāб)*, то есть [знает] дела управления, благодаря коим все они и существуют, следовательно, с каждой из тех четырех вещей, что мы находим в огне, связано в мире Природы, начиная с небес и кончая землей, то, что не связано с другими, предшествует же прочим по рангу из них та, благодаря коей имеются и все остальные, а именно полная теплота. Поскольку те четыре худджи, кои суть четверо святых врат, неизвестны воспоследовавшим призыву, ибо в силу соображений управления не могут они явить сей свой ранг, но есть воздействие их на прочих худджей, проповедников и уполномоченных, следовательно, душа огня, находящегося в своем центре под кругообращающимся [небесным] телом, не видна, ибо в силу великой премудрости скрыта от взора, есть же лишь воздействия ее на прочее, как-то: на воздух и воду.

Коль скоро стоящие ниже имамов и сущие от них худджи с оными имамами связаны, от них перенимают и из них черпают [силу] и приемлют знание, которое затем распространяют среди нижестоящих, и в мире религии и научения к ним относятся науки божественные, следовательно, расположенный ниже небесных тел (то есть сфер) огонь ведет свое бытие от них, и бытие его как огня связано с движением, и от них перенимает он силу, передавая ее тому, что ниже его, и он исключительно наделен движением. Коль скоро худджи в бытии своем имеют две поддерживающие причины: ближайшую и особенную, а именно имама и его научение, и дальнюю общую как для них, так и для прочих, а именно глаголящего, который составляет первоначало мира религии и всех его обитателей, следовательно, огонь в бытии своем имеет две поддерживающие причины: ближайшую особенную, а именно небесные сферы и их движения, и дальнюю общую как для него, так и для

прочих, а именно Первое Сотворенное, которое составляет первоначало всего сущего.

Коль скоро худджа в сопряжении с имамом является вратами, каковой ранг в мире религии занят им единолично, а в сопряжении с ниже его стоящими является худджей, каковой ранг в мире религии допускает соучастие, следовательно, огонь по сопряжению с небесными сферами является одним из столпов мира, занимая сей ранг единолично, а по сопряжению с нижестоящим — первоэлементом, в чем ему соучаствуют прочие первоэлементы постольку, поскольку все они суть причины бытия порождений. Коль скоро худджа как врата характеризуется в своем послушании имаму чистой приверженностью, ведущей его к непрестанному приближению к оному имаму, а как худджа он в своем управлении характеризуется вниманием к нижестоящим, что заставляет его исправлять их путем научения, следовательно, огонь как столп обладает легкостью, то есть такой формой, которая заставляет его постоянно устремляться к своему центру, ища близости и соседства с небесными сферами, а как первоэлемент он обладает теплотой, то есть формой, воздействующей на нижерасположенные тела и влияющей на них. Поскольку врата, изливая на нижестоящих худджей поучение, все же не имеет того ранга, благодаря которому он смог бы поднять их до своего ранга, сделав подобными себе, ибо сие связано уже с имамом, от коего проистекает этот ранг и при поддержке коего они занимают его, следовательно, огонь, влияя на нижестоящее тело своей теплотой, не обладает все же тем рангом, когда мог бы повлиять на сопредельное с собой [тело] до конца и сделать его огнем наподобие себя, ибо такое целокупное влияние характерно лишь для сферического небесного тела, воздействующего на сопредельное с ним [тело] своим круговым движением (каковым огонь не обладает) и превращающее оное в огонь. Коль скоро врата обладает таким знанием дел и такой полновластной способностью окончательного решения, к каким не способен никто из нижестоящих, следовательно, сила огня так проникающа и теплота его так объемлет нижестоящие тела, как ни у кого из ниже его расположенных воздуха и воды: теплота из тела огня, например, проникает в тело железа, к каковому проникновению не способны ни воздух, ни вода.

Коль скоро худджа черпает от врат прежде тех, что

стоят ниже его, и именно от него — жизнь духовных порождений, и благодаря получаемым от него божественным знаниям происходит их становление, следовательно, расположенный ниже огня воздух от него черпает свою теплоту, приемля ее прежде ниже его стоящих тел, и именно от него — жизнь природных порождений, и благодаря его силе умеренной теплоты происходит их становление. Коль скоро среди воспоследовавших обоим призывам худджа столь же полновластен, как и врата, за исключением связанного с явным, относящегося к вынесению суждения, так что не ко всему в обоих призывах он служит как бы вратами, но именно к большему, а не к меньшему, следовательно, расположенное ниже огня тело, то есть воздух, обладает такой же теплотой, как и огонь, за исключением того пыла и всевластности, кои и дают жжение, так что у воздуха не все частицы движутся, как у огня, но большая их часть движется, меньшая же — покоится. Коль скоро худджа извлекает поддержку из светов имамата наряду с вратами, хотя врата и опережает его в этом благодаря своему рангу, следовательно, воздух приобретает теплоту от движения небесных сфер наряду с огнем, хотя огонь ему [в том] и предшествует.

Коль скоро ранг худджи, хоть сей ранг и един, совместно занимают несколько душ, полное число коих восемь, из них же высший — тот, чей путь вероисповедания прям и кто умерен в обоих поклонениях, так что не склоняется к какому-то одному в ущерб другому и взывает к обоим, как мы то показали в нашей книге «Приметы веры», кто верен призыву и, воспитывая его последователей, ведет их так, чтоб уберечь от неверия, когда б объяла их погибель, но не тот, кто притязает на соучастие наместнику Божьему, или осмеливается ослушаться его, или стяжает знание и распространяет призыв без приказания его, или скупится оделить своим знанием достойных чад своих, или отказывает в получении какого-либо ранга призыва достойному, или превращается в женщину из мужчины, или отдается гордыне, когда откроет ему Бог одну из глав знания, так что забывает отнести то к благодати, ему ниспосланной опорой его — наместником Божьим,— следовательно, воздух, хоть и един как легкое прозрачное тело, обладающее теплотой и влажностью, все же в самости своей являет восемь [видов] воздуха: во-первых, высший из них — воздух, умеренный по теплоте и влажности, в каковом воздухе возникают и растут

природные порождения; во-вторых, воздух, в котором теплота превышает влажность, коя умеренна; в-третьих, воздух, в котором влажность превышает теплоту, коя умеренна; в-четвертых, воздух, в котором теплоты недостает до умеренной, влажность же сохраняет умеренность; в-пятых, воздух, в котором влажности недостает до умеренной, теплота же сохраняет умеренность; в-шестых, воздух, в котором и теплота, и влажность превышают умеренную; в-седьмых, воздух, в котором и теплоты, и влажности недостает до умеренной; в-восьмых, воздух, умеренный и по теплоте, и по влажности, но претерпевающий порчу из-за случайно привходящих акциденций. Коль скоро состояния худджей могут оказаться переменчивы, когда они исповедуют то, что открывает некую брешь, куда просачиваются сомнения, так что получается либо недолет, либо перелет, и вот уж неправильное им представляется правильным, недолжное — должным, а должное и правильное — недолжным и неправильным, и тогда они скрытым неверием и неправильным исповеданием ввергают вместе с собой в гибель и знающих среди людей,— а может быть и так, что твердо держатся они своей прямой дороги, охраняясь приказанием [имама] и следуя оному, и тогда под сенью их научения жив знающий из числа верующих,— следовательно, различные [виды] воздуха могут претерпевать порчу из-за привходящих акциденций и отклоняться от умеренности, как мы говорили, либо в сторону избыточности, либо в сторону недостаточности, и тогда погибают многие растения и животные, а могут и твердо сохранять умеренное состояние, благодаря чему будут живы многие животные и растения, как мы то показали.

Коль скоро худджа является источником получаемого благодаря истолкованию знания (*'ильм ат-та'вӣль*), то есть знания о равновесности религиозного сущему, познав которое душа обретает вечную жизнь, и у него в руках — разъяснение всех слов и выражений Откровения, так что он проясняет неясности в делах религии научающемуся, и знание его совершенно, ибо во времена имама он — то же, что и исток во времена глаголящего, то воздух является источником той умеренной теплоты, благодаря коей живут животные, дает всходы земля и загустевают минералы, и им облагораживаются соленые, гнилые и горькие испарения, поднимаясь в воздух и превращаясь в пресную воду и

изливаясь приятными на вкус, свежими каплями дождя. Коль скоро худджа благодаря силе своего знания привлекает к [следованию] своему призыву всех достойных и ведет их вверх к более высоким рангам, следовательно, воздух благодаря своей теплоте привлекает и поднимает вверх всякое тело, имеющее готовность к тому, чтоб быть распространено. Коль скоро влияние худджи сказывается на нижестоящих проповедниках и прочих [людях] благодаря тому, чем он наделен, как на то не способны проповедники и прочие, следовательно, воздух благодаря своей теплоте проникает в нижестоящие тела так, как не может проникнуть вода,— так же точно, как и сам он не способен проникать так, как проникает сила огня, как мы о том говорили на примере проникновения силы теплоты в железо. Коль скоро сила и поддержка худджи, благодаря коей он воздействует на души, покрывая их письменами знаний, и благодаря коей открываются пред ним врата знаний, заключается в том, что его облекает властью имам, чье преемничество утверждено, следовательно, той формой огня, благодаря коей он воздействует на нижестоящее, является теплота.

Коль скоро идущий за худджей ранг проповедника един, а занимающие его проповедники многочисленны (что определяется нуждами сего ранга), и в том, что касается прямоты их пути, дело обстоит так же, как и с худджами, как мы о том говорили, следовательно, идущая после воздуха вода едина как текучее влажное тело, а в зависимости от своих качеств множественна: вода пресная, соленая, горькая, кислая и т. п. и она может быть умеренной, а может и отклоняться от умеренности так же, как и воздух. Коль скоро вся целокупность рангов проповедников в делах научения не отдана одному из них, но всем им вместе, так что меньшая часть их является высшей, а ниже оной располагается большинство, следовательно, не все частицы воды (расположенной ниже воздуха) движутся, но лишь меньшая их часть, большая же часть покоится. Коль скоро воздействие проповедника так проникает в души, научая их и придавая им форму в соответствии с той силой, что дается ему, как на то не способны души сами по себе, следовательно, вода за счет своих движущихся частиц проникает в нижерасположенные тела так, как на то не способна земля (как и сама вода не способна проникать так, как проникает

воздух); когда, например, вода воздействует на землю, то своими движущимися частицами проникает в нее так, как частицы самой земли не могут друг в друга проникнуть.

Коль скоро сила призыва проповедника находит свою опору в том, что души приемлют религиозный путь и научаются должному по Законам обоих поклонений, коими завоевывается, а не утрачивается, добродетель, или одного из них, следовательно, той формой воды, которая воздействует на нижестоящее, является влажность, посредством коей вода раскрывает частицы земли и смешивается с ними, отделяя их от сухости. Коль скоро проповедник — это ближайшая причина вечной жизни душ, следовательно, вода является ближайшей причиной того, что земля живет и зеленеет. Поскольку проповедник, не знающий или в чем-либо сомневающийся, всегда обращается за разъяснением к худдже, который устраняет затруднение и укрепляет его уверенность, значит, вода возвращается в воздух, поднимаясь в виде испарений, и пресность воздуха преобразует соленую воду (если таковая имелась) в пресную, пресную же еще больше опресняет и умягчает. Коль скоро проповедник воздействует на нижестоящих людей, разрушает их верования и привлекает их в храм поклонения, воздействуя на них доходчивостью своих пояснений, дабы стали они знающими и границами, значит, движение воды направлено к ниже ее расположенному центру, а влияет она на нижестоящее своей влажностью, разлагая частицы оного, дабы образовались из того разнообразные существа.

Поскольку души, что стоят ниже проповедников, худджей и границ, приемлют воздействие научения оных, следовательно, земля, располагающаяся ниже воды, воздуха, огня и небесных тел с их частями, приемлет воздействия оных. Коль скоро души не могут сами научить себя, и им дано лишь научиться, принимая знания, следовательно, земля не может сама воздействовать на свою самость, но ей дано лишь принимать [воздействие] других, выше ее расположенных тел. Поскольку души ввиду удаленности от предержателей поддержки и в силу малости знания своего сбиваются вместе, дабы сообща сохранить свои верования и убеждения, следовательно, частицы земли ввиду ее удаленности от первого предела и отсутствия в ней того, чем наделены тела небесные, собираются воедино и уплотняются, как мы о том ранее говорили. Коль скоро из душ,

приемлющих [научение] учителей, получаются худджи, проповедники и люди явного, следовательно, земля, соседствуя с водой, смешиваясь с оной и приемля влияние тел, дает животных, растения и минералы. Коль скоро души — цель влияния учения возвышающихся над ними границ, следовательно, земля своими открытыми воздуху частями сбирает светы всех возвышающихся над ней тел. Коль скоро предел для силы душ — принимать и запечатлевать (формы знания.— *А. С.*), следовательно, предел для силы земли — принимать и претерпевать (воздействие.— *А. С.*). Коль скоро любая душа, получая от проповедников, худджей и врат имамов знания, содрогается от радости и восторга, то земля дрожит от радости и зеленеет, когда приходят к ней влажность воды, теплота солнца и светы тел, движущихся относительно ее.

К вышесказанному добавим еще и следующее относительно того, как тела сии, друг от друга разнящиеся и друг с другом соединяющиеся, существуют со своими противоположными качествами. Раз одна сторона сопредельного с небесной сферой тела обрела полную теплоту благодаря непрестанному движению [сферы] относительно сего тела, значит, другая его сторона, удаленная от той, что сопредельна с движущимся телом, а именно предел тел, именуемый землей, обладает полным холодом из-за удаленности от воздействия движения. Точно так же, как врата, идущий в мире религии первым после имама, обладает знанием о делах религии и управления благодаря принятию научения имама, что возможно вследствие близости их, значит, души, удаленные от принятия изливаемого имамом научения (так как другие стоят в том прежде их) невежественны в делах религии. Раз теплота и холод суть противоположности, которым свойственно проникать в телесные вещи и одолевать одна другую в зависимости от силы каждой, причем материя *(мāдда)* теплоты соединена с движением небесных сфер, а материя холода неподвижна и ее ничто не подкрепляет, значит, по мере поступления своей опоры и источника, сохраняясь благодаря своей поддерживающей причине, теплота воздействует на находящийся на другой стороне [подлунного тела] холод, разлагая в нем то, что с ней сопредельно, в меру силы своей и слабости его; разлагаясь, оное приобретает качество, которое мы именуем влажностью, каковая и образует воздух и воду. Так же точно, раз знание

и невежество суть противоположности, кои склонны воздействовать на души и побеждать одна другую в зависимости от силы каждой, причем знание бывает благодаря научению имама и всеохватывающему излиянию его благодати, невежество же — из-за того, что обряды научения клонятся к упадку и исчезают, значит, знание врат воздействует на невежество душ, и те из них, что близки к принятию оного знания, становятся знающими и, познав ранги небесных и земных границ и истолкование поклонения действием, становятся благодаря приобретенному таким образом совершенству худджей и проповедником.

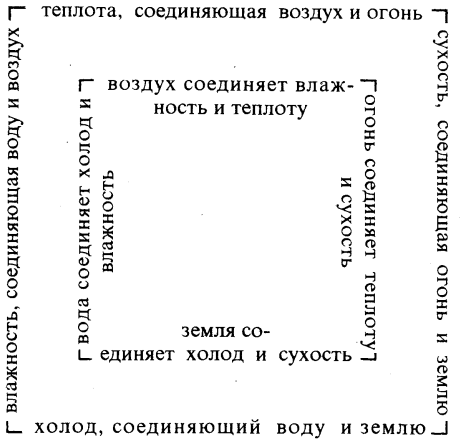
Сия разновесность означает, что поскольку врата учит не всех людей, но именно близких к нему, а не удаленных, следовательно, образующаяся в огне от движения небесной сферы теплота проникает не во все частицы земли, но в те, что ближе к огню и открыты ему, а не в те, что удалены и укрыты от него; поскольку явный призыв полон в причинах своих: управлении и путеводительстве, следовательно, теплота полна по качествам своим: сухости и влажности; поскольку дела управленческие зависят от дел призыва явного, то есть поклонения действием, и призыва скрытого, то есть поклонения знанием, следовательно, сухость зависит от полной теплоты и полного холода; поскольку скрытое поклонение полно в причинах своих: управлении и научении,— следовательно, холод полон в качествах своих: сухости и влажности; поскольку воспитания и путеводительства нет без призыва явного и призыва скрытого, следовательно, сухости нет без полного холода и полной теплоты, ибо явный призыв, то есть поклонение действием, соответствует полной теплоте; управление, зависящее в бытии своем от явного призыва и сохраняющее устроение дел, соответствует сухости, зависящей в бытии своем от полной теплоты и сохраняющей формы тел; скрытый призыв (то есть поклонение знанием), являющийся истолкованием явного призыва и расставляющий по своим местам все сущее, оным призывом охваченное, соответствует полному холоду, смягчающему полную теплоту, так что наличествует в ней жизнь; научение, знание и ведущее к близости *(вилāя)* наставление, зависящие в бытии своем от скрытого призыва, который сбирает души на едином пути единобожия, превращая их в нечто единое, соответствуют влажности, соединяющей части плотного тела друг с другом.

А посему, коль скоро во вратах объединены дела явного призыва (то есть дела Закона) и дела управления, значит, огонь соединяет две природы: теплоту и сухость. Коль скоро в худдже объединены установления явного призыва с научением призыву скрытому (то есть поклонению знанием), значит, воздух соединяет две природы: теплоту и влажность. Коль скоро в проповеднике скрытый призыв (то есть поклонение знанием) объединен с научением и водительством к преемничеству, значит, вода соединяет две природы: холод и влажность. Коль скоро верующий придерживается дел преемничества, диктуемых Законом ритуалов (кои следуют установлениям управления) и должного повиновения границам, значит, земля холодна, суха, приемлет излучение звезд и сохраняет все, что в ней содержится. Таким образом, души соединяются с вратами в явном призыве, то есть делах Закона и святости, ибо в том они соучаствуют; врата соединяются с худджей в управлении, ибо они в том соучаствуют; худджа соединяется с проповедником в делах научения и скрытого призыва (то есть в том, что связано с разумом), ибо и тот, и другой — призывающие проповедники; а проповедник связан с душами в научении и святости.

Подобно этому друг с другом соединены и четыре тела, в чем схожи они с делами управления, ибо и те опираются на четверых: государя *(малик)*, визиря *(вазӣр)*, чиновника *('āмиль)* и подданного *(ра'ийя)* [3]. Государь потому государь, что послушен имаму, что, далее, есть у него визирь, свита, войско и подданные; визирь потому визирь, что у него — свита, чиновники и население его царства; чиновник потому чиновник, что у него — подручные *(вукалā')* и подданные; подданные же суть подданные в массе своей. Указы и постановления государя достигают всех, государь неприступен, высоковластен и величествен, к нему непросто приблизиться и вступить с ним в контакт, так же как и воздействие огня достигает всех нижестоящих тел, как и огонь неприступен ввиду всевластности его избыточной теплоты и невозможности находиться вблизи его или касаться его. Визирь, будучи связан с государем, как и тот, всевластен, неприступен и величествен, а благодаря связанности с нижестоящими — близок и доступен, подобно тому, как воздух, соприкасаясь с огнем верхней своей стороной, неприступен, величествен, всевластен и обладает избыточной

теплотой, а в той стороне, что сопредельна с водой, умерен и легкодоступен. Чиновник же благодаря связи своей с государем и визирем тоже властен, но не так, как государь или визирь, а менее их: власть его простирается лишь на тех, кто стоит после него, подобно тому, как и вода проникает в тела не так, как огонь, и не так, как воздух, но способна проникнуть только в землю. Подданный же никакой властью не обладает, а связанность его с чиновником,

КАК СОЕДИНЯЮТСЯ ПРИРОДЫ

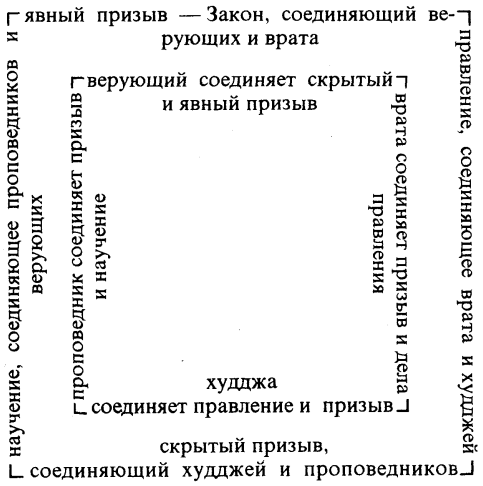


визирем и государем заключается только в следовании их приказаниям, послушании, повиновении и подчинении их управлению, подобно тому, как земля не проникает ни во что другое, а связанность ее с огнем, воздухом и водой заключается в принятии их воздействий и влияний и сохранении своей самости оной же самостью.

Таким образом, подданный соединяется с государем в повиновении имаму и принятии его распоряжений (как земля соединяется с огнем в сухости и принятии его воздействий) и с чиновником в подчинении его приказу и следова-

нии его призыву. Чиновник соединяется с визирем, повинуясь ему и принося ему богатства, как вода соединяется с воздухом по влажности, которую воздух извлекает из воды. Визирь соединяется с государем в преемничестве [4], каковое даровано ему государем в силу покровительства, как воздух соединяется с огнем по теплоте, привходящей к нему от

КАК СОЕДИНЯЮТСЯ ГРАНИЦЫ



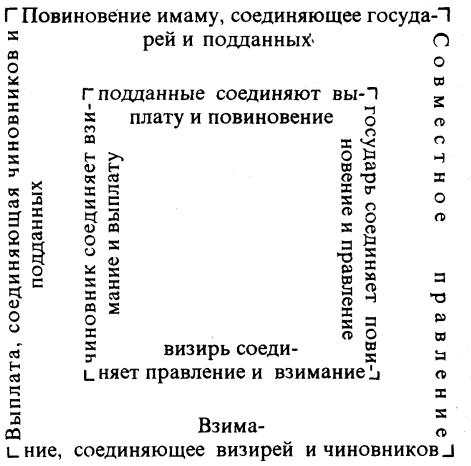
огня. Государь же соединяется с имамом — наместником Бога, принимая к исполнению приказ его охранять и защищать [нижестоящих].

Такова связь одного с другим, как мы то показали ниже (да славится Бог, Господь миров!).

Разница между этими телами и телами небесными состоит в том, что те не претерпевают, а эти претерпевают превращения, те воздействуют и влияют на эти, эти же на те не воздействуют и не влияют, движение тех тел круговое, благородное и бесконечное, а этих — прямолинейное и

конечное, те дают форму, а эти форму запечатлевают. Сие утверждено и доказано весами вероисповедными. А именно: души глаголящих, заветников и имамов (мир им!) отличны от душ нижестоящих границ и прочих душ, ибо их души безгрешны и непоколебимы, а души нижестоящих границ и других людей превращаются в благие или дурные; эти души

КАК СТРОИТСЯ ПРАВЛЕНИЕ



всезнающи и влияющи, те — научаются и претерпевают влияние; знание тех (да благословит их Бог!) нисходит от небесных границ, оно — знание поддержанное, непрерывное *(муттаṣыль)* и не имеющее, подобно круговому движению, предела, а знание границ получено чрез научение и имеет предел; при том все души, как глаголящего, так и границ и прочих людей, суть нечто единое как относящееся к царству Природы.

Вот что поведали нам о столпах весы вероисповедные.

Да славится Бог, ведущий общину чрез благочестивых

имамов, даровавший нам в их лице ясное доказательство и путеводную нить. Нет бога кроме Бога, лишь Бог дарует крепость и силу; к Нему взываю и на Него уповаю: Он о рабах Своих зоркий попечитель. Чего хочет Бог, тому не миновать, в руках Его — нити судьбы. Да пребудет благословление Божье с Мухаммедом, вечно-цветущим мощным и благородным древом, и с чистыми путеводящими имамами. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О движении четырех столпов, о том, что в центрах своих они не имеют ни тяжести, ни веса и что они суть посредники в постижении душой сенсибельного сущего

Поскольку в телесном мире, как мы то ранее показали, струится то, что движет его и что именуется Природой, и коль скоро лежащее под небесными сферами является телом, следовательно, в оном теле присутствует такой двигатель, придающий ему движение. Коль скоро в нем имеется двигатель, придающий ему движение, следовательно, движение ему присуще. А если движение ему присуще, то мы скажем, что это его движение двояко: [во-первых], совершающееся в его самости беспорядочное *(тамаввуджан)* движение [1] его частиц, которое бывает бóльшим или меньшим, более явным или более скрытым — в разных столпах по-разному в зависимости от тех поддерживающих причин, которые его обусловливают. За счет этого движения происходят превращения. Сие движение бывает двух видов: то, посредством которого они (столпы мира.— *А. С.*), переменяя свои состояния, доходят до предельной цели своей и обретают актуальность, и то, посредством которого они возвращаются в потенцию; сии два движения носят многоразличные имена. И [во-вторых], особое для каждого прямолинейное движение к своему месту, каковое движение двояко: восходящее и нисходящее, в зависимости от того, вверху или внизу находятся центры их (столпов мира.— *А. С.*).

Беспорядочное движение частиц в самости видно на примере воздуха: в солнечном луче, освещающем темное

помещение, частицы его расходятся волнами в длину, ширину и глубину. Благодаря такому движению происходит проникновение частиц сопредельных столпов друг в друга, смешение их и возникновение трех [видов] порождений. Прямолинейное движение к своему месту (оно бывает в разных направлениях в зависимости от того, где расположены центры столпов) — это, например, восходящее движение воздуха, когда его выпускают под водой из сосуда, где он был заперт: воздух начинает подниматься к своему месту, которое находится над поверхностью воды; или нисходящее движение камня, который был поднят к центру воды или к месту воздуха, а затем отпущен: он начинает опускаться к поверхности земли, которая (земля.— *А. С.*) является его центром; или же движение вверх, к своему центру, огня в [горящем] кизяке или дровах.

Это [второе] движение почти всегда присуще столпам (особенно же — огню), когда они оказываются не в своем месте, за редким исключением и при наличии ограничивающей силы, ввиду которой то место не воздействует на них, и не поглощает их, и не отвергает. А именно: каждый из столпов, кои суть тела, расположенные под круговращающимися небесными телами, имеет свой особый центр, который и стал для него центром вследствие неотъемлемой от него природы, каковая природа и определила ему быть для того столпа центром; а не будь такого центра, то сей столп и не отличался бы от прочих. Раз так, то отсюда вытекает, что никакой столп не покидает своего центра ввиду различия природы центров; если же он не покидает своего центра ввиду различия природы центров, следовательно, он не может находиться не в своем месте, кроме как в силу причин, не дающих ему быть в своем месте, сдерживающих его и сохраняющих поддерживающую причину инаковости, которая с ним не согласуется. Огонь, например, может находиться в месте воздуха только благодаря особой процедуре, скрепляющей его со свечой, топливом, маслом или чем-то иным, с чем он бывает связан; воздух может находиться в месте земли или воды, только будучи заперт в сосуде наподобие бурдюка или кувшина; камень может находиться в месте воздуха или в месте воды, только будучи как-то закреплен. Если же столп может находиться не в своем месте только в силу причин, которые его

удерживают и связывают, как мы только что сказали; следовательно, он может находиться в месте другого столпа лишь благодаря сохраняющей его закрепленности, ибо это место не обладает согласной с ним (столпом.— *А. С.*) природой, когда бы ему не было нужды бежать оттуда, на то место, природа которого находится с ним в согласии. А что существует таким образом, то устремляется к месту своего центра тотчас, как исчезают причины, сохранявшие его бытие в сем месте и не дававшие ему быть на своем месте, причем такое движение всегда бывает прямолинейным.

Такое бывает, если сей столп обладает силой присоединиться [к своему месту] и если он [до того] уцелел и не был поглощен тем местом и возвращен из актуальности в потенциальность, как то случается, например, с огнем, который масло, свеча или топливо удерживают в недрах воздуха: когда его самость освобождается от пут, то из-за недостатка силы воссоединения со своим центром его поглощает воздух и возвращает из актуального состояния, когда он был огнем, в потенциальное, так что он становится воздухом (ведь хотя каждый столп потенциален в сопряженности с вышестоящим, однако они актуальны там, где они суть, как мы то видим на примере воздействия воды на то, что оказывается в ней, воздействия воздуха на то, что его окружает, или воздействия огня на то, что в него попадает); или же, например, воздух, накапливающийся от тех испарений, что зарождаются в чреве земли вследствие значительной теплоты и влажности, может подняться из нее вверх к своему центру, если обладает силой; если же он слаб и не может с силой пронзить землю и проникнуть сквозь ее частицы, то так и остается, где был: земля поглощает его, и он становится материей для минералов и существ. Запертый в чреве земли воздух, будучи ею поглощен и переведен в потенциальное состояние, становится материей для минералов и существ, в то время как поглощенное воздухом и переведенное в потенциальность огненное тело ничего не порождает, в силу того, что воздух является текучим телом, которое не может, подобно земле, принять форму и сохранить ее как таковую (а в этом заключается величайшая мудрость, ведь не будь воздух текучим, его бы заняли остающиеся в нем [неизменными] звуки, и тогда невозможно было бы получать знания, внимая речам учителей; в таком случае звук, например, играющей трубы занял бы воздух, и в этом занятом звуком воздухе уже никто бы ничего не расслышал — тогда невозможно было бы слышать). Дело в том, что существа образуются только в результате взаимодействия столпов, смешения их сил и принятия ими всеми влияния небесных светил, а того, что заперто в чреве земли, достигают и силы столпов, и все то, что превращает оное в нечто единое, принимающее влияние небесных тел, так что оно и становится существом; а к тому, что заперто в воздухе, не доходят (ввиду текучести воздушной субстанции) те силы, смешавшись с которыми, оно могло бы стать существом.

Итак, столпы обладают только такими движениями. Они, далее, в центрах своих не имеют ни тяжести *(сикль)*, ни веса *(вазн)*. При ближайшем рассмотрении ты это ясно увидишь: ведь тяжесть возникает в столпе в том случае, если его перемещают на чужое место. Та сохраняющая сила, что есть в нем, противится этому, и перемещающий встречает затруднение, если его собственная сила меньше силы, заключенной в той части столпа, которую он пытается переместить. Все это хорошо известно тем, кто занимался инженерным делом. Если взять меха, наполнить их водой, опустить в водоем и затем взвесить с помощью гирь и весов, то окажется, что вода, окруженная водой, не имеет ни веса, ни тяжести, весят же только сами меха, относящиеся к роду земли, которая и влечет их на свое место. Если же затем переместить эти меха из места воды в место воздуха, то окажется, что у воды есть тяжесть, которой она сопротивляется силе, стремящейся разлучить ее с целым (т. е. водой в водоеме.— *А. С.*), и поэтому человек, изымающий воду из ее места, встречает затруднение. Или же, если взять меха и, надув, завязать их у основания, заперев оказавшийся в них воздух, а затем взвесить их, то окажется, что содержимый ими воздух лишен веса, ибо находится в собственном месте, так же как не имела веса вода, взвешиваемая в своем месте. Если же попытаться погрузить надутые меха в воду, то придется приложить усилие и преодолеть тяжесть, которая влечет воздух к своему месту.

Посему мы скажем: оказавшись в месте огня, воздух устремится вниз к своему месту так же, как камень, находящийся в месте воздуха, устремляется вниз к своему

месту; так же и вода, насильно поднятая в место воздуха, устремляется вниз, возвращаясь на свое место. Тяжесть и легкость природных тел, смещаемых из своих центров, является естественной силой, препятствующей телу покидать свое место; в собственных же центрах столпы не имеют ни тяжести, ни веса.

При этом, будучи таковыми, огонь, воздух и земля суть причины и первые посредники в постижении знаний. Действительно, ведь человек прежде всего постигает своими чувствами ближайшее к нему сущее, чувства же его способны действовать, только прибегая к помощи столпов. Ухо, например, слышит звуки (как понятные, так и неясные) лишь при посредстве воздуха, не будь которого оно бы ничего не услышало: ведь известно, что даже здоровое ухо не слышит, если между ним и звуком нет воздушной прослойки. Глаз видит цвета и фигуры только при посредстве, во-первых, воздуха, и во-вторых, света, даваемого огнем (а не будь их, глаз не способен был бы к постижению). Ведь известно, что глаз становится незрячим, если отсутствует дневной свет или свет, излучаемый огнем, а кроме того, даже и здоровый глаз ничего не увидит, если между ним и зримым нет воздушной прослойки. Так же и обоняние постигает приятные (и все прочие) запахи только при посредстве воздуха, без оного же оно бессильно. Так же и осязание различает мягкость, шероховатость, теплоту, холод и все прочее, что осязанием постигается, лишь при помощи земли и благодаря своей укорененности *(истикрар)* в оной земле, без коей ни осязание, ни прочие чувства не могли бы действовать.

Таким образом, три из четырех столпов суть первые посредники в отыскании знаний, с помощью которых становится возможным обретать чувственные услады.

Кроме того, из всех столпов воздух и вода выделяются тем, что не имеют самостного цвета. Этим помогают они душе постигать то, что постигается при их посредстве, ибо, обладай они цветом, тот цвет сбивал бы душу и не давал ей получить знание. Ведь поддерживающая причина постижения истинного цвета вещей заключается в том, что воздух самостно бесцветен, а также и не имеет запаха, а потому в нем отпечатываются и цвета, и запахи всего, что в нем оказывается, а затем он доставляет их зрительной или обоняющей силе. А если бы они (воздух и вода.— *А. С.*) сами

имели цвет, вкус или запах, то и доставляли бы чувствам именно их, а не цвет, вкус и запах того, что в них находится или с ними соседствует, как бутылка, сделанная из красного, зеленого или другого цветного стекла, доставляет [чувству] только собственный цвет, а не цвет того, что в нее помещено. А лишены они (воздух и вода.— *А. С.*) этого (т. е. цвета, вкуса, запаха.— *А. С.*) вследствие движения частиц своей субстанции и текучести своего элемента *('унсур)*.

Подкрепляет и подтверждает нами сказанное равновесность, определяемая весами божественных законов и критерием пророческого произведения. А именно, коль скоро земные границы, стоящие ниже имамов (мир им!), устремляются к мыслям о делах Закона и символах Уложения, ища добродетели и стяжания божественных знаний, следовательно, столпы мира, располагающиеся под небесными телами, обладают самостным движением. Коль скоро в стяжании божественных наук и религиозных знаний, то есть в скрытом поклонении, границы занимают различные ранги: кто, будучи в том сильнее, получает больше знаний, а кто — меньше, следовательно, движение [частиц] в столпах различно по рангам: в одних сильнее и более явно для чувств, в других слабее и более скрыто. Коль скоро границы устремляются к мысли, стяжая божественные знания и ища добродетели, двояким образом: во-первых, со стороны собственной мысли, извлекая божественные науки из пророческих установлений, то есть изнутри собственного знания, и во-вторых, поднимаясь со своего ранга на тот, что они заслужили знанием и деянием, следовательно, движение столпов двояко; во-первых, беспорядочное движение частиц в их самостях, и во-вторых, движение их частиц, оказавшихся не в своем месте и воссоединяющихся с самостью столпов, которая для них естественна.

Коль скоро проповедник, занимающий сей свой ранг в путеводящем призыве, почти никогда не поднимается на ступень худджи: такое случается крайне редко, когда он обладает избыточной силой стяжания знаний и совершения действий, хотя потенциально он знает столько же, сколько и худджа,— следовательно, зарождающиеся в земле от сильной теплоты и влажности испарения почти никогда не воссоединяются с центром воздуха: такое случается крайне редко, когда слишком велика их сила и стремление присо-

единиться к своему центру. Поскольку проповедник, занимающий в призыве сей свой ранг, получает ранг худджи в том случае, если обладает силой и устремлением к обретению [оного], если же нет, то остается в своем ранге и становится ближайшей причиной духовных порождений,— следовательно, испарения, образующиеся в земле, приходят в движение и воссоединяются с центром воздуха в том случае, если обладают силой, если же нет, то остаются там, где были, и становятся ближайшей материей для образования телесных порождений.

Поскольку научающийся, откликнувшийся на призыв, поднявшись до не заслуживаемого им ранга, неизбежно падет и займет то место, которое для него естественно, если только не будут ему оказано попечительство, сохраняющее за ним тот более высокий ранг, следовательно, любая из частиц земли, поднятая на неестественное для нее место воздуха и воды, обязательно упадет на то [место], которое отвечает ее природе, если только не будут ее специально поддерживать.

Коль скоро ранги призыва устроены так, что удерживаются на них только соответствующие им границы, прочие же неизменно низвергаются, следовательно, центры столпов имеют такую природу, что удерживаются в них только те тела, которые соответствуют той природе, прочие же неизменно их покидают. Коль скоро каждый из земных границ, что стоят ниже имамов (мир им!), актуален в своем ранге, а в сопряженности с тем, кто стоит рангом выше его, потенциален (худджа, например, является актуально худджей, занимая оный ранг призыва, а в сопряжении с вышестоящим, то есть с вратами, он есть потенциально врата; или же проповедник, занимающий оный ранг призыва, является проповедником актуально, а в сопряженности с вышестоящим, то есть с худджей, он есть потенциальный худджа), следовательно, каждый столп, расположенный под небесными сферами, актуален в своем центре, а в сопряжении с тем столпом, что выше его и что объемлет его, он потенциален (воздух, например, актуален в своем центре, а в сопряжении с вышестоящим столпом, а именно с огнем, он есть потенциальный огонь; или же вода актуальна в своем центре, а в сопряжении с вышестоящим столпом, а именно с воздухом, она есть потенциальный воздух).

Коль скоро все границы, занимающие свои ранги, согласуются с тем, что от них ожидается, и оному не противоречат, и нет ни одному из них отказа, если только ими искомое не выходит за рамки их центров и рангов и если они не закрывают путь к стяжанию добродетели и не умаляют собственный удел, уклоняясь от исполнения долженствующих им дел призыва и перекладывая оное на других, следовательно, столпы, находясь в собственных центрах, согласуются с тем, что от них ожидается, а потому не имеют тяжести, если только не лишат их своих центров, в коих они актуальны, и не отклонят от их центра к чужому — либо вверх, как землю и воду, либо вниз, как воздух.

Коль скоро границы не придерживаются известных им учений своих противников и соперников и всего, что те наговорили в заблуждении своем, но доводят все это до слуха людей призыва, а затем развеивают, опираясь на доказательства, добытые долгим разысканием и учением, следовательно, такой столп, как воздух, не принимает различные звуки и разнообразные запахи и не занимает ими свою самость, но доводит до чувств людей, а затем развеивает их благодаря движению своих частиц и текучести своего элемента. Коль скоро ранг худджи и проповедника является в мире религии толковательным, свободным от использования всяких символов и намеков (кои суть завеса, скрывающая таящееся под ней знание и охраняющая оное, и кои составляют особенность ранга глаголящих, имамов — мир им! — и врат), не подверженным влиянию страстей *(хаван)* (каковые страсти суть имам и предводитель противника) и не запятнанным ни малейшей общностью со всякими учениями погрязших в заблуждении соперников и противников (каковые учения суть причины обладания земной властью, составляющей идеал для приверженцев явного и возможного), следовательно, центр воздуха и воды свободен от всяких цветов, запахов и вкусов, к каковым стремятся любители земных услад. Коль скоро проповеднику отведен в призыве его ранг, и он благодаря обетованию *(му'āхада)* и воспитанию *(тарбия)* становится ближайшей причиной бытия духовных порождений, значит, горячий и влажный пар (а он принадлежит к роду воздуха), образующийся в чреве земли и обращающий в самого себя то, что с ним соседствует, смешиваясь с оным, является ближайшей при-

чиной бытия телесных порождений. Поскольку, если бы границы исповедовали все им известные учения противников и придерживались их заблуждений, это не дало бы людям призыва познать истинные божественные знания, и обладали бы они лишь теми исповедуемыми заблуждениями, значит, если бы столпы обладали цветом или если бы они принимали и сохраняли звуки и запахи, то это не позволило бы наделенным чувствами [существам] истинно познавать сенсибельное и человек бы из-за сохраняющихся в нем (воздухе.— *А. С.*) звуков ничего бы не слышал и постигал бы лишь тот цвет, что в них (столпах.— *А. С.*) имеется, и никакой другой. Коль скоро в мире религии границы суть посредники, благодаря коим люди призыва познают [скрытую] истину *(хаḳā'иḳ аль-'умӯр)*, чрез коих постигают интеллигибельное и узнают о степенях знаков Божьих и Его границах, следовательно, в [природном] мире столпы суть посредники, благодаря которым населяющие его [люди] познают явленность *(ẓāхир аль-'умӯр)* и через которых постигают сенсибельное при помощи пяти чувств.

Вот что засвидетельствовали о столпах божественные законы в пророческих уложениях благодаря их взаимному соответствию. Слава Богу, наделившему нас частицей Своей мудрости, пролившему на нас свет Своего Слова, щедрой благостью Своей приведшему нас к родникам Своего милосердия. Нет бога кроме Бога, лишь Бог Величайший дарует крепость и силу; к Богу взываю и на Него уповаю; чего Он хочет, тому не миновать. Да пребудет вечно благословение и приветствие Божье с Мухаммедом и чистым родом его, с братьями нашими, принимающими наше исповедание. О Боже, предначертай нам благо в жизни этой и той во имя Мухаммеда и рода его (мир им!).

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О том, что четыре столпа пребывают как самости и количество их неизменно, не возрастает и не убывает, и что они превращаются друг в друга в своих пограничных слоях *(аṭрāф)*

М ы с к а ж е м: всякая вещь, пребывание которой связано с чем-то иным, пребывает, пока пребывает это иное. Поскольку бытие тел, как о том ранее говорилось, связано с бытием пребывающего, а столпы (хотя и разнятся формы их) суть тела, следовательно, они пребывают благодаря пребыванию того, с чем связано их бытие. Если же они пребывают и притом своими самостями и качествами воздействуют на свои самости, так что попеременно возрастает один из двух элементов (а именно теплота и холод) в соответствии с их обусловливающими и поддерживающими причинами, в результате чего каждый из них становится преобладающим в одних частях их (столпов.— *А. С.*) и вытесненным в других, то отсюда следует, что в пограничных слоях столпов [1] происходит превращение. Если же превращение имеет место в пограничных слоях и частях столпов, то мы скажем, что оно разделяется, [во-первых], на такое превращение двух элементов (а также оными элементами влекомого), которое более или менее умеренно; оно бывает разных степеней, и от этого, в зависимости от близости к умеренности, возникают три [рода] порождений во всем разнообразии их видов и особей; и [во-вторых], на такое превращение, которое не является умеренным и в котором наличествует избыточность в зависимости от той силы, что преобладает — избыточный жар, изменяющий некоторые частицы воздуха, которые возгораются огнем, так что порождения погибают; или избыточный холод, изменяющий некоторые частицы воздуха, так что порождения также погибают; или избыточная влажность, случающаяся в некоторых частях воздуха и приводящая к потоку, влекущему гибель порождений, или избыточная сухость, овладевающая некоторыми частями воздуха, так что высыхает вся влага и порождения погибают.

Превращение (как такое, которое сохраняет умеренность, так и то, что приводит к избыточности) не может возникнуть во всех столпах, то есть столп не может целиком

претерпеть превращение, но превращения происходят в тех частях столпов, что расположены на их окраинах, причем каждый из них подвергается воздействию прочих в тех своих сторонах, что с оными прочими сопредельны. Если что-либо в столпах претерпевает превращение, то практически не остается в этом превращенном состоянии, но сменяет его в новом превращении, поскольку поддерживающие причины, обусловившие первое превращение, суть те же самые, что влекут и превращение превратившегося. Так оно происходит здесь и там, служа причиной образования существ, ведь не будь таких превращений, других существ бы не образовывалось.

Далее, количество столпа не может уменьшаться в результате его превращения, так же как оно не может и увеличиваться, если что-то в него превращается, ибо превращение столпа всегда компенсируется, что ясно видно на примерах сущего, претерпевающего превращения. Та земля, например, что превращается в порождения, бывает компенсирована либо смертью животных, если она вошла в их состав, а если из нее возникли растения, то либо их гниением, либо тем, что они становятся пищей для животных и в конце концов возвращаются туда, откуда вышли, а если она оказалась в металлах, то компенсируется ржавлением оных и распадением их частиц в огне и почве; как будто некое колесо, вращаясь, берет что-то у столпа в одном месте и возвращает в другом. Или же, скажем, из воды в результате непрерывного нагревания поднимаются испарения и превращаются в воздух и облака: сколько ее поднялось вверх, столько же бывает компенсировано выпадающими дождями. Так же обстоит дело и с воздухом, и с огнем; та мера воздуха, что в результате поддерживающих и иных причин, о которых уже говорилось, претерпевает превращение и становится огнем (например, метеоры), бывает компенсирована тем, что превращается в воздух; сколько воздуха в одном месте увлажнилось (т. е. стало водой.— *А. С.*), столько же в другом месте иссохло; сколько земли отпадает от своей природы и становится водой, столько же и компенсируется сгущающейся водой, которая возвращается в землю. То же наблюдается и в микрокосме: если он, взяв что-то извне, принимает в пищу, то соответственно что-то отделяется от его тела, дабы взятое компенсировалось отпавшим. Так вещь сохраняется, не исчезает и в этом смысле не

изменяется. В том — великая мудрость, являющая лик искуснейшей мощи; да славен будет Бог, неизмеримо вознесенный над измышленным чадами тьмы!

Правильность вышесказанного подтверждают ясные доказательства, которые воздвиг Бог в мире религии как правдивое мерило и верный критерий и которые ведут по дороге истинного познания. А посему скажем: перемещение границ мира религии, то есть столпов оного мира с ранга на ранг означает, что столпы превращаются своими окраинами одни в другие. Поскольку некоторые границы подчас заблуждаются и изобретают на погибель народам скверные учения, значит, воздух может изменяться, когда возрастает теплота, так что один из миров природных порождений погибает. Коль скоро некоторые из границ не исполняют в призыве должного, недостаточно знающи, благочестивы, религиозны и верны, что ведет их последователей к погибели, значит, в некоторых частях воздуха может стать преобладающим холод, в результате чего погибнет один из миров порождений. Коль скоро иные границы, случается, восходят до ступени врат, так что их собственное положение возрастает (так бывает, когда вызывают уполномоченного, чтобы поговорить с ним о его вероисповедании и учении, дабы, поговорив с ним о его учении и показав ущербность того, чем он обладает, воздействовать на него словом своим и дать воссиять в душе его свету знания своего, привлекая тем самым на ступень единения *[дараджат аль-иттиṣаль]*), следовательно, вода, смешиваясь с землей, становится столь же плотной, как и она, дабы, претерпев превращение и став изоморфной ей, заставить ее принять свое воздействие и привлечь ее к тому, от чего образуются порождения (сие и есть превращение). Коль скоро в мире религии число больших и малых циклов является полным и неизменным, не возрастает и не умаляется, значит, небесные и земные тела, а также четыре столпа: огонь, воздух, вода и земля — вечно сохраняются в мире Природы в неизменном количестве, не прибывая и не умаляясь.

Вот что влекомо миром пророческого уложения, как о том поведали весы вероисповедные, без всякого изъятия уравновешивающие творение Всевышнего. Слава Богу, что дал нам следовать чистым душам, вкусить плодов небесного древа, спастись послушанием имамам — источникам вечной благодати. Нет бога кроме Бога, которому нет соучаст-

ников; лишь Бог дарует крепость и силу, к Богу взываю и на Него уповаю, молю о покровительстве и удаче, и да будет благословен Мухаммед и род его — достойные имамы. О Боже, Милостивейший из милостивых, даруй Свой милосердный дар — благую жизнь мирскую и религиозную!

УЛИЦА ПЯТАЯ

О причине, по которой тела имеют плотность, а частицы их множественны

Мы скажем: коль скоро любая вещь в бытии имеет некоторую поддерживающую причину, ей предшествующую и ее обусловливающую, и коль скоро тело самостно существует благодаря тем частицам, от которых и происходит его самость, то оно, имея частицы и бытийствуя иначе, нежели мир Творения (который телом не является), имеет некую обусловливающую его причину. Если же тело имеет обусловливающую его поддерживающую причину, а бытие его проистекает от Сотворенного (кое есть Первое Сущее), значит, Сотворенное (то есть Первое Сущее) является для него поддерживающей причиной. А будучи ему поддерживающей причиной, Сотворенное (то есть Первое Сущее) не имеет в своей самости ничего, что обусловливало бы существование от него такого сущего, которое в своей самости обладало бы частицами, за исключением имеющейся у него соотнесенности по сотворенности. Ведь Первое Сущее обладает совокупно двумя высокими соотнесенностями, из коих одна состоит, как мы ранее говорили, в том, что оно является Творением в сопряженности с Тем, от Кого его бытие, вторая же — в том, что оно является Сотворенным в сопряженности с собственной самостью. В сопряженности с Тем, от Кого проистекает необходимое бытие сущего, оно (Первое Сущее.— *А. С.*) является одним членом *(фард)*, а постольку, поскольку оно — Сотворенное, оно — пара и имеет нечто наподобие носителя, так что в этом плане оно двояко, обладая первым и вторым совершенством, на коих зиждется его самость. В этом плане, то есть как Сотворенное, оно обладает благородством, уступающим тому изначальному благородству, которое принадлежит ему же как Творению, ибо Сотворенным оно является по сопряженности со своей самостью, которая обладает бытием только потому, что опирается на Творение, а не на Сотворенное. Сия имеющаяся у него соотнесенность по сотворенности не столь же высока, как его же соотнесенность по творению.

Коль скоро так, и поскольку Творение (то есть Первое Сотворенное) является причиной, поддерживающей бытие сущего, следовательно, происходящее от него сущее должно (поскольку Творение для него — поддерживающая причина) быть двояким: происходящее от более высокой соотнесенности — высоким чистым единичным *(фард)* Разумом, а от более низкой соотнесенности — имеющей части парой, как то соответствует тем двум соотнесенностям, причем оба они эманируют как единое (так же, как и Первое Сущее едино в соотнесенности по творению). Поскольку же Первое Сотворенное, являющееся первым пределом в сотворенности, имеет в каком-то плане, как мы показали, части — хотя те части суть наименьшее из малого,— то это и является поддерживающей причиной многочастности сущего, находящегося на втором пределе. Ведь бытие сущего, как мы говорили в разделе о способе эманации, проистекает от того, что их поддерживающие причины замечают собственные самости, а множественность и возрастание числа сущего — от того, что они замечают свои самости и вглядываются в них, так же, как числа множатся от умножения самих на себя: если двойку помножить саму на себя, получится четверка, если тройку помножить саму на себя, получится девятка, если четверку помножить саму на себя, получится шестнадцать. Как сии умножаются сами на себя, так и те множатся благодаря объятию своих самостей: умножаемое на самого себя — это первый предел, а произведение — второй предел; множественность второго предела превышает множественность первого предела. Так и есть, и это известно, что наименьшее из малого, имеющееся в первом пределе, таким же образом преумножается во втором пределе. Ведь первые пределы суть поддерживающие причины бытия, а потому наличие множественных поддерживаемых ими следствий во вторых пределах столь же неизбежно и необходимо, как и от незначительного *(ясӣра)*

движения в первом пределе, каковой предел является направляющим *('амр)*, с неизбежностью происходят (из-за множественности посредников) множественные движения во втором пределе, каковой предел является направляемым *(ма'мӯр)*, или же как от одного зерна (то есть первого предела) рождается много зерен в колосе (то есть втором пределе),— а иначе они бы и не были поддерживающими причинами.

Поскольку, далее, тело является следствием, поддерживаемым первой поддерживающей причиной, и сие следствие обладает плотностью, то о поддерживающей причине сей плотности мы скажем, что плотность не относится к числу того, что возникает в сущем от неких поддерживающих причин, отличных от него самого, но она возникает от того, что присуще и характерно для самого того сущего. Ведь состояния поддерживаемых следствий проистекают либо благодаря отличным от них поддерживающим причинам (например, человек становится человеком в силу того, что́ он приобретает благодаря поклонению знанием и действием, каковые поклонения суть поддерживающая причина человечности, отличная от самого человека), либо от того, что присуще им самим независимо от их поддерживающих причин (например, чернота кожи, подвергающейся сильному воздействию солнца, возникает не потому, что в солнце имеется чернота; она присуща телу благодаря близости к жару и влекомого тем изменения его смешения *(мизāдж)*). Плотность не может присутствовать в сущем, проистекая от поддерживающей его причины, отличной от самого сущего, ибо та поддерживающая причина, от коей существует сущее, свободна от всего, что могло бы обусловить сию плотность в поддерживаемых ею следствиях. Если же ложно, что плотность тел проистекает от отличной от них и предшествующей им поддерживающей причины, следовательно, она проистекает от самостей их частиц.

Коль скоро установлено, что плотность тел проистекает от самостей их частиц, то она может возникать не иначе как от скопления частиц в сущем вследствие удаленности его от Первого Сотворенного (то есть Творения), от того, что они вследствие множества посредников и наличия препятствий не могут быть подобны тому, что им предшествует в бытии, а также от того, что сие сущее, чьи частицы

многочисленны, неспособно сохранить свою самость в состоянии, близком к состоянию вышестоящего сущего. Посему все его частицы сбиваются вместе и скапливаются, помогая друг другу сохранить свое бытие и спасаясь от порчи: так субстанция его сгущается *(ḍāḳa)* и становится плотной. Например, воздух [обычно] бывает рассеянным из-за разлитой в нем теплоты, являющейся для него совершенством и формой; но если где-то из-за удаленности от солнца исчезает теплота, вытесняемая холодом, и воздух уже не может сохранить частицы своей самости в том состоянии, в котором они схожи с огнем (каковой огонь выше воздуха рангом по рассеянности), то мы видим, что частицы его сбиваются вместе и скапливаются из-за того, что он не способен остаться в прежнем состоянии рассеянности, и воздух, бывший до того рассеянным, уплотняется. Или же, например, вода в сопряжении с землей является рассеянной, и она не столь плотна, как та; но если воздух из-за удаленности от солнца окажется холодным или если небо затянут тучи и вследствие этого в воде исчезнет теплота и ее множественные частицы окажутся неспособны сохранить ее самость в том состоянии, в котором она схожа с воздухом (каковой воздух выше ее рангом по рассеянию), то благодаря струящемуся в воде божественному промыслу частицы ее соберутся и скопятся, дабы совместно сохранить ее самость и избежать порчи; тогда субстанция воды загустеет благодаря скоплению и взаимному проникновению ее частиц и все сии частицы окажутся собранными вместе, связанными одна с другой, друг к другу льнущими *(ḫāнн)* и друг друга алчущими *(шā'иḳ)*: так вода из рассеянной станет плотным минералом. Что же до земли, то она существует в дальней дали, в том пределе, за которым уж нет пределов, а потому частицы ее все собраны вместе, уплотнены, взаимно проникающи, скопились и страстно друг к другу стремятся *(тā'иḳ)*; и здесь также, если взять частичку земли, то она устремится к целому, спасаясь от порчи и разложения. Так же точно действует любая группа, оказавшись вдалеке от своего главы и управителя, поняв, что вдали от своего главы в разобщенности для нее гибель: она собирается, сохраняя свою целокупность, дабы не распасться и не погибнуть; собравшись вместе, друг за друга держась, друг другу сострадая, стремясь к сообщности и избегая разобщенности, сохраняют они себя от погибели.

Итак, поддерживающей причиной существования плотности в телесном сущем и скопления его частиц является его удаленность от поддерживающей причины своего бытия. Из этого следует применительно к существующему от соотнесенности Сотворенного по сотворенности, что получившее от него бытие первым более схоже с ним, нежели от него удаленное. Например, небесные тела, в особенности же высшая небесная сфера, благодаря своей близости к нему более схожи с ним, нежели от него удаленные земные тела, по вечной длительности, вечному пребыванию и отсутствию превращений и изменений из-за малочисленности своих частей и такого пленения собственной формой, что она с сей формой представляет нечто единое; что они (небесные тела.— *А. С.*) благодаря близости к тому, от кого их бытие, не столь ограниченно-сконцентрированны *(инхисар)* и не столь густы, как земные тела из-за своей удаленности; и что те разреженнее и выше, эти же более пусты и плотны. «Воистину, сотворение небес и земли есть [дело] более великое, нежели сотворение людей, но большинство людей не знают этого» [1].

Итак, мы выяснили, что причина множественности частиц тела заключена в его удаленности от сотворенной поддерживающей причины и что скопление частиц, их уплотнение и сгущение происходят из-за удаленности от их первого предела, и показали, как именно.

Сие подтверждается весами мира религии, открывающими дорогу знаний. Коль скоро глаголящий соединяет две соотнесенности: во-первых, он в сопряжении с миром Творения, из которого проистекает его второе совершенство, [является разумом], а во-вторых, в сопряжении с миром Природы, из которого проистекает его первое совершенство, он является душой, следовательно, Первый Разум (то есть Первое Сущее и Первая Причина) имеет две соотнесенности: во-первых, в сопряжении с Тем, от Кого его бытие, он является Творением, а во-вторых, в сопряжении с собственной самостью он является Сотворенным (о чем уже говорилось). Коль скоро глаголящий чист и единичен как разум, а как душа отягощен своим носителем, множествен и обладает силами, значит, Первый Разум как Творение единичен и чист, а как Сотворенное не лишен множественности. Коль скоро глаголящий со своими двумя соотнесенностями, влекущими малочисленность и множественность, является первым пределом, следовательно, Первый Разум (то есть Первое Сотворенное и Первое Сущее) со своими двумя соотнесенностями, сбирающими, как мы показали, малочисленность и множественность, является первым пределом. Коль скоро глаголящий, то есть первый, сбирающий множественность предел, является в мире религии поддерживающей причиной бытия еще большей множественности божественных законов, пророческих уложений и научающих границ, а также множества поучающихся душ, кои в своей удаленности от него составляют второй предел, следовательно, Первый Разум (Первое Сотворенное и Первое Сущее), то есть первый предел, сбирающий множественность, является поддерживающей причиной бытия еще большей множественности божественного произведения, както: круговращающихся небесных сфер и светил, оказывающих влияние на телесный мир, а также множественных претерпевающих влияние частиц земли, составляющих в своей удаленности от него (Первого Разума.— *А. С.*) второй предел. Ведь поддерживаемые следствия необходимым образом происходят от поддерживающих их причин, неизбежно при этом множась,— а иначе поддерживающая причина не была бы поддерживающей причиной, и бытия не существовало бы.

А коль скоро таковое имеется в мире религии, то соответственно этому (подобие против подобия) поддерживающей причиной множественности частиц тел является, как мы показали, соотнесенность, присущая Сотворенному, каковое Сотворенное и есть поддерживающая причина сущего. Тогда с плотностью, что проистекает от самости тел, но не от отличных от них поддерживающих причин, весы вероисповедные соотносят наличие в мире религии после [кончины] пророка (да благословит его Бог!) раздоров и заблуждений со стороны душ, имеющих отношение к его установлениям и начертаниям, чего не было при его (да благословит его Бог!) жизни. Ведь раздоры и заблуждение в мире религии — это как бы плотность в телесном мире, слаженность и верное руководство — как бы разреженность *(басата)*, а души — как бы земля; когда души отдаляются от глаголящего (поддерживающей причины своего бытия в мире религии), окутывая его покрывалом забвения, когда они, нарушая пределы установленного его заместителями,

выходят из послушания и порывают с ними, когда теряют стезю религии, которая хранит их под сенью пророческой благодати (да благословит его Бог!) и ведет к спасению и родникам счастья, когда недостижимым для них становится религиозное совершенство, связующее их с узами вечности, тогда неизбежно испытывают они потребность сохранить свои верования, а потому всецело полагаются на свои воззрения и собственное разумение, которые, будучи ущербны, ввергают их в еще большую удаленность и заблуждение, и в результате они отступают [от истины] и блуждают. Появление среди людей (и особенно в вероисповедной общине) после [смерти] глаголящего отступлений и заблуждений из-за забвения его начертаний и ослушания его замещающих означает, что плотность в телесном мире (и особенно плотность земли), которая является тем же, что заблуждение и отступление в мире религии, проистекает от множественных частиц этих тел ввиду их удаленности от первого предела, то есть Первого Сущего (а оно — поддерживающая причина всего сущего), когда они, сохраняя свое бытие, скапливаются и собираются все вместе. Поскольку в вероисповедной общине при жизни пророка (да благословит его Бог!) царило согласие и не было раздоров, значит, плотность отсутствует в мире Творения. Коль скоро последователи глаголящего и его замещающих, соблюдая пределы им установленного, идут более верным путем, обладают более высоким положением и стоят ближе к ангелам, нежели отступившие и удалившиеся от оного, следовательно, близкие к первоначалу, то есть Первому Сотворенному, тела выше и проще, нежели от него удаленные и плотные. Так одно другому соответствует и свидетельствует о взаимном совпадении, а потому ясно, что поддерживающая причина множественности и плотности сущего во втором пределе такова, как мы сказали.

Слава Богу, наставившему нас: без Него не найти нам пути; Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник! Лишь Бог Великий дарует крепость и силу.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О том, что земля не сферична и по какой причине; о том, что́ в ней заслуживает быть центром объемлющего тела; о том, какова ее фигура *(шакль)*; о том, что открытые воздуху части ее находятся в движении, благодаря коему перемещаются морские воды, и каково это движение; и о том, что образуются из нее горные кручи и по какой причине

Ранее, говоря об огне, воздухе, воде и земле — телах, сущих под небесными сферами,— и о том, каковы они, мы исчерпали этот предмет и дали достаточное разъяснение. Однако же, поскольку то, о чем хотим мы говорить сейчас, имеет отношение к тому роду вещей, о которых уже говорилось, то мы вернемся назад и скажем: сопредельная круговращающемуся телу (именуемому небесной сферой) сторона нижерасположенного тела, наиближайшая к нему, восприняв его воздействие, исполнилась теплоты, а частицы ее, как мы показали, пришли в движение; другая же сторона его, с небесной сферой (то есть круговращающимся относительно него телом) не сопредельная и от нее наиудаленнейшая, исполнилась холода, а частицы ее застыли недвижимы, ибо все, что в той стороне благодаря близости ее наличествует, приводя частицы ее в движение, все это в этой стороне из-за удаленности ее отсутствует. Посему одно качество, а именно полный холод, обусловливающий плотность и неподвижность частиц, характерен для этой, наиудаленнейшей от движущегося тела, стороны, так же как другое качество, а именно полная теплота, обусловливающая разреженность и движение частиц, характерна для той, наиближайшей к движущемуся телу, стороны.

Засим скажем следующее: если некое тело расположено в наибольшем удалении от сферы (таком, что дальше и быть не может), то все линии, соединяющие поверхность этого тела с оной сферой, окажутся равными, ибо сие тело будет расположено в наисреди́ннейшей точке сферы, такой, что будь оно даже чуть-чуть в стороне от нее, все те линии не смогут быть равными; если же все линии, приходящие [от той сферы] к поверхности такого тела, равны, то это тело имеет сферическую фигуру, ибо сохраняет неизменным свое

соотношение с той сферой. Итак, поскольку сферической фигурой обладает такое тело, для которого равны все линии, проведенные от его поверхности к объемлющей его сфере, а соединяющие поверхность земли с высшей небесной сферой (а именно от нее земля находится на наибольшем удалении) линии не равны, то из этого вытекает, что фигура земли не сферическая. Дело здесь в том, что одни ее части возвышаются над другими таким образом, что эти возвышающиеся части выступают над теми, что являются действительно центром небесной сферы, так что они из этого центра исключаются, ведь только для центра верно условие, чтобы все соединяющие его с окружностью линии были равны [1]. Что таково, то имеет сферическую фигуру, и ни одна из частей его поверхности не выступает над другой, но все они уравнены, как уравнены поверхности зеркал. Земля же не такова: одни ее части выше, другие — ниже, ведь мы видим, что одни части земли вознесены, другие же понижены. То же получится, если представить себе линии, исходящие от поверхностей сих возвышенных и пониженных участков: линия, соединяющая высшую небесную сферу с возвышенной поверхностью земли, короче, нежели та, что соединяет ее с пониженной поверхностью, а линия, соединяющая высшую небесную сферу с пониженной поверхностью земли, длиннее линии, соединяющей ее с возвышенной поверхностью. Таковое не отвечает определению центра, а не отвечающее определению центра не является сферическим; поверхность же того, что не является сферическим, имеет возвышенные и пониженные части.

Кроме того, будь земля сферической, ее со всех сторон окружала бы вода [2] (так же точно, как огненное тело окружает воздух или небесная сфера объемлет огонь), ибо центр воды расположен над землей. Однако мы обнаруживаем, что вода не окружает землю со всех сторон, из чего вытекает, что земля не сферична и что заслуживающие быть центром объемлющего тела части ее не суть те, что открыты воздуху.

Коль скоро так, то мы скажем: те части земли, которые служат центром для высшего тела и которые суть вместилище полного холода и полной неподвижности, объяты со всех сторон водой, так что они заключены внутри объемлющей сферы. В их частицы не проникает вода так, как проникает в выступающие над ней части земли, ибо центр воды расположен над теми частицами; если же предположить, что внутри них все же окажется вода, то она будет стремиться к своему центру так же, как это делают прочие столпы мира, оказавшись в чужом месте.

Кроме того, в земле отсутствует то, что присутствует в трех прочих столпах (воде, воздухе и огне) и что делает их поверхность сферической и гладкой, поэтому земля и не может иметь сферическую поверхность. Дело в том, что вследствие того, что в них проникает сила тела, движущегося относительно них, огонь, воздух и вода разрежены, благодаря чему их поверхности принимают ту фигуру, что придают им круговращающиеся относительно их над ними вознесенные небесные тела; кроме того, их частицы движутся, проникая друг в друга, а потому, соприкасаясь с поверхностью сферического тела, принимают соответствующую фигуру. Такова же, например, сырая глина, у которой частицы поверхности проникают друг в друга, а потому ее поверхность принимает фигуру в зависимости от той поверхности, с которой она соприкасается: если с ровной, то ровную, а если нет, то соответственно той поверхности, принимая, например, отпечаток перстня или печати. Земля же сим не обладает, ибо над ее частицами ввиду их удаленности от движущегося тела властвует холод, к коему они, уплотняясь, приноравливаются. Коль скоро разреженности в земле нет, следовательно, ее частицы не соответствуют частицам того тела, которое соприкасается с ее поверхностью; если же ее частицы не соответствуют частицам того тела, которое соприкасается с ее поверхностью, следовательно, земля в целом не сферична.

А такова она потому, что от ве́дения божественного промысла, внедрившегося в тела с целью сообразовать их с мудростью и воздвигнувшего, как мы то ранее показали, тела небесные воздействующие и тела земные претерпевающие, дабы произвести три [вида] порождений (коих предельной целью является человек — второе воскрешение, Первой Эманации уподобляющееся) с их предусмотренными премудростью природами при помощи столпов, один другому содействующих путем взаимного смешения, достижения пропорциональности *(та'а̄дуль)* и взаимного воздействия,— от ве́дения сего промысла не было скрыто, что, будь поверхность земли сферической (подобно поверхности огня и воздуха), притом что центр воды должен быть над

поверхностью земли, то вода полностью объяла бы сию поверхность, так же как ее саму полностью объемлют вышерасположенные тела, и тогда ни сила огня, ни сила воздуха не достигали бы земли, доступной лишь силе воды. Это воспрепятствовало бы осуществиться искомому: мудростью предустановлено, что порождения существуют лишь чрез совокупность сил четырех [столпов] (огня, воздуха, воды и земли), а если вода полностью обнимет поверхность земли, то порождения существовать не смогут, ибо тогда силы огня и воздуха не достигнут земли.

И вот божественный промысл придал земле (хоть она и является центром) в некоторых ее частях несферический вид, дабы она где-то возвышалась над центром воды, и та ее не могла объять,— для того, чтобы все силы, совокупно соединившись, явили три [вида] порождений, предельной целью которых служит искомое бытие человека. Таким же образом действует искусный мастер, когда, взяв за образец создание Богом Своего творения, делает часы предельно точно, так, что одно в них сцеплено с другим и все ведет к первому двигателю: он собирает механизм, производящий движение и бросанием шариков создающий разные фигуры [3], одни механизмы делает движущими, другие — и движущими, и движущимися, и о чем знает он, что, будь оно плоским, то не дало бы искомого результата,— то́ в движущемся двигателе делает он вогнутым, а о чем знает, что, будь оно вогнутым, то испортило бы искомое,— то́ делает он плоским; о чем известно ему, что, будь оно тяжелым, не смогло бы двигаться быстро,— то сделает он легким, а о чем знает, что, имей оно четырехугольную фигуру, то воспрепятствовало бы желаемому,— то сделает он сферическим.

Итак, коль скоро мудрость препятствует земле принять сферическую фигуру (ибо тогда не осуществилась бы цель, преследовавшаяся при воздвижении небес и столпов), то мы скажем: те части земли, что не подпадают под определение центра высшей небесной сферы, то есть те, что открыты воздуху и нарушают ее сферичность,— именно эти части завершили причины скрытого предсуществования *(кумӯн)* животных, растений и минералов, ибо, выступая над центром земли и вдаваясь в место воздуха, они приемлют воздействие сил вышестоящего, и в них сплетаются и сливаются все влияния.

Скажем также, что сии части обладают акцидентальным движением, из-за которого возвышающиеся части ее, открытые воздуху, теплу солнца и силам небес, опускаются и становятся пониженными и из-за которого морские воды вечно и повседневно меняют свое положение; так одно разрушается, а другое устраивается. Дело в том, что движение сих встречающихся с воздухом частей [земли] не является самостным, а возникает от движения ветров, их овевающих и разрушающих; а кроме того, их смывают бегущие в руслах после дождей воды и уносят потоки, впадающие в моря, так что те ими денно и нощно наполняются (как бегут несомые в море частицы земли, можно видеть в устьях потоков, впадающих в море). Так повышается уровень вод (по мере того, как те частицы переносятся потоками со своих мест в глубинах вод и сторонах земли в море, толкая воду вверх), отчего вода достигает тех впадин и углублений, что прежде были без воды, и отступает от других участков; и вот одно разрушается, а другое устрояется [4]. Это происходит потому, что к сим выступающим над центром земли частям (из-за которых она, в отличие от огня, воздуха и воды, не является сферической) акцидентально возникающее движение привходит так же, как акциденции, чередуясь, берут каждая свою долю в тех материях, в которые они привходят (о чем ранее уже говорилось). Поэтому, когда находящееся на поверхности земли получит свою долю [воздействия] огня, воздуха и воды, его уносят текущие воды и дующие ветры, чтобы его место заняло нечто иное и получило в том свою долю. На том зиждется справедливое равенство: ведь каждая из сих частей [земли] не более других достойна быть открытой воздуху и солнечному теплу, чтоб из нее образовались существа, и каждая не более, чем другие, должна быть лишена того, находясь под водой,— так мудрейше предначертано Вседержителем.

При содействии и помощи столпов частицы, то увлажняясь, то иссыхая, то нагреваясь, то охлаждаясь, связываются и образуют горы и минералы в зависимости от того, какое качество возобладает под влиянием небесной сферы, обусловливающей смешения: дожди вымывают из них то, что не связалось, они же остаются, уперев вершины в небо, пока сухость их, благодаря которой они и связались, не достигнет предела; тогда они распадаются и превращаются в песок, а затем — в почву.

Таким образом, частицам [земли] присущи два движения: движение, выводящее их к актуальности, и движение, возвращающее их к потенциальности; сие и есть движение возникновения и гибели.

Добавим также, что одни из сих гор, сохраняя воду своими твердыми частицами, образуют как бы резервуары ее, благодаря чему на них произрастают деревья и растения, другие же воду истребляют — нет в них ни воды, ни растений, ни деревьев.

О правильности нами сказанного свидетельствуют весы вероисповедные, коими отворяются запертые двери и устраняются терзающие ум сомнения. Коль скоро людские души в совокупности своей составляют в религиозном мире центр для его границ и к ним направлено их воздействующее научение, следовательно, земля в целокупности своей составляет в телесном мире центр для всего, что оказывает влияние, и к ней направлены оного светы, дабы произвести порождения. Коль скоро души людские распадаются на высоких рангом, близких к своим наставникам, ибо приемлют они знания и мудрость, и на низких рангом, далеких от наставников, ибо не приемлют и не научаются, то и земля распадается на возвышенные и близкие к влияющему части, кои приемлют влияния оного, и на низкие, удаленные от влияющего части, кои вовсе не приемлют оного влияния. Коль скоро есть такие души, что, будучи наиболее удалены по природе своей от границ мира религии, обладают столь густой субстанцией, что вовсе не приемлют знания, погрязши в скверне, как-то: турки, негры, варвары и прочие, по природе своей отвергающие рациональные знания и не желающие вникать в вопросы религии, каковые души и составляют поистине центр для высшей границы, то есть глаголящего, следовательно, есть такие части земли, которые вовсе не принимают влияний и не претерпевают воздействий ввиду того, что частицы их сплелись друг с другом вследствие холода, всецело завладевшего ими в силу того, что они расположены воистину в наибольшей удаленности от всего, что оказывает влияние в телесном мире, каковой мир составляет центр высшей небесной сферы.

Поскольку в мире религии есть души людские, что, будучи из числа людей явного, воспринимают научение границ благодаря своей близости к оным, а потому выше

рангом прочих, внизу стоящих, и на них распространяются предписания и воспрещения, закрепленные миром Уложения, и во имя того из них, чье бытие предначертано в новом творении, ниспосылались посланники и были даны Законы и имамы, следовательно, в телесном мире те части земли, что воспринимают влияния небесных тел благодаря своей близости к оным, стоят выше прочих частей, что ниже их и что охвачены холодом, и именно в сих частях чередуются ночь и день, и во имя того полного творения, подготовленного к полному принятию, чье бытие от них предначертано, были воздвигнуты вращающиеся вокруг них небеса и светила.

Поскольку простолюдины, глупцы и невежды всегда и во всем одинаково относились к любому посланнику в любом цикле (так что тут ни убавить, ни прибавить), следовательно, центр объемлющей [сферы] совершенно одинаково удален ото всех сторон ее, так что в том ни прибавить, ни убавить; в этом — истина *(хакӣка)* сказанного мудрецами, что все линии, исходящие из центра к окружности, равны, также как и сказанного пророком (да благословит его Бог!): «Что есть в народе моем, то же было и среди сынов израилевых: как два отпечатка одной сандали, как две капли воды». Коль скоро в мире религии простолюдины и тупицы (а именно они составляют поистине центр приложения научений глаголящего и границ) исповедуют высочайшее учение, что у них есть Творец, нимало в том не сомневаясь, в чем схожи они со стоящими выше их границами, следовательно, те частицы земли, что суть поистине центр высшей небесной сферы, схожи с вышестоящими телами в том, что имеют наивысшую из фигур, а именно — сферическую. Коль скоро все души людские общи, но в том, что есть среди них ученые мужи и стяжатели знаний, различны, ибо разнятся их взгляды и убеждения и не согласны они в религиях, следовательно, фигура земли не сферическая, но имеет различающиеся стороны, за счет тех частей ее, что выдаются над центром и открыты воздуху.

Коль скоро в мире религии границы его, обретшие формы высших знаний о единобожии и о сотворенных и эманационных субстанциях, схожи в том с теми, кто стоит выше их, следовательно, в телесном мире огонь, воздух и вода, имея высшую из фигур — сферическую, схожи в том с вышерасположенными небесными телами. Коль скоро в ми-

ре религии тот из людей явного, что приемлет от границ его путеводящие влияния и законы обоих поклонений, выше рангом прочих, оное не приемлющих, и именно от таких людей бывают духовные порождения, следовательно, в телесном мире из всех [расположенных] над центром частиц земли те, что приемлют воздействия светил, имеют более высокого ранга (в сравнении с прочими, оное не приемлющими) умеренное смешение, от которого и происходят природные порождения. Коль скоро в мире религии люди веры, отправляющие оба поклонения и выше прочих стоящие в знании истин *(хаḳā'иḳ)* и исполнении должного, ближе к пророку (да благословит и приветствует его Бог!), нежели люди явного и те, что ниже оных, следовательно, в телесном мире приемлющие влияния и [расположенные] над центром земли части ее ближе к высшему телу, нежели те, что этого не приемлют, и те, что ниже оных. Коль скоро тем, что люди явного ищут связи с границами, соединяются с ними и черпают из их источника, исполняются причины образования духовных порождений, следовательно, тем, что земля своими возвышающимися над центром частями возносится ввысь, ища встречи с воздухом и теплотой огня, и приемлет воздействия их, исполняются причины образования природных порождений.

Коль скоро в мире религии число худджей, сбирающих чрез внушенное откровение науки путеводящего призыва и вмещающих божественные знания, равно двенадцати, из каковых худджей каждый сбирает стоящих ниже проповедников, уполномоченных и крылья *(аджниха)*, следовательно, число обитаемых *('āмир)* земель равно двенадцати, в каждой из которых — свои области, города и селения. Коль скоро в мире религии у предержателей циклов имеется семь врат, а именно: Сиф, Сим, Исмаил, Иисус [Навин], Симон, Али и худджа воздвиженного [5], следовательно, земля имеет семь частей *(аḳсāм)* и зон *(аḳāлῑм)* [6]. Поскольку люди призыва двояки: одни подлинно верующие, другие лицемерные отщепенцы, следовательно, земля двучастна: обитаемая населенная, и пустынная незаселенная. Раз лицемеров больше, чем искренне верующих, значит, пустынных земель больше, нежели обитаемых заселенных. Коль скоро в последнем цикле лицемеры и злодеи придут к гибели, верующие же и добрые умножатся, следовательно, пустынные земли заселяются добрыми людьми.

Поскольку люди путеводящего призыва благодаря научению и воздействию худджей и проповедников сбираются не к глаголящему, но к предержателю седьмого цикла, как сказано Всевышним: «Скажи: „Поистине, первые и последние будут собраны к сроку известного дня“» [7], следовательно, открытые воздуху и приемлющие влияния [светил] части [земли] движутся к морю не самостно, но от той поддерживающей причины, что сообщает воздуху движение ветров, а воду, ниспадающую из облаков дождем, заставляет течь в руслах. Коль скоро в призыве верующий, напитавшись знаниями и приняв в явном и скрытом воздействие проповедников, может возвыситься и обрести незыблемый макам худджи, следовательно, некоторые части земли, приемля воздействие то восходящих над ними, то заходящих планет, то пропитываясь влагой, то иссыхая, могут стать незыблемо утвержденными горами. Как некоторые из худджей сбирают одни науки явного призыва, не ведая наук призыва скрытого, и от таких худджей не происходят духовные порождения, так в некоторых горах нет воды, и нет в них ни растений, ни животных. Коль скоро другие худджи сбирают науки и явного, и скрытого, а их духовные дети многочисленны, следовательно, некоторые из гор могут содержать воду, а потому в них есть и деревья, и плоды. Поскольку есть души, противящиеся принятию знания и мудрости, и от таких душ отворачиваются проповедники, зная, что им их слово не поможет, значит, есть такие части земли (а именно составляющие центр высшего тела), которыми овладел предельный холод ввиду их удаленности от движущихся тел: в такие части не проникает вода (как она проникает в другие, возвышающиеся над оными части), ибо ее центр расположен над ними. Поскольку пророческий призыв, а также высокие нравы и обычаи переходят от народа к народу и из рода в род (как пророческий призыв перешел от рода Исаака, сына Авраама, к роду Исмаила, сына Авраама [8], и как к арабам перешли отвага и мужество Греции и царство и мудрость персов), следовательно, с течением времени одни земли лишаются жизни, другие же заселяются.

Коль скоро границы имеют формы высочайших знаний потому, что возможность обретения оных для них подготовлена, и благодаря близости того, что не дано строптивым душам из-за их удаленности, следовательно, столпы имеют

высшую из фигур (а именно сферическую) потому, что возможность обретения оной для них подготовлена, и благодаря близости того, что не дано частицам земли из-за их удаленности. Поскольку заветник и его замещающие худджи, вперяя взор в занявших свои ранги границ, дабы удостовериться, что они того достойны, отлучают лицемера от благодати божественного знания и низвергают его с его ступени, верующего же поднимают и возносят на ступени чистых, следовательно, земля в отдельных частях своих находится в движении, благодаря коему одно становится безлюдной пустыней, другое же обустраивается и заселяется. Поскольку те из людей явного, кто принимает изливаемое границами и истинно осуществляет оба поклонения, становятся духовными порождениями и вкушают счастье вечных услад, те же, кто даваемого границами не принимает и упорствует в одном только поклонении, блуждают во мраке, ввергающем их в тяжкую муку,— следовательно, те части земли, что, приемля истечение, воспринимают влияния воздействующего, становятся природными животными, а те, что не приемлют, уносятся водами во мрак морей. Коль скоро души людские подлы и ничтожны в сопряжении с пророком, заветником и имамами (мир им!), совершенными и возвышенными, следовательно, в сопряжении с огромностью и безбрежным простором небесных тел земля ничтожна и положение ее никак не возвышенно. Поскольку в мире религии из всех людских душ одной только душе пророка (да благословит его Бог!) дано полностью принять при посредстве Второго Разума истечение Первого Разума, струящееся из мира Творения, в чем с ним не сравнится никакая другая душа, и оттого разливаются и истекают от него знания, следовательно, среди всех частиц земли некоторым дано полностью принять при посредстве Луны воздействие Солнца, струящееся от небесных тел, в чем с оными частицами не сравнятся никакие другие, и оттого прибывают воды морей и разливаются.

Таково свидетельство весов вероисповедных о том, что есть на земле; мы их в том используем на основании взаимного соответствия и равновесия. Слава Богу, который привел нас к сему: без Его водительства не найти нам пути. На Него уповаем и к Нему взываем: нет бога кроме Него; Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О том, что вода не объемлет поверхность земли и по какой причине; что в море она прибывает и убывает и по какой причине; и что вода, открытая воздуху, имеет форму человека

Сказанным прежде было разъяснено, что земля в целом не обладает сферической фигурой из-за тех своих частей, которые достигают воздуха, чем восполняются причины бытия порождений. Таково веление божественного промысла, который озаботился вывести в бытие все, чему мудрость положила быть; и не будь сих открытых воздуху частей, которые выступают над центром воды и из-за которых земля не обладает сферической фигурой, то и порождения не получили бы бытия. Сейчас же скажем: коль скоро земля из-за тех своих частей, что выдались вверх, дабы принять воздействие высших тел, не имеет сферической фигуры, и поскольку центр воды расположен между воздухом и землей, и для каждого столпа естественно не уходить от своего центра ни вниз, ни вверх, то отсюда следует, что вода не находится выше тех возвышенных частей [земли], возвысившись над которыми она бы покинула свой центр; если же она над ними не возвышается, следовательно, вода не обнимает поверхность земли. А именно, выступающие над центром части [земли] заняли место воды, ибо находятся в том месте и возвышаются над ним, не давая воде поглотить себя; а коль скоро возвышающиеся части [земли] не дают воде окружить и затопить себя и раз вода неспособна всецело объять поверхность земли, и поскольку сии части благодаря близости к движущимся телам (коих силы ввиду их сопредельности оных частей достигают) и принятию их воздействий являются рыхлыми *(мутахальхиля)*, а в состоянии скопления — иными, то вода проникла в сии части, окружив тем самым те, что составляют центр высшего тела, и стремясь занять свое положение; и вот оказалось, что таким образом она объяла землю, не обнимая при этом, ввиду вышеуказанного, ее поверхности целиком. Притом вода практически не проникает в ниже ее расположенные части [земли], ибо сии части, составляющие центр высшего тела, располагаются ниже центра воды (так же, как воздух расположен ниже огня, а вода — ниже воздуха), а в приро-

де столпов — не находиться где-либо, кроме своего места. И если даже предположить, что вода проникает в эти части так же, как и в возвышающиеся над срединно-расположенными частями (что мы видим), то истина откроет нам, что вода придет в движение оттуда к своему месту, также как воздух, находясь под водой, движется к своему месту.

Благодаря этому вода, таким образом, имеет сферическую фигуру.

Поскольку во многом, что связано с водой, расходятся взгляды тех, кто в поиске знаний ищет опору только в разуме своем, проходя мимо тех, кого Бог воздвиг для назидания и научения, то мы, дабы подтвердить правильность уже сказанного и пояснить то, что еще следует сказать, обратимся к весам божественных законов и мерилу пророческих установлений, каковые весы и мерило установлены тем, кого Бог избрал вождем и первым среди ищущих к Нему близости,— Мухаммедом (мир ему!), когда послал его границей путеводящего призыва для нахождения религии Бога и поклонения Ему знанием и деянием. Итак, поскольку Закон и его границы не наложили печать на все души без изъятия, то вода не окружает всю поверхность земли целиком. Коль скоро человеческая душа не бывает отъята от религиозных обрядов, к роду Закона, хранящего жизнь и честь, относящихся, пусть те обряды и не таковы, как установления общины истинной веры, следовательно, вода обнимает целиком то, что составляет центр высшего тела, хотя одни участки (а именно те, что находятся под выступающими частями земли) она объемлет не так, как другие. Из того, что проповедники и границы исповедуют единобожие и поклонение Всевышнему так же, как и над ними стоящие высшие границы, вытекает, что вода имеет сферическую фигуру так же, как и над ней расположенные высшие тела. Коль скоро уложения Закона (с его столпами, начертаниями и границами), обнимающего всех, кто под сенью его, схожи с макрокосмом, подобным микрокосму, то есть человеку, значит, открытая воздуху [поверхность] обнимающей землю воды имеет фигуру, схожую с фигурой человеческого тела, и как бы ногой его является то море, что отделяет земли персов от земель арабов и достигает Басры.

Раз явный призыв, то есть обряды поклонения действием, являет собой подобия *(амса̄ль)* и символы *(румӯз)*, значит, морская вода соленая. Поскольку уложения явного

призыва, то есть обряды поклонения действием, суть подобия и символы, сами по себе не доставляющие душе совершенства, следовательно, морская вода ввиду своей солености не заставит землю покрыться растениями. Поскольку над уложениями явного призыва с его обрядами, установлениями и границами господствует управление, которое существует лишь тогда, когда тот призыв существует, значит, в морских водах преобладает полная соленость, зависящая от полного холода. Коль скоро границы явного призыва настолько знают его обряды и установления, что если спросить их, как надо отвечать, чтобы рассеять все сомнения вопрошающего, то разъяснят и покажут сие, следовательно, морская вода настолько суха, что если в ночи привести ее в движение, она испускает свет, как будто бы возгораясь, дабы рассеять тьму. Поскольку законные обряды и пути отправления религии в явном призыве, будучи символами и подобиями, существуют от глаголящего, сделавшего их таковыми, дабы найти согласие с установлениями людского рода, когда бы тот принял их и таким образом не прервалось бы управление, следовательно, соленость имеется в морской воде вследствие воздействия солнца, оную воду нагревающего, отчего легчайшие воды поднимаются вверх и становятся пресной водой, а плотные остаются, дабы соответствовать тем частям, что суть вместилище полного холода, когда бы одно с другим накрепко сцепилось.

Коль скоро символы и подобия явного призыва душа не приемлет в их внешнем виде и сами по себе они не дают совершенства, но если будут отданы худдже и поставлены им на свое место, то изливаемое им станет приемлемым и дарующим совершенство, следовательно, если морская вода, от которой как таковой не растут растения, будет поднята нагревом на место воздуха (где будет оным преобразована) и вернется дождем, то ее примет земля, и от нее произрастут растения. Поскольку знание и призыв заветника происходят от знания и призыва пророка (да благословит его Бог!), следовательно, пресная вода происходит от морской воды. Поскольку сущие в явном призыве высказывания и притчи пророка (мир ему!) худджи и проповедники ставят на свое место, истолковывая их в соответствии с установлениями обоих поклонений, и тогда те высказывания становятся поддерживающей причиной бытия духовных порождений, значит, морская вода, испаряясь и поднимаясь

на место воздуха, становится пресной и соответствующей природе жизни, а затем нисходит, и благодаря ей родятся природные порождения. Поскольку истекающие от худджей науки закрепляются либо в душе, подготовленной к тому, чтобы стать худджей, и тогда они сохраняются для научения других, либо в душе верующего, и тогда он самостно хранит их благодаря искренней вере своей, дабы обсудить их со своими братьями — так они являются из души его и поддерживают жизнь людей призыва, следовательно, выпавшая с дождем и ушедшая в землю вода попадает либо на каменистый участок, где сохраняется, либо на добрую, жирную почву, имеющую проникающие одна в другую частицы, и такая почва сохраняет ее; и вот, непрестанно поступая, эта вода рождает родники, поддерживающие жизнь природных порождений.

Поскольку в мире религии знание поклонения действием распространено более, нежели знание поклонения знанием, значит, соленой воды больше, нежели пресной. Коль скоро знание в мире религии двояко: знание поклонения действием, различное в силу множественности взглядов и убеждений, ибо они суть символы и подобия, сами по себе не дающие совершенства и не производящие духовных порождений; и знание поклонения знанием, каковое знание существует в сжатом виде и должно быть возведено к перво[смыслу] все без исключения, и именно это знание доставляет совершенство и производит духовные порождения, следовательно, вода двояка: извергаемая соленая вода, от которой не растут растения, и не извергаемая пресная вода, которой живы и растения, и животные.

Поскольку явное, то есть поклонение действием, дарует душе моральные добродетели, стоящие в этом мире на службе души и тела, скрытое же, то есть поклонение знанием, дарует душе добродетель совершенства, оной душе полезную,— следовательно, морская вода дает земле силу связывания минералов, в коих заключена сиюминутная польза, пресная же дает ей силу взрастить растения и произвести животных. Поскольку те, кто ищут знания в одном только явном призыве, проходя мимо призыва скрытого, впадают в противоречия, растерянность и заблуждение, следовательно, ищущий пользы своей от моря и решивший переплыть его воды, не вступая на борт корабля, обретает гибель. Коль скоро в Откровении (т. е. Коране.— *А. С.*) и Законе собраны все высочайшие знания — знание единобожия, знание о мире Разума, о мире Природы, о мире души, о границах Божьей религии, о загробной жизни и о прочих сущих вещах, следовательно, в морской воде собраны ценные субстанции: яхонты, жемчуга, хризолиты, перлы, кораллы и прочие сущие вещи, а также такие, как золото, серебро и другие. Поскольку в мире религии границы извлекают из откровенных и законоположенных знаний всякое скрытое в них доброе знание путем истолкования, следовательно, ныряльщики, погружаясь в море, извлекают из него всякую ценную субстанцию. Коль скоро призыв и границы его служат охраной безопасности вступившего в призыв и взявшего на себя его обеты, оберегая его от причудливого разногласия мнений о явной стороне закона, следовательно, судно и его кормчий служат охраной безопасности ступившего на борт, оберегая его от гибели, несомой переменой ветров на море.

Поскольку явный призыв, то есть поклонение действием, переживает время силы, когда распространяются его науки и установления, и время слабости, когда исчезают его обряды и приметы, следовательно, на море прилив, когда его воды прибывают и разливаются, сменяется отливом, когда его воды спадают и уходят. Из того, что в каждом из семи циклов явного призыва во всем, что явлено и скрыто, сила сменяется слабостью, следует, что каждый день и каждую ночь седмицы прилив сменяется на море отливом. Поскольку в конце каждого малого цикла худджи являют знаний о явном и скрытом больше, нежели в начале циклов, следовательно, месячное прибывание и спад воды в море больше, нежели ежедневное и еженощное. Поскольку в завершении циклов, как малых, так и больших, появляется наук более, нежели в их начале, следовательно, ежегодное прибывание и спад воды в море превышает ежемесячное. Из того, что в мире религии все знания истекают к людям от глаголящего, следует, что вода в море прибывает из особого участка, из коего дано ей изливаться. Поскольку знание глаголящего (от которого исходят знания) проистекает от того, что он более других приемлет доставляемое Первым [Разумом] при посредстве Второго, следовательно, воды моря прибывают от того особого участка благодаря тому, что он более других приемлет воздействие Солнца при посредстве Луны. Поскольку пророк (мир ему!), когда при посредстве Второ-

го [Разума] с ним соединяются светы Первого, становится подобным Первому, действующим в собственной самости, устремляя мысль в искомое, и тогда знание его о том умножается так, что ему необходимо разделить его с другими, следовательно, тот участок расположен по ходу Луны так, что, когда она с ним встречается, с ним соединяются ее светы, которые сияют, зажженные Солнцем, и тогда она становится причиной кипения и прибывания вод на том участке, так что тому необходимо для них вместилище большее, нежели то, которым он обладает; это воздействие схоже с воздействием вогнутого зажигательного зеркала: установленное против Солнца, оно полностью принимает его свет и истечение и, перенося его на то, что встретится на его пути, сжигает оное.

Таково, вкратце, соответствие, устанавливаемое весами вероисповедными для воды.

Воздадим хвалу Богу в покорности и смирении, почтительности и благоговении. Да пребудет благословение Божье с господином рода человеческого, печатью предвестников — с пророком Его Мухаммедом и чистым родом его.

КВАРТАЛ СЕДЬМОЙ

О трех порождениях: минералах, растениях и животных, происходящих от тел небесных и тел земных — огня, воздуха, воды и земли

с четырнадцатью улицами

УЛИЦА ПЕРВАЯ

О той второй материи, от которой происходят порождения, как о смеси *(мизāдж)*

В [разделе] о способе бытия столпов мы говорили о первой материи и показали, исходя из пророческих законоустановлений, какова она и какие превращения претерпевает. Сейчас же скажем: в самостях столпов нет противоположения; имеющееся в целокупном теле каждого из них противоположение вызывается изменением и превращением их самостей, однако превращение привходит к ним извне, когда каждый из двух в зависимости от своей силы воздействует на другого присущим ему качеством — теплый на холодного, сухой на влажного, и наоборот, а также когда одни подвергаются воздействию других. Так все они, превращаясь, находятся во взаимодействии, от которого происходит их смешивание *(имтизāдж)* и получаются порождения, форма которых не происходит от воплощенности ни одного из столпов. Так благодаря второму стяжанию *(иктисāб сāнин)* столпы суть вторая материя для бытия сущего.

С точки зрения образования из них сущего столпы

находятся в двух состояниях: во-первых, одни воздействуют на других своими качествами и благодаря принятию небесных сил; и во-вторых, одни претерпевают воздействие других из-за недостаточности того, что преобладает в другом. Образовывающееся от сих двух состояний сущее заслуживает носить соответствующие имена: во-первых, то, что от воздействия одних на другие путем проникновения и перенесения, имя смеси *(мизāдж)*; во-вторых, то, что от претерпевания воздействия и превращения и перехода во второе состояние, когда оно не может быть ни одним из тех двух (участвовавших в смешении.— *А. С.*),— имя смешанного *(мумтазидж)*. Так оно, с одной стороны, смесь, а с другой стороны, смешанное. Как смесь оно — поддерживающая причина, а как смешанное — поддерживаемое следствие.

Коль скоро четыре столпа, семь влияющих [планет] и круговращающиеся небесные сферы все суть поддерживающая причина сущего под лунной сферой, бытие коего с ними связано, и поскольку поддерживающие причины обусловливают в своих следствиях множественность бóльшую, нежели имеющаяся в их самостях, то та множественность, которая присутствует, во-первых, в каждой из небесных сфер, звезд и столпов (из коих каждый и каждая суть сами по себе поддерживающие причины), во-вторых, в их множественных состояниях, и в-третьих, в том, что самости всех их становятся как бы единой самостью и единой поддерживающей причиной,— эта множественность является той поддерживающей причиной, что обусловливает неисчислимую множественность смесей, от которых происходит сущее. Ведь в мире превращений нет ничего, кроме сущего от четырех столпов и их сил, столпы же превращаются друг в друга, воздействуют один на другого и преобладают один над другим так, как то бывает обусловлено. Так от них благодаря их взаимодействию возникают многочисленные смеси, еще более возрастающие в числе, когда тела совершают формальное движение к стяжанию всего, что они могут принять и в чем состоит их совершенство как таковых, и подвергаются формальному воздействию небесных тел в каждом из их состояний, ввиду множественности возникающих от оных движущихся [небесных тел] движений и передаваемых их излучением воздействий в каждом из их состояний, когда они восходят, закатываются или стоят над

ними в зените, когда удаляются от них, поднявшись в апогей, или приближаются, спускаясь в перигей, когда сменяются их состояния в попятном и прямом движениях и их первом и втором стояниях, когда они бывают северными или южными, когда становятся везирем, когда находятся в своих домах, границах либо гранях, в экзальтации, падении либо ущербе, в своих треугольниках, нимбахрах или дреканах, в восточной либо западной элонгациях, когда в каждый момент времени занимают особое положение относительно остриев угловых домов, когда овладевают ассендантом, возвышаются или опускаются относительно него, когда находятся в аспектах: секстиле, тригоне, квадрате, оппозиции или соединении, или когда большинство их собирается в том или ином знаке Зодиака;[1] и таковы они всегда и везде.

По мере того, как сии смеси удаляются от природ столпов, их число увеличивается, множась само на себя, так что они увеличивают свою множественность (так же, как возрастает множественность чисел соответственно их близости к единице), каковая возрастает до такой степени, что становится неисчислимой. Посему порядок сущего от них таков, что смесь первоначально происходящего от столпов ближе к ним и менее сложна, нежели у того, что происходит во вторую очередь; так же и смесь происходящего во вторую очередь ближе к ним и менее сложна, нежели происходящего в третью очередь; и так до тех пор, пока множественность смесей (благодаря коим складывается сложное [сущее]) не достигнет той степени, что ничто из того, чему мудростью назначено быть, не будет упущено, и не дойдет до того предела, который и является искомой конечной целью всего и за которым уже нет никакой цели. Например, смесь происходящих от них облаков и прочих метеоявлений более с ними схожа, ближе к ним в порядке бытия и менее сложна, нежели смесь сущих от них минералов, каковые от них дальше, более сложны и более многочисленны по своим видам; или же смесь сущих от них минералов ближе к ним, менее сложна и менее многочисленна по видам, нежели смесь растений, каковые дальше от них, более сложны и более многочисленны по видам; или же смесь растений ближе к ним и менее сложна, а виды ее менее многочисленны, нежели [смесь] животных, каковые дальше от них, более сложны и более многочисленны по видам; или же смесь животных ближе к ним и менее сложна, нежели [смесь]

человека, который дальше от них и более сложен, нежели все, что ему в бытии предшествует.

Все эти многочисленные смеси распадаются на две: первую и вторую смесь. Первая смесь — та, от которой образуются метеоявления: облака, туман, метеориты и прочее, что, хоть и рождается от нее, однако же [лишь] помогает Природе в ее действиях и [служит] как бы орудиями. Вторая смесь — та, от которой происходит самость трех порождений, каковые существуют только посредством первой [смеси]. Сие распадается на двадцать четыре начала *(янбӯ ʿ)*, из коих составляются многочисленные смеси, благодаря которым и существуют представители видов, подпадающих под родовое членение порождений (как о том будет подробно сказано в разделе о смешанном).

Истинность и правильность сказанного подтверждается божественным устроением мира религии — равновесным мерилом знаний. А именно: из того, что границы мира религии взаимодействуют, научая и научаясь, обсуждая и дискутируя, вытекает, что между столпами существует взаимодействие через перемешивание *(мумāзаджа)*. Поскольку в мире религии исполнение душами обрядов обоих поклонений, обучение у границ и привязанность к ним чрез послушание и есть религия, следовательно, принятие частицами земли сил огня, воздуха, воды и высших тел и есть смесь, то есть перемешивание. Из того, что высшие и низшие границы, отдавая и получая, служат поддерживающей причиной принятия душами от них исходящего, вытекает, что небесные сферы, звезды и столпы, воздействуя и претерпевая воздействие, служат поддерживающей причиной бытия смеси. Поскольку поддерживающей причиной множественности исповеданий служит то, что принесенные пророком (да благословит Бог его и род его!) установления, будучи символами и подобиями, могут истолковываться многоразлично, следовательно, множественность столпов и выше оных стоящего (а они суть поддерживающая причина) служит поддерживающей причиной множественности смесей. Из того, что существование духовных порождений связано с осуществлением поклонения знанием и деянием (чем обретается добродетель), следует, что существование природных порождений связано с существованием смеси. Коль скоро в мире религии правильной, достохвальной и вызывающей довольство Бога и Его наместников религией

является такое сочетание двух поклонений, в котором нет отхода в сторону одного в ущерб другому, следовательно, умеренной, достохвальной и правильной смесью является такое соединение сил при воздействии одних столпов на другие, в котором ни один из них не преобладает.

Из того, что в мире религии души распадаются на шиитов и мурджиитов, вытекает, что смеси во всей своей множественности распадаются на умеренные и неумеренные. Из того, что в мире религии поклонение того, кто соединяет оба поклонения, знанием и действием, выше, нежели поклонение того, кто одно из них предает забвению, следует, что в мире Природы смесь порождения с умеренным сочетанием частиц столпов выше, нежели смесь порождения с недостатком каких-либо столпов. Поскольку множественность взглядов, исповеданий, обрядов поклонения и наук в мире религии, а также множественность каждого обряда и каждой из наук в себе самих неисчислима, следовательно, множественность смеси порождений в мире Природы и множественность смеси каждой порожденной особи неисчислима. Коль скоро благодаря своей вере верующий имеет две вещи: во-первых, соединение *(мувāṣаля)* с теми, кто выше его в Боге, и принятие изливаемого границами, а во-вторых, собственное действие, следование вышестоящим, подчинение и восхождение по рангам, значит, столпы воздействуют, соединяясь одни с другими и принимая силы вышестоящих тел, и претерпевают воздействия, превращаясь в порождения. Из того, что границы мира религии являются и дающими, поскольку отдают, и получающими, поскольку получают, вытекает, что столпы суть смесь как активное и смешанное как претерпевающее. Так как одни порождения в мире религии суть помощники в научении, другие же — научающиеся и получающие, значит, смесь двояка: во-первых, та, что является материей для помогающего воздействию Природы, и во-вторых, та, что является материей для порождений.

Поскольку сущие мира религии распределены по разрядам с точки зрения научения и знания, так что каждый наделен знанием сущего более, нежели ему предшествующие, близостью же обладает большей, чем после него идущие, а занимающий последний ранг узнает столь многое, что большей множественности уж нет, зная всех границ и все, связанное с религией, то есть больше, нежели ему в

бытии предшествующие, следовательно, столпы мира Природы и их порождения распределены в бытии с точки зрения воздействия одних на другие и смесь каждого порождения ближе к предшествующему в бытии, нежели [смесь] после него идущего, а оно более подготовлено к сложности строения и более готово обладать множественными органами и силами, нежели ему в бытии предшествующее. Поскольку в мире религии наиболее близки ко всей совокупности знаний пророков и имамов (мир им!), от оных источников всех рангов явного и скрытого поклонения происходя, двадцать четыре врата, от научения и обучения коих идет бытие духовных порождений, следовательно, прежде всего существующее от небесных и земных тел, от их воздействия и претерпевания, а именно смесь, распадается на двадцать четыре смеси, от коих идет бытие природных порождений.

Вот что благодаря равновесности и взаимному соответствию поведали весы мира религии о смеси.

Вознесем же хвалу Богу и возблагодарим Его. Да пребудет благословение Его с Его посланником, господином нашим Мухаммедом — печатью пророков, и с чистым родом его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ВТОРАЯ

О сущем, образующемся в месте воздуха благодаря влияниям, как о смешанном, и каково оно

Коль скоро сущее под лунной сферой происходит только от материи, материя же является материей первой принятой формы, затем с этой принятой формой становится материей для другой, второй формы, и поскольку столпы благодаря взаимному воздействию и влиянию влияющего уже имеют первую форму, а именно смесь, следовательно, смесь со своей формой является материей для другой, второй формы, а именно смешанного. Действительно, та материя, которая именуется смесью, благодаря взаимодействию четырех столпов с их четырьмя качествами и влиянию вышестоящих тел приобрела то состояние, в котором она не может быть воплощенностью ни одного из тех столпов, от коих произошла, будучи образована их взаимным сопряжением чрез перемешивание и превращение, в котором они уклоняются от своих воплощенностей,— то состояние, в котором она не может быть также причислена и к тем сущим, кои образуются из нее (ибо для этого она должна нечто претерпеть и получить вторую форму). Так же, к примеру, пережеванные хлеб, мясо, овощи, финики и вода, оказавшись в желудке, не похожи ни на что из того, что образовало содержимое желудка благодаря взаимному сопряжению, не причисляется это и к тому, чем оно станет и форму чего примет, как-то: кровь, плоть, кости, волосы, ногти, кожа, нервы и прочее.

Раз так, то в этом состоянии она имеет иной ранг, которым не обладала первоначально (хотя по воплощенности она и есть то, что произойдет из нее), и она ближе к существам *(мутакаввин)*, нежели столпы; она — вторая материя для существ, готовая принять свои формы в соответствии с подготовленностью и преобладанием в ней одного из четырех [столпов], от которых она произошла.

Итак, поскольку смесь является второй материей для образующихся существ, разговор же о ней идет как о смеси постольку, поскольку она относится к воздействующему и как о смешанном постольку, поскольку она является претерпевающей, и притом как о смеси мы о ней уже говорили, то о ней как о смешанном скажем следующее: раз смесь распадается на первую и вторую, то и сущее от нее двояко: первичное и вторичное. Первичное — это то, о чем мы будем говорить здесь, а именно находящиеся в месте воздуха облака, которые не суть ни огонь, ни вода, ни земля и ни одно из четырех качеств, но нечто сродни им всем; происходят же они от постоянного нагрева, достигающего двух нижних тел при содействии двух вышестоящих [1], распадаются на различные виды и являются причиной бытия порождений и большинства или даже всего из того, что случается в воздухе, почему мы и говорим, что они — первичное [сущее].

Поскольку доказательство бытия всего того, что мы стремимся познать, добывается весами вероисповедными, кои для приверженцев религии служат мерилом истинности, то мы скажем, что раз в мире религии причиной бытия извещающего проповедника, причиной того, что из людей призыва именно он взошел на ступень приведения доказательств, служит истечение знаний имамов, свершающееся через худджу путем научения, приняв которые оный [про-

поведник] восходит на высшие из вершин, следовательно, в мире Природы причина бытия облаков состоит в том, что сила нагрева проникает от высших тел в нижние и принявшие ее частицы оных тел поднимаются ввысь. Из того, что в мире религии бытие границ в порядке бытия предшествует бытию прочих [людей], ибо они суть причина существования оных в этом мире, вытекает, что в мире Природы бытие облаков предшествует бытию прочего, ибо они суть причина сущих в этом мире порождений. Поскольку извещающий проповедник, кладезь религиозных наук, умеющий находить «в землях и душах» доказательства, дабы представить их как образец *(мисāль)* и парадигму *(вазн)* вопрошающему о религии,— поскольку сей извещающий проповедник обладает истечением и [способностью] разъяснять и доказывать, благодаря чему теплится жизнь верующих, узнающих о божественном и получающих тайно-скрытое знание, и поскольку благодаря ему множатся духовные порождения и из невежд превращаются в знающих, следовательно, из облаков выделяется вода (ибо они влажны) и выпадает дождем, благодаря чему множатся природные порождения, а мертвая земля оживает.

Поскольку не все извещающие проповедники одинаковы в научении и приведении доказательств, но одни достигли предельной цели в снискании знания и научении, другие обладают знанием, не говоря и не научая, третьи и того ниже, и так до тех, кто лишь зовется [проповедником], но не знает и не научает,— следовательно, среди облаков одни имеют всемерную влажность и истечение, другие менее того, и так до тех облаков, что суть как дым, в которых отсутствует влажность и из которых не выпадает дождь. Поскольку неспособность извещающего проповедника приводить доказательства так, как то требуется его рангом, и отсутствие истечения от него знания становятся причиной неверия людей призыва и гибели духовных порождений, следовательно, если облако недостаточно влажно и не приносит дождя, то это становится причиной засыхания растений и животных и гибели природных порождений. Если извещающие проповедники соберутся при худдже и тот начнет экзаменовать их, задавая каждому в соответствии с мерой его знания те вопросы, что стоят перед худджами, то умножится их речь и доказательства и явятся в том истины о божественном, что и станет истечением для людей призыва,

кое они примут и коим будут живы,— следовательно, и облака, когда скапливаются в месте воздуха, между ними проносится ветер, который, в них проникая, вызывает грохот грома и вспышку молнии, а затем от великого движения в них ветра выпадает дождь, который принимают и которым живут частицы земли: воздух истолковывается как худджа, наличие в воздухе облаков — как собрание извещающих проповедников при худдже, ветер же — это движущийся воздух, а течение ветра среди облаков — испытание извещающих проповедников вопросами худджи. Все приводимые ими разъяснения и доказательства суть прославление и восхваление Бога, утверждение единобожия и поклонение Ему; как говорит Всевышний: «Ему воссылают хвалу гром и ангелы, от страха пред Ним» [2].

Поскольку в мире религии худджа, увидев неверность извещающего проповедника и желая обратить то во благо людей призыва, относит сие к явному смыслу речей пророка и имамов (мир им!), следовательно, воздух, относя дождевое облако к холодному северу, превращает сей дождь в град и снег. Поскольку врата, изливая [знания], как то предписано его совершенством, и ниже его стоящие худджи, приемлющие сие, являются причиной распространения божественных наук среди людей призыва, а поэтому сие есть дело всеобщее, служащее благу разумных порождений, следовательно, небесные тела, двигаясь, приводят нижестоящие тела в движение таким образом, что это движение нисходит по их частицам в воздух и становится дующим на благо природных порождений ветром, а именно северным ветром, случающимся от движения движущихся [тел]. Поскольку к людям призыва от вышестоящих проповедников и худджей идет научение и знание о толковании, что является делом частным, служащим благу духовных порождений, следовательно, испарения, поднимаясь от земли на место воздуха, производят в оном дополнительное движение, которое превращается в дующий на благо природных порождений ветер, а именно южный ветер, возникающий при восхождении испарений от рубежей земли. Поскольку научение границами нижестоящих и поучение нижестоящих у вышестоящих, встречаясь, становятся причиной выведения многоразличных явных и скрытых сторон ответа, следовательно, движение поднимающихся от земли к месту воздуха частиц и движение воздуха, низводимое в него движением небес-

ных тел, встречаясь, производят в зависимости от своей силы различные ветра.

Поскольку в мире религии извещающие проповедники благодаря распространению сил имамов и приходу оных [сил] к ним от разрядов границ мира Творения, как о тех силах сказано Им Самим: «Он был от него на расстоянии двух луков или еще ближе» [3], являют нечто восхитительное для разума, чувств и религиозного рвения того, кто им внемлет, следовательно, облака, принимая распространяющиеся лучи солнца, расцвечиваются радугой [4] красных, желтых и зеленых цветов, появляющихся пред восхищенными знатоками. Поскольку в начале и конце малых циклов знания о чем-то особом бывают явлены извещающими проповедниками от имамов (мир им!), а в конце шестого цикла, когда он проходит, и в начале седьмого — обо всем от воздвиженного и его преемников, следовательно, сии радужные цвета появляются в конце года, когда кончаются холодные дни, и в начале нового года, когда расцветает весна.

Из того, что в начале циклов некоторые из людей призыва благодаря своей искренности и принятию света веры поднимаются в мире религии до ранга врат, отличаясь в этом восхождении от себе подобных, так то что их слушают и поминают и им следуют, они же предвещают о том, что случится в мире религии (например, Иоанн, сын Захарии), вытекает, что некоторые из поднявшихся на место воздуха испарений могут иметь смесь, подготовленную к принятию влияний, и принять [их] так, что будут в том отличаться от всего прочего, став как бы хвостатой планетой, предвещающей происшествия в мире Природы. Некоторые из людей призыва поднимаются до ранга худджи, а затем занимают ранг врат, не будучи в том ранге стойки, ибо сомневаются в исповедуемом, а потому низвергаются и возвращаются в первоначальный свой ранг, а те, кто принимал там их поучение, гибнут. Из этого следует, что в месте воздуха может возникнуть некая смесь, затем подняться на верхний край воздуха, оказавшись вблизи огня, где она вспыхивает, но не удерживается ввиду обилия своих земляных частиц, а потому разрушается и возвращается, падая, на землю (ибо из нее вышла) и становится молнией, губительной для всех, кого настигает. Поскольку поднявшийся на ступень худджи, примыкающую к рангу врат, может, не стоя твердо на

сей ступени призыва, остаться вместе с тем искренним, уверенным и твердым в законах исповедания и потому не пасть со своей ступени религии и веры, но, напротив, путешествовать по земле, освещая везде, куда прибывает, путь поклонения, возвещая законы исповедания и символизируемый Законом смысл, как он тому научился от вышестоящих границ, следовательно, смесь, которой случилось быть в месте воздуха, подняться к верхнему краю сопредельного с огнем [тела] (т. е. воздуха.— *А. С.*) и загореться, может не низвергнуться и не возвратиться на землю, но стать вытянувшимся по небу метеором, овещающим мрак ночи, дабы явить глазу форму вещей. В мире религии некоторые из людей призыва могут подняться на ступень проповедников и благодаря обилию знания и силы худджи обучать знаниям об истолковании и разрядам земных границ тех, кто оным знаниям внемлет, так что будут они объяты изливаемой худджей благодатью, из чего следует, что поднимающиеся от земли испарения могут образовать такую смесь, которая не поднимется к верхнему краю воздуха, но благодаря влажности воздуха останется у нижнего его края, и тогда из нее образуется туман, увлажняющий растения и дарящий им благо.

Вот что поведали весы, коими чрез равновесность и взаимное соответствие улавливаются в мире религии знания, те весы, что суть пробный камень речения Всевышнего: «Мы покажем им Наши знаки в [дальних] землях и душах их, дабы, стало ясно им, что сие — истина» [5]. Слава Богу, приведшему нас к благу и устранившему сомнения и колебания, возжегши светы мира религии и воздвигнув путеводящие ковчеги спасения — Мухаммеда и чистый род его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА ТРЕТЬЯ

О трех порождениях: минералах, растениях и животных; сначала о минералах как телах

В предыдущем разделе мы говорили о сущем от столпов как о смеси и как о смешанном, показали, что с распадением смеси на первичную и вторичную распадается и смешан-

ное, пояснили, что́ именно, связанное с первой из сих двух, имеется в месте возду́ха. Всего этого достаточно нашим подлинным братьям, чтобы, опираясь на пророческое произведение, продвинуться дальше в выведении знания о природном сущем. В целом же из сказанного в пятом квартале ясно, что разговор о минералах как о телах пойдет в пределах второй части (т. е. вторичной смеси.— *А. С.*), каковая существует лишь благодаря первой. А посему скажем: поскольку с распадением смеси смешанное также распадается на первичное и вторичное, о первом же, а именно — об облаках и метеоявлениях мы вкратце уже говорили на пути исповедном, то сейчас добавим, что вторая из тех двух частей — это три порождения в порядке их следования: минералы, растения и животные [1], причем ни одна особь ни одного из видов их не существует иначе как от смеси, происходящей от четырех столпов благодаря взаимодействию их четырех качеств (теплоты, холода, влажности и сухости) и влиянию влияющих, над ними расположенных [небесных тел], как мы о том ранее говорили.

Коль скоро три [вида] порождений существуют таким образом, мы скажем следующее: из того, что четыре столпа воздействуют одни на других, так что в зависимости от струящейся в них мудрости силы одних преобладают над силами других, вытекает, что в каждом от них сущем эти четыре [столпа] должны быть упорядочены в соответствии с преобладанием и силой каждого и актуальностью того, который преобладает, так, чтобы слабый, потенциально-скрытый [столп] был под пятой преобладающего, ему предшествующего и актуального, как то предписано Всевышним. Например, в ковких телах явной в их смеси является сухость, в то время как три́ прочие [качества] (теплота, холод и влажность) скрыты в них, упорядоченные по преобладанию и силе, по истине же подчиненной среди них является влажность: она в них скрыта и является только благодаря преобладанию в них теплоты огня, и когда та достигает своего предела, выявляется влажность, и они становятся текучей жидкостью.

Таким образом, от четырех [столпов] должно существовать двадцать четыре [вида] смешанного, кои суть источники всего образованного, из оных же восемь умеренных, каковая умеренность дает жизнь растениям и животным и плавкость минералам, прочие — отклоняющиеся от умеренности из-за избыточности или недостаточности. Сии двадцать четыре состава *(мураккаб)* могут быть представлены так, чтобы они были постигнуты умом; для этого каждое из четырех качеств — теплоту, холод, сухость и влажность — мы обозначим надлежащей буквой, записав для теплоты *а*, для холода — *б*, для сухости — *в* и для влажности — *г*, а затем будем комбинировать их; преобладающим в составе четырех [качеств] будет то из них, чья буква идет первой, затем — следующая за ней, и так до четвертого, которое окажется всецело подчиненным. Первым составом будет *абвг*, вторым — *авбг*, третьим — *агбв*, четвертым — *абгв*, пятым — *агвб*, шестым — *авгб*, седьмым — *бвга*, восьмым — *бгва*, девятым — *багв*, десятым — *бгав*, одиннадцатым — *бваг*, двенадцатым — *бавг*, тринадцатым — *вгаб*, четырнадцатым — *вагб*, пятнадцатым — *вбга*, шестнадцатым — *вгба*, семнадцатым — *вбаг*, восемнадцатым — *вабг*, девятнадцатым — *габв*, двадцатым — *гбав*, двадцать первым — *гавб*, двадцать вторым — *гваб*, двадцать третьим — *гбва* и двадцать четвертым — *гвба*.

Далее, порожденные *(мутаваллидāт)* (то есть виды родов порождений) множатся необозримо благодаря небесным силам, нисходящим на смесь от совершающих относительно нее различные движения тел, и соответственно множественности оных, а также благодаря пронизывающему ее их излучению и соответственно их многочисленным соотнесенностям, ранее упомянутым. Каждое из сих качеств занимает в каждом сущем свой ранг бытия и преобладания, один из четырех: одно в ней (смеси.— *А. С.*) занимает первый ранг, другое — второй и так до четвертого — в соответствии с то обусловливающими поддерживающими причинами; в связи с этим она (смесь.— *А. С.*) и отклоняется от умеренности. Подобным же образом неисчислимо множится и сущее.

Поскольку сущее мира Природы в своем бытии упорядочено от высшего сущего до земли, находящейся в наибольшем удалении от первоначала (то есть Первого Сотворенного и Первого Сущего), таким образом, что одно с другим соединено, что противоположности охранены друг от друга и каждому сущему свойственно ему соответствующее, так что одно лучше другого, следовательно, порожденные из четырех столпов, находящихся на земле (которая наиболее удалена от первоначала), также упорядочены таким образом, что сущее от них и составленное из них

оказывается благодаря наличию в нем того, чего нет в ней (земле.— *А. С.*), ближе к первоначалу, нежели она, ибо из той предельной [удаленности] оно поднимается на ранг, более близкий к первоначалу, нежели ее. Так же точно обстоит дело с сущим от сущего от них, и с сущим от сущего от сущего от них, и так до тех пор, пока сущее, умножая свою сложность, удаляясь от сего конца, наиудаленнейшего от первоначала, и поднимаясь ввысь по рангам, не достигнет той предельной цели, за которой уж нет другой, и не станет вторым пределом сущего, стоящим против Первого [Сущего]. Сей [второй предел] ближе к нему (Первому Сущему.— *А. С.*), нежели все прочие [пределы], ибо подходит прямо к нему, подобен ему, схож с ним, соответствен ему и с ним однороден *(муджа̄нис)*. Он — второй предел, как и тот — предел; он стоит на ступени воскрешения *(инби'а̄с)* и воссоединения *(люхӯк)*, как и тот стоит на ступени предшествования в бытии.

Вот каковы порождения, как мы о том говорили в нашем трактате «Приметы веры»: распределены по ступеням и соединены одни с другими единением близости, благодаря коему они схожи с тем, от чего проистекает их бытие и что стоит выше их в рангах бытия. Дело в том, что роды порожденного имеют виды, упорядоченные по своему благородству таким образом, что первый из тех видов ниже всех остальных, последний же вид выше всех рангом, а притом они между собой соединены чрез взаимное сходство и однородность, ибо первый вид любого рода схож со стоящим ниже по рангу благодаря той их однородности, которая их соединяет, а с другой стороны, схож с тем, что выше его рангом (причем это их соответствие, которое их соединяет, отличается от того, что делает его схожим с нижестоящим): например, высшая небесная сфера, будучи телом, имеет соответствие с телами, а обладая двигателем, относящимся к роду выше ее стоящего, она имеет соответствие с миром Разумов. Таким образом, они (порождения.— *А. С.)* внутренне связаны, одни с другими соединены и упорядочены; всего же их три [рода]: минералы, растения и животные — не более и не менее того.

Первым среди них является то, чье бытие предшествует прочим, а именно минералы; затем идут растения, и потом — животные. В этом они схожи с миром религии, в котором [также] есть три [рода] порождений: порождение, которое принимает поддержку мира Творения и потому становится причиной жизни других, например, пророки и их замещающие границы, бытие коих в мире религии предшествует бытию прочих, за ними следующих; это порождение занимает то же положение, что и золото среди минералов, опережая всех в бытии и благородстве; следующее за сим в бытии порождение, приемлющее первое поклонение, то есть явную сторону Закона и установлений; его положение то же, что и у растений, чье бытие следует за бытием минералов; и следующее за оным порождение, которое приемлет оба поклонения, то есть явную и скрытую стороны Закона вкупе; его положение то же, что и у животных, следующих в бытии за бытием растений.

Итак, минералы — первые среди них. Они стоят в порядке бытия ближе [других] к земле. Первым видом минералов являются нековкие, такие как гипс. Этот вид, как никакие прочие, схож с землей, из которой произошел. В нем имеется общность *(иштира̄к)*: он схож с землей, ибо подобен земному праху *(тура̄б)*, а с точки зрения приобретенного смысла, благодаря коему оказался растерт в порошок и тем отличен от праха, он схож со своими побратимами, кои прахом не являются и встречаются только в некоторых местах. За ним следуют более высокие виды. Поднимаясь в порядке бытия, они заканчиваются также имеющим общность видом, который с одной стороны является камнем, а с другой — растением. Примером здесь служит морское растение коралл, которое окаменевает, оказавшись в воздухе, а также схожие с ним виды этого рода. Сей вид благодаря той силе роста, которой наделен, выше прочих видов и вместе с тем ниже видов растений.

Коль скоро бытие порождений проистекает от столпов и происходят они от их смеси и нисходящих к ним небесных сил, и коль скоро каждое порождение, таким образом, двояко: с одной стороны, в нем есть то, на чем основано его бытие как тела, чем и конституируется его самость, а с другой стороны, то, с чем связана его жизнь, то о минералах как о телах мы скажем, что они распадаются на ковкие и нековкие. Нековкие (а они идут в бытии раньше, ибо схожи с землей и ближе к ней) распадаются на серу, мышьяк, соль, купорос, квасцы, ртуть, тальк [2], а также другие, такие как марказит [3], сурьма, магнезия, известь и прочие неисчислимые виды минералов. Ковкие распадаются на свинец,

олово, железо, медь, серебро и золото. Все они происходят от испарений, образующихся в земле от взаимодействия столпов; к ним притекают сила и излучение движущихся относительно них небесных тел, они застаиваются и оказываются запертыми без всякой возможности выхода; материи наличествуют, нагрев постоянен, и вот среди сих частиц те, что могут превращаться, превращаются благодаря этим собравшимся вместе силам, и в соответствии с поддерживающими причинами, обусловливающими преобладание того или иного в смеси, возникают образования. Если силы были умеренны, то получается золото, если же были близки к умеренности, или далеки от нее, или предельно от нее удалены, то получаются другие тела, плавкие и неплавкие. Плавкое обладает жизнью, а то, что не плавится в связи с избытком качеств, обладает силами, коими и воздействует. Так происходит потому, что все это близко к столпам, из коих произошло, а потому и сложность его невелика. Из-за небольшой сложности невелика и взаимная противоположность его частиц, а из-за малой противоположности в своей самости оно пребывает неизменным долгое время, а если и разрушается, то только от воздействия извне. Предельная цель для этих тел — стать носителем тех форм, бытие которых связано с ремеслами людей, как, например, для меди — стать узкогорлым сосудом, а для золота — украшением, и так далее. Сии тела суть потенциальные в сопряжении с мастерами, и совершенство их привносится оными.

Поскольку у нас для желаемого познания сущего имеются и весы вероисповедные, и сокровищница божественного призыва и его последователей, к ним мы и обратимся, дабы обрести дополнительную уверенность и знания. Тот факт, что в мире религии душа людского рода является той целью, к которой устремляются светы границ, изливающих истечение и научающих, дабы произвести из нее духовные порождения, доказывает, что светы движущихся тел сходятся на земле, дабы произвести из нее природные порождения. Тот факт, что границы соединены друг с другом в своем бытии и упорядочены от высшего из сущих до природных душ, своей искомой цели, являясь, как сказал пророк (да благословит Бог его и род его!), «как бы натянутым вервием, один конец которого у Бога, а другой — у вас», доказывает, что природные сущие упорядочены и соединены друг с другом от высшего сущего до земли и ее порождений и что благодаря объединяющему их божественному устроению они суть как-бы нечто единое: один край этого единого — сотворенный, получивший бытие от Всевышнего, а другой — второй воскрешаемый, что у нас.

Тот факт, что людская душа, будучи пределом духовного сущего, лишена знаний (коими возвышено ей предшествующее сущее) и не может пребывать до тех пор, пока не стяжает [их] от преемников Божьих (мир им!) в поклонении знанием и действием, и находится в наибольшем удалении от высшего первоначала (то есть Первого Сотворенного и Первого Сущего), а потому является наиподлейшим сущим, доказывает, что земля, будучи пределом телесного сущего, лишена всего того, чем возвышено прочее телесное сущее, и безжизненна до тех пор, пока не стяжает [это], приняв по приказанию Божьему влияния движущихся относительно нее тел, и находится в наибольшем удалении от первоначала, а потому является наиподлейшим сущим. Тот факт, что принявший и стяжавший [знания] от предержателей поддержки благодаря обоим поклонениям, возвысившийся благодаря поучению над рангом чувственности стоит ближе к первоначалу, нежели тот, кто занимает наиудаленнейший от оного ранг, доказывает, что возникшее из земли, приняв и стяжав осияющие ее силы и поднявшись над ее рангом, стоит ближе к первоначалу, нежели то, что в ней занимает свой ранг наибольшей удаленности [от оного].

Тот факт, что природные души благодаря стяжаемым ими светам истечения становятся душами, поддерживаемыми небесами в поклонении своему Господу, научении и водительстве других, душами, приемлющими только явное поклонение действием, покорными своему Господу и научающимися, и душами, приемлющими совокупно явное и скрытое поклонение действием и знанием, покорными своему Господу, научающимися и стяжающими загробную жизнь, и каждый из сих рангов благодаря подпадающим под него видам различных исповеданий (например, у поддерживаемых душ различаются законы, нормы, установления, правители, по-разному осуществляющие власть и наследующие ее; среди душ, приемлющих явное поклонение действием, различаются исповедания, так что каждая группа имеет свое исповедание и свою форму исповедываемого; среди душ, приемлющих явное и скрытое поклонения, различаются ранги и исповедуемые в зависимости от знания

представления о спасении) становится как бы упорядочивающим виды [родом], а каждый вид упорядочивает многочисленных особей,— доказывает, что сущее от столпов, стяжая влияния, является порождением, приемлющим душу и силу (как минералы), порождением, приемлющим только растительную душу (как растения), и порождением, совокупно приемлющим растительную и чувственную душу (как животные), и что каждый из сих благодаря подпадающим под него различным по формам сущим (как, например, ковкие и нековкие разновидности минералов, травянистые и древовидные разновидности растений, летающие и нелетающие разновидности животных) является родом, упорядочивающим виды, а каждый вид упорядочивает неисчислимое множество сущих.

Тот факт, что каждый из видов духовных порождений, занимающих свои ранги, имеет, с одной стороны, соответствие с нижестоящими, благодаря чему они соединены, а с другой стороны, сходство с вышестоящим, их соединяющее (например, тот, кто приемлет повиновение в явном поклонении действием, занимает первый ранг стяжания, чем отличается и стоит выше неповинующихся душ, каковые души находятся в наибольшем удалении от духа Всевышнего: он соотнесен и связан с нижестоящими постольку, поскольку имеет общую с ними природу, и с вышестоящими постольку, поскольку продвинулся, приняв повиновение, вверх),— доказывает, что первый вид всякого рода соотнесен как с нижестоящим, так и с вышестоящим (например, среди минералов таковым является гипс: он, с одной стороны, соотносится с землей, будучи ее рода и имея одну с ней природу, а с другой стороны, приобретя ту силу, благодаря которой он перестал быть прахом, гипс соотносится и со [всеми] видами минералов). Поскольку все виды каждого из [родов] духовных порождений упорядочены, так что одни стоят выше других, и поскольку первый их вид стоит ниже всех прочих, вышестоящих, каковые заканчиваются таким видом, который имеет общность и сходен как с нижестоящими своими побратимами, коих он всех выше, так и с вышестоящими видами другого [рода духовных] порождений, коих он всех ниже (например, приемлющий повиновение ниже всех в явном поклонении действием, ибо не имеет того знания, коим обладают вышестоящие, располагаясь на ступенях повиновения и действия вплоть до той, что рангом

выше всех их ступеней, ибо ее обладатель приемлет повиновение в скрытом поклонении знанием — он схож в повиновении и действии с теми, кто ниже его, сам же стоит выше их всех, ибо приобрел во втором поклонении то, чего они не имеют, и соотнесен благодаря принятию скрытого поклонения знанием с теми, кто отправляет совокупно оба поклонения, хотя и стоит в том [втором] поклонении ниже их всех), следовательно, первый вид каждого рода стоит ниже всех вышестоящих его видов, кончающихся промежуточным видом, который, с одной стороны, схож со всеми нижестоящими видами своего рода (ибо сам к этому роду относится), находясь выше их, а с другой стороны, соотносится с вышестоящими видами другого рода, помещаясь тем самым ниже их (например, коралл, будучи одним из видов минералов, схож с сородственными ему их видами, а будучи растением, схож со [всеми] видами растений: он, таким образом, выше минералов и ниже растений).

Поскольку все, к кому религия имеет отношение, распадаются на тех, кто ею совершенно не интересуется и не имеет намерения и убеждения твердо ее придерживаться (например, невежды и большинство людей в «дальних землях», интересующиеся [только] едой, питьем и блудом, тщеславные, высокомерные, спесивые хитрецы, обуреваемые алчностью во всех ее видах), и тех, кого она заботит и кто имеет намерение и убеждение твердо ее придерживаться (например, добропорядочные и добродетельные люди и их попечители, соблюдающие в делах и поступках религиозные установления и нормы), следовательно, минералы распадаются на такие, частицы которых не объединены и которые не обладают силой сохранить свое бытие, например, гипс, соль и тому подобное, и такие, частицы которых объединены, которые внутренне связаны и обладают силой сохранить свое бытие, такие, как золото, серебро и другие тела с объединенными частицами, сохраняющие свое бытие.

Коль скоро [люди], входящие в религиозный круг, занимают всевозможные ранги, так что одни из них годны для того великого дела, с которым связано их бытие, другие же годятся лишь для самого малого дела, но от всех в том бывает польза, то и минералы по полезности своей распадаются на разряды: одни из них приносят великую пользу, от других же польза незначительна,— но при этом все они полезны. Поскольку невежды, заносчивые гордецы и алч-

ные стяжатели, не знающие блага религии и не имеющие приобретенного разума *('акль иктисабий)*, хоть и полезны кое в чем, все же суть безбожные злодеи и общение с ними наносит вред вечной жизни, следовательно, серы, мышьяки, купоросы и [другие] виды минералов, хотя и приносят кое в чем пользу, все суть яды, а глотать их и питаться ими значит вредить природной жизни. Поскольку такие общины, не имеющие ни религии, ни благой природы, существуют потому, что удалены от умеренности, в связи с чем достигающие их влияния светил и природных сил они приемлют так, что приобретают в этом соответствующее их смеси, следовательно, все эти виды купоросов, мышьяков, сер и тому подобное имеют такую природу и такую форму потому, что явления светил достигают их, когда они далеки от умеренности, а потому эти влияния воздействуют на них так же, как огонь, воздействуя на одно, связывает его, а [воздействуя] на другое, разлагает — в зависимости от природы того, на что он воздействует.

Поскольку добродетели, коими достигается совершенство, упорядочены в Законах так, что заканчиваются таким Законом, который сбирает все Законы, следовательно, упорядоченные минералы заканчиваются таким телом, которое сбирает их все и заключает в себе, будучи всех их выше, как, например, золото, которое стоит выше всех минералов. Поскольку причиной существования Закона и прочего, что принес пророк (да благословит его Бог!) — а сей Закон полон по своему рангу и выше прочих Законов и установлений — является то, что в душе его (да благословит Бог его и род его!) струилась божественная сила, а истечение Первого Разума он принимал столь [полно], что стал вместилищем сего истечения, и столь предельно, что стал, как и тот, так же высок и совершенен,— следовательно, золото среди прочих минералов, над которыми оно возвышается, стало золотом потому, что его материя достигла в принятии силы солнца такого предела, когда истечение солнца на нее было полным, и потому, что силы солнца настолько проникли в нее, что придали ей такой же, как у солнца, цвет и блеск.

Поскольку божественные материи воздействуют на природные души людского рода, а сии души приемлют их в зависимости от своих смесей и того, каковы они, и по этой причине приемлющий умеренно становится исполненным и глаголящим, тогда как незначительно отклоняющиеся от

умеренности, а затем все больше и больше вплоть до далекого от умеренности становятся границами, у каждого из которых в том соответствующий ранг, следовательно, небесные движения и влияния воздействуют на землю и ее частицы, кои приемлют сии воздействия в зависимости от своей смеси и того, каковы они, так что если влияния принимаются умеренно, то частицы собираются вместе и получается золото, а если принимаются менее и менее, все удаляясь от умеренности, то частицы собираются и получаются другие тела с соответствующими рангами и смесями, например: серебро, медь, свинец, тальк и другие. Поскольку истекающими воздействующими божественными материями наделены исключительно пророки и предержатели больших циклов, ибо они находятся в горизонте этих сил и именно они среди всех видов людей имеют с ними связь, следовательно, истекающими от высших тел к земным частицам силами наделяются исключительно минералы, в горизонте тех сил находящиеся, причем одни из них предельно, другие же — менее того, как, например, золото и другие минеральные тела. Поскольку в своей непогрешимости границы различаются по рангам, так что одни безгрешны и тверды в религии и ее установлениях (например, глаголящие и те, кто их замещает в сохранении законов и норм вероисповедной общины), другие же, нижестоящие; той твердостью не обладают, следовательно, минералы различаются рангами по огнестойкости и долговечности, так что одни из них устойчивы в огне, переживают вечность и не терпят никакого ущерба (как золото), другие же ущербляются и не выдерживают огня (как другие тела).

Поскольку дело границ, заключающееся в установлении религии и произведении ее порождений, исполняется после многих больших и малых циклов, следовательно, минеральные тела, образующиеся в своих месторождениях, достигают полноты своего бытия по прошествии вечности *(дахр)*, по истечении многих эпох и лет. Поскольку всего Законов, отменивших и отмененных, шесть: первый — Адама (мир ему!), а последний — Мухаммеда (да благословит Бог его и род его!), значит, ковкие металлы распадаются на шесть частей: свинец, олово, медь, железо, серебро и золото. Поскольку именно шестой Закон пребудет до Судного дня неотмененным, следовательно, золото пребывает вечно, не претерпевая ущерба. Поскольку Законы теряют свою силу

из-за вводимых в них порочных узакониваемых нововведений, следовательно, минеральные тела могут претерпеть порчу от привхождения других тел своего вида, например, серебро — от серы или золото и алмаз — от свинца [4].

Таковы результаты поиска знаний и достижения истин, данные весами вероисповедными, коими пользуются в исследовании вещей. Восславим же Бога, приведшего нас к сему пределу: без Его водительства не найти бы нам пути. Да благословит и приветствует Бог Своего посланника, господина нашего пророка Мухаммеда, господина нашего, заветника Али бен Аби Талеба и чистых имамов, из их чресел вышедших. Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ЧЕТВЕРТАЯ

О минералах как о природной душе; о том, что они обладают воздействием и знанием и каково это знание и каково это воздействие

Поведав вкратце о минералах как о телах, о них как о природной силе скажем следующее. В пятом квартале, говоря о чтойности Природы, мы показали, что эманирующая из мира Разума жизнь, будучи одной из тех двух частей, что составляют воплощенность мира Природы, струится во всех сущих, даруя каждому то совершенство, которого должен он достичь в зависимости от своей смеси, и что сия жизнь и та другая часть, благодаря которой жизнь существует, суть нечто единое, имеющее две соотнесенности, по каждой из которых полагается ему то, что составляет совершенство его бытия.

Коль скоро, как мы сказали, сущее в мире Природы существует благодаря струящейся [в нем] жизни, то и каждое сущее из [рода] минералов обладает тем же, чем является душа для движущегося; этим данное сущее живо, и этим воздействует на прочее [сущее]. Существуя там, где оно есть, это сущее (любое из рода минералов.— *А. С.*) не нуждается в большей, нежели обладает, силе для сохранения своей самости, захлопывая свои створки перед тем, что ему противно и может нанести порчу, и раскрывая объятия

тому, что с ним согласно и ему соответствует. Дело в том, что оно не полно, но в то же время и не потенциально, когда бы ему требовалось простираться в разные стороны (а для сего необходимы многие силы), как, например, это требуется человеку в снискании того предела, в котором заключено его совершенство; обладая предназначенной ему в творении природой, оно и в том, в чем оно есть, достигает в своем акте всего, что требуется его смесью. Таковы явные его действия, когда одни из них (минералов.— *А. С.*) друг другу рады, другие же при виде друг друга уходят в себя, одни друг с другом связываются, а другие испытывают неприятие. Например, между железом и ртутью — неприятие: она с ним не связывается, не раскрывает ему своих объятий и не дает в себя погрузиться, не связывается с ним так, как связывается с золотом и серебром [1] (разве что посредством обработки). Вражда также и между золотом и свинцом: ничто так не вредит золоту, как свинец, причиняющий ему порчу; или, скажем, вражда между свинцом и прочими телами, такими как серебро и медь: он наносит им порчу и губит. По этой причине свинец используют для очистки тел. Вражда также и между свинцом и алмазом: ничто не может повредить алмазу или расколоть его, кроме свинца. А вот между золотом и ртутью — любовь, любовь также и между серой и золотом, между мышьяком и серебром, между железом и медью (этих двух, смешайся они, уже не разделить), между магнитным камнем и железом (в силу этой любви железо тянется к магниту и ему не изменяет). И тому есть много других примеров, что не скрыты от людей [пророческого] произведения, познавших минералы, по выражению Зу-н-Нуна аль-Мисри [2], как «обусловленное чрез причины»; все они имеют корень и исток, а это значит, что есть нечто действующее, с которым такие вещи связаны: они бы не могли происходить от тех [как таковых], ибо телесность предполагает не действие, а претерпевание. И вот, сей особый смысл *(ма'нан)*, благодаря коему такие вещи случаются, именуются душой того сущего (хотя он и заслуживал бы специального имени), которая обладает ведением *(ма'рифа)* (подобным тому, о котором говорилось в разделе о чтойности Природы), каковое для нее то же, что и знание *('ильм)* для наделенного чувством, она же (душа.— *А. С.*) есть сила, воздействующая (по приказа-

нию Бога, Господа миров) соответственно имеющимся превращениям и влиянию струящейся жизни, в стремлении сохранить свой сосуд.

Истинность нами сказанного поддержат весы вероисповедные, установив соотнесенность и взаимное соответствие. Поскольку принесенные пророком (да благословит Бог его и род его!) Писание и Закон воедино связаны с сохраняющими их имамами (мир им!), пророка замещающими, так что одни от других неотделимы, и если бы не имамы, то Писание и Закон были бы подменены и заменены, следовательно, минеральные тела обладают самостными силами, кои Всевышний связал с ними воедино, дабы те их сохраняли, и не будь их, сии тела погибли бы, а частицы их рассыпались. Поскольку установления отменяющего Закона лишают силы большинство норм отменяемого Закона, так что они друг с другом несовместимы, следовательно, находящиеся в минеральных телах силы одна другой противоположны и одна другую уничтожают. Поскольку некоторые установления и нормы отменяющих Законов иногда согласны с отменяемыми Законами, следовательно, некоторые из имеющихся в минеральных телах сил согласны друг с другом. Поскольку те обряды и установления, что от Бога, многочисленны, следовательно, многочисленны и минералы помимо тех шести, которые обладают силой и от которых зависят блага мира.

Вот что чрез равновесность и соответствие устанавливают весы вероисповедные для сил, имеющихся в минеральных телах.

Восславим же Бога с благодарностью; да благословит Он и приветствует посланника Своего, господина нашего Мухаммеда — печать пророков и чистых имамов.

УЛИЦА ПЯТАЯ

О растениях как телах и о том, что они сложнее минералов и имеют больше орудий

Мы уже говорили о смеси, какова она, о том, что столпы, друг на друга воздействуя, перемешиваются, что множатся сложные их сочетания вследствие тех различий, что происходят от множества постоянных движений небесных тел относительно них, а также под влиянием излучения, струящегося от каждого из возвышенных тел, которые, как ранее разъяснялось, в каждый момент времени занимают каждое свое положение. Поскольку мы уже вкратце говорили о минералах и их делении, за оными же в порядке бытия следуют растения, то мы скажем: именно всевышний божественный промысл, о сущем пекущийся, хранит его в строгом порядке, не знающем исключений, и именно с сим промыслом связано бытие всего; он, прибегая к помощи одного посредника или большего их числа, устанавливает каждое сущее в помощь каждому, дабы привести каждое к его конечной цели, к его совершенству и пределу. И вот сей промысл премудро воздвиг причины для нисхождения воды на все выступающие части земли, дабы, неспешно увлажняясь ею, то нагреваясь, то охлаждаясь, она могла испытать превращение, отойти от своей природы и перейти в такое состояние, в котором смогла бы стать растением. Над сими частицами, таящимися в глубинах земли, дал он власть природной теплоте, дабы влекла она их вовне, к воздуху, каковой воздух сделал он в помощь возникающей в них растительной душе сотоварищем; сим облегчался им доступ туда, где могли они уловить свою долю воздействующих причин и где солнце благодаря силе, внедренной в него Всевышним, доставило бы им полагающуюся полноту.

Поскольку сия первичная смесь образовалась из вещей, в чьих самостях имелась противоположность, и сил, пришедших от различных по качествам движущихся тел, а потому сложность ее больше, нежели у той смеси, из которой произошли минералы, и противоположностей в ее самости больше, нежели у той, и поскольку имеющиеся в ней противоположности суть причины того, что частицы ее время от времени, потихоньку, полегоньку да помаленьку распадаются, то всевышний божественный промысл дал ей орудия (кои для нее суть то же, что органы для животного), дабы сохранить ее пребывающей (ибо не могла бы она пребывать, имея в самости противоположности, да прибавить к тому же все новые и новые внешние причины — первейшие пособники ее порчи), когда посредством их могла бы она получать замену подвергнувшегося порче или отпавшего, а также и для того, чтобы сие растение благодаря таким орудиям походило на животных, что стоят выше

его рангом. И вот, из числа сего есть у него корни, извлекающие [нужные] материи, как рот у животного; стебель или ствол, как тело животного; внутренние мягкие ткани (такие, как сердцевина у пальмы, мягкая светлая ткань в полостях ветвей, например, граната и виноградной лозы, и тому подобное), как его желудок и живот; ветви, как все, что у того прикреплено к телу; места выделения смолы и клея, как отверстия для выделения мочи и экскрементов и поры; кора, как его кожа; узлы, как его суставы; листья, как его шерсть; питательные протоки, по коим устремляются материи к различным частям его, а также прожилки на задней стороне листьев, как его жилы и сосуды; плоды, как его дела: вкусные плоды, как добрые дела, а отвратительные, как злые. Благодаря сему растений имеется неисчислимое множество видов; все они, будучи таковыми, менее предшествующего им в бытии схожи со столпами, выше оного рангом, более похожи на вышестоящее и ближе, как мы показали, к Первоначалу.

Виды растений упорядочены так же, как и виды минералов. Первый их вид является, как мы уже говорили, и минералом, и растением: он, таким образом, высший вид минералов и низший вид растений; тем самым минералы соединяются с растениями. Далее виды растений упорядочены соответственно своим качествам, располагаясь все выше и выше вплоть до вида, являющегося одновременно и растением, и животным, как, например, дерево ваквак: [1] оно является растением, а по своей форме, то есть плодам, и по голосу оно — животное; или же ракушечная улитка, встречающаяся на [морских] побережьях: как ракушка она похожа на растения, а поскольку то, что живет в ракушке, движется, она — животное; или же взять финиковую пальму, каковая является растением, но во многом напоминает и животное, в частности, тем, что завязь плодов ее образуется от оплодотворения мужской особью, а потому она благородней растений и выше их рангом, но ниже животных. Таким образом, растения соединяются с животными.

Поскольку среди сущего, выступающего в качестве причин в бытии порождений, одно является как бы мужским, другое — как бы женским (а есть и такие, что и то, и другое), и порождения появляются в результате воздействия одного на другое, а значит, ни одного из них двоих (мужского и женского.— *А. С.)* недостаточно для бытия от них сущего, но нужно, чтобы были оба вместе, значит, это же мы встретим и среди растений и животных. Одним из них нет нужды прибегать к помощи мужских особей, ибо у таких видов каждая особь равно обладает орудиями воспроизводства и, оные имея, в том самодостаточна, как, например, финиковая косточка: она в своей самости обладает такой силой, что, встретив необходимое для явленности своего акта, становится пальмой; или же пшеница, каждое зерно которой несет в своей самости все, что избавляет его от нужды в мужской силе. Другие же (например, финиковая пальма) могут плодоносить лишь благодаря мужской силе; этим они походят на причины своего бытия и соотносятся с тем, что стоит выше их рангом, а именно с животными, одной из причин бытия которых они являются.

Скажем также, что все растения и минералы, рассматриваемые как тела, оказываются предметом *(мавдӯʿ)* для человеческих ремесел: дерево, например, принимает от плотника форму ложа, бронза принимает от литейщика форму котла или кастрюли, а железо от кузнеца — форму наковальни. Все эти тела потенциальны в сопряжении со своими искусственными формами, и совершенство их состоит в актуальном их обретении.

Истинность всего этого подтверждается весами вероисповедными, устанавливающими взаимное равновесие и соответствие. Поскольку ближайшей причиной бытия людей явного поклонения является то, что их достигли пробудившие их интерес разъяснения, научение и доказательства худджей, кои суть замещающие пророка (да благословит Бог его и род его!) в научении и призыве, следовательно, ближайшей причиной бытия растений является то, что вода достигает частиц земли, ниспадая дождем из устроенных по приказу Всевышнего облаков, и поит их. Поскольку откликнувшиеся на призыв переходят под сень поклонения, переставая быть такими, какими были прежде, значит, принявшие водяную влагу частицы земли испытывают превращение и уходят от той формы, что имели прежде. Поскольку пророк (мир ему!), благодаря излитой Всевышним благодати и повинуясь Ему, получил власть над всеми людьми и повелел творить справедливость и добро, запретил же им прегрешения, излишества и несправедливость, дабы вывести

их из тьмы к свету, следовательно, Солнце благодаря внедренной в него Всевышним силе имеет власть над всем, что ниже его, дабы привлекать таящиеся в глубинах тел частицы к воздуху. Поскольку границы религии научают их (людей.— *А. С.)* религиозным вопросам, восполняя то, что те забыли и не удержали в памяти, дабы благодаря тому и самим сохраниться, следовательно, ветви и корни растения являются причиной доставки того, что восполняет подвергнувшиеся порче и отпавшие от растения частицы его, дабы тем сохранилась его самость. Поскольку отправляющий явное поклонение свершает больше действий, в храме религиозного поклонения стоит к границам ближе и занимает ранг более высокий, нежели неверные и лицемеры, следовательно, растение более сложно, ближе к возвышенному мира Природы и более с ним схоже, нежели земля, и более оной отошло от того, в чем состоит их сходство. Поскольку все люди явного распределены по рангам с точки зрения исполнения обязательных действий (одни из них выше прочих, ибо усердно выполняют все предписания, другие ниже оных, ибо небрежны во всем предписанном, третьи выполняют одни предписания, забывая другие, и так далее) в зависимости от количества и качества каждого действия, следовательно, виды растений упорядочены: одни из них выше прочих, есть такие, что схожи с вышестоящими видами рода животных, другие ниже того, третьи же, что ниже наинижайшего, суть наиподлейшие, схожие с нижестоящими видами минералов. Поскольку достигший предела [явного] поклонения и благочестия уже отправляет и поклонение знанием, так что сбирает оба поклонения (знанием и действием), и черты их обоих в нем являются, следовательно, пределом растений служит то, что совмещает характерное как для растений, так и для животных, будучи общим и тем, и другим и являя их черты.

Таковы свидетельства взаимного соответствия и равновесия творения и уложения, выверенные на весах вероисповедных.

Слава Богу, воздвигнувшему имамов наших столпами Своей религии и знаменем для руководствующихся. Да благословит и приветствует Бог посланника Своего, светом зари коего они светят и от источника славы коего питаются, пророка Своего Мухаммеда, его заветника владыки нашего Али бен Аби Талеба и владык наших имамов из рода их.

УЛИЦА ШЕСТАЯ

О растениях как о растительной душе, о том, каково ее бытие, как она связана с телом и какова ее чтойность

Поскольку, как о том уже говорилось, согласно божественной мудрости предполагается возможным, если следовать проложенными [божественным] могуществом путями сотворения и упорядочивания [сущего], образование от высших и низших тел и их воздействий всех видов порождений с их родами, следовательно, то, в чем частицы тел принимают различные состояния и превращаются, переходя одни в другие и воздействуя друг на друга в силу перемежающихся влияний на них и движений относительно них, в силу того, что воздвигнутые блистательным могуществом удивительнейшие вещи влекут непрестанную смену их состояний,— а именно смесь,— должно достичь такой степени легкости и перемешанности, чтобы совпасть с сияющей силой небесных тел. Этим облегчится воздействие на смесь оной силы, благодаря чему проявится в ней ее влияние, и по Божьему велению возникнет в ней тот дух, что именуется душой, известной под именем растительной, [дух], подобный тому, что существует в обретших легкость и тонкость частицах земных тел и сияющих светом небесных телах, подобный тому, что образуется при соединении мужчины и женщины, подобный тому огню, что возникает от трения палочек мархa и земляничника [1], подобный высекаемым кресалом искрам огня, подобный тем чернилам, что возникают при добавлении воды в чернильный орех или купорос, если придать им, измельчив и растерев, тонкость — чернил не было ни в них (орехе и купоросе), ни в воде, возникли же они благодаря сей процедуре *(тадбйр)*. Здесь вода — как сияющая сила природных тел, истонченный толчением порошок — как претерпевающие превращения частицы земли, а чернила — как возникающий дух.

Сей дух есть природная жизнь, возникающая в телах; она существует, пока существуют тела, и исчезает с их исчезновением. Эта жизнь и именуется душой растений, известна же она как растительная. Она существует благодаря, во-первых, тонкости тех телесных частиц, что оную

тонкость обрели, и во-вторых, благодаря излучению воздействующих на них небесных тел.

По отношению к сияющим светам мира Творения (о коих говорилось в главе о Природе и сверхприродных Разумах) она есть то же, что сии тонкие частицы по отношению к излучению воздействующих небесных тел: как оное излучение воздействует на тонкие частицы так, что возникает жизнь, так и сии светы воздействуют на оную жизнь так, что у нее возникает то, что в отношении животного зовется знанием полезного себе. Ведь сложносоставные природные тела (с угнезденными в них Богом действующими душами) приготовляются (как мы то показали), по приказанью Божьему, из оставшихся после сотворения небесных тел многоразличных материй в ходе многочисленных воздействий и влияний как столпов одних на другие снизу, так и небесных тел на них всех сверху, так что оные воздействия доводят те тела до того предела, который является для них первым совершенством. Теперь они могут встретиться со сверхприродными Разумами, с их светами, струящимися в сущем, и стать для них как бы установленной Всевышним материей, так что теперь сии Разумы будут заботиться о них, воздействуя на них и даря (соответственно внедренным Всевышним в природные тела силам) способность достичь своего второго предела. Здесь дело обстоит таким же образом, что и с теми вещами, которые не могут быть исполненны или совершенны, пока, во-первых, один мастер не создаст их самость и пока, во-вторых, другой умелец не доведет их до второго совершенства, далее которого они уже не могут ничего обрести. Например, для одежды первое совершенство ее в бытии связано с ткачом, а второе — с портным, каковой портной не есть то же, что и ткач, и пока ткач не закончил свое дело, портной не может приступить к работе и придать одежде ту форму, после которой уже другой не будет; или, например, для дирхемов и динаров первое совершенство их в бытии связано прежде с действием чеканщика, а уж затем второе их совершенство, то есть нанесение необходимых надписей, связано с работой штамповщика, и пока чеканщик не придал им нужный вид и фигуру, штамповщик не приступает к работе; или же, скажем, первое совершенство астролябии в ее бытии связано с бронзовых дел мастером, который придает бронзе необходимый вид, далее, второе ее совершенство, [заключающееся] в гравировке, связано с ученым, геометром и астрономом, и пока бронзовых дел мастер не придаст ей сперва нужный вид, гравировщик не может расчерчивать и гравировать ее.

Итак, она (сущая в царстве Природы жизнь, явившаяся в растениях) благодаря возникшим в ней отпечаткам влияния царства Творения становится знающей: в ней наблюдаются такие вещи, которые, случись они в животном, не вызвали бы удивления. Так, она посылает свои корни туда, где может найти влагу, обходя камни и прочие препятствия на своем пути; она выпрастывает свои ветви из-под дерева или тени, заслоняющих от нее солнечный свет и стесняющих ее доступ к открытому воздуху, и стремится освободиться от них, ища встречи с солнцем.

Поскольку ее тело происходит от различающегося (так же, как и то, из чего оное происходит), так что, будучи сложено, оно в своей самости не свободно от противоположностей, что влечет его распад и превращение из одного состояния в другое, совершающиеся понемногу как изнутри, так и извне, то она должна искать материи, которые заменили бы распадающееся. Для этого она совершает четыре действия, замыкает же их пятое: она привлекает *(джазб)* материи, то есть извлекает и притягивает их; она переваривает *(хадм)* привлеченную материю, благодаря чему та может стать схожа с ее природой; она доставляет *(даф')* уподобленную [своей] природе [материю], то есть рассылает ее порциями в отдаленнейшие уголки своей самости, дабы строить ту из оной материи согласно своим интересам, предохраняясь от порчи и вреда, и отправляет ее во всех направлениях, вверх и вниз, дабы найти ей место и во внешних частях своих, и во внутренних, в своих глубинах и на самой верхушке, в ветках, листьях и плодах, а также там, где тело ее претерпело ущерб из-за распада; она растет, то есть увеличивается, благодаря посланному во все уголки свои, в листья и плоды.

Поскольку отдельные [растения] в силу имеющихся в них противоположностей и того, что привносит в них порчу, не могут быть [вечно] пребывающими, то по свершении сих четырех действий в ней возникает пятое — воспроизводство *(интāдж)*. Оно является плодом их действий в поиске пребывания, дабы, хотя и исчезнет самость их, осталось бы их подобие и сохранилась бы форма их.

Сии пять сил разлиты по всему их телу и всем их частям. Поэтому ветки, высаженные в землю, принимаются, если только не слишком слабы и недееспособны; в животном же дело обстоит противоположным образом в силу множественности его сил и отнесенности каждой из них только к некоторым органам. Сия же пятая, обладая всеми теми силами и таким образом завершая ей предшествующее в бытии, является фундаментом для бытия прочего, что выше ее и всех оных сил, или как бы матерью, благодаря которой существует другое, или же вратами, ведущими к более великим в бытии, нежели они сами, душам (о чем с Божьей помощью еще пойдет разговор).

Свидетельство сему — весы вероисповедные, верная опора в выведении истинного знания. А именно, поскольку в храме поклонения границы упорядочены для отправления обрядов религии, для призыва к единобожию и научения готовых к принятию душ, дабы все это дало вечную жизнь, следовательно, Всевышним в мире Природы тела упорядочены так, чтобы влиять на частицы земли, дабы из тех возникли растения и была бы природная жизнь. Поскольку стоящие ниже границ [люди], внявшие призыву единобожия, обращаются друг к другу с речами и воздействуют друг на друга в спорах и диспутах, следовательно, силы в тех телах, что находятся под небесными высшими телами, воздействуют одни на другие. Из того, что на души внявших [призыву] влияет научение и водительство выше их стоящих границ, вытекает, что излучение небесных тел воздействует на превращающиеся частицы земли. Поскольку души, прозревая в явном поклонении действием свет водительства, становятся вместилищем открывающихся им толковательных наук и могут отправлять поклонение знанием и так соединяют в себе оба поклонения, следовательно, растительная жизнь приемлет светы царства Творения и в ней возникают влияния оных светов, так что благодаря возникшим в ней воздействиям сия возникшая жизнь становится вместилищем воздействия светов, льющихся из мира Творения, чрез каковые светы она приобретает то, благодаря чему соединяет в себе две души: растительную и чувственную.

Поскольку порядок научения таков, что сначала внявший уполномоченный узнает относящееся к поклонению действием, а затем проповедник научает его тому, что относится к поклонению знанием, дабы сие доброе поучение стало для него как бы формой того, что он ранее знал, и тем свершилось бы его счастье, следовательно, порядок тварного мира таков, что Природа и небесные тела подготовляются благодаря вложенной в них Всевышним силе сущего к тому, чтобы воспринять влияние сверхприродных Разумов, дабы светы оных, льющиеся из мира Творения, воздействовали на них благодаря предварительной подготовленности и они достигли бы своего совершенства.

Поскольку в явном поклонении действие обязательно для всех, так что в этом поклонении все — как один, и действие может и наименее знающему среди них подходить так же, и будет он к нему способен столь же, как и сколь самый знающий, учившийся поклонению с благоговением, за страх и за совесть, и может быть ему [в действии] подобным, следовательно, силы души растения разлиты во всех его частях, ибо все они (части.— *А. С.)* схожи одна с другой, и даже малый отросток, высаженный в землю, может приняться и стать таким же, как материнское растение. Поскольку [любой], кто знает явное поклонение и наставляет в нем, может считаться непревзойденным знатоком его, и любое действие в нем ему доступно, поскольку он способен совершать их все, в отличие от научающего и ведущего путями скрытого поклонения знанием, ибо науки распределены по рангам и нельзя постичь в них ничего, пока не постигнуто нижестоящее, следовательно, у растения высаженный отросток может приняться и стать таким же, как материнское растение, так как большинство его частей схожи, у животного же такое невозможно, ибо части его различны и с разными частями связаны разные силы. Поскольку существование явного поклонения действием и отправляющих его людей является как бы основой существования скрытого поклонения знанием и его приверженцев, следовательно, существование растительной души с ее силами является как бы основой существования чувственной души. Поскольку люди явного поклонения, свершая его обряды и так почитая Бога, совершают пять действий: во-первых, научаются; во-вторых, запечатлевают узнанное; в-третьих, высказывают узнанное; в-четвертых, являют узнанное в действии, и в-пятых, научают узнанному других, следовательно, растительная душа совершает пять действий: привлечение, выступающее здесь как научение, переваривание, выступающее как запечатление, доставление, вы-

ступающее как высказывание [узнанного], рост, выступающий как его проявление, и воспроизводство, выступающее как научение других запечатленному.

Таковы результаты расследования скрытых сторон сотворенного мира весами вероисповедными, давшие свидетельство правильности нами сказанного. Слава Богу, Творцу и Формодарителю, Распорядителю и Водителю; да благословит и приветствует Бог непогрешимых обитателей рая, за собой своих последователей ведущих,— Мухаммеда и чистый род его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА СЕДЬМАЯ

О животных как телах, о начале, из коего они появились, о том, что они сложнее растений и более оных имеют орудий и что они суть тот предел сущего, за которым нет никакого сущего

Ранее мы уже показали, что божественный промысл, стремясь к созданию происходящего от небесных тел сущего (и сначала создав оные), а именно упорядоченных порождений, коих конечной целью являются животные, виды же их восходят к человеку — второму пределу сущего, за которым нет в бытии ничего, положил, что одни тела будут (как уже говорилось) воздействующими, другие же — претерпевающими, чтобы оттого, что претерпевающее подвергнется воздействию воздействующего и под тем воздействием приобретет силы, благодаря коим станет также воздействующим, так что одно будет воздействовать на другое, увеличилось число воздействий, возросла сложность и умножились движения, возвещающие о существовании всего того, чему мудростью положено быть. Таким образом, возникшее благодаря различию состояний и движений небесных тел и в силу переменчивости самостей и превращения частиц земных тел сущее оказалось таким, что всякое тело, удаленное в бытии от Первоначала, оказывается более сложным, нежели близкое к оному, а то телесное сущее, что к оному Первоначалу ближе — менее сложным. Поскольку уже говорилось и о смеси и ее делении, и о бытийствующем: во-первых, о небесных телах,

и во-вторых, минералах и растениях, то сейчас мы поговорим о животных.

Животное происходит от смеси, что возникает от перемешивания частиц столпов при влиянии их друг на друга и проникновении в них сил движущихся тел, подобной той, от которой происходит и растение, да с ней еще смешиваются и частицы видов растений, одни с другими перемешанные, так что все вместе превращается в нечто единое и становится другой смесью, с большим числом частей и более сложной; посему животное идет в порядке бытия после растения. Сложность животных превышает сложность всех порождений; пребывает же животное потому, что подкрепляется, питаясь растениями, от чего проистекает его второе бытие, то есть порождение потомства *(танāсуль)*. Что ж до его первого бытия, то оно происходит от земли: когда силы собираются вместе в тех частицах земли, что суть квинтэссенция *(сулāля)* [1], они набухают, беременеют, и из них выходит животное. Так зарождаются из земли многие животные и в наше время: мыши, или, скажем, сверчки, забеременев которыми набухает земля, а затем лопается и из нее вылетает их матка, или же образующаяся в земле саранча, или же те, к людскому роду относящиеся, особи, что появляются на свет в месте, известном как гора Баракат. Что же до размножения, то оно происходит так: когда в напитавшемся животном умножатся силы, а орудия [размножения] уже готовы, оно двинется в поисках наслаждения, от чего, как мы сказали, и возникают приплод и потомство,— так же, как, к примеру, в случае с водяной мельницей: когда подготовлены и установлены все орудия, движущаяся вода приводит и их в движение, и тогда достигается искомая цель и перемалывается зерно.

Первая из людских особей возникла, как и другие особи однородных с ней видов, из земли и ее квинтэссенции, как рек о том Всевышний: «Бог возрастил вас из земли, как злачные растения» [2]. Форма в сем бытии не такая же, как во втором бытии, что зиждется на размножении, и знания людей в том бытии не таковы же, как в этом. Второе же бытие — через размножение. Поскольку мудрость предполагала возможным для животного — я здесь имею в виду человека,— после того как он появился из земли, существовать путем размножения, дабы такое его бытие привело к искомому осуществлению второго конечного предела, со-

ответствующего первому, то божественный промысл устроил необходимые для того орудия, дабы посредством их осуществилось то, чему мудростью предписано быть. И здесь повел он дело так же, как и ранее, когда разделены были (о чем мы уже говорили) тела на воздействующие (небесные сферы и звезды, например) и подвергающиеся воздействию (как-то: четыре столпа), и от них возникли порождения. Так и здесь, сей вид (т. е. человек.— *А. С.*) был разделен на женщин и мужчин, и положено было женщинам иметь матку, в которой и образуется плод, и лишнюю кровь, из коей его тело строится, мужчинам же — семя, туда влагаемое, дабы та кровь и семя, собравшись, дали полноту его физического строения и формы. Семя и кровь — одной природы (также как небесные и земные тела принадлежат одному роду), однако же семя из-за приобретенной теплоты оказалось воздействующим на однородную с ним кровь и отличным от нее (также как небесные тела отличны от земных). Воздействует же оно на кровь так же, как сыворотка на молоко: смешавшись с ней, оно ее связывает и свертывает и так превращает в плоть, приемлющую воздействие к ней направленного и в ней струящегося излучения небесных светил. Так из двух вещей получается складное творение — велик и славен Всевышний, искуснейший Творец!

Таким образом, плоду, чтобы существовать, необходимы семь вещей, без любой из которых быть ему невозможно: прежде всего мужчина и женщина; далее, место, где они соединяются в совокуплении; затем материя, образующаяся благодаря эрекции отца; затем время, за которое влияния планет достигнут плода; затем покой, сохраняющий равновесие матери и хранящий зародыш, и наконец благополучные роды.

Человек — последний из [всех] видов, после него нет никакого другого вида. Поэтому его и называют «видом видов». Он выше всех видов и благородней любого из них благодаря всему тому, что ему присуще и чего в нем больше, нежели во всех предшествующих ему видах. Его сложение выше и благородней всех прочих, у него больше орудий и частей, ибо он и есть то творение, что требуемо мудростью. Все, что есть в макрокосме,— все это в соответствующем и достойном человека виде есть и в человеке, а потому человек — подобие макрокосма (как говорится, дитя его), так

что всякому в одном соответствует нечто в другом. Ведь человек — второй предел и завершенность всего, что было искомым в творении, как то бывает в любом произведении, исполненность которого достигается благодаря второму пределу; за этим пределом прерывается бытие телесного сущего. А посему человек — сливки всего, что произведено в творении Величайшего Мастерового.

Его физическое строение включает разные органы, среди которых главные и подчиненные, обслуживающие и обслуживаемые, идущие раньше и идущие позже в бытии. Первым, что сотворил Всевышний, опираясь на воздвигнутое Им, было то, что возникает в связавшейся материи (то есть образовавшейся из крови и семени сыворотке) благодаря проникающему влиянию светил, а именно сердце. Сердце — пристанище тончайшего из всего, что включает физическое строение человека, а именно ярко-алой крови *(дам кирмизийй)* [3], той, от которой возгорается пламень жизни, от которой просыпается врожденная *(гарīзийя)* теплота во всех частях тела и которая властвует над всеми распределенными по ступеням благородства органами. Так подобные ей материи оказываются соединены и слиты со всей [телесной] совокупностью, из которой произошло и сердце: легкие и тонкие материи направляются в те органы, что должны быть тонкими и легкими, плотные же — в те, что должны быть грубыми и прочными. Так в свое время образуются органы и орудия в своей искомой полноте. Затем отделяются те органы, что должны быть отделенными, а в тех, где должны быть отверстия, таковые возникают. И вот, когда влияние всего, что влияет, свершилось, является наконец сия форма, в коей присутствуют силы оного [влияющего], как им случилось быть. После сего, когда творение исполнено, остается лишь нацелить подготовленные ему Всевышним орудия на сенсибельные вещи, дабы стали они для души (бытие коей и было здесь искомым) материей в ее оформлении и превращении в «новое творение».

Итак, сердце стоит в бытии на ступени раньше всех прочих органов. Оно — первое обслуживаемое, ибо все именно с ним связано, и оно же — первый слуга всем органам, ибо снабжает их той врожденной теплотой, которая дает жизнь. Сердце охраняет и властвует, как главенствующий в своем княжестве князь, и им живы все органы, ибо

оно — пристанище той ярко-алой крови, благодаря коей существует жизнь, несущая в себе чувственные и растительные силы.

Следующую после сердца ступень главенства занимает мозг. Благодаря холодности своей он служит сердцу, умеряя сей холодностью распространившуюся во всех частях тела теплоту, дабы выровнять тем самым положение дел.

Так же и печень, желчный пузырь, селезенка, легкое, почки, мочевой пузырь и кишечник занимают каждый свое место в служебной лестнице. Печень служит сердцу, доставляя ему свою материю, и всему телу, рассылая ко всем его органам по устроенным для сей цели питающим сосудам кровь, и обслуживается желудком, который, дабы легче было печени им доставляемое превратить в кровь, переваривает поступающую от рта, зубов, языка, челюстей и пищевода [пищу]. Легкое служит сердцу, освежая его дыханием, удаляя горячий пар и доставляя ему взамен хранящий его воздух, дабы не угасла его изначальная теплота, и обслуживается другими органами. Селезенка обслуживает желудок и печень (сие — служение всем); желудку и печени также служат почки, мочевой пузырь и кишечник, принимая то, что оные отбрасывают. Зубы, рот, язык и челюсти служат желудку и легкому, а также другим органам. Каждый из этих органов, даже занимая [в бытии] последующие ступени, и сам служит, и обслуживается другими, причем не только этими внутренними, но также и внешними органами. Все эти органы созданы для того, чтобы сохранить всю совокупность, дабы каждый помогал другому и всё всем, как мы показали, сохранялось.

Поскольку та смесь, из которой происходит животное, имеет больше частей и является более сложной, то сильнее и ее внутренняя противоположность, ведущая к ее порче (ибо смесь происходит от различающихся противоположных вещей). Коль скоро в ней больше частей и выше сложность и противоположность, то божественный промысл больше печется о сохранении ее. Потому он дал разным видам животных то, чем они могут сохранить себя, и упорядочил их в соответствии с этим. Первый вид животных является одновременно и растением, и животным; [далее] виды животных упорядочены таким же образом, как и виды растений.

Тело животного разделяется на доли *(аб'ад)*, а доли — на части, части же составляются в соответствии с подготовленной небесными и земными телами смесью. Животные разделяются на две группы: летающие при помощи крыльев и передвигающиеся по земле. Передвигающиеся по земле разделяются на многоногих (имеющих больше четырех ног), четвероногих, двуногих и вовсе лишенных ног (как змеи). Крылья и ноги для этих животных служат орудиями для поиска полезного и избежания вредного; что же до змеи, то части ее тела в силу причин, разъясненных нашими предшественниками, благоприятствуют исполнению любого ее порыва. Передвигающиеся же в воде суть рыбы; у тех животных, что находятся в воде, есть орудия для передвижения.

Первый вид животных имеет общность как с видами нижестоящего рода, так и с видами своего рода. Это, к примеру, дерево ваквак и ему подобное; они занимают высшую ступень растительных тел и низшую ступень животных тел. Далее виды животных упорядочены по степени благородства, восходя к виду, имеющему общность как с животным, так и с человеком, каковы, к примеру, обезьяны, натурой своей в чем-то схожие с человеком, а обликом — с животными, или же пчелы, кои суть животные с точки зрения телесного строения, а с точки зрения распространенного среди них искусства управления схожи с человеком.

Тела разных видов животных, упорядоченные по степеням благородства, упорядочены так именно в соответствии с наличием у них органов чувств. Поскольку мудростью предусмотрено, чтобы мир и сущее разделились на пять видов: осязаемое, вкушаемое, обоняемое, слышимое и видимое, и поскольку совершенство животных заключается в постижении всего оного, то божественный промысл дал им пять органов чувств, каждый соответственно каждому из оных видов, для их постижения. Потому тела различных видов [животных] упорядочены по обладанию сими органами чувств.

Одни имеют только то, что чувствует осязаемое, а именно кожу; в этом они схожи с телами всех видов [животных] и расходятся с ними в обладании прочим, ибо не имеют ни органа вкуса, ни обоняния, ни слуха, ни зрения, как, например, земляной червь и ракушечная улитка. Этот вид выше [дерева] ваквак и ниже тех, что имеют большее число чувств; он сложнее растений и проще других видов

своего рода. В этом отношении, в смысле осязания кожей, все части тела животного схожи, ибо все они обладают силой этого чувства, за исключением тех, природа которых отклоняется от умеренности, каковы волосы, ногти, копыта, рога и тому подобное, что служит животному либо украшением, либо орудием для преодоления внешней опасности и поиска пользы. А схожи осязающие части тела в любом из обладающих жизнью порождений для того, чтобы это чувство охватывало его со всех сторон и служило бы в минуты душевных затмений бдительным сторожем, охраняющим его от всего, что может привнести извне в него порчу, дабы сохранить его тело поелику возможно. .

Другие имеют также орган вкуса наряду с осязанием, не обладая при этом ни обонянием, ни слухом, ни зрением, как, например, пиявки и гусеницы. Особи этого вида сложнее (соответственно [своей] приемлющей сложение смеси) и выше рангом, нежели земляной червь и улитка, которые, питаясь, не ощущают вкуса подкрепляющей их материи. Из-за этого они сильнее тянутся к пище и старательнее собирают то, что должны доставить своему телу, ибо их потребность, вызываемая распадом в их телах, выше, нежели у менее сложного.

Другие обладают [также] и обонянием, то есть чувствуют запахи, будучи лишены слуха и зрения. Таковы, к примеру, навозный жук и муравей. Особи этих видов сложнее (соответственно смеси, подготовленной к принятию воздействий и отпечатков) и выше рангом, чем те, что имеют [только] органы осязания и вкуса. Так устроено для того, чтобы они могли найти в большем количестве все необходимое для возмещения своего тела и чтобы собираемые ими материи, кои они превращают в силу для своего тела, были обильнее соответственно их возросшей сложности и увеличившемуся распадению их частиц.

Иные же имеют и орган слуха, коим чувствуют звуки, не обладая зрением, как, например, крот (сей вид во всем таков же, как и другие), а иные, как, например, мухи, имеют [орган] зрения, коим ощущают цвета и фигуры, но лишены слуха. Особи этого вида в соответствии со своей приемлющей [сложность] смесью сложнее и выше рангом, чем те, что имеют органы осязания, вкуса и обоняния, ибо им в поиске необходимого нужен широкий простор: не найдя пищи в одном месте, они устремляются в другое,

дабы найти искомое и сполна обеспечить свое пропитание, дабы никогда не отсутствовало то, что своим отсутствием повлекло бы их гибель.

Некоторые же имеют органы всех пяти чувств; сии сложнее всех, хитрее всех и наиболее алчные, ибо у них есть все те органы, что обеспечивают совершенство в поиске наслаждений; они к оным и устремляются, дабы, по распоряжению Всезнающего Мудреца, породить таким образом потомство и произвести свое подобие. Оные, далее, упорядочены с точки зрения тех орудий, что обеспечивают им благо и пользу и даруют наслаждения, предаваясь коим они и производят себе подобных. А именно, одни из них самодостаточны и в мужской особи нужды не имеют, как, например, курица, несущая яйца без совокупления с петухом; другие же нуждаются в мужской особи, случаясь и совокупляясь, чему примеры всем известны: лошади, ослы, овцы, коровы или люди. Упорядочены они, далее, по [способу] деторождения: одни [живо]родящи, другие же откладывают яйца, причем откладывают яйца те, у которых уши скрыты и не видны, а рожают те, чьи уши открыты и выдаются наружу. Упорядочены они и в том, что одни собираются вместе с особями своего вида, как, например, журавли в полете или вороны на гнездовье, или же скворцы, всегда совершающие перелет вместе, или гуси, или человек, образующий сообщества в поиске средств существования; другие же вместе не собираются, как соколы, ястребы и им подобные.

Все это мы сказали, дабы установить для оного весы вероисповедные чрез равновесие и взаимное соответствие. Так вот, поскольку разъясненный Закон (а это и есть истинная вера), последний из всех Законов, блистательней и выше рангом, чем все предшествующие Законы, следовательно, человек как телесное существо (то есть вид видов) выше всех видов животных. Поскольку число установлений и предписаний в истинном вероисповедании, посредством коих приближаются ко Всевышнему, больше, чем во всех прежних верах, следовательно, сложность человеческого вида и число его частей и орудий больше, нежели у прочих видов животных. Поскольку истинное исповедание является тем пределом, за коим нет другого предела и Закона, который отменил и заменил бы его, и он полон, так что не нуждается ни в приращении, ни в умалении, следовательно,

человеческий вид есть тот предел творения, на котором прерывается бытие телесных сущих.

Поскольку речение «Нет бога кроме Бога, и Мухаммед — посланник Бога» является для мира религии началом и той основой, на которой построены все прочие нормы, установления и обряды, изначальность же его связана с существованием глаголящего, который и есть основа полноты установлений, обрядов и границ, следовательно, сердце в теле человека является началом его бытия, и эта его изначальность связана с существованием растительной души, являющейся основой для бытия прочих органов. Поскольку религия имеет шесть долей, то есть явных обрядов: соблюдение чистоты, молитва, очистительная милостыня, пост, паломничество и джихад,— кои все связаны с седьмой, с причиной своего бытия, а именно с глаголящим, не будь которого, и их не было бы, следовательно, физическое строение [человека] включает шесть долей: две ноги, две руки, голова и корпус, кои все связаны с седьмой, благодаря коей они все существуют, а именно с растительной душой, не будь которой, и их не было бы. Поскольку религия с ее установлениями, обрядами и ритуальными действиями происходит от пророка, который для всех них причина в их бытии и их блюститель, и он же — дитя Разумного мира, как мы то ранее разъяснили, следовательно, человеческий вид с его [телесными] долями и душой — дитя Природного макрокосма: как в макрокосме есть объемлющие небесные сферы, светозарные звезды и планеты, четыре столпа, заоблачные горы, текущие реки, разные растения, всякие минералы и многое другое, о чем долго было бы говорить, так же в микрокосме есть оному подобно правильно распределенные орудия, светоносные постигающие органы чувств, четыре природы, прочные кости, текущая по жилам кровь, растущие волосы, наружные ногти и прочее, что уже объяснялось, когда мы уравновешивали мир на вероисповедных весах.

Коль скоро пророк (да благословит и приветствует его Бог!) выше рангом заветника, а имам — худджи, то ранг сердца предшествует рангу мозга. Раз заветник зависим и следует пророку (мир ему!), следовательно, мозг зависим и следует сердцу. Раз материя знаний притекает к границам от худджи, замещающего заветника, значит, печень распределяет питание тела, и от нее кровь течет ко всем

органам. Поскольку худджа зависим и следует пророку, помогая ему, распространяя и утверждая его Закон, устанавливая равновесность между его действиями и его Законом и между творением Всевышнего, научая границ и верующих мира религии, следовательно, печень своими материями служит сердцу. Поскольку извещающий проповедник размышляет о явных и скрытых вопросах призыва и религии и формулирует свои объяснения по поводу затруднительных религиозных вопросов (из тех, что ему задают и что он находит сам) так, что когда представляет их худдже, тот принимает их как допустимые, отделяет в них то, что вызывает сомнение и неуверенность, отбирает чистое и подлинное и делает это питанием для духов, различных по ступеням в мире религии, следовательно, желудок, служа печени, переваривает поступающую в него [пищу], дабы превратить ее в кровь, отделяет от нее содержащуюся в ней влагу и отправляет оную как мочу в мочевой пузырь, выделяет из нее чистую кровь для питания тела и рассылает ту к органам в соответствии со степенью их тонкости или плотности. Поскольку все проповедники служат проповеднику извещающему, ибо доводят до него свои вопросы, тем самым делая их причиной тех польз, что изойдут от него к ним (также как кусок пищи, бесполезный для пережевывающих его рта и зубов, поступив в желудок, будучи переварен и направлен к печени, которая выделит из него чистую кровь, становится их питанием и силой), следовательно, рот, зубы, челюсти и язык перемалывают пищу, помогая и служа желудку, к ним же от печени, обслуживаемой желудком, возвращается то, что для них полезно.

Поскольку те, кто связан с обоими поклонениями (знанием и действием), имеет в вопросах религии больше знаний и суждений, нежели связанные с одним только явным поклонением действием, следовательно, животное, обладая орудиями, обеспечивающими рост и доставляющими ощущения, сложнее [растения] и имеет больше частей и орудий. Из того, что в животном противоположностей больше, чем в растении, вытекает, что различающихся знаний и исповеданий среди отправляющих оба поклонения больше, нежели среди отправляющих только явное поклонение. Поскольку небесные границы больше пекутся о людях обоих поклонений ввиду возникающих в душе в силу зависимости ее от смеси своего тела многочисленных представлений, пагуб-

ных исповеданий и гибельных заблуждений и, желая сохранить ее, сущую, от погибели, наиправдивейшим образом воздвигли ей предшествующих пять границ: законополагающего глаголящего, разъясняющего истока, сохраняющего имама, научающего худджу, призывающего и пробуждающего проповедника, кои оберегают их от гибельных представлений и пагубных заблуждений и направляют туда, где их ждет правильное руководство, следовательно, животному ввиду большей противоположности его частей Бог даровал шесть чувств, чтобы те служили ему для его охранения и поиска полезного. Поскольку люди второго поклонения имеют науки, а каждая наука — свои разделы и положения, и все оное таково, как получилось от научения наставников, следовательно, тела животных имеют доли, доли имеют части, а каждая часть сложена в зависимости от влияния влияющих [небесных тел].

Поскольку вступающий в храм поклонения близок к знанию, коим обладают ему подобные из числа людей скрытого поклонения, ибо у него наряду с ними есть что-то от того знания, и он, будучи ниже всех рангом, имеет общность со всеми ими, следовательно, первый вид животных схож как с растениями, так и с животными, которых он всех по природе ниже. Поскольку в храм поклонения входят люди обоих поклонений, происходящие как из людей подзащитных, так и людей явного поклонения [4], следовательно, животные происходят от смеси, образованной как четырьмя столпами, так и смешавшимися с оной частями растений.

Поскольку пророческий призыв является началом бытия духовных форм в мире Разумов, следовательно, в мире Природы формы людских тел появились из земли, которая есть их начало. Поскольку знания, [полученные] путем [небесной] поддержки и откровения, не таковы, как [полученные] путем научения, следовательно, форма людей в начальном их бытии, когда они произошли из земли, была не такой, как сейчас, когда они существуют благодаря размножению. Поскольку [небесной] поддержкой и откровением знание дается сначала сразу и в общем, а затем подробно и раздельно, следовательно, людская форма сначала произошла из земли сразу, а затем, разделившись, существует путем размножения. Поскольку [небесная] поддержка и откровение делают душу более твердой, сильной и

верной, нежели научение через подобное и сходное, следовательно, в начале их бытия из земли сила людей была крепче, нежели потом у тех, что появляются путем размножения.

Поскольку все границы упорядочены по рангам поклонения, так что одни стоят лишь на первой ступени благородства, как, например, проповедник, имеющий один лишь ранг призыва и обладающий только теми связанными со скрытым поклонением знаниями, о которых уже говорилось, другие же стоят выше, третьи еще выше, и так вплоть до той границы, который обладает всеми рангами, каковая граница — пророк, собравший все добродетели и ранги, следовательно, животные упорядочены по обладанию пятью органами чувств: одни имеют одно чувство, другие два, иные же три, и так вплоть до того, кто имеет их все и является из всех наилучшим, а именно человек.

Поскольку границы в храме поклонения вкушают блаженство и усладу разговоров и диспутов, от чего происходит научение, следовательно, животное ищет чувственных услад, от чего происходит деторождение. Поскольку некоторые из людей обоих поклонений, довольствуясь разговором между собой, не нуждаются в проповеднике для [обретения] некоторых знаний скрытого поклонения, следовательно, некоторые животные не нуждаются в мужских особях для произведения потомства, как, например, курица. Поскольку некоторые из людей обоих поклонений не могут обойтись без научения от вышестоящих [границ] в том, что связано с вопросами разума, а также без того, чтоб ускользающее от чувств уподобить (облегчая душе познание оного) тому, что делает их в царстве животных животными, следовательно, некоторые животные, как четвероногие (коровы, овцы и им подобные), так и птицы (голуби, павлины и так далее), не могут в деторождении обойтись без мужских особей. Поскольку явное поклонение является причиной, обеспечивающей душе силу в религиозных знаниях, правильные нравы и суждения, и побуждает ее искать радость в научении других, ниже ее рангом в знании стоящих, следовательно, растение, давая животному свою легкость и тонкость, является причиной его силы, подвигающей его к поиску наслаждений в совокуплении, благодаря чему оно производит себе подобных. Поскольку получившие под-

держку благодаря истекающей на них благодати единства возвышаются в храме поклонения, превосходят прочих сынов своего рода, имеющих в бытии меньший ранг, и первенствуют в сравнении с ними, так что являются превосходящими *(фуḍалāʾ)*, а те в сопряжении с ними — превзойденными *(мафḍӯлӯн)*, следовательно, те люди, что имеют в смеси своего тела избыток *(фаḍль)* тепловой силы, каковую силу Всевышний сделал орудием существования добродетели *(фаḍӣля)*, превосходят в том прочих сынов своего рода, что стоят ниже их рангом, и они суть мужчины, а те — женщины.

Вот какое равновесие устанавливают весы вероисповедные, свидетельствуя о правильности нами сказанного. Слава Богу. Чье могущество неколебимо, Чье доказательство неоспоримо, Чья благость неиссякаема; да благословит и приветствует Бог Мухаммеда, великого делами, вознесенного положением, и чистых имамов из рода его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

УЛИЦА ВОСЬМАЯ

О животном как о чувственной душе и что́ она есть и как она есть; о тех знаниях, которыми она обладает для сохранения своего тела; какова она в своем совершенстве и силе и каково ее первоначало; о том, в чем она совпадает с человеческим видом и чем разнится

Сказанное доселе послужит нам достаточным основанием, чтобы подняться до познания той злом запятнанной души, что зовется душой чувственной. И прежде всего мы скажем, что поскольку то, самость чего не познается [чувствами] *(лā тудрак)* и не ощущается (когда бы так можно было узнать, есть ли она *[халийя* [1]*])*, [тем не менее] должно обязательно существовать по свидетельству своих действий, ибо оные действия явлены чувству скорее, нежели сам действователь (как, например, ощущение, кое есть действие, явленное нам скорее, нежели самость ощущающего), так что можно руководствоваться сим, облегчая путь к искомому, и поскольку такое облегчение пути к искомому и познание

оного означает, что суждение по действиям служит основой заключения о необходимости бытия того, о чем по свидетельству чувств нельзя сказать, есть ли оно, следовательно, те видимые действия и движения, кои совершает животное благодаря своим орудиям и кои не влекутся самостью тех орудий и не входят в их определения (благодаря каковым определениям они суть то, что они суть), составляют вернейший показатель бытия души, и существование оных [действий] есть величайшее для нее доказательство. Сие достаточно разъяснено в нашей книге «Светозарное доказательство имамата».

Мы уже говорили, что растительная душа возникает из тонких частиц земли, претерпевающих превращения (как было разъяснено) от проникающих в них влияний воздвигнутых для оного вещей, и из излучения небесных светил, сияющего в нижестоящих телах и на оные влияющего, возникает так, как мы показали на примере возникновения чернил из чернильного ореха и купороса, или возникновения огня в железе под влиянием осыпающих его ударов молота. Теперь же, стремясь к поставленной цели, скажем: сии истонченные, чтоб быть растением, частицы земли, смешавшись с частицами растений, становятся новой смесью с многократно умноженными силами, которую Всевышний назвал «квинтэссенцией праха» [2]. Соединение того сияющего излучения светил, благодаря коему возникла растительная душа, с оной смесью, подготовленной и образованной из частиц земли и частиц растений, то есть квинтэссенцией, есть причина бытия той души, возникновение коей напоминает возникновение огненного пламени в куче каменного угля, когда в него помещены горящие угли, или же покраснение и возгорание железа под ударами молота.

Сия душа не есть растительная. Она — самость, что благороднее и выше оной рангом. Она имеет то, чего лишена растительная душа, и обладает действием и растительной, и чувственной [души] совокупно. Она в своем бытии такая же, как среди чисел сотня, сбирающая и разряды десятков, и разряд сотни, или же как лекарства, среди коих есть такие, что воздействуют только на один из органов тела (как, например, таблетки, воздействующие на одну лишь печень и оную, если их выпить, выправляющие, или же пилюли, что воздействуют на мозг), а есть и универ-

сального действия, совмещающие оба действия (например, укрепляющие отвары и прочее). Для сей души вне[природные] Разумы и их струящиеся во всех телах светы суть то же, что для тех истонченных частиц излучение влияющих на них тел, благодаря коему возникла растительная душа: они (светы Разумов.— *А. С.*) воздействуют на нее, и в ней, подготовленной и принявшей от них многожды более, чем принимает душа растительная, появляется знание своих выгод и благ, каковое знание и есть для сей души совершенство и благодаря коему она ищет все для себя подходящее и бежит от всего себе противоположного и с собой несовместимого,— так же в сущих фруктах возникают цвета, желтый и красный, от [воздействия] солнца, когда оно их достигает и когда они приходят к своему совершенству.

Сия душа, в соответствии со своей природой и смесью, имеет свои особые привычки и совершает свои особые действия, от коих не отклоняется ни по выбору, ни по размышлению, ни по мнению. В действиях своих она схожа с огнем, сжигающим и нагревающим, и с водой, что увлажняет и течет, не размышляя и не выбирая. Всему этому ей не нужно учиться, ибо самости ее достаточно тех [знаний], что получились в ней благодаря вне[природным] вещам, придав ей совершенство. Она постигает сенсибельные вещи в границах своего постижения уготованными ей орудиями, не утверждая в своей самости их форм, когда могла бы размышлять об оных вещах. А не приемлет и не утверждает форм животная *(бахӣмийя* — т. е. всех животных, кроме человека.— *А. С.*) душа потому, что по натуре *(джибилля)* своей происходит из смеси, сходной со смесью растительной жизни; хотя ее смесь и сильнее, и выше рангом, однако же ближе к столпам, нежели удаленная от них смесь человека. Посему та смесь, не имея того, чего она не имеет, лишена и того, что от оного происходит и благодаря чему она бы самостно принимала и сохраняла [формы], ибо стоит ниже ранга того, что способно принимать устраняющие его ущербность [формы]. В силу этого предельная цель бытия сей души — чтобы ее ранг был над рангом растительной жизни; а иметь ранг над рангом растительной [души] она может лишь тогда, когда стоит выше оной во всех смыслах, что делают растущего растущим. И

вот, если произрастающий ищет материю для сохранения своего тела в глубинах земли, то сия [душа] — на земле; если тот посылает свои корни вправо и влево, а также в недра земли, будучи сам недвижим, то сия [душа] движется во всех направлениях, перемещаясь над землей; если для него возможность поиска необходимой материи сужена, ибо в его распоряжении только один участок земли, то для нее открыт простор благодаря многочисленным орудиям поиска оной материи и передвижению по многим участкам земли; если тот не имеет некоторых вещей, что доставляли бы ему материю и сохраняли его тело от порчи извне, то эта имеет чувства, что, как стражники, хранят ее тело.

И вот, будучи так сложена, она не принимает от сущего форм в их (форм.— *А. С.*) виде, как они есть, и не фиксирует их, как та бумага, что выделывается из специально подготовленных частей особым образом и получает первое бытие от мастера, ее изготовляющего. Она не имеет ничего, чем могла бы сохранять доверяемые ей письмена и формы в их виде — ни придающих ей стойкость рисовой воды и крахмала, ни помогающей сохранять вверяемое ей полировки, сглаживающей выступающие части и не дающей формам написанного расплываться и утрачиваться (когда бы письмена расплывались и утрачивали свою суть). И вот на этой ступени, когда она — бумага, цель ее бытия — быть пригодной к тому, что в ней будет устроено, сохранять собранными свои частицы и не давать им распадаться, а не принимать письмена. Итак, сия душа занимает в бытии такой ранг, что не способна и не в силах зафиксировать формы; она существует для того, чтобы быть совершенством для своего тела, обходясь в его сохранении врожденным знанием.

Находясь в живом, сопровождая тело и помогая ему (а это ей более пристало, нежели быть самосущей, ибо она столь невежественна и самость ее столь пуста, что такой она быть не может), эта душа обладает индивидуальным бытием, в силу чего она и [делится] на виды. Посему ученые, определяя душу (то есть животную душу, к каковым животным относится и человеческий вид), говорят, что она есть совершенство природного обладающего орудиями тела. Это определение общее, даваемое для разных видов души. Такова душа животных (*бахā'им* — т. е. исключая человека.—

А. С.): зверей, птиц и прочих, о каковой душе мы говорим, что она — не потенциальная, когда бы, обретая актуальность, она обретала и дополнительное благородство. Нет, она в этом своем качестве является предельной целью, а доставленное ей вне[природными] вещами (что мы сравнили с краснотой и желтизной плодов, доставляемой им солнцем) есть ее второе совершенство, благодаря коему она актуальна. Поэтому действия ее постоянны и неизменны, а издаваемые ей звуки одинаковы и не меняются. Так же среди видов растений каждый обладает своим индивидуальным неизменным действием и дает свой особый постоянный плод, и так среди видов [минеральных] тел каждый имеет особое действие, от коего не отклоняется, ибо оно для него — предел, ставший его вторым совершенством.

Что ж до человеческой души, то она, хоть и относится к животным душам, но, будучи потенциальной, а не актуальной, не подобна им. Она такова потому, что существует не только для своего тела (подобно душам животных), но и для себя самой, ведь она есть тот предел, к которому восходит вся сотворенная природа. Когда пришло в движение колесо размножения (о чем мы говорили), она в своем бытии вобрала в себя силы растений и силы животных, напитавшись оными, и, имея уготовленные ей орудия и доставляемое ей питание, стала как та земля, из частиц которой вместе с частицами растений возник дух растений и животных; так бытие ее проистекло от тех двух тонких [родов], растения и животного, что произведены Природой. Она максимально удалилась от природной грубости и темени, и подготовленность ее превзошла ту, что имелась у нее прежде, в ее первом бытии. Силы ее приумножились столь же, сколь, как мы писали, приумножились силы растений и животных, вместе взятые; и вот она стала высшим видом, побратавшись со всеми родами, видом, соседним с видами того рода, что стоит выше и есть для него предел, видом, собравшим все, что соотносит его с обоими родами (т. е. собственным и высшим.— *А. С.*). Так же гипс имеет то, что соотносит его и с землей, и с минералами, так коралл имеет то, что соотносит его и с растениями, и с минералами, так дерево ваквак, ракушки и финиковая пальма обладают тем, что соотносит их и с растениями, и с

животными, о чем уже шла речь. Посему и говорят, что она (душа человека.— *А. С.*) — вид видов и что существует она не для того только, чтоб быть совершенством для своего тела, ибо в таком случае она, подобно однородным с ней душам, переставала бы существовать с прекращением бытия ее тела, и тогда приращение орудий и сложности оказалось бы бессмысленным, тогда знания, коими обладает человеческая душа, были б не более чем знание о выгодах своего тела (как то имеет место у однородных с ней душ), ибо в прочем она и не нуждалась бы как в излишке *(фадль)*; тогда мудрость была бы ущербной, ибо не существовало бы то, что могло быть. Но коль скоро не это, а обратное верно, то тем установлено, что бытие ее — не только для ее тела, но и ради того, чем она обладает сама для себя.

Она, таким образом, занимает положение ниже, нежели положение вышестоящего, но и отделена от однородных с ней душ, кои все актуальны, ибо совершенство ее не в том приличествующем душам сохранении своих тел, но в тех вещах, что суть для ее собственной самости, а не для ее тела, а они — не те природные живые знания, коими обладает и она, и однородные с ней души. Будучи такой, она в сопряженности с вышестоящим, вне[природным] потенциальна, и для обретения второго совершенства в акте нуждается в упражнении, труде и стяжании под руководством поддержанных небесами. Ее действия изменчивы, а привычки переменчивы (ведь потенциальное именно таково), поскольку душа сия своего совершенства еще не обрела и не достигла, и она не актуальна, в отличие от душ прочих видов животных, каковые души в своих действиях всегда одинаковы. Будь она актуальна и достигни уже своего совершенства, действия ее, влекомые добродетелью, чистотой и святостью, были бы всегда единообразны. Поскольку же эти действия — ради ее самости, а не ради ее тела, то, будучи в чистом виде пределом всех видов животного рода и результатом всего, что Природа (как движущая, так и движимая) вывела в бытие, эта душа как самость есть то же, что виды прочих родов суть как тела (а не как души) с той точки зрения, что в сопряжении с мастерами и умельцами они потенциальны, так что переход сей души в акт — от вне[природных] Разумов, так же как даваемая растительным миром древесина потенциальна, а в акт переходит

благодаря плотнику, наделяющему ее формами своего ремесла, и так же как тела минералов потенциальны, совершенство же их проистекает от мастеров — ювелиров, литейщиков и кузнецов — и дается формами их ремесла. О ее бытии (то есть ее первом совершенстве) и о том, что для достижения своего второго совершенства она нуждается не в том же, благодаря чему существует (то есть имеет первое совершенство), а в ином,— должно быть сказано то же, что было сказано в главе о растениях, когда был приведен пример произведенных умельцами вещей, коих первое бытие связано с одним мастером, а второе — с другим, не с тем, с которым связано первое.

Итак, будучи потенциальной, человеческая душа отличается от прочих душ, кои актуальны; она существует ради себя самой, а не ради иного; ее совершенство заключено в разумном и чувственном вместе, совершенство же тех [душ] — в чувственном, а не разумном; ее действия изменчивы и претерпевают превращения, а действия тех не изменяются и не знают превращений; она мыслит и фиксирует в своей самости формы вещей, а те не мыслят и не фиксируют формы вещей в своих самостях; она пребывает после распада своего физического носителя *(шахṣ)*, а те погибают и исчезают, подобно акциденциям; ее определение — совершенство своей самости, а определение тех — совершенство своего тела.

Отличаясь от них вышеперечисленным по своей самости, она совпадает с ними по своей смеси в действиях, кои свершает только посредством своего тела, гневаясь, мстя и производя иные действия ради своего блага, отыскивая питание, стремясь к подходящему и убегая от неприятного,— например, уходя в тень, когда ей жарко, и взыскуя солнца и тепла, когда холодно, стремясь к соитию и наслаждению, кое служит причиной воспроизводства и порождения подобия, ища побед, прибегая к предательству и хитрости и свершая тому подобные, обусловленные природностью ее смеси действия ради все больших выгод и услад для своего тела.

Что до начала ее (животной души.— *А. С.*) бытия, то в этом между ней и людской душой различий нет: растительная душа со своими силами служит и ей, и прочим видам животных основной *(аṣль)* и ближней поддерживающей причиной, не будь которой, и их бы не было. Она (растительная душа.— *А. С.*) для нее (души животных, в том числе человека.— *А. С.*), как тройка для чисел, ибо тройка — поддерживающая причина бытия четверки, или как четверка — поддерживающая причина бытия пятерки, или как десятки — [поддерживающие причины] бытия сотни. В этом плане она (душа человека.— *А. С.*) с ней (душой животных.— *А. С.*) соотносится и схожа. Однако подготовленность смеси у человеческой души такова, что она выше и благородней, чем та изначальная подготовленность. А именно: находящаяся в матке восприемлющая материя столь подготовлена и утончена, что среди сенсибельных вещей ее можно сравнить с бальзамом, готовым, под воздействием теплоты солнца, к возникновению в нем огня. Так вот, тело зародыша в матке, подготовленное изнутри растительной силой,— как извлеченный из бальзамового дерева бальзам, наполняющие воздух и мир светы движущихся [небесных] тел для него — как солнце для бальзама, а возникновение в нем жизни — как возникновение огня в бальзаме под воздействием солнца. Все это потому, что человеческая душа есть тот предел, за которым уже нет предела в бытии иного сущего.

О правильности нами сказанного свидетельствуют законы пророческого произведения и весы его, кои суть весы вероисповедные. Коль скоро входящий в храм поклонения, соединяющий оба поклонения, поклоняющийся Всевышнему верующий имеет душу людскую [3], а не душу скотов, и не только одна людская душа нужна тут, но также и благодать и сила явного поклонения, следовательно, бытие чувственной души проистекает не от земли, собравшей силы всех прочих тел, и не от одних собственных сил, но от них и сил растения совокупно. Поскольку отправляющая явное поклонение людская душа бывает побуждаема к высотам скрытого поклонения, так что получает знания, полезные для себя в своем явном поклонении, следовательно, происходящие из земли и частиц растений силы, то есть [животная] душа, приемля влияние влияющих [небесных тел], благодаря каковому влиянию прежде получились растения, приобретает знания на благо своего тела.

Поскольку в храме обоих поклонений среди людских душ есть как лицемеры, вроде «вновь обращенных» [4], которым религиозные деяния служат только для того, чтобы ради одних мирских благ сохранить свое положение, богат-

ство и могущество, так и праведные верующие, взыскующие в поступках своих и мира дольнего, и мира загробного, следовательно, в царстве Природы среди животных душ есть как души скотов, зверей, птиц и прочих созданий, каждое со своим рангом, и все их действия — только ради их тела, так и души людские, чьи действия — и для тела, и для души. Поскольку людские души, не связанные с законоустановленными поклонениями и божественными законами, будучи заняты борьбой за власть и корысть, стяжая богатства и убивая, взалкав, подобно диким зверям и скотам, удовлетворения похотей и страстей, желая безраздельно царить, притеснять и чинить произвол,— поскольку такие души далеки от блага, никогда не стяжают вечного блаженства и исчезнут *(дусӯр)* с арены бытия после смерти, следовательно, та чувственная душа, коей обладают дикие звери и скоты, заботясь лишь о сохранении их тел и удовлетворении, в соответствии с их смесью, всех их страстей и вожделений, далека от блаженства, даруемого божественным знанием, не может существовать после разрушения своего тела и должна исчезнуть. Поскольку действия того, кто праведен в явном поклонении Господу и отправлении обрядов своей религии, неизменны, так что, свершив одно из них (омовение, молитву, коленопреклонение, простирание ниц, пожертвование, пост, паломничество, джихад и прочие обязательные и узаконенные действия, связанные с явным поклонением), он это же действие свершит и в другой раз так же, ни в чем первое не превысив, следовательно, привычки и действия чувственной души скотов неизменны и единообразны, так что, издавая звуки или свершая иное действие, она всегда поступает так же, как раньше.

Вот что, чрез взаимное равновесие и соответствие, поведали нам весы вероисповедные, извлекши на свет скрытое, к чему правильнее, вернее, скорее и лучше всего прийти, опираясь на свидетельство пророческих уложений, рангов призыва и божественных знаний. Слава Богу, Создателю небес и земли, Вседержителю; да благословит и приветствует Бог велеречивого и сладкоустого пророка нашего Мухаммеда, перла посланничества, заветника его Али и чистых имамов из рода их.

УЛИЦА ДЕВЯТАЯ

О человеческой душе как чувственной; о том, что возникает в ней в ее бытии — первом совершенстве и чем стяжает она свое второе совершенство, и какова поддерживающая причина оного; о том, какую конечную цель она достигает в своих действиях; о том, что́ в ней играет роль материи и что́ — формы; о том, каковы возникающие в ней отпечатки стяжания; о месте ее среди сущего; и о том, что она и едина, и множественна

После того, что мы сказали о бытии души, и какова она, мы приблизились к познанию ее, так что не трудно будет нам постичь оное. В ней есть такое, чего нет у природных вещей и небесных светил, от коих произошла она, например, питание, рост и способность выбирать *(ихтиёр)*. А такова она не благодаря тем небесным светилам, но благодаря тому, что есть в ней как бы восприемлющее. А как сие существует для нее и в ней, поясним на примере солнца, которое чернит кожу, тогда как в лучах своих черноты не содержит; или на примере гнева, от коего тело бросает в жар, тогда как сам гнев жаром не обладает; или на примере точильного камня, заостряющего железо, хоть сам остроты и не содержит. Итак, она в самости своей воспринимающая и в бытии своем форм и знаний не имеет (также как тело ее в своем бытии не имеет одежды) и нуждается в том, чтоб воспитать себя (также как тело нуждается в одежде, питании и уходе); счастье же ее — в обретении форм и стяжании, как то ей удастся (также как счастье ее тела — в достатке и обновлении, как то ему удастся).

Изначально в своем бытии душа невежественна. Невежество — это отсутствие истинных знаний в самости. В сем она бывает двояка, причем в одном случае она лучше и выше, чем в другом. Более высокое состояние — ее невежество, когда не имеет она форм познаваемого; более низкое — когда обретенные ею формы познаваемого противоречат и не совпадают с познаваемым. Это и есть несчастье и величайшее испытание. Посему простонародье и подлый люд, подчиняясь велению своей смеси, дьявольские наущения и советы, портящие и ведущие их к гибели, приемлют

скорее, нежели наставления добродетельных старцев, ради их благополучия даваемые. Итак, она свободна от форм сенсибельного и умопостигаемого, оных не имея так же, как белый лист бумаги или незаполненная дощечка для письма, или же чувства, когда им нечего постигать; и знания она лишена, имея из оного лишь природно-обусловленное своей смесью и связанное с ее телом. Так потому, что она потенциальна; в таком состоянии она — как материя, потенциальная субстанция, готовая принять то, что исполнит ее самость.

Поскольку она такова и знания не имеет, то и сказал Всевышний: «Бог изводит вас из утроб матерей ваших, тогда как вы ничего не знаете»; [1] и пророк (да благословит Бог его и род его!) сказал: «Всякий новорожденный рождается в лоне ислама, родители же делают его иудеем, христианином или огнепоклонником». Это означает, что всякая обретшая бытие душа чиста, индивидуальна и свободна, не имеет ни формы, ни знания, ни исповедания, ни мысли, а обретает исповедание и знание благодаря научению наставников, из коих ей всех ближе родители. Они, как знают, учат ее, и если они огнепоклонники, то и она становится огнепоклонницей; если они христиане, то и она становится христианкой; если они иудеи, то и она становится иудейкой; а если они мусульмане, то и она становится мусульманкой. А если бы душа изначально имела в своей самости форму — в смысле знания, не связанного естественным образом с интересами ее тела, то, обладая оной, она бы привходящее (т. е. новые формы знаний.— *А. С.*) не могла принять. Ведь принимающий форму не должен иметь в своей самости никакой другой, а иначе то воспрепятствует ему принять привходящее. Например, как известно, слух не может принять и понять смысл другого звука, если уже занят каким-то звуком; или же гемма не может принять другое изображение, пока не стерто первое; или же вода, принявшая красный цвет, не может принять другой цвет как таковой. Итак, душа свободна [от форм] в своей самости; она, как мы сказали,— природно-возникшая жизнь.

Хоть и говорят о ней, что она душа или же дух, но тот смысл, благодаря которому она есть то, что она есть,— это жизнь. Оба эти названия верны и за пределы жизни не выходят: душа живая и есть душа, и то же относится к духу. Если живого, могущего и знающего человека мысленно

лишить знания, то с устранением оного не исчезнет ни могущество его, ни жизнь; если же отнять от него жизнь, уйдут и знание, и могущество, и вообще все, что с жизнью связано и благодаря ей существует. Поскольку она сбирает все эти атрибуты, будучи таким образом воспринимающей их, то она и есть основа существования всего прочего, и ничто другое ей не предшествует. Итак, она — сущая в мире Природы жизнь с воздвигнутыми для нее божественной мудростью предустановленными орудиями, воспринимающая все, что должно ей воспринять из форм, схожих с той изначальной, сотворенной жизнью, о которой говорилось во введении сей книги. Занимая этот свой ранг, она не может быть актуальной субстанцией, ибо субстанция есть нечто самостоятельное, она же становится [2] благодаря стяжанию того, что делает ее иной, то есть не такой, какова она. Нельзя о ней сказать и того, что она — актуальный разум (хоть о людях и говорится, что они разумны), ибо в сем своем ранге она потенциальна, но, практикуя обязательные в вероисповедной общине обряды, ритуалы и божественные установления, она станет актуальным разумом, и тогда будет поистине разумной.

А говорится о ней, что она — душа, потому что от нее исходят действия в соответствии с ее смесью и изначальной природой. Если же исходящие от нее действия обусловлены волей к стяжанию счастья и удалению причин страдания, тогда она — разум для душ, тогда она получает все то, что переместит ее с ее ранга на ее конечный предел. Потому она — последнее из сущего и его второй предел, также как та сотворенная жизнь (то есть Первый Разум) есть первое из сущего и его первый предел; поэтому она — завершение круга творения. Все осуществленное мудростью ведет к ее совершенству; и вот, поскольку она в бытии своем восходит к тому пределу, что в основе и местоположении своем соответствует той изначальной основе (т. е. Первому Разуму.— *А. С.*), на сию жизнь оказалось изливаемо истечение; сия жизнь восприемлет, а та (т. е. Первый Разум.— *А. С.*) сопрягается и с ней совокупляется — и вот они соединяются воедино (о чем мы еще будем говорить). В ней возникает то, что образует ее совершенство и направляет ее самость к достижению второго совершенства, а именно те действия, что происходят от поддерживающей их причины, ее самости присущей, благодаря коей они выходят на арену бытия

и поднимаются к стремлению *(шавқ)*. Стремление — их универсальное имя, а по каждому предмету стремления *(муштāқ)* они получают индивидуальное, определяемое тем предметом имя. Итак, стремление является поддерживающей причиной того, что возникает в ней (душе.— *А. С.*).

Поскольку по своей самости душа потенциальна, ущербна и нуждается в тех дарующих ей счастье знаниях, в которых заключено ее совершенство, и поскольку в ее самости в силу ее ущербности и того, что она чувственная, имеется потребность, влекущая ее к тому, что удовлетворило бы ее, и поскольку сия потребность и есть стремление, то она, таким образом, обладает стремлением, однако это стремление, как и она сама, потенциально. Когда же ее чувства встречаются с ощущаемым, она крепнет, огонь ее разгорается и вспыхивает, и благодаря стремлению она актуализируется, толкаемая им на осуществление тех действий, что сим стремлением обусловлены в каждом из состояний ее самости. Посему стремление по рангу предшествует тому, что возникает в душе и что стремлением не является, тому, благодаря чему обретается совершенство (хотя вместе с тем актуализация стремления и зависит от актуальности ощущения). Стремление в зависимости от своего предмета может иметь различные названия (как и душа именуется по-разному в зависимости от своих действий).

Если предметом стремления служат наслаждения, тогда оно является страстью *(шахва)*. Таковое относится и к растительной, и к чувственной душе и связано с телом, ибо способствует обретению материй для его сохранения. Страсть распадается на разновидности, из коих каждая имеет особое название. Так, страсть к еде — это голод, к воде — жажда, к совокуплению — похоть, и так далее.

Если же предметом стремления служит возмездие, то это — негодование. Негодования лишены многие животные (например, черви и другие, с ними схожие), у которых тело защищено извне благоприятной для них средой; оно свойственно тем животным, что стоят выше по своей смеси, тонкости и умеренности. Восприятие негодования характерно для действий той смеси, что отличает чувственную душу, действий, направленных на сохранение и ее тела, и ее самости. Тело охраняется от того, что может так или иначе навлечь на него порчу извне, будучи ему враждебно и противоположно; либо таковое изгоняется, либо душа от него отстраняется. Тому есть много названий, смотря по тому, каково негодование и проистекающее от него действие, как-то: жалоба, порицание, злоба, вражда, ненависть; если проистекающие от того действия сопровождает могущество, то они суть оскорбление, избиение, заточение в узилище, умерщвление, беспощадная расправа и тому подобное; если же могущество их не сопровождает, то — бегство, отстранение, враждебность и тому подобное. А самость ее охраняется от того, что может ее погубить; тому есть много названий, смотря по тому, каково негодование и проистекающее от него действие. Если оно относится к гнусным безобразиям, коим противится и от коих бежит душа, то это — гордость *(ʾанафа)*; если — к порицаемому, то это презрение *(ҳамийя)*; если — к связанному с низостью и подлостью, то это возмущение; если — к скверным и греховным делам, вредным и постыдным для самости, влекущим недовольство, то это порицание, джихад и свершение [необходимых] действий, и тому подобное.

Если же предметом стремления служит завоевание счастья благодаря познанию предшествующих поддерживающих причин и исполнение предписываемого поклонения и послушания, то такое стремление есть воля *(ирāда)*. От нее проистекают действия, каждое из которых носит свое имя. Когда душа, почитая то за благо, стремится не допустить обмана и всякую вещь вернуть ее хозяину, то это честность *(ʾамāна)*; когда стремится исполнять божественные приказания, во всем им следуя, это вероисповедание; когда стремится обрести близость к Всевышнему — о чем сказал пророк (да благословит и приветствует Бог его и род его!): «Ближе всего бывает раб к Богу, простираясь ниц»,— занять душу тихой беседой с Господом и благоговейно смириться пред Ним, это молитва; когда искренне и не по обязанности стремится к благу исполнения должного во имя Божьей милости, это очистительная милостыня; когда стремится обуздать похоть души, это целомудрие; когда стремится укрепить душу в следовании божественным установлениям и нормам, закалить ее в горниле божественных предписаний и запретов, это пост; когда стремится уподобиться Божьим границам, пророкам, посланникам и приближенным ангелам в свидетельствовании храма поклонения и отправлении его обрядов, это паломничество; когда стремится получить от Бога блага, это мольба; когда стремится к

утверждению правды, это правосудие (*'адль*); когда стремится помочь притесняемому, это милосердие; когда стремится уравнять обе стороны и удержать с притеснителя в пользу притесняемого, это справедливость (*инṣāф*); и прочее, сему подобное и ему противоположное, для чего всего есть у воли свое название. Все эти воли появляются в душе как завершающие, по прошествии им предшествующего в ее бытии; они направлены на благо ее самости, завершая и выправляя ее. Сии воли суть характернейшие из действий ее ради самой себя, а не ради своего тела. Что ж до их противоположностей, то они определяются смесью, качество которой и обусловливает проявление их в сущей от оной смеси душе, которая не придерживалась законоустановлений вероисповедной общины и не соблюдала их.

Таким образом, стремление, кое есть иное выражение для потребности души, распадается на страсть, негодование и волю. Сими тремя усиливается и становится совершенной душа для исполнения действий в согласии или неприязни, ища и убегая, привечая и отворачиваясь, любя и ненавидя, в дружбе или вражде, в страхе или спокойствии, в довольстве и негодовании; из оных возникают в ней нравы, определяющие ее действия, как мы о том писали в «Приметах веры» и «Короне разумов».

Все вышеперечисленное возникает постепенно, одно за другим; совершенство же [достигается] при достижении предела, благодаря которому исчезает все, что должно исчезнуть (ведь известно, что поскольку стремление проистекает от нужды и ущербности, а с достижением совершенства исчезают нужда и ущербность, то с их исчезновением исчезает и стремление, от оных проистекающее), кроме связанного с ее самостью стремления к объятию неподвластного. Сие стремление для нее, стремящейся, выливается в восхваление, прославление, превознесение и возвеличивание. Сие стремление — величайшая конечная цель; бывает же оно, когда ее ранг — тот же, что ранг Разумов, разумеющих собственные самости, кои суть разумеющие, разумеемые и разумы.

Когда оказывается в душе это стремление, она, побуждаемая теми формами, в коих нуждается, взыскует исполненности своей самости; тогда в ней возникает ощущение сенсибельных вещей, что вне ее и одной с ней природы. Первой полноты своей достигает она, обретая их формы

уготованными ей и в ее тело внедренными орудиями, при посредстве коих она пополняется и стяжает, будучи в своей самости, как мы ранее говорили, подобна белой бумаге, обработанной рисовым отваром и крахмалом, свободной от письмен, готовой принять все, что ей встретится. Душа принимает формы сенсибельного благодаря некоторым внешним посредникам, кои воздвигнуты потому, что ни ее, ни сенсибельных вещей самих по себе недостаточно для ее совершенства, но необходимы еще и подобные [посредники]. Так, восприятие форм через глаз совершается при посредстве воздуха и света: отпечатывающиеся в нем формы, цвета и качества передаются силе зрения в глазу, когда свет оказывается напротив и соприкасается с поверхностью зрачка. Тогда глаз ощущает их и окрашивается их цветами; а не будь света, глаз не смог бы с ними соединиться. Глаз — лишь один из органов чувств, коими душа восприемлет; сие восприятие именуется улавливанием вовнутрь. Для воспринимаемого ухом посредником служит только воздух, соприкасающийся с ухом и соединяющий его с тем местом, откуда исходит слышимый звук: когда частицы его приходят в движение, душа ощущает, не нуждаясь при этом в свете. Что ж до расстояния, на котором воспринимается звук, то это зависит от силы звука, приводящего частицы воздуха в движение. Для постигаемого обонянием посредником служит воздух (однако запахи воздух переносит, только если есть обоняние); обоняние зависит от силы запахов и от того, насколько они распространяются в воздухе. Что же до вкуса и осязания, то тут не требуется посредство воздуха, и они осуществляются при непосредственном соприкосновении.

Все это — улавливание внутрь. В этом состоянии душа не схожа с теми формами сенсибельного, кои может случиться ей обрести, как и формы сенсибельного не схожи с ней, но не потому, что их субстанции друг другу противоположны, а потому, что они ущербны, и потому, что, будучи потенциальны, они нуждаются друг в друге, чтобы стать актуальными. Когда благодаря органам чувств ощущающий встречается с ощущаемым и чувство постигает предмет своего ощущения, принимая его форму, они, став схожими, соединяются и становятся актуальными; этот — актуально-ощущающим, а то — актуально-ощущаемым. Так же качественно не схожи железо и огонь, но железо,

принимая форму огня, становится подобным огню, а огонь, воздействуя на железо — подобным железу: здесь не сам огонь оказался в железе, но именно его воздействие, благодаря коему железо стало таким же, как огонь. Так же не схожи одно с другим белое полотно и шафран, но если полотно примет шафрановую краску при посредстве влаги, доносящей ее в глубины полотна, то оно станет желтым подобно шафрану: здесь не сам шафран оказался в полотне, но его воздействие, то есть краска, оказалось в нем, так что полотно стало таким же, как шафран. Итак, чувственная душа принимает сенсибельные формы, и те становятся в ней актуальными и (благодаря сходству с душой и связанности с ней воедино) такими же, как она. Эти формы, принятые и хранимые в самости [души], не таковы же, как были вначале в ощущаемом, но здесь они отделены от материи и имеются сами по себе. Так достигается первое совершенство души.

Достигнув сей ступени, когда самость ее единолично обладает этими формами, душа поднимается над соотнесенностью со скотами и зверями и подходит на пути достижения сходства и соотнесенности с вышестоящим к тому порогу, преодолев который благодаря получению [знаний] *(истифāда)* она превращается в приобретенный полученный *(муктасаб мустафāд)* разум. Роль материи в ней выполняет то, что, как мы говорили, происходит от природной смеси, а роль формы — приобретенные чувствами знания и благодать исполнения законов поклонения, кои суть причины ее выправления и превращения в пребывающую субстанцию в силу соединения ее с пребывающим.

Благодаря этому в душе возникает действие, именуемое представлением *(тахайюль)*. А именно: когда чувство устремляется к тому, чтобы принять извне формы сенсибельного, принятие их становится поддерживающей причиной существования представления, кое есть воздействие на формы и качества их, воспринятые и хранимые как таковые (т. е. без их материи.— *А. С.*). Уловленные чувствами и оказавшиеся в самости души формы (каковые формы стали с душой едины и суть для нее первое совершенство) становятся предметом действия души, которая их комбинирует и уравновешивает. Исполненность и свершенность этого действия проистекают от объятия сих принятых форм; так же точно исполненность и свершенность ощущения проистекают от

ощущаемого. Поскольку сии сенсибельные формы — первое совершенство души (также как для тел длина, ширина и глубина — первое совершенство) и поскольку формы интеллигибельного как таковые для нее — второе совершенство (также как все искусственные формы и качества — второе совершенство для тел), то они, эти оказавшиеся внутри [души] формы сенсибельного, являются для нее предметом воздействия, принадлежащим ее самости, на который она самостно воздействует, представляя и уподобляя.

Ощущение и представление суть два действия души. Когда она воздействует на сенсибельное и постигает его вне себя, это ощущение; когда она воздействует на эти полученные от сенсибельного формы как на то, что для нее является сенсибельным (даже если само сенсибельное для нее уже не наличествует), это представление. Одно из этих двух действий внешнее, а другое внутреннее. Ее состояние и занимаемая ею ступень выше, когда она совершает одно из них: воздействуя на сенсибельное, являющееся материей и формой и находящееся вне души, она воздействует на телесное и материальное, а когда воздействует на то же, отдельное от своей первоматерии и материи, то есть на форму сенсибельного, имеющегося внутри [души], то совершает духовное, отстраненное от первоматерии действие; она высока тем, что в этом действии не нуждается ни в помощи чувств, ни в своем теле, в то время как в том действии ей без такой помощи не обойтись. Оба этих действия суть единое действие, однако различие предметов делает их двумя действиями. При этом представление, то есть воздействие на отделенную [от материи] форму, практически всегда сопутствует тому, кто обладает чувством, ибо чувство производит представление, как только встречает сенсибельное. Поэтому представление действует вместе с чувством: как чувство действует вовне, так представление — внутри. Ведь известно, что производит эти два действия одна и та же самость, и когда наличествуют постижение *(идрāк)* и понимание *(фахм)*, производимые ощущением (кое есть действие извне), почти всегда есть и память и мысль *(фикр)*, производимые представлением (кое есть действие изнутри): потребность в одном такова же, как потребность в другом, и действие это со всех сторон является утвержденным, и одно другому (ощущение представлению.— *А. С.*) предшествует только по рангу. Здесь дело обстоит так же, как с воском,

принимающим и сохраняющим отпечаток: ни сохранение [отпечатка] не предшествует [его] принятию, ни принятие не предшествует сохранению, но то и другое происходят сразу. Так же и ощущение, но при распределении по рангам одно предшествует другому.

Запечатление сенсибельных форм не означает, что эти формы как таковые оказываются в самости души, когда, пожелай она исторгнуть их наружу и прилепить к своему месту, это оказалось бы возможно для всех них, но это означает, что душа получает формы и чтойность сенсибельных вещей вкупе. Что до тех форм, что не духовны, а суть качества, то они оказываются в душе сразу же, как только чувство сталкивается с ощущаемым, причем они могут угнездиться и остаться в нем (чувстве.— *А. С.*), а могут и не остаться; что же до чтойности их, то именно ее получает душа, и она остается в ней навсегда. Так же и количество, возникающее от представления, то есть внутреннего воздействия на отпечатки сенсибельных вещей. Именно это укрепляет и поддерживает врожденную натуру *(джибилля)* души. Вот тому пример: если известна чтойность тела, а именно, что оно имеет длину, ширину и глубину, то это не значит, что известно, квадратное ли оно, или треугольное, или имеет форму истукана; или же чтойность человека, которая состоит в том, чтобы быть совершенным, разумеющим нормы вероисповедной общины, добродетельным, в целом же — живым, глаголящим, воскрешаемым, а не в том, чтобы быть белым или негром, долговязым или коротышкой, мужчиной или женщиной, старцем или юнцом, остряком или занудой. То же относится и к определениям. Все это дает душе представление; однако в совершении сего действия, именуемого представлением, душа различна: может быть так, что представление, то есть действие ее, когда она сравнивает формы, устанавливает их сходство, комбинирует и противопоставляет их, было ложным, ибо сама она была в сомнении и нуждалась в дополнительном запечатлении форм (как то бывает во сне, где мы сталкиваемся с тем, чего не существует вне души); а может быть так, что оно было верным, ибо это действие (обретение, упорядочение, установление и уравновешивание ею форм) соответствовало тому, что есть вне души, утверждено, но неизвестно.

Если производится это действие изнутри ее самости и имеются те орудия и все то, чем душа стяжает и различает

[формы], и она благодаря им способна это сделать, то первым результатом этих действий оказывается постепенно вызревающий в душе стыд. Это случается тогда, когда мальчик уже начинает скрывать свои порочные и дурные поступки, не желая, чтобы об этом позоре стало известно, а душа его еще не в силах предотвратить наступление сих своих безобразных действий, о которых она не хочет, чтобы они стали известны, ведь в начале она еще немощна и пуста. В этот момент ее необходимо направить на путь добронравия и исполнения законопредписанных действий, дабы окрепла в ней эта врожденная черта *(джибилля)*, этот стыд, возрастание и усиление которого указывает на то, что субстанция ее происходит от умеренной смеси, и подсказывает, что пришло ей время устремиться к добропорядочности и без остатка отдаться исполнению божественных предписаний и познанию сенсибельных вещей, кои суть материя и форма (как, например, исполнение обязательных и предписанных религиозных деяний и их истолкование), чем будет поправлено дело и устранены имеющиеся дурные привычки ее и порицаемые склонности. И если привыкнет она исполнять божественные приказания и во всем их держаться, то повысится ранг ее, и начнет она размышлять о тех причинах, что обусловливают то сущее, которое является интеллигибельным, отделенным от материй (как, например, ангелы), а также о поддерживающих причинах практикуемого ею поклонения. И тогда, заняв сию ступень, то есть запечатлев формы сенсибельных вещей, сделав их предметом своего представления, будучи в силах исполнять и истолковывать Законоустановленные действия (кои суть исток благодати и основа всех благ), практикуя оное и тем стяжая свое совершенство, она станет как бы материей для принятия разумных форм; сие и есть та предельная цель, коей достигает она на сей ступени путем стяжания.

Итак, по порядку прежде ставится бытие души как самости и присущее этому бытию стремление во всех его разновидностях, затем — ощущение, затем, благодаря этому, представление, каковое действие ведет к избиранию *(ихтиар)*, так что имеет место воля. Воля — это сопутствующее ощущению стремление к знаниям, а избрание бывает при представлении и различении и завершении раздумий и размышлений. Душа, являющаяся потенциальным разумом, становится таким образом сама совершающей все дей-

ствия: она принимает разумные и искусственные формы, различает добрые и дурные поступки и нравы, задумывается о том, что надлежит и чего не следует делать. Все ее знания двояки: знание сенсибельного и знание интеллигибельного. Сенсибельное — это то, что постигается чувством на небесах и земле и между ними, знание чего собрано в Законоустановленных действиях; интеллигибельное же — это то, что обусловлено и познано самой душою, что также собрано как смысл обрядов, исполненных истолкований и высоких соотнесенностей. Благо души разделяется соответственно на влекомое действием и влекомое знанием, а затем каждое из оных разделяется далее так, как мы о том говорили.

Итак, душа по самости едина, по своим формам и знаниям множественна, а будучи душой того или иного сущего, занимает соответствующие ранги — совсем как тот верующий, исполнивший все в религии и поклонении, поднявшийся в знании своем над всем, что связано с телесным миром и миром уложения, так что осталось ему познать [лишь] приближенные бестелесные Разумы,— и вот он подобен грозди того незрелого винограда, меняющего свою кислоту на сладость, которому остается только одно, чтобы та сладость стала действительной, или же готовому полотну, которое приняло все формы и которому остается принять лишь форму выкройки и шитья, каковая форма — последняя из форм и тот предел, за которым уже нет другого предела.

Всего сказанного правильность подтверждается источником доказательств и равновесности, делами религиозными и рангами закрепленными, кои суть весы вероисповедные. Поскольку отдавшийся делам поклонения и учащийся у проповедника образам религии верующий всецело поглощен соблюдением норм явного поклонения и познанием его обязательных установлений, законов и обрядов, того, что наносит сему поклонению ущерб и что делает его действительным, беря на веру предписания пророков и посланников, откровенные Писания и все приказания, причем отдается исключительно этому, ни о чем другом не думая, следовательно, душа скотов имеет только те знания, что связаны с интересами тела; ибо Закон и им предписываемые действия и ритуалы суть для души как бы тело: к их помощи она прибегает для стяжания добродетелей, и если у нее нет знания об установлениях и предписаниях Закона, то она не

может и действовать, а если она не может действовать, то не может ни стяжать добродетель, ни отойти от гнусных низостей и обрести благое добронравие. Сие знание души есть знание «о том, как»: [3] опираясь на него, поддерживает она чистоту, молится и вершит прочие деяния. Итак, знание душой Законоустановленного есть то же, что знание душой скотов полезного для своего тела, благодаря коему она есть.

Поскольку после сего знания, благодаря коему свершаются деяния (то есть первое поклонение, поклонение действием), верующий научается другому, что связано со вторым поклонением, поклонением знанием, и получает знание благодаря истолкованию тех Законоположенных вещей, коими узнает он Сотворенное Богом, что и мы узнать стремимся (о том речение Божье: «Не видят ли они, как Мы устроили над ним небо и украшали его так, что нет в нем щелей» [4], а также: «Да обратит человек взор на то, из чего творится он» [5], а также: «Скажи: идите по земле и посмотрите, как Он начал творение» [6]), и в этом втором поклонении он сбирает и первое, следовательно, чувственная душа совершает как свойственные растительной душе действия, разыскивая материи для сохранения тела, так и собственные, обретая формы сенсибельных вещей, кои она познает благодаря целительным истолкованиям (как мы о том говорили в нашей «Короне разумов»); сие знание есть для нее как бы форма, на которую воздействует она своей мыслью, а если мысли у нее не будет, не сможет она возвыситься, и не приобретет добродетель, и не будет ее самости достаточно для того, чтобы ей стать могущей и бес[телесной] *(муджаррада)*. Сие есть знание количеств, коим познается телесное сущее и число границ Божьей религии; приобретение такого знания полезно для объятия оного.

Поскольку верующему лучше вовсе быть лишенным знаний второго поклонения, чем исповедовать в нем то, что истине противоположно, следовательно, состояние чувственной души, когда она вовсе лишена знаний, выше, чем когда запечатлеет она такие формы, что противны истине. Поскольку отдавшийся поклонению верующий слово всякого притязающего на знание обольстителя, вводящего его в заблуждение и обольщение, примет скорее, нежели слово истинного наставника и учителя (ибо столь слаб верующий, что подобен и схож с обольстителем и близок с ним, а потому слово его, исторгаемое по прихоти и капризу *(ха-*

ван), ближе, предпочтительнее и дороже сему верующему, нежели слово ученого наставника, указующего на истину, коя есть устранение прихотливых влияний), следовательно, душа угнездена в шумных глупцах и невеждах, когда она скорее принимает слово людей испорченных, нежели добродетельных и добронравных, ибо те малоопытны и тянутся к тому, что им сродни. Поскольку обладатель доктрины и знания не принимает другого знания, пока не убедится в неверности первого, следовательно, душа, запечатлевшая формы и объявшая их, не приемлет других, пока те остаются для нее формой. Поскольку верующий, вступивший на путь второго поклонения Господу, в начале пути своего не имеет знаний сего поклонения, следовательно, душа не имеет форм и знаний, что связаны с благом ее самости. Коль скоро верующий, поскольку он есть чистый верующий, приемлет знания, возвышается в рангах и в поклонении Господу поднимается до ступени добродетельных и благонравных, следовательно, душа, будучи субстанцией, приемлет формы и достигает в том предельных рангов благородства и совершенства.

Поскольку верующий является таковым благодаря слову, деянию и намерению *(нийя)*, коим выправляет свои деяния и мысли [7], следовательно, душа является таковой благодаря трем вещам: страсти, негодованию и воле, кои дают бытие телесным и душевным действиям. Поскольку вступающий на путь второго поклонения не имеет сходства с добродетелями оного, не обладает ими, и они не подобны ему, пока он не обрел формы знаний сего поклонения, а когда верующий и сии знания встретятся, душа его станет носителем сих знаний, они же — несомыми ею, и тем достигнуто будет их сходство и обретена добродетель, значит, до того, как она запечатлеет формы сенсибельного (то есть сущего, сбираемого деяниями поклонения с его законами, предписаниями и деяниями), самость чувственной души с оными не схожа, а когда обретет сии формы, то станет схожа с ними и благодаря им полна. Поскольку верующий, научаясь и запечатлевая формы, становится таким же, как тот, от кого он получил сии формы и благодаря кому стал обладающим формой, следовательно, душа, обретая формы сенсибельного, становится такой же, как это сенсибельное.

Поскольку ранг веры является основой для получения степени границ, так что сей ранг есть как бы материя для

принятия другого ранга, а другой, принимаемый ранг — как бы форма, следовательно, в душе есть нечто, играющее роль материи, и нечто, играющее роль формы, а именно приобретенное *(муктасаб)*, будь оно благом иль злом. Поскольку внявший [призыву] верующий внутренне, душой своей размышляет о том, чему в поклонении Богу научили его вышестоящие границы, а вовне, телом своим вершит деяния поклонения, и поскольку сие и есть стяжание, то есть — благочестие, построенное на соединении обоих поклонений, следовательно, когда душа воздействует на отделенную [от материи] форму, данную чувствами и известную благодаря [религиозным] законам, обязательным нормам и обрядам, сие действие внутри и вовне есть представление, то есть стяжание. Поскольку у верующего, воздвигнувшего столп веры своей чрез явное поклонение в слове, деянии и цели и тем внявшего зову скрытого поклонения, прежде прочего возникают благоговение и опасение допустить порочность в своей религии и поклонении, а потому он сего избегает и являет только добропорядочность и поклонение, следовательно, первое, что возникает в душе от вероисповедных деяний,— это стыд, заставляющий скрывать дурное и являть достойное.

Поскольку научающийся и обретающий знания верующий поднимается к познанию приближенных ангелов и загробного мира и различает, каковы наиболее полные и достойные поклонения обряды, законы и обязательные нормы, следовательно, на совершеннейшем из рангов запечатления форм сенсибельного и интеллигибельного, влекущем обязательные деяния и религиозные законы, душа обретает познание Сотворенных Разумов (благодаря коему пребывает) и высших ангелов и различает добро и зло, преходящее и пребывающее. Поскольку именно тот верующий, который держится обоих поклонений: явного — Законоустановленными деяниями, приносящими благонравие и устраняющими низкие, дурные и порочные нравы, и скрытого — знанием, то есть познанием сущего, границ Всевышнего, Его ангелов, Писаний, пророков и посланников, а также исполнением предписаний и запретов, что приносит познание всего предшествующего и последующего в бытии,— поскольку именно такой сбирает оба поклонения и заслуживает пребывать при Господе миров, следовательно, именно та душа, которая ощущает и познает формы и думает,— имен-

но она сбирает действия растительной и чувственной души и заслуживает воспринять светы Царства. Поскольку верующий переходит от истолкования знания [религиозных] законов и обязательных норм к познанию больших циклов, а от познания оных — к познанию выше их стоящих ангелов, следовательно, от познания сенсибельных форм, даваемых Законоустановленными деяниями, предписанными обрядами и пророческими божественными приказаниями, душа переходит к познанию Разумов, кои суть ангелы. Поскольку после стяжания религиозных знаний верующий поднимается к познанию загробной жизни, следовательно, после познания сенсибельного и интеллигибельного благодаря принятию Закона и его норм душа направляется к познанию своей самости и уразумевает ее, так что разумеющее в ней становится разумеемым, а разумеемое — разумеющим; сие достигается на конечном ее ранге.

Вот какие знания уловлены весами вероисповедными благодаря установлению взаимного равновесия, соответствия и сходства. Слава Богу, Могущественному, Всевластному, Величайшему и Вседоказующему; да благословит и приветствует Бог пророка Мухаммеда, лучшего из посланных с разъяснением и доказательством к духам и людям, а также заветника его и чистейших имамов.

УЛИЦА ДЕСЯТАЯ

О человеческой душе как глаголящей и какова она на сей ступени; о том, является ли она чувственной душой, повысившей свою степень, или же у человека три души, растительная, чувственная и глаголящая, как то утверждают некоторые; о том, субстанция она или акциденция, и если субстанция, то присущи ли ей те же акциденции, что и телам, или ее акциденции — особые; о том, что́ в ней играет роль материи и что́ — формы

Из сказанного прежде ясно, что человеческая душа как чувственная является не актуальной, когда она была бы пределом и стала тем самым такой же, как прочие души животных, которые для взыскующих своего блага тел суть

совершенство, но потенциальна и представляет собой ту конечную цель, совершенство коей для самой себя, а не для своего тела достигается благодаря тому, что стоит рангом выше ее, и тогда она становится актуальным разумом, и что она не определена той чертой, но, запечатлевая формы, оную переступает. Здесь же скажем, что под «глаголящей» мы разумеем душу, действующую так, как то определено ее совершенством, придерживающуюся установлений и законов вероисповедной общины, в стяжании поднявшейся над сенсибельным и не нуждающуюся в оном, такую, для которой место сенсибельного заняли в стяжании интеллигибельные сущности, сами себя разумеющие и сверхприродные, ибо для сей души интеллигибельное — то же, что для чувственной — сенсибельное. В этом отношении она такова же, как и чувственная. А именно, если чувственная душа не воздействует на сенсибельное (кое есть потенциально интеллигибельное) и тем не укрепляется и не стяжает блистательной актуальности, то остается потенциальной (как питательная сила, если не воздействует на пищу, остается бесполезной, а когда воздействует на нее и она становится ей подобна и с ней схожа, то она уже — такая же, как и та, и проникают в нее ее силы, и они становятся чем-то единым); так же и душа глаголящая, если не уразумевает интеллигибельное, разумеющее само себя, и тем не достигает с оным сходства и не становится актуальной, то остается потенциальной, занимающей ранг чувственной души.

Как мы уже говорили, для чувственной души сенсибельное, благодаря коему эта душа обретает актуальность, то же, что для души глаголящей — интеллигибельное, и как с точки зрения акта сенсибельное и чувство не схожи, так же [не схожи] разумеемое и глаголящая душа. А когда она его (разумеемое, т. е. Разумы.— *А. С.*) уразумевает, они становятся схожими и соединяются, и она, как и те, обретает актуальность и так же отвлечена от всего, что связано с первоматерией, разумеет свою самость и разумеема своей самостью, отлична от тех форм, что принадлежат первоматерии, где разумеющее — одно, а разумеемое — другое, и в отвлеченности [от материи] ее самость достигает такой черты, когда действует в самой себе и не нуждается в первоматериальном сенсибельном. Одним словом, как искусственные формы придают материям актуальность (на-

пример, делают дерево ложем), так и разумные формы делают потенциальный разум актуальным.

А посему конечная цель чувственной души (коя есть первоматериальный разум) и благородство ее воздействия на вне ее сущее сенсибельное (кое есть сенсибельное потенциально [1]) чрез имеющиеся у нее [орудия] состоят в том, чтобы воздействовать на отпечатки сих сенсибельных форм, которые благодаря чувству имеются в ее самости отвлеченными [от материи], так что приемлющая их самость становится единой и актуальной — сие актуальным чувством, а то актуальным сенсибельным,— и так стать представляющей; а конечная цель сей представляющей [души] (как представляющей, воздействующей на актуально сущие в ее самости отпечатки сенсибельного) — стать такой, чтобы запечатлеть формы изначально нематериального и актуального интеллигибельного. Это и есть ее совершенство.

Однако когда душа еще находится на ступени представляющей души и не достигла соединения с вышестоящим (а этот ранг является первичным рангом глаголящей души), она считается одной из природных форм, имея притом некоторое сходство с внеприродными Разумами (кои суть небесные буквы). Так же точно имеют сходство с обоими родами те виды, что общи им, однако же виды сходны с вышестоящим смыслами, а душа — чрез свою самость, в зависимости от того, насколько подготовлена она к достижению полного сходства с вышестоящим и полному отделению от ниже ее стоящих природных сущностей. И пока имеет она указанный ранг, этой ее степени не устраняет сие сходство, но лишь то, что может ее с этого ранга переместить, благодаря чему она станет актуальным разумом, схожим с внеприродными Разумами, с коими соединится. Оное же, что перемещает ее на сей ранг (после которого нет никакого предела), не есть одни только связанные со скрытым поклонением божественные науки, но они вкупе со связанными с явным поклонением пророческими Законоустановленными деяниями, каковая совокупность названа в Священном Писании (т. е. Коране.— *А. С.*) благочестием *(такван)*; оно — запас души [2], ее основа, благородство, красота и венец.

Итак, потенциальная чувственная душа становится благодаря ощущаемому актуальной, представляющей душой, а в сопряжении с вышестоящим — потенциальной; она

же, запечатлевая формы интеллигибельного, саморазумеющего, становится, подобно тому, актуальной и разумеющей. Здесь светы отделенных [от материи] Разумов (кои суть приближенные ангелы) играют роль закваски, положенной в тесто и делающей его себе подобным в силу их взаимной соотнесенности и сходства, не будь коих, не было бы одно из них приемлющим, а другое — воздействующим (как в силу утери сходства не схожи меж собой закваска и пальмовое вино, а потому в нем при добавлении закваски не возникает того, что возникает в тесте). А сходство сие возникает в душе потому, что каждым из действий своих, относящихся к ощущению и представлению (кои оба сбирают включаемое в два поклонения), она приобретает нечто, придающее ей похожесть, согласность и совершенство. Так же, к примеру, чеканный дирхем и динар достигают предела в восприятии действий мастера (определение пробы, взвешивание, литье, ковка, придание округлой формы и нагрев), и в каждом из них они приобретают и подготавливаются так, что принятие ими наносимых на них надписей (благодаря чему они суть динар и дирхем) является последним из всего ими принимаемого и придает им завершенность и сходство, не оставляя после себя ничего, что дирхем и динар могли бы принять. Так же и чувственная душа (то есть потенциальный разум) достигает предела в принятии светов влияний небесных тел и научения границ Божьей религии, кои воздействуют и влияют на нее, устраняя обязательными деяниями ее дурные черты и наделяя ее знаниями, даваемыми пророческими Законоустановлениями благодаря представлению. Во всем этом есть свои ранги, на которые поднимается душа, и благодаря этому становится она схожей с вышестоящим до такой степени, что формы выше ее стоящих актуальных отделенных [от материи] Разумов (а запечатлев формы оных, достигает она своего совершенства и охватывает свою самость и уразумевает ее) являются последним, что запечатлевает она, исполняясь и становясь подобной им и схожей с ними, и после сего не остается никаких других форм, которые она должна была бы обрести.

Глаголящая душа не может произвести свои действия, познавая истинное как истинное и ложное как ложное в науках, связанных со вторым, скрытым поклонением, и доброе как доброе и дурное как дурное в деяниях, от-

носящихся к явному поклонению, без того, что для нее есть то же, что свет для глаза, того, что проистекает от тех, с кем связано ее совершенство (от небесных границ, то есть исполненных Разумов, и земных границ, то есть Божьих наместников — служителей Всевышнего), а именно без всецелых знаний (*'улюм куллийя*), что связаны с утверждением этой души. Надлежит ей стремиться к тому, чтоб познать и накрепко привязаться к оному, как-то: к [знанию] воздействующих на душу (как о том говорит Закон) ангелов, Божьих границ, явного поклонения, к познанию малых и больших циклов, знанию о Страшном суде, загробном воздаянии и каре, рае и огненной геенне, каковое знание таково же, как необходимое знание о том, что три и три дают шесть, и что если из десяти вычесть два, останется восемь, и что если к девяти прибавить шесть, будет пятнадцать. Приемлет сие [знание] чувственная душа; однако оно не может оказаться в ней, пока не примет она того, что для нее играет роль формы, то есть пока ее самость не станет обладательницей отделенной от сенсибельного формы и не начнет раздумывать о ней, то есть представлять. Оная же форма оказывается в самости души лишь тогда, когда чувство встречается с ощущаемым, а встречается оно благодаря подготовленным и воздвигнутым орудиям, коим довелось быть при посредстве той смеси, в которой возникла чувствующая жизнь. Тогда встреча чувства с ощущаемым в душе становится как бы первоматерией и материей, мысль же, или образование форм, то есть представление,— формой для оного. Далее, думающий и представляющий становится как бы первоматерией в принятии разумных форм, кои суть приближенные ангелы. Достигнув сего ранга, оказывается душа в ангельских эмпиреях и именуется душой глаголящей.

Однако стяжать сие она может не иначе как чрез Законоустановленное, упражняя себя и следуя богоначертанным законам в явном и скрытом. Когда же она запечатлеет их формы и будет руководствоваться ими так, как мы говорили, то о ней нельзя будет сказать, что она — первоматерия, ибо она уже поднимется над сим рангом и обретет актуальность. Тогда на достигнутой ею ступени самодостаточности и счастья не озаботит ее ничто противное интересам ее тела, но напротив, будет стойко противиться она его страстям, влиянию его смеси, всем его прихотливым капризам, отличаясь от него так же, как созревшая и ставшая сладкой ягода винограда отличается от той своей основы, от коей проистекло ее ближайшее бытие, то есть от виноградной кисти. Тогда действия ее будут только благими, влекомые ее совершенством, и войдет она в число счастливых, не подверженных ни страху, ни печали. Способная улавливать знания чрез установление равновесности, она достигнет крайних пределов в познании сущего, среди коего не будет ничего такого, что не смогла бы она познать, и войдет она в число не подверженных ни страху, ни печали.

Таким образом, человеческая душа едина, а не такая, как о том говорят, будто их у человека три: растительная, чувственная и разумная глаголящая. Так говорящие судили по ее действиям, что проистекают от человека: увидев, что он добывает пропитание (каковое действие есть действие растительной жизни), они приписали ему растительную душу; увидев, что он обладает чувством и взыскует пищи и наслаждений (каковое действие есть действие животного), они приписали ему чувственную душу; увидев, что он познает и разумеет, думает и различает (каковое действие есть действие разума), они приписали ему разумную глаголящую душу. Однако, сказав, что у человека три души, они не разъяснили, каковы же они. Сии действия человек совершает не потому, что у него поистине три души; действия его множественны из-за множественности орудий, из которых каждое заслуживает собственного имени. Так же о поклоняющемся Богу, когда он молится, говорят, что он молящийся, когда постится — постящийся, когда отправляется в паломничество — паломник, когда дает милостыню — подающий, а совершает все эти различные действия (где молящийся — не то же, что постящийся, и подающий милостыню таковым является не потому же, почему является паломником) один человек. Или же плотник: когда он пилит, он пильщик, когда сверлит — сверлильщик, когда работает скобелем — скобельщик, и так далее; сам плотник един, а его орудия множественны, и не может быть так, чтобы одно из этих действий совершал один действователь, а другое — другой, ибо это означало бы, что чувство нас обманывает. И душа едина, действия же различны из-за различия орудий, уготованных ей в зависимости от искомого действия. Когда она действует во благо своего тела при помощи желудка, печени, внутренних и внешних органов,

то говорится, что она обладает растительной силой; когда действует при помощи глаза, уха и [других] органов чувств и взыскует наслаждений, то говорится, что она обладает чувственной силой, постигающей сенсибельное и приемлющей рост, так же точно, как сия душа приемлет и силу памяти *(кувва хафиза)*, и силу воздействия на иное (чем напоминает саму Природу), сама же душа едина, и нет в ней одного отдельно от другого.

Коль скоро так, то это суждение о том, что душа едина, а по своим действиям множественна, остается верным и далее: поскольку сенсибельное приводит ее в движение, она обладает чувственной силой, а поскольку она способна хранить ощущения, у нее есть другая сила, сама же она едина, но из-за различных действий своих и их разных названий множественна, ибо она — душа, обладающая силами. И пусть не возражает нам оппонент, введенный в заблуждение той двойственностью, что возникает в душе негодующего человека, когда одно в ней толкает к отмщенью, а другое заставляет подавить гнев и простить обидчика (а этот довод схож с тем, в котором обсуждается человек, нашедший хранившийся в его доме кошель с деньгами — будто бы он должен однажды взять его, а в другой раз не тронуть), говоря, что будь душа едина, то не производила бы она двойственного, в чем одно влечет противоположное другому, но лишь единое, ибо, мол, известно, что от единой самости не может происходить различное; пусть не возражает так, ибо сие различное возникает в душе не потому, что в ней есть несколько действователей, но оттого, что в актуализации своей она занимает разные ступени, кои и влекут таковое. Ведь единообразное действие влекомо лишь тем, что уже актуально, как, например, в случае с животной чувственной душой, актуальность которой обусловлена ее природной смесью, а потому она не может совершить или не совершить действия, но всегда производит одно и то же действие. В человеке же двойственное и различное влекомо именно тем (хоть и есть в нем то, что обусловлено животной чувственной душой), что душа его не актуальна, как чувственная, а потенциальна и лишь направлена к актуализации, к тому, чтобы чрез все ей для того уготованное стать чем-то иным, нежели чувственная душа. Поэтому есть и такие ее действия, что идут вразрез с действиями чувственной души. В сем она похожа на неспелый финик в грозди плодов финиковой пальмы, каковому финику положен предел, по достижении коего о нем говорят, что он созрел. Пусть одна сторона этого неспелого плода полностью приняла воздействие солнца, светил и столпов, Богом ради того сотворенных, тем достигнув своего совершенства и предела, и обрела украшающую его сладость, другая же его сторона, оного еще не достигшая, имеет терпкий и вяжущий вкус, ибо осталась такой же, как и была. Или же возьмем к примеру единую виноградную гроздь, в которой одна ягода сладкая, другая неспелая и кислая, одна обусловливает сладость (всей грозди.— *А. С.)*, другая — кислоту. Так вот, означает ли существование сладости в одной ягоде и кислоты в другой, что у этой грозди две души: одна придающая сладость, а другая — кислоту? Нет! Разум таковое не утверждает. А дело тут в том, что если нечто потенциально и ему дано однажды перейти в акт и осуществиться на им достигнутом пределе, то те отпечатки и признаки, что обусловлены в нем сим пределом, проступают в нем постепенно, один за другим; поскольку и в чем они уже актуальны, постольку и в том оно актуально, а поскольку и в чем они потенциальны, оно остается таким же, каким было первоначально, то есть обусловленным своей смесью.

А посему, коль скоро бытие души состоит в том, чтобы стать разумеющей, схожей с вне[природными] Разумами, и коль скоро она потенциальна, то те действия, что характерны для нее как конечные, как результат актуализации и стяжания благ чрез Законоустановленные деяния, бывают явлены ею не сразу в чистом виде, а по мере того как возымеют в ней успех божественные приказания и те причины, что приводят ее к совершенству, а именно: Законом установленные вещи, божественные обряды, придающие душе набожность, честность, справедливость, способность прощать, милосердие, правдивость, щедрость, стойкость, целомудрие, а также знания и сведения, способность применять способ равновесного извлечения знаний на основе Закона, Уложения и пророческих божественных начертаний; насколько усердна она в этом, настолько появляется и определяемое оным ее совершенство. Поскольку же она едина, и в ней есть и изначально обусловленное ее смесью, и влекомое полученными отпечатками [совершенства] (от коих проистекают характерные для ее совершенства действия),

то в действии своем она колеблется между тем, что обусловлено ее смесью, определяющей потенциальность и несовершенство, и тем, что обусловлено совершенством, приобретенным деяниями и познаниями. Если верх берет сила смеси, то возникающее при негодовании действие будет жесткосердным отмщением, подобным кислоте незрелого винограда и терпкости неспелого финика; если же верх возьмет то, что содержится в форме вероисповедания, божественных обрядах и пророческих приказаниях, то возникающее при негодовании действие будет прощением или подавлением гнева, подобным сладости спелых виноградных ягод и фиников. Посему у тех, кто является человеком поистине (например, у пророков и небесноподдерживаемых), не заметишь гнусных поступков, ибо души их, актуально сущие и стяжавшие совершенство, добродетель и вечное счастье, похожи на свежий спелый финик, достигший совершенства и дающий только сладость, или же виноградную гроздь, в которой нет ни одной кислой ягоды.

Итак, душа едина, действия же ее различны в зависимости от орудий, качества смеси и обретенных ею божественных форм. А посему надлежит нам, благого вероисповедания чадам, с терпеливым усердием исполнять обязательные для нас религиозные деяния и держаться начертанных божественных законов, дабы чрез оное прилежание стали наши души разумеющими и вознеслись ввысь, дабы поднялись над ступенью зримого и чувственного к ступени ангельской и достигли предельной цели своей — положения вне[природных] Разумов; дабы таковы же были, как созревшие, прежде зеленые виноград и финик, ныне исполненные совершенства и прежнюю кислоту и терпкость свою обратившие в сладость, дабы и ее обусловленные природной смесью пороки обратить в добродетели и благодаря следованию путем обоих поклонений из презренной порочной стать ей благородным разумом.

Если же кто-нибудь станет утверждать, что глаголящая душа высока тогда, когда выносит точные суждения и достигает своего предела в понимании, знании и незамутненной уверенности, низка же тогда, когда суждения ее ошибочны, когда она непонятлива, невежественна и мутна, а поскольку ничто из этого не причисляется ни к благородству, ни к низости чувственной души, постольку, мол, чувственная душа есть нечто иное, нежели глаголящая, то мы на

это ответим, что уже сказанное нами опровергает сие возражение. Ведь правильные мнения, способность различения и прочие высокие свойства возникают в душе со временем, в результате упражнений и стяжания, когда достигает она своего совершенства и оно начинает в ней проявляться, в то время как низкие ее свойства проистекают от ее смеси и того, что приобретает она под ее влиянием, пока не начнет упражнять себя в горниле двух поклонений, явного и скрытого. Все это — результат ее потенциальности, и нет в этом ничего, что обусловливало бы существование двух душ или противоречило бы нами сказанному. А именно: правильное мнение, верное различение, точное суждение и подлинное воззрение относятся к представлению, представление же поистине проистекает только из ощущения, а ощущение связано с чувственной душой. Если же точное суждение и подлинное воззрение проистекают от ощущения, а ощущение — от чувственной души, то почему глаголящей душой не может быть эта самая чувственная душа, обладающая способностью различения и точным мнением, но только стяжавшая извне то, что перевело ее в акт, действующая так, как то обусловлено ее самостью в соответствии с ею приобретенным (и ставшая как финиковое дерево, оплодотворенное извне однородным с ним и ставшее актуальным фиником, а не будь оно оплодотворено, то и не произвело бы ничего)? Итак, душа едина, а с точки зрения определяемых ее стяжанием разрядов множественна.

Она является субстанцией, причем в двояком смысле: и со стороны того, что в этой субстанции играет роль носителя, и со стороны того, что играет в ней роль несомого.

Что до того, что в ней играет роль несомого, то известно, что бытие всего проистекает от чего-то, что обусловлено мудростью, а иначе оно не существовало бы. Далее, известно, что у человеческой души есть такие обретаемые ею знания, в которых она не нуждается для сохранения своего тела и обеспечения его пользы, например, знание поддерживающих причин и их следствий, свойств субстанций и акциденций и так далее. Итак, установлено, что все, что есть, существует в силу чего-то, что обусловлено мудростью; из того, что у души есть те [знания], которые ей не нужны для сохранения своего тела и обеспечения его пользы, вытекает, что таковые [знания] существуют у нее не для ее тела (ибо, будь они для ее тела, то такие же имелись бы и у

скотов и зверей, а мы находим, что они не имеют даже и меньшего, не говоря уж о таковом); если же установлено, что это у нее не для ее тела, то оные имеющиеся у нее знания (тогда как телу ее достаточно изначально бывшего у нее знания о его пользе) могут быть только для нее самой. Если они не для ее тела, следовательно, они для ее самости; они приходят к ней извне и принимаются ее самостью. Они привходящи, она же приемлет их, а приемлющее обязательно должно быть субстанцией. Следовательно, она — субстанция.

Что же до того, что играет в ней роль носителя, то известно, что Первое Сущее от Всевышнего, или Первый Разум, является первым пределом сущего. Поскольку он — первый предел, которому ничто не предшествует (а иначе бы он не был пределом), следовательно, он должен быть незыблемой субстанцией. Ведь если бы он, чье бытие проистекает от Всевышнего, был акциденцией, то для сохранения своего бытия нуждался бы в некоем вместилище, которое было бы для него как бы материей, и тогда должно было бы существовать такое вместилище. Оно, однако, не существует, что доказывается двояко, и каждым из сих случаев отрицается акцидентальность Первого Разума.

Во-первых, если бы такое вместилище существовало, то оно было бы всегда-сущим и вечным (*кадӣм*) (подобно тому, как некоторые говорят о вечности пятикратной молитвы), и тогда оно заслуживало бы быть вместилищем не более, нежели то, от чего произошла сия акциденция; больше того, одно из них не должно было бы быть действующим скорее, нежели другое. Это означало бы, что каждое из них наделено чем-то, чем не наделено другое, а из такой наделенности следовало бы, что им обоим предшествует нечто, их оным наделяющее. Далее, о таковом и о том, что являлось бы вместилищем, следовало бы сказать то же, что и о сих двух, из чего опять вытекало бы предшествование им такого же наделяющего, и так до бесконечности, что означало бы несуществование сущего. Однако бытие сущего свидетельствует о невозможности такой беспредельности, а невозможность такой беспредельности означает, что этого вместилища не существует, а если не существует вместилища, следовательно, он (Первый Разум.— *А. С.*) — незыблемая субстанция, а не акциденция.

Во-вторых, если бы Сущее от Всевышнего было акциденцией, а вместилище (с каковым связано существование акциденций) — несуществующим, то его (Первого Сущего.— *А. С.*) бытие было бы невозможно. Невозможность его бытия означает несуществование сущего, из бытия коего следует невозможность того, что влечет его несуществование, а невозможность того, что влечет его несуществование, означает, что Первое Сущее не является акциденцией. Итак, в обоих случаях Первое Сущее от Всевышнего не может быть акциденцией. Если же оно не может быть акциденцией (ибо таковое приводит к невозможному, что отвергается здравыми умами), то оно должно быть субстанцией. Если же оно как первый предел является субстанцией, а бытие человеческой души в порядке бытия — конечное, такое, что после него нет никакого другого сущего, то она является вторым пределом сущего и его завершительницей. А коль скоро она — второй предел, то она должна быть не акциденцией, а субстанцией, ибо, будь она акциденцией, она не была бы однородна с тем первым пределом и не могла бы с ним соединиться — ведь с природными акциденциями соединяются природные вещи, дабы так обрести свое совершенство, сия же (т. е. человеческая душа.— *А. С.*) сама является пределом, а потому обладает своим совершенством и достаточностью, приемлет и не приемлет. Раз мы находим, что она соединяется (с Первым Разумом.— *А. С.*) и что в ней появляются отпечатки истечения, то это служит доказательством того, что она как второй предел является субстанцией, приемлющей от первого предела.

Итак, она — субстанция, та конечная цель, к которой восходит Природа в своем действии, и после нее нет никакого сущего. Таковы же и побратимы ее, другие конечные цели, как, например, древесина, результат (*хаṣыль*) всего, что считается растением, или же минеральные тела: для них всех исполненность и совершенство даются не Природой (предел действия которой в том, чтобы произвести их таковыми [т. е. несовершенными.— *А. С.*]), но человеком, который благодаря питающим его божественным силам выше их, а потому может даровать им совершенство, придавая им искусственные формы, в коих заключено их совершенство и после коих уже ничего нет. Совершенство ее проистекает от более высокого, от вне[природных] Разумов, заключенных в первом пределе, соответственно тому, каково ее бытие и стяжание.

Она имеет два состояния, в первом из которых, а именно в состоянии своего изначального бытия, ее самость схожа с акциденциями, ибо нуждается в том, что сохраняло бы ее бытие, что связывало бы ее и чем исполнялось бы ее действие. Поэтому древние и разошлись в мнениях о ней. Одни говорили, что она — акциденция, и были правы применительно к этому ее состоянию. Ведь если она в этом своем состоянии отделится от тела, ее самость исчезнет так же, как исчезают покидающие свое вместилище акциденции, и она утратит свое бытие. Поэтому, если она остается таковой, пустой и нуждающейся для бытия в своем теле, то она — акциденция. А во втором состоянии, когда стяжает она, человеческая душа является субстанцией. Это — состояние ее конечного бытия, когда она уже стяжала и обрела самостное совершенство, когда приняла изливаемые на нее формы, ее свершающие, когда чрез объятые ею знания исполнилась и в большинстве своих действий перестала нуждаться в теле. Благодаря этому ее состоянию древние и называли ее субстанцией и были в этом плане правы. Однако они не различали этих двух состояний, и каждый из них шел своим путем, доказывая то, что ему казалось правильным. Итак, если душа стяжает, то она — субстанция. А в низшем своем (изначальном) состоянии она потенциальна и не постигает ни своей самости, ни иного; когда же заструится в ней живительная влага запечатления форм, она начнет разуметь и свою самость, и самости иного. Эти состояния одно за другим чередуются в ней, ибо она движется путями перехода в актуальность, а потому получает одну форму за другой, причем изначальные ее силы не исчезают, ибо она испытывает нужду в сохранении своего тела.

Будучи субстанцией, она не такова, как тела. Ведь те акциденции, в которых заключено совершенство тел, ей не присущи, так же как придающие ей совершенство акциденции не присущи телам, что разъяснено нами в «Чистейшем трактате». У нее нет поверхности *(мисāḥа)*, каковую имеют тела, и она не постижима для чувств, коими постигаются тела; а тела не обладают тем, что имеет она: знанием, жизнью, мощью и способностью познавать чрез умозрение *(назар)*, разделение *(таḳсīм)*, разложение *(таḥлīль)* и сложение *(таркīб)*. Посему она не есть тело; а будь она сама телом, то по достижении совершенства не пренебрегала бы

своим телом, не думала бы о нем все меньше и меньше, и не постигало бы ее бессилие при малейшей немощи, проистекающей вследствие ее изначальной потенциальности и определенной той смесью, от которой она произошла; и тогда бы с укреплением своего тела и достижением своего совершенства она обретала бы наибольшую силу в знании и познании. Поскольку же всего этого нет,— ибо когда тело слабо, она в знании сильнее, и когда силы тела доходят до крайней степени разложения, она бывает способнее в постижении божественных знаний,— то установлено, что она не тело и не дробится и не делится.

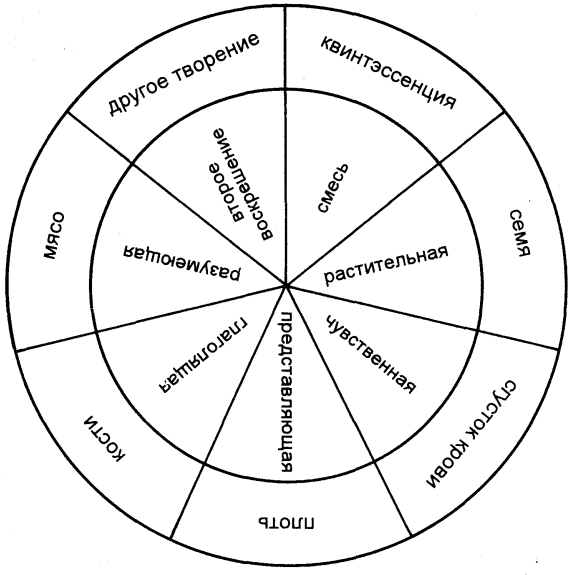
Итак, она — нетелесная субстанция, бытие ее возникает (как мы показали) из телесного и нетелесного, в ней есть и то, в чем она схожа с телесным, и то, в чем схожа она с нетелесным. [С телесным] схожа она в том, что принимает акциденции и становится обладательницей жизни, знания и могущества,— так же и тело имеет длину, ширину и глубину,— и в том, что ущербность ее изначальна, а совершенство конечно,— так же и тело изначально ущербно, а после принятия форм приходит к своему конечному совершенству. А с нетелесным она схожа тем, что разумеет свою самость, сбирает все добродетели, изливает истечение и благодать. Как те Разумы изначально живы, обладают мощью, разумеют свою самость, сбирают все добродетели и изливают истечение и благодать, так и она становится таковой в конце, так что между ними существует соотнесенность. Когда же ее бытие только начинается (как мы о том говорили), когда, затем, исполняется она чувственных сил и обусловленных смесью действий, затем запечатлевает формы сенсибельного и тем формам случается быть в ней отдельно от своей материи, затем начинают появляться в ней отпечатки воздействия поклонения Богу, своему Всевышнему Господу, и она запечатлевает формы предшествующего ей в бытии, а также и последующего из числа границ Божьей религии (что выступает тогда наподобие принятия акциденций), то в сем совершенном состоянии роль материи в ней играет то, что она (как мы уже говорили) сбирает все ощущаемое и достигает в том, запечатлевая формы и представляя, своей конечной цели, роль же формы играют божественные формы и светы вечных Разумов, кои суть ее конечная цель и совершенство; тогда она именуется вторым воскрешенным.

Итак, суммируем: у человеческой души, поднимающейся в своем бытии к предельному совершенству, есть ранги (такие же, как ранги чисел, используемых, как о том говорилось во введении к сей книге, для сравнения с телесным сущим и взвешивания его на весах равновесности) и высокие ступени, которые стяжает она и с которых перемещается на более высокие, пока не достигнет предела. Изначально, на первой ступени, она является растительной жизнью, не имеющей чувства, тогда, когда во чреве матерей появляется форма той смеси, благодаря которой она существует. С ней (растительной жизнью.— *А. С.*) связано исполнение ее тела и устроение ее физического облика; в акте своем она восходит к своей конечной цели, где остается ей только одно — чтобы у нее появилась форма, благодаря которой она станет чувственной и перейдет на следующую ступень. На сей ступени она являет собой тот центр, вокруг которого исполняется всё связанное с устроением орудий и членов для ее тела. Затем, выйдя на воздух и открывшись светам небесных тел и бестелесных Разумов, она получает форму и начинает ощущать боль и наслаждение. Это возраст ребенка, а затем подростка. Здесь силы ее как [души] чувственной укрепляются в постижении и запечатлении форм сенсибельного до такой степени, что наряду с направленным вовне, на улавливание форм сенсибельного, она получает способность воздействовать на привнесенные в ее самость формы сенсибельного, комбинируя и уравновешивая их. Благодаря оной способности она становится представляющей и перемещается на следующую ступень. На этой своей ступени она является тем центром, вокруг которого происходит стяжание сенсибельных форм. Затем, получив способность уравновешивать, судить об одном по другому и представлять, а именно тогда, когда начинает она задумываться о сущих вещах и искать знания их поддерживающих причин, она, будучи представляющей, достигает в уравновешивании сенсибельного сущего Законоустановленным (как того требуют весы вероисповедные и в соответствии с полученным от Божьих наместников знанием законов явного и скрытого поклонений) такой степени, что обретает способность запечатлять формы подобий актуальных Разумов (кои суть ангелы), благодаря чему переходит на следующую ступень. На сей своей ступени она является тем центром, вокруг которого происходит стяжание знания подобий нематериальных [Разумов] благодаря представлению и установлению сходства. Затем, когда она способна чрез ощущение и представление получать формы подобий не[материальных] Разумов (кои суть ангелы) из постигаемого ею сущего, она обнимает все, что скрыто от чувств; таковое и есть разум.

Это происходит тогда, когда она запечатлевает формы бытия сущего как сотворенного и как первой и конечной эманации [3]. Будучи способна улавливать знания посредством установления равновесности, она в уяснении изначальной необходимости бытия сущего, до его существования, достигает такой степени, что никакое знание о сущем не может ускользнуть от нее. Тогда в ее самости возгорается свет Разума и доставляет ей благодать мира Единства. На сей своей ступени она представляет собой тот центр, вокруг коего происходит объятие сущего и стяжание. Затем благодаря обретенному ею могуществу и способности объять сущее, необходимость бытия которого изначальна до его существования, в ее самости возгорается свет примерно так же, как в масле бальзамового дерева возникает огонь при соединении с теплотой; с ней соединяются Разумы, и она становится не[материальным] разумом, подобным им и схожим с ними. Это тот момент, когда пред нею отверзаются двери мудрости и она более не нуждается в помощи чего-либо другого для совершения своих действий. Тогда она достигает предела, и после сего не остается никакой другой ступени, на которую могла бы подняться она. На сей ступени она представляет собой тот центр, вокруг коего стяжается полнота сходства и воскрешенности; она сбирает все ранги, всю множественность и все формы и становится формой для всех форм. Сие представили мы наглядно.

Речение же Божье о сем правдивее, красноречивее и доказательнее: «Мы сотворили человека из квинтэссенции праха, потом поместили в надежном вместилище [каплей] семени, потом это семя претворили в сгусток крови; затем этот сгусток крови претворили в плоть; затем эту плоть претворили в кости; затем эти кости одели мясом; затем устрояем его другим творением. Благословен Бог, искуснейший из творцов!» [4]. Таковы семь ступеней, коими сотворяется физический облик человека. Поведал Он о сем, дабы, зная их, знали мы ступени души [в восхождении] к ее

второму совершенству. Квинтэссенция праха, из коего вышло семя, уподобляется смеси, от коей происходит растительная [душа], семя, из коего вышел сгусток крови,— растительной [душе], из коей получилась чувственная; сгусток крови, из коего вышла плоть,— чувственной [душе], от коей изошло представление; плоть, претворенная в кости,— представлению, из коего исходит глаголящая [душа]; кости, с коими соединяется мясо и кои оным одеваются,— глаголящей [душе], коей познаются вне[природные] Разумы; мясо, коим устраивается другое творение,— обретению форм Разумов и их ступеней, чрез что свершается второе воскрешение, кое есть совершенство и второй предел, за которым нет никакого другого предела. Здесь мы изобразили, как она движется по сим рангам.



Подтверждают и обусловливают сие весы вероисповедные. Из того, что в мире религии глаголящий взращивает заветника, научает его и приводит к совершенству, вытекает, что не[материальные] Разумы опекают души в мире Природы, особенно же души разумеющие. Из того, что если бы заветник не действовал в соответствии с Законом и его нормами и не следовал божественным приказаниям, то его душа не достигла бы совершенства, вытекает, что если чувственная душа не воздействует на сенсибельное, она не запечатлевает и форм интеллигибельного, в коих состоит ее совершенство. Поскольку изначально душа заветника была не такой, как душа пророка (да благословит Бог его и род его!), а благодаря поучению и деяниям стала схожа с ней, так что были они одна на другую похожи, по каковой причине пророк (да благословит Бог его и род его!) уподобил свою душу его душе, а Бог, когда приказал заклинать друг друга, сказал: «...сами мы и сами вы» [5], следовательно, чувственная душа не схожа с интеллигибельным, а когда чрез знание и деяние запечатлевает его формы, то уподобляется ему и становится с ним схожа.

Поскольку заветник, достигший совершенства и занявший свою ступень, актуален, а потому не похож ни на что из относящегося к Закону, управлению и нормоуложению ни в явном [их виде], ни в скрытом, и на этой своей ступени не нуждается ни в чем (как ранее нуждался в пророке), следовательно, глаголящая душа, достигнув своего совершенства, становится самодостаточной. Поскольку заветник самосущ и утвержден на своей ступени, и никто не в силах отъять от него то, чем почтил его Бог, в то время как изначально он был ущербен, следовательно, глаголящая душа есть утвержденная субстанция, в то время как ранее была она ущербной и схожей с акциденциями. Поскольку глаголящий (а он и есть поистине человек) сбирает ранги пророчества, халифата и имамата, следовательно, душа человека едина и сбирает три ступени научающих границ Божьих: растительную, чувственную и глаголящую.

Поскольку упорядоченность в [мире] призыва такова, что верующий сначала научается явному поклонению (кое есть то же, что и сенсибельное) и исполняет его установления, а затем переходит к познанию их истолкований, в чем заключено познание границ религии Всевышнего, следовательно, первоначально душа воздействует на сенсибельное, дабы запечатлеть его формы, а затем думает о них, чтобы узнать, каковы они и в чем их суть, и представляет. По-

скольку упорядоченность в царстве религии такова, что верующий, познав истолкования явного поклонения (коего обряды и законы хранит он своим деянием), уравновешивает этим знанием телесный мир, дабы вывести отсюда необходимость существования скрытых от чувств приближенных ангелов и познать их ступени, следовательно, представляющая душа уравновешивает и ставит друг против друга формы, пока не придет к запечатлению форм интеллигибельного на основе телесного.

Поскольку люди обоих поклонений суть как бы приемлющие, а то, что познается ими в их религиях,— как бы приемлемое, следовательно, в душе как бы материей при принятии является происходящая из мира Природы ее самость, а как бы формой — то, что схватывает она, что познает и формы чего запечатлевает. Поскольку верующий, стяжая, исповедует и устремляется не к тому, к чему устремляются и что познают, стяжая, негодяи, подлецы и глупцы, следовательно, характерные для души акциденции, благодаря коим она стяжает и в коих заключено ее совершенство, суть иные, нежели акциденции тел. Поскольку верующий, движимый своим стремлением к высшему сонму, к тому, чтоб узреть приближенных ангелов, пророков и посланников (особенно же пророка нашего Мухаммеда), и необходимым знанием о том, что Богу «известно сокровенное и явное» [6] и ничего из творимого рабом Его открыто или в тайне не укрыто от Него, должным образом отправляет поклонение и удерживается от ослушания и нарушения запретов, следовательно, душа благодаря тому, что стало у нее необходимым знанием и с чем она неотрывно связана, а именно благодаря началам разума *(авā'иль аль-'ақль)*, взыскует знаний ради своей самости.

Вот о чем поведали весы вероисповедные, коими извлекаются науки. Да славится Бог, Великий и Всемогущий, и да благословит и приветствует Он святозарного Мухаммеда и остролезвый меч его, Али бен Аби Талеба, а также чистых добрых имамов из рода их; Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ОДИННАДЦАТАЯ

О глаголящей душе и о том, каковы ее действия; о том, получают ли сии действия бытие при помощи и с участием тела, или же она может единолично производить действия без своего тела; о том, какова разница между ее действиями и какую конечную цель она в том достигает; о ее первом и втором совершенствах; и о том, как становится она полным пребывающим разумом

Прежде сказанного было достаточно, чтобы приблизительно показать, какова душа глаголящая. Сейчас же скажем следующее: будучи благодаря стяжанию знающей, могущей и живой субстанцией, она совершает многочисленные действия. Среди сих действий есть такие, что определены ее смесью, той, от которой изначально проистекает ее бытие; а есть и определяемые ее самостью в соответствии с ее стяжанием. При том благодаря уготованным душе и внедренным в ее тело орудиям осуществляются именно те действия, что определяются ее смесью. Как те, так и другие суть качества, производимые ею и приносящие пользу либо вред или самости ее, или телу.

Из тех действий, что имеются благодаря уготованным душе и внедренным в ее тело орудиям, одни существуют внутри, в теле ее, другие же — вовне, в материи.

Те действия, что осуществляются внутри, в теле ее, трояки. Одни из них связаны с уходом за телом и предоставлением замены отпавшим и утраченным частицам его. Таковые осуществляются всеми внутренними органами (желудком, печенью, легкими, селезенкой), а также и расположенными на поверхности тела (ртом, языком, глоткой и другими) и именуются питанием. Другие связаны с уходом за душой; таковые свершаются с использованием особо к тому предназначенных органов и частей (сердца, глаза, уха, языка, головы, рук, ног и тонких парных органов [1]) так, как повелевает вероисповедание. Притом преследуют цель оздоровить, выправить, укрепить и закалить душу, дабы привело сие к стяжанию добродетелей. Таковые действия называются поклонением. Третьи же связаны с уходом за телом и душою совокупно. Они суть перемещение с помощью ног, удаляющих от нежелаемого и приближающих к искомому.

Те действия, что осуществляются во внешней материи, двояки: одним претерпевающей материей служит тело, другим — душа.

Те действия, которым претерпевающей материей служит тело, двояки: одни из них совершаются в той материи исключительно для пользы души и ради ее стяжания, другие же приносят пользу телу и душе совокупно.

Те действия, что приносят пользу телу и душе совокупно, двояки: одни для своего свершения нуждаются как в телесных, так и в дополнительных, извне привлекаемых орудиях, другие же — в орудиях одного только тела. Действиями, которые для своего свершения нуждаются и в телесных, и в дополнительных внешних орудиях, являются все многоразличные ремесла и искусства — и низкие, и высокие: игра на барабане, флейте и лютне, ювелирное дело, вязание, ремесло плотников, поваров и сапожников; более высокие — торговля и портняжное дело, строительство и земледелие, ремесло каллиграфов, лекарей и геометров, особое искусство производить акциденции и тем выворачивать наизнанку сущности тел, искусство кудесников [2] и военное дело. Все эти ремесла и искусства невозможны без использования особых орудий: война — без меча или прочих военных орудий, письмо — без пера, чернил и бумаги (либо с оным схожего), искусство лекаря — без лекарств и применяемых им инструментов, геометрия — без циркуля и иных приспособлений, особое искусство, требующее настойчивости и упорства,— без реторты, перегонного куба и тому подобного. Те же действия, для коих потребны орудия одного только тела, многочисленны и носят разные названия: пощечина, удар по лицу, удар рукой, пинок, восхваление, хула, хватание искомого или удаление нежелаемого рукой либо приближение или удаление от оных при помощи ног и тому подобное. И от тех, и от других действий приходит польза как телу, так и душе: телу — потому что оно получает пропитание, возмещающее ему его утраты; душе — потому что она сохраняется благодаря сохранению тела.

Те действия, что свершаются в той материи исключительно для пользы души и ее стяжания, двояки. Во-первых, это получение с помощью пяти органов чувств тех знаний, коими пользуется одна душа без тела: постижение с помощью орудий зрения цветов и фигур, каковые распадаются

на множество форм (о чем мы говорили в «Приметах веры»); постижение с помощью орудия слуха звуков, каковые распадаются на приятные и дурные; постижение с помощью орудия вкуса различных вкусов, каковые бывают острыми, кислыми, сладкими и прочими; постижение с помощью орудия осязания, то есть кожи, шероховатости и гладкости, теплоты и холода, влажности и сухости. Во-вторых, это наслаждение, связанное со свершаемым при помощи тонких парных органов [дето]производством.

Все сии действия распадаются на две части: одни из них предписаны Богом и разрешены дражайшим Законом (да благословит Бог его возвестителя и род его!), другие же Всевышним воспрещены и Законом не позволены; первые суть похвальные, вторые — порицаемые.

Все нами упомянутое является материей для своего действователя, то есть свершение каждого из этих действий доставляет его душе и телу ту или иную, скорую или отдаленную пользу либо ее противоположность. В сих действиях участвуют и душа, и тело, и пользу либо вред сих действий делят они между собой.

А те действия, коим претерпевающей материей служит душа, двояки: одни свершаются с Божьей поддержкой (каковая разнообразна), другие же — благодаря полученным чрез научение знаниям о природном во всем оного многообразии.

Действия, свершаемые благодаря полученным чрез научение знаниям о природном во всем оного многообразии, двояки: одни свершаются чрез речь, другие — чрез внешних посредников. Что до свершаемых чрез речь, то таковы, к примеру, ораторское искусство, состоящее в том, чтобы благодаря ясному изложению и точному определению, используя созвучия слов и их рифмуя, друг на друга нанизывая и размер скандированием подчеркивая, на порядок их опираясь, приводя пословицы и примеры и выводя доказательства, наилучшим образом запечатлеть в душе слушателя желаемое; или же поэзия, слова по известным размерам соединяющая, дабы сообщить равно об истинном и ложном, чтобы превознести или опорочить, возблагодарить или охулить; или же заклинания и наговоры и все в этом роде, что вызывается негодованием для отмщения. А что до свершаемых чрез внешних посредников, то таковы, к примеру, талисманическое воздействие на душу чрез свершаемое с

подобиями физических носителей оной, для какового действия потребно знание подходящих сроков, расположения звезд, соответствий и равновесий, даваемое геометрическим искусством, делающим трудное простым; или же ясновидение *(кихāна)*, состоящее в том, чтобы воздействовать на душу, ориентируясь по всей целокупности природного; [3] или же отыскание по оставленному следу *(кийāфа)*, гадание по полету птиц *(заджр)* или кудесничество.

Действием, свершаемым чрез Божью поддержку, является исполнение посланнической миссии, от коей проистекают целокупное искусство управления, начертание законов вероисповедной общины и определение законоуложенных обрядов. Благодаря этому души, разобщенные в своеволии, взглядах, стремлениях и исповеданиях, сбираются в едином устроении под сенью предписаний и воспрещений. Сие хранит их от губительных мерзостей и ведет к стяжанию счастья. К оному прилепляются все общие и частные науки управления, с религией связанные. Мы утверждаем, что устроение их, ежели в оное вглядеться, равновесно действиям и предначертаниям Всевышнего, устроившего творение Свое с сиятельной мудростью, явленной в воздвигнутых строениях и взвешенных пропорциях, а также и в великолепном создании — человеческом существе. Подобного сей посланнической миссии никому из возжелавших не достичь, за исключением того, кого изберет Бог и наделит светом Своей поддержки и Своего вдохновения, благодаря чему тот постигнет правду и истину. Таковы пророки и посланники, и в этом же — различие между пророком и пророчествующим.

А посему обязательные [религиозные] законы и обряды, ведущие мир под сенью божественного управления и хранящие народы, суть как орудие мастера или члены существа, привлекающие полезное и отталкивающие вредное. Как в существе одним органам назначено быть более чувствительными (к примеру, лицо, руки, ноги, тонкие парные органы), так и в управлении ликам и дланям народов и прочим людям, то есть царям и их подданным, назначено занимать разные ступени в соответствии с их способностями. Как все органы созданы повинующимися сердцу, гнездилищу вдохновения и жизни, так что сообразуются они с его велениями, взглядами и запретами, так и в управлении заведовать делами людей назначено имаму, вместилищу

Божьего света, людям же действовать сообразно его усмотрению, так что весь порядок *('амр)* приходит к единству. Как в творении органы устроены сердцем и живы теплотой его, их достигающей, так и в делах управления благополучие и покой людей даются достигающими их повелениями устроителя их дел. Как в творении есть органы, приносящие пользу всему телу (к примеру, глаз, ухо и прочее), так и в божественном управлении есть назначенные передавать, оберегать и заботиться о вестях, дабы тем сохранялось все сообщество. Как в творении во всем теле кровь распределена меж внутренними и внешними работающими органами соответственно рангам их тонкости и плотности, так и в управлении имуществу исполнителей всеобщего веления назначено быть распределенным в большей или меньшей степени соответственно их рангам: между всадниками и пешими, слабыми и сильными, старцами и юношами.

Как предначертано существу иметь поганые, всему телу вредящие, к болезни и гибели ведущие смешения *(ахлāт)*, излечиваются же от оных либо изгнанием их из тела, очищая его от сих смешений, если таковое возможно, либо, если не изгоняются они, усмиряют их иным способом, дабы исцелилось тело, так и в управлении до́лжно, когда появятся носители порчи и вреда, в теснину тьмы народ ввергающие, пресекать их умерщвлением, либо кнутом или пряником, и дать им то, что отвратит их от порчи (как «вновь обращенных» [4]), дабы установить всеобщее спокойствие и удалить порчу. Как в творение внедрено желание улавливать животных, кои не суть люди, но близки оным по смеси, и подкрепляться мясом их, так и в управлении до́лжно принуждать к совместному житию население «дальних концов земли» [5], кое схоже с живущими под дланью Всевышнего, и использовать его себе в помощь. Как органы поражаются разными болезнями и различно излечиваются — рассекаются либо прижигаются железом, или смазываются целительной мазью, либо лечатся вдыханием запаха лекарства, либо применением горького или сладкого лекарства и тому подобное, так и в управлении надлежит следовать разными путями в исправлении разных людей (глупцов, умников или слуг) и отвращении от желанной им порчи, воспитывая их так, как они того заслуживают: осыпая ли ударами, заточая ли в узилище, подвергая порицанию либо хуле или же не давая свершить искомое.

Как в творении одному органу назначено властвовать над другим не иначе как чрез сердце, так и в управлении не должно никому ни над кем иметь силу либо приказывать иначе как с санкции повелителя. Как в творении назначены существам ночь и день, время для отдыха и время для поиска пропитания, так и в управлении положено людям время, отдаваемое поклонению (каковое есть вечное питание жизни), и время для земных забот. И так следуя далее, дойдешь до всего, что соответствует обрядам и законам. Возжелавший управлять да зажжет свет своего управления от Божьего света; а никакое управление, когда божественному приказанию не следует, не может быть полным, но ведет к одному только произволу да притеснению, губя все живое и мертвое.

Таковы те действия, что свершаются с помощью орудий либо внутри тела, либо вне его.

А что до действий, свершаемых душою самостно, без нужды в орудиях, что не суть она сама, то таковые происходят от нее после совершения действий смешанных, для коих необходимы уготованные ей для улавливания знаний орудия, после того, как она в том займет более высокую, нежели была у нее прежде, ступень. Когда же случится ей иметь интимную беседу *(мунāджāт)* с Всевышним Творцом своим,— каковой не может быть прежде, нежели возложит она на себя бремя повелений в божественной общине и господнем управлении и, скопив в познании, поклонении и отправлении установленных ритуалов формы сенсибельного (кои, бывши разумеемыми потенциально, стали для нее разумеемыми актуально), не станет она актуальной,— тогда под влиянием оной возгорятся в ней светы снисканного Царства: будет обладать она тем светом святой чистоты, что делает ненужным внешний, чрез научение и стяжание приходящий свет, к коему нет доступа иначе, как чрез употребление орудий и уловление [знаний]. А возгорается он в ней из-за близости ее к Первой Причине, к Творению и Первой Эманации. Тогда обретает она сходство и соотнесенность с вне[природными] Разумами благодаря прежнему своему стяжанию. Тогда действует она, не встречая ни в чем препятствий, не нуждаясь в помощи членов своего тела.

Среди сих действий одни суть начала *('ава'иль)*, другие же — концы *('авāхир)*. Начала — это те, что сопутствуют получаемому из опыта знанию; так мы узнаем, к примеру, что десять минус два будет восемь или что три плюс три дают шесть, или что единица меньше десятки. Концы же — те, кои имеет она чрез установление равновесия и взаимного соответствия, комбинируя и извлекая материи, оказавшиеся в ее самости благодаря стяжанию. Например, она узнает, что легко и просто поднять тяжелую вещь, если делать это на отдалении с помощью специальных инженерных орудий типа рычажных весов и гирь, кои, как известно, будучи малы, уравновешивают многократно свой вес. Или же так называемое самовращающееся колесо: она с помощью производимых расчетов представляет, каким оно может быть, затем в самой себе ищет и находит то, что укрепляет ее уверенность в его вращении, затем все это осуществляется актуально в доступном чувству орудии и оказывается правильным, согласным с произведенным действием; или же объятие поддерживающих причин, поддерживаемых следствий, чтойностей, противоположностей и соотнесенностей. Во всем этом ей не нужно прибегать к использованию орудия.

И пусть никто не говорит, что то, чего форма запечатлевается, является-де уловленным и представляемым, а представляемо то, что ощущаемо, ощущаемое же постигается только с помощью орудия. Неправота сего взгляда доказывается тем, что оказавшиеся в душе формы сенсибельного не суть тело, когда могли бы служить орудием: форма уже отделилась (от материи ощущаемого.— *А. С.*), отпечатавшись в самости души, и благодаря воссиявшему в ней знанию стала с ней единым, сенсибельное же осталось, как и было, вовне. Так же точно все, что окажется вблизи камфоры, заимствует от нее подобие ее запаха, и получается, что в запахе всего этого — подобие камфоры, хотя ни в чем из того самой камфоры нет. Кроме того, душа сама по себе разговаривает и размеривает, берет и дает, воспрещает и приказывает, взмывает ввысь и опускается долу, погружается в пучину и выходит на поверхность, смотрит и видит, чему достаточным свидетельством и доказательством служат видимые человеком во сне действия ее, коих истолкование верно. Все сии действия свершаются без помощи орудия, ведь орудия, застыв, остаются с ее телом, она же парит и странствует по городам и весям.

Вот что следует вкратце сказать о действиях, дабы проторить дорогу к пониманию в сем вопросе. Каждое из

них от любого отличается. Между действием души на пользу своего тела и действием ее для уловления знаний разница та, что действием на пользу тела является то, которое осуществляется при помощи уготованных внутри тела орудий для приема и переваривания пищи; прекращение этого действия несет ущерб частицам тела, ведет к гибели оного и его распаду, то есть смерти. А действием для уловления знаний является то, которое осуществляется при помощи воздвигнутых для души орудий на внешней поверхности тела (глаза, уха, носа, языка и [органа] осязания); прекращение этого действия ведет к остановке работы органов чувств, то есть ко сну. Далее, между действием ее по уловлению знаний с помощью орудий и самостным воздействием на имеющиеся у нее формы познаваемого разница та, что при свершаемом с помощью орудий действии отсутствие сенсибельного ведет к прекращению действия, ибо орудиям присуще воздействовать на внешнее сенсибельное, и если вне их нет того, в чем они могли бы произвести свою работу и ощутить, то и действия от них не происходит. А что касается самостного действия, то даже если само ощущаемое скрыто от чувств, то форма [его] (каковая есть полученный его отпечаток) в самости [души] имеется, и ничто не препятствует ее действию, именуемому представлением. И вот это действие осуществляется и непрестанно длится, а то с исчезновением ощущаемого прерывается и прекращается. Таково сие свершающееся в самости [души] действие. С ним душа поднимается над рангом чувственной, ибо сие не есть чувство, но запечатление форм, знание и овладение вершиной сходства и соотнесенности со святейшим.

Предельная цель души в сих действиях — объять то, что скрыто от чувств и вне[природно], и в знании и утверждении единства *(тавхӣд)* достичь той степени, когда ни одно сущее не ускользнет от ее познания, дабы [среди непознанного] остался лишь Тот, от Кого произошло все сущее. У того порога остановится она в изумлении, не в силах равняться [с Ним] и искать объятия, и покорно признает свою немощь, истинно познав, что путь искомого объятия закрыт и что все сущее распределено по ступеням, и хотя достигла она высот величия, мощи и объятия, а все же бытие ее не самостно, и не чрез себя саму она пребывает, но чрез Него, Всевышнего, Единственного Бога. Сия предельная цель есть для нее второе совершенство, так же как быть представляющей (каковая степень есть совершенство чувственной души и ее предельная цель, о чем уже говорилось) является ее первым совершенством. Мы говорим — первым совершенством, ибо сей степени сначала у нее не было, стала же тогда, когда поднялась она к ней с прежней своей степени. Сия есть первая степень, кою достигает она стяжанием, за оной же, дабы прийти к своей конечной цели, предстоит одолеть ей немало ступеней, на каждую поднимаясь благодаря достигающему ее свету обретения, стяжая знание, свершая деяния и следуя законоположенным путем общины. Так день за днем стяжает она необходимое, дабы придать своей субстанции обильность и благородство, пока не обратится в незыблемый разум, не достижимый для козней дьявола и гибельных соблазнов проклятого супостата. Так же и дерево вначале бывает хилым ростком, который легко погубить, растерев меж пальцев либо затоптав, если прежде того само не погибнет от жары и безводья; но день за днем притягивает оно материи, в коих изыскивает для себя силу, крепнут его ветви и ствол, и вот оно уж несгибаемо утверждено на земле. Таковы же и некоторые минералы, например, ртуть: ее, это слабое, летучее при нагревании, студенистое дрожащее тело, берет мастер и соединяет с другим, любимым ею минералом, и тот обволакивает и связывает ее, закаляет и укрепляет. Если же кто пройдет принятым в вероисповедной общине путем исправления души, то через некоторое время станет уж не таким, каким был изначально, но сильным, способным воздействовать на тела, стойким к пламени, тогда как прежде встречи с ним боялся. Так же и с молоком, что дают животные: когда пастух кладет в него сыворотку, оно благодаря ей свертывается и связывается; так молоко становится незыблемо-твердым телом, бывши до того текучим и податливым. Вот и она (душа.— *А. С.*), как сие перечисленное, поднимается к своему пределу, стяжая знание и деяние, в том и в другом обретая благородство, могущество, сиятельность, мощь и пребывание. Все сие единоподобно: «В творении Милостивого не увидишь нестройности» [6].

За сим вослед весы вероисповедные утверждают, что поскольку актуально-сущие научающие границы религии имеют в пророческом призыве разные ранги, так что одни, как, например, заветник, научают с помощью как бы ору-

дия, другие же, как, например, глаголящий,— без оного, следовательно, действия души распадаются на определенные смесью (каковые свершаются при помощи орудий) и определяемые душой и свершаемые без орудия. Поскольку научающие упорядочены так, что, во-первых, одни (к примеру, имам) хранят явную [сторону] Законоуложения (каковая обеспечивает физическое устроение общины) и к оному призывают, другие (к примеру, врата) научают явной [стороне] Закона (каковая есть явное поклонение), третьи же (как, например, худджи) научают явной и скрытой [сторонам] поклонения совокупно, следовательно, свершаемые с помощью орудия действия души, во-первых, бывают или внутри тела, ради сохранения его физического облика *(шахṣ)*, или же связаны с совокупной пользой души и тела; и, во-вторых, одним из них (например, примыкающему и проповеднику, каковые научают явной и скрытой [сторонам] Законоуложения) известно истолкование явной [стороны] Законоуложения, из чего вытекает осведомленность о циклах и числе границ Божьей религии с начала и до конца века *(дахр)*, другим же (как, например, извещающим проповедникам, каковые научают рангом Разумов и вне[природных] границ) известны ранги приближенных ангелов, из чего вытекает знание единобожия, следовательно, действия души, во-вторых, свершаются либо в душе, либо в теле.

Поскольку извещающие проповедники способны устанавливать равновесность, из коей божественные знания проистекают без научения, следовательно, душа способна действовать без орудия. Поскольку разница между научением явному, связанному с деянием, и научением скрытому, связанному со знанием, состоит в том, что прекращение научения правилам явного поклонения ведет к гибели людей общины, ибо ослабевают и исчезают ее обряды, а прекращение научения истолковательным знаниям отрывает знания от души и ведет к глупости небрежения *(ғафля)*, следовательно, между действием души на пользу своего тела и действием ее по уловлению знаний разница та, что прекращение первого ведет к гибели ее физического носителя, а прекращение второго — к глупости и незнанию. Поскольку между действием по улавливанию знаний и самостным действием души разница та, что первое связано с сенсибельными вещами, которые могут отдалиться от органов чувств и перестать быть ощущаемы, и с этим их исчезновением прекратится и действие, второе же связано с имеющимися в самости [души] формами, и ничто не препятствует душе совершать сие действие в своей самости, следовательно, разница меж истолковательными знаниями, связанными с явной [стороной] Законов, и разумными знаниями *(альма'ӑриф аль-'аḳлийят)* та, что сенсибельное превращается и переменяется в разных истолкованиях, разумное же незыблемо.

Таковы следствия из рассмотрения сущего; для внимательного мыслителя не скрыты и другие, кои умножат его знания и дадут ему твердую уверенность. Слава Богу, Творцу небес и земли, в единую нить великое и малое связавшему; да благословит и приветствует Бог величайшего посланника Своего, сиятельного господина нашего Мухаммеда, повелителя правоверных Али бен Аби Талеба и имамов из рода их.

УЛИЦА ДВЕНАДЦАТАЯ

О глаголящей душе как пребывающей, и в чем того причина, и что́ доставляет ей пребывание и счастье, а что́ — гибель и терзание; о том, приходит ли сие к ней извне, или же от той ее природы *(ṭаб')*, от которой — ее бытие; и о том, что́ есть терзание и что́ — счастье, что́ есть ее смерть и что́ — ее жизнь

Если глаголящая душа, как мы говорили, стяжанием снискала все те ранги, что располагаются между ее потенциальностью и актуальностью, если благородством окрасилась субстанция ее и в дополнение к прежде сказанному остатки прежнего природного в ней обратились в разумную форму (как в зеленом винограде, влияния приемлющем, кислота обращается [в сладость]), то тем самым она обрела пребывание и совершенство и стала пребывающей, полной и вечной на ступени второго воскрешения. Засим скажем: причина ее пребывания в том, что вечное и пребывающее — это рай, то есть собрание Сотворенных и Эманационных Разумов, которых сделал таковыми Святейший Всевышний Бог, и душа может стать пребывающей и подняться на ступень Сотворенных и Эманационных Разумов не иначе,

как соотнесясь с оным раем, став связанной с ним и приняв его истечение так, что самость ее обернется разумом. Именно сии изливаемые и принимаемые силы и благодать делают так обращающуюся душу совершенной (также как огонь делает совершенным уголь или закваска — тесто), претворяют ее в разум наподобие источника своего излияния, охраняют ее от превращений и с оным источником соединяют; и вот она пребывает вечным пребыванием и живет вечной жизнью, каковая есть непрерывность *(давăм)* бытия. Они суть вторая, ближняя причина. Те Сотворенные и Эманационные Разумы (из коих истекает благодать) струят свои силы в сущем, опекая мир Природы; встретив душу, хотя бы в малейшей степени имеющую сходство или соотнесенность [с ними], они изливают на нее свое истечение, вызволяя и удерживая при себе. Так же и среди господ увидишь, что если найдут они воспитание либо нрав своего слуги соответствующим или согласным с собою, то сие станет причиной пребывания его со своим господином. Если мы скажем, что их (Разумов.— *А. С.*) истечения связываются так же, как искра с трутом, то будет тут полная равновесность подобия: трут подготовлен к воздействию огня, чтобы принять его подобие, как душа под воздействием обрядов вероисповедной общины подготовлена к принятию божественной благодати.

Итак, они (Разумы.— *А. С.*) суть первая причина сего ее пребывания. Они могут излить свое истечение и на чувственную душу, даже если нет у нее ни соотнесенности, ни сходства с истечением, если только самость ее не покрыта тем или иным природным пятном, препятствующим ей принять [истечение], так же, как слугу могут взять в дом и воспитать соответственно привычкам господина, если привычки либо врожденная натура его души не воспрепятствует сей тренировке, а посему отсутствие у него таких препятствующих привычек является причиной его пребывания с господином. И если скажем мы: также как хлопок, не подмоченный водой и свободный от всего, что воспрепятствовало бы ему принять воздействие огня, то есть возгореться огнем, то и это было бы схоже и равновесно; однако здесь — наименьшая согласованность, и сей пример касается только пророков, скажем, Мухаммеда (да благословит Бог его и род его!), о котором передают, что и в детстве свершал он добродетельные благочинные поступки, или же

Иисуса и Авраама (мир им!); о сем пойдет разговор в разделе о внушенном откровении. Пребывание души связано с обретением ею знания от обладателей откровения, а ее связанные с переходом [в мир иной] [1] действия и состояния в поддержании ее и придании ей совершенства тяжки и изнурительны. Ведь оно (пребывание.— *А. С.*) есть предел ею достижимого, а ей бы в действиях своих только следовать своей смеси, а потому нужны особая опека, упражнение и радение, дабы придать ей все необходимое для стяжания счастья. Таковы же, к примеру, сырые дрова, с которыми огонь связывается лишь после особых усилий и приложенного труда.

А если говорить о том, какое отношение имеет самость души к стяжанию ею счастья, то самость ее совершает только те действия, которые проистекают от ее смеси, и влечения ее обусловлены исключительно тем, какова ее подготовленность. Если ее подготовленность такова, что смесь умеренна (как мы о том говорили), то она самостно воздерживается от многого зла, но не во всем, и производит благопорядочные действия, но не во всем, а более или менее. Смотря по тому, какой достанется ей извне учитель, наставник и сотоварищ, таким и будет ее благородство. Если посчастливится ей иметь учителя из числа Божьих границ и тот укрепит ее научением и побудит к исполнению деяний, то тем подготовится она, обретет высокородность и в крайней степени привязанность к богобоязненности и благу, ни на шаг не отступая от святых угодников Божьих и начертаний границ Его религии. Если же не доведется ей встретить благонаставляющих проповедников и в свершении своих действий будет она обращаться только к своей самости и воспринимать от таких же, как сама, сотоварищей, то такое состояние дел постепенно испортит ее, ибо неблагопристойные действия, повторяясь, войдут у нее в привычку; ведь если чувственная душа не исправляется извне, то неизбежно портится и опускается. А если ее смесь далека от умеренности, то от самости ее будут исходить отвратительные действия, о чем мы говорили в «Приметах веры». Ведь она как чувственная представляющая душа стяжает и представляет в соответствии со своей смесью (от коей и проистекает бытие чувственной души), зная только о том, в чем состоит ее счастье, но не ведая о том, в чем ее терзание. И вполне может она представлять, что именно того, что подсказывает

ее смесь (как-то: бесполезное наслаждение, верховенство, красование, роскошество, насилие и тому подобное, чем, к слову сказать, и отличается большинство правителей нашего времени), следует ей домогаться, сие лелеять и полностью оному предаться. Именно это и воспрепятствует ее счастью и принесет ей невзгоды и злосчастья. Если будет кому извне научить и исправить ее, наставив на путь неустанного соблюдения предписанных высокоблагородной общине Божьих приказаний, то вся ее испорченность и злосчастье растворятся и обратятся в источник блага и пользы. Если же такового не случится и у нее не будет наставника и учителя, то она, следуя привязанностям своей смеси и недобрым учителям, пропадет.

А посему мы говорим, что душа, как и тело, бывает здоровой либо испытывает недомогание. Как одни из болезней протекают легко и быстро проходят (вроде однодневной лихорадки или двухдневного насморка), а другие продолжаются долго и трудноизлечимы (например, водянка или перемежающаяся лихорадка), и как здоровье бывает легко уничтожимым (например, здоровье поправляющегося после болезни), а бывает и крепким (как у здоровых сильных телом), так же именно, одно к одному, бывает здоровой и больной душа. Как горячку или озноб, а также и прочее, что возникает в теле при болезни, можно удалить лечением и сделать тело здоровым, так же и душу, больную дурными привычками, низкими нравами и порочными воззрениями, можно натренировать в отталкивании всех сих пороков (кои случилось ей иметь, когда воспоследовала она в своих действиях своей смеси, каковые пороки суть недуг ее и болезнь) и тем изменить и обратить ее к добру: так станет она здоровой и сохранится. Ведь тем порокам, что свойственны душе в силу ее смеси и из-за потакающих ей в том сумасбродных глупцов и бесов, своей корысти и своевольным капризам служащих, коли пропустить их, как мы говорили, чрез горнило неустанного соблюдения божественных приказаний и обязательных предписаний, пророком (да благословит Бог его и род его!) принесенных,— тем порокам свойственно превращаться в добродетели, так же, как кислота обращается в сладость, и изменяться к добру. Так же и действие человеческой души в момент негодования или страсти в точном подобии равновесно действию животных, и ничего, считай, из у нее имеющегося при актуальности здесь не упущено; после сего ранга ей нечего пожинать на ниве

стяжания, но остается изменяться благодаря стяжанию божественных знаков: она становится изменяющейся к добру и пребыванию. А кто сего лечения для оздоровления своей души не применяет, тот от всяких благ далек; такие души, появляясь в бытии, подтачивают мироздание и ослабляют людской сонм.

Устроение небесных светил, Природы и порождений, о чем прежде мы поведали, таково, что они ни наносят ущерб, ни споспешествуют предустановленной цели вне[природных] Разумов — избавить душу. Потому иногда случается, что влияние их ведет к появлению душ, небесноподдержанных либо не поддержанных небесами, но имеющих в своих помощниках время. Таковые творят в Божьем деле справедливость, как, например, Моисей, которому чрез уготованные орудия способствовало время сверх того, в чем был поддержан он из обиталища Святости для достижения той цели, в которой и поддерживали его Разумы: на верный путь наставил он народ свой и истребил блудодеев, что было благоприятно для цели [Разумов]. Или же Муавия [2] и ему подобные, препятствовавшие наместникам Божьим осуществить и распространить дело Всевышнего: это нанесло ущерб цели [Разумов]. А иногда благодаря их влиянию появляются души, которым, хотя и поддерживают их вне[природные] Разумы, однако же не помогает время в осуществлении стремлений; например, пророку (да благословит Бог его и род его!) время не помогало, хотя обиталищем Святости и был он поддержан, а потому остались после него в народе и блудодеи, и заблудшие, и пустобрехи до того момента, когда время помогло его замещающим и сделали они то, чего он не сделал; или же Али бен Аби Талебу (да благословит его Бог!), которому, хотя и был он избран Всевышним, время не помогало, а потому одолели его супостаты и сбили с пути. А также и души, которым не помогает время (хотя их не поддерживают и [Разумы]), например, многочисленные злодеи, которым время не помогает осуществить их действия, так что остаются они стреножены и бессильны. Таковые действия свершают небесные и земные тела, производя смесь, от коей проистекает бытие сих душ, но не потому, что стремятся помочь в осуществлении цели [Разумов] иль воспрепятствовать тому, а потому, что таковы они и для того и установлены, чтобы всякую материю наделить силами, кои дано ей, как говорили мы, принять в соответствии со своей подготовленностью чрез многочисленные движения и разные превращения.

Оба поклонения сбирают все деяния, к коим призваны чада истинной веры (а именно: соблюдение чистоты, молитва, пост, милостыня, паломничество, джихад и повиновение наместнику Бога на земле Его, сохраняющему Его предписания и запреты, и следование всем его призывам и наставлениям), а также все знания, а именно: постижение единобожия, каковое есть высшая из причин, коими, как мы сказали и показали, достигается полное счастье; воздержание от любых суждений о Боге, каковые были бы описанием Всевышнего, то есть придавали бы Ему то, что принадлежит другим, а значит, были бы ложным измышлением; знание сущих бестелесных приближенных ангелов и действий их; знание телесных субстанций и атрибутов каждой из них, земных тел и их действий, человека, как становится его бытие; знание пророков (мир им!), предержателей циклов, заветников, начальных и последующих границ религии, божественных законов и установлений и того, к чему приходят люди разных исповеданий. Сии [знания] стяжаются двояко: либо при поддержке небес (это относится к пророкам, заветникам, а также воздвиженным из числа имамов — мир им!), либо чрез научение посредством соотнесения и уподобления, дабы в самости научающегося возникли точно воспроизводящие эти знания подобия. В последнем случае запечатление форм и уподобление зависит от различия умов и разумов: одним достаточно малейшего сходства, другим потребны правильнейшие и неколебимые подобия, схватывающие все благородство добродетелей.

Сии два поклонения сбирают и осуществляют лишь наилучшие, наиболее религиозные, наиболее деяниями обильные, на дольнюю жизнь свою смотрящие взглядом потусторонним и [знающие], что воздается добром лишь благочестивым. Своими частями сии два поклонения оказывают на душу то же действие, что [исходящая] от солнца теплота — на плоды, превращая терпкость и кислоту оных в сладость. Так же и в душе, когда выполняет она сии два поклонения, связав себя их цепью и без устали им предаваясь, пороки обращаются в добродетели, и обретает она соотнесенность с пребывающими в обители Святости вне[природными] Разумами и становится самосущей. Теперь она уже не такова, какой была в начале: в начальном состоянии своем она — пленница смеси (подобно душам животных) и подвержена превращениям, и не говорится о ней, что она — душа; а во втором, обретенном стяжанием

состоянии она принадлежит высшему сонму, став разумом благодаря тому, что уразумела и чего формы запечатлела в своей самости. Теперь уже нельзя сказать о ней того, что говорилось прежде: тем, что стяжала она чрез оба поклонения, теперь освящена ее самость. Теперь, после стяжания, в коем была усердна и прилежна, она связана с Разумами (тогда как прежде была потенциальна и с Разумами соотнесенности не имела), связана с пребывающим и вечным (также как железо, когда оно актуально, связано с магнитом и притягивается к нему, а прежде, будучи в руде железом потенциальным, к нему не притягивалось, и вот после усердных трудов и прилежания, после огненной обработки стало оно железом актуальным, к магниту тянущимся и с ним навеки, пока он есть, связанным), не нуждается в своем теле и не прибегает ни к чьей помощи для свершения своих действий, ибо самосуща и действует в своей самости так же, как и вне[природные] Разумы. Точно так и ребенку, пока он слаб и беспомощен, нужна кормилица и нянька; но вот, впитав силу и окрепнув, он более не нуждается в своей кормилице, воспитательнице и хранительнице, то есть в матери своей, ибо уже силен и сам находит себе пропитание, и не будет ему вреда, если теперь родительница с ним разлучится. И вот душе, прежде нуждавшейся для бытия в теле своем, теперь оно не нужно, когда наступает смерть и становятся бездейственными орудия: как цыпленку, вылупившемуся из яйца вполне сформированным, не вредит разбиение скорлупы, так же и ей не вредит остановка тела.

Сии два поклонения воздействуют на душу так же, как воздух воздействует на коралл. Это растение, коралл, выходит из вод морских, и воздух превращает его в камень, течению времени не подвластный: благодаря воздуху коралл меняет свою растительную природу. Те два поклонения для души суть то же, что для плодов финиковой пальмы извне их приходящее оплодотворение: без него бы не получилось завязи, а благодаря ему есть завязь и есть плод. Так же и душа, даже если происходит из числа добропорядочных, однако же без границ религии и божественной силой внедренных законоуложений их, не усердствуя в обоих поклонениях, не обретая ими знания и не верша деяний, останется бесплодной. Два поклонения суть счастье для тех, кто в них усерден и им верен, и терзание для тех, кто ими пренебрегает либо их установления нарушает.

Словом, терзание — это когда в душе есть что-либо, препятствующее ей достичь совершенства в стяжании добродетели, а счастье — когда есть то, что делает ее совершенной в добродетели. С этим и связана вечная жизнь души. Ведь та смерть, которую мы тут упомянули, сказав, что она наступает, когда душа перестает использовать орудия в интересах тела,— это смерть естественная. А есть и другая смерть, а именно умерщвление чувственной души и ее приостановка *(та'ṭыль)*; она наступает чрез неисполнение желаемых ею природных капризов и удержание *('ақль)* [3] души от них. Таковая достигается только благодаря обоим поклонениям. Иная смерть — умерщвление души, когда перестает она приобретать знания и деяния (в коих заключается ее исполненность) и оных не имеет. Она наступает, если преданы забвению оба поклонения и если прежде ввиду внешних, ей в том препятствующих, обстоятельств умерла самость ее. В этом для души — наибольший вред. Одним словом, смерть есть оставление душою своих действий, как присущих, так и надлежащих. Что касается жизни, то мы уже говорили, что она есть природная жизнь, проистекающая от воздвигнутых для воздействия и претерпевания тел. Есть и иная, святая жизнь, каковая в отношении сей природной жизни есть как бы дух. Ею будет в день Воскресения жива душа, если верна и усердна в обоих поклонениях.

Подтверждением и доказательством сего служат соответствия и равновесности весов вероисповедных. Поскольку принесенное пророком (благословение и мир ему!) от Всевышнего служило ближней причиной сбирания того, к чему он призывал, следовательно, именно благодаря обоим поклонениям достигает душа соотнесенности с обиталищем Святости, и именно они суть ближняя причина ее связанности с оным. Поскольку пророк (да благословит Бог его и род его!) среди сподвижников своих особо отмечал тех, кто хорошо приемлет [знание], следует [ему] и убежден, и их обучал и на них изливал свой свет, следовательно, именно вне[природные] Разумы особо отмечают души, смотря по тому, как самости их приемлют оных влияния, и именно они суть первая причина. Поскольку пророк (да благословит Бог его и род его!) призывал всех принять им принесенное и научал всех, у кого к тому не было препятствия, следовательно, вне[природные] Разумы пекутся обо всех душах и

воздействуют на все чувственные души, если в тех ничто тому не препятствует.

Вот что, как свидетельствуют весы вероисповедные, вытекает из подвластных ощущению вещей, в коих не испытывает душа никаких сомнений. Да славится Бог, Всевеликий и Достославный, Могучий и Неведомый, и да благословит Он и приветствует пророка Мухаммеда и заветника Али бен Аби Талеба, а также имамов из рода их.

УЛИЦА ТРИНАДЦАТАЯ

О человеческой душе и о том, как после перехода [в мир иной] ей воздастся за стяжание; о том, что такое воскресение, Страшный Суд, награда, наказание, рай и геенна и что́ значат они для души; каковы благочестивые в последнем прибежище своем, о том, что в дольней жизни их души подсказывает, какой будет загробная жизнь ее, и о том, каковы действия их; о том, кто такие лицемеры, отступники, заблудшие и высокомерные спесивцы, от истинного почитания Бога далекие, и каковы действия их, и что ждет их после смерти; получает ли душа награду и наказание, как только переходит [в мир иной], или же остается такой, какова есть, до воскресения; о том, когда воздается ей и что общего у обитателей рая и геенны до того времени; о том, есть ли она отдельная форма, такая же, как форма ее тела в дольней жизни, или нет; о том, связывается ли душа, покинувшая свое тело, с другим телом, как утверждают сторонники учения о переселении душ, или нет; о том, помнит она о своей дольней жизни или нет; о том, пропадают ее знания или нет; и о том, наделен ли снискавший награду способностью воздействовать на иное, как то могут вне[природные] Разумы, или нет и каково это воздействие

Поскольку надлежит нам сразу же разъяснить, что́ мы желаем обо всем этом сказать, то начнем с неизбежности воздаяния. Оно доказано нами в «Светозарном [доказатель-

стве имамата]», равно как и то, что дается оно не в дольней жизни. Дабы подкрепить это новыми доказательствами, скажем следующее.

Коль скоро, как то утверждает разум, потенциальное благодаря актуальному стяжает то, что переводит его в акт и чего оно не имело, получая так свою полноту и совершенство (к примеру, косточка финика, то есть потенциальная пальма, стяжает благодаря опекающему ее актуальному то, чем исполняется ее актуальность как пальмы: она приемлет воздействующие светы, которые для нее — совершенство в ее актуальности, и плодоносит; а будучи косточкой, она не принимала сих светов не потому, что те не могли воздействовать на нее, а потому, что сама не могла принять эти воздействия, благодаря коим стала теперь сполна плодоносящей пальмой), и коль скоро душа потенциальна, и поскольку установлено, что, стяжав, она переходит в акт, ибо в соответствии со своим стяжанием обретает нечто оттуда, куда переходит, и коль скоро душа стяжает от исполнителей дела Всевышнего и переходит в загробное обиталище — обитель актуальных Разумов, то отсюда вытекает, что в загробной жизни душа получает в зависимости от своего стяжания то, что мы называем воздаянием. Сей вывод мы подкрепим следующим. Коль скоро от всякого сущего на все, что так или иначе его окружает или в нем оказывается, изливается (как мы это показали в «Знаках религии») в зависимости от его качества то, что определяется совершенством его самости (взять для примера воду, которая всему, что с ней соседствует или в нее погружается, сообщает влажность и холод в зависимости от того, как оно принимает, либо же воздух и небесные сферы и их очевидные воздействия), и поскольку загробный мир (или обиталище Разумов, или Царствие) есть тот предел, к которому приходит душа и с которым связывается, то установлено, что сие обиталище, когда душа целиком вступает в него, доставляет ей из своего содержимого и смотря по ее стяжанию то, что для благочестивых будет наградой, а для грешников — наказанием.

Чтобы еще раз закрепить сказанное, приведем и такое доказательство. Коль скоро глаголящая душа прибегает в мире Природы к тем причинам, которые приводят ее в мир Святости, и поскольку черпает она из того мира, будучи отягощена всем, что привносится смесью и что она стремится отторгнуть, то отсюда следует, что, уйдя от всех чинимых смесью препятствий, она благодаря однородности и соотнесенности и[ли] разнородности и несоответствию и ввиду исчезновения преград получит ту благодать сего мира, которая и будет воздаянием для благочестивых и грешников — смотря по соотнесенности или несоответствию.

Это подкрепляется и той равновесностью, что мы находим в творении. О том надлежит сказать, что в своем бытии и стяжании, ущербности и совершенстве, награде и блаженстве, наказании и огненной муке душа во всем подобна телу (кое и есть начальное творение и первое устроение [1]), ибо бытие ощущаемого и разумеемого устроено единообразно. Как сказал о том Всевышний, «сотворение ваше и воскресение ваше — как единой души»: [2] изначально телесно сотворены вы (что постигается чувством) и воскресаете в душах своих (а сие — второе сотворение, постижимое разумом) как единая душа, ибо одно подобно другому и оба одинаковы. Здесь то действие, что относится к сенсибельному телу, Всевышний поименовал сотворением, а то, что относится к душе и разуму,— воскресением. И там, и тут протекает оно единообразно. Посему об интеллигибельном воскресении говорил Бог чрез сенсибельное первое сотворение: «Люди! Если вы сомневаетесь о воскресении» [3],— если вам неведомо воскресение (то есть загробное устроение, когда сотворяются духи и оживляются загробным духом Святости) и вы сомневаетесь в нем, ибо не имеете на то указания, то познайте его по тому, как Мы сотворили тела ваши, «Мы создали вас» [4],— создали ваши физические тела до того, как вы начали сами размножаться, «из праха, потом — из семени» [5],— это когда, как мы говорили, началось размножение, «потом — из сгустка крови» [6], а это та ступень, кою достигают семя и кровь, смешиваясь в утробе, «потом — из плоти» [7], а это — также ступень, достигаемая сгустком крови, и бывает она «сложившейся» [8], то есть оформленной и полной, «и несложившейся» [9], то есть неоформленной и ущербной (как мы то показали в своем трактате «О загробной жизни»); все сие постигается как первое устроение. Затем устраивает Всевышний загробное устроение, о чем сказал Он так: «Вам известно уже первое устроение» [10], то есть телесное сотворение ваших тел, «так почему же вы не знаете о другом» [11],— почему бы вам не размыслить и не установить равновесие и так узнать, что

сотворение и воскресение единообразны и что загробное устроение, то есть сотворение духов и оживление их духом Святости таково же, как и первое устроение?

Коль скоро бытие и совершенство души таковы же, как и ее тела (о чем изящно сообщает нам Дражайшее Писание), и поскольку мы находим, что тело ее, находясь в утробе, за счет дарованной ему его природной смесью растительной силы стяжает, притягивая материи и укрепляясь ими, и переходит со ступени семенной на ступень кровяного сгустка, а с той — на ступень плоти и так далее, пока не усовершенствуется благодаря орудиям (глазу, уху, руке, ноге, носу, языку и прочим, о коих уже говорилось), коими предстоит ему, перейдя в чувственный мир, производить действия (ибо в той утробной темени и теснине обретает оно их именно для того, чтобы с ними выйти на просторы мира), и тогда усладу либо муку испытывать будет, смотря по тому, сколь совершенны и правильны сии орудия, что стяжало оно в утробе благодаря природной силе, актуально сущей вне тел, к коим выходит оно, и если тело обретает сии уготованные для стяжания орудия, то, выйдя в чувственный мир, приемлет его благости и муки соответственно своей изначально обретенной природе,— коль скоро и поскольку это так, то о том, какова душа, мы скажем, опираясь на взаимное соответствие (души и тела.— *А. С.)*.

Как тело ее в утробной темени — так и душа в теле своем. Как тело ее существует не для утробной темени и теснины, но для чувственного мира, в который выходит, так и душа, будучи в теле своем, существует не для него, но для самости своей, достойной иного мира, в который она и переходит. Как тело благодаря своей растительной силе притягивает к себе материи, укрепляя и доводя до совершенства свои орудия, дабы предстать с оными перед сущим в чувственном мире, так и душа, неустанная и усердная в законопредписанных деяниях, притягивает божественную благодать и обретает знания, дабы оными исправить свою самость и подготовить ее для светов Царства. Как тело, выходя в чувственный мир, расстается с утробой, так душа, переходя в загробный мир, расстается со своим телом. Как в дольней жизни тело есть орудие души, коим обретает она услады, так и в загробном мире самость души есть орудие для самой себя, коим находит она услады. Как в этом мире

тело обретает чувственный дух *(рӯх ҳиссий)*, так и в мире ином душа обретает дух Святости. А те наслаждения и муки, что тело испытывает в дольней жизни в силу своей природы, а не того, что воздвигнуто в нем, мы уподобим той благодати и мучению, что претерпевает душа в загробном мире благодаря своему стяжанию, а не тому, что изливается на нее. Так одно с другим — в точном подобии и соответствии, что означает существование уравновешенности, каковая влечет неизбежность воздаяния, награды и наказания для души.

Коль скоро все это, как мы показали, из взаимного соответствия и равновесия неизбежно следует, то обязательность воздаяния означает, что есть нечто пребывающее, оное воздаяние получающее. И хотя были люди (и раньше, и потом), которые отрицали загробную жизнь души и следовали утверждениям своего разума, которому представлялось, что воздаяния нет, все же, несмотря на все их утверждения и сомнения, вопрос о воздаянии ясен. Ведь если ущербен тот путь, по которому следуют в познании, то и добытые доказательства будут всегда ущербны, а следующий таким путем найдет обратное искомому. Те, кто отрицают воздаяние, опираются в обретении знаний [только] на свой разум и руководствуются [только] им; а сей разум их происходит из мира Природы, он изначально потенциален и несовершенен и в действиях своих подчиняется смеси (от коей проистекает его бытие), ибо не берет в наставники совершенных и небесноподдержанных (то есть пророков, одаренных святостью и посланных с откровением — мир им!) и им подобных, коих бытие опекает божественный промысл. Если бы сии разумы, лишь собой руководствующиеся, вняли наделенным откровением и небесной поддержкой, то выправились бы. Однако они положились на собственное усмотрение, как то делают и в наше время им подобные из числа приверженцев [свободного] суждения *(ра'й)* и силлогизма *қийас)*. Следуя своим представлениям, они, во-первых, размышляли о душах различных видов животных, а найдя, что бытие такой души проистекает от смеси, говорили, во-вторых, что она существует в теле и для своего тела как его совершенство, а не ради своей самости. Рассматривая, какова она, они находили, в-третьих, что для совершения действия такая душа нуждается [в ином], а найдя, что она актуальна, пока пребывает ее физический

носитель, они утверждали, в-четвертых, что она гибнет с распадом частиц последнего. В результате они посчитали, что людские души, будучи одним из видов животных душ, подобны прочим видам своего рода, и приписали им все то, что приписывали тем. Они мнили, будто достигли этим предельных границ познания; им не светил свет пророческого наставления, зеницы их остались слепы, они не сумели разглядеть разницу между самостями и действиями тех и других душ, и все перепутали.

И вот даже Гален, превосходивший своих современников и познавший природное творение, терялся в вопросе о душе, какова она, а также в вопросе о первоначалах, каковы они. Как передает Мухаммед бен Закария ар-Рази, суммируя его сомнения, он говорил, что не знает, вечен мир или возник [во времени] и является ли душа субстанцией или акциденцией. В своей книге «О частях [человеческого тела]» он то говорит, что природа человека — это смесь, происходящая от четырех первоэлементов, то — что она не что иное, как врожденная *(ғарīзийя)* теплота, то — что она теплота. И если эти разумы, положившись на собственное усмотрение, не смогли отыскать правильного решения даже в таких вопросах, то как же найти им верную дорогу в вещах еще более туманных, в вопросе о воскрешении и том, что будет после смерти, если не с помощью небесноподдержанного, который будет приводить доказательства и указывать на подобия, повторяя речи свои, дабы наставить и запечатлеть в душе их знания? О нет, никак! А из этого следует, что хотя их рассуждения и верны в отношении того, является ли душа субстанцией или акциденцией (о чем мы уже говорили), однако же совершенно ясно, что те души (т. е. души животных.— *А. С.)* существуют [только] ради своих тел, сия же душа (т. е. душа человека.— *А. С.)* — как для своего тела, так и ради своей самости, и что пребывание ее, как мы говорили, связано с тем, как она стяжала и придерживалась ли божественных законов.

Те, кто придерживается в вопросе о воздаянии взглядов, схожих с мнениями Мухаммеда бен Закарии, крайних [шиитов] и приверженцев учения о переселении душ, считая, что оно приходит в этом мире, верят, что души существуют прежде своих тел. Это их мнение расходится со взглядами дахритов [12] и последователей близких к ним учений, каковые утверждают совместное бытие души и тела

и говорят, что душа — это субстанция и что она сменяет, в зависимости от стяжания, своих носителей *(хаяκиль)*, пока не достигнет очищения и возвращения. В книгах «Сады» и «Весы разума», равно как и в «Мерилах» (в каковой книге дан ответ крайним [шиитам] и им подобным), а также и в других трактатах мы достаточно показали ложность таких взглядов. Кто утверждает подобное, смыкается с теми, кто вовсе отрицает воздаяние, основываясь в том лишь на собственных выводах и руководствуясь только своими высказываниями, а сие и есть источник заблуждения.

Итак, доказана неизбежность воздаяния, связанного с воскресением. Воскресение *(ба'ς)* же есть действие, осуществляемое Богом через приближенных ангелов в природном воскрешаемом [сущем] *(маб'ӯς)* и придающее ему совершенство, дабы оно воскресло благодаря второму воскрешению. Оно выражается во вдуновении, наделенном силой, каковая есть излияние истечения на оную силу приемлющего, до того ее не имевшего, теперь же обретшего вечную жизнь.

О сем особом способе действия говорили мы в трактате «О загробной жизни и святости». Оно бывает изначальным, а бывает и вторичным.

Изначальное вдуновение — это то, что бывает в мире Природы. Оно разделяется на исходящее чрез того, кто принадлежит Природе, и на то, что бывает благодаря Божьей поддержке.

Вдуновение чрез Божью поддержку — это излияние *(исрā')* божественных сил из мира Царства в душу находящегося в мире Природы воскрешаемого и струение тех сил в оной душе. Тогда легко дается ей все, что связано с вечным счастьем и вторым совершенством. Всевышний назвал это низведением духа: «Высокий ступенями, обладатель Престола по своей воле низводит духа на тех из своих рабов, на кого хочет» [13]. «Высокий ступенями» — это исполнитель действия, каковое есть низведение [духа] по воле Всевышнего; «дух» — это благодать святости и Царства, изливающаяся по Его (Всевышнего и Вознесенного, как мы показали в «Проливающем свет») воле [14], то есть от Первого Сотворенного и Первого Сущего, «на тех из своих рабов, на кого хочет» — на избранных рабов Его, чьи души были пусты в природной темени и не стяжали. Всевышний возвеличил изливание и выпускание [божественных сил], сравнив их с вдуновением. Сие [вдуновение] осуществляют в

душе воскрешаемого, на оную влияя, те, кто установлен для опеки сущего; сим вдуновением, как молнией, поражаются все, кто на небесах и на земле [15], дабы воскреснуть в совершенстве, будучи благодаря оному совершенству актуальным (как мы то показали во введении к сей книге), научая сущих в чувственном бытии людей причинам спасения и счастья, единобожию и поклонению, чтоб были они этим счастливы. Он научает их Писанию и мудрости, без знания коей осталось бы у них знание лишь того, что влекомо смесью и природой, а это противно религии. К тому речение Всевышнего о Мухаммеде: «Он (Бог.— *А. С.*) из среды сих безграмотных воздвиг *(ба'аṣа)* посланника, читающего им знамения Его, научающего их Писанию и мудрости, хотя они прежде того были в очевидном заблуждении» [16], следуя суждениям собственного разума,— а также и о всех пророках: «Люди были единой общиной»,— то есть единой в невежестве, «потом Бог стал воздвигать *(ба'аṣа)* пророков благовестниками и угрожателями, и с ними ниспослал Писание и в нем истину» [17].

А что касается [вдуновения], передаваемого человеком, принадлежащим миру Природы, то оно названо было воскресением потому, что он передает знания от воскрешенного вторым воскрешением, поднятого на ступень совершенства посланника и научает тому, в чем дается воскресение. Так осеняет людей благостью поддержанный [небесами] воскрешенный: то, чему научает он их, к чему зовет и чем их выправляет, есть для них причина снискания счастья в этом мире и путь обретения вечной жизни в мире ином. Сие в душах их есть как бы растительная душа, причина наличия растительной силы, и от сего они воскресают. Как сказал Всевышний о сынах Израилевых, оставивших устои веры и взыскавших нелепого (а таковые причисляются к мертвым, к идущим по пути муки), коим благодатно указал Он путь к счастью: «Потом, после вашей смерти, Мы воскресим вас, предполагая, что вы будете благодарны» [18]. А начинается сей стих так: «Когда вы сказали: Моисей! Мы не поверим тебе» [19], то есть когда вы сказали: Моисей! Не будет веры сказанному тобой, что, как утверждаешь ты, исходит от Бога, «покуда открыто не увидим Бога» [20],— покуда чрез сенсибельное сущее не покажешь нам того и не научишь нас тому, чрез что, оное правдивым признав, узнаем мы, что — от Бога, а что — не от Него, так что будет это нам мерилом,

кое приложим к твоим словам, к словам других, к тому, что говорили или скажут маги и кудесники, и будем все это истинно знать, уверовав и признав, что ты — от Бога, кроме Которого нет бога. «За то молния поразила вас» [21],— охватила вас мука растерянности, которая приведет вас к загробным мучениям, ибо вы ослушались его и требовали от него разъяснения того, что дается вторым поклонением, кое Он устраивает чрез других, а не первым поклонением, кое именно к нему (Моисею.— *А. С.*) относилось, «когда ваш взгляд был открыт» [22],— тогда как знали вы, что таковое невозможно и нелепо и что пророки не преступают пределов своих рангов в явном управлении, то есть сбирании на пути к счастью разбредшихся сердец, разноречивых воль, душ знающих и невежественных. «Потом Мы воскресили вас» [23],— ниспослали вам благодать, то есть разъяснили вопрос второго поклонения знанием, воздвигнув среди вас [небесами] поддержанного, силами Царства наделенного посланника *(маб'ӯṣ)*, который учит вас после Моисея скрытому поклонению, дабы в этом научении обрели вы просимое второе поклонение, присовокупив к первому, явному поклонению жизнь,— но не ту, сенсибельную, что и так есть у вас, а жизнь вечную, «после вашей смерти» [24],— после того как вы, возжаждав невозможного, встали на путь тех, кто мертв для загробного мира, «предполагая, что вы будете благодарны» [25],— так неужели не будете благодарны вы за сию милость, состоявшую, во-первых, в том, что был к вам послан [небесами] поддержанный Моисей научать вас поклонению действием, кое приближает вас к обиталищу Святости, и, во-вторых, в том, что был для вас воздвигнут научающий второму поклонению, каковое есть знание, дабы смогли вы стать как приближенные ангелы?

Конечное же есть второе вдуновение. Оно относится к воскресению Судного дня, когда исполнятся все циклы и свершится актуализация знания, когда покинут души тенета научения со стороны [небесами] поддержанных. Сие есть соединение сил первого предела (то есть Первого Сущего посредством Первого Творения, Первого Эманировавшего посредством Первой Эманации *(аль-инби'āṣ аль-авваль)*, именуемой духом Святости) со вторым пределом, каковой есть полнота второго воскрешения *(аль-инби'āṣ аṣ-ṣāни)* человека (бытие коего связано со свершением семи циклов поддержанными [небесами] воскрешенными) в царстве Природы.

Это и есть «новое творение» и «иное творение», собирающее все души (коим случилось быть от первого до последнего из веков), стяжавшие в дольней жизни своей, в свое время оставившие свои тела, собравшиеся вместе в ожидании исполнения предначертанного, когда восстанут они и божественные силы заструятся в душах подобно тому, как начинает струиться в новорожденном чувственная жизнь: возгорается пламень ее, и выявляется ее воздействие,— а ей предшествует бытие растительной души, каковая подобна тому, что обретается знанием и деяниями, которые дают сим божественным силам быть и возвращают второе в первое. Сие есть второе вдуновение, для коего первым вдуновением является, как мы показали, научение в дольнем мире пророками и заветниками.

Сказал Всевышний: «Когда раздастся звук трубы, в тот день между ними не будет уже никаких родственных отношений, не будет взаимных расспросов» [26],— когда сполна обнажатся формы и будут собраны, воссияют в них светы Царства, и тогда никакая из них не будет иметь ничего, кроме как точно в меру того орудия, что приобрела она стяжанием: там не действительно родство, как то имеет место в дольнем мире (где душа и благородна, и величава, и могущественна потому лишь, что родом из благородного и сильного племени, и наделена благом в силу одного этого, даже если сама не отличается ни силой, ни добронравием, ни воспитанностью, ни усердием в деяниях), ибо та обитель — обитель справедливости, а таковой может ли быть, если не воздается в ней по заслугам?

Сказал Всевышний: «...день, в который протрубится в трубу, и вы пойдете толпами» [27], разумея здесь предержателя седьмого цикла, коему случится быть в последнем из циклов, когда он будет вначале послан *(ба'ṯ)* в мир Природы так же, как посылается и прочие предержатели циклов, и станет повиноваться ему народ за народом, «раскроется небо и сделается вратами» [28],— когда будут воздвигнуты им (предержателем седьмого цикла.— *А. С.)* врата для пристального исследования всех поклонений, «двинутся с места горы и покажутся маревом» [29],— уйдут наместники всех областей *(аḍ̣ḫāб аль-джазā'ир)*, поставленные, чтобы распространять призыв к знанию, и направятся к месту пребывания его (предержателя седьмого цикла.— *А. С.)*, и не будут открывать никому никаких знаний: для тех, кто ищет их, станут они как марево, что ничего не содержит. Сказал Всевышний: «Прозвучит труба» [30]. Тут разумел Он предержателя седьмого цикла, оные циклы завершающего, того, кем свершается «новое творение»: он отверзает вра̀та воздаяния сначала в царстве Природы, а затем в царстве загробном; сие и есть первоначальное вдуновение: разумел Он сим именно первоначальное, так же как было первоначальным Его вдуновение в предержателей [прочих] циклов, «и будет, как молнией, поражено все, что есть на небесах и на земле» [31],— воцарится среди приверженцев всех религий растерянность по поводу слов и дел его (так же, как воцарялась она среди них по поводу каждого первоначального вдуновения в каждом цикле), «кроме тех, кого исключить из сего пожелает Бог» [32], кроме тех, кто знает ступень его (предержателя седьмого цикла.— *А. С.)*, кто и прежде веровал в него и им был устроен, «потом прозвучит она в другой раз» [33], и начнет он даровать мудрость и ясное доказательство, разъяснять все сказания пророков, от первых до последних.

Тогда не останется никого, кто не светил бы светом его, как о том сказал Всевышний: «Земля озарится светом Господа своего» [34],— знанием сей великой, Богом посланной границы, а также: «Положено будет Писание» [35],— он всякому писанию даст должное расположение, «приведены будут пророки и свидетели» [36],— приверженцы всех исповедных сект, «и рассудятся они праведно» [37], каждый в том, с чем связан был. Тогда всякое знание будет должным образом населением земли познано, и дано будет всем отправлять только поклонение, все предшествующие отменяющее, и будет то рассуждено возгоревшимся светом [небесной] поддержки. Тогда все формы станут единой, всеформы-собравшей формой, и станет полной она на высшем из небесных свитков, у врат покрова *(бāб аль-хиджāб)*, и тогда — о горе той душе, что не поклонялась и не стяжала: будет ввергнута она в огонь мучений! Сие — то время, о коем говорится, что клады земные явлены будут в Воскресении: тогда всякая форма будет иметь, соответственно стяжанию своему, в самой себе другие формы (как в теле, где всякая часть его — рука, нога, палец и прочее — обладает формой); сие — та буква *(ḫарф)*, о коей говорится, что в ней — форма всякой живой твари на земле.

Итак, исполняется воскресение при предержателе седьмого цикла так, как мы то показали.

За воскресением же следует Страшный Суд *(хисāб)*. Сие есть действие, коим душа дает сама себе награду (то есть усладу и радость) и наказание (то есть страдание, мучение и скорбь). Действие сие распадается на существующее в дольнем мире и существующее в мире загробном.

То, что существует в дольнем мире, двояко: одно — всеобщее, другое — частное. Всеобщее — это то, что душа осуществляет для себя немедленно в каждый момент времени, а частное —то, что осуществляет она для себя немедленно не во все моменты времени.

Всеобщее, осуществляемое душою для себя во все моменты времени,— это то, что исходит от души во всякий момент и во всяком месте, когда она, исполняя законоположенные пророками и посланниками Божьими (мир им!) обряды религии, ищет тем самым величия, высокого положения и почета в глазах людей, желая, чтоб говорили о ней, что она щедра или богата, или же облекается в благие формы (и тогда считают ее таковой), выставляя напоказ исполнение законов обоих поклонений. Таков, к примеру, человек, усердствующий в молитве и направляющийся в мечеть не ради близости к Богу, и не потому, что взыскует лика Его и усмиряет свою гордыню, и не для того, чтобы исполнить долженствующие обряды исповедания, но чтобы пройтись в красивой одежде, чтобы говорили о нем люди, что он именно таков, каким в душе своей казаться желает, или чтобы выставить напоказ свою печаль,— дабы чрез то немедля получить желанное: это награда его. Таков же и облачающийся в плащ целомудрия и добродетели, если делает это не для того, чтобы упражнять душу свою, исправлять ее и удерживать от того, к чему склонны погрязшие в пороках люди (а подобное деяние принесло бы ему совершенство, от коего проистекает вечное пребывание и блаженство), но дабы, втеревшись в доверие, вытянуть из другого деньги, или приобрести репутацию, или получить иное средство устроить свои мирские дела. Такова награда его, к нему немедленно приходящая как результат его аскетизма и добродетели; и пуст его удел в мире загробном, ибо он — лицемер. Или же, к примеру, тот, кто небрежен в делах двух спасительных поклонений, кто уклоняется от исполнения приказаний и законов Всевышнего и не признает Его святых, пророков и посланников; немедля покроет его позор и бесчестье вечной муки и скорбной печали: таково его

немедленное наказание, не считая наказания предстоящего.

А что до того, что есть в ней (душе.— *А. С.)* не во все моменты времени, но относится лишь к некоторым из них, то таковое проистекает от духом Святости поддержанного посланника *(маб'ӯс)*, от предержателя седьмого цикла, когда воссоединяются с ним силы Царствия (что обозначается как «второе вдуновение») в день Воскресения и свершаются все циклы, тогда, когда исполняет он оказавшееся не по плечу прочим предержателям циклов, когда являет то, чего не смог явить ни один из ему предшествовавших чистейших посланников Божьих (да благословит их Бог!) и выполняет обет, данный Всевышним творению Своему.

Об оном речение Его: «Бог не оставит верующих такими, каковы вы теперь, *не отделив порочного от доброго*»: [38] в том все сойдется так, как было Им размерено, чрез движения небес помогающие, а под оными расположенного — приближающие и с теми согласные. От сего воспылает огонь могущества *(кудра)*, и сим глаголить будет язык Истины: нет бога кроме Него, Всеславного и Превознесенного над всяким атрибутом твари Своей; и только Ему принадлежит приказание в царстве мудрости Его, и пред Ним склоняется всякий лик. О сем сказал Всевышний: «Это день, в который люди будут как бабочки разогнанные; горы будут как шерсть расщипанная»; [39] сим говорит Он: все люди в то время преклонят пред ним (предержателем седьмого цикла.— *А. С.)* колени, повинуясь, исполины же среди них, кои суть как неприступные вершины, будут унижены и станут податливы, как шерсть. Тогда соберутся люди для вопрошания и отчета, тогда будут собраны все, чтобы получить воздаяние за то, что стяжали деяниями своими: «Выйдут люди толпами, чтобы им показаны были их деяния» [40], и будут вопрошаемы они, как сказал Всевышний: «С их всех Мы, клянусь Господом твоим, потребуем отчета в том, что делали они» [41]. Сие клятва именем Господа Мухаммеда, Возвышенного ступенями, мир сохраняющего и посланников поддерживающего (как мы о том сказали), и тем выделенного из всех вкруг Престола приближенных ангелов.

Он поддерживает предержателя седьмого цикла, чтобы спросить отчета и дать согласие на писанные законы и обряды повиновения, пророками в обязанность вмененные от имени Бога, извещая, что сие истинно есть. Ибо сказал

Он: «Мы с них всех потребуем отчета» — сделаем сие, и всех их Божьей истиной укорим за их деяния. О сем сказал Всевышний: «А когда они предстанут, скажет Он: посчитали ли вы Мои знамения ложными, не объяв их знанием...?» [42],— то есть отвергали ли вы [небесами] поддержанных, людей Царствия, и не стяжали от них ничего, и не пошла вам на пользу их благодать? Для чего же, по-вашему, Мы сотворили их? Разве не знали вы, что есть у вас Господь, вам предписывающий и воспрещающий, вам воздающий благом и вас за ослушание карающий? Ведь сказал Он: «Мы спросим с тех, к кому было отправлено послание, и с тех, кто были посланы, и расскажем о них все с полным знанием: ведь Мы никогда не отсутствуем. В тот день вес будет истинен» [43], угрожая и обещая исполнить угрозу сказал: Мы спросим с последователей за исполнение должного в религии Божьей, и будет то вопрос укоряющий, исполнили ли они то должное, как им было приказано, или чем другим были заняты? — дабы утверждали они самость свою, на ее знание опираясь, и тем держались Истины. «...И с тех, кто были посланы» — с тех, кому следовали (а говорит Он сие воспоследовавшим): будет спрос с посланников (мир им!), кои суть те, кому следовали, за то, что законоутверждали они; пусть явятся вновь со всеми законами своими, дабы согласились с ними их ведомые, мы же расскажем им все это со знанием дела и по истине, ибо Мы от них не отлучались ни во времена прошедшие, ни во времена еще предстоящие границам религии Всевышнего. «В тот день вес будет истинен»,— опорой во всем том будет чистая и ясная Истина, поскольку исчезнут все к тому препятствия, из-за которых поддержанные посланные пророки медлили с исправлением своих последователей, откладывая его до того времени, когда возможным станет утвердить *(ильзам)* Истину и разделить Истину и ложь. Тот день — день Истины; его поддерживает сила, и со всех сторон идет к нему помощь. Тогда творит он (предержатель седьмого цикла.— *А. С.)* только должную Истину, отделяя добрых от злых, как о том поведал Иисус (мир ему!) в притче о землепашце. Тот землепашец засеял поле, и взошли ростки, и были среди них слабые. Он же, свои всходы жалея, не мог их выполоть, и оставил до полного созревания, а затем стал отделять одно от другого: оставил то, что имело колос,

прочее же предал огню (да убережет нас Бог от муки в мире этом и мире загробном!).

А имеющееся в мире загробном исходит от Сотворенных и Эманационных Разумов благодаря тому научению, что струится в восприемлющих душах от духа Святости с появлением в природном мире незапятнанной души, предержателя седьмого цикла, и ввиду того, что свершаются для оного все причины счастья, как Природные, так и Царственные. Тогда для всякой формы исполняется, как то знанием предписано, все, что должно ей и что она должна, в точнейшем соответствии с тем, как то постановлено Богом в обители мудрости Его — тогда ликует счастливый и зол удел несчастного. Ведь в первом бытии своем в дольнем мире, когда начинает душа трудиться, она есть стяжающая субстанция, и что та субстанция стяжает, то и остается в самости ее, как написанное остается на бумаге (либо на ином подобном восприемлющем материале), ибо самость той субстанции внедрена в самость души и восприемлет воздействие. А потому та самость — книга, о ее стяжании повествующая, душа же, как мы говорили, заложница того, что смогла накопить. Именно таков смысл речения Всевышнего: «Книга праведников — в Высях» [44], а также: «Книга нечестивых — в Узилище» [45],— то есть [в Высях и Узилище] души праведников и нечестивцев, исписанные тем, что стяжали они (о сем пойдет дальше речь).

Поскольку та самость есть жизнь, в-самой-себе знающая и полная благодаря тому, что приемлет от нами упомянутого вдуновения духа, то пока та субстанция такова, она не знает, что́ среди стяжания сей субстанции (кое происходит в соответствии с тем, какова форма души) согласно, а что́ противно тому, к чему приходит душа. Однако же она узнает сие, как только расстается со своим телом, как только исчезает все то телесное, что заслоняло от нее собственную самость. О том говорится в передаваемом изречении пророка (да пребудет с ним мир и благословение!): «После того как усопшего похоронят, будет он держать отчет. И тогда откроются пред ним врата рая, если он принадлежит к числу обитателей оного, или же — врата геенны, если там его обитель: так узнает он, снискал ли милость или же будет терпеть муку». И вот, вглядывается она в самость свою (рассматривает, что именно стяжала она — то ли дорогое, то есть добро, то ли ненавистное,

то есть зло) и узнает, соответствует ли добро злу и равны ли они друг другу, или же одного больше, а другого меньше,— так же точно, как в дольнем мире познает природу *(хильқа)* свою, и насколько в ней одно равно другому. Это и есть отчет *(хисāб)* души, в самость свою вглядывающейся. Посему сказал Всевышний: «Читай книгу свою!» [46] — вглядись в душу свою, насколько усерден ты был в обоих поклонениях и что стяжал ими, «сегодня довольно души твоей, чтобы спросить с тебя отчета»: [47] не нужно никого, кроме тебя, чтобы сказать, что́ струилось в тебе, довольно самости твоей (то есть твоей души), чтобы ты из нее узнал, как устроил ее, трудясь и избирая, она же обеспечит тебе вечное пребывание и счастье подле Творца либо страдание, муку и удаленность от высшего сонма. Тем и определится сие расследование.

Это узнавание и есть возникновение муки и страдания или услады и радости. Здесь дело обстоит точно так же, как с человеческим существом, которое, предположим, еще находясь во мраке чрева, уже было бы наделено знанием и стремлением обладать ремеслами и искусствами, коих бытие связано с орудиями, физическое существо человека составляющими. Пусть, далее, ремесла и искусства составляют совершенство сего человеческого существа, завоевывая ему пребывание, блеск радости и усладу. Ремесла же и искусства оные суть управление, осуществление государственной власти, каллиграфия, занятия визиря или лекаря, наблюдение звезд и планет, набожность, частое посещение Божьей обители и прочее, что доставляет усладу и радость. Предположим, что сие существо знало бы как и способно было бы правильными сделать те орудия, что потребны для ремесел и искусств, усладу ему приносящих, а могло бы и испортить их, промедлив с совершенствованием их. Предположим, наконец, что надлежит сему существу усердствовать в том и стяжать сие, находясь еще во чреве, до выхода своего на воздух. Тогда, каков был выбор его и как использовало оно способность свою для стяжания, находясь во чреве, то и получит, оказавшись вне его. Оно могло плохо стяжать и применять свою способность, так что ущербными вышли части того его орудия, коим исполняется желанное ему ремесло; или же — хорошо, так что получились орудия совершенными и правильными. И вот дарует ему Всевышний еще большее знание самости его, какова душа его.

Дабы знал тот человек, что воспрещаемое ему воспрещено по заслугам его и что разрешаемое разрешено заслуженно, обращаются к нему со словами справедливости и говорят: взгляни, каково тело твое, необходимое для исполнения тобой искомого, оно одно может быть судьей тебе, заслужил ли ты то ремесло, что избрал для себя. И вот взглянет он на себя и найдет, что орудия тела его ущербны и для искомого ремесла непотребны: там, где нужна твердая рука, он сухорук, где нужны ноги, он хром, где нужны уши, он глух, а где требуются глаза, там он близорук; или же посмотрит и увидит, что вполне совершенен и силен. Тогда ущербность орудий либо их совершенство и сила уверяет его, что он пригоден к ремеслу своему и заслуживает его либо же не пригоден и не заслуживает. Если окажется он ущербным, непреходящая печаль станет уделом его, и поселится в нем непрестанная мука; станет он горевать о том, что не подготовил как должно орудия свои, пока еще было то возможно, что недостаточно стяжал причин счастья своего, благодаря коим мог бы восседать в кресле властителя и заниматься управлением или совершать ратные подвиги, или лечить людей, или наблюдать звезды, или стать подвижником. Но таковым он останется вовеки, и не избавиться ему от оного, что не позволяет ему достичь желанного, и уж не вернуться ему никогда туда, где было возможным стяжание — во чрево, в коем сотворен был и из коего вышел.

О сем речение Всевышнего: «Или ждут они еще чего, кроме объяснения его (Писания.— *А. С.*)» [48]. Сим говорит Он: хотят ли они еще чего, кроме знания второго поклонения, коего возжаждут в день Воскресения, каковой день явлен будет предержателем седьмого цикла? «Те, которые забыли его прежде того» и не приняли его, так что стало оно забытым, «скажут»: [49] те проповедники суть посланники пророка и заветника (мир им!), и истиной было то, к чему они призывали нас; так кто же теперь будет научать нас? «...Или нам возвратиться назад и свершать деяния?» [50]. «Они потеряли души свои» [51], презрев свою религию, и теперь время их упущено, «и сгинули от них» [52],— то есть ложью против них обернулось все, что утверждали они, ибо уже достигнут предел научения и просвещения, ибо уже невозможны более отсрочки и проволочки: исполняется предначертанное Богом.

Если же окажется, что тот человек полон и силен, что в прежние дни свои он познавал и стяжал, то не будет конца усладам его и не прервется его радость; и прочее испытает он, что невозможно описать чрез доступное нам сенсибельное.

К сему присовокупим, что правитель наш аль-Хаким би-Амриллах (да благословит и приветствует его Бог!) сказал: «Если б не была душа столь занята делами тела, употребляя свои орудия в погоне за удовлетворением желаний и целей, то от свершаемых ею в дольнем мире прегрешений и ослушаний чувствовала бы в себе боль тут же, как только свершаются поступки ее. Однако же она, занятая интересами тела, не знает, что с нею, пока не расстанется с телом своим и не останется наедине со своей самостью: лишь тогда ощутит она в себе постигшие ее боль (так же, к примеру, человек, занятый чем-либо, отвлекается от своей боли и не чувствует ее, пока сердце его не покинет то занятие — тогда возвратится к нему та боль, и вечно будет он терпеть сие страдание, подобное мучительно сжигающему тело огню), страдание и тому подобное, что будет длиться вечно. Сие и есть терзание и мука» (дай Бог нам быть Ему покорными и Его приказаний не преступать!).

Коль скоро так обстоит дело с прегрешениями, то и о благих деяниях и добродетелях следует рассуждать таким же образом.

Однако что касается познания чтойности награды и наказания и ясного изложения оной, то путь к тому закрыт для всех, кроме поддержанных [небесами]. Возможно же в сем вопросе, как говорили владыки наши (мир им!), лишь уподобляющее сравнение с вещами сенсибельными, со зримым и известным. Так же поступал и пророк (мир ему!), зная, что запечатлеть и сообщить призыв своей людям (о Боге едином, всевышнем, вознесенном над атрибутами, об ангелах, о рае, геенне, награде, наказании и прочем) во всей истине его невозможно, ибо сии предметы постижению чувством недоступны. К примеру, о рае и блаженстве он (мир ему!) выразился иносказательно: «Того не зрело око, не внимало ухо, и сердце людское не чуяло»; сие речение скрывает от разумов суть свою, ибо та им недоступна. И вот говорил он о сих предметах, описывая их атрибутами сенсибельного, что доступны познанию людей благодаря уготованным им орудиям, дабы приблизить познание оных к их пониманию, чтобы они их восприняли, возжелали и взалкали. Так же и Всевышний изначально в Писании Своем придал Себе атрибуты знания, могущества и жизни, слуха и зрения, довольства и негодования, гнева и милости, а также прочих, ведомых нам вещей; об ангелах сказал, что они молятся, воссылают хвалу и поют аллилуйю, а что́ им приказано, исполняют; о существах райских говорил как о тени, водах и реках, деревьях и плодах, гранате и винограде, юных отроках и велеоких красавицах, кубках и чашах, мягких подушках и седалищах, скромных взглядами [женщинах] [53] и прочем, нам ведомом; о том, что в аду, говорил как о пламени, страдании и муках, кипятке и помоях [54] и прочем, что чувству доступно. Ведь те предметы, о которых сказывается, подобны тому, что о них сказывается; или же — то, что о них сказывается, приближается к ним в каком-то отношении. Так души приближаются к сим предметам и научаются, дабы, познав сии подобия, быть в силах единообразно постичь и необходимость тех [высших] подобий; тогда возгорается в них тот огонь жизни, что становится совершенным при расставании [с телом].

Большей ясности не дано достичь в изложении этих вопросов. Однако же должно сказать, что мука души превосходит всякую сравнимую с ней муку и боль в дольнем мире, а награда — всякое сравнимое мирское блаженство. К примеру, о райской пище говорится, что сладость ее остается во рту вкусившего столько-то тысяч лет; а сказано так для того, чтобы приблизиться к нашему пониманию; однако ступень тех предметов выше известного нам сущего не в несколько, и не в десять, и не в сто тысяч раз, а намного больше (да дарует их нам Бог по милости Своей!).

Для сравнения представим себе во чреве матери зародыш, наделенный знанием. Если бы кто сказал ему, что вне сей обители (то есть чрева) есть некий просторный и вместительный мир, есть тень и свет, огонь, воздух и земля, светила и небесные сферы, чистые и вкусные кушанья, то из этих слов сей зародыш не смог бы ничего запечатлеть, ибо ничего такого он не видел, не слышал, не представлял и не познал, и в ответ наверное бы задал вопрос: «На что же это все похоже?» И вот тогда, чтобы дать ему понять это, нам не было бы иного пути, как воспользоваться для разъяснения

этой вести тем, что есть во чреве и в его теле (а это — кровь, желчь, черная желчь, флегма, печень, легкие, селезенка, кишки, желудок и прочее). Тогда мы сказали бы, что объемлющее его чрево схоже с объемлющими небесными сферами, флегма и слизь — с водой, желчь, согревающая желудок,— с огнем, сердце — с солнцем, мозг — с луной, печень и прочее — с прочим, а то, чем питается его тело,— со вкусными кушаньями. Так каждое мы сравнили бы с каждым, а затем сказали бы: все те предметы далеко не таковы, как то, что видишь ты здесь, но многажды превосходят оные степенью, дарованные же тебе орудия (око, рука, нога, ухо и прочее) даны для постиженья тех предметов,— ведь здесь, во чреве, они тебе не надобны. И тогда он запечатлел бы скрытый от него мир как схожий с тем, что о нем сказывалось, учтя различие состояний уподобляемого и подобия. Таково же, в точном соответствии, и соотношение между миром Святости с его сущими и миром Природы с его сенсибельными вещами: оные не таковы, как эти, а об обретаемом там говорится как об усладе и муке ради приближения и уподобления.

Награда душ, обретших усладу, различается трояко. Во-первых, души в загробном мире превосходят одна другую в зависимости от благородства и возвышенности того, чем сумели стяжать они свои добродетели. Это различие — как бы видовое. С ним в нашем мире схоже превосходство мастеров одних искусств над другими: из двух различных по виду искусств одно превосходит другое (к примеру, изготовление благовоний, подшивание, изготовление кунафы, танец, фикх, ткачество, вязание и прочее), так что в зависимости от превосходства искусства один мастер превосходит другого. Таковы же и Законы, по коим поклоняются Богу и благодаря коим стяжают душевные добродетели. Сии Законы суть как бы разные виды, а потому тот, кто поклоняется Всевышнему по Закону Мухаммеда, господина пророков — да приветствует Всевышний его и род его! — (а сей Закон — самый полный и все блага собравший), не таков, как поклоняющийся Богу по Закону предшествовавшему, но лучше его; сия есть ступень высочайшая, превосходящая ступени предшествовавших поклонений.

Другое превосходство душ в загробном мире одной над другой зависит от того, все ли исполняли они из необходимого для стяжания добродетелей или только часть оного. Это различие — как бы количественное. Подобно тому превосходят один другого мастера в одном и том же деле, в зависимости от того, всеми ли деталями этого дела владеют. Один, к примеру, полностью освоил каллиграфию (для чего необходимо знание науки о языке и грамматики, владение эпистолярным искусством, хороший почерк и знание счета), другой из оного владеет эпистолярным искусством и имеет хороший почерк, а третий знает науку о языке, грамматику, эпистолярное искусство и имеет хороший почерк. Тогда тот, кто овладел всем, будет превосходить других; и то же следует сказать о прочих в должном порядке. Так же обстоит дело и со всем, что объемлют оба поклонения в благородной вероисповедной общине. Один, скажем, поклоняется Богу, произнося слова исповедания веры [55] и творя молитву, другой произносит слова исповедания веры, молится, платит закат и постится, третий, кроме того, свершает хаддж и все прочее, что включается в оба поклонения. Тогда тот, кто поклоняется Всевышнему знанием и деянием во всем, ничего не упуская, будет превосходить того, кто свершает лишь часть оного.

И в-третьих, души превосходят одна другую в загробном мире в соответствии с тем, как исполняли они то, чем стяжаются добродетели. Это различие похоже на взаимное превосходство мастеров в каком-то одном компоненте своего дела. Пусть два каллиграфа владеют в своем искусстве только почерком и счетом; если один из них в том сильнее другого благодаря лучшей выучке, навыку и практике, то он того превосходит. Так же различаются и люди обоих поклонений в исполнении частей Закона, кои суть божественные обряды: кто в молитве, омовении или прочем, либо в приобретении знания о том, что включают сии поклонения, настойчивее и усерднее другого, тот того и превосходит.

Таковы разряды превосходства обретших награду; самости их несут на себе печать того, что́ сии разряды обусловливает. О знании этом не дано догадаться тому, кто не закален в горниле обоих поклонений, кто не устраивал свою самость благими деяниями и божественными знаниями, запасаясь благочестием [56]. А потому воспоследуют небесному призыву только те, кто к тому высокую готовность проявит,

чья душа к сему упражнению способна. Такие искусны в словах и речах, в научении и уподоблении скрытого наиближайшему, оному скрытому соответствующему и однородному, воспроизводя его в наиближайшем (как, к примеру, мы говорим, что зримый образ человека, то есть телесный остов его, ближе к человеку истинному, нежели видимый в зеркале либо на поверхности воды), следуя в том установлениям и речениям поддержанного небесами, того, кто избран среди народов для откровения, кто для исполнения целей к нему отовсюду стекающейся благодати наиболее подходящ.

В сей способности научения различаются ученые и проповедники. Прочих превосходит тот, кто может ближе всего к пониманию запечатлеть вещь и научить ей. Далее, и люди превосходят друг друга в познании того, чему научаются: одному довольно намека и малейшей подсказки, другому же нужно приводить одно за другим подобия, в результате чего воспроизводящее все дальше удаляется от воспроизводимого не по вине учителя, но из-за недостаточной способности ученика к запечатлению. Так что правильней то толкование *(та'вӣль)* и уподобление *(тамсӣль)*, которое истинней, лучше, обладает большей внутренней связью и соразмерностью, меньше отклоняется и противоречит [предмету толкования и уподобления]. А знанием сих скрытых вещей владеют, как мы сказали, посланные пророки, предела совершенства достигшие: на сем фундаменте возводят они здания своих установлений. За ними следуют мудрецы, кои суть худджи. А что и проповедники бывают такими, мы сказали потому, что в призыве своем должны они быть сами себе полезны, дабы и другим была от них польза. Ведь дело это нешуточное: упаси нас Бог обратиться в поисках знаний к тому, кто более ищущего нуждается в том знании! Такой будет отвечать, что придет в голову, если только вера не охранит его от греха и честность не заставит молчать о том, чего не знает.

А в общем говоря, предел искомой награды описал Всевышний в Писании Своем: «...в садах и среди рек, в обители правды, пред Царем Всемогущим» [57]. Сказал Он: «Все, что они делают, вносится в книги» [58]. Книги загробного мира суть души, а значит, говорит Он: все, что стяжали они знанием и религиозным деянием, сохраняется записанным в самостях душ. «Все, малое и большое, записывается» [59],— все прегрешения и грехи, что в ослушании или отдавшись страсти совершили они, суть в самостях их. «Благочестивые будут в садах и среди рек»; [60] сим говорит Он: так обстоит дело со стяжаемым добром и злом; и тем, кто отправляет оба поклонения, не отступает от приказаний Всевышнего, кто, стяжая и познавая, установил свою соотнесенность с обителью Святости,— тем отдана она, и нет для них препятствий на пути к желанной цели. «...В обители правды» [61] — то место есть Истина *(аль-ḥаḳḳ)*, кою достичь могут лишь идущие путем обоих поклонений, явного и скрытого. «Пред Царем Всемогущим» [62], пред Величайшим Властителем, благодаря Которому существует сущее, вокруг Великого Престола, прославляя и восхваляя, ликованием и блаженством упиваясь от того, что в их самостях возникает, когда постигают они Его, постигают то, «чего не зрело око, чему не внимало ухо» [63].

О рае же скажем следующее: вечность и непрестанность — атрибуты его, и весь он — услада; неизменен, не знает привходящих состояний и никогда не переменяется. Таковое и есть первый предел сущего, что существует благодаря творению Всевышнего, над всеми атрибутами Вознесенного; сей предел — за высшим из небес, и это он именуется «Крайним Лотусом» [64]. Это и есть Первое Сотворенное, то есть вечный первый двигатель, поддерживающая причина всех поддерживающих причин, Первая Эманация и все приближенные эманационные ангелы; к сему стремится всякое движущееся создание, по сему томится всякое набожное *(мута'аллих)* сущее. И называют их (Разумы, или ангелов.— *А. С.*) многими именами, в соответствии со ступенями, что занимают они вкруг Престола. Рай и есть царство Святости; однако же «райская обитель» [65] — это обитель и место сбора воскресших разумов из мира Природы и представляющих разумеющих душ, что обрели награду. В нем, в раю, благочестивые; это о нем говорят, что он — у Крайнего Лотуса, за телесными пределами, близ Приближенного Ангела, коему препоручен мир, с коим связаны души, к коему, в мире чувства находясь, прибегают они за помощью.

О сем говорит Всевышний в Писании Своем, начиная со слов «О да, книга праведников — в Высях» [66] и кончая словами «оно растворено влагою Таснима, источника, из которого пьют приближенные» [67]. «О да» — частица, ут-

верждающая истинность последующих слов. «Книга праведников» — душа праведников, которая в дольней жизни своей, еще не отделившись в деяниях своих от тела, следовала приказаниям Всевышнего и посланника Его (мир ему!), «в Высях» — вкушает счастье стоящих на высокой ступени пророков, имамов и святых угодников, кои самостно возвышены (сим говорит Он: Выси — свиток небес вне телесных пределов) вкруг Престола. «О если бы ты знал, что такое Выси!» [68] — поразишься ты, если узнаешь, что́ суть Выси. «Это ясно написанная книга» [69] (здесь разъясняет Он, что́ суть Выси),— это воскрешенная вторым воскресением душа, на которой высечены все божественные знания, от начала до конца: их стяжала она, собрав все обретенные чистые формы от начала и до конца циклов (таковы пророки, имамы и последующие границы); она — как высшее небо, все формы сбирающее. «При ней присутствуют Приближенные» [70] — в прошедших циклах поддерживали ее бес[телесные] Разумы (кои суть приближенные ангелы), соединяясь с ней святыми светами, на нее влияли и воздействовали (как воздействовали и на небеса), свершая новое творение. Сие речение Всевышнего означает, что рай для души — это счастье, из царства Святости чрез поддержанных [небесами] черпаемое, и что она в том Приближенному Ангелу уступает.

Далее сказал Он: «Истинно, благочестивые будут блаженны» [71], оное речение с «О да» связав: известив о бес[телесных] душах, что они счастье среди ровни своей вкушают и что есть им подобные, из царства Природы к ним еще не взошедшие, еще не взошедшие также и во времена предержателя Воскресения (то есть [предержателя] седьмого цикла), когда «протрубится [в трубу]», теперь вновь говорит Он о них, какими будут они тогда. Их назвал Он: они еще в телах своих, от оных не отделившись и перехода не свершив, отправляют, благочестивые, оба поклонения. И вот, сказал Он: «Истинно, благочестивые» в то время, оба поклонения отправляющие, оба счастья стяжающие, «будут блаженны»,— то есть хотя они еще и не взошли к тем душам, где с ними соединятся светы Святости и заструятся в них, однако же стоят на пути своем, оба поклонения отправляя, границы утверждая, оным покорные. А сия покорность и есть блаженство, о коем спросится в день Воскресения, как о том сказал Он: «В тот день с вас

спросится за блаженство» [72]. Джафар ас-Садык [73] (мир ему!), когда его спросили в связи с данным аятом, что думает по этому поводу простонародье, ответил: они считают, что блаженство — это прохладная влага, которой испил жаждущий в жаркий день, и что за это спросит с него Бог в день Воскресения. Но, продолжал он, Бог Всемилостивейший не будет спрашивать со Своего раба, как и почему испил он той влаги, ибо Сам же это разрешил, но спросит с него за исполнение должного, как о том приказал Он: так ли поступал он и не ослушался ли? А есть ли блаженство большее, нежели исполнять вмененное Им в обязанность и быть, как то предписано, покорным Ему? Сия непорочная покорность (утверждение границ и деяний смиренное исполнение) ведет прямо в рай, к вечному блаженству.

«На высоких седалищах, они видят все» [74] — в разрядах религии прочно утвержденные, все, что Всевышним сотворено, от первого до последнего предела, знают и ведают. «На ликах их заметишь» [75] — ясно говорит состояние их, их речи и намерения, «блеск блаженства» [76],— что оба поклонения и доброе исповедание единобожия воздействуют на них, «их жажду утоляет вино наилучшее» [77] — подобно изливаемым на них предержателем седьмого цикла божественным знаниям, коим научаются они, обретая радость и ликование (ведь сила выпитого вина веселит душу человека и укрепляет ее). «Печать на нем — мускус» [78] — это излияние [знаний] и научение (что вину уподоблено) завершится в дольнем мире осуществлением желанного сполна и без изъятия, а в мире загробном — обретением вечности и пребыванием близ Господа миров (а Он и есть Печать). «К сему да устремятся стремящиеся» [79] — сего, что пребывает в вечности, а не преходящего со временем, хочет разумеющий, [высоких] ступеней ищущий. «Оно растворено влагою Таснима, источника, из которого пьют Приближенные» [80],— основа изливаемых на них божественных вещей, благодаря коим снискивают они душой и телом желанное, та, что из Таснима, из высших Высей; это знание, а именно знание единства Бога (кроме Которого нет бога), Истока сущего. «Как источник, из которого пьют Приближенные»,— благодаря тому знанию, знанию единства Божьего, вечны и едины Сотворенные Разумы и Приближенные.

Таков рай, сравненный и уподобленный.

Что же касается пламени, то он ведет природное сущее как к здоровью, так и к порче. Поэтому, когда он дает оному сущему согласованность и совершенство, слаженность и здоровье, его уподобляют Святости и верному путеводительству, как о том сказал Всевышний: «Доходил ли до тебя рассказ о Моисее? Вот, он увидел огонь и сказал своему семейству: побудьте здесь; я усматриваю огонь: может быть, принесу вам от него головню, или при помощи этого огня найду прямую дорогу» [81]. А когда он приводит к разложению и разрушению, распаду и порче, уподобляют его муке и заблуждению, как сказал Всевышний: «Их Мы сделали вождями, уводящими в огонь. В день Воскресения за них заступников не будет»; [82] сей пламень отличен от того: тот — верное путеводительство и совершенство, этот же — заблуждение и мука.

Именно этот, разлагающий и разрушающий пламень уготован нечестивцам, презренным отступникам и лицемерам. Сказал Всеславный Всевышний: «О да, книга нечестивых в Узилище. О если бы ты знал, что такое Узилище! Это ясно написанная книга. В тот день горе отрицающим» [83]. «О да» — частица, утверждающая истинность последующих слов. «Книга нечестивых» — души нечестивцев, Божьи приказания отрицающих и преступающих, оба поклонения (или одно из них) нарушающих и оставляющих, «в Узилище»,— в наибольшем удалении от первого предела (то есть от Высей, как о том уже говорилось), каковое удаление и есть терзание, Узилищем названное: в нем терпят муку нечестивые так же, как преступники в мире Природы заточаются на муку в темницу. Как говорят толкователи, сие Узилище представляет собой скалу, ниже всего расположенную. «О если бы ты знал, что такое Узилище»,— разве знаешь ты, что́ есть Узилище? И далее о нем: «Ясно написанная книга», то есть испещренные письменами души, пленницы тех деяний и знаний, что стяжали они не в угоду Богу и не в послушании наместникам Его, собравшиеся вместе с себе подобными (как бы земля, письменами испещренная, ибо собрала она все формы, чувству подвластные): их настигает мука многоразличных болей, что терпеть должны они (как земное сущее терпит превращения, кои суть подобие сей муки).

Вот так иносказательно известил Он нас о сих презренных душах, тела свои покинувших, и тех, кто с ними схож,— горе обитателям пламени! Мрачен их удел после перехода в мир иной во времена предержателя седьмого цикла: всякую печаль и беду испытать придется им; но сами они избрали его, уклоняясь от исполнения приказаний Всевышнего и посланника Его. Истинный же брат наш да задумается над смыслом приведенных слов! И да убоится он оказаться в наибольшем удалении от [мира] Святости и обитателей его, что близ Господа Величия, и да поостережется всякого небрежения в исполнении деяний обязательных и обретении счастья чрез познание написанного. Особо же да остережется он, как бы ему, к вечности приблизившись, в конце пути от оной не отдалиться, обольщению надежд поддавшись, и, с установлениями обоих поклонений (дарующими сравнимое разве что с дивной слаженностью человеческой) более не связанному, в пламени не очутиться: вот как терзать его будет сей пламень, мясо и кости раздирая! Вот тогда почувствует он муку во всем существе своем и, слаженность свою теряя, на низшие ступени откатится (упаси Боже от такого небрежения, ведь оно — явное бездолие! [84]). В своем трактате «Единственный [о потустороннем]» мы говорили, где разумеющему до́лжно силы свои приложить, дабы Бог в великой милости Своей путь к благу ему облегчил.

Что же до того, каковы благочестивые в последнем прибежище своем, сколь счастливы и благостны они и как чудесно радуются, то это описать невозможно; разве сравнить это вот с чем. Представь себе страну с горячим воздухом и тяжелой водой. Представь, далее, что некий житель той страны болен лихорадкой, да и все население ее, подобно ему, поражено недугом. Далее, правит той страной великий властитель, всегда о подданных своих заботу, милость и сострадание являющий. Ежемгновенно обращает он призыв свой ко всем им, дабы, их проверив, каждого особо по заслугам облагодетельствовать. И вот, видя, что некому помочь нашему больному (да и прочим жителям), властитель посылает к ним врача, дабы изгнать болезнь; желает он, чтобы больной, выздоровев, смог в назначенный час и день явиться к нему вместе со всеми здоровыми и насладиться уготованным им блаженством, дабы мог властитель излить на них соответствующие чудесные блага. Врач приходит к больному, щупает пульс, смотрит, каковы отправления

тела, и видит, что скопились в больном дурные смешения *(ахлāṭ)*, свое воздействие оказать готовые. Он спрашивает больного, что тот ест и пьет, и тот рассказывает врачу об этом и говорит, что не может противиться желаниям своим. Поскольку такое проистекает от испорченности смеси *(мизāдж)*, врач убеждается, что болезнь уже набрала силу и явила свои признаки.

Тогда он наказывает больному воздерживаться от привычных ему кушаний, страстное желание в нем возбуждающих, объяснив ему, что пища, даже если сама по себе здорова, в нечистом теле только усугубит недомогание, и велит ограничиться диетой, которая поддержит его силы и не даст дурным смешениям увеличиваться. Кроме того, он составляет для больного лекарство из нескольких снадобий, одни из которых разрушают и гасят силу смешений, другие стягивают их и отводят в глубину и на края тела, третьи же выгоняют из тела. Врач велит больному принимать это лекарство и не обращать внимания на неприятную горечь его, пока оно не окажет действия и не изгонит болезнетворных смешений, очистив тело, до тех же пор воздерживаться от тяжелой пищи, особенно перед сном, когда особенно усиливается действие ее. А когда вернется к нему здоровье и благополучие, он сможет вкушать без всякого вреда любые яства, в том числе и те блага, что приготовлены для него и ему подобных в доме властителя. После сего врач предупреждает больного, что, если тот его ослушается и не выполнит предписаний, его состояние перейдет в тяжелую, губительную болезнь, и все блага минуют его; если же прислушается к нему и будет поступать, как тот велел, терпеливо принимая горькое лекарство и позволив ему оказать свое действие (так что одни смешения будут изгнаны с поносом, другие — с рвотой, третьи — с потом, иные же переварятся), то лихорадка покинет его очистившееся от дурных качеств тело, и он благодаря лекарству станет здоров и сможет наслаждаться едой, питьем, женщинами и нарядами.

И вот приходит час призыва, его господином назначенный; протрубила труба, и двинулись все к дому властителя. Он входит в числе других и видит, что здесь уготованы всем услады на любой вкус. Кушанья, напитки и женщины услаждают его; он обоняет прекрасные ароматы, слух его

ласкают песни, вокруг ложа Царя раздающиеся и властителя прославляющие. Так блаженствуя, он вместе с другими ликования преисполнен; в покоях, близ ложа Царя каждое чувство его всем, чем можно, услаждается. Из сих покоев выглянув, он видит, что остались в его стране больные, коим болезнь не дала прийти с ним вместе и взглянуть на все эти чудеса. Увидев, как корчатся они от своих недугов, как охают и молят о помощи, он понимает, сколь велико его блаженство и какова цена совету врача. Вот когда скажет он: слава Богу, всемилостивейше уготовившему нам сие пристанище, в коем мы не знаем изнеможения! И воззовут они к тем, как то сказано Всевышним: «Обитатели рая воскликнут обитателям огня: мы уверились, что обетования нам Господа нашего были истинны; уверились ли и вы, что угрозы Господа вашего были истинны? Они скажут: да» [85]. И наделит его властитель тем блаженством навечно; присоединится он к вечно поющим хвалу своему властителю, пребудет в радости и блаженстве, здоровым телом и не знающим смерти. Вот каковы благочестивые в загробной жизни, где обретают они желанное благодаря неустанному поклонению Всевышнему Богу, Господу миров.

Что же касается вопроса, что в дольней жизни указует на то, какой будет загробная жизнь верующего, то это — привязанность его к обоим поклонениям (явному поклонению действием и скрытому знанием), выполнение их обязательных обрядов, норм и законов и должное их соблюдение. Такой верующий никогда не ослушается предписанного Богом и не сделает запрещенного, он всегда с благими людьми, людьми поклонения, причем все это для него — искомая цель и единственное желание, об одном этом он думает и печется. Одним словом, это — исполнение должного и воздержание от запретного, когда верующий превращается в раба, могущего только выполнять, что ему велено, свою же волю забвению предавшего, ставшего как бы подневольным *(муджбар)*, не способным ни к чему помимо того дела, к которому приставлен. Вот тогда добивается он сходства с обоими отцами, с пророком и заветником (мир им!),— ведь сказано им (Мухаммедом.— *А. С.*): «Мы с тобой, Али, отцы верующих» [86],— более того, с высшим сонмом. Чрез это достигает он полноты своей, единения и однородности, соответствия и изоморфности (с Разумами.—

А. С.), ибо именно неустанное сего исполнение дарует душевную силу и запечатление (высших форм.— *А. С.*), соединенность, уподобление и актуальность. Так же и в любом ремесле, как тебе известно, тот ученик сильнее и искуснее и к учителю своему ближе и более с ним схож, кто больше и настойчивее других отдавался ремеслу наставника. А потому, если кто следует божественным приказаниям во всем, что установлено пророком (да благословит его Бог!), к оному стремится и в меру сил своих осуществляет, кто до конца дней своих непреходящую преданность примеру обоих патриархов питает и во всем по их стопам идет, уверенный, что именно в этом его спасение и богатство, кто услаждается исполнением предписанного и должного (как лицемеры и отступники услаждаются своими злыми делами),— кто все это в себе наблюдает, тот может быть уверен в достижении загробного блаженства и счастья. Но видеть такое дано лишь немногим, тем, кто спрашивает с себя прежде, чем с него спросится, кто всякий день стремится исполнить все деяния и от всего, что могло бы нарушить предначертанное вероисповедной общине, бежит к должному и предписанному.

Лицемер *(мунафик)* же — это тот, чьи лживые уста изрекают совсем не то, что у него на сердце. Лицемер говорит то, что, как ему кажется, составляет достоинство человека или считается добродетелью, отличающей его от людей невежественных и бестолковых, а в сердце своем придерживается о Боге совсем не того исповедания, что на словах, думая, будто покорность означает слабость, а скромность унижает, и зная, что таковое [87] составляет черту природную и особенность чувственной души. Вот лицемеры и стараются всячески нарушить предписания и запреты религии Божьей, ибо те их не устраивают. Ведь души их подчинены своей смеси и стоят на чувственной ступени, на самой ее вершине, стремясь навязать другим свое господство, поработить людей ради исполнения своих желаний, алкая богатств, наслаждений и лучшей жизни, гордые и заносчивые, предпочитающие услады и пребывание. Среди людей поклонения дружбу водят они лишь с тем, кто к тому же стремится и им в том компанию составляет, с такими же заблудшими отступниками, бесами, пролазами и тому подобными, установления общины нарушающими и над людьми ее потешающимися.

Все они, страсти своей послушные, так или иначе стремятся сорвать скороспелые плоды дольнего мира. Но злые дела их к ним же возвращаются и на их души воздействуют; как в затмении, не видят они истинных благ. Об этом сказал Всевышний: «Сердцами их овладело то, что они усвоили себе» [88]. И чем больше сих дел творят они, ведомые страстями, тем в большем зле погрязают,— точно так же чем дальше, тем больше расстраивается дело у торопливого и небрежного геометра, не обращающего внимания на должное в деле его соразмерение и соотнесение одного с другим. Болезнь поражает души их, они наслаждаются тем, что творят по зову прихоти и каприза (так же, как пораженным недугом или больным лихорадкой часто нравится именно то, что идет им во вред) и, покорные природе своей, жаждут того, отчего никакой пользы не будет, а ввергающее в погибель кажется им благим (так же, как больному несварением хочется побольше съесть, а больного водянкой вечно мучит жажда, и в воде полагает он благо и оной алчет, тогда как она ему вредна, или же имеющий воспаление селезенки не может удержаться от сладкого, и так далее). Дела религиозные, к коим призваны они, уже не сладостны им, к ним не лежит у них сердце: следуя страстям и не желая воспринимать пророческие наставления, стяжали они такое, что привело к порче их [силы] представления. Так же мед кажется горьким, а не сладким больному, в коем преобладает желчь, ибо у такого больного испорчена смесь и он не слушается врачей.

Таковые для людей обоих поклонений — то же, что плевелы для пшеницы или ядовитые сорняки для посевов: они несут порчу и вялость, а потому их следует сторониться и избегать. Правитель *(са'ис)* [89] вправе выдворить их, если же это невозможно, то в ожидании благоприятного времени так или иначе ублажить (как то делал и пророк — да благословит его Бог!), дабы перестали они сеять порчу. Ведь души их, восставшие против людей благих и добродетельных, убоги и лишены блага, действуют вопреки Божьим приказаниям, в телах угнездены и как были, так и остаются на своей изначальной ступени. А со смертью тела низринутся они в теснины возмездия, будут терпеть непрестанную муку и превращения, пока не дойдут до последнего предела геенны и не окажутся в наибольшем удалении от услад,— а как с ними поступить потом, на то воля Божья.

Отступники *(фāсикӯн)* же — это те, кто, познав Бога, отошли от Него. Легкомыслие не дало им понять, что оба поклонения суть истинная вера, а затем они и вовсе оставили [Божественные] приказания и, отступив от оных, стали действовать по велению страстей. Ведь душа, пока она пребывает в дольнем мире, может благодаря обоим поклонениям сделать свою самость здоровой, и тогда она находит в ней усладу и сейчас, и потом, а может и поддаться низменным стремлениям, следуя страстям (каковые определяются ее смесью), и заболеть. Тогда все, что связано с религией, будет ей не мило и в тягость (как больному не нравится вкус лекарства), усладу же будет находить в том, к чему влечет ее страсть (как больному по вкусу все, что ему вредно, и, отдавшись своему влечению, он будет наказан за своеволие). Таким образом, сначала благодаря своей вере такие люди обретают одну форму, а затем, от веры отступив, другую. Но самость [души] едина, и две противоположные формы, как мы уже говорили, раздирают ее; так отступники терпят неописуемые муки.

А заблудшие *(мудыллӯн)* — это те, кто сами сбились с пути и, корыстью влекомые, своих последователей от Божьих людей отвращают. Тех мук и унижений, наказаний и вечных терзаний, что терпят они в загробном мире, описать невозможно. Сравнимы они, однако, с тем больным лихорадкой, о котором мы говорили, описывая услады благочестивых. Живут они в той же стране, дышат тем же воздухом и пьют ту же воду, и властитель их — тот же самый. И вот, смилостивившись, тот властитель направляет к ним лекаря и наказывает принять из его рук лекарство, специально для них приготовленное. Но найдется человек, который нарушит данные предписания и не будет соблюдать диету, а потому лекарство не только не поможет ему, но и пойдет во вред. Тогда недуг, разрастаясь, выйдет наружу, и окажется, что он заболел оспой. Прежде жизнерадостный и розовощекий, этот больной впадет в уныние и почернеет, цветущий вид его сменится отвратительным обличьем. Если прежде отличался он крепостью тела, то теперь его кожа растрескалась, всегда подвижный, теперь он скован недугом, вместо приятного аромата от него исходит смрад, прежде чистый и опрятный, теперь он источает нечистоты. Когда-то всеобщий любимец, теперь он всеми презираем, и даже близкие от него отдалились; никогда ни

в чем не испытывавшему затруднения, теперь ему ничто не по силам. А все потому, что кожа его раздулась от гнойных язв, что шел он по пути несчастных, коих ждет погибель. Потух свет в его очах, ноздри и глотка закупорены, душа стеснена. Никакой пищи принять он не может, тело его загноилось, а запах переменился. Хочет поговорить с близкими и дорогими ему людьми, пожаловаться им на недуг свой и не может, ибо болезнь разрушила все [телесные] орудия его; хочет спросить воды и не может, ибо члены его не слушаются.

Вот когда начинает он жалеть и раскаиваться, что не послушался врача и презрел все его советы. Сам себе клянется, что, выздоровев, их уже не ослушается,— но ведь было время, когда нужно было им следовать, а он не смог! И вот теперь пожинает плоды деяний своих; теперь все суставы, все жилы и члены его день и ночь терзает боль; когда все спят, он, крича от муки, заснуть не может. Эту муку будет терпеть он, пока реки не потекут вспять: не может он ни умереть и успокоиться, ни выздороветь и избавиться от недуга. И еще нестерпимее становятся мучения его, когда, подняв взор, видит, что из высоких чертогов на него глядят здоровые. О как горько печалится он о своей участи (упаси нас Бог от подобного)! «Обитатели огня воззовут обитателям рая...» [90] Разве сравнится с этой какая другая невзгода? Нет, клянусь Богом! Но к еще горшему страданию лежит его путь, к смертельной жажде и скорпионьему жалу.

Однако же сии благие и дурные души оказываются в раю и пламени не сразу после того, как расстанутся со своими телами. О том сказал Всевышний: «„Это только слова“. Пред ними — перешеек вплоть до дня, в который они будут воскрешены» [91]. Итак, они находятся на перешейке *(барзах)*, каковой и есть место их сбора. Перешеек — это предел, разделяющий рай и геенну; будучи наивысшим местом в мире Природы, он назван «Вершинами» [92]. Итак, они стоят на Вершинах и ждут, пока исполнятся все циклы и свершатся воздействия светил религии на души, приходящие в мире Природы в бытие эпоха за эпохой, вплоть до последнего, обетованного дня. Так стоя, уж знают они в самостях своих, награду ли и спасение обрели, или же их ждет погибель и смерть.

О том сказано Всевышним, начиная со слов: «А на

Вершинах — мужи, друг друга узнающие по отметам» [93], и до слов: «Господи наш, не помещай нас купно с людьми беззаконными» [94] (мужи на Вершинах и есть находящиеся на перешейке границы и прочие люди, не вошедшие еще в рай и того жаждущие), а также пророком (да благословит Бог его и род его!): «Умерший, как похоронят его, будет держать отчет. Если он придерживался единобожия, был покорен Богу и Его посланнику, то откроются пред ним двери рая; предстанут пред ним дела его, сотворенные в поклонении Всевышнему, и станут ему добрым спутником в могильном заточении, извещая, что он спасен. В покое и отдохновении пребудет он до дня Воскресения, уверенный, что уготован ему рай: туда отведен будет после воскрешения и Суда. Если же он был многобожником, если был непокорен и заносчив, а в поклонении не знал должной меры, то пред ним откроются двери ада. Его злые дела обратятся в лютого зверя, терзающего его и наводящего на него ужас. Так в одиночестве и трепете пребудет он до дня Воскресения, зная, что уготована ему геенна; будет воскрешен он и препровожден в ад в Судный день» [95], в день отчета за прежние деяния.

А из доступного чувству вот чему можно уподобить состояние тех послушных и своевольных душ. Представь себе человека, которому властитель поручил управлять своими землями и передал ему войско, слуг, богатство и оружие. Наказано ему беречь то богатство, слуг и подданных, не делать с ними ничего вразрез с приказаниями властителя и использовать их только на благо царства и подданных, а также укрощать притеснителей и сеятелей порчи ради всеобщей безопасности и вящего блага. Если исполнит приказанное и будет добрым слугой, властитель обещает осыпать его благами и приблизить к себе; если же ослушается и поступит дурно, то не избежать ему наказания. И вот, сей человек делает, как ему велено, всем властелину угождает, во всем ему покорен и ни о чем ином не помышляет. Приходит день, и властелин призывает его; пока идет, сей человек размышляет, перебирая в голове все, что сделал, и не находит ничего, что не предвещало бы ему блага, не утешало и не согревало бы сердце его. Он знает, что совершал добрые дела, достойные властителя, и уверен, что воздастся ему многими благами, а значит, может радоваться и ликовать, хоть и не приближен пока к властелину своему.

Если же он не выполнил предписанного, если ослушался властителя и растратил данные ему богатства не ради довольства его, если водил дружбу с нечестивцами, если грабил и воровал, творил чудеса или впадал в злые ереси, то с тяжелым сердцем пойдет по вызову властелина. Обо всем догадается и поймет он, что за все свои дела заслуживает только наказания и лютой кары властелина, и уверен будет, что не избежать ему муки на радость врагам. И никуда ему не деться: прибрал его властелин, каким он был. И вот он трепещет от страха и ужаса,— а ведь еще не дошел до властителя своего, и ничто из обещанных наказаний его не постигло. Таким пребудет он вплоть до дня, когда свершится наказание и настигнет его лютая мука.

Итак, души, тела свои (кои суть внешняя фигура *[шакль]* их) покинувшие и дела (коими приносят благо или зло телам своим) оставившие, все знают о себе. А на перешейке пребывают они для того, чтобы исполнилось новое творение,— дабы могли прибыть туда же им подобные [души] из природного мира и свершилось научающее, запечатляющее и очи отверзающее воздействие границ на всех их, чтобы все они вместе были собраны к сроку известного дня (а это день, когда свершится седьмой цикл и наложит предержатель его свою печать на природный мир).

Об этом говорит Всевышний: «Скажи: да, и древние, и поздние будут собраны к встрече в известный день» [96]. «Скажи» — повеление Всевышнего, переданное чрез приближенных ангелов; Он имеет в виду — разъясни и научи, что и древние, и поздние будут собраны,— то есть и первые, из прежних циклов, и последние, что придут в мироздание в оставшиеся циклы, большие и малые, «будут собраны» — теми, кого поддерживаем Мы Духом Своим и кто обращается к ним с призывом, будут научены тому, что соберет их в едином поклонении и единобожии. «К встрече в известный день» — к предержателю седьмого цикла, который и есть последний день, день известный, провозглашенный.

Тогда все они (души, имевшие бытие) составят форму как бы единой особи, в коей будут как бы многими членами. Притом каждая душа имеет свою, самостную форму, и благодаря собранности всех душ исполняется сия форма, коя и есть «загробное устроение» и «новое творение» [97] (так

же, как полнота телесной особи достигается совокупностью всех членов). Тогда, благодаря воскресению предержателя седьмого цикла, заструится в них дух Святости и все вместе окажутся они в силах выйти из теснин телесных и вознестись над оными (так же дух способности к ощущению начинает струиться в зародыше, когда тот преодолевает теснины чрева). Тогда исполнится седьмой цикл, тогда перейдет в акт знание, то знание, кое есть власть и сила, без которых не преодолеть телесных пределов.

О том сказал Всевышний: «О джинны и люди! Преодолейте же, если можете, пределы небес и земли! Не преодолеете, если нет у вас власти» [98] — о люди знания и свершающие оба поклонения, явное и скрытое, «преодолейте же, если сможете» — оставьте, если можете, тела свои; «не преодолеете» — сможете оставить их не иначе как сообща, благодаря обретенной чрез границы силе и воскресению предержателя седьмого цикла и переходу его в акт. Ведь преодоление невозможно для отдельных душ, в одиночку, но только всем вместе и в совокупности, ибо в другом устроении и новом творении души подобны тем членам, благодаря коим существует телесный облик, то есть начальное устроение [99]. Для совершенства они нуждаются в себе подобных, ибо в одиночку достигают не целокупного совершенства (когда могут обнять все, что бытие вмещает), но лишь частичного; и только благодаря всем свершается целокупность.

Об этом свидетельствуют весы вероисповедные, это подтверждается тем, каково то начальное устроение, о коем сказал Господь миров: «Вы уже знаете о начальном устроении» [100]. Сим говорит Он, что телесный облик *(шахс)* (а он и есть начальное сущее) сотворяется сложением и составлением многих членов, из коих одни — легкие, дающие душе ощущений больше, другие же — плотные, дающие душе ощущений меньше. Сотворяется же он не сразу, но за некоторый промежуток времени, так что один член предшествует в бытии другому (сердце, к примеру, предшествует в бытии прочим членам, кои за ним следуют). Однако такой предшествующий другим член не может выйти в сенсибельный мир в одиночку, ибо без прочих (подобных себе членов, благодаря коим достигает своей полноты) не сохранится в бытии; а также потому, что дух может струиться только в том, что совершенно. Вот почему животное не похоже на растение, у коего один член связывается с другим и становится ему подобным (о причине чего мы уже говорили), так что форма члена, обретшего бытие раньше другого, сохраняет свою воплощенность благодаря той форме его (растения.— *А. С.*), что стяжала она, сохраняет ее до тех пор, пока все члены не обретут своей полноты. Творение же во времени [свершается] через несколько месяцев и дней. Все это время, каждый день Бог чрез силы влияющих (на «начальное устроение».— *А. С.*) светил по изволению Всевышнего воздействует на него так, чтобы исполнилось его совершенство, и подготавливает его к возникновению в нем чувственного духа; а затем оно целокупно и сразу выходит в [место] воздуха, в нем возникает чувство, и оно живет и ощущает. «Так почему же вы не понимаете?» [101] — разве вы сего не знаете?

Сему подобно и души в каждом цикле деяния свершают. Что каждая из них стяжала и обрела, сколь была покорна и каковы были деяния ее, таким будет и ее положение. Те, что строже других держались всех предписаний, будут подобны тем тонким парным основным органам, кои чувствуют сильнее и наслаждаются больше; а те, что ниже оных [в послушании], займут соответствующее положение.

Расставшись со своими телами, души находятся на перешейке, как о том сказал Всевышний: «„Это только слова“. Пред ними — перешеек вплоть до дня, в который они будут воскрешены» [102]. Перешеек — место их сбора. И каждый из границ Всевышнего своим призывом и наученим сбирает в своем цикле всех, кто его делу следует и принесенной им [мудрости] жаждет,— так же в голове собраны многие чувства и члены, так же тело сбирает многие члены (кои все подобны собранному в голове), так же руки и ноги суть орудия, каждое из коих имеет такие же члены, как и другое; и все они собраны воедино в одном телесном облике.

Вот в чем, пожалуй, объяснение той радостной вести, что объявлена во введении к нашей книге тому, кто читает ее как вероисповедную. Вот почему владыки наши (да благословит их Бог!) говорили, что человек стремится быть с теми, кого любит, а пророк (да благословит и приветствует его Бог!) сказал, что в день Воскресения каждый предержатель цикла приведет всех, кто следовал ему в его цикле: пророка, заветников, имамов, проповедников и добрых по-

следователей [103]. Вот почему Всевышний сказал: «Будет день, в который Мы созовем всех людей с их вероучителями» [104],— то есть к предержателю седьмого цикла (а он и есть один из дней Божьих, Нами воздвигнутый и поддержанный) созовем всех последователей с их учителями для отчета и ответа: что сделали они во исполнение велений Всевышнего?

Это же разъяснил Он, говоря об Аврааме (мир ему!): «Вот Авраам сказал: Господи, покажи мне, как оживляешь Ты мертвых!»; [105] здесь, на примере сказанного Всевышним об Аврааме, глаголящий научает источника тому, как живут души и почему следуют ему. «Вот, Авраам сказал» — когда Авраам (а он здесь истолковывается как источник) сказал: «Господи, покажи мне»,— то есть [сказал] глаголящему, его взрастившему и ему передавшему дело скрытого призыва и научения людей поклонению: научи меня, «как оживляешь Ты мертвых»,— покажи мне, как оживить мертвые чувственные души для истины, как со ступени их, от природы их перевести те души на ступень ангелов, где вкусили бы они жизнь вечную; и тот сказал: «Ужели ты не веришь?» [106] — ужели не познал еще истину того, к чему направил я тебя? И он ответил: «Напротив, а[спросил я] только для того, чтобы успокоить сердце мое» [107] — нет, но лишь для того, чтоб большей ясностью успокоить душу мою. Он сказал: «Так возьми четырех птиц» [108] — обопрись на собранные мною для тебя в обоих поклонениях четыре закона, а именно: научение души единобожию, коим стяжает она субстанциальную жизнь и пребывание; действие согласно законоустановленным обрядам поклонения Богу, коими стяжает она моральные добродетели и избавляется от природных пороков; знание о ступенях границ Божьих и им подобных людей, каковое знание уподобляет ее актуальным Разумам (то есть ангелам) и дает ей оные запечатлеть; и проповедь (*'иза*), которая возжигает в душе страсть к божественному и границам религии Божьей, так что нетрудным становится вероисповедание ее: терпеливо исполняя все это, воскресает она, чтоб воссоединиться с царством Святости и обрести в оном вечную жизнь; «приручи их» [109] — сочетай сии четыре [закона], когда будешь научать, пробуждать и действовать, «и части их разложи по горам» [110] — и научи сим законам каждого проповедника и худджу, дабы знали они их и исполняли. «Затем воззови к ним» [111] — обратись к сим душам с проповедью, дабы взалкали они, ведь когда мертвые чувственные души познают оные законы и действуют в соответствии с ними (так что пробуждается в них стремление), их природа и врожденная натура преображаются и они уподобляются ангелам, становясь поистине твоими последователями, с тобою вместе и за тобою следуя. «Они быстро прилетят к тебе» [112] — страстно устремятся к тебе, ибо исповедуют они то же, что и ты, и форма их — твоя; они с тобою стали однородны, а потому устремятся воссоединиться с тобой. «И знай, что» [113] пророк, коего поставил Бог вместо себя,— а он является сердцем сих существ, взывая к ним и проповедуя смирение и поклонение,— «могуществен и мудр» [114], то есть силен, как то предполагает мудрость, и мудр в деяниях своих.

Итак, все соберутся на перешейке и пребудут там до дня Воскресения. Сей перешеек ближе всего в макрокосме к царству Святости (каковое находится вне оного), также как матка (в коей пребывает зародыш, пока не исполнится сотворение его) ближе прочего в микрокосме к макрокосму, каковой располагается вне ее.

Далее, души [после смерти] не переходят в другое тело, как мы то показали в трактате «Указания наставнику и ученику». Ведь хорошо известно, что связаться [с другим телом] и перейти [в него] для них невозможно. Как мы уже отмечали, утверждающие переселение душ считают, что душа обладает бытием до своего тела, и показали, почему именно. Сказанное подытожим вот как. Душа является либо субстанцией, либо акциденцией. Если она — акциденция, то, согласно определению оной, исчезает вместе с исчезновением того, в чем существует, и покидает арену бытия, как только оное распадается. Следовательно, в таком случае души уничтожаются вместе с разложением своего телесного облика и распадением смеси тел. Если же души уничтожаются вместе с исчезновением своего тела (благодаря коему имели бытие), то перейти [в другое тело] — а для этого нужно, чтобы сохранилась их самость, тогда как оная разрушилась с уничтожением своего вместилища,— никак не могут.

Если же душа — субстанция, то она является субстанцией либо потенциальной, либо актуальной.

Если она — потенциальная субстанция, причем форма того, чего потенцией она является, отсутствует (так что

для оной субстанции не существует того, благодаря чему она была бы актуальной), и такая субстанция не актуальна (когда бы актуальность самостно сохраняла ее) и так же, как акциденция, нуждается в том, благодаря чему могла бы существовать и обладать бытием, следовательно, она подобна акциденциям, которые, не существуя самостно, исчезают с исчезновением своего носителя (ибо не находят в самих себе того, благодаря чему могли бы существовать). Если же она подобна не существующим самостно акциденциям и уничтожается с уничтожением того, благодаря чему существует, следовательно, она не может переселяться в другие тела.

Если же она — актуальная субстанция, то является либо субстанцией изначальной, существующей по изволению Божьему в царстве Святости чрез творение или эманацию, либо субстанцией конечной, существующей в мире Природы благодаря дарующим научение и стяжание отцам.

Однако она не может быть субстанцией изначальной, существующей по изволению Божьему в царстве Святости чрез творение или эманацию, ибо сущие царства Святости благодаря изначальной наделенности самодостаточным совершенством жизни, могущества и знания не могут претерпевать никаких изменений или превращений (когда бы они теряли свое совершенство, кое состоит в их актуальности) и связываться с телами, каковая связанность входит в определение потенциального, но не изначально актуального и, следовательно, самосущего.

Если же душа, как мы показали, не может быть субстанцией изначальной, существующей по изволению Божьему в царстве Святости чрез творение или эманацию, следовательно (коль скоро она существует благодаря своему телу), она — конечная субстанция мира Природы, обретающая актуальность благодаря поддержке (по изволению Божьему) отцов, а также научению и стяжанию. Если установлено, что она — конечная субстанция, обретающая актуальность благодаря стяжанию чрез отцов поддержки, тогда то, благодаря чему она стала актуальной субстанцией, не даст ей связаться с другим телом (ибо она уже связана с тем, благодаря чему стала актуальной субстанцией) и привлечет ее к себе (ибо оное душе подходит больше, нежели природные смеси и тела, каковые от оного дальше и менее с ним схожи). А если это не даст ей перейти в другое

тело (ибо она уже связана с тем, благодаря чему обрела актуальность и поднялась на ступень совершенства), то связаться с другим телом она никак не может.

Да и как актуальная пальма стала бы вновь финиковой косточкой или актуальная телесность человека — формой его в семени, даже если представить, что она остается, как была, неизменной без всяких превращений? Да нет, такое невозможно. Душа связывается с тем, что дало ей совершенство и что схоже с устроением ее самости; а когда исполнится конечное устроение (а это и есть день Воскресения), заструится в душах вечная жизнь.

Эта вечная жизнь для жизни природной (то есть для самости души) то же, что для тела чувственный дух. Стяжав то, что дает ей сию жизнь, душа после расставания с телом забывает те знания и действия, что связаны с заботой о теле и принадлежат душе растительной и чувственной (ведь исчезает причина, поддерживавшая бытие сих действий и знаний, а именно стремление). Поскольку, как мы уже говорили, стремление проистекает от потребности и лишенности, то благодаря совершенству и ненуждаемости стремление исчезает (ибо существовало именно в силу потребности). Тогда остается лишь связанное с самостью души стремление к Тому, Кто есть Бог, кроме Которого нет бога, без всего, что связано с ее телом и интересами. В этом она уподобляется вне[природным] Разумам, которые в любви к Божьей славе и величию (коих ни она, ни те Разумы охватить не в состоянии) воссылают хвалу и прославление, ликуют и поют аллилуйю. Тогда душа уже не совершает действий, коих бытие было связано с тем стремлением, что исчезло с исчезновением ее телесных орудий, и не помнит ничего о теле своем, оказавшись в царстве Вечности, том царстве, куда она направлялась и с которым связалась. Тогда у нее остаются лишь те действия, что, как мы сказали, связаны с ее самостью.

В этом душа подобна находящемуся на корабле мореплавателю. С этим кораблем связаны все телесные интересы мореплавателя; корабль, коим мореплаватель управляет,— как бы тело, которое душа охраняет и которым управляет, а море — как бы дольний мир. Пока корабль в море, мореплаватель должен беречь его и делать все для его сохранности — как снаружи, просмаливая борта и избегая опасных мест, к коим страшно приблизиться, и вообще всего, что

может нанести кораблю ущерб, так и изнутри, откачивая воду или оставляя ее, запасаясь всем, что может понадобиться для сохранности корабля. В ожидании спасения из морского плена он заботится о том, чтобы поддержать свои силы пищей и питьем. И все это делает он не ради корабля, но ради себя, чтобы самому не погибнуть. Так мореплаватель будет поступать до тех пор, пока не наступит избавление и не сойдет он с корабля на сушу. Покинув корабль, он из прежних действий своих будет совершать лишь те, что имеют отношение к нему самому, а не к кораблю, а то, что делал ради сохранения корабля (когда спускал или поднимал паруса, просмаливал борта, откачивал воду, следил за сохранностью инструментов и построек, заменял сгнившие доски и выполнял ремонт), забудет.

Так же и душа, находящаяся в дольнем мире, бережет свое тело и делает все, чтобы поддержать его как снаружи, так и изнутри, пока не расстанется с ним, а также неустанно упражняет себя в обоих поклонениях, знанием и деянием, что имеет отношение только к ее самости. Когда же расстанется она со своим телом, исчезнут все действия, связанные с интересами тела и относящиеся к душе растительной и чувственной, и останется то, что связано с ее самостью, а именно наслаждение запечатленными вечными вещами, как то подобает ее совершенству.

Поскольку все это исчезает, душа уже больше не помнит ничего о дольнем мире, ибо все это мирское и природное, тогда как она уже поднялась выше и вознеслась над оным. Так же и покинувший материнское чрево младенец, который ест, пьет и вкушает природные услады подготовленными во мраке чрева орудиями, не помнит, чем он питался в той теснине: уж очень незначительной представляется она теперь, да и питавшее его там орудие (а именно пуповина), уже отброшено и сменилось другими орудиями и чувствами, и теперь он наслаждается совсем другим, тем, что уготовано ему здесь. Так же и душа оставляет действия и забывает знания, коими в дольнем мире оберегала покинутое теперь тело, и совершает только те действия, что вытекают из совершенства ее самости, прославляя и возвеличивая, как мы говорили, Бога.

Душа, в отличие от вне[природных] и бес[телесных] Разумов, не может воздействовать на то, что «кроме Бога», на сущее мира Природы. Пока она принадлежала тому

миру, такое воздействие было дано ей, дабы увеличить свою множественность, обрести субстанциальность и исправиться; теперь же, когда обрела она спасение и вместе с прочими душами мира Природы достигла желанного предела, ей довольно быть таким пределом вблизи первого предела, став пребывающей субстанцией и наслаждаясь плодами своего стяжания, соотнесенностью с теми Разумами, каковая соотнесенность для нее — по самости, но не по акту.

А не дано ей воздействовать на мир Природы (как то дано Разумам) потому, что первый предел (то есть сии Разумы) обращен ко второму пределу, воздействуя на оный и наделяя его вторым совершенством, а тот предел, коим является совершенная глаголящая душа, обращен к первому пределу, от оного черпая совершенство и его воздействие приемля. Разница между ними в том, что сия совершенная глаголящая душа воздействует только сама на себя, тогда как те Сотворенные и Эманационные Разумы воздействуют как на себя самих, так и на другое. Сим душам дано достичь ступени Разумов только по самости, но не по акту.

Все это подтверждают весы вероисповедные. Поскольку пророк (да благословит Бог его и род его!) обращается к своему заветнику, каковой заветник есть цель его научения, а заветник обращается к пророку (мир им обоим!), получая от него знания, причем заветник уподобляется пророку по самости, но не может стать ему подобным в воздействии на души и призывании их, и поскольку воспринятое заветником от пророка является для него пределом, стоя у коего он приемлет и запечатляет все исходящее от пророка, и сим устраивается, следовательно, оставившая свое тело глаголящая душа действует только самостно так, как то определено приобретенным ею совершенством; сим она устраивается и сим соотносится с самостями Разумов во всем, кроме их действий: ей не дано воздействовать на иное и достичь ступени тех Разумов в воздействии на иное, ибо она — второй предел, свое совершенство от первого предела получающий.

Слава Богу, просветившему разум наш светом путеводящих границ Своих, отверзшему очи наши учением исполняющих Его веление имамов (да благословит Бог их всех!). Бог — наше довольство: Он надежный защитник!

УЛИЦА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О человеческой душе как глаголящей, поддержанной небесами; о том, как соединяется она с духом Святости и почему не все души во всякое время бывают поддерживаемы и по какой причине; о внушенном откровении *(вахй)*, коим поддерживаема душа и каково оно; о том, как соединяется оно с воскрешенными душами и соединяется ли с ними, когда они занимают ступень чувственности или воображения, или души глаголящей, и на что распадается оно; каковы являемые ею чудеса и чем оные отличаются от трюков кудесников, и почему кудесничество доступно пониманию и научению, а названные чудеса нельзя понять и им научиться собственным усилием; о том, каковы сбираемые поддержанной душой добродетели, каковы действия ее и к чему она устремлена; о том, каковы окружающие ее сподвижники, каковы разряды оных, и каков разряд замещающего ее в сохранении народа, и что́ дано ему от Всевышнего; о числе циклов и их предержателей, коими свершается новое творение; о разряде предержателя седьмого цикла и действиях его; о том, по чему узнается свершенность циклов; а также о рассуждениях философов в вопросе обретения душой добродетели и несостоятельности оных

Мы скажем: все обретает свою полноту тогда, когда достигает своей предельной цели, оная же достигается, если обретена форма изначального, каковое служит поддерживающей причиной бытия. Ведь у каждого сущего в бытии два предела: начальный и конечный, и какой была форма первого, начального предела, та же будет и у второго, как то видно на примере сенсибельного сущего. Если, например, у растения первым пределом ростка была пшеница, то и вторым его пределом будет такая же пшеница, а если это был ячмень, то и второй предел — такой же ячмень; или же, у животных, если первым пределом является человек, то и вторым пределом будет также человек, а если первый предел — конь, то второй предел — также конь. Если же взять

телесный облик человека, то первым его пределом следует назвать прах, и второй его предел — также прах: в него он обратится. Так обстоит дело с любым сущим без всяких отклонений.

Поскольку бытие людских душ проистекает от предшествующего им в бытии и притом они являются конечным пределом сущего, так что за ними нет ничего, чему они служили бы ближайшей причиной бытия (как то имеет место для им предшествующего в бытии сущего, кое служит ближайшей причиной их бытия), следовательно, их предел среди причин их бытия и поддерживающих причин тот, к которому восходит все сущее, то есть Первое Сущее. Если же Первое Сущее служит их начальным пределом и притом в своем совершенстве и сотворенности является Разумом (каковой Разум есть жизнь, обладающая знанием, могуществом и самостной актуальностью, исключающей нужду в ином для исполненности акта), следовательно, те из людских душ, что таковы же, как оный предел, суть такой же Разум, хотя и другого разряда: тот сотворен, этот же извергнут из Природы вторым воскрешением, так что является вторым пределом. Дело в том, что пределы соединяются и соотносятся как самостно, так и посредством тех смыслов, благодаря коим они суть, как мы показали, пределы имеющего предел, и они друг в друга переходят; если же второй [предел] не таков, как первый, когда бы тот с ним соединился и соотнесся и тем исполнилась бы самость сущего, то он пределом и не является, и первый [предел] с ним не соединяется.

Поддержанная [небесами] душа (как жизнь, обладающая могуществом, знанием и актуальностью) наделена теми же добродетелями, что и Первое [Сущее], совершенное и исполненное. То, благодаря чему субстанциализировалась ее самость, воскресило ее вторым воскрешением; она самодовлеюща благодаря полученным истечениям, совершенна и актуальна, не нуждаясь в природном помощнике для совершения своих действий, полна, не имея после себя ничего, чему была бы причиной бытия. Она и есть вторая предельная цель, тот предел, за которым нет другого предела, кроме Первого. Будучи исполненностью сущего и его вторым пределом, она доходит до первого [предела] и с ним соединяется. Эта соединенность их (сих двух пределов) — от них обоих, а не от одного только. Действия,

кои суть душа сущего, существуют благодаря первому [пределу], и второй предел относится к их числу (пусть бытие его и опосредовано). Ведь первый предел, как начальный, воздействует, а второй предел, как предельная цель, приемлет; приемля воздействие первого предела, второй с ним соотнесся и соединился.

Итак, второй предел соединяется с первым благодаря тому, что самостно приемлет его воздействия, оные же суть светы, в нем (втором пределе.— *А. С.*) воссиявшие так, что он с тем (первым пределом.— *А. С.*) соотнесся и соединился. А если бы не было сего промысла, если бы те силы и светы мира Святости не воссияли во всем природном сущем, избирая в нем наиболее достойное и с оным соединяясь, чтобы и прочее улучшить и исправить, то она (душа.— *А. С.*) не стала бы вторым пределом, обретшим по достижении предела своего совершенства самостную воплощенность, ибо она потенциальна.

Поэтому душа не способна к сему единению, если оно не приходит к ней свыше. Ведь душа, как мы говорили, существует благодаря многим различным вещам, а потому может достичь актуальности только с чужой помощью. Эта-то причина (а именно, ее потенциальность и нужда в помощнике для того, чтобы стать самосущей, основание чего мы уже разъясняли) и не позволяет всем душам в мире Природы быть поддержанными [небесами]. Те, что обретают поддержку и воскресают, получили бытие потому, что движение небесных тел соединилось с сияющими светами мира Святости (кои суть поддерживающая причина всех существ) так, как то предразмерено для природных и божественных истечений, о чем сказал Всевышний: «Тогда Мы отверзли двери неба для проливного дождя... воды слились между собою, как то было предразмерено» [1]. Благодаря сему получает бытие благородная душа. Хотя и принадлежит она природному царству и в нем находится, она самостно счастлива; никакие природные влечения и побуждения не колеблют и не склоняют ее, напротив, она по природе своей устремлена к благу, ибо получила бытие от того, что пришло, с ней соединяясь, из царства Святости в должном порядке и для помощи.

Такое случается крайне редко, раз в долгий промежуток времени, как то предразмерено Всевышним Всезнающим Мудрецом. Так же мудрый и умелый геометр пред-

размеряет, чтобы от множества движений разных тел произошло одно движение одного тела, каковое тело сможет сдвинуть некоторую тяжесть, которую множественные тела поодиночке подвинуть неспособны. Когда, однако, движения их сливаются, они двигают это тело, приемлющее все сии движения, благодаря чему оно и сдвигает ту неимоверную тяжесть. Чем больше этих разнообразных движений и чем множественнее производящие их тела, тем мощнее сбирающее их [движение] и тем большее время требуется для его образования.

Сама Природа споспешествует сим благородным душам в принятии воздействий начала их бытия. Столь славными и стройными становятся они, что с ними соединяются божественные светы (кои суть дух Святости),— ведь сии души избавились от всего, что затрудняло бы это принятие или препятствовало ему.

В сем бытии своем, принимая божественные светы, эти души не находятся, однако, на ступени глаголящей души, как то думают философы, утверждающие, что только глаголящая душа, то есть приобретенный разум (*ʿақль мустафāд*), способна принять истечение действенного Разума (*ʿақль фаʿʿāль*); нет, они находятся на ступени чувства и представления. Скажем, душа Мухаммеда (мир ему!), как известно, с раннего возраста обрела поддержку, еще не укрепившись упражнениями и знаниями, а с Иисусом (мир ему!) божественная сила соединилась в младенчестве. Есть тому и другие примеры; вообще говоря, изначально божественные силы соединились с душой Адама, когда та занимала ступень души чувственной. Все это хорошо известно, так что вряд ли стоит продолжать перечисление.

Дело тут в том, что чувственная душа является потенциальным разумом. Ее благородство (то есть совершенство) состоит в том, чтобы сенсибельное запечатлеть и познать, а интеллигибельное уразуметь и помыслить. Это свое благородство оно обретает, когда представляет какую-нибудь вещь, то есть мыслит формы, отвлеченные от сенсибельного, познанного чувством. При этом представление служит ей помощником как в сенсибельном, когда она совершает деяния и придерживается Законоуложений, так и в интеллигибельном, когда она размышляет и извлекает следствия, уравновешивая в стяжании сии ограниченные вещи и находя им соответствия. Свет и истечение вне[природного] Разу-

ма, коему препоручен наш мир, сияет во всем сущем. Он охватывает и души, руководя ими и давая им изначальные знания (о чем уже говорилось). Если же свет его разлит в сущем, так что знания получают даже те души, которые не способны запечатлеть разумные формы и самостно сохранить их, то души, обладающие силой принятия и запечатления, скорее способны принять это истечение. Таким образом, чувственная душа, стоящая на ступени представления сенсибельного сущего, может принять светы этого истечения, и тогда вне[природный] Разум, коему препоручены души, будет на нее воздействовать и с ней соединится (как то случилось с душой Адама, которому знание передал один Всевышний) и передаст ей полное, либо иногда частичное, интеллигибельное знание, причем без всякого размышления или рассуждения с ее стороны. Такова высшая ступень внушенного откровения, приходящего как в вещих снах, так и наяву, как мы то вскоре покажем.

Таким образом, светы вне[природных] Разумов пронизывают мир Природы так же, как возникающая от движения небесных сфер теплота и излучение светил пронизывают подлунные тела, высушивая содержащуюся в них влагу, как солнечные лучи, разлитые в воздухе, наполняют и пронизывают его. Мир наполнен этими светами, как бы огненными искрами или мелодичными звуками, а чистая душа подготовлена Природой (имея самое умеренное устроение смеси, от коей проистекает ее бытие) к принятию, как подготовлен к нему трут, очищенный от всех ненужных примесей и не дающий пропасть ни одной искре, или как слух, от всех болезней излеченный. И вот сии светы связываются с чистой сущей душой так же, как искры связываются с подготовленным трутом, достигают ее так же, как направленный звук достигает слуха, и душа полностью принимает их, так как подготовлена к тому своим бытием.

Подобно сим светам (кои суть дух Святости), проникающим в душу и в ней струящимся (что мы уподобили огненным искрам и звукам, проникающим в трут и слух), приходит к душе и внушенное откровение. Вновь и вновь посещая ее, зажигает оно в ней раз за разом светы знания. Откровение приходит к душе не только когда та спит и не использует свои чувства, но и когда бодрствует, и тогда душа забывает обо всем и только ниспосланное из божественного мира осознает и запечатлевает. Тогда все, что было

скрыто, вдруг воссияет в ее самости, и она самостно запечатлевает принимаемое знание так же, как зеркало запечатлевает формы любого сущего, оказавшегося перед ним. Так благодаря сим приобретаемым силам растет и крепнет она, целокупно возрастая, и становится целокупной благодаря несенсибельно получаемому знанию. Эти ниспосылаемые ей знания являются знанием целокупным, отвлеченным от материи, ибо происходят из царства Единства, будучи такими же, как то, от чего происходят тела, составленные из первоматерии и формы (кои потенциально содержат в себе множество сенсибельных вещей). Так же в самости ее прежде воссияло заповеданное Богом в общем и целом, когда сказал Он: «Совершайте молитву, давайте очистительную милостыню» [2], а также: «Верующие! вам предписан пост, как он предписан был тем, которые были прежде вас» [3]. Поскольку сие предписание дано в общей форме (а значит, нуждается в разъяснении, как, сколько и когда следует его исполнять), то последователей своих оно вынуждает размыслить об этом и попытаться объять оное. Тогда и возникает представление; представление претерпевает и воздействует, стремясь истинно познать это. Оно становится сенсибельным, воздействующим на то, что есть в сфере воздуха (как ранее оно же претерпевало в ней (душе.— *А. С.*) воздействие в сфере воздуха, несущем формы разнообразного сущего, когда с оными формами сталкивались чувства, поверхностью своей соприкасающиеся с поверхностью воздуха),— становится формой, отвлеченной от материи. Она (душа.— *А. С.*) сохраняет ее как форму, самостно представшую *(мутамассиля)* ей вовне, и та обращается к ней с речью, как о том сказал Всевышний, рассказывая историю Марии: «Она закрылась от них (домочадцев.— *А. С.*) завесой: тогда послали Мы к ней духа Нашего: пред ней предстал он совершенным человеком» [4]. Никто, кроме Марии, не видел его, ибо именно ей был он ниспослан, и именно она, никто другой, размышляла и искала большего, нежели у нее было, знания.

Послушное мудрости сущее (небеса движущиеся и слаженные, звезды светоносные и разнообразные, воздух, части коего волнуются и передвигаются, вода и земля со своими частями, порождения во всех формах и видах, со своими голосами и действиями, люди, друг перед другом речь держащие) к ней (душе.— *А. С.*) обращаются и, показывая, к чему восходят все пределы, самостно глаголят о незыб-

лемости сего произведения. Так разъясняют они ей то, что целокупно дано во внушенном откровении, раскрывают закрытые целостности. Тогда от нее не ускользнет ничего, и она знает все, что может быть — сколько, как и когда. Тогда (пусть и неведома ей другая сторона внушенного откровения) представшие *(тамассуль)* ей формы, а также знания, сообщенные сенсибельным сущим глаголом своим (хоть оно и молчит), разъясняют ей то, что увидела она в ниспосланном видении на высшей ступени внушенного откровения наяву отвлеченным от материи.

А что от сего отлично, то либо сумасшествие, либо дьявольское наваждение, как о том говорится в вести. Напуганный впервые посетившим его внушенным откровением, пророк (да благословит Бог его и род его!) в ужасе кинулся к Хадидже (мир ей!) и рассказал ей, что некий образ, которого он раньше никогда не видел, предстал пред ним и повелел: «Читай!» Пророк ответил: «Я не умею читать»; тогда тот опять приказал: «Читай!» Он снова сказал: «Я не умею читать». Тот, ударив его, в третий раз произнес: «Читай во имя Господа твоего, который сотворил» [5],— и до слов «и научил человека тому, чего тот не знал» [6],— и пророк прочитал это.

Хадиджа увидела, что лицо Мухаммеда пожелтело, а сам он дрожит от ужаса. Потеплее укутав его, она пошла к своему двоюродному брату Варраке бен Нофелю (а он был известным среди арабов прорицателем) и обо всем рассказала. Он ей ответил: «Если все действительно так, то это пророчество; да и пришло время появиться пророку. Отнесись ко всему серьезно; если с ним вновь случится такое, то прижми его покрепче к груди и спроси, не исчезло ли видение. Если он скажет «нет», тогда посади его на правое колено и спроси, по-прежнему ли он видит это. Если ответит тебе утвердительно, тогда посади его на левое колено и спроси, не ушло ли оно. Если он скажет «нет», тогда открой голову и спроси, видит ли его сейчас; если теперь оно исчезнет, значит, это пророчество, а если останется, то дьявольское наваждение».

С тем Хадиджа и вернулась домой. И вот вскоре пророка (да благословит Бог его и род его!) вновь посетило то видение; в ужасе воззвал он к ней: «Он опять пришел за мной!» Тогда она сделала так, как велел Варрака бен Нофель. Каждый раз он отвечал, что видит представший

ему образ, кроме последнего раза, когда она сняла с головы покрывало и закутала его. И вот тогда пророк (да благословит Бог его и род его!) встал и, осознав познанное, произнес: «О закутанный! Встань и предостерегай» [7]. Он обратил к Хадидже призыв свой: «Нет бога кроме Бога, и Мухаммед — посланник его», и она сей призыв признала.

Это случилось в понедельник, а во вторник он призвал Али бен Аби Талеба к покорности и признанию. Он (Мухаммед.— *А. С.*) сказал ему: «Скажи: нет бога кроме Бога», и тот повторил: «Нет бога кроме Бога».— «Теперь скажи: Мухаммед — посланник Его».— «Хорошо, но дай мне посоветоваться с отцом».— «Вот ты и сделал, что требовалось; такова вера твоя». На это Али ответил: «Если такова моя вера, то я должен был сказать: Мухаммед — посланник Бога, в него верую».

Поэтому, если есть некая форма (которая сообщает о не[материальных] силах, так что дело обстоит противоположным образом, нежели тогда, когда она (душа.— *А. С.*) улавливала ее в сущем, для чего воздействовала на свою самость, принимая отвлеченные от своих материй формы, обновляя и сохраняя их в свой самости, а затем получала знания, представляя вне ее находящиеся тела и влияя на оные), самостная форма, речь коей представима и постижима (так что душа тогда может самостно воздействовать представлением на их (тел.— *А. С.*) самости и получать от оного [действия] форму и запечатлевать ее в своей самости), то это доказывает правильность представленного и запечатленного. Ведь точно так же, когда представляющий хочет познать нечто через определение, он должен целиком обратить определение, и если смысл изменится, значит, определение неверно, а если оно приемлет обращение и смысл не меняется, то оно правильно. Например, определение тела гласит: тело — это то, что имеет длину, ширину и высоту. Если его перевернуть, получится: все, что имеет длину, ширину и высоту, есть тело. Здесь первоначальный смысл не изменился и ничто из него не утрачено; он верен, и определение тела именно таково. Или, например, мы в качестве определения человека возьмем такое: человек — это живое [существо]. Обратив его, получим: любое живое [существо] — человек. Это определение неверно: не всякое живое [существо] — человек, ведь собака тоже живая, но она — не человек. Если же мы скажем: человек — живое,

глаголящее, воскресающее [существо], то, обратив это определение, получим: всякое воскресающее, глаголящее и живое [существо] — человек. Это высказывание истинно, так как отсекает все, что не подпадает под определение человека, и сохраняет все, что с ним должно быть связано; и он (человек.— *А. С.*) — глаголящий, ибо это — от Господа миров, ни от кого другого.

Ведь душа может под влиянием своей смеси представить нечто, что лишено всякой истинности, как то бывает с умалишенными или одержимыми бесом. Ей может также (о чем уже говорилось) представиться такое, что будет истинностью для того, чему случилось быть в ее самости не от ее смеси или сенсибельного сущего, но как чистому смыслу, постигнутому на высшей ступени внушенного откровения. На этом основании поддержанного [небесами] пророка можно отличить от сумасшедшего; не понимая этого, не признающие пророков (мир им!) люди утверждают, будто те — сумасшедшие.

И вот, узрев на высшей ступени внушенного откровения такую целокупность, душа ждет, что она будет разъяснена в другом внушенном откровении, ступенью ниже оной. Поэтому и сказал Всевышний: «Не спеши читать Коран прежде того, как кончится откровение его тебе» [8]. Так Он наставлял и научал, что внушенное откровение дается не в одном, а во многих ликах: не торопись объяснять то, что целокупно ниспослано тебе на высшей ступени внушенного откровения, «прежде того, как кончится откровение его тебе», то есть пока в другом его лике не получишь Наше приказание, кое даст тебе силу объяснить и растолковать его, «и говори: Господи, умножь мои знания» [9] — то есть моли Господа своего, Коему подвластно все, умножить твое знание божественного. Тогда, быть может, он (Мухаммед.— *А. С.*) и остановился, следуя ниспосланному в этом аяте наставлению и поучению и ожидая, пока не придет к нему другое приказание, дабы иметь полную уверенность. Как сказал об этом Всевышний: «Посланник! Передай что открыто тебе свыше Господом твоим; если ты не сделаешь этого, то ты не передашь того, что послано Им. Бог защитит тебя от людей» [10]. Это доказывает, что внушенное откровение было ниспослано ему раньше, чем было приказано его передать, и до того, как в том ему была обещана защита. Ведь Он сказал: «Посланник!» — то есть тот, кому мы

даровали совершенство прежде Воскресения, с кем воссоединили дух Святости и сделали посланником, в свой час воскрешенным, «передай что открыто тебе свыше Господом твоим»,— разъясни последователям своим ту обязанность послушания владыкам, которые придут после тебя, каковую обязанность целокупно ниспослали Мы тебе во внушенном откровении, сказав: «Верующие! Повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланнику сему и владыкам среди вас» [11],— разъясни ее так же, как разъяснил и растолковал прочие обязанности. «Если ты не сделаешь этого, то не передашь того, что было послано Им»,— если ты не разъяснишь своим последователям, кто будет замещать тебя после твоей кончины (ведь твой заместитель будет сохранять установленный порядок (*'амр*), и ему люди будут демонстрировать послушание в поклонении), то нарушится сей порядок, распадутся узы тобой основанных и установленных законов поклонения действием и распространятся среди людей душевные болезни. «Бог защитит тебя от людей»,— если опасаешься, что люди отойдут и отвернутся [от тебя], то не бойся: [божественный] промысл дарует тебе удачу и сохранит твой народ после тебя, и никто не в силах будет помешать тебе и Нам.

Итак, поддержанная внушенным откровением душа, обладающая ниспосланными ей на высшей ступени сего откровения целокупными [знаниями] (*'умӯр куллийа*), нуждается, дабы объять все «как» и «когда», к ним относящиеся (а также для того, чтобы знать своих последователей), в том, чтобы увидеть отпечатки (*'āṡār*) их (целокупных вещей.— *А. С.*) в [сущем], определившие «сколько», «как», и «когда» (каковое [сущее] есть иное, нежели то, что постигнуто во внушенном откровении), дабы оные осветили ей путь к этому познанию. Точно так же, познавая интеллигибельное, она нуждается в свете внешних интеллигибельных вещей (кои суть иное, нежели сенсибельное), дабы он осветил ей постижение воплощенности сенсибельного (о чем мы уже говорили), причем она здесь начинает с сенсибельного и кончает сенсибельным.

В этом отношении душа — точное подобие трута. Ведь хотя искра огня, попадающая на трут, сама по себе обладает и огнем, и светом, однако труту, чтобы осветить все вокруг себя, необходимо еще нечто (скажем, сера или что-то в том роде), благодаря чему сей огонь стал бы светоносным и выявил для глаза истинные цвета и фигуры окружающих

вещей. Так же и сенсибельное сущее с отпечатками воздействия и явленными в нем отпечатками [пророческого] произведения, будучи освещено огнем внушенного откровения, проясняет душе истину целокупных знаний,— точь-в-точь как сера.

Вот что относится к вопросу о соединении с миром Единства и принятии [его воздействия].

Что касается внушенного откровения, то этим словом обозначается то, что познается целокупно, без разъяснения *(тафсӣр)* и частностей *(тафṣӣль)*. Оно бывает двух родов: познаваемое непосредственно и познаваемое при посредстве сенсибельного.

Откровение без сенсибельного посредника являет собой величайшую драгоценность. Оно дается душе приходящим к ней через ангела светом мира Святости, что мы уподобили огненной искре; это — высшая из всех ступеней знаний.

Откровение, познаваемое через сенсибельного посредника, двух видов. Одно — особое, познаваемое чрез форму, исключительно дарованную воскрешенной душе: одна она, и никто другой, постигает сию форму чувствами. Например, ей может предстать ангел как некая форма, если ее самости внушены *(ваḥй)* извне (как мы о том говорили) отвлеченные от материй целокупные смыслы. Тогда она видит эту форму и разговаривает с ней, другие же не видят и не ощущают ее. Это и есть воображение *(ḫаӣль)*.

Второе же — познаваемое в том, что поддержанная воскрешенная душа постигает сенсибельно наряду с другими [людьми], однако одна она (и ее последователи) постигают все заключенные в том знания. Так познаются отпечатки мудрости и [пророческого] произведения (со всем, что тому необходимо-присуще или привходяще), сущие в сенсибельном, кое самостно глаголет (пусть оно и молчит), об оных отпечатках возвещая (пусть даже оно уст не размыкает) и с ними знакомя (хоть их и не знает). Это и есть раскрывающее откровение *(фатḥ)*.

Этот вид откровения распадается на многие, общим числом сорок шесть, как то передают со слов пророка (да благословит и приветствует его Бог!). Среди них намек *(ишӣра)*, символ *(рамз)*, уподобление *(ḍарб аль-амṡӣль)*, [определение] судьбы *(ḫаззъ)*, вдохновение *(ильхӣм)*, видение *(ру'ӣ)*, гадание по полету птиц, фигура, цвет, состав, речь, число, движение и вообще все самостные состояния

любого сущего, живого и мертвого, субъекта *(ḫӣмиль)* или предиката *(маḥмӯль)*, и так далее.

Все эти виды откровения суть внушение *('ӯḫӣ')* поддержанному воскрешенному со стороны Творца их, Господа миров, Господа небес и земли и того, что между ними, о коем мы говорили вскользь, сути не касаясь, представив как бы видение *(ру'ӣ)* и подобие оного. В этом отношении различны достигшие сей ступени границы и помощник их — чистая душа: одни богаче, другие беднее, смотря по тому, какова способность каждого к принятию, какова преданность и дарованное счастье.

Все эти отдельные виды откровения и объединяющее их, уже упомянутое нами, определение суть целокупные знания, прекраснейшие сведения, заключающие в себе смыслы неявные и неоткрытые.

Среди природного сущего это можно уподобить яйцу. Яйцо — это потенциальная птица (с крыльями, лапами, клювом и перьями). Известно, что все это есть в яйце,— однако же оно скрыто и чувству может быть явлено только благодаря тому, что схоже с истолкованием видений и подобий, кои обладают явленными чувству смыслами. Или же, скажем, кто-нибудь видит издалека блеск меча или развевающиеся складки одежды и так узнает в общем и целом, что за их движением стоит человек. Это знание верно, однако тут основное скрыто,— ведь неизвестно, кто размахивает мечом или шествует в одеянии: негр, турок или еще кто-то, мужчина или женщина, пеший или всадник, умный или невежда, один он или с компанией и так далее. Все это можно узнать лишь благодаря чему-то иному, что будет схоже с истолкованием, выявляющим смысл подобий и видений, а именно, приблизившись к тому человеку и постигнув все это чувствами, либо услышав то от кого-нибудь другого, кто передаст это знание.

Все эти разные виды [откровения], по ступеням коих распределены люди, может полностью объять и охватить лишь тот, кого особо выделил Всевышний и поддержал высшей ступенью внушенного откровения. Мы уподобили ее искре, освещающей благородную душу светом Святости, который приходит извне и соединяется с ней; он для нее то же, что свет для глаз, благодаря коему они постигают истинные цвета и фигуры; он — предел всякой силы. В этом охвате всех видов [откровения] никто не соучаствует с той

благородной душой; один за другим обнимает она их, пока не останется ничего не объятого.

Все это — как ясная речь, распадающаяся на три части; о сих частях сказал Всевышний в Писании Своем: «С человеком Бог не говорит иначе, как только чрез откровение или из-за завесы; или посылает посланника, и, по Своему изволению, открывает ему, что хочет» [12]. «С человеком» — с тем, кто избран в царстве Природы и воскрешен, чтобы прочих сыновей своего рода и своей веры (людей, кои благодаря установленным для того согласно известной мере орудиям обретают существование) учить единобожию, единству Всеславного Господа миров и поклонению Ему, «Бог не говорит», то есть ведет речь *(каля̄м)*, а она — разум: тому, кого Бог избрал, чтобы говорить с ним и сделать чрез речь воскрешенным совершенным разумом, не дана была та речь, которую ведут ясно и открыто люди, говоря друг с другом о частностях *(джуз'ийа̄т)*, от коих поднимается он к познанию целокупных вещей *(куллӣйа̄т)*,— сие отрицается, ибо сказано «не говорил»; «иначе, как только чрез откровение»,— а это уже утверждение, пришедшее после отрицания, утверждение внушенного откровения, кое является первой частью [из трех]. Оно известно под именем великого избранничества *(джадд)*. Сим говорит Он: Мы научим его, просветив светом Святости субстанцию его, так что в его самости наяву заискрятся те формы, кои суть целокупные знания, подобно тому, что видит он во сне, и что связано с существами и событиями, время которых минуло или еще не пришло, и что нуждается в чем-то другом, посредством чего раскрылись бы частности и явилось бы их разъяснение. «Или» — разделительный союз, «из-за завесы» — как бы из-за подобий и воздвигнутых ради известных целей вещей, что суть как письмена, направляющие знающего сию грамоту к тем своим смыслам, кои в них содержатся, каковые смыслы взывают к нему (даже если молчат) и с ним говорят (даже если рта не раскрывают). «Или» — разделительный союз — «посылает посланника» (сие — часть третья, известная под названием воображения), то есть научает его чрез воображаемое, кое предстает пред ним в образе обычного человека [13] благодаря той силе, что приходит к нему из царства Святости (каковое воображаемое есть ангел), либо глаголом чрез слух, либо во плоти, представ перед очами.

Таковы сии три вида, кои сбирают все виды божественного научения: иногда чрез первый, иногда чрез второй или третий, или чрез несколько сразу, или чрез какую-то сторону одного из них, смотря по силе его (научающегося.— *А. С.*).

Что касается первой части, а именно внушенного откровения, дающего знание основ *('усӯль)* (его мы уподобили искре огня) и известного как великое избранничество, то оно приходит к поддержанному [небесами] и наяву, и во сне. Он либо видит в самости своей некое существо, к нему с речью обращающееся, или же слышит одну речь (вроде нашептывающего голоса какого-то духа). Тогда он постигает все, что в душах людей, и узнает их верования и убеждения. Это дается ему как целокупное; так, к примеру, утверждена в целом обязательность молитвы и очистительной милости речением Всевышнего: «Совершайте молитву, давайте очистительную милостыню» [14]. Это — целостность не разъясненная. Или же, скажем, кто-нибудь видит во сне, что ему досталась пшеница или пара обуви. Это значит, что он скоро разбогатеет или встретит красивую женщину. Однако каким именно образом достанется то богатство и сколь оно велико, и что это за женщина, и насколько она красива, и какова нравом — узнать все это можно благодаря другим вещам, например, если известно, какого цвета обувь, сколь она хороша, ношеная она или новая; так же и о богатстве можно узнать, как именно достанется оно ему: заработано будет или кем-то подарено, и сколь велико будет, известной ли суммой исчисляется или неограничено — и тогда все будет выяснено. В сей части никто не соучаствует воскрешенному поддержанному своего времени.

Что до второй части, а именно речи из-за завесы, то есть раскрывающего откровения, то оно проистекает от отпечатков божественного устроения в сущем. Это — как божественная речь, запечатленная в подобиях и примерах, как то было внушено ему (Мухаммеду.— *А. С.*): «Подобие доброго слова — доброе дерево» [15], и как сказал Всевышний: «Бог есть свет небес и земли» [16], и прочее; это — как божественная речь, льющаяся от самостей сущего и раскрывающая отпечатки [божественного] произведения. Сказав: «Истинно, в сотворении небес и земли, в смене ночи и дня... Сохрани нас от мук в огне» [17], Всевышний указал, что

небеса, земля и то, что между ними, говорят с размышляющим о сущих в них отпечатках мудрости Всевышнего и что размышляющий об этом ведает их самостную речь и знает, что ею утверждают они Его, Всевышнего, и что Он не напрасно сотворил их. Ведь сущее, о коем размышляет размышляющий (а сие сущее проникнуто отпечатками [божественного] устроения), как бы говорит с ним, и так он (в зависимости от того, сколь силен в принятии светящего ему в этом света) получает от этого сущего знание обо всем.

Первое из сего знания — утверждение единобожия: самостно глаголя о сущих в нем отпечатках [божественного] произведения и устроения, сущее свидетельствует, что у него единый Создатель. Далее — утверждение ангелов, сему сущему в бытии предшествующих: глаголя о своей самости, коя есть тело, сие сущее свидетельствует, что оно не сотворено (когда бы было первым в бытии) и что сотворенное Всевышним — иное, сему сущему предшествующее, служащее ближайшей причиной его бытия, а именно Приближенный Ангел. Далее утверждает оно, что не является истинной целью [творения], ибо не есть конечное в бытии (когда было бы подобным сотворенному Всевышним изначальному). Далее утверждает оно ступень пророков и посланников от Всевышнего Бога, ибо сущие от него люди ради обеспечения интересов своих нуждаются в учителе, который передал бы им знания от Всевышнего (как о том уже говорилось) и научил прочему. Узнав все это, люди соблюдали бы должное, повинуясь Всевышнему, и понимали бы, что все это сотворено не напрасно и существует не просто так, но согласно истине и мудрости.

О сем свидетельствует истолкование этого аята. «Истинно» — так начинается сей аят, и это слово утверждает необходимость всего, что дальше говорится. «В сотворении небес и земли» — в установлении пророков и заветников, а меж оными — границ, кои в религии суть как бы небеса и земля, «в смене ночи и дня» — и в незыблемости обрядов обоих поклонений, явного и скрытого, кои в религии суть как бы ночь и день и коими стяжает верующий поддержку и вечное пребывание в раю, «есть знамения для обладающих рассудительностью» — есть все то, из чего обладатели Божественной благодати и их последователи познают, в чем благо для души, а в чем — зло, в чем совершенство и в чем — ее ущербность в делах религиозных и мирских, «для

тех, которые понимают Бога»,— таковы «обладающие рассудительностью», следующие Божьему приказанию и остерегающиеся греховного и запретного, а именно глаголящий и другие, «стоя, сидя» — в состоянии обоих поклонений — явного деянием и скрытого знанием, «и лежа» [18] — и во всех своих состояниях, кои суть само поклонение, и они не оставляют установлений Всевышнего, но во всем руководствуются Божьим приказанием, поминают Его и Ему следуют, «и размышляют о сотворении небес и земли» — и задумываются о явленных отпечатках [божественного] произведения, об их «как», дабы обрести твердую уверенность, что их «когда» суть ступени научающих и руководящих границ, и оным воспоследовать, «[говоря]: „Господи наш! Ты сотворил это не напрасно“»,— размыслив о том, почему и с какой целью созданы небеса и земля, сотворены люди и среди оных поддержаны посланники, научающие, путеводящие и призывающие, они постигают истину сего и восклицают: «Господи наш! Сих границ и посланников воздвиг Ты не напрасно, и послал Ты их не напрасно, но по истине и по праву; нам же уготованы награда и наказание, рай и пламень, «хвала Тебе! Сохрани нас от мук в огне» — сие мольба их: просвети и наставь нас, дабы стяжали мы то, что спасет наши души от гибели, и нет для нас силы и нет мощи иначе как чрез Тебя.

О том же говорит и истолкование речения Всевышнего: «Неужели не ходили они по земле и не было у них сердец, чтобы уразуметь?» [19] «Неужели не ходили они по земле» — неужели не знали они о призыве к поклонению знанием и науках его — приюте разумов, неужели не заручились покровительством обретших поддержку, сей призыв хранящих, «и не было у них сердец, чтобы уразуметь» — и не было у них поддержанных небесами, кои для людей — как сердце для тела, и не могли они научиться у них поклонению и наукам единобожия, «или ушей, чтобы выслушать» — или преемников поддержанных [небесами], таких как худджи, кои научили бы их и от коих получили бы они знание своих религий, если не дошли они до самих поддержанных [небесами], «ведь не слепы очи их» — это о поддержанных [небесами], кои суть как бы очи людей, знания им приносящие (как о том сказал Всевышний: «Помяни рабов Наших Авраама, Исаака и Иакова, обладателей дланей и очей» [20] — так выделил Он их из всех людей как облада-

телей дланей и очей, хотя, как известно, у всех людей есть руки и глаза), и о ниже их стоящих преемниках их в религии, то есть границах: не слепы очи их, ведущих к истине в религии, «но слепы сердца, кои в груди их» — но расстроены очи спесивцев, от поддержанных [небесами] отошедших и верховенство в религии себе приписывающих: они гибнут сами и губят других, и не могут самостно узреть, в чем заключено благо их религии. Это подтверждает речение Всевышнего: «...так будет потому, что Бог — покровитель верующим; а неверным нет никакого покровителя» [21],— у верующего есть покровитель от Бога благодаря вере его и тому, что заручился он покровительством поддержанного [небесами], поставленного, чтобы руководить им, а у неверующего нет учителя и покровителя в истинной религии Божьей, ибо он не верит и отрицает макам поддержанного [небесами], поставленного для научения.

Все эти (а также им подобные) виды [откровения] суть речь, знания дающая и научающая. Как извлекают знания через небесные тела, из отпечатков [божественного] произведения, так же получают их и чрез порождения. Например, в растении (или дереве) на природу его указывает внешний вид и плод, цвет и запах, а также то, тверд стебель или гибок, обладает ли оно качествами жара или влажности, или холода, или сухости (или наоборот), сладко оно или горько; тем, сколь зелено оно, указывает растение на то, мало или много пьет воды, а свежестью и силой своей — на качество почвы, в которой растет,— все это узнается по нему. Или, скажем, человек своими словами или делами может указывать на что-то, сам того не зная. Например, кто-нибудь хочет вспомнить аят Корана и не может, и как ни старается, ничто на ум не приходит. Вдруг слышит он, как кто-то произносит этот аят, и перенимает его, а чтец и не знает, что прочитал этот аят для сего человека (поэтому сказал пророк — да благословит Бог его и род его: «Да будет благословен тот, кто услышал мною сказанное, запомнил и передал тому, кто не слышал: быть может, тот, кому передаст он мои слова, более понятлив, нежели сам он» [22]). Или, скажем, кто-нибудь сам с собой о чем-нибудь разговаривает или размышляет, или призывает и вдруг услышит в словах другого человека ответ на то, о чем думал (либо прямой ответ, либо косвенный, если будет сказано то, от чего как от начала можно прийти к требуемому предмету размышления ответу). Так же, увидев, что орлы собираются в каком-то месте, можно узнать, что там есть мертвые тела, самих тел не видя. Поддержанный [небесами], которому светит свет царства Святости, обладает всеми подобными знаниями, а кроме него того не ведает никто.

Что касается третьей части (а именно: ниспослания посланника, который предстает, например, в образе обычного человека и познается воображением), то это не содержит ничего неясного или неразъясненного; и никто, кроме поддержанного [небесами], не видит его, благого духа, именуемого Гавриилом [23].

Одним словом, поддержанный [небесами] постигает все вещи соответственно тому, сколь дано ему религиозных знаний и того, что с ними связано, и ничто не ускользает от него, будь то даже писк комара или чего-либо ничтожнее его [24]. Он видит вещи наяву так же, как видит их в сновидении спящие души, оставшиеся наедине со своей самостью. Направляя мысль свою, куда пожелает, он видит, как оное возвращается в его самость; он освещает тех, кто к нему прибегает, светом царства Святости; и воздвигаются формы, пред ним представая и к нему с речью обращаясь. Так приходит к нему внушенное откровение. Тогда он говорит с приближенными ангелами, и они говорят с ним, ибо он подобен им по самости в своих совершенстве, воскрешенности *(инби'āс̣)* и освещенности [светом Святости]; и если, таковой достигший [совершенства] говорит с Высшей Границей. Это — то состояние, которое может идти за возвещенным им до того, как ниспосланные *(танзйль)* будет отменено внушенным откровением.

А прерваться состояние внушенного откровения может только из-за вмешательства природных помех, если, скажем, душа, находящаяся в мире Природы, не освобождена [от влияния тела] и смесь накладывает на нее свой отпечаток. Тогда от такого человека бывает скрыто истинное существо дела. Поэтому и сказал Всевышний: «Не посылали Мы до тебя никакого посланника или пророка без того, чтобы, когда он предавался мечтам, Сатана не бросил в его мечты чего-либо; но Бог стирает то, что бросает Сатана, и утверждает Свои знамения: ведь Бог — Знающий, Мудрый» [25]. Всевышний говорит: «Не посылали Мы до тебя никакого посланника или пророка» — то есть каждому пророку или посланнику, коего поддерживали Мы светом

Святости, из-за смеси его (благодаря коей существует его душа) воображалось нечто под влиянием его природы, и он предавался мечтам, «и Сатана бросал в его мечты что-либо» — и это отклоняло его от правильного, ибо смесь в согласии с Природой вызывает то, что обусловлено чувственной ступенью души, но Всевышний уничтожает это неправильное светом внушенного откровения, коим Он поддерживает поддержанного, и тот постигает сие, «утверждает Свои знамения» — и исправляет Бог внушением речения Своих угодников (кои суть знамения и знаки Его) и утверждает их (как, скажем, сказал Всевышний: «Они спрашивают тебя о добыче; скажи: добыча в распоряжении Бога и Его посланников» [26], что означает, что все принадлежит Богу и посланнику, каковое речение отменено речением Его: «Знайте, что из всего, что ни берете вы в добычу, пятая часть Богу, посланнику и родственникам его, сиротам...» [27], ибо в сем речении, словам упрямцев предел ставящем, истинная правда, а не в первом, пред речами отступников двери отверзающем).

И вот, когда субстанция души освещена сими божественными материями, она, величавая, способна все то, что существует в абстрактной мысли *(вахм)* и чего непреложность вытекает из [божественной] мудрости [28], представить чувству как для оного постижимое и свершающее действия, людей изумляющие и смущающие, поскольку это превышает обычные человеческие силы. Однако сия душа такова, ибо пред ней отверзлись все двери знания и она объяла то, что никто кроме нее не объял; и вот ей подчиняются все тела, ибо ей удается собрать их, опираясь на все то, что в них есть, дабы осуществить искомое. Тогда они становятся для такой души орудием, и сей [поддержанный небесами] свершает все, что считает необходимым для управления, соединяющего счастье в религиозной и мирской жизни. Он для них (тел.— *А. С.*) — как душа для тела, сбирающего разнообразные орудия, коими свершаются явные действия и кои не могут ее ослушаться, как, например, рука не может воспротивиться ей, если надо что-то взять или дать, или глаз не может не видеть и не постигать сенсибельное, если она того захочет, или же ухо (которое менее всех других внешних орудий способно повиноваться приказанию двигаться), или же нога, которая, не сопротивляясь, движется, если душа хочет привести ее в движение, или даже пальцы ноги.

Сия душа воздействует на тела и использует их таким образом, что, если хочет предпринять что-либо, находит, что небеса и земля и то, что между ними, помогают ей свершить это действие (так же, как воздух летом оказывает белильщикам тканей, прачкам и делателям бумаги помощь в главном, чем свершается их действие, ибо быстро высушивает влагу, коя препятствует им в их деле, а также и банщикам, помогая им легко и с наименьшим расходом топлива нагреть свои бани) благодаря дарованной ей благодати Всевышнего и величайшего имени Его, на коем воздвижен столп *(кутб)* пророчества, благодаря свету Его, корону могущества [на поддержанного небесами] надевающего.

Тогда способна сия душа свершать неодолимые чудесные действия; а свершаются они благодаря проникновению в сущее сил тех материй, что со всех сторон соединяются с поддержанной душой, приходя из царства Святости. Тогда сущее повинуется ей так же, как тяжелое неподъемное тело повинуется человеку, знающему, какие надо использовать орудия, дабы легко поднять и перенести его; как тяжелое железо повинуется притягивающей силе магнита, самостно двигаясь без всякого двигателя; как утихают боли, повинуясь заговору; как клопы, мухи, крысы и им подобные твари послушно сбегают, если сделать из минеральных тел их изображения и придать им известное положение; как цыплята вылупляются из яйца, повинуясь человеку, знающему, кем заменить наседку; как повинуются душе телесные орудия — внешнее ее продолжение; как строптивцы подчиняются мудрости и повинуются словам и речам.

Тому среди природного сущего много прочих примеров, людям хорошо известных и существованием своим доказывающих непреложность того, что выше и больше их и что разумам постичь куда труднее. Во всех этих примерах природное сущее уподобляется тому, что поддержанная душа способна свершить благодаря божественной силе, когда свет ее разливается в сущем. Она, например, может вызвать тучи, гром, ливень, молнии и огонь, как о том сказал пророк (да благословит Бог его и род его!), разогнавший диспут грозовым облаком: «Если они станут оспаривать мои слова, Бог потопит их в огне» [29]. Ведь он согласился на диспут не для того, чтобы вызвавший его противник остался при своем и не было бы никакого явного доказательства, кто прав, а кто нет. Он выходил, чтобы явить знамение, ясно

свидетельствующее, что он прав, а другие нет, и это знамение — огонь, изливаемый Богом на противников его, как о том сказал сам пророк (да благословит Бог его и род его!),— а иначе и не было бы ему смысла участвовать в диспуте, если бы не стало известно, что слова его истинны. Или же, к примеру, огонь, нисходивший с небес к людям прежних вероисповеданий, чтобы принять приносимые ими жертвы.

Все это — вещи скрытые, которые зенице *(басы̄ра)* разума может явить только свет поддержки, из царства Святости исходящий и с воскрешенным соединяющийся, как то предначертано. Поэтому сей ступени никто не достигает собственными усилиями, но только благодаря дару, соответствующему предразмеренной мудрости, и поэтому же кудесничеству и магии и всем им подобным действиям и премудростям, имеющимся в природных вещах (а все они суть точные и скрытые от непосвященных науки) можно научиться благодаря собственным усилиям и старанию [30].

В целом, даже если кудесник *(муша'виз)* относится к высшему классу душ, его знание — природное, которому можно обучиться и которое можно стяжать, и он, а также маг *(са̄хир)*, могут творить удивительные вещи, но они не воссоединяются с царством Святости, сие царство не освещает их и они не идут по пути обоих вероисповеданий. Так, они могут, используя известные им приемы, превратить лотосовые листья в звонкую монету или убить животное и тут же оживить его на глазах людей, без всякого обмана чувств. Но все это неудивительно для воскрешенного, коему дарован свет, коему светят все знания. Наделенный изумительной мощью, он может произвести куда более великое и высокое — ведь и среди ступеней душ он занимает самую высокую и благородную. О нет, нельзя не видеть — ведь это ясно и непреложно,— что правдивы начала его и концы! И все это знание хранится поддержанными [небесами]; они безраздельно им обладают, не допуская к нему никого, кроме Приближенного Ангела, пророка, посланника или такого верующего, сердце коего испытал Бог.

Разница между деяниями поддержанного [небесами] и пророчествующего кудесника состоит вот в чем. Чудо (то есть деяние воскрешенного) никто не способен повторить

иначе, как благодаря божественному свету, с ним из царства Святости соединяющемуся: оно связано с иным, а не с его (человека.— *А. С.*) самостью, тогда как кудесничество (то есть деяние кудесника) может повторить всякий, ибо оно связано с его самостью, с его усилиями и его устремленностью к обучению и получению нужного знания (возьми, к примеру, умения Ибн аль-Умейды и прочих, ему подобных).

А кроме того, величайшим чудом, явленным посланниками (мир им!), мы считаем тот факт, что принесенные ими от Всевышнего Законы, слитые с религиозными обрядами, соответствуют творению Преславного и уравновешивают оное. Сие величайшее свидетельство! Вот оно, чудо несомненное, на которое не способен [31] пророчествующий прорицатель, сколько бы ни старался. Если же чудо не закрепляет явленных деяний, когда бы они предстояли взору еще спустя некоторое время после того, как были явлены, то таковое нельзя считать правдивым и верить, что действительно от Всевышнего творец сих деяний принес законы, обряды и уложения и божественные книги, предписывающие и воспрещающие, принуждающие и удерживающие. Но если все это равновесно творению Всевышнего и оному соответствует и с ним согласуется, не пропуская в нем ничего, что призывает к исправлению души и стяжанию добродетелей и совершенства, то сии действия его правдивы и проистекают от божественной силы, а сам он — воистину воскрешенный.

Пророчествующий же, сколько бы ни старался ввести людей в заблуждение и скрыть свой разрыв с вервием [Бога] [32] и непорочностью (для чего и производит, как мы говорили, превышающие человеческие силы природные явления), ему это не удается. Все равно становится ясно, что не способен он подражать Всевышнему и Преславному Богу, Его речам и делам и призыву Его — ведь сие ведомо только тем, кого Бог чрез поддержку Свою ознакомил с сим; эта ущербность и показывает подлинные способности его. К примеру, Дисан и Ибн аль-Мукни являли таковое в Хорасане, выпуская на небо луну, которая светила в определенные промежутки времени. Творили они и прочее, но никто из них не смог представить ничего, что находилось бы в равновесии и взаимном соответствии с тем, о чем они говорили, и тем доказать, что действительно принадлежат к

поддержанным [небесами]. Так стало ясно, что они — лжецы, других в заблуждение вводящие.

Ведь в целом сии действия в самом деле проистекают от знания души, однако она в данном случае движима *(мунба'иса)* своей смесью: ради нее она действует и старается. Такое действительно бывает, но обладатель подобной души далек от единения с [миром] Святости и вовсе не занимает ступень воскрешенной царством Святости души, каковая душа действует самостно и бережет свое совершенство не ради выгоды удовлетворения проистекающих от ее смеси капризов и прихотей. А таковое является счастьем, распадающимся, как мы говорили, на счастье мирское, обладатель коего получает искомое в дольнем мире (как Муавия, Язид и прочие), счастье загробное религиозное, обладатель коего стяжает искомое для души своей в ее загробной жизни (как, к примеру, Омар бен Ясир и Абу Зирр аль-Гафари — мир им обоим!), и счастье совокупное, обладателю коего Бог дарует и в мире дольнем, и в мире загробном, каков, к примеру, воскрешенный, поддержанный [небесами], коего Бог наделяет благодатью Своей, ибо он — предел совершенства, верх добродетелей и опора всякого счастья.

При этом добродетели ангелов (кои суть вне[природные] Разумы в царстве Святости — [Первое] Сотворенное, Первая Эманация и прочие ангелы, прославляющие и восхваляющие, изначально сущие) вовсе не таковы, как те, что в царстве Природы и стяжания считаются добродетелью для воскрешенных. Ведь об этих ангелах нельзя сказать, что они мужественны, целомудренны или честны, щедры, правдивы или справедливы, или обладают прочими добродетелями, принадлежащими природной душе. Все подобные вещи дают природной душе ту добродетель, которой эти Разумы обладают в силу своей извечности и пребывания, потому, что они удостоены близости и нет между ними и Всеславным Богом посредника, и этому они радуются и ликуют, будучи поддерживающими причинами всего, от них сущего, такими, которые не знают порчи, превращений и изменений. Эти Разумы не были в царстве Природы и не обладали такими вещами (когда бы благодаря оным обрели то, чем единолично владеют), и существуют они не благодаря им (когда бы их, эти Разумы, следовало отнести к тому, чему что-то предшествует [в бытии]).

Однако такие вещи считаются добродетелями потому, что являются причинами обретения счастья (каковое счастье и есть добродетель сих благородных и изначальных существ) и делают душу гордой и неприступной, так что она всячески противится тому, чтобы погибнуть или опуститься и погрязнуть в пороках, и устремляется к вершинам величия, ища и обретая покрывало могущества — божественные знания, стяжая так, как мы то показали в «Короне разумов».

Воскрешенный поддержанный [небесами] сбирает все природные добродетели, каковые суть причины обретения вечного счастья. При этом он являет собой предел всех этих добродетелей: он понятлив и восприимчив [33] к малейшим подсказкам и намекам (и уж тем более к тому, что говорится или преподается прямо); хорошо запоминает все, что различает око и сердце или слышит ухо, проявляя в этом величайшую проницательность и живость ума, ибо для постижения ему достаточно малейшего и наименьшего; он искусен и точен в выборе слов и в немногих выражениях донесет до слуха тончайший смысл; красноречив и выразителен и способен направить других к счастью и деяниям, коими достигается совершенство; отличается прекрасным телосложением и выносли в и искусен в боевых действиях; от природы способен черпать знания везде и во всем: от живого знающего или незнающего, или неживого [34], наблюдая их движение и покой и каковы они или внимая их речам и словам; в нем найдешь врожденную здравость и склонность к добру, он свободен от пороков — алчности и ненасытности, невоздержанности в еде, питье и связях с женщинами, склонности к пустым забавам и развлечениям — одним словом, в нем нет ничего, что препятствует душе обрести счастье. Он великодушен, благороден и справедлив, ему ненавистны жестокость и произвол. Он целиком отдается поклонению, во всем для души полезному, и от природы не приемлет ничего низкого и порочного. Он смел и отважен, и его ничто не испугает в борьбе за правое дело. Ведь Святой огонь озарил субстанцию его души: в эмпиреях Святости, взирает она на внизу лежащий мир религии, и с ней связано бытие и счастье [обычной] души. Таково же золото, получившее в удел свет солнца в избытке: оно самое благородное из минеральных тел, благодаря ему одному течет мирская жизнь людей и движутся дела их. Такова же

и пшеница: будучи наделена умеренностью *(иʿтидāль)*, она питательнее прочих злаков, и от нее зависит поддержание жизни тела.

Потому сей поддержанный [небесами] идет впереди всех [людей], и все [люди] следуют за ним. Во всех деяниях своих, во всем, к чему он призывает и что без устали и изъяна осуществляет, он являет совершенство, дарованное ему царством Святости, дабы, все предразмерив и расположив, к искомой цели дело благополучно привести. Поэтому он непорочен: ничего дурного в нем не найдешь. Такой не может не быть достигшим полноты, поддержанным и добродетельным. И прилепляются к нему и следуют за ним одни добродетельные, а отходят от него и ему противодействуют только развращенные и низкие блудодеи. Ведь если кто-то с ним имеет соотнесенность, то в этом он с ним схож и близок, если же расходится, то он в том от него далек и несогласен; а коль скоро тот, кому следуют, благой, то и согласные с ним последователи его благие, а о противниках надлежит сказать обратное.

Точно так же прилепившиеся к счастливому воскрешенному и избранные сподвижниками его суть сосуд его благости и врата его мудрости. А число тех, в ком такой воскрешенный нуждается, дабы утвердить дело Бога, не превышает двенадцати, ибо они для него то же, что двенадцать для сущего макро- и микрокосма. И вот при каждом посланном пророке находилось такое число: при Моисее (мир ему!) было двенадцать наместников *(нақīб)*, и при Иисусе (мир ему!) — двенадцать наместников и апостолов, и при Мухаммеде (да благословит Бог его и род его!) — двенадцать сподвижников. И до того у Адама, Ноя и Авраама было по двенадцать человек — носителей их знания, их дело осуществлявших и свет их мудрости приемлевших.

У каждого из них — высокая ступень, видное положение и право. Но ступень выше прочих занимает и ближе всех к нему [35] по рангу тот из них, кто более других имеет с ним сходства и соотнесенности в тех добродетелях, коими отметил его Всевышний, лучше прочих приемлет его приказания и запреты и откликается на беды его и радости, кому даровано больше других из того же, чем наделен и тот, кто более других достоин стать его преемником и кого сам обладатель оного положения таковым назначает. Благодаря наставлениям и поучению его такой [преемник] сбирает все, что необходимо, дабы после него управлять народом своим и закалять его [в горниле религии]. Ему, многомудрому, ведомы все те установления, что тот принес народу своему, и он сохраняет все многообразные законы оного. Во всем он поступает так, как тот повелел, и ни в чем от этих повелений не отступает; он рассудителен и здравомыслящ; искусен и ловок в сражениях; терпеливо переносит невзгоды; своим праведным руководством призывает к изначальному закону; разъясняет его целокупные речения; показывает мудрость, скрытую в поступках и деяниях его; открывает знания, таящиеся в Законоустановлениях и обрядах общины его, и научает им ищущих знания; утверждает в народе своем истину; не отступает от дела своего и равно сдержан в радостях и горе.

Во всем этом подобен он луне, каковая в мире телесном стоит рангом ниже солнца. Никакое из прочих светил (хотя все они, подобно ей, светила) не приемлет свет солнца так, как она, и не замещает его, когда оно уходит с небосвода, во всем, что связано с переводом природных порождений в бытие; никто не схож так с солнцем, и никому не дарован такой удел освещать мир и воздействовать на него. Или же подобен он серебру, что стоит ниже золота и играет первую после него роль в жизни людей. По благородству и ценности оно к нему ближе прочих минералов и в отсутствие золота замещает его, ибо схоже с ним и приближается к нему по своей природе.

Поэтому Мухаммед (да благословит Бог его и род его!) избрал Али бен Аби Талеба (да благословит Бог его!) и назначил на свое место после себя, препоручив ему народ свой. Ведь тот во всем был выше прочих, и ранг его после него (мир ему!) — ранг преемника. Это значит, что он занял место его во всем, что связано с призывом к поклонению действием, и должен завершить препорученное ему дело призыва к поклонению знанием, о каковом призыве сказал пророк (да благословит Бог его и род его!): «Я есмь град знания, а Али — врата его; кто желает знания, да придет к вратам».

Далее идут замещающие сих двух в сохранении обоих призывов их, к поклонению действием и поклонению знанием, а именно имамы (мир им!). Из оных каждый поддерживаем небесами. Каждый седьмой из них, сему благородному числу (семерке.— *А. С.*) соответствующий, наделен силой,

сомнению не подлежащей, и [небесной] поддержкой немалой и изрядной. Он завершает малый цикл в цикле большом, каковой является циклом воскрешенных глаголящих (да благословит их Бог!), и по рангу своему (а этот ранг состоит в сохранении явного и скрытого поклонений и наследовании макама пророка — да благословит его Бог! — и источника) подобен, хотя и не достигает его высшее откровение, каковое является рангом воскрешенных, источнику, который занимает макам поддержанного [небесами] воскрешенного и с избытком наделен Святой благодатью.

О сем поведал Всевышний в Писании Своем, сказав: «Бог есть свет небес и земли...» [36]. «Бог есть свет небес и земли» — то есть Всевышний есть творец небес и земли, освещающий их отпечатками Своего произведения и неодолимой мудрости, дабы благодаря их влиянию и воздействию все природные порождения, коим мудростью предначертано быть, получили бытие; поддерживающий посланников и границ Своих, коих установил в религии Своей на место небес и земли и щедро наделил истечением Своей благодати, дабы благодаря их научению и руководству происходили духовные порождения. «Свет Его подобен» — подобно тому, как Бог поддержал пророка (да благословит Бог его и род его!) светом Своего слова и излил на него благодать Своего единства, будучи истоком знаний его и основой откровения — «светильнику в нише» (а ниша — это небольшое отверстие),— говорит Бог, научая, уподобляя и тебе доступным делая: так же его (заветника.— *А. С.*) сделал глаголящий истоком *(мадда)* и хранилищем божественных знаний — Писания, Закона и нормоуложений, кои суть как бы хранилища смыслов и знаний. Итак, говорит Он: в сих хранилищах «светильник», то есть содержат они божественные смыслы и знания, кои относятся к светам Царствия, пусть самостно они и не познаются.

«Светильник — в стеклянном сосуде» (светильник — образ божественных знаний, а стеклянный сосуд — имамов и исполненных) — сии смыслы и знания (кои суть светы Святости) так же объяты имамами и исполненными (кои неразлучно поддерживают их, сбирают и хранят, так что сии светы освещают их самости и самости последователей их, оных взыскующих), как сосуд обнимает лампу, ибо та заключена в нем, а свет ее разлит во всех частях сосуда и

истекает наружу. «Стеклянный сосуд блистает как звезда» (блистающая звезда — символ заветника) — имамы и исполненные (мир им!), размышляющие и рассуждающие о сих святых предметах, извлекающие религиозные знания и пророческую мудрость, обнимающие оные и назад возвращающиеся, встретив что-либо неясное, подобны источнику, коему в обоих призывах, явном и скрытом, послушно открываются все мудрости, образы и установления, представленные везде от небес до земли (как о том сказал Всевышний: «Потом Он взошел к небу, которое было как дым...» [37]), так что Писание разговаривает с ними (имамами.— *А. С.*) и Законоуложения к ним свою речь обращают (пусть они и молчат и звука не проронят), и ничто от них не скрыто, но, напротив, все открывается им: они постигают «знание первых и последних», кое было ниспослано Мухаммеду (мир ему!) [38].

«В нем горит благословенное дерево» (благословенное дерево — символ пророка — да благословит Бог его и род его! — эпитет блистающей звезды, коей лик светозарен) — имамы и исполненные, объявшие знания, подобны источнику, который научался и зажег свет своего знания от знаний благословенного дерева, то есть глаголящего, коему даровано благословение и огонь поддержки, в свете которого предстают пред ним все знания: в сем они, хоть и не обладают рангом источника, от него не отстают. «...Маслина» — ведь они подобны плоду того дерева — маслине, «какой нет ни на Востоке, ни на Западе» — они не занимают ранг заветника (коему принадлежит скрытый призыв), когда бы были, подобно ему, западными; они западные и восточные одновременно, ибо занимают макам их обоих [39] и замещают их для их последователей, и благодаря этому им отданы оба ранга, означенные как Восток и Запад. «Масло в нем источает свет почти без прикосновения к нему огня» (а масло — сок маслины [40], из него истекающий — символ речей и поучений, получаемых от имамов — да благословит их Бог!) — их знания и слова, что облекаются в звук и из их уст исходят, когда они поучают и руководят, схожи со знанием и словами обладателей внушенного откровения, хотя и не проистекают от заветника, каковой уподоблен огню.

«Свет к свету» — Он изливает все новые светы и знания. «Бог ведет к Своему свету, кого хочет»,— каждый

из них в свое время занимает место Бога (ибо замещает пророка, каковой пророк занимает макам Бога) и ведет к Божьей благодати, знанию Его единства и к спасению тех, чьи помыслы о Боге чисты и чье поклонение искренно: сего он хочет, и это избирает, и именно потому занимает Его место. «Бог представляет людям подобия» — сей замещающий Бога и пророка (мир ему!) устанавливает наместников [41] своих в областях *(джазā'ир)*, призывающих людей к поклонению Всеславному и познанию провозглашенного пророком (да благословит Бог его и род его!). «Бог всеведущ» в делах религии, вероисповедной общины и установлений ее, к спасению ведущих, всезнающ и опытен, ни в чем сомнения не испытывает; и вот, они в своих малых циклах руководят и научают, храня общину, Писание и Закон во все времена (как о том сказал Он: «Ты только наставник им, как и каждому другому народу — свой руководитель» [42]) в соответствии со своими силами, благодаря их достигающей [небесной] поддержке и тому, как помогает им их время,— пока не исполнится седмица, завершающая семь циклов, и тем самым (как мы о том говорили) не завершится большой цикл; и так во всех семи [больших] циклах.

Всевышний мудрейше изрек: «Некто спросил о наказании, что постигнет нечестивых, никем не отразимом... А Мы видим его приближенным» [43] — то есть дивятся неверящие в границы Всевышнего и знамения Его, когда Он чрез предержателя седьмого цикла (а он — последний день, когда завершатся циклы) предупреждает их о наказании, что постигнет всех, кто не придерживается здравой веры в единого Бога и не поклоняется Ему должным образом, тем самым отвергая приказания Всевышнего и не веря в Его границы; всех их постигнет то наказание и наложит печать на них, равно как и на «первых и последних». «Нет у него преграды от Бога» — ничто не составляет препятствия для предержателя седьмого цикла в осуществлении постановления Божьего по приказанию Божьему. «Владыки ступеней лестницы» — у Бога есть границы, наставляющие и научающие, кои для последователей своих — как бы ступени, ведущие в Его Царство, пособники в обретении Его милости; это пророки, поддержанные [небесами] и преисполненные добродетелей и светов, те первые и последние, коих сотворил Бог. «По которой ангелы и дух восходят» — поднимаешься ввысь ты, Мухаммед, границы твоего цикла

и предержатель седьмого цикла, все циклы сбирающий. «В день», то есть за цикл, в котором число границ, от первых до последних (каковых границ назвал Он «духом», сказав: «В тот день, в который дух и ангелы станут чинами» [44], а он (день.— *А. С.*) — предержатель седьмого цикла), равно пятидесяти: предержатели седмиц в семи циклах — семь по семь — и сбирающий всех их, «как вы их считаете» [45] — то есть тех, кого считаете вы завершителями своих малых циклов в циклах больших. «Но будь терпелив твердым терпением» — не забудь, чего хочет достичь [божественная] мудрость, будь терпелив в деле своем и неколебим в утверждении столпов поклонения и подготовке условий для счастья. «Они видят его отдаленным» — эти и им подобные, что не знают сами и не прилепляются [к учителям], дабы научиться, считают, что возвещаемое тобой еще далеко или не случится вовсе, «а Мы видим его приближенным» — а Мы, зная, что он есть, видим, что он близок и не мешкает.

Каждый из них в силу соответствия благородным числам обладает макамом, на коем явлены благородные деяния. Например, четвертый, завершитель четвертого цикла, соотнесен среди пророков — предержателей больших циклов с Моисеем (мир ему!), из небесных тел ему соответствует Солнце, а из дней болезни — день четвертый, то есть день малого кризиса; во времена его явлена такая божественная сила, какой не обладал никто другой. Или же седьмой, завершитель малого цикла, после коего начинается шестой большой цикл: он творит в мире то, что было обещано для времени, в которое устои Закона расшатаются, узы религии, запретного и разрешенного, расстроятся и порча охватит многочисленных вероотступников и отщепенцев.

О том сказал Всевышний в дражайшем Писании Своем: «Будет день, когда небо будет как медь расплавленная, когда горы будут как шерсть расщипанная» [46]. Небо — символ явного призыва и последователей его, а горы — символ призыва скрытого и его последователей; итак, Он говорит: придут в упадок дела призыва явного, связанного с Законом и деянием, из-за множества разногласий и самозванных руководителей, и потускнеют, как тускнеет медь от примеси масла, а дела призыва скрытого, связанного со знанием, тьмой отступников и вертопрахов будут расстроены, как чистая шерсть портится от примеси шерсти краше-

ной. А к концу все изменится: сокрушено будет засилье бесов; их умерщвляя, изгоняя прочь, беря в полон и в железа заковывая, не дадут им больше главенствовать, и будет все возвращено к изначальным законам, очищенным от нововведений заблудших проходимцев (как о том сказал Али (мир ему!) в одной из своих проповедей: «Если бы в дольнем мире остался лишь один день»,— сии слова его подтверждают нами сказанное: если бы исчезли все имамы и исполненные циклов, кроме одного,— «то Бог послал бы им кого-нибудь, кто наполнил бы их чашу терпения, дабы пожелали они, чтобы был я среди них и заступился за них пред Ним, дабы сказал кто-нибудь из курейшитов: будь он курейшитом, смилостивился бы к нам»; и в другом месте: «Смотрю и вижу в вашей вере властителя, хвостом виляющего, от которого не будет вам ничего, пока Бог не вернет ее вам чрез мужа от меня»).

То будет известное время, когда кончится засилье и главенство бесов, в заблуждение вводящих, и будут сметены они. Ведь Всевышний сказал о Сатане (да будет он проклят!): «Господи! отсрочь мне до дня, в который будут воскрешены они. Он сказал: ты в числе тех, которым отсрочивается до дня известного времени» [47]. Под Господом разумел Он глаголящего, коего поставил Бог господином над всеми в цикле его и над его последователями, а под Сатаной — супостатов и самозванцев, людей в заблуждение вводящих и отклоняющих их от следования святым угодникам Божьим. А первый из них — тот, кто занял место того тельца, коего в цикле Моисея (мир ему!) сыны Израилевы предпочли познать и трепетали от мычания его [48], а также и последователи его. А речение его (Сатаны.— *А. С.*) «Господи! отсрочь мне...» показывает, что, когда он понял, что не удастся ему, как он того желал, быть законным владыкой, заняв место визиря и исполняя обязанности заветника (ибо глаголящий объявил, что сей ранг должен быть отдан заветнику), иного решил достичь, поняв, что не скрыть ему ничего от глаголящего, его укорившего. А его сподвижник подтолкнул его к тому, чтобы после него (глаголящего.— *А. С.*) взять дело в свои руки (что, как мы знаем, и случилось), как о том известил его Бог в речении Своем: «Вот, пророк одной из своих супруг тайно сказал новость... также и ангелы будут ему помощниками» [49].

И вот, он убоялся, как бы пророк не рассказал о нем все, запретив следовать за ним и верить речам его (ведь пророк — да благословит Бог его и род его! — как тому было известно, предписывая что-либо верующим, всегда одновременно запрещал противоположное), и тем не опозорил его,— а он уже заранее поспешил возвестить своему народу и родне, что его одного изберет пророк. Однако в нем зародилась надежда, что если все останется как есть, то он не будет лишен сего ранга (хотя и не был достоин занять его). Вот он и попросил пророка отложить исполнение того, что уже было провозглашено (а это был один из грехов, отпущенных пророку, дабы быть ему напоминанием до дня Воскресения [50]). Это должно было компенсировать запрещение им поста визиря, дабы не пошло прахом служение его. Об этом сказано Им: «...В который будут воскрешены они».

Пророк (да благословит и приветствует Бог его и род его!) знал, что то, чему суждено быть, сбудется, и не бывать ничему, кроме предначертанного пером мудрости, и что придут на его место другие вершить Божье дело и передавать Божьи вести вплоть до известного срока, каковой срок — срок чистой *(закийя)* души, срок завершения циклов. Вот он и поступил так же, как и прочие пророки, являя милосердие и наказывая творить добро, исполняя легкоисполнимое и оставляя на долю тех, что придут после, все трудносвершаемое. Ведь он знал, что так или иначе, кому суждено, тот объявится, и не избежать разногласий и раздоров, ибо тому будет способствовать время.

И вот Он известил его, что поминание его продлится до дня известного времени, дабы продолжалось оно до тех дней, в кои явится воздвиженный (мир ему!). Слово «день» стоит в неопределенном состоянии: [51] оно означает завершителя шестого большого цикла. Он как бы говорит: дни твои и дни последователей твоих, что будут навязывать свое господство и противиться истине, продлятся до появления первой границы седьмого [большого] цикла, каковой день есть «известное время», в кое преисполнятся границы [небесной] поддержкой и возобладает истинное научение; его можно сравнить с кризисом, каковой есть известное время для проявления душевной силы больного, когда она начинает воздействовать и менять его состояние. И вот, он являет свою силу, на каждого из осуществляющих [Божье] приказание воздействует, в нем свой светоч зажигая, на всех людей влияние оказывает, устои и нормы Закона распрост-

раняет, слово единобожия высоко утверждает, доступ ко всем сердцам закрывает для бесов заблудших, для их учений и записанных наставлений, так же, как они в течение долгих дней и лет доступ к сердцам народа закрывали для угодников Божьих — наместников Его [52], пользуясь тем, что время не способствовало стойкости угодников Божьих, не говоря уж о переменах и принуждении. Это тот день, что обещан Богом в речении Его: «Будет день, в который Мы совьем небо так же, как писец свивает написанный им свиток» [53]. Сим говорит Он: эта граница, один из дней Божьих, не таков, как те, о ком Он сказал: «Напомни ему о днях Бога»; [54] этот вернет все к изначальному состоянию, каким оно было во времена глаголящего, и закроет заблудшим имамам (кои суть как высшее небо) доступ ко всему, что под ними, как они насильно закрывали истинным имамам доступ к сердцам народа.

Всевышний сказал: «Будет день, когда они увидят ангелов; но в тот день не будет радостной вести... в прах развеваемый» [55]. «Будет день, когда они увидят ангелов»,— сим говорит Он, намекая на то, что сбудется в седьмом цикле: ангелы, то есть приверженцы призыва, оба поклонения отправляющие (они в загробной жизни — как ангелы), будут упрекать нерадивых и забывших приказание Божье за то, что, оставив свою религию, обратились они к иному, и возвестят им, что не будут они обитателями рая, бремя повиновения радостно несущими. «Им скажут они: отлученье достойным отлученья!» — они скажут им, что не быть им в числе верующих, ибо уже закрыты врата покаяния; «и тогда Мы доберемся до дел, какие сделали они, и обратим их в прах развеваемый» — и обратят в прах и развеют все их дела и учения, на страстях и своекорыстии построенные, кои не смогут они подкрепить никаким доказательством.

И так будет продолжаться до тех пор, пока не свершится число, коим исполняется цикл. Тогда явит Всевышний чистую душу, завершительницу всех циклов, больших и малых, носительницу светов первых и последних. Это тот последний день, о котором возвещено и в который наказано верить и ждать его прихода. Он (последний день.— *А. С.*) счастливейший из всех счастливых, ибо ему совокупно отдано все явное и скрытое. Чрез него Бог завершает все творение Свое, исполняя не свершенное никем из верующих, ибо именно он сбирает истекающие из царства Святости светы, и ему положило быть предначертание Всезнающего Мудреца. Это ради него тела небесные двигались и воздействовали на нижестоящее, это его прихода ждали, его лелеяли и пестовали души поддержанные. Тогда дух Святости знанием растечется по душам: чистым — в эмпиреях, запятнанным — внизу; тогда исполнится новое творение (как мы о том говорили в главе о Воскресении).

Тогда он явит божественную силу распоряжения *(тамаккун)* миром и населяющими его существами, и будет творить деяния свои: ему покорно станет все сущее. И буде допустимо, чтобы среди природного было божественное подобие, то он (да приветствует его Всевышний!) был бы Богом, величественно вознесенным над всякой соотнесенностью со Своей тварью, Богом, кроме Которого нет бога, ибо он властен над исповеданиями и ему открыты души и их желания. И вот все творение, от Востока до Запада, покоряется ему, как о том сказано пророком (да благословит Бог его и род его!): «В ночь предопределения [56] разверзнутся в одночасье врата неба и исполнится мир светами, и падут ниц пред Всевышним камень и дерево, морские чудища и горы». Все без изъятия повинуются ему: то будет для злодеев час тяжкого испытания, а для благих — добрый сердцу дар.

Сказал Всевышний: «В день, который вострубится в трубу, устрашатся все, кто на небесах, и все, кто на земле, кроме тех, которых исключить захочет Бог... как ходят облака...» [57]. Здесь говорится о предержателе дня Воскресения, о том, кто божественной силой запечатывает все циклы и чрез кого Бог сбирает вместе все формы [58]. «Устрашатся все, кто на небесах, и все, кто на земле»,— все люди явного и скрытого будут объяты ужасом, страхом и трепетом, ибо не смогут понять, что происходит, «кроме тех, которых исключить захочет Бог»,— кроме тех, кому Бог открыл Свой план и дал знание, тех, кто прилепился к угодникам и последователям Его, кого захотел Он видеть в числе верующих — а желание Его непреложно! «Тогда все предстанут пред Ним смиренными» — друзья и враги, сильные и слабые — все на земле, хотят они того иль нет, склонятся пред ним [59] в повиновении. «Увидишь, что и горы, которые считаешь неподвижными,— и они пойдут, как ходят облака»,— и все исполины, что мнят себя неприступными и ни пред кем не склоняются, подчинятся ему так же, как подчиняются

наместники областей и предержатели поддержки и божественного призыва, «зиждительством Бога, который устроил все существующее»,— согласно мудрости Всевышнего, коей предначертано собрать такую душу, которой покорятся небеса и все, что над ними, ей помогая явить изумительную мощь. «Он ведающий то, что делаете вы»,— ведь он знает, что будет и как будет.

И вот, узрев его, вся тварь трепещет в растерянности и страхе. Всевышний сказал: «Люди! бойтесь Господа вашего: истинно, потрясение часа будет великое событие... Однако казнь Божия будет поразительна» [60]. «Люди!» — сим пророк (да благословит Бог его и род его!) от имени Всевышнего предупреждает людей своего времени и всех, кто вплоть до дня Воскресения увидит свет, говоря им: о вы, которым Всевышний даровал природное бытие, назначив меня вам посланником, дабы следовали мне, возвещающему поклонение Ему и единство Его, «бойтесь Господа вашего» (а богобоязненные суть те, кто сбирает оба поклонения),— соединяйте поклонение деянием и поклонение знанием, коих установления принес я вам и кои оба предписал я вам как поклонение Господу вашему, вас сотворившему. «Истинно, потрясение часа будет великое событие» — смиритесь, ибо могущество, власть, мощь и сила, кои явит предержатель дня Воскресения сущим в бытии во время оно и прежде их жившим, на перешеек взошедшим, будут поистине великими, и от мощи его содрогнется земля под ногами живущих и затрепещет пред его силой. «В тот день, когда вы увидите это, каждая кормилица бросит того, кого кормила она»,— когда, завершая цикл, явится он в бытии, все проповедники и границы, только собою занятые, перестанут научать и вразумлять, так же, как в ужасе, страхе и растерянности обо всем забывает человек, когда у него из-под ног уплывает земля, как кормилица забывает о своем дитя. «И каждая беременная выкинет бремя свое» — они откажутся и забудут обо всех последователях призыва, перестанут воспитывать и научать, так же, как беременные в испуге выкидывают плод свой независимо от того, доношен он или нет. «Увидишь людей пьяными» — тогда никто не будет знать, что от него требуется, как пьяные не понимают, что с ними творится, «но они не будут пьяны» — но те, кто сбирает оба поклонения и так чтит Всевышнего, не относятся к числу незнающих: в прошедшие времена, к святым угодникам Божьим прилепившись, стали они знающими и ведающими. «Однако казнь Божия будет поразительна» — внушающее трепет величие его, плоть и кровь твари пронизавшее, всех повергнет в величайшую растерянность, предвещая силу Всевышнего и непреложность Его обещания и угрозы.

Тогда содрогнется природная земля, являя, как о том сказано, таящиеся в недрах сокровища и клады и многие богатства [61], а земля религиозная,— являя хранимые в ней знания (как о том сказано в Законах). Тогда без всякого предела разольются знания и счастье; знание благодаря множественности обладателей оного перейдет в акт, а невежество благодаря малочисленности неведающих обратится в потенцию, как мы о том говорили в «Садах и поприще разума». Тогда отставшие примкнут к первым (как у сеятеля поздние посевы присоединяются к ранним), и все станут знающими. Сказал Всевышний: «...В тот день, который юношей сделает седыми» [62],— тех, кто был в науках юнцом, тот день сделает умудренным опытом и знаниями старцем. Он соберет всю тварь, спросит с них отчета за их убеждения и исповедания и горько упрекнет их за то, что, имея книги пророков и изречения их, презрели их наставления и запреты. Тогда обнаружится все (как сказал Всевышний: «Вы предстанете пред Знающего тайное и явное, и Он откроет вам то, что сделали вы» [63], и просветлятся лики людей обоих поклонений (как сказал Всевышний: «В тот день у некоторых лица будут сияющие, взирающие на Господа их... бедствии» [64]), и суждена будет обитателям пламени мука, а обитателям рая — скорая награда.

А затем Знающий уйдет, забрав с собой всех «первых и последних». Ведь Бог сотворил новое творение, прославляющее и превозносящее, самосущее и духовное; первоматериальное по самости, святое по акту. И вот оно — в царстве Святости, от теснины тел свободное, приведшее всех, кто был с ним, к Истинной Цели: «Благочестивые будут в садах и среди рек, в обители правды, пред Царем всемогущим» [65].

Тогда запрутся врата, как сказал о том Иисус (мир ему!) притчей в Евангелии: тот, у кого было масло и светильник, сидел на дороге, ожидая жениха, дабы вместе с ним войти в дом, богато убранный и полный благ. Те, у кого не оказалось масла, попросили его у того, кто оное имел, и, не заплатив ему ничего, сказали: вернись в свой дом и принеси масла. Тот ушел; и вот приходит жених, заходит в

дом его вместе со спутниками, кои были запасливы, и запирает врата пред лицом тех, у кого не было масла. Тогда скорбь и раскаяние одолевают тех, но не дано осуществиться их желанию [66], как о том сказал Всевышний: «„Взгляните на нас, чтобы нам принять сколько-нибудь от света вашего". Сказано будет: возвратитесь назад и просите себе света... вовне — со всех сторон мука» [67].

Тогда не останется ни земли, ни неба, ни звезд, ни воздуха, ни воды, ни чад религии, но только вечно-пребывающий дражайший лик Его. Сказал Всевышний: «Когда небо расторгнется» [68] (а это слово толкуют как «расколется») — недейственны станут установления Закона, «когда звезды рассеются» [69] — исчезнут макамы границ религии Божьей, «когда моря польются» [70] — явятся на свет установления прежних религий и твердым станет поминание границ религии Божьей и наук их, извлеченных из Законов, «когда могилы перевернутся» [71] — вся мудрость и все знания явятся в мире и умножатся блага. «Тогда душа увидит, что сделала она прежде и что сделала после» [72],— когда случится это и установления вероисповеданий действительно исполнятся, тогда узнает душа, что сотворила благого и дурного, и почувствует ущерб от того, что лучших считала последними, а худших — первыми.

Также сказал Всевышний: «Когда солнце обовьется [мраком]» [73] — исчезнет влияние принесенных пророками Законов, кои суть как солнечный свет, «когда звезды померкнут» [74] (это место толкуют так: звезды падут на землю, так что все звезды небесные окажутся на земле) — ранги границ исчезнут, и прекратится их воздействие на подопечных, исчезнет и начертание, ибо это — Воскресение. «Когда горы с мест своих сдвинутся» [75] — подчинены будут великие мира сего и как один покорятся предержателю Воскресения, «когда десять месяцев беременные верблюдицы будут без присмотра» [76] — и с упразднением рангов границ прекратится научение, «когда звери столпятся» [77] — все живое на земле будет подчинено той единой воле, «когда моря закипят» [78] — будут утверждены границы явного Закона и восстановлено все изъятое прислужниками бесовских нововведений (а случится это в «известное время», а также ему подобные [времена] в седьмом цикле), «когда души сопрягутся» [79] — каждый найдет себе достойную пару среди лицемеров и блудодеев, «когда похороненная заживо будет спрошена: за какой грех она убита?» [80] — и спросят их: по какому праву не давали границам Божьим занять достойный ранг, предпочитая им других, «когда свитки разовьются» [81] — пороки и изъяны разных верований, «когда небо, как покров, снимется» [82] — и память о заблудших предводителях сотрется из сердец, ибо завершилась их роль и все пришло ко дню Воскресения, закончились циклы и всё — в руках Единого Всепобеждающего, «когда рай разгорится» [83] — предержатель дня Воскресения явит строптивцам знак угрозы Божьей, «и когда рай приблизится» [84] — в мире дольнем и мире загробном осуществятся для богобоязненных обетования Божьи, «тогда душа узнает, что заготовила она себе» [85] — тогда души познают истинную суть всего, что сообщено было посланниками, тогда приверженцы единобожия пребудут до тех пор, пока есть небеса и земля, и день за днем будут терять они признаки религиозности, пока те не исчезнут вовсе и знание не станет вновь потенциальным (ибо не будет носителей его), а невежество — явным из-за многочисленности невежд. Тогда подпадет мир под дикую власть невежества (как сказал о том Всевышний: «В ней они останутся на известные годины... смрадной» [86]), а затем сотворит Бог, что хочет, и рассудит, как пожелает, в соответствии с мудростью Своей. Все это — Его, ибо это — второй предел сущего, коего первый предел — Творение (то есть Сотворенное, то есть Первое Сущее, как мы о том уже говорили): соединятся они, и исполнится творение, и осуществится конечная цель и предел всего, и всеобщая форма.

И вот, придя к тому, что обещали мы в начале сей книги, скажем: заблуждаются те, кто пытается познать запредельное, не опираясь на начертания Всевышнего, отвергая истинное, находясь во власти своей смеси и в плену побуждений самости. Заблуждаются философы [87], учащие о душе, о том, каковы ранги ее и как поднимается она со ступени души чувственной на ступень глаголящей. Целиком во власти своих теорий, мнят они, будто все это истина. Искусные в обретении посылок, коими выявляют неявное, они ограничиваются знанием, изложенным в их пяти книгах (логике, физике и топике), и забывают об упражнении души в религиозном действии, обо всем, что делает ее нравственной и добропорядочной. Заблуждаются также и мутазилиты и им подобные. Какого счастья достичь и какое деяние

совершить могут такие люди? А ведь именно в этом вся надежда тех, кто хочет, чтобы поднялась душа со ступени чувственной на ступень ангельскую и обрела счастье, и лишь так можно пороки обратить в добродетели (о чем писали мы в «Короне разумов»).

Но они в это не верят и этого не практикуют. А ведь Всевышний ясно сказал о тех, кто частично верует в Писание, а частично отвергает: «Ужели вы в одну часть Писания веруете, а другую часть отвергаете? Тем из вас, которые поступают так, воздаянием будет одно только бесславие в настоящей жизни» [88]. «Ужели вы в одну часть Писания веруете, а другую часть отвергаете?» (здесь говорится и о том, что связано с явным поклонением, ибо оно — «часть», и о том, что связано со скрытым поклонением, ибо оно — также «часть») — укоризненно вопрошает Он: веруете ли вы в предписанные Писанием Всевышнего оба поклонения, коими достигается совершенство и счастье души, или же практикуете только часть (явное поклонение действием или скрытое знанием), ее соблюдаете и бережете, а другую часть презрели и отвергли, то есть забываете об установлениях другой части поклонения — скрытого ли поклонения знанием, или же явного деянием? «Тем из вас, которые поступают так, воздаянием будет одно только бесславие в настоящей жизни» — поступая так, одно в поклонении принимая, а другое отвергая, ничего не достигнете вы, но только умалите свое благочестие, лишите душу счастья и ввергнете ее в страдания. «А в день Воскресения они будут преданы самой жестокой муке» — по истечении всех циклов наихудшим будет состояние ее (души.— *А. С.*); в день Воскресения, когда «вострубится в трубу» [89], настигнет ее жесточайшая скорбь и раскаяние, что не почитала она Всевышнего как должно, и возжаждет она заступничества, но не дано ей будет это, ибо уж перешли в акт установления вероисповедной общины. «Бог не остается невнимательным к делам вашим» — ведь замещающие Всевышнего в новом творении границы никогда не пренебрегали должным, научая и побуждая к поклонению, как то предписано. «Для тех, которые променивают будущую жизнь на настоящую» (здесь говорится о тех, кто ограничивается только одним поклонением, не соединяя оба воедино и не придерживаясь установлений обоих),— те, о ком уже говорилось как о частью верующих и частью неверующих, а именно — плуты

и обманщики в общине нашей, верующие в явное поклонение действием и отвергающие скрытое поклонение знанием, а также философы и крайние [шииты], верующие в скрытое поклонение знанием и отвергающие явное поклонение действием, и все, кто им подобны, презрев речения святых угодников Божьих и границ Его, продали загробную жизнь свою за то, что мнилось им в земной жизни, целиком отдавшись начертаниям своего разума, отвергнув водительство наместников Всевышнего по верному пути к спасению, не отдавшись скрытому поклонению так же, как отдались явному, и не отдавшись явному поклонению так же, как отдались скрытому. «Не будет ослаблена эта мука, и не получат они помощи» — и не покинут их муки и скорби, и не избавиться им от тех злостных верований, что пустили корни в их душах и вошли в их плоть и кровь.

Да и будет ли счастлива душа, если не собирает совокупно знание и деяние, если не украшена тем или другим (или обоими вместе), если отвергла требуемые для оного условия и не покорилась тому, кто ведет к Ясной Истине? [90] Разве тот, кто ограничивается одним явным поклонением (кое исправляет душу, удерживая ее от страстей и очищая от всего, что в силу смеси ее делает ее схожей со зверями), своим умом, ничего не познавая и не читая, сможет объять знание единобожия и начал сущего, начало тварного мира и тот предел, в коем заключено совершенство и исполненность души? И разве тот, кто знает, что щедрость есть середина между скупостью и расточительством, а смелость — середина между трусостью и безрассудством, уже щедр и смел, еще не совершив ни одного щедрого или смелого поступка?

О нет! Потенциальным разумам не достичь акта без помощи Богопоставленного воскрешающего *(бā'иṣ)* водителя, поддержанного и исполненного, совершенного и актуального, такого, как пророк наш Мухаммед (да благословит Бог его и род его!) и заместители его в водительстве и научении. Счастье души обретается только тогда, когда получает она от них руководство в деяниях и знаниях.

И да знает она, исповедуя единобожие, что Тот, с Кем связано все сущее, есть Имя, коему среди сущего не найдешь ни формы, ни атрибута и вообще ничего с ним схожего, с помощью чего разумы могли бы объять его и запечатлеть. Ведь всякая запечатлевающая форма или сообщение о

Нем Им же, Всевышним, произведено и является действием Его. И если кто-нибудь захочет говорить о Нем, посчитав, что умозрением, мыслью и представлением своим достиг желаемого, тут же то, что он считает совершенным и достаточным высказыванием о Всевышнем, оборачивается каким-нибудь атрибутом Им произведенного сущего; так же точно то, чем хотят выразить *хамзу* (которая не имеет в языке формы), оборачивается *алифом, вавом* либо *йа*, кои принадлежат языку и входят в него [91].

Таково всецелое, частности коего известны тому, кто воистину брат наш.

Всеславен Тот, Кому разумы, придавая атрибут, тут же оный отрицают; нет бога кроме Него, Господа Великого Престола. Сим завершаем эту книгу, вознося хвалу Богу, Господу миров; и да пребудет благословение Его с Его посланником — господином посланников и чистым родом его. Бог — наше довольство: Он надежный защитник; прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!

Переписка сей благословенной книги господина нашего Ахмеда Хамид ад-Дина аль-Кирмани, худджи обоих Ираков, великого шейха, мудрейшего философа (да будет свята его могила, да наделит нас Бог его благодатью!) закончена 15-го шабана 1093 года хиджры [92] нашего пророка и господина Мухаммеда (да благословит и приветствует Бог его и род его!). Переписал ее бедный раб и великий грешник пред Богом Всевышним, покорный служитель Мухаммеда и Али, их рода и всех чистых имамов, Али бен аль-Хусейн бен аш-Шейх Махмуд, уроженец Йемена, выходец из Наджрана, проживающий в Индии в Хайдарабаде.

Лишь Бог Великий и Всевышний, Милосердный
и Всепрощающий Попечитель дарует
крепость и силу, и да наделит
нас Бог благодатью
имама нашего
времени!

КОММЕНТАРИИ

ВВЕДЕНИЕ

[1] *Оность* — я предлагаю такой перевод как кальку арабского термина *хувийя* (*хува* — «он» и суффикс абстрактного существительного *-ийя*); на английский *хувийя* иногда переводят как *He-ness*.

[2] *Пророческое произведение* — под этим аль-Кирмани понимает «мир религии», в котором могут различаться догматические постановления (Закон, основа «поклонения действием»), теоретические знания (науки, основа «поклонения знанием») и социальная структура (иерархия исмаилитской общины).

[3] Аллюзия на аяты: «Высоко цените вы здешнюю жизнь; но будущая лучше, потому что вечна. Так и в прежних свитках, в свитках Авраама и Моисея» (Коран, 87:16—19, С.*).

[4] Аллюзия на кораническое описание рая: «Эти — приближенные к Богу. Они будут в садах сладости (это сонм людей из первых, и немногие из последних); на украшенных дорогими камнями седалищах, облокотившись на них и сидя одни против других. Вечно юные отроки будут носить вокруг них кубки, братины, чаши с напитком, от которого они ни одуреют, ни опьянеют... Чернозеничные, велеокие, подобные хранимым жемчужинам [девы] будут им воздаянием за то, что они прежде делали» (Коран, 56:11—24, С.).

[5] «Бог — наше довольство: Он надежный защитник!» (Коран, 3:173, С.). Аль-Кирмани часто добавляет к этой формуле слова «Прекрасен Этот покровитель, прекрасен Этот заступник!» (Коран, 22:78, С.).

* Во всех случаях при цитировании Корана, когда отсутствует указание на перевод Г. С. Саблукова (С.) или И. Ю. Крачковского (К.), перевод выполнен мною.

I, 1

[1] *Управление (сиāса)* — аль-Кирмани имеет в виду управление в исмаилитской общине, осуществляемое ее иерархами.

[2] *Границы (ḥудӯд*, ед. ч. *ḥадд)* — этим термином аль-Кирмани обозначает метафизические начала сущего (Разумы), во-первых, и иерархов исмаилитской общины, во-вторых. В данном случае подразумевается второе значение этого термина. Вообще термин «границы Бога» — устоявшееся выражение в средневековой арабской мысли. Вот как его определяет Ибн-Манзур в своем «Лисан аль-ʻараб»: «Границы Всевышнего *(ḥудӯд аллāһ таʻāля)* — те вещи, разрешенность или запретность которых Он ясно указал, повелев не нарушать никакую из оных, дабы не прийти к тому, чего Он не велел или что воспретил, когда наказал не преступать их» («Лисан аль-ʻараб», т. 3, статья *ḥ-д-д)*. В этом понятии, таким образом, присутствует смысл определенности и фиксированности, который сохраняется (хотя и в существенно трансформированном виде) в словоупотреблении аль-Кирмани (и вообще исмаилитских теоретиков).

[3] *«Указания наставнику и ученику» (Танбӣһ аль-хāдӣ ва-ль-мустахдӣ)* — пропедевтическое полемическое сочинение, направленное против суннитов, а также шиитов-двунадесятников, зейдитов и крайних шиитов в вопросах об имамате. Оно защищает исключительное право на имамат прямых потомков Али бен Аби Талеба, имеющих по поводу этого непосредственное указание *(наṣṣ)*. Кроме того, в этом труде доказывается необходимость «практического поклонения», т. е. совершения всех установленных обрядов и ритуалов, и раскрывается их значение для «поклонения знанием».

I, 2

[1] 411 год хиджры соответствует 1020/1021 г. н. э.

[2] «Что доброго сделаете, то знать будет Бог. Берите с собой путевых запасов; но самый лучший путевой запас есть благочестие» (Коран, 2:197, С.).

I, 3

[1] См. примеч. 2 к I, 1.

[2] Перечислены три ступени души: растительная, животная (чувственная) и разумная (глаголящая). Более подробно вопросы о душе разбираются в главе VII.

[3] *Абу Ханифа ан-Нуман бен Мухаммед аль-Магриби* — виднейший исмаилитский факих, известный как «кади ан-Нуман» (конец IX — начало X в.). Большинство историков сообщают, что первоначально он придерживался маликитского мазхаба, затем стал шиитом-двунадесятником, и наконец — исмаилитом. Ан-Нуман был в числе приближенных двух исмаилитских магрибинских правителей-фатимидов — имама аль-Мансура би-л-лаха (правил в 945—952 гг.) и его сына имама *аль-Муизза ли-Диниллаха* (14-й исмаилитский имам, завоеватель Египта и основатель Каира, создатель Фатимидского халифата, правил в 952—975 гг.). Исполнял обязанности кади сначала в Мансурийе, а затем во всей Северной Африке.

Кади ан-Нуману принадлежит, по оценкам, более пятидесяти сочинений, из которых до нас дошло около двадцати. Книги этого факиха высоко ценились современниками и потомками, в том числе и исмаилитскими имамами.

«Книга чистоты» (Китāб аṭ-ṭахāра) повествует о вопросах ритуала.

«Устои [ислама]» (Даʻāʼим аль-ислам) считается самым значительным произведением кади ан-Нумана, содержащим полное изложение исмаилитского фикха и разъяснение устоев веры, к которым, согласно исмаилитской доктрине, относятся «святость» *(вилāя)*, «чистота» *(ṭахāра)*, молитва, закат, пост, паломничество и джихад. Толкование скрытого смысла этих столпов веры содержится в сочинении, известном как «Толкование устоев ислама» (Таʼвӣль *даʻāʼим аль-ислам)*, — аль-Кирмани его здесь не упоминает.

«Сжатое изложение» (аль-Иḳтиṣāр ва-ль-ихтиṣāр) — вероятно, имеется в виду сочинение, известное также под названием *«аль-Ихтиṣāр ли-ṣаҳӣҳ аль ахбāр ʻан аль-аʼимма аль-аṭхāр»* («Сжатое изложение достоверных изречений чистейших имамов»), популярный компендиум высказываний исмаилитских имамов, заслуживший одобрение имама аль-Муизза.

«Походы» (аль-Магāзи) — вероятно, сочинение исторического содержания.

«Разъяснение вестей» (Шарḥ аль-ахбāр) — очевидно, подразумевается *«Шарḥ аль-ахбāр фӣ фаḍāʼиль аль-аʼимма аль-аṭхāр»* («Разъяснение вестей о добродетелях чистейших имамов»), сочинение, название которого дает представление о его содержании.

«Достохвальное и порицаемое» (Китāб аль-манāḳиб ва-ль-

масāлиб) — видимо, *«аль-Манāқиб ли-'ахль бейт расӯли-ллāҳ»* («Достохвальные черты членов дома пророка Божьего»).

«Толкование шариата» (Та'вӣль аш-шарӣ'а) — компиляция изречений имама аль-Муизза, выполненная кади ан-Нуманом.

[4] *Джафар бен Мансур аль-Йемен* — виднейший проповедник фатимидской эпохи. Еще в период магрибинского правления его благосклонно принял имам аль-Каим би-амри-ллах, а при его сыне и внуке, аль-Мансуре и аль-Муиззе, бен Мансур аль-Йемен достиг высочайшего ранга «врата врат» *(бāб аль-абвāб)*, так что оказался даже выше самого кади ан-Нумана, что исмаилитские источники склонны объяснять его большей искушенностью в вопросах толкования скрытого смысла доктрины. Как сообщает М. Галеб, до нашего времени сохранились рукописи ряда его сочинений, таких как *«аль-Фарā'иḍ ва ҳудӯд ад-дӣн»*, *«аль-Баян ваш-шавāхид»* и др. (М. Галеб. А'лям аль-исма'илийя, с. 186).

Абу Хатим ар-Рази — один из видных исмаилитских проповедников в Табаристане, Дейлеме, Исфахане и других областях (ум. ок. 934 г.). Исмаилитские источники сообщают, что ему удалось убедить значительное число влиятельных лиц принять исмаилитское учение. Среди его сочинений — *«Китāб аз-зӣна»* («Книга о красоте»), одна из старейших исмаилитских книг адабного характера; *«А'лям ан-нубувва»* («Столпы пророчества»), сочинение философского содержания, обсуждающее проблемы божественной сущности, души, первоматерии, места и времени, теорию посланничества, а также содержащее полемику с Мухаммедом бен Закария ар-Рази по вопросам пророческой миссии и веры; *«аль-Иṣлāҳ»* («Исправление») — объемный труд схожего содержания, в котором ар-Рази полемизирует со взглядами ан-Насафи, изложенными в книге *«аль-Маҳсӯль»*.

Мухаммед бен Ахмед ан-Нахшаби, или ан-Насафи,— видная фигура в политической истории исмаилитов Мавераннахра, крупный теоретик исмаилизма и философ. После успешной деятельности в Хорасане направился в Бухару, ко двору Саманидов. Как сообщают средневековые историки, он сумел склонить на свою сторону саманидского правителя Насра бен Ахмеда, а также ряд высокопоставленных лиц, однако был убит в 942/943 г. в результате заговора, организованного после смерти Насра при его сыне Нухе. После ан-Насафи деятельность исмаилитов в Мавераннахре замирает на полтора века, вплоть до появления Насир-и Хосрова.

Ан-Насафи, друг и учитель другого известного философа Абу Якуба ас-Сиджистани, является автором ныне утраченного сочинения под названием *«аль-Маҳсӯль»* («Смысл и суть»), которое

считается первой книгой доктринального характера, получившей широкое хождение в исмаилитской среде. Его перу принадлежат также *«ад-Да'ва ан-наджия»* («Спасительный призыв») и *«'Усӯль аш-шар'»* («Основы Закона»), сочинение по исмаилитскому фикху и метафизике.

Абу Якуб ас-Саджази, или ас-Сиджистани — ученик ан-Насафи, род. в 884/885 г., убит в Туркестане в 942/943 г. После обучения в Йемене ас-Сиджистани, как сообщают исмаилитские источники, начинает практическую деятельность проповедника. Однако он известен скорее своим теоретическим вкладом. Ему принадлежат сочинения *«аль-Мавāзӣн»* («Весы») и *«аль-Янāбӣ'»* («Источники»), раскрывающие вопросы метафизики и историософии, *«ан-Нуṣра»* («Победа»), где ас-Сиджистани защищает позиции ан-Насафи в его полемике с Абу Хатимом ар-Рази, и ряд других сочинений.

[5] *«Указания наставнику и ученику»* — см. примеч. 3 к I, 1.

«Приметы веры» (Ма'ālим ад-дӣн) — сочинение в двух частях о скрытом и явном поклонениях.

«Светозарное [доказательство] имамата» (аль-Маṣāбӣҳ фӣ исбāт аль-имама) — сочинение в двух частях, состоящих каждая из семи глав («светильников» — *миṣбāҳ*). В первой части кратко обсуждаются метафизические вопросы, шариат и необходимость толкования *(та'вӣль)*, во второй — вопросы имамата, где доказывается непогрешимость имамов, необходимость перехода имамата не путем избрания, а через непосредственное указание от предка к прямому потомку, законность имамата Исмаила и его наследников.

«Сады» (ар-Риāḍ) — сочинение, в котором аль-Кирмани подробно излагает взгляды ан-Насафи, изложенные в его сочинении *«аль-Маҳсӯль»*, полемику против него Абу Хатима ар-Рази в книге *«аль-Ислāҳ»* и ответ последнему Абу Якуба ас-Сиджистани в *«ан-Нуṣра»*, анализирует их в свете основ исмаилитской доктрины и встает на сторону ан-Насафи и ас-Сиджистани.

«Луга и сады» (ар-Равḍа) — краткий трактат о вечности *('азаль)* и вечном *('азалийй)*.

[6] *«Единственный о потустороннем» (аль-Ваҳӣда фи-ль-ма'ād)* — один из кратких трактатов аль-Кирмани.

I, 4

[1] *...из числа последователей...*— эллипс, имеется в виду «последователей пророка и имамов», т. е. обычных, не одаренных открове-

нием свыше людей. Об отличительных особенностях даруемых в откровении знаний см. также: VII, 14.

[2] Коран, 74:31. Под *Книгой* в кораническом контексте подразумевается «Писание», т. е. сам Коран, но аль-Кирмани использует цитату так, что это слово может быть отнесено и к его сочинению (поскольку в арабской орфографии отсутствует деление букв на прописные и строчные).

[3] Данный тезис аль-Кирмани не может не вызвать ассоциаций с платонизмом. Ср.: «...если человек отдается любви к учению, стремится к истинно разумному и упражняет соответствующую способность преимущественно перед всеми прочими, он, прикоснувшись к истине, обретает бессмертные и божественные мысли, а значит, обладает бессмертием в такой полноте, в какой его может вместить человеческая природа; поскольку же он неизменно в самом себе пестует божественное начало... сам он не может не быть в высшей степени блаженным» (П л а т о н. Тимей, 90 b-c. Сочинения. Т. 3. М., 1971, с. 538). Впрочем, эту параллель не стоит абсолютизировать: см. рассуждения аль-Кирмани в I, 6.

[4] *Второе воскрешение* — в оригинале *аль-инби'āс ас-сāни*. Термин *инби'āс* многозначен: он означает «воскрешение», а также «эманация». В русском переводе оказалось невозможным подобрать единый термин для обоих значений. Следует отметить, что аль-Кирмани обозначает оба понятия одним термином далеко не случайно: «второе (т. е. конечное) воскрешение» — заключительный акт истории, полностью уподобляющий человека (второй предел мироздания) началам Универсума — девяти Эманациям; их подобие и подчеркивается использованием единого термина.

I, 5

[1] *Укрепиться (та'аккуль)* — этот термин происходит от того же корня, что и «разум» (*'акль*); этимология в данном случае подчеркивает мысль о том, что уразумение начал сущего придает душе человека онтологическую «укрепленность», т. е. бессмертие.

[2] Коран, 39:20.

[3] Видимо, аллюзия на хадис, который аль-Кирмани будет неоднократно упоминать ниже («...чего не зрело око, чему не внимало ухо»). Вместе с тем комментируемые слова представляют собой почти дословную цитату из Библии: «Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор., 2, 9).

I, 6

[1] *Формальные добродетели* — добродетели, изменяющие *форму* души и превращающие ее в разум, т. е. истинные знания.

[2] Коран, 20:74, С.

[3] Аллюзия на аят: «Некто спросил о наказании, что постигнет нечестивых, никем не отразимом, у Бога, владыки ступеней лестницы, по которой ангелы и дух восходят к Нему в течение дня, которого продолжение пятьдесят тысяч лет» (Коран, 70:1—7, С.).

О толковании понятия *день* см.: VII, 14.

[4] Аллюзия на кораническое описание адских мук: «...пищей ему (грешнику.— *А. С.*) будут только помои» (Коран, 69:36, С.). *Кипяток* — в оригинале *хамīм*. Этим словом заканчивается предыдущий аят, где подразумевается второе его значение («близкий друг»): «В тот день не будет у него здесь усердствующего друга» (Коран, 69:35, С.).

[5] *Водоем* — согласно мусульманскому преданию, в день Воскресения верующие будут помещены в Водоем пророка. Традиция основывается на следующем хадисе: «Рек посланник Божий (да благословит и приветствует его Бог!): Мой Водоем [длиной] в месяц пути (согласно другим вариантам — «в день пути».— *А. С.*), имеет прямые углы, его влага белее молока, его запах благоуханнее мускуса, и кувшинов подле него — что звезд в небе; отпивший из него навсегда забудет муки жажды». Сунниты обычно подчеркивают, что к Водоему не найдут путь те, кто стремился к нововведениям и переменам в вероучении.

Каусар — название райской реки.

[6] Коран, 56:4—5, С.; подразумевается Судный день.

I, 7

[1] См. примеч. 1 к I, 5.

[2] *Небесные буквы (аль-хурūф аль-'алавийя)* — по-видимому, калька с древнегреч. stoicheia. Этот термин, первоначально означавший «буквы», впоследствии в философии приобрел значение «стихии», «начала». См. у Платона: «...доныне еще никто не объяснил их рождения, но мы называем их началами и принимаем за стихии [«буквы»] Вселенной...; между тем каждому мало-мальски разумному человеку должно быть ясно, что нет никакого основания сравнивать их с каким-либо видом слогов» (П л а т о н. Тимей, 48 b-c.— Сочинения. Т. 3 (1). М., 1971, с. 489).

[3] Образ *теста* и *закваски* был весьма популярен и среди суфиев. Ср. с евангельской притчей: «Иную притчу сказал он им. Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взявши, положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Мф., 13, 33).

[4] См. примеч. 2 к I, 2.

II, 2

[1] Противопоставляя *множественность (каṡра) малости (ḳилля)*, аль-Кирмани следует логике языка (оппозиция каṡир — ḳалиль: *много — мало)*, а не философской логике, требующей противопоставления множественности единству.

[2] *...ни в одной из двух частей бытия...*— т. е. ни в потенции, ни в акте.

II, 3

[1] *...Господа Великого Престола.*— Выражение заимствовано из аятов 9:129, 23:86, 27:26.

III, 1

[1] *Мир [законо]уложения* — одно из наименований, используемых аль-Кирмани для обозначения «мира религии».

[2] Так аль-Кирмани называет десять Разумов.

[3] *Столпы (аркан) мира* — четыре первоэлемента (огонь, воздух, вода и земля). Аль-Кирмани называет их столпами мира, подчеркивая аналогию между «миром Природы» и «миром религии»: как второй держится на обязательных для каждого мусульманина действиях («столпах религии»), так и первый основывается на четырех «столпах».

[4] Коран, 14:24.

III, 2

[1] Философией *(фальсафа)* и *философами (фалясифа)* средневековые арабские мыслители именовали учение арабоязычного перипатетизма и его последователей.

III, 4

[1] Согласно учению аль-Кирмани, душа является потенциальным разумом.

III, 5

[1] *Ḥаḳḳ 'авваль* — это выражение может быть переведено и как «Первый Истинный», или «Начальный Истинный». Кроме того, *аль-Ḥаḳḳ* («Истинный») — один из эпитетов Бога.

[2] Напомним, что в арабском языке слово «разум» имеет коннотацию с идеей закрепления.

[3] См. примеч. 2 к I, 7.

[4] Коран, 3:1—2, С.

[5] Коран, 2:255, С.

[6] *Светы Единства* — т. е. светы Разумов; «мир Разумов» аль-Кирмани называет миром Единства (или миром Святости, миром Совершенства).

[7] *Высочайшие начала* — аль-Кирмани подразумевает один Сотворенный и девять Эманационных Разумов.

III, 6

[1] Хадис.

[2] Эти строки представляют собой практически дословные параллели с суфийскими образами смятения и томления. Существенная разница, однако, состоит в том, что в суфизме «растерянность» *(ḥайра)* считается необходимой предпосылкой истинного познания Бога, а «томление» *(шавḳ, иштиāḳ)* — атрибутом истинной любви, в которой Бог открывается любящему как познаваемый, тогда как аль-Кирмани утверждает абсолютную непознаваемость Бога.

III, 7

[1] *Поддержанные [небом]* — те, кто одарен откровением свыше *(ваḥй)*, дающим «целокупное» (абсолютное) знание, которое иным путем получить невозможно. Подробнее об этом см.: VII, 14.

[2] *Двигатель душ* — аль-Кирмани имеет в виду небесноподдержанного посланника.

[3] Коран, 4:1, К.
[4] Коран, 41:53.

IV, 1

[1] К этой же теме аль-Кирмани возвращается в VII, 14.
[2] *...отличен...*— в оригинале употреблен глагол с более сильным звучанием: *янфаṣыль*, т. е. отделен, отлучен.
[3] Душа переходит из потенции в акт и становится разумом благодаря «второму воскрешению» (напомним, «воскрешение» и «эманация» выражаются одним термином). Таким образом, обычные люди обретают второе (конечное) совершенство по истечении определенного срока, тогда как Первый Разум обладает обоими изначально.

IV, 2

[1] Коран, 41:53.
[2] *Джафар ас-Садык* — Джафар бен Мухаммед Абу Абдалла (ок. 700—765), шестой имамитский имам, оказавший значительное влияние на формирование шиитской догматики. Возникновение исмаилитского направления в шиизме связано с признанием имамата Исмаила, сына Джафара ас-Садыка, а не Мусы аль-Казима, признанного имамом большинством шиитов. *Абу Талеб* — Абу Талеб ибн Абд аль-Муталеб ибн Хашим, дядя Мухаммеда, взявший на себя заботу о пророке после смерти его родителей и деда и оставшийся его верным опекуном и другом. Али, сын Абу Талеба, впоследствии женился на дочери Мухаммеда Фатиме и был четвертым праведным халифом.

IV, 3

[1] *Три порождения (мавāлūд)* — так аль-Кирмани называет три рода сущего (минералы, растения и животные), образованного комбинациями («смешениями») четырех первоэлементов.
[2] Коран, 9:60. В Коране это выражение, под которым подразумеваются неофиты, не имеет того уничижительного оттенка, который придает ему аль-Кирмани.

IV, 5

[1] См. примеч. 1 к III, 2.
[2] Т. е. имамами, которых признают исмаилиты.
[3] Коран, 41:43.
[4] Коран, 6:141—142, С. *...малые* — в оригинале *фаршāн*. Г. Саблуков и А. Ю. Али переводят это слово как «для заклания в пищу», И. Крачковский — «для подстилки». Слово *фарш* означает «домашняя обстановка», «нечто расстилаемое» — на это значение опирается И. Крачковский, его же использует и аль-Кирмани в последующем толковании данного аята. Это слово означает также «малый скот, негодный для перевозки тяжестей»; именно так мы считаем нужным переводить его здесь, опираясь в этом мнении на «Словарь коранических слов и выражений» (Махлюф Х. М. Калимат аль-кур'ан: тафсир ва баян. Бейрут [б. г.]); под «малым скотом» понимаются овцы, бараны и т. п., которых как раз и употребляют в пищу и шерсть которых используется для изготовления одежд и подстилок.
[5] *...от поддержки...*— аль-Кирмани имеет в виду знания, ниспосылаемые непосредственно «миром Святости», т. е. Разумами.
[6] В оригинале употреблены имена собирательные («маслина» и «гранат»), имеющие грамматически единственное число, поэтому формально в аяте речь идет о *двух* деревьях, которые и ставятся в соответствие двум иерархам мира религии.
[7] «Не размышлял ли ты о том, в каком подобии представляет Бог доброе слово? Оно подобно доброму древу, которого корень крепок и которого вершина на высоте» (Коран, 14:2, С.).
[8] Число, равное нескольким тысячам, имеет ранг единиц и тысяч, нескольким десяткам тысяч — ранг десятков и тысяч, и т. д.
[9] В оригинале приведена транслитерация текста на иврите арабскими буквами и его перевод на арабский. Аль-Кирмани подразумевает не письменную (Пятикнижие Моисея), а устную Тору, включающую также Мишну и Талмуд. Цитируемый отрывок заимствован из трактата «Пиркей Авот» (4-й раздел Мишны), «Пиркей рабби Натан».

IV, 6

[1] По некоторым сведениям, аль-Кирмани был вегетарианцем.
[2] Аллюзия на аят: «Верующие! Повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланнику и облеченным властью решать» (Коран, 4:59).

[3] Коран, 38:20.

[4] *Вервие Бога* — популярное метафорическое обозначение «истинного вероисповедания». Выражение заимствовано из аята: «Все крепко держитесь за вервие Божие и не расходитесь» (Коран, 3:103, С.). Сунниты традиционно толкуют эти слова как предписание строго следовать «Корану и сунне» и осуждение «нововведений», вводимых прежде всего шиитами. Аль-Кирмани использует метафору как указание на исмаилитское учение, содержащее спасительную истину.

[5] Иначе говоря, в знании высших иерархов имманентно содержится знание низших, тогда как знание высших трансцендентно для низших и может быть разъяснено и преподано только по частям.

[6] Коран, 59:24.

[7] Коран, 67:3, С. Этот аят начинается словами: «Тот, Кто сотворил семь небес, поставив одно над другим сводами...»

IV, 7

[1] Коран, 2:285, С.

[2] *Начальный* и *Конечный* — эпитеты Бога: «Он — Начальный и Конечный, Явный и Скрытый, и Он всеведущ» (Коран, 57:3).

[3] Видимо, неточная цитата. Впрочем, Евангелия содержат немало близких изречений. Ср., например: «Никто не восходил на небо, как только Сшедший с небес Сын Человеческий, Сущий на небесах» (Иоанн, 3, 13); в апокрифическом Евангелии евреев: «...наиболее достойны те, кого Отец мой на небесах дал мне» (цит. по: Апокрифы древних христиан. М., 1989, с. 70).

V, 1

[1] Аллюзия на аяты: «Пророк! Мы послали тебя **свидетелем**, благовестителем, угрожателем, призывателем к Богу, **просвещающим** светильником» (Коран, 33:45—46, С.).

[2] Коран, 13:4, С.

V, 3

[1] Коран, 16:78. С.

V, 4

[1] Коран, 14:44.

[2] Коран, 10:64, С.

[3] *Движение с Востока на Запад* (именуемое также *прямым движением)* — естественное движение планет (по ходу вращения небесного свода). *Движение с Запада на Восток* (или *попятное движение)* — иллюзия обратного движения планеты, возникающая у земного наблюдателя, когда Земля «обгоняет» данную планету в процессе своего вращения вокруг Солнца.

V, 6

Коран, 40:58, С.

V, 7

[1] Коран, 16:43, 21:7, К.

[2] *Правдивые* и *лживые знаки Зодиака* — средневековые мусульманские астрологи считали «лживыми» знаки Тельца, Козерога и Водолея, к «правдивым» же относились, по-видимому, все остальные.

Наклонные и *прямые знаки Зодиака* — деление знаков по чисто оптическому признаку их расположения на небе. Знаки, «стоящие прямо,— это Овен, Весы и Стрелец; так сказано в книгах»,— писал Бируни (Беруни А. Р. Избранные произведения. Т. 6. Таш., 1975, с. 167, 213).

Постоянные и *переменные знаки Зодиака* — астрологическое деление знаков Зодиака «по свойствам характера»: постоянство отличает знаки Тельца, Льва, Скорпиона и Водолея, переменчивость — знаки Близнецов, Девы, Стрельца и Рыб. Знаки Овна, Рака, Весов и Козерога назывались «подвижными».

[3] Аль-Кирмани имеет в виду четыре точки эклиптики (зодиакального пояса), играющих первостепенную роль в астрологических предсказаниях: ассендант, дессендант, середину неба и надир. *Ассендант (восходящий градус)* — точка эклиптики, восходящая над горизонтом в некоторый фиксированный момент (например, рождения). *Дессендант (заходящий градус)* — точка эклиптики, противоположная *ассенданту*. *Середина неба* — точка эклиптики, находящаяся посередине между ассендантом и дессендантом по ходу

движения небесной сферы (географический меридиан места, который Солнце проходит в полдень). Это — самая верхняя точка гороскопа, «точка полудня», начало десятого астрологического дома. *Надир* — точка эклиптики, противоположная *середине неба;* начало четвертого астрологического дома. В астрологии эклиптика делится на 12 домов, каждый из которых имеет определенное значение для определения характера и судьбы человека: они связываются соответственно с жизнью, богатством, родственниками, родителями, детьми, здоровьем, браком, смертью, странствованиями, почетом, друзьями и врагами. Предсказания зависят от того, «добрые» или «злые» планеты оказываются в соответствующих домах в некий момент (например, рождения человека или какого-либо события). За начало первого дома принимается *ассендант;* между каждой последовательной парой перечисленных точек (между *ассендантом* и *серединой неба,* между *серединой неба* и *десцендантом* и т. д.) располагаются три дома. Дома, начинающиеся в этих точках, называются *угловыми;* сами точки поэтому называются *остриями угловых домов* (букв.: *«колышки» — автад).*

[4] *Надир* — я привожу более употребительное в русском языке название этого местоположения. В оригинале *ватад аль-'ард,* «колышек земли».

[5] *Жилище,* или *дом планеты,*— различаются *постоянный* и *переменный* дома. *Постоянный дом* планеты — знак Зодиака, в котором планета занимает наиболее сильное положение. Планета, управляющая данным знаком, называется *хозяином знака.* За Солнцем и Луной закрепляется по одному «дому», или «жилищу», за остальными планетами — по два, один из которых считается основным, или *постоянным.* Так, «Дева более соответствует Меркурию, чем Близнецы, Телец — Венере, Овен — Марсу, Стрелец — Юпитеру, а Водолей — Сатурну»,— писал Бируни (Беруни А. Р. Избранные произведения. Т. 6, с. 198). Второй закрепленный за планетой-«хозяином» знак Зодиака называется ее *переменным домом.*

[6] Иначе говоря, Солнце и Луна, в отличие от других планет, не имеют *попятного движения.*

[7] *Аспекты* планет — их взаимное положение в точках эклиптики. В данном случае речь идет об аспектах планет относительно Солнца.

[8] *Голова* и *хвост* — так в старину называли северный и южный (восходящий и нисходящий) узлы орбиты какой-либо планеты, т. е. точки пересечения этой орбиты с солнечной, как они видны земному наблюдателю. Особое внимание уделялось Голове и Хвосту Дракона — узлам лунной орбиты.

[9] *Высшими* считались планеты, сферы (орбиты) которых расположены выше Солнца, т. е. Марс, Юпитер и Сатурн, *низшими* — планеты, расположенные ниже Солнца, т. е. Луна, Меркурий и Венера (см. схему на с. 133).

[10] *Хилег* — точка эклиптики, выбор которой играл основную роль в астрологических предсказаниях. Выбор хилега определяется комплексом особых правил. *Домовладыка* — самая сильная, по характеристике астрологов, из планет, находящаяся в аспекте с хилегом.

VI, 1

[1] Аль-Кирмани имеет в виду «истинного человека», уподобившегося Разумам.

VI, 2

[1] Коран, 40:13, С.

[2] Коран, 4:1, С.

[3] Классические схемы правления исламским государством, такие, как предложенная Маварди, предполагают, что верховный правитель — *имам* непосредственно делегирует свои полномочия *визирю* (либо полностью, когда визирь получает почти все прерогативы имама, либо частично, для выполнения отдельных поручений). То, что предлагает аль-Кирмани, вводя «промежуточную» фигуру *государя,* можно рассматривать как своеобразную коррекцию этой идеальной схемы (она предполагает абсолютное единство исламского халифата), выполненную с учетом как исторической реальности (существование нескольких фактически независимых исламских государств), так и теоретической необходимости согласовать схему построения политической власти с аналогичными структурами мира природы и исмаилитской общины. Впрочем, тот же Маварди, описывая реальную ситуацию своего времени, говорит: «Если же халиф передаст управление отдельными регионами в руки местных властителей и поручит им надзирать за ходом дел, как то происходит в наши дни, государь *(малик)* каждого региона имеет право назначать визирей...» (аль-Маварди, Абу аль-Хасан. Аль-Ахкам ас-султанийя ва-ль-вилаят ад-динийя. Бейрут, 1990, с. 71).

Слово *'амиль* (букв.: «работник»), которое я перевожу здесь термином «чиновник», означало в средневековье тех подчиненных

визирю лиц, которых он набирал по своему усмотрению для выполнения возложенных на него функций. Низшую ступень политической иерархии занимают в схеме аль-Кирмани рядовые *подданные*.

[4] Как *государь* является преемником и заместителем *имама*, так и *визирь* замещает *государя* в тех или иных делах управления государством.

VI, 3

[1] *Беспорядочное движение* — букв.: «волнообразное», т. е. совершающееся во все стороны, без преимущественно выраженного направления.

VI, 4

[1] *Пограничные слои* — в оригинале *атрāф*. Подлунное тело, согласно аль-Кирмани, представляет собой сферу, ядром которой является земля (понятие первоэлемента «земля» и планеты Земля у аль-Кирмани совпадают), покрытая тремя оболочками — водой, воздухом и огнем.

VI, 5

[1] Коран, 40:57.

VI, 6

[1] Под *центром небесной сферы* аль-Кирмани понимает не точку, а концентрическую по отношению к ней меньшую сферу, т. е. землю.

[2] *...окружала бы вода...*— т. е. сфера земли была бы полностью покрыта оболочкой воды. О логике пространственного мышления аль-Кирмани дает представление рисунок на с. 133, где представлены как *земные тела (аджсām суфлийя* — букв.: «низшие») — земля, вода, воздух и огонь,— так и *небесные тела (аджсām ʿалавийя* — букв.: «высшие») — расположенные выше их небесные сферы. В данном случае *выше* то, что расположено ближе к границам сферы мироздания, а *ниже* — то, что находится ближе к ее центру.

[3] Речь идет о водяных часах, снабженных различными механическими устройствами, в которых часто использовались шарики или мячики. Для примера приведу описания некоторых из них: «В VI в. арабы приходят в соприкосновение с персами и византийцами и перенимают у них искусство создания водяных часов. Скоро арабы стали сами создавать водяные часы, снабженные различного вида механическими устройствами. Уже в начале IX в. Гарун ар-Рашид смог послать в качестве подарка Карлу Великому художественно выполненные водяные часы, созданные руками арабских мастеров. ...Эгингард, историограф Карла Великого, об этих часах писал следующее: „...позолоченные часы, изготовленные удивительно искусно. Особый водяной механизм указывал часы, означавшиеся еще боем от падения определенного числа шариков в медный таз...“

Водяные часы у арабов имели уже весьма сложное автоматическое устройство. Кроме времени, они показывали праздничные дни по календарю, положение Солнца в Зодиаке и положение других небесных светил.

...Остановимся на двух характерных видах водяных часов. Одни были установлены во время правления Султана Саладина (1146—1163) на большой мечети в Дамаске. Их изобретателем был Ридван, известный своими трактатами о часах. Дамасские часы состояли из большой арки, в которую были вделаны двенадцать створчатых окон (арок), т. е. столько, сколько было тогда в сутках часов. Живописный вид дополняли два сокола из литой латуни, расположенные возле первого и последнего окошечка. Каждый час они, проходя последовательно от одной арки к другой, роняли в бассейн столько шаров, сколько прошло часов. Можно было различать и часы ночи, так как за ночь источник света перемещался от первой к последней арке.

Механизм часов не содержал в себе зубчатой передачи. Движение от поплавков передавалось посредством шнуров и бечевок, пропускаемых вокруг различных роликов и шкивов. На своих концах бечевки несли противовесы, гири.

Весьма характерны также водяные часы, изготовленные Газари. Высота их фасада около 4 *м*, верх заканчивается аркой; у свода арок движущаяся лента поддерживала двенадцать знаков Зодиака. Под ними находились изображения Солнца и Луны; их восход и заход соответствовал времени года и происходил соответственно знакам Зодиака... В конце каждого часа птицы, расположенные в нишах, наклоняли голову и бросали шарики в бронзовые сосуды.

...Описание водяных часов Газари и Ридвана живо напомина-

ет приведенные выше описания часов из Газы (речь идет о византийских водяных часах со сложной механикой боя.— *А. С.*) и часов, подаренных Карлу Великому Гаруном ар-Рашидом. Во всех этих водяных часах истекшее время отмечалось падением соответствующего количества медных шариков» (Пипуныров В. Н. История часов с древнейших времен до наших дней. М., 1982, с. 87, 88, 90, 96).

[4] Представление об образовании суши в результате наноса земли потоками воды было распространено в средневековой арабской географической литературе. Так Бируни сообщает: «Что касается тех земель и пустынь всего ас-Судана, то они образованы наносами потоков, низвергавшихся с Лунных и Южных гор (подразумеваются горы, откуда вытекает Нил.— *А. С.*); они постепенно приподнялись, подобно земле Египта, после того как она была морем» (аль-Бируни А. Р. М. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Л., 1963, с. 225).

[5] *Сиф* — согласно каноническому тексту Библии, третий сын Адама (см.: Быт., 5, 3); гностический Апокриф Иоанна называет его первым сыном Адама (тогда как Каин и Авель рождены Евой от протоархонта — см.: Апокрифы древних христиан. М., 1989, с. 212—213); Мохиддин Ибн Араби также считает Сифа первым сыном Адама (Ибн Араби. Фуṣӯṣ аль-ḥикам. Бейрут, 1980, с. 66). *Сим* — первый сын Ноя (Быт., 5:32 и др.). *Исмаил* — старший сын Авраама (Быт., 16, 1—15; 17, 5); рожденный от рабыни Агари, он был лишен права первородства. *Иисус [Навин]* — «служитель Моисея» (Исх., 24, 13), совершивший военные и прочие подвиги (Исх., 17, 9; Числ., 13, 17—18 и др.) и назначенный Моисеем начальником народа (Числ., 28, 18; Втор., 30, 14; 30, 23). *Симон* — очевидно, Симон Петр (Мф., 14, 18 и др.), один из апостолов. *Али* — Али бен Аби Талеб (см. примеч. 2 к IV, 2). *Худджа воздвиженного* — сподвижник будущего высшего исмаилитского иерарха, который появится в конце истории.

[6] Очевидно, аль-Кирмани подразумевает климатические зоны. «Деление обитаемой суши на семь зон (кишваров) восходит к древнеиранской традиции; понятие «климат» как широтная климатическая зона, по-видимому, было введено в науку Эратосфеном. Первым, кто синтезировал обе традиции и предложил деление обитаемой земли на семь климатов по широтному принципу, был Хорезми» (Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. 4. Арабская географическая литература. М.—Л., 1957, с. 95).

[7] Коран, 56:49—50, К. Более подробно к этой теме аль-Кирмани возвращается в VII, 14.

[8] *...от рода Исаака, сына Авраама, к роду Исмаила, сына Авраама...*— иными словами, от евреев к арабам. Арабы считали своим прародителем Исмаила, первого сына Авраама, рожденного от рабыни Агари (и потому впоследствии лишенного права первородства); в средневековье их нередко называли поэтому «исмаильтянами» (или «измаильтянами»). Евреи же ведут свою родословную от Исаака — сына Авраама от его жены Сары, дарованного Богом Аврааму, когда тот находился уже в преклонном возрасте. Аль-Кирмани имеет в виду завершение эпохи пророчества среди евреев (на рубеже нашей эры, после второго разрушения иерусалимского храма) и переход этого дара к арабам, что выразилось в пророческой деятельности Мухаммеда. Он вместе с тем обыгрывает совпадение имен Исмаила — сына Авраама и Исмаила — эпонима исмаилитской секты.

VII, 1

[1] *Прямое* и *попятное движения* планеты — см. примеч. 3 к V, 4.

Первое стояние планеты происходит по достижении ею точки восточного положения (или в современных терминах *восточной элонгации*) и предшествует ее попятному движению; перед началом прямого движения планета находится в положении *второго стояния*. «Во время восточного положения планета обладает полной силой, персы называют его положением, когда [планета] является *везирем*, и всякий, кто хочет сделать доброе, должен делать в это время» (Беруни А. Р. Избранные произведения. Т. 6, с. 235).

Дом — часть Зодиака, проходящая через фиксированную точку неба за два часа. Каждый дом имеет своего хозяина, или владыку,— определенную планету.

Границы — «это подразделения в различных знаках Зодиака, к каждой из которых относят планету. Люди расходятся в этом...» (там же, с. 203). В европейской астрологии границы именуются термами (от лат. terminus — «граница»). *Грань* — «это треть знака Зодиака, равная [десяти градусам], и их владыка. По мнению персов и греков, владыка первой трети Овна — Марс, второй — Солнце, третьей — Венера и так далее до конца знаков Зодиака по последовательности небесных сфер снизу» (там же, с. 202). В европейской астрологии именуется деканатом.

Экзальтация планеты — положение ее в том знаке Зодиака, в котором она проявляет свои лучшие качества и, по выражению Бируни, «подобна царю на троне» (там же, с. 199). *Падение*

планеты происходит в знаке Зодиака, противоположном знаку экзальтации; в знаке *падения* положение планеты наихудшее (т а м ж е, с. 199).

Ущерб — знак Зодиака, противоположный *дому* планеты (т а м ж е, с. 198).

Треугольник — тройка равноотстоящих друг от друга знаков Зодиака, изображающаяся равносторонним треугольником, вписанным в эклиптику. Имеется четыре треугольника, соответствующие четырем первоэлементам: треугольник Овен — Лев — Стрелец соответствует огню, Телец — Дева — Козерог — воздуху, Близнецы — Весы — Водолей — воде, Рак — Скорпион — Рыбы — земле (см. т а м ж е, с. 311, коммент.). Как сообщает Бируни, у каждого из треугольников есть свой ночной, дневной и общий (относящийся ко дню и ночи) владыка (т а м ж е, с. 199—200).

Нухбахр — термин происходит от персидских слов *нух* — «девять» и *бахр* — «доля» (т а м ж е, с. 312, коммент.). Как сообщает Бируни, нухбахры — это девятые части знаков Зодиака из равных частей, индийцы называют их навамсами и придают им большое значение (т а м ж е, с. 207). В тексте аль-Кирмани — *нӯбахр*, по-видимому, искаженное *нухбахр*. Впрочем, возможно, имеется в виду и *нимбахр* — от персидских слов *ним* — «половина» и *бахр* — «доля». «Что такое нимбахр? Это половина знака Зодиака. Индийцы называют его *часим*. Первая половина каждого мужского знака Зодиака мужская и относится к Солнцу, вторая — женская и относится к Луне, первая половина каждого женского знака Зодиака, наоборот, относится к Луне, а вторая — к Солнцу» (т а м ж е, с. 202, с. 312, коммент.).

Дрекан — современное чтение слова *дриджан* (аль-Кирмани приводит измененную транскрипцию *зарӣдж*), арабизированного варианта индийского слова дриган, являющегося искажением греческого слова, обозначающего треугольник. Дреканы — «это трети знаков Зодиака у индийцев, называвших их *дриганами*. Но их владыки отличны от владык *граней*, так как первый *дриджан* имеет владыкой владыку всего знака Зодиака, владыка второго — владыка пятого знака Зодиака, а владыка третьего — владыка девятого знака Зодиака» (т а м ж е, с. 202; с. 312, коммент.).

Восточное и *западное* положение (элонгация) — максимальное удаление планеты (обычно рассчитываемое для Меркурия и Венеры) от Солнца, исчисляемое в градусах; для различных планет различное.

Острия угловых домов — см. примеч. 3 к V, 7.

...овладевают ассендантом, возвышаются или опускаются относительно него...— т. е. находятся непосредственно в *восходящем градусе* (см. примеч. 3 к V, 7), обгоняют или отстают от него. Планете, связанной с ассендантом таким образом, часто приписывалось решающее значение для всей судьбы человека.

Аспекты планет — их взаимное положение в точках эклиптики. Выделяются несколько имеющих особое положение аспектов: когда планеты находятся в точках вписанного в круг эклиптики шестиугольника *(секстиль)*, треугольника *(тригон)* или *квадрата* (первые два аспекта благоприятны, третий — неблагоприятен), в противоположных *(оппозиция)* или близких друг к другу *(соединение)* точках эклиптики.

...когда большинство их собирается в том или ином знаке Зодиака...— Скопление трех и более планет в одном знаке (так называемый стеллиум) считалось дурным признаком.

VII, 2

[1] *Два нижних тела* — земля и вода, *два* ***вышестоящих тела*** — воздух и огонь.

[2] Коран, 13:14, С.

[3] Коран, 53:9, С. *На расстоянии двух луков* — идиома, означающая «очень близко» (ср. р у с.: «на расстоянии полета стрелы»). Я сохраняю буквальный перевод, чтобы показать используемую аль-Кирмани игру слов.

[4] Рассуждение о *радуге* связано с приведенным аятом благодаря игре слов: «радуга» по-арабски — *ḳавс ḳузаḥ*, букв.: «лук Кузаха» (Кузах — имя ангела, ведающего облаками).

[5] Коран, 41:53.

VII, 3

[1] *Минералы (маʿāдин)* — так согласно средневековой классификации сущего именовали все неорганические вещества. *Животные (ḥаявāн)* — все живые существа, включая человека. Когда аль-Кирмани хочет подчеркнуть отличие человека от прочих животных, он называет последних *бахāʾим* — «неразумная скотина».

[2] В оригинале *тальḳ*. Под этим термином подразумевалась, очевидно, слюда (см.: а л ь-Б и р у н и А. Р. М. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Л., 1963, с. 447, коммент.).

[3] *Марказит (марқашīша)* — «...это название в средневековой восточной и европейской минералогии объединяло почти всю группу серных минералов — колчеданов. Золотистый, серебряный, медный марказиты, очевидно, соответствуют современному медному колчедану, марказиту и пириту, а возможно, и другим сернистым рудам» (аль-Бируни А. Р. М. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия), с. 436).

[4] Аль-Кирмани приводит распространенное среди его современников мнение. Например, у Шамс ад-Дина ад-Димашки об этом говорится: «Среди камней нет ни одного, кроме свинца, который пожирал, разбивал или портил бы алмаз. Он же (свинец.— *А. С.*) разламывает его и размельчает. Этот камень (алмаз) по природе должен был бы стать золотым. Но воду, из которой образовался алмаз, когда он находился в месторождении, высушило тепло рудника, влага его исчезла, и он уплотнился так, что в нем образовалась клейкость, подобная клейкости ртути. Затем, благодаря крайней сухости, он быстро уплотнился до состояния камня, и в нем появилась соленость. Поэтому свинец его разламывает и размельчает. Если бы он отвердевал постепенно и медленно, то он стал бы золотом. Вследствие своей солености и крайней сухости он пожирает другие камни. Но свинец его разламывает и портит благодаря наличию в нем субстанции серы. И потому что в алмазе заключена природа соли, он, почуяв запах серы, распадается» (Cosmographie de Chems-ad-Din Abou-Abdallah Mohammed ed-Dimichqi. Text arabe, publ. d'apres l'edition commence par M. Fraehn... par M. A. Mehren. St.-Petersbourg, 1886; цит. по: аль-Бируни А. Р. М. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия), с. 85).

Бируни по этому поводу пишет: «Кроме того, с целью удивить он (Абу Зейд ар-Раджани.— *А. С.*) сообщает об алмазе, что, будучи самым твердым из камней и самым победоносным среди них, он разбивается самым мягким из металлов и самым слабым, а именно — свинцом, больше всего похожим на воск. И это, как они говорят, особое свойство свинца, такое же, как и способность его своим запахом крошить золото. Больше того, так же действует и глет, приготовленный из свинца, когда им покрывают внешнюю поверхность тигля.

Но дело здесь в другом: алмаз наносит раны молоту и наковальне, если его будут раздроблять с помощью их, и тем портит поверхность их обоих. Когда он раздробляется, то портится сам и портит одновременно их; поэтому его обертывают в кусок свинца и легонько бьют по нему, пока сила ударов не одолеет его, и тогда он не в силах причинять вред ни молоту, ни наковальне; при этом достигается возможность предохранить алмаз от того, чтобы он не разлетался и не рассыпался. При этом свинец можно заменить воском в тростниковой трубочке» (там же, с. 85).

VII, 4

[1] Интересно сравнить это высказывание с мнением Бируни, который писал: «Все камни плавают, не утопая, на поверхности ртути, исключая золото, ибо оно тонет в ней из-за большой тяжести, но не из-за того, что ртуть соединяется с ним и притягивает его к себе, как об этом думали некоторые; мы проверили это при [различных] условиях, и обнаружилось ясно, что это происходит лишь благодаря свойству тяжести». Вместе с тем Бируни поддерживает мнение о взаимодействии золота и ртути: «Ртуть легко погружается в расплавленные вещества, а в железо — с трудом. Она разрушительна для золота, крошит его своим веществом, а также запахом (парами), если он распространяется от огня или если ветер доносит его до золота, находящегося далеко от нее» (аль-Бируни А. Р. М. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия), с. 216, 217).

[2] *Зу-н-Нун аль-Мисри* (ок. 796—860/861) — один из наиболее известных египетских суфиев.

VII, 5

[1] В арабском средневековье бытовало представление о дереве, растущем на острове Ваквак и давшем ему свое имя. Как сообщает Бируни, эти «невежественные представления» относятся к «дереву, на котором произрастают плоды, подобные человеческим головам и могущие кричать» (Берунн А. Р. Избранные произведения. Т. 2, 1963, с. 205). Относительно местоположения этого острова существовали самые разные мнения. Сам Бируни связывает остров Ваквак с архипелагом Кмайр, являющимся частью островов Дива (Мальдивских); другие помещали его недалеко от побережья Китая или Африки (см. там же. Т. 3, 1966, с. 311, коммент.).

VII, 6

[1] *Марх* — стелющийся и стоячий терновник, без листьев и колючек, легко воспламеняется. Я даю транслитерацию его арабского названия *(марх)*, так как русского в известной мне литературе обнаружить не удалось. Латинское название — Leptadenia pyrotechnica; возможно, также Cynanchum pyrotechnicum. Бируни сообщает: «Иногда от ветра ветки *марха* трутся друг о друга, воспламеняются и сгорают» (Беруни А. Р. Избранные произведения. Т. 4, 1973, с. 806). *Земляничник (ʿафар)* — земляничник крупноплодный *(Arbutus unedo)*. Эти два кустарника вошли в поговорку: «В любой ветке таится огонь, но более всего — в *землянични*ке и *марх*е» *(фи кулли шаджара нар ва-стамджада аль-марху валь-ʿафар)*.

VII, 7

[1] В VII, 8 аль-Кирмани возвращается к вопросу о происхождении животных и называет *квинтэссенцией* тонкие частицы земли, смешанные с частицами растений.

[2] Коран, 71:17, С.

[3] *Кирмизийй* — это прилагательное происходит от слова *кирмиз*, означавшего кошениль, популярный в средние века краситель (он изготовлялся из червей, обитавших на деревьях).

[4] *Люди подзащитные (ахль аз-зимма)* — так в средневековых арабских государствах назывались иноверцы, платившие подушную подать, признававшие власть мусульман и потому пользовавшиеся покровительством последних; *люди явного поклонения* — мусульмане.

VII, 8

[1] *Халийя* — термин образован соединением вопросительной части *халь* и суффиксом абстрактного существительного *-ийя*.

[2] «Мы сотворили человека из квинтэссенции праха» (Коран, 23:12).

[3] *Людская душа* — этим словосочетанием передано выражение *нафс аль-башар*. Термин *башар* — «люди» (собир.) — обычно используется, когда речь идет о качествах, присущих всему человеческому роду; слово *инсан* — «человек» — чаще употребляется в тех случаях, когда аль-Кирмани хочет подчеркнуть отличие отдельных обретших совершенство людей от массы.

[4] См. примеч. 2 к IV, 3.

VII, 9

[1] Коран, 16:78, С.

[2] *Самостоятельное* (само-стоятельное) — это слово является фактически калькой арабского *қа'им би-зати-хи (қа'им* — букв.: «стоящий», *би-зати-хи* — «благодаря самому себе»). *Становится* — *якӯм* — т. е. превращается в *самостоятельную*.

[3] В оригинале *ʿильм кайфийя*, букв. «знание о качестве». Ниже оно противопоставляется «знанию о количестве»; в первом случае речь идет о том, *как*, а во втором — о том, *сколько*, причем эти *как* и *сколько* относятся к совершенно разным объектам (*как* выполнять религиозные ритуалы и *сколько* имеется рангов иерархии сущего).

[4] Коран, 50:6, С.

[5] Коран, 86:5, С.

[6] Коран, 29:20, К.

[7] Аль-Кирмани имеет в виду одну из максим ислама: «Деяния расцениваются по намерениям» *(аль-аʿмаль би-н-ниййат)*.

VII, 10

[1] Мысль аль-Кирмани сводится к тому, что *сенсибельное сущее* вне души актуально как сущее, но потенциально как сенсибельное до тех пор, пока душа не познала его.

[2] См. примеч. 2 к I, 2.

[3] Или *как первой эманации и конечного воскрешения* — см. примеч. 4 к I, 4.

[4] Коран, 23:12—14.

[5] «А если кто будет спорить об этом после того, как пришло к тебе это учение, то ты скажи им: пойдем, созовем наших сынов и ваших сынов, наших жен и ваших жен, будем тут сами мы и сами вы, заклянем себя и призовем проклятие Божие на говорящих ложь!» (Коран, 3:61, С.). Эти слова Бога обращены к Мухаммеду.

[6] Это выражение часто встречается в Коране (6:73, 9:94 и др.).

VII, 11

[1] *Тонкие парные органы* — в оригинале *ашрафӣн*. Из контекста употребления на с. 363 ясно, что под этим термином подразумеваются гениталии.

[2] Под *искусством кудесников (ша'ваза)* в средневековье обычно понималась способность создавать у зрителей иллюзию присутствия вещей (см. примеч. 3)

[3] *Талисманическое воздействие (тильсамӣт)* — способность воздействовать на вещи посредством других вещей. Ибн Халдун пишет: «Науки о магии *(сихр)* и талисманах — это науки о том, каким образом человеческая душа может влиять на природный мир без всякого посредника или при посредстве небесных сил. Первое называется магией, а второе — талисманическим воздействием. ...Хотя все человеческие души принадлежат одному роду, они различны по своим специфическим особенностям. ...Души, оказывающие магическое воздействие *(ан-нуфӯс ас-сӣҳира)*, трояки. Во-первых, те, которые воздействуют только своей энергией *(химма)*, без каких-либо орудий или посредников; именно это философы называют магией. Во-вторых, [воздействующие], опираясь на посредника (небесные сферы, элементы или особенности чисел); это именуется талисманическим воздействием. В-третьих, воздействие на силу представления. Такой человек определенным образом подчиняет себе силу представления и формирует в ней различные образы, а затем предлагает их чувству зрителей, воздействуя на него своей душевной силой. Зрители видят эти образы как бы находящимися вовне, тогда как там нет ничего (как рассказывают, некоторые из них видят сады, реки и замки, хотя ничего такого нет). Это философы называют кудесничеством» (Ибн Халдун. Аль-Мукаддима. Бейрут, [б. г.], с. 496—498).

Ясновидение (кихӣна) — способность предсказывать будущее. Знание о неведомом ясновидцы получают, по их утверждению, от духов, внимающих ангелам. Ибн Халдун пишет, что «ясновидцы способны открывать скрытое с помощью бесовских сил» (там же, с. 497).

[4] См. примеч. 2 к IV, 3.

[5] Кораническое выражение (13:41, 21:44). Подразумеваются земли, еще не попавшие под контроль мусульман.

[6] Коран, 67:3, С.

VII, 12

[1] Подробно вопросы эсхатологии аль-Кирмани разрабатывает в VII, 13, 14.

[2] *Муавия* — Муавия бен Аби Суфьян (ок. 605—680), шурин Мухаммеда и сын одного из вождей курейшитов, враждовавшего с Мухаммедом. С именем Муавии связаны принципиальные в истории шиизма моменты — он отказался признать Али халифом и воевал с ним, а после его убийства добился того, что сын Али — Хасан отказался от притязаний на власть; это позволило Муавии стать халифом.

[3] Слово *'ақль* означает также «разум». Игра слов подчеркивает связь этического совершенствования с познанием и достижением более высокого онтологического ранга; см. также примеч. 1 к I, 5.

VII, 13

[1] *Начальное творение:* аллюзия на Коран, 50:15; *первое устроение* — аллюзия на Коран, 56:62.

[2] Коран, 31:28.

[3] Коран, 22:5, С.

[4] Там же. С.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же. С.

[9] Там же. С.

[10] Коран, 56:62.

[11] Там же.

[12] *Дахриты* (от *дахр* — «вечность») — общее название последователей учений, не признававших сотворение мира во времени.

[13] Коран, 40:15, С.

[14] *...по Его... воле...* — в оригинале *мин 'амри-хи*, букв.: «по Его приказанию». Слово *'амр* означает «приказание», а также — «нечто», «дело», «вещь», поэтому *мин 'амри-хи* может быть также понято как «[благодать, изливающаяся] от того, что Им произведено», т. е. от Первого Сущего. Об отождествлении понятия *'амр* с понятием Первого Сущего см. также с. 252.

[15] Аллюзия на аят: «Прозвучит труба, и все, что на небесах и что на земле, изомрет как умирает пораженный молнией...» (Коран, 39:68, С.). *«Прозвучит труба»* — букв.: «дунут в трубу»; здесь

использован глагол *нафаха*, означающий также «вдохнуть [дух]», что позволяет аль-Кирмани связать этот аят со своими рассуждениями. (См. также примеч. 57, 58 к VII, 14).

[16] Коран, 62:2, С.
[17] Коран, 2:213, С.
[18] Коран, 2:56, С.
[19] Коран, 2:55, С.
[20] Там же, С.
[21] Там же, С.
[22] Коран, 2:55.
[23] Коран, 2:56, С.
[24] Там же, С.
[25] Там же, С.
[26] Коран, 23:101, С.
[27] Коран, 78:18, С.
[28] Коран, 78:19, С.
[29] Коран, 78:20, С.
[30] Коран, 39:68, С.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же, С.
[34] Коран, 39:69, С.
[35] Там же.
[36] Там же.
[37] Там же, С.
[38] Коран, 3:179.
[39] Коран, 101:4, 5, С.
[40] Коран, 99:6, 7, К.
[41] Коран, 15:92, 93, С.
[42] Коран, 27:84.
[43] Коран, 7:6—8.
[44] Коран, 83:18.
[45] Коран, 83:7.
[46] Коран, 17:14.
[47] Коран, 17:14.
[48] Коран, 7:52, С.
[49] Коран, 7:52, С.
[50] Коран, 7:52.
[51] Коран, 7:52.
[52] Коран, 7:52, С.
[53] Аллюзия на коранические описания рая (см.: Коран, 56:11—24; 88:15; 18:31; 36:56; 37:48 и др.).

[54] *Кипяток и помои* — питье и пища грешников в аду (см.: Коран, 6:70; 69:36 и др.)
[55] В оригинале двойственное число: *шахадатан*, т. е. две формулы веры; имеются в виду две части единой формулы: «свидетельствую, что нет бога кроме Бога, свидетельствую, что Мухаммед — посланник Бога».
[56] См. примеч. 2 к I, 2.
[57] Коран, 54:54, 55, С.
[58] Коран, 54:52, С.
[59] Коран, 54:53, С.
[60] Коран, 54:54, С.
[61] Коран, 54:55, С.
[62] Там же, С.
[63] Хадис (см. примеч. 3 к I, 5)
[64] Аллюзия на аят: «Он (Мухаммед.— *А. С.*) некогда видел его (архангела Гавриила.— *А. С.*) в другой раз, у Крайнего Лотуса, там, где райская обитель» (Коран, 53:13—15, С.). *Крайний Лотус* — коранический символ последних пределов открытого людям божественного знания.
[65] Аллюзия на аят 53:15.
[66] Коран, 83:18.
[67] Коран, 83:27—28, С. *Тасним* — название райского источника, букв.: «возвышенный», «наполненный».
[68] Коран, 83:19, С.
[69] Коран, 83:20, С.
[70] Коран, 83:21, С.
[71] Коран, 83:22.
[72] Коран, 102:8. Более точно смысловой акцент коранического контекста отражает перевод Саблукова: «В тот день от вас спросят ответственности за привязанность к удовольствиям», но поскольку толкование аль-Кирмани расходится с этим смыслом, я даю более нейтральный перевод.
[73] См. примеч. 2 к IV, 2.
[74] Коран, 83:23.
[75] Коран, 83:24.
[76] Там же.
[77] Коран, 83:25.
[78] Коран, 83:26, С.
[79] Там же.
[80] Коран, 83:27—28, С.
[81] Коран, 20:9—10, С. Слова *кудс* — «святость» и *кабас* — «головня, уголек» близки по звучанию и написанию; кроме того,

слово *қабаса* означает «учиться», «получать знания», а именно знание ведет к миру Святости.

[82] Коран, 28:41, С. *Вожди* — букв.: «имамы»; цитируя этот аят, аль-Кирмани еще раз подтверждает свою мысль о том, что вождей и последователей не исмаилитских учений ждет ад.

[83] Коран, 83:7—10, С.

[84] *Явное бездолие* — аллюзия на два коранических аята (22:11 и 39:15), в которых говорится о людях, для которых потерян и этот, и загробный мир, а также собственные души в день Воскресения.

[85] Коран, 7:44, С.

[86] Хадис.

[87] *Таковое* — слабость и приниженность, которые характеризуют низшую (чувственную) ступень души, в противоположность могуществу и возвышенности, характерным для душ, достигших своей высшей ступени и ставших внеприродными разумами.

[88] Коран, 83:14, С.

[89] Аль-Кирмани имеет в виду правителя исмаилитской общины.

[90] «Обитатели огня воззовут обитателям рая: излейте на нас какую-либо малость воды, или что-либо из того, чем наделил вас Бог! Они скажут: Бог то и другое запретил для неверных» (Коран, 7:50, С.).

[91] Коран, 23:100. Этот аят начинается словами: «Лишь когда придет смерть, такой [неверующий] скажет: „Господи! Возврати меня [к жизни]“. „Ни за что! Это только слова“...»

[92] Аллюзия на Коран, 7:46, 48.

[93] Коран, 7:46.

[94] Коран, 7:47, С. Аль-Кирмани пропускает слова «...„Мир вам!“ воскликнут к обитателям рая те, которые не вошли в него, как ни сильно желали того. И когда взоры их обратятся к обитателям огня, они скажут...».

[95] Хадис.

[96] Коран, 56:49—50, С.

[97] *«Загробное устроение»* — аллюзия на Коран, 29:20; *«новое творение»* — аллюзия на 13:5; 14:19; 32:10, 34:7 и др.

[98] Коран, 55:33.

[99] *Другое устроение* — аллюзия на Коран, 53:47; *начальное устроение* — аллюзия на 56:62.

[100] Коран, 56:62.

[101] Там же.

[102] Коран, 23:100.

[103] *Добрые последователи* — аль-Кирмани имеет в виду обычных (не занимающих никакой ступени в иерархии) верующих.

[104] Коран, 17:71, С. *«...с их вероучителями»*...— в оригинале букв.: «с их имамом», т. е. имамом каждой из групп людей.

[105] Коран, 2:260, С.

[106] Там же, С.

[107] Там же, С.

[108] Там же, С.

[109] Там же.

[110] Там же, С.

[111] Там же.

[112] Там же, С.

[113] Там же.

[114] Коран, 2:260. Аль-Кирмани относит эпитеты «могущественный» и «мудрый» к пророку (глаголящему), тогда как в Коране они отнесены непосредственно к Богу.

VII, 14

[1] Коран, 54:11—12, С. Аль-Кирмани опускает слова «а земле велели пролить источники» (в цитируемом аяте речь идет о начале потопа).

[2] Коран, 2:43, 2:83, 2:110 и др., С.

[3] Коран, 2:183, С.

[4] Коран, 19:16, С.

[5] Коран, 96:1, С.

[6] Коран, 96:5.

[7] Коран, 74:1—2.

[8] Коран, 20:114, С.

[9] Там же.

[10] Коран, 5:70, С.

[11] Коран, 4:59, С.

[12] Коран, 42:51, С.

[13] Аллюзия на явление архангела Гавриила Марии: «Послали Мы к ней духа Нашего: пред ней он предстал в образе обычного человека» (Коран, 19:17).

[14] Коран, 4:77, С.

[15] Коран, 14:24, С.

[16] Коран, 24:35, С.

[17] «В сотворении небес и земли, в смене ночи и дня есть знамения для обладающих рассудительностью, для тех, которые вспоминают Бога, стоя, сидя, лежа, и размышляют о сотворении небес и земли: «Господи наш! Ты сотворил это не напрасно; хвала Тебе! Сохрани нас от мук в огне» (Коран, 3:190—191, С.).

[18] *...«и лежа»* — в оригинале *ʿаля джунӯби-хим*, букв.: «[лежа] на своих боках», или «сторонах»; эти различные «стороны» аль-Кирмани и истолковывает как различные состояния.

[19] «Неужели не ходили они по земле и не было у них сердец, чтобы уразуметь? и ушей, чтобы выслушать? Ведь не слепы очи их, но слепы сердца, что в груди их» (Коран, 22:46).

[20] Коран, 38:45.

[21] Коран, 47:11, С. Предшествующий цитируемому аят звучит так: «Не проходили ли они по этой земле, не видели ли, каков был конец предшественников их? Бог истребил их; подобное тому будет и с этими неверными» (47:10, С.).

[22] Хадис.

[23] См. примеч. 13 к данной главе.

[24] Это выражение заимствовано из 2:26: «Бог не стыдится представить в притчу комара или что-либо ничтожнее его» (С.).

[25] Коран, 22:52, К.

[26] Коран, 8:1, С.

[27] Коран, 8:41, С.

[28] Иначе говоря, все те недостающие звенья целостной картины мироздания, которые должны существовать, чтобы эта картина обрела свою законченность, но которые не существуют в данный момент.

[29] Хадис.

[30] См. примеч. 2, 3 к VII, 11. Ниже аль-Кирмани утверждает, что *кудесничество* возможно без всякого обмана чувств, хотя Ибн Халдун придерживается обратного мнения. Вместе с тем последний также уверен в сверхъестественных способностях магов и кудесников: «Их деяния действительно совершаются. Я сталкивался со многими и лицезрел их без малейшей тени сомнения. Вот что можно сказать о магах и кудесниках и их воздействии на мир» (Ибн Халдун. Аль-Мукаддима, с. 501).

[31] В оригинале игра слов: *чудо (муʿджиз)* — букв.: «нечто невозможное».

[32] См. примеч. 4 к IV, 6.

[33] *Воспримчив* — в оригинале *джавдат ат-таṣаввур*, т. е. «обладает хорошей способностью запечатлевать формы».

[34] Перечислены три рода существ: люди, животные и минералы.

[35] *...к нему...* — к соответствующему глаголящему, от Адама до Мухаммеда.

[36] «Бог есть свет небес и земли. Свет Его подобен светильнику в нише: светильник в стеклянном сосуде; стеклянный сосуд блистает как звезда. В нем горит благословенное дерево — маслина, какой нет ни на Востоке, ни на Западе; масло в нем источает свет почти без прикосновения к нему огня. Свет к свету! Бог ведет к Своему свету, кого хочет. Бог представляет людям подобия. Бог всеведущ» (Коран, 24:35).

[37] «Потом Он взошел к небу, которое было как дым, и сказал ему и земле: идите ко Мне добровольно или невольно! Они оба сказали: идем добровольно!» (Коран, 41:11, С.).

[38] Аллюзия на хадис: «Когда Бог ударил меня меж лопаток, я получил знание [всех людей], от первых до последних».

[39] *Их обоих* — и глаголящего и заветника.

[40] Как и в русском, в арабском языке *маслина* и *масло* этимологически связаны.

[41] По мысли аль-Кирмани, эти наместники суть подобия «того, кто замещает Бога».

[42] Коран, 13:8, С.

[43] «Некто спросил о наказании, что постигнет нечестивых, никем не отразимом, у Бога, владыки ступеней лестницы, по которой ангелы и дух восходят к Нему в течение дня, которого продолжение пятьдесят тысяч лет. Но будь терпелив твердым терпением. Они видят его отдаленным, а Мы видим его приближенным» (Коран, 70:1—7, С.). Толкуя ниже этот отрывок, аль-Кирмани опускает его первые слова («Некто спросил о наказании, что постигнет нечестивых»), а далее местоимение «он» относит не к наказанию, а к предержателю седьмого цикла, и присоединяет к этой части аята слова «у Бога» (тогда как, согласно коранической разбивке текста, ими начинается другая часть аята), связывая их с местоимением «он», а не с глаголом «спросил», как то предполагает коранический контекст. В результате вне своего контекста эти слова *(лайса ля-ху дāфиʿ мин аллā)*, хотя сами по себе они и не изменены, вместо «...никем не отразимом, у Бога...» означают «Нет у него преграды от Бога». Именно этот перевод и приведен ниже, где речь идет о толковании данной цитаты.

[44] Коран, 78:38, С.

[45] Аллюзия на аяты: «Они хотят узнать у тебя, скоро ли наступит наказание; Бог не изменит Своего обещания: истинно, у Господа твоего и день один как тысяча годов, какими вы считаете время» (22:47, С.); «Он низводит все с неба на землю, а потом оно восходит к Нему в день, которого продолжение тысяча лет такими, как вы их считаете» (32:5, С.).

[46] Коран, 70:8—9, С.

[47] Коран, 15:38—39, С.

[48] Аллюзия на известный эпизод, связанный с изваянием золотого тельца народом Моисея. См.: Коран, 7:148, 20:77—99; Библия, Исх., 32.

[49] «Вот, пророк одной из своих супруг тайно сказал новость; та пересказала ее [другой из супруг его], и Бог объявил ему это; он часть того подтвердил, а часть опроверг. И когда он ей пересказал то, она сказала: кто возвестил тебе это? Он сказал: мне возвестил Знающий, Ведающий. Если обе вы пред Богом раскаетесь, то таково повеление сердец ваших; а если обе будете противиться ему (пророку.— *А. С.*), то ему покровитель Бог, вместе с Ним Гавриил и каждый добрый из верующих; также и ангелы будут ему помощниками» (Коран, 66:3—4).

[50] Вероятно, аллюзия на аяты: «Истинно, мы помогли тебе победить верною победою, для того, чтобы Богу простить тебе прежние и последующие грехи твои, выполнить над тобой любовь Свою» (Коран, 48:1—2, С.).

[51] Аль-Кирмани имеет в виду отрывок обсуждаемого аята: «[отсрочь мне] до [некоторого] дня, в который будут воскрешены они». Слово *день* употреблено здесь без определенного артикля: *иля явмин юб'асӯна* (untill *a* day they are raised up).

[52] В оригинале метафора: «свивали сердца в свиток, недоступный для угодников Божьих». Буквальный смысл этого выражения используется ниже, при толковании аята, в котором речь идет о свертывании небесного свитка.

[53] Коран, 21:104, С.

[54] «Мы посылали Моисея с Нашими знамениями: Выведи народ твой из мрака на свет; напомни ему о днях Бога; потому что в этом знамения для каждого терпеливого, благодарного!» (Коран, 14:5, С.). В этой суре рассказывается о народах, ослушавшихся своих пророков; видимо, аль-Кирмани противопоставляет Моисея грядущему исмаилитскому иерарху именно потому, что первый не смог вполне утвердить истинную веру.

[55] «Будет день, когда они увидят ангелов; но в тот день не будет радостной вести этим нечестивым; им скажут они: отлученье

достойным отлученья! Тогда Мы доберемся до дел, какие сделали они, и обратим их в прах развеваемый» (Коран, 25:22—23, С.).

[56] *Ночь предопределения (лейлят аль-қадар)* — 27 рамадана, ночь, когда началось откровение Корана Мухаммеду.

[57] «В день, который вострубится в трубу, устрашатся все, кто на небесах, и все, кто на земле, кроме тех, которых исключить захочет Бог: тогда все предстанут пред Ним смиренными. Увидишь, что и горы, которые считаешь неподвижными,— и они пойдут, как ходят облака, зиждительством Бога, который устроил все существующее. Он ведающий то, что делаете вы» (Коран, 27:87—88, С.).

[58] В процитированном аяте аль-Кирмани читает слово *сӯр* (труба) как *сувар* (формы) (оба слова пишутся одинаково), а глагол *юнфах̣* (вострубится) читает не в страдательном, а действительном залоге — *янфах̣* (вдохнет [дух]). В результате первые слова аята звучат следующим образом: «Тот день, который вдохнет [дух] в формы»; напомним, что *день*, согласно аль-Кирмани,— это воздвиженный, завершитель всех циклов.

[59] *Пред ним* — перед воздвиженным. В арабском языке отсутствует деление букв на прописные и строчные, поэтому с формальной точки зрения аль-Кирмани, употребляя местоимение третьего лица, не противоречит содержанию аята, в котором это местоимение отнесено к Богу.

[60] «Люди! бойтесь Господа вашего: истинно, потрясение часа будет великое событие. В тот день, когда вы увидите это, каждая кормилица бросит того, кого кормила она; каждая беременная выкинет бремя свое; увидишь людей пьяными, но они не будут пьяны. Однако казнь Божия будет поразительна» (Коран, 22:1—2, С.).

[61] Возможно, аллюзия на суру «Землетрясение»: «Когда потрясется земля, потрясаясь в себе; когда извергнет земля бремена свои и человек скажет: что это с нею? — в тот день она расскажет сбывшееся с ней; потому что Господь твой откроет это ей...» (Коран, 99:1—5, С.).

[62] Коран, 73:17, С.

[63] Коран, 9:93, С.

[64] «В тот день у некоторых лица будут сияющие, взирающие на Господа их. В тот день у некоторых лица будут мрачные, какие бывают у людей при мысли о свершающемся над ними бедствии» (Коран, 75:22—23, С.).

[65] Коран, 54:54—55, С.

[66] Приводимая аль-Кирмани притча носит, вероятно, апок-

рифический характер; ее содержание напоминает притчу о званых и избранных (Библия, Лк., 14, 16—24).

[67] «Некогда ты увидишь, что пред верующими мужами и верующими женами потечет свет их, пред ними и с правой стороны их: «Сего дня благовествуется вам о садах, по которым текут реки, в которых вы пребудете вечно!» Это великое блаженство. Тогда лицемеры и лицемерки скажут верующим: «Взгляните на нас, чтобы нам принять сколько-нибудь от света вашего». Сказано будет: возвратитесь назад и просите себе света. Между ними поставлена стена, в которой есть врата: внутри их — милость, вовне — со всех сторон мука» (Коран, 57:12—13, С.).

[68] Коран, 82:1, С.

[69] Коран, 82:2, С.

[70] Коран, 82:3, С.

[71] Коран, 82:4.

[72] Коран, 82:5, С.

[73] Коран, 81:1, С.

[74] Коран, 81:2, С.

[75] Коран, 81:3, С.

[76] Коран, 81:4, К.

[77] Коран, 81:5, С.

[78] Коран, 81:6, С.

[79] Коран, 81:7, С.

[80] Коран, 81:8—9, С.

[81] Коран, 81:10, С.

[82] Коран, 81:11, С.

[83] Коран, 81:12, С.

[84] Коран, 81:13, С.

[85] Коран, 81:14, С.

[86] «Геенна будет подстерегалищем, уклонившимся от правды пристанищем. В ней они останутся на известные годины. Там они не вкусят прохлады, не будет им другого питья, кроме воды кипящей и смрадной» (Коран, 78:21—25, С.).

[87] *Философы* — арабоязычные перипатетики.

[88] «Ужели вы в одну часть Писания веруете, а другую часть отвергаете? Тем из вас, которые поступают так, воздаянием будет одно только бесславие в настоящей жизни; а в день Воскресения они будут преданы самой жестокой муке. Бог не остается невнимательным к делам вашим. Для тех, которые променивают будущую жизнь на настоящую, не будет ослаблена эта мука, и не получат они помощи» (Коран, 2:85—86, С.).

[89] См. примеч. 57, 58 к данной главе.

[90] *Ясная Истина* — это выражение заимствовано из двух коранических аятов (24:25, 27:79).

[91] *Хамза* обозначает горловую смычку и не считается буквой алфавита. По правилам арабской орфографии хамза обычно пишется над одной из перечисленных букв.

[92] Что соответствует 20.08.1682 н. э. *Хиджра* — переезд Мухаммеда со сподвижниками из Мекки в Медину. Состоялся в 622 г. н. э. С этого года берет начало мусульманское летосчисление.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И КАТЕГОРИЙ

Алиф

’айяда — поддерживать (см. *му’айяд*)
’айс — нечто (см. *лейс*)
’айсийя — свойство быть *нечто* (см. *лейсийя*)
’āṣār — отпечатки
’āṣār ’алавийя — атмосферные явления
’айяса — превращать в *нечто*
аḫāṭа — обнимать (познавать)
и‘тидāль — умеренность
ибдā‘ — творение
идрāк — постижение (функция *чувства*)
иктисāб — стяжание
инби‘āṣ — 1) эманация (ср. *файḍ*)
2) воскресение
инбисāṭ — рассеивание (частиц; ср. *тақабḍ*)
ирāда — воля (вид *стремления*)
истиḫāля — превращение
иттиṣāль — соединенность; непрерывность
иḫтиāр — избирание
иштирāк — общность
ишрāқ — озарение
уṣтуқуṣṣ — первоэлемент

Б

бақā’ — пребывание
басыṭ — рассеянный (о частицах тела)

Т

та’аввала — предшествовать [в бытии]
та’вīль — толкование
та’аḫḫара — следовать [в бытии]

тавāзун — равновесность (см. *мувāзана*)
тақаббуḍ — уплотнение (частиц; ср. *инбисāṭ*)
тақдīс — превознесение
тамāм — исполненность, полнота (ср. *тамāмийя, камāль*)
тамāмийя — наполненность
тāмм (*мн.* атиммā’) — исполненный (о человеке)
тарāкама — скапливаться (о частицах тела)
таркīб — сложение
таṣаввур — запечатление [форм]
тасармуд — вечная неизменность
таḫайяля — представлять
таḫайюль — представление (см. *ḫифз, фикр*)
таḫлīль — разложение
ташābух — взаимное сходство, подобие
ташākуль — изоморфность
ṭильсамāт — талисманическое воздействие (ср. *сиḥр, ша‘ваза, кихāна*)

С

ṣābит — упроченный
ṣикль — тяжесть (см. *вазн*)

Дж

джавхар — субстанция
джибилля — [врожденная] натура
джисм — тело
джисм мураккаб — сложное тело
джуз’ — часть (см. *кулль*)
джуз’ийāт — частности (см. *куллийāт*)

Х

ḫадд — граница
ḫудӯд ‘алявийя — небесные границы
ḫудӯд суфлийя — земные границы
ḫудӯд аш-шахāда — границы свидетельствования
ḫаййиз — место [первоэлемента]
ḫаққ — истина
ḫақīқа — истинность
ḫāмиль — субъект; *букв.* носитель (ср. *маḫмӯль*)
ḫаракат тамаввудж — беспорядочное движение (частиц)

ḫисс — чувство (см. *идрāк, фахм*)
ḫифẓ — память (функция *представления*)

Ḫ

ḫаяль — воображение (вид *откровения;* см. *ваḥй, фатḥ*)

Д

давāм — непрерывность
давр — цикл [истории]

З

зāт — самость

С

са‘āда — счастье (ср. *шаḳāва*)
сабаб — причина (ср. *‘илля*)
сиḥр — магия (ср. *ша‘ваза, ṭильсамāт, кихāна*)
сияса — управление (ср. *хидāя*)
сукӯн та‘аррудж — неподвижный покой
суляля — квинтэссенция

Ш

ша‘ваза — кудесничество (ср. *сиḥр, ṭильсамāт, кихāна*)
шавḳ — стремление (см. *шахва, ġадаб, ирāда*)
шаḳāва — терзание (ср. *са‘āда*)
шакль — фигура
шахва — страсть (вид *стремления*)

Д

дāḳа — сгущаться (о частицах)
дыдд — противоположность

Ṭ

ṭараф — пограничный слой (сфер **первоэлементов**)

‘Айн

‘айн — воплощенность

‘аḳль — разум; разумение
‘аḳль ибдā‘ий — Сотворенный Разум
‘аḳль инби‘āсий — Эманационный Разум
‘аḳль икстисāбий — приобретенный разум
‘аḳль фа‘‘āль — действенный Разум
аḳль ḫāридж — вне[природный] Разум
‘āḳиль ли-зāти-хи — саморазумеющий; разумеющий свою самость

‘āлям — мир
‘āлям аль-ибдā‘ ва-ль-инби‘āс — мир Творения и Эманации
‘āлям аль-ḳудс — мир Святости
‘āлям аль-ваḥда — мир Единства
‘амаль — действие (религиозное)
‘арад — акциденция
‘ибāда — поклонение
‘ибāда бāṭына — скрытое поклонение
‘ибāда зāхира — явное поклонение
‘ибāда би-ль-‘амаль — поклонение действием
‘ибāда би-ль-‘ильм — поклонение знанием
‘ильм — знание
‘илля — поддерживающая причина (**см.** *ма‘лӯль*)

‘унсур — элемент

Г

ġадаб — негодование (вид *стремления*)
ġāя — конечный предел, предельная цель (ср. *нихāя*)

ġӣра — инаковость

Ф

фā‘иль — действующий (см. *маф‘ӯль*)
файд — истечение (ср. *инби‘āс*)
фатḥ — раскрывающее откровение (см. *ваḥй, хаяль*)

фахм — понимание (функция *чувства*)
фи‘ль — действие; акт (ср. *ḳувва*)
кā‘им **би-ль-фи‘ль** — актуальный
фикр — мысль (функция *представления*)

К

қувва	сила; потенция (см. *фи'ль*)
қувва муштарака	общая сила
қувва мутахайиля	сила представления
қа'им би-ль-қувва	потенциальный

К

камиль	совершенный
касīф	плотное (см. *латыф*)
кихāна	ясновидение (ср. *сихр, тильсамāт ша'ваза*)
кулль	целокупность (см. *джуз'*)
куллийй	целокупный
куллийāт	целокупности (см. *джуз'ийят*)
кумӯн	скрытое предсуществование

Л

латыф	легкое (см. *касīф*)
лейс	ничто (см. *'айс*)
лейсийя	ничтойность (см. *'айсийя*)

М

ма'дин	минерал
ма'лӯль	поддерживаемое следствие (см. *'илля*)
мабда' (мабда' ('авваль)	первоначало
мавāлīд	порождения
мавāлīд джисмийя	телесные порождения
мавāлīд рӯхāнийя	духовные порождения
мавдӯ'	носитель, предмет [воздействия]
мāдда	материя, материал
мāдда 'ӯля	первая материя (ср. *хаюля*)
марказ	центр (в т. ч. первоэлемента)
маф'ӯль	претерпевающее (см. *фā'иль*)
мāхия	чтойность
махмӯль	предикат; *букв.* несомое (см. *хāмиль*)
мизāдж	смешение, смесь (см. *мумтазидж*)
мисāха	поверхность (тела)
мубда'	сотворенное
мубда'ийя	сотворенность
мувāзана	равновесность (см. *тавāзун*)

мумтазидж	смешанное (см. *мизадж*)
мунба'иқ	1) эманационный 2) воскрешенный
мураккаб	составной, сложный
мурīд	начинающий (адепт)
мута'аввиль	идущий [в бытии] раньше
мута'аххир	идущий [в бытии] позже
мутāбака	[взаимное] соответствие
мухдас	возникший
муштāқ	предмет стремления (см. *шавқ*)

Н

назар	умозрение
найль	обретение
нафс	душа
нафс хиссийя	чувственная душа
нафс нāмия	растительная душа
нафс нāтықа	глаголящая душа
нихāя	предел (ср. *ғāя*)
ан-нихāя аль-'ӯля	первый предел, начальный предел
ан-нихāя ас-сāния нуқсāн	второй предел ущербность (ср. *камāль, тамāм*)

Х

хаӯля	первоматерия (ср. *мāдда' ӯля*)
хидāя	путеводительство (ср. *сиясa*)
хувийя	оность

В

вазн	вес (ср. *Сиқль*)
ваҳда	единство
ваҳй	внушенное откровение (общий термин; см. *хаāль, фатх*)
вахм	абстрактная мысль

АСТРОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

’авдж	апогей
ибтиза̄з	овладение [ассендантом]
исти‘ля’	возвышение (планеты относительно ассенданта)
истиқа̄ма	прямое движение [планеты]
бейт	дом
бейт са̄бит	постоянный дом
бейт мунқалиб	переменный дом
бурдж	знак Зодиака
бурдж са̄дық	правдивый знак Зодиака
бурдж ка̄зиб	лживый знак Зодиака
бурдж мустақӣм	прямой знак Зодиака
бурдж му‘аввадж	наклонный знак Зодиака
бурдж са̄бит	постоянный знак Зодиака
бурдж мунқалиб	переменный знак Зодиака
тағрӣб	западная элонгация
тадмӣм	соединение
тарбӣ‘	квадрат
тасдӣс	секстиль
тасли̇̄с	тригон
ташрӣқ	восточная элонгация
ҳадд	граница (часть знака Зодиака)
ҳадӯд	перигей
дустӯрийя	положение, в котором планета является визирем
зарӣдж	дрекан
занаб	хвост
ра’с	голова
риба̄т	аспекты [планет]
руджӯ‘	попятное движение [планеты]
суқӯт	опускание (планеты относительно ассенданта)
шараф	экзальтация [планеты]
[мавды‘] ат-та̄ли‘	ассендант
кадҳада	владыка дома
мақа̄м	стояние [планеты]
аль-мақа̄м аль-’авваль	первое состояние
аль-мақа̄м ас-са̄ни	второе состояние
муқа̄баля	оппозиция
мусаллас	треугольник
муса̄мата	нахождение в зените
нӯбахр	нимбарх
хубӯт	падение
хайладж	хилег
вабаль	ущерб
ваджх	грань (часть знака Зодиака)
васат ас-сама̄’	середина неба
ватад [аль-фаляк]	острие [углового дома]
ватад аль-’ард	ассендант
ватад аль-ға̄риб	дессендант

РАНГИ ИСМАИЛИТСКОЙ ИЕРАРХИИ

қā'им	воздвиженный
нāṭық	глаголящий
васыйй	заветник
'асāс	источник
бāб	врата
ҳудджа	худджа
дā'и аль-балāғ	извещающий проповедник
дā'ин мутлақ	абсолютный проповедник
дā'ин маҳсӯр	ограниченный проповедник
ма'зӯн мутлақ	абсолютный уполномоченный
ма'зӯн маҳсӯр	ограниченный уполномоченный
мукāсир	примыкающий

СОДЕРЖАНИЕ

А. Смирнов. Формула совершенства: завершенность круга . . . 5

УСПОКОЕНИЕ РАЗУМА

Введение . . . 21

Квартал первый

улица первая . . . 32
улица вторая . . . 35
улица третья . . . 38
улица четвертая . . . 40
улица пятая . . . 43
улица шестая . . . 45
улица седьмая . . . 48

Квартал второй

улица первая . . . 50
улица вторая . . . 52
улица третья . . . 54
улица четвертая . . . 57
улица пятая . . . 59
улица шестая . . . 61
улица седьмая . . . 63

Квартал третий

улица первая . . . 70
улица вторая . . . 81
улица третья . . . 86
улица четвертая . . . 90
улица пятая . . . 95
улица шестая . . . 100
улица седьмая . . . 104

Квартал четвертый

улица первая . . . 112
улица вторая . . . 116
улица третья . . . 124
улица четвертая . . . 133
улица пятая . . . 138

улица шестая 150
улица седьмая 158

Квартал пятый

улица первая 167
улица вторая 174
улица третья 183
улица четвертая 191
улица пятая 198
улица шестая 202
улица седьмая 206

Квартал шестой

улица первая 213
улица вторая 219
улица третья 238
улица четвертая 247
улица пятая 250
улица шестая 257
улица седьмая 267

Квартал седьмой

улица первая 273
улица вторая 278
улица третья 283
улица четвертая 294
улица пятая 296
улица шестая 301
улица седьмая 306
улица восьмая 318
улица девятая 327
улица десятая 342
улица одиннадцатая 361
улица двенадцатая 371
улица тринадцатая 379
улица четырнадцатая 422

Комментарии 463
Словарь терминов и категорий 500
Астрологические термины 506
Ранги исмаилитской иерархии 508

Хамид ад-Дин аль-Кирмани

Успокоение разума (Рахат аль-акль): Пер. с арабск, введ. и коммент. А. В. Смирнова. — М.: Ладомир, 1994.— 510 с. (Серия «Ex oriente lux»).

ISBN 5-86218-114-8

Эзотерическое сочинение «Успокоение разума», предназначенное узкому кругу посвященных и ставшее доступным только в начале XX в., является итоговым в творчестве выдающегося арабского мыслителя, «шейха исмаилитских философов» Хамид ад-Дина аль-Кирмани (X—XI вв.).

Книга, отражающая в концентрированной форме исмаилитскую доктрину, состоит из семи глав. Первая, пропедевтическая, содержит обоснование двух столпов концепции поклонения: религиозного деяния и познания. Вторая посвящена проблеме непознаваемости Бога. В третьей и четвертой главах излагается метафизическое учение о Первом Разуме и его сотворенности, эманации, первоматерии и форме. Космография изложена в пятой главе: это учение о перводвигателе тел, десяти небесных сферах, небесных телах и их влиянии на земную жизнь. В шестой главе изложено натурфилософское учение о четырех первоэлементах и образовании из них земных тел и существ. Наконец, седьмая глава излагает исмаилитскую историософию: учение о семи циклах мировой истории, Судном дне и конце мира, пути спасения человеческой души.

«Успокоение разума» может представить интерес для широкого круга читателей.

К 4703020100-034 Без объявления
593(03)-94

Научное издание

Хамид ад-Дин аль-Кирмани

УСПОКОЕНИЕ РАЗУМА

Редактор
Фридман Л. Ш.

Художественный редактор
Гаврилин Е. В.

Технические редакторы
Пакташова Г. Н.,
Володина И. И.

Корректор
Лебедева И. В.

Сдано в набор 25.07.94. Подписано в печать 04.05.94. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Баскервиль». Печать офсетная. Печ. л. 16,50. Усл.-печ. л. 27,72. Тираж 3000 экз. Заказ № 4808.

НИЦ «Ладомир»
ТОО «ВРС»

103617, Москва, К-617, кор. 1435.
ЛР № 063160 от 14.12.93 г.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16